

1. ГОРЬКИЙ — Н. П. АШЕШОВУ

〈Ялта. Начало апреля 1899 г.〉

Николай Петрович! ¹

Во-первых — здравствуйте! а, во-вторых, будьте столь великодушны сообщить мне адрес Леонида Андреева, печатающего у вас такие славные рассказы ². Пожалуйста! Ему, Андрееву, это, наверное, будет очень полезно.

Свидетельствую почтение.

А. Пешков

Пишите поскорее: Ялта, Виноградная, дача Витмер.

Датируется по содержанию. Горький приехал из Нижнего-Новгорода в Ялту 19 марта и прожил там на даче Витмер до 14 апреля 1899 г. («Летопись», I, стр. 231—234).

¹ Это письмо — фактическое начало отношений Горького и Андреева. Горький не знал адреса Андреева, поэтому он обратился к Николаю Петровичу *Ашешову* (1866—1923) — публицисту и литературному критику, с которым был хорошо знаком по «Самарской газете» и «Нижегородскому листку». С 1898 г. Ашешов начал работать в московской газете «Курьер», в которой печатался Андреев.

Автограф этого письма Горького к Ашешову Андреев хранил до конца жизни вместе с письмами Горького, адресованными ему.

В дневнике Андреева в 2 часа ночи 23 апреля 1899 г. сделана запись:

«...В начале апреля передано приглашение от „Горького“ участвовать в „Нижегородском листке“. На Страстной неделе передано мне письмо, адресованное к Ашешову, сотруднику „Курьера“, такого содержания: <следует текст публикуемого письма>».

Я ответил Горькому сам. В среду на Страстной *телеграмма*: „Немедленно пришлите хороший рассказ Миролюбову, Ялта — Буду Москве суббота — М. Горький“.

Но Горького я не видал — он был от поезда до поезда.

16 апреля (мои именины) в „Нижегородском листке“ вышел мой рассказ „Памятник“.

18 апреля вышел в „Курьере“ пасхальный рассказ „В Сабурове“. Похвалы крайние. Смысл их: „рассказ лучше всех бывших“.

Чехов приехал в Москву. Сегодня был у него (согласно его желанию). Отзыв: „рассказ талантливый, техника (в частности „фраза“) нигуда не годна“».

В том же дневнике 7 мая запись: «К активу нужно прибавить и письмо Горького (второе), но — ослабел весьма» (неизд. Автограф. Собрание И. С. Зильберштейна. Москва).

Ответ Андреева не сохранился. О содержании его см. в воспоминаниях Горького об Андрееве, стр. 365 настоящ. тома.

² Андреев работал в «Курьере» (см. прим. 6 к письму 77) со дня выхода первого номера газеты (6 ноября 1897 г.) в качестве судебного репортера. Его отчеты «Из зала суда», печатавшиеся без подписи, нравились читателям, и секретарь редакции И. Д. Новик предложил Андрееву написать несколько очерков, назвав их «Праздник и будни в суде». Опыты Андреева в новом для него жанре оказались неудачны и были отвергнуты редакцией (И. Новик. Л. Н. Андреев. Первые шаги его литературной деятельности. — «Вестник литературы», 1919, № 12, стр. 4—6). В «пасхальном» номере «Курьера» (№ 94) 5 апреля 1898 г. впервые за полной подписью Андреева появился рассказ «Баргамот и Гараська», которым сам писатель впоследствии датировал начало своей профессиональной литературной деятельности. С 9 февраля по 9 мая 1898 г. в связи со временной приостановкой «Нижегородского листка» Горькому, как и другим

подписчикам этой газеты, взамен высылались номера «Курьера». Прочитав рассказ и почувствовав незаурядный художественный талант Андреева, Горький сразу же рекомендовал неизвестного ему автора издателю «Журнала для всех» В. С. Миролубову (XXVIII, 22). За новыми рассказами Андреева, печатавшимися в «Курьере», Горький внимательно следил. До апреля 1899 г. в газете были напечатаны: «Алеша-дурочок» (№ 268 и 269, 29 и 30 сентября 1898 г.), «Защита. История одного дня» (№ 308, 8 ноября 1898 г.), «Из жизни штабс-капитана Каблукова» (№ 355, 25 декабря 1898 г.), «Случай» (№ 14 и 15, 14 и 15 января 1899 г.), «Молодежь» (№ 74 и 76, 16 и 18 марта 1899 г.).

2. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Т е л е г р а м м а

〈Ялта. 14 апреля 1899 г.〉

Пошлите немедленно хороший рассказ Ялту дачу Яхненко Миролубову¹ а буду субботу Москве².

Г о р ь к и й

〈Адрес:〉 Москва. Курьер. Леониду Андрееву.

Дата на телеграфном бланке.

¹ Виктор Сергеевич *Миролубов* (1860—1939) — издатель, близкий знакомый Горького. В студенческие годы за политическую неблагонадежность был выслан в Самару, где установил связи с кругами демократически настроенной интеллигенции. В 1892 г. переехал в Москву и до 1897 г. (под фамилией Мирон) пел в Большом театре. С конца 1897 г. Миролубов всецело отдается издательской деятельности, возглавляя «Журнал для всех» (1898—1906). В 1910 г. он был приглашен Горьким редактировать литературные сборники издательства «Знание» (см. письмо Горького к В. И. Анучину от 1910 г. — XXIX, 152). В 1911 г. вместе с А. В. Амфитеатовым и В. М. Черновым редактировал «Современник»; в 1912—1913 гг. заведовал литературным отделом журнала «Заветы»; в 1914—1917 гг. — издатель «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни»; в 1917 г. сотрудничал в петроградской правозащитной газете «Воля народа»; после Октябрьской революции работал редактором в Издательстве Академии наук. Горький высоко ценил работу Миролубова-редактора и в статье «О пользе грамотности» (1928) упомянул его как отличного воспитателя молодежи в одном ряду с Салтыковым-Щедриным, Короленко, А. Г. Горнфельдом, В. П. Острогорским и А. И. Богдановичем (XXIV, 326). См. о нем также прим. 1 к письму 110. В письме к Миролубову от 30 июля 1899 г. Андреев благодарил за переданное через Горького приглашение сотрудничать в «Журнале для всех». Вместе с письмом он выслал Миролубову рассказ «Петька на даче», опубликованный в «Журнале для всех», 1899, № 9 (ЛА, вып. 5, стр. 72—73).

² Горький приехал в Москву вечером 17 апреля и вечером следующего дня выехал в Нижний-Новгород («Летопись», I, стр. 234).

3. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

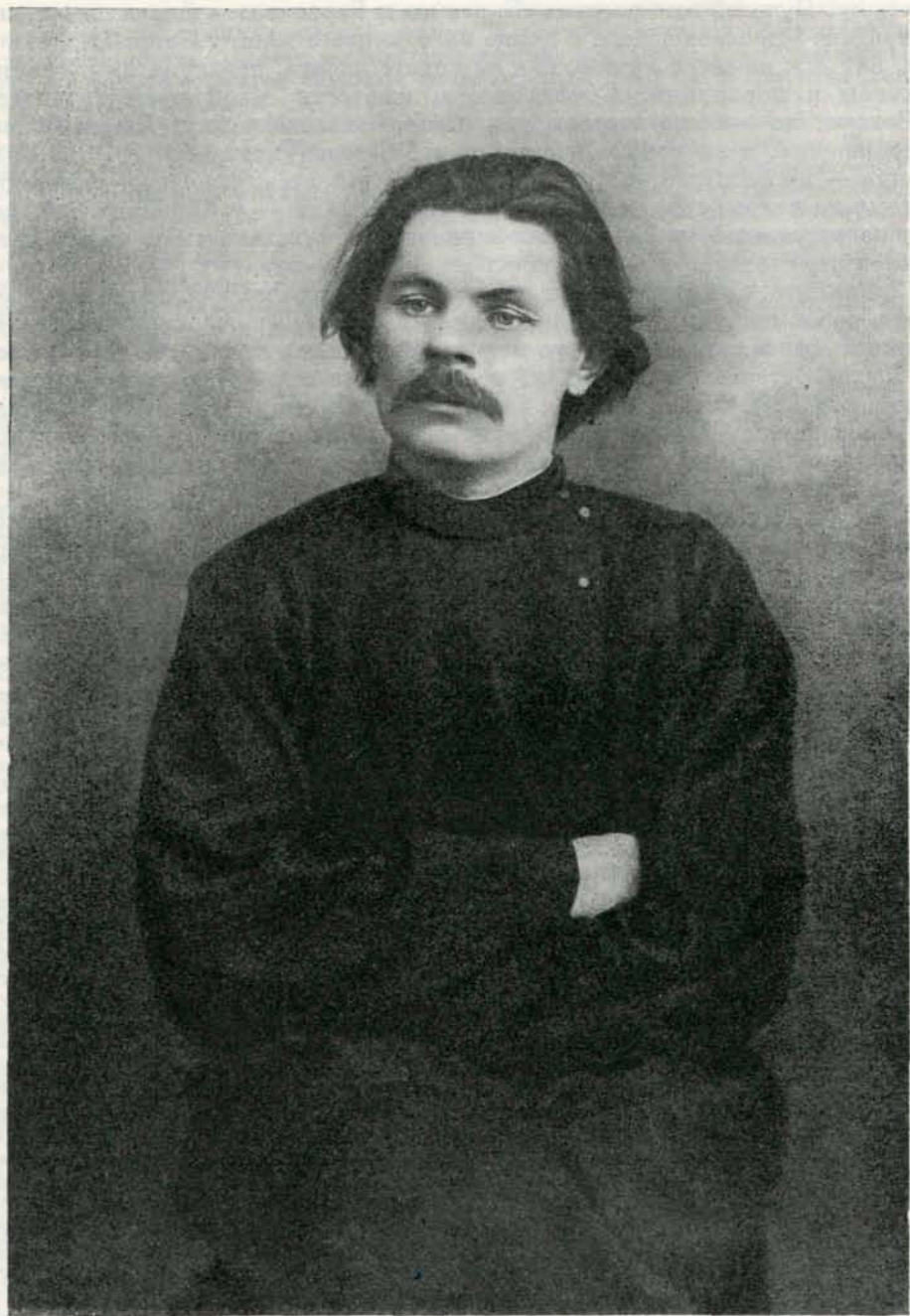
〈Нижний-Новгород. 20 ... 25 апреля 1899 г.〉

Без лишних слов говорить лучше. Если у вас, Леонид Николаевич, есть что-либо готовое, то, пожалуйста, посылайте ко мне, — я постараюсь, буде окажется возможным, пристроить ваши вещи в «Журнал для всех»¹ и в «Жизнь»². Могу также в «Мир божий»³.

Я телеграфировал вам из Ялты, чтоб вы послали рассказ Миролубову — это редактор «Журнала для всех» — вы послали? Относительно гоночара, рекомендуя с этим журналом не стесняться — он хотя и рубль стоит, но доходы имеет большие.

Вы пишете год, я — семь⁴. По праву старшинства моего, позвольте дать и вам несколько советов:

Рассказы ваши страдают длиннотами — этого надо избегать. Язык у вас небрежен — обратите на это внимание, теперь публика стала весьма эстетична — это к ней идет, как роза к свинье — и всякое лыко ставит

ГОРЬКИЙ

Фотография. Ялта, 1901—1902 годы
Архив Горького, Москва

в строку. Лучший ваш рассказ «Баргамот и Гараська» — сначала длинен, в середине — превосходен, а в конце вы сбились с тона ⁵. Пишите, однако, так, как *вам* кажется лучше, как *вы* хотите писать, невзирая ни на какие похвалы и порицания. Компактности, сжатости изображения учитесь у Чехова, но — боже вас сохрани, подражать его языку! Язык Чехова неподражаем, и вы только испортите себя, если увлечетесь им. Это красавица — но бесстрастная, она никому не отдается. Вообще — никогда, никому не подражайте, а учитесь лишь у великих — у Шекспира изображению ощущений, у Тургенева — искусству чувствовать и изображать природу, у Чехова — грации построения рассказа.

Запомните, пожалуйста, вот что: самым строгим и беспощадным судьей своих работ должны быть — вы сами. Писатель выражает дух человека, великий Дух жизни, и для него нет ни публики, ни идолов, ничего — кроме Духа. Остерегайтесь похвал, не обращайтесь на порицания, паче всего бойтесь поправиться самому себе. Со дня, в который вы почувствуете себя удовлетворенным, бросьте писать, ибо дальше ничего путного не выйдет. Самодовольный человек никогда не создаст ничего нужного жизни и людям — ничего ценного.

Влагайте в дело писательства всего себя, всю свою личность и всегда не стесняйтесь говорить именно то, что думаете и чувствуете, именно теми словами, которые найдете самыми лучшими. Будьте всегда искренни ⁶.

Простите за советы. Я молод для того, чтоб учить. Но меня никто не учил, и я потерпел от этого много горя, сделал много ошибок, я насиловал себя — а это так гнусно, так больно. Если б этими словами я хоть немного помог вам выйти на дорогу, определить себя — был бы счастлив.

У вас есть сердце, это очень хорошо, вам нужно немножко пострадать, и у вас будет талант больший, чем есть. До свидания.

А. Пешков

Нижний. Полевая, 20.

Датируется по содержанию. Ответ на несохранившееся письмо Андреева. См. прим. 1 к письму 1.

¹ «Журнал для всех» (Пб., 1895—1906) — иллюстрированный и научно-популярный ежемесячник. Основан врачом Д. А. Геника как издание «для семейного чтения». В сентябре 1898 г. соиздателем «Журнала для всех» становится В. С. Миролубов, а с февраля 1899 г. издание полностью переходит в его руки. Намерение Миролубова преобразовать «Журнал для всех» в общедоступное, «рублевое» издание, рассчитанное на массового демократического читателя, встретило поддержку Горького. «Прекрасное дело — ваш журнал, — писал он Миролубову до 15 апреля 1898 г. — Я постараюсь всячески быть вам полезным и желаю вам от души веры в успех дела» (ХХVIII, 21—22). Горький поместил в конце 1898 г. в «Нижегородском листке» (№ 287, 19 октября) «Библиографическую заметку», пропагандирующую «почтенные» и «глубоко симпатичные» цели «Журнала для всех» (ХХIII, 285—286). Кроме Горького, в журнале стали печатать новые произведения А. П. Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. М. Станюкович, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, А. И. Куприн, Скиталец, С. С. Юшкевич, Е. Н. Чириков, Н. Д. Телепов, Н. И. Тимковский, С. И. Гусев-Оренбургский, К. Д. Бальмонт, И. А. Белоусов, К. М. Фофанов, С. Д. Дрожжин и др. Помощь журналу Миролубова оказывал Короленко, popularизируя новое демократическое издание среди писателей. В 1901 г. Короленко переслал Миролубову несколько рукописей из портфеля редакции «Русского богатства».

После «Петьки на даче» Андреев напечатал в «Журнале для всех» рассказы: «Мать» («Валя») (1900, № 2), «На реке» (1900, № 5), «Молчание» (1900, № 12), «Кусака» (1901, № 9), «Случай» (1901, № 10), «В тумане» (1902, № 12), «Христиане» (1906, № 1). В рецензии на январский номер «Журнала для всех» 1901 г. Андреев писал: «Как это ни странно, а при нашей общей дороговизне книг и журналов, есть в то же время возможность за один рубль давать обильное, интересное и ценное по своим свойствам чтение. Объяснить же этот факт я могу только предположительно: энергичным, живым и бескорыстным отношением к делу как со стороны преимущественно самой редакции „Журнала“, так и со стороны <...> писателей, стремящихся путем совместной работы к созданию крайне необходимого в России дешевого журнала, в котором популярность и вместе с тем высокая научная и литературная ценность статей шли бы рука об руку. Несомненно, что как и появление „Журнала для всех“, так и его впол-

не определившийся в настоящее время успех представляют собой не только узко литературное, но и общественное явление». Желая «Журналу для всех» «наибольшего распространения», Андреев рекомендовал критике «спуститься с ее олимпийских высот и побольше обращать внимания на интересный, хотя бы и рублевый журнал» (Л. — е в. Впечатления. — «Курьер», 1901, № 5, 5 января).

Вскоре «Журнал для всех» стал самым распространенным в демократических кругах интеллигенции ежемесячником. Его тираж неуклонно возрастает: от 44 тысяч в 1900 г. до 90 тысяч в 1904 г. (Годовые отчеты конторы «Журнала для всех». — ИРЛИ).

Опубликование рассказа Андреева «В тумане» всполошило цензуру. 23 января 1904 г. Петербургский цензурный комитет вынес особое заключение по журналу, в котором подчеркивалось, что после передачи издания Миролюбову «некоторые отделы программы окончательно упразднились, и журнал стал принимать вполне общелитературную окраску и даже стала замечаться тенденциозность в подборе предназначенного для печати материала» (ЦИАЛ, ф. 777, оп. 30, ед. хр. 58, лл. 41—42). Главное управление по делам печати в своем ответе от 1 марта 1904 г. подчеркивало, что «цензуре необходимо вообще возможно строже и осмотрительнее относиться к представляемому этим изданием на просмотр материалу» (там же, л. 48 об.). Осенью 1906 г. «Журнал для всех» был приостановлен за публикацию статей о революционном движении в стране. Попытки Миролюбова возобновить журнал под другими заглавиями успеха не имели («Народная весть», 1906; «Трудовой путь», 1907—1908; «Наш журнал»). Миролюбову удалось выпустить один номер «Нашего журнала» (издателем числился А. П. Чашыгин); в нем был напечатан рассказ Андреева «Иван Иванович» о баррикадных боях в 1905 г. в Москве. По докладу цензора, усмотревшего в помещенных в «Нашем журнале» материалах «признаки возбуждения к изменническим и бунтовщическим деяниям», журнал был конфискован и уничтожен, а редактор М. С. Пущаровский заключен в тюрьму на два месяца (ЦИАЛ, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 1342, л. 7). В 1908 г. Миролюбов, против которого было возбуждено уголовное дело, был вынужден уехать за границу. О «Журнале для всех» см. также прим. к письмам 110 и 111.

² «Жизнь» (Пб., 1897—1901) — литературный, научный и политический журнал. С 1898 г. фактическим редактором стал В. А. Поссе. С 1899 г. «Жизнь» делается одним из органов, близких марксизму. В беллетристическом отделе «Жизни» выступали Горький, Чехов, Андреев, Бунин, Вересаев, Скиталец, Гарин-Михайловский, Серафимович, Тимковский, Баранцевич, Гусев-Оренбургский, Чириков; публиковались в переводах произведения С. Жеромского, Э. Ожешко, М. Конопницкой, И. Франко, А. Доде, Э. де-Амичиса. В отделе литературной критики сотрудничали Е. А. Соловьев-Андреевич (современная русская литература), И. Гурвич (новости иностранной литературы), Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Леся Украинка и др. (см. А. З. Д у н. Художественная литература и критика журнала «Жизнь». Автореферат. Л., 1961). За «весьма тенденциозный характер» публикуемых в журнале произведений и в частности за помещение в апрельской книжке 1901 г. «Песни о Буревестнике» 8 июня 1901 г. «Жизнь» была закрыта. В 1902 г. В. А. Поссе сделал попытку возобновить «Жизнь» за границей (в Лондоне и Женеве вышло шесть номеров. См. С. В. С м и р н о в. М. Горький и журналистика конца XIX — начала XX в. Л., 1959).

³ «Мир божий» (Пб., 1892—1906) — литературный и научно-популярный ежемесячный журнал. Основан педагогом и писателем В. П. Острогорским как журнал для юношества и самообразования. После смерти Острогорского, с мая 1902 г. редактировался Ф. Д. Батюшковым (издательница А. А. Давыдова). Большую роль в издании играл критик А. И. Богданович. В литературном отделе «Мира божьего» преобладали произведения писателей-реалистов (Горького, Вересаева, Мамина-Сибиряка Бунина, Куприна и др.).

⁴ Горькому были неизвестны ранние литературные опыты Андреева в журнале «Звезда» (1892, № 16, 19 апреля) — «В холоде и золоте» (подписано: Л. П. См. Л. И е з у и т о в а. Первый рассказ Леонида Андреева. — «Русская литература», 1963, № 2, стр. 183—187) и в «Орловском вестнике» (подписанные инициалами): «Он, она и водка» (1895, № 240, 9 сентября), «Загадка» (1895, № 312, 315, 316, 21, 24 и 25 ноября), «Чудак» (1896, № 169, 29 июня). Первый рассказ Горького «Макар Чудра» напечатан в тифлисской газете «Кавказ», 1892, № 242, 12 сентября.

⁵ Подразумевается заключительный эпизод рассказа — «пасхальное братание» бродяги и городского. В письме от 1 декабря 1901 г. Горький, в связи с задуманным Телешовым дешевым литературно-художественным сборником для народа, советовал ему включить в этот сборник «Баргамота и Гараську», но «при условии, если Леонид согласится сделать этот рассказ менее сладким» (XXVIII, 204). Под влиянием критики Горького Андреев отбросил при переиздании сентиментальную концовку рассказа. В новой редакции это произведение было напечатано в «Книге рассказов и стихотворений» (М., изд. С. Курнина и К°, 1902) и в журнале «Народное благо», 1902, № 15-16. В том же году в «Библиотеке „Народного блага“» вышли два отдельных издания «Баргамота и Гараськи».

⁶ Мысль об искренности писателя часто встречается в ранних письмах и фельетонах Андреева. Первый свой фельетон «Впечатления» в «Курьере» (1900, № 27, 27 января) Андреев посвятил трагической судьбе Глеба Успенского: «Я видел великого

художника, подавленного злом и неправдою жизни; я переживал вместе с ним ту великую и страшную трагедию раздвоенной души, когда художник борется с человеком и когда оба побежденные, оба измученные, они сливают свои голоса в дисгармонично, но трогательно искреннем и мучительном вопле. И нежность и любовь чувствовал я к этому родному русскому страдальцу, жившему одной жизнью с его бедной родиной, впитавшему в себя всю ее безмолвную боль и страдания и за право говорить о них заплатившему безумно дорогой ценой — своим разумом». Приведенный отрывок был запрещен цензурой и впервые публикуется нами по копии, обнаруженной в бумагах Главного управления по делам печати (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 772, л. 164). В письме к журналисту Е. Л. Бернштейну 23 апреля 1901 г. Андреев писал: «Я еще не знаю своей дороги. И одно только утешает меня: никогда не перестану я быть искренним и всегда буду *искать правды*, которой так мало в жизни и которая так нужна ей» («Утро», сб. 1. М.—Л., 1927, стр. 242). Ср. письмо Андреева к Л. Н. Толстому от 15 декабря 1901 г. («Лит. наследство», т. 69, кн. 1, 1961, стр. 121) и его фельетон «О писателе» (ПССА, т. VI, стр. 280—285).

1900

4. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Ялта. 2 ... 4 апреля 1900 г.〉

Внимательно прочитав ваши рассказы, я с радостью могу сказать вам, что вы — даровитый человек и к вам можно предъявлять очень строгие требования в уверенности, что вы и в сила и можете удовлетворить их. Это отнюдь не только мое личное мнение — я очень многим лицам, понимающим толк в литературе, читал ваши вещи, и они всем нравятся.

Лучший ваш рассказ — «Большой шлем»¹ и затем «Ангелочек»². Хороши «Баргамот и Гараська» и «Из записной книжки капитана»³, но оба они испорчены вашим желанием писать остроумно и юмористически. Выходит же у вас не остроумно, а фельетонно и вычурно. Бросьте эту манеру и, пожалуйста, пишите проще. «Большой шлем» написан просто, и — вот почему он лучше других рассказов. Я уверен в вашей способности писать хорошо и большие вещи. С нетерпением жду присыла той вещи, о которой вы говорили мне на платформе в Москве⁴.

Если вы дорожите собою, если вы желаете видеть себя настоящим, большим писателем, к чему у вас, говорю, есть данные, — бросьте писать фельетоны в «Курьере». Пишите рассказы. И не слушайте, ради бога, ничьих советов, не обращайтесь внимания ни на чью критику. Особенно не слушайте Гольцева⁵, если вы с ним знакомы, — это ужасно тупой и бездарный человек — что, при желании, вы можете сказать ему прямо в глаза от моего имени. Не слушайте Анешова, Фейгина⁶ и вообще — никого, включая сюда и вашего покорного слугу.

Пишите, повинуюсь лишь своему вкусу и впечатлению, своей душевной боли, своей мысли. Читайте хорошие книги — старые книги: Библию, Шекспира, Сервантеса, Гейне и т. д. Старайтесь держаться дальше от профессиональных литераторов — это дурные люди, изъязвленные самолюбием. Они ничего не могут дать вам. Идите сами — куда вас влечет. Тогда и ошибки ваши покажутся вам более легкими, и все будет лучше. Не надейтесь ни на кого, кроме себя. Ей-богу, вы талантливый парень!

Присылайте ваш рассказ о нитшеньянце⁷. Но — вот еще совет — изображайте прежде всего людей, а не нитшеньянцев, не чиновников, не радикалов, не несчастных. Все это — только внешность, главное же — человек. А он интересен и хорош помимо своего костюма — наряжен ли он в радикала или в консерватора. Он сам по себе — интересен. Крепко жму руку. Пишите — Ялта, мне.

А. Пешков

Датируется по дневнику Андреева, запись 6 апреля 1900 г. После переписанного в дневнике письма Горького восклицание: «Милый Максимушка! И если бы я был уверен, что доживу до завтра!» (Автограф).

¹ С подзаголовком «Идиллия» рассказ напечатан в «Курьере», 1899, № 345, 14 декабря. «По прочтении „Большого шлема“, — вспоминала А. Д. Гриневицкая, — Алексей Максимович явился к нам со словами:

— Нарождается талант... Рассказ написан очень хорошо. Особенно одна деталь выявляет способности автора: ему нужно было сопоставить жизнь и смерть —

Андреев сделал это очень тонко, одним штрихом» (А. Д. Гриневская. Восходящий Горький. 1895—1904. Машинопись. — АГ).

² Рассказ впервые опубликован в «Курьере», 1899, № 356, 25 декабря.

³ Рассказ «Из жизни штабс-капитана Каблукова». См. прим. 2 к письму 1.

⁴ Речь идет о первой личной встрече писателей. 12 марта 1900 г. Горький, уезжая вместе с Поссе и Миролюбовым из Москвы в Ялту, назначил Андрееву свидание на Курском вокзале. В беседе с Горьким Андреев поделился замыслом своего нового рассказа «о нитшенианце» («Рассказ о Сергее Петровиче»). Рукопись была отослана автором в Крым (см. А. Измайлов. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 249). Видимо тогда же, на вокзале, Андреев передал Горькому альбом с вырезками своих рассказов из «Курьера». Этот альбом видел у Горького в Мануйловке Скиталец (Скиталец). Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960, стр. 302. См. также письмо 6).

⁵ Виктор Александрович Гольцев (1850—1906) — либеральный публицист и общественный деятель. В первые годы существования «Курьера» играл крупную роль в газете как член редакции, вел отдел «Литературные отголоски» и выступал с полемическими заметками на злобу дня «Мысли вслух». См. также прим. 3 к письму 21.

⁶ Яков Александрович Фейгин (1859—1915) — издатель и переводчик, кандидат прав, служащий страхового общества «Якорь». С 1897 по 13 июля 1902 г. — официальный издатель «Курьера». Известия его переводы Бьернстерне Бьернсона, А. Шницлера, О. Мирбо и др. За подписью «Я. А. Ф.—ин» выступал в «Курьере» с рецензиями на спектакли московских театров, выпустил книгу «Генрик Ибсен. Критические этюды» (М., 1900). Андреев написал некролог Фейгина («Биржевые ведомости», утр. вып., 1915, № 15292, 28 декабря). См. также Ник. А. Ашешов. Памяти Я. А. Фейгина («День», 1915, № 349, 19 декабря). В Государственном музее И. С. Тургенева (в Орле) хранится 16 писем Фейгина к Андрееву, частично опубликованных в статье Л. Н. Афонова «Получено от зарубежных друзей». — «Орловская правда», 1961, № 272, 18 ноября.

⁷ «Рассказ о Сергее Петровиче». См. о нем прим. 2 к письму 5.

5. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Мануйловка Полтавской губернии.
12 ... 15 августа 1900 г.〉

Я очень виноват пред вами, простите пожалуйста! ¹ Ваш «Рассказ о Сергее Петровиче» мне понравился, хотя вы можете и должны писать лучше, образнее, ярче. Я уверен, что не ошибаюсь, считая вас человеком очень талантливым.

Рукопись послана мною в редакцию «Жизни», и я думаю, что она будет напечатана. Хотя вы могли бы ее еще несколько причесать и погладить. Если захотите — пишите в редакцию «Жизни» — Знаменская, 20, Евгению Андреевичу Соловьеву ² или Владимиру Александровичу Поссе ³ — лучше последнему — чтоб вам прислали рукопись или корректуру для поправок.

Напишите, куда мне выслать вам рассказы. Я потерял ваш адрес и забыл отчество. Еще раз извиняюсь и желаю всего доброго. Мой адрес: Хорошки, Полтавской губернии, Кобелякского уезда, в Мануйловку, Пешкову ⁴.

Жду ответа. Ваш А. Пешков

Датируется по письму Андреева к Миролюбову от 17 августа 1900 г. (ЛА, вып. 5, стр. 76).

¹ Андреев приезжал в Крым в начале июня 1900 г., чтобы узнать о судьбе своего рассказа. Однако с Горьким он не встретился, так как 28 мая Горький с Чеховым, В. М. Васнецовым, А. Н. Алексиним и Л. В. Срединным отправились из Ялты путешествовать по Военно-Грузинской дороге и затем, вернувшись в Ялту 11 июня, через несколько дней выехал в Мануйловку («Летопись», I, стр. 272, 273).

² Евгений Андреевич Соловьев (псевдоним Е. Андреевич; 1866—1905) — историк литературы и критик. В «Жизни» печатал «Очерки текущей литературы» и выступал со статьями. «Рассказ о Сергее Петровиче» появился в «Жизни», 1900, № 10. Сам Андреев считал этот рассказ наиболее значительным из ранних своих сочинений (см. его письмо к А. А. Измайлову от апреля 1901 г. — «Русская литература», 1962, № 3, стр. 195). «Рассказ о Сергее Петровиче» предвосхищал некоторыми своими сторонами проблематику и художественные приемы позднего творчества Андреева. В основании

рассказа лежало действительное событие: самоубийство товарища Андреева по университету студента-естественника орловца Григория Петровича Третьякова (1872—1896). Под фамилией Новиков в рассказе выведен другой товарищ Андреева, впоследствии академик Владимир Александрович Плотников (1873—1947).

³ Владимир Александрович *Поссе* (1864—1940) — публицист и общественный деятель. Начал печататься в либерально-народнической газете «Неделя». Один из организаторов журнала «легальных марксистов» — «Новое слово», в котором в 1897 г. (под инициалами В. П.) вел иностранное политическое обозрение. В 1898—1901 гг. (под псевдонимом Вильде) публиковал статьи на внешнеполитические темы в «Журнале для всех». С 1898 г. — фактический редактор «Жизни». В 1898—1902 гг., будучи членом книгоиздательского товарищества «Знание», редактировал книги по истории и социологии. В 1906—1907 гг. отстаивал идею создания в России рабочих кооперативных организаций, независимых от социал-демократической партии. Издавал и редактировал журналы «Библиотека рабочего» (1906—1907) и «Жизнь для всех» (1909—1917). После Октябрьской революции занимался литературной деятельностью. В 1929 г. вышли его воспоминания «Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917 гг.)».

⁴ В Мануйловке Горький прожил с 19 июня по 30 августа 1900 г. («Летопись», I, стр. 274, 278).

6. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Мануйловка. 16 ... 18 августа 1900 г.〉

Дорогой Леонид Николаевич!

Посылаю ваши рассказы. Потом вы возвратите мне «Бегемота» и «Сабурово», озаглавив последний рассказ как-либо иначе ¹. Я ужасно рад предложению Поссе и вашему согласию работать в «Жизни». Голубчик! Отнеситесь к этому серьезно, со всей силой и красотой вашей души. Как хорошо было бы, если бы вы могли уйти из «Курьера» и работать свободно, когда хочется!

Желаю вам от всего сердца успеха на новом, хорошем пути. Валяйте во всю мочь и вперед и выше, выше! ²

Искренно полюбивший вас

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ См. прим. 4 к письму 4. Речь идет о рассказах Андреева «Баргамот и Гараська» и «В Сабурове». Позже, 13 января 1902 г., в письме к Пятницкому Горький называет второй рассказ «Курносый» («Архив Горького», т. IV, стр. 69).

² Выражение «вперед и выше» было использовано затем Горьким в 1903 г. в поэме «Человек».

7. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Мануйловка. 21 ... 25 августа 1900 г.〉

Одно дело — писать, другое — быть литератором, Леонид Николаевич. Я еще — не литератор, да и вы тоже, как я чувствую. Посему верю, что мы сойдемся ближе, и приму для этого свои меры. Скоро буду в Москве, непременно зайду к вам, посидим, поговорим ¹.

Грустное письмо вы написали ². Все, что вы переживаете, я тоже переживал, только мне писать об этом некому было. Обидно и горько мне, что вы посылаете свой рассказ на конкурс «Биржевых ведомостей» ³. Очень обидно! Нельзя ли как обойтись вам без сих терний? Соловьев писал мне о вашем рассказе, что он написан не столько талантливо, сколько — «тонко и умно» ⁴. Пожалуй он прав, Соловьев-то. Эх, вы можете чудесно писать, крупно, ярко! Ваши рассказы я читал самой разнообразной публике и всех приводил в восхищение. Вот что, — а впрочем об этом при свидании поговорим. «Бегемота» и «Деньщика» надо выпустить отдельным изданием. «В. Сабурово» — тоже ⁵. Вы позвольте мне устроить это, пожалуй-

ста, не давайте никому, кроме меня. Рассказы ваши я вам привезу. В Москве буду через неделю или что-нибудь в этом роде. До свидания, пока. Крепко жму вам руку.

Ваш А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ В Москву по пути из Мануйловки в Нижний-Новгород Горький приехал 1 сентября и оставался там до 6 сентября 1900 г. («Летопись», I, стр. 278, 279).

² Письмо Андреева не сохранилось.

³ «Биржевые ведомости» (Пб., 1880—1917) — газета, основанная разбогатевшим биржевым маклером С. М. Проппером (1855—1931); снискала репутацию беспринципного органа печати. Литературный конкурс «Биржевых ведомостей» по случаю двадцатилетнего юбилея газеты был объявлен 15 июня 1900 г. Сообщалось, что рукописи должны направляться в редакцию под девизами; авторам, не получившим премии, гарантировалась «совершенная тайна их имени». В члены жюри под председательством Д. Л. Мордовцева вошли: А. А. Измайлов, А. А. Коринфский, Вас. И. Немирович-Данченко, Е. А. Салиас, К. К. Случевский, И. И. Ясинский, С. М. Проппер и др. Андреев думал послать на конкурс рассказ «Молчание», законченный им между 1 и 5 мая 1900 г. 17 августа он известил Миролубова о своем намерении: «...уж очень захотелось денег заработать, да и гордость обуяла» (ЛА, вып. 5, стр. 76). Письма Миролубова и Горького заставили Андреева переменить решение (см. письмо его к Миролубову от 30 августа 1900 г. — там же, стр. 77—78).

⁴ «Рассказ о Сергее Петровиче». Письмо Соловьева к Горькому не известно. О Соловьеве — см. прим. 2 к письму 5.

⁵ Рассказы «Баргамот и Гараська» и «В Сабурове» были выпущены в 1903 г. издательством «Донская речь» (Ростов н/Д). Рассказ «Из жизни штабс-капитана Каблукова» отдельно не издавался.

8. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Москва. 4 сентября 1900 г.〉

Добрый Леонид Николаевич,

Мне и Поссе очень нужно повидать вас. От 4-х до 5-ти сегодня. Большая Московская, 84.

А. Пешков

Датируется по связи с письмом И. А. Бунина к Н. Д. Телешову от 5 сентября 1900 г. (ИМЛИ). См. также прим. 1 к письму 7.

9. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Москва. 4 сентября 1900 г.〉
«Курьер»

Добрый Леонид Николаевич,

Поссе и я нуждаемся видеть вас от 4-х до 5. Большая Московская, 84, сегодня.

А. Пешков

«Рассказ о Сергее Петровиче» идет в октябре в «Жизни».

Датируется так же, как письмо 8. Очевидно Горький послал две аналогичные записки по разным адресам: в редакцию «Курьера» и на квартиру Андреева.

10. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 16 ... 18 ноября 1900 г.〉
«Курьер»

Спасибо, Леонид Николаевич, спасибо, голубчик! Вы очень хорошо написали о моем столкновении с публикой — вы относитесь к ней, как настоящий писатель. Уважать ее — не за что, ненавидеть — за всё¹.

Пэк² — искажил мои слова. Я не говорил «глазеете», «вытаращили глаза», не говорил «стыдно» — и — А. П. Чехова при сем не было, а чаю я в ту пору — не пил. Но это — пустяки. Это — выяснится. Желая всего доброго. Жму руку. Пишите! Работаете ли для «Жизни»?

А. Пешков

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

¹ 28 октября 1900 г. Горький вместе с Чеховым был в Московском Художественном театре на спектакле «Чайка». В антракте публика устроила Горькому овацию. Возмущенный этой бестактностью Горький заявил: «Как профессионалу-писателю мне обидно, что вы, слушая полную огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками» (XXVIII, 140). Слова Горького в искаженном виде были воспроизведены в тенденциозном фельетоне Пэка «Кстати» («Новости дня», 1900, № 6268, 1 ноября) и затем обопили газеты. Буржуазная пресса всячески раздувала «инцидент» в Художественном театре, используя его для озлобленных нападок на Горького (см., например, Т. А. «Г. Горький и Агафья Тихоновна». — «Новое время», 1900, № 8876, 11 ноября).

Андреев в фельетоне «Впечатления» («Курьер», 1900, № 317, 15 ноября; см. настоящ. том, стр. 472—474) выступил в защиту Горького. Однако, не будучи очевидцем «инцидента», он основывался главным образом на сведениях, которые мог почерпнуть из фельетона Пэка. Письмом в редакцию петербургской газеты «Северный курьер» (1900, № 313, 18 ноября) Горький протестовал против искажения его слов фельетонистом «Новостей дня» (XXVII, 140).

² Пэк — псевдоним фельетониста и театрального рецензента Владимира Александровича Ашкинави (р. 1873), сотрудника многих периодических изданий («Русские ведомости», «Новости дня», «Речь», «Сатирикон» и др.), впоследствии эмигранта. Опубликовал воспоминания «Отрывки об Андрееве» в «Вестнике литературы», 1920, № 9, стр. 5—6 (под псевдонимом: В. Азов).

11. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Нижний-Новгород. 1 ... 5 декабря 1900 г.)

Меня очень удручает ваша болезнь, а главное — ваше настроение. Я не знаю вас и не знаю за что вы не любите себя, за что злитесь на себя? Я не «лекарь душ», но, думаю, что недостаток уважения к самому себе, заметный в вас, истекает из повышенных требований к самому себе, и, если это так — то это хорошо.

Кабы вы, дядинька, не на себя, а на других разозлились! Вот и был бы у вас неиссякаемый источник вдохновения и не относились бы вы к себе по-инквизиторски. Вы себя не мучайте, вас люди измучают. Тот же Гольцев¹ и К⁰ зададут вам феферу, облив душу вам всякой глупостью и пошлостью.

Грустно, что вы не пишете, ей-богу, грустно! Я прошу вас — кончите хоть один из четырех начатых рассказов! Голубчик, кроме работы, в жизни сей очень мало столь же ценных удовольствий. И не понимаю я — почему стыдно писать рассказы? Что есть рассказ? Содержание души некоего человека, — взгляды, мнения, радость, горе, любовь и ненависть некоей части мира, ибо человек часть мира, а может — весь мир. Всегда полезно людям знать, чем болеет и чему радуется, за что любит их и ненавидит за что данный описатель жизни их. Вы — боже избави! — не подумайте, что я вас поучаю! Не позволяю себе этого. А есть что-то, что очень нравится мне в вас — вот и причина, почему я к вам привязываюсь.

Эх вы! Видел я вас тогда, у театра, с женщиной, которую назвали вы «лучшим другом своим»². Взглянул на вас, на нее — позавидовал вам. Оба — красивые, оба — молодые. Я не знаю ваших с ней отношений и не догадываюсь ни о чем, не хочу, а мне просто приятно было видеть вас с ней, ее с вами. Красиво, дядинька! Встряхнитесь! К чёрту болезнь, и лень, и недоверие к себе — это тоже болезни. А за дерзкое письмо

простите меня. Я очень неуклюжий человек, но я человек искренний. Следует еще прибавить, что искренностью моей я иногда действую как обухом топора. Сейчас, я думаю, не произошло эдакого казуса?

Крепко жму руку и желаю бодрости духа.

АНДРЕЕВ — ПОМОЩНИК ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО
И РЕПОРТЕР СУДЕБНОЙ ХРОНИКИ ГАЗЕТЫ «КУРЬЕР»

Фотография Бродовского, Москва, 1898—1899 гг.

Литературный музей, Москва

А что вы из «Курьера» уйдете, то «Курьер» от этого сильно потеряет, вы же — нет.

До свидания, до Рождества. Очень жду вас. Женину рожу пришлю ³.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ См. прим. 5 к письму 4.

² Речь идет о А. М. Велигорской, будущей жене Андреева (см. о ней также прим. 1 к письму 148). Горький с момента их первого знакомства сохранил к ней навсегда самое душевное отношение.

³ Андреев просил Горького прислать фотографию Е. П. Пешковой, он хотел нарисовать ее портрет. Фотография была послана, и в один из своих приездов в Нижний Новгород Андреев привез сделанный углем черновой набросок портрета. После

нескольких сеансов Андреев отказался от первоначального намерения выполнить портрет углем и решил писать его масляными красками. С незавершенной работой он вернулся в Москву, но впоследствии так и не окончил ее (сообщено Е. П. Пешковым).

Интерес к рисованию пробудился у Андреева очень рано. В автобиографии Андреев писал: «Рисовал много (первой учительницей была мать, которая держала карандаш в моих руках); но так как в Орле ни школ, ни настоящих учителей не было, то все дело ограничивалось бесплодным дилетантизмом» («Русская литература XX века. 1890—1910». Под ред. С. А. Венгерова. М., «Мир», <1915>, ч. II, стр. 243). Со смертью отца, землемера Николая Ивановича Андреева (1847—1889), когда заботы о большой семье легли на плечи Леонида как старшего сына, писание портретов на заказ давало ему скромный заработок, совсем не лишней для пополнения скудных средств семьи. Увлечение живописью Андреев сохранил до конца жизни, разделяя его с любовью к входившей тогда в моду цветной фотографией.

В 1910 г., решив на время отказаться от литературной деятельности, Андреев ду- мал целиком отдаться рисованию (см. его беседу с корреспондентом газеты «Утро России», 1910, № 123, 6 марта). Андреев предлагал «Ниве» в 1913 г. опубликовать свои иллюстрации к собственным произведениям (в качестве приложения к журналу на 1913 г. было дано издание полного собрания сочинений Андреева), выдвигая непре- менное условие, чтобы репродукции были в красках (письмо к А. Е. Розинеру от 6 ноября 1912 г. — ЛБ, ф. 360, кар. 1, ед. хр. 3, л. 2). Когда выяснилось, что издатель- ство не может выполнить это условие, Андреев 21 ноября писал Розинеру: «Относи- тельно рисунков дело не выходит. Важен *колорит*, а черные и „Ниве“ мало доставят удовольствия и мне» (там же, л. 3). В 1913 г. Андреев показал несколько своих работ на «Выставке независимых» в Петербурге (портрет Л. Н. Толстого и портрет кре- стьянина-финна — прототипа Янсона из «Рассказа о семи повешенных»). Репродук- ции с картин Андреева — см.: «Солнце России», 1912, № 1, стр. 3; 1913, № 13, стр. 8 и 9; «Лит. наследство», т. 1, 1931, стр. 93. Некоторые из произведений Андреева-худож- ника (портреты, пейзажи, иллюстрации к его сочинениям, шаржи) ныне находятся в ИРЛИ, в Гос. Литературном музее (в Москве), в Гос. музее И. С. Тургенева (в Орле), а также в частных собраниях. Одну из работ Андреева — портрет Нансена Горький вместе с другими картинами подарил Нижегородскому художественному музею («Нижегородский листок», 1910, № 88, 1 апреля).

12. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

«Нижний-Новгород. 14 ... 16 декабря 1900 г.»

Леонид Николаевич, государь мой!

Образовалось здесь «О-во защиты женщин». Средств нет. Издает сбор- ник. Понимаете? ¹

Пишите нам, голубчик, небольшой рассказ, а то — большой рассказ пишите. У вас есть начатые — прекрасно! Нет ли про женщину? Прости- тутку? Вроде «Памятника Пушкину»? ² Пожалуйста, сударь мой, не отка- зывайтесь — убью!

Нет, серьезно, когда поедете сюда на праздниках — привезите с собою рассказик. Я вас жду. И без рассказа жду, черт с вами! Скиталец ³ заоч- но любит вас и ждет, сладостно мечтая о совместной выпивке.

Дорогой мой — напишите же рассказ все-таки. И не укажете ли чело- века, который бы мог написать статью о проституции? Не напишет ли чего- либо Тихон Полнер? ⁴ Если да, сообщите его адрес, я буду его просить, молить как вас. Ну, до свидания скорого!

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется на основании письма Горького к Н. Д. Телешову от 14 или 15 де- кабря 1900 г. (XXVIII, 144—145).

¹ Речь идет об основанном в 1900 г. в Нижнем-Новгороде при активной под- держке Горького «Обществе помощи нуждающимся женщинам» в целях борьбы с проституцией (см. «Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября). Горький был членом Общества. Издание этого сборника не состоялось.

² Рассказ Андреева «Памятник» (см. прим. 1 к письму 1) с подзаголовком «Эскиз» был напечатан в «Нижегородском листке», 1899, № 102 и 104, 15 и 17 апреля. В соб- рания сочинений Андреева не включался.

³ Скиталец — псевдоним поэта и прозаика Степана Гавриловича Петрова (1868—1941). С Горьким познакомился в Нижнем-Новгороде, по-видимому, в конце июня 1898 г. Летом 1900 г. Скиталец, живя в Мануйловке, работал над одним из лучших своих рассказов «Октава» (опубликован в «Жизни», 1900, № 11). Печатался также в «Журнале для всех», «Мире божьем», «Курьере» и др. (сотрудничество в «Журнале для всех» Скиталец начал стихотворением «Спит море предо мной...» — 1899, № 5, напечатанным без подписи, а в годовом указателе содержания ошибочно приписанным П. П. Гайдебурову). Был привлечен Горьким к участию в сборниках «Знание». В 1902—1910 гг. в «Знании» вышло первое собрание сочинений Скитальца в трех томах. Встречам с Горьким в 1898—1901 гг. посвящена автобиографическая повесть «Метеор» («Русское богатство», 1913, № 1—2; вошла в Полн. собр. соч. Скитальца, т. VI, изд. «Освобождение», 1914). В апреле 1901 г. Скиталец был арестован вместе с Горьким в Нижнем-Новгороде (см. прим. 4 к письму 23). 3 декабря 1905 г. на петербургской квартире Скитальца состоялось с участием Горького совещание редакции тогда запрещенной газеты «Новая жизнь». Близкие отношения Горького со Скитальцем продолжались вплоть до отъезда Горького в 1906 г. за границу. После поражения первой русской революции Скиталец, переживая состояние растерянности и разочарования, покидает «Знание». В письме к Скитальцу от ноября—декабря 1908 г. Горький решительно осуждает его повесть «Этапы», проникнутую упадочническими настроениями («Архив Горького», т. VII, стр. 70), а в телеграмме к Пятницкому от 24 декабря протестует против опубликования этой повести в 25-м сборнике «Знание» (см. «Архив Горького», т. IV, стр. 269). С 1913 по 1921 г. Скиталец жил в Симбирске. В 1921 г. вместе с группой литераторов был командирован наркомом просвещения А. В. Луначарским для организации советской газеты во Владивостоке. С 1922 г. жил в Харбине, не порывая связи с советскими издательствами и журналом «Красная новь». В 1934 г. вернулся на родину и в июне встретился в Москве с Горьким, который помог ему включиться в жизнь советской литературы. По предложению Горького, Скиталец представил президиуму I съезда писателей доклад об эмигрантской литературе и присутствовал на съезде в качестве делегата от Московской организации. Воспоминания о Горьком см. в кн.: Скиталец. Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960, стр. 285—352.

⁴ Тихон Иванович Полнер (1864—1935) — публицист и статистик. Печатался с 1890 г., с 1896 г. — постоянный сотрудник «Русских ведомостей» и в 1900 г. — «Курьера». В 1905 г. участник и секретарь земских съездов, член московского комитета кадетской партии. После Октябрьской революции — эмигрант.

13. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 18 декабря 〈1900 г.〉

Получил, Алексей Максимович, и карточку Екатерины Павловны ¹ и ваше письмо. Письмо, по обыкновению, коротко, но хорошо; карточка велика, но плохо. Фотограф прибавил Екатерине Павловне несколько лет, обострил черты и лишил глаза их выражения и лучистости. Постараемся с братом — у меня есть брат ², который рисует, — исправить в рисунке эти недостатки, но на Рождество во всяком разе привезти портрет не удастся. Времени сейчас нет — этим объясняется отчасти и мое молчание. Чёрт меня дернул к тому же пуститься в «светскую» жизнь; шатаюсь сам по разным бездельникам, которых в Москве легионы, и бездельники приходят ко мне — в итоге ни им не весело, ни мне, а дорогое время, время уходит. И никак не выпутаешься из этой чепухи — люди обижаются, когда говоришь им, что занят. Рассказов у меня нет, и хотя для этого печального отсутствия существуют некоторые солидные причины внутреннего свойства — о них речь будет впоследствии, но все же вы хорошо сделаете, если побьете меня. Я замечал, что всегда после битья становлюсь лучше — и почему знать, не стал ли бы я теперь блаженствующим «Ермишкой» ³, если бы в одной схватке не был жестоко избит городскими. Тогда я злился — ваши же побои прийму с благодарностью, ибо в конце концов хороша только та дружеская рука, которая вовремя умеет схватить за шиворот. «Мой лучший друг» ⁴, который вам понравился и который нравится мне больше, чем бы следовало, — все время держит меня за шиворот и бьет очень жестоко и притом без надобности. Это уже крайность, от ко-

торой я с радостью бы избавился, но... но, одним словом, печальная это и малосмысленная история.

Рассказ для сборника напишу обязательно; это тем более будет для меня легко, что у меня есть уже начатый и как раз о проститутке. По поводу статейки я уже говорил с двумя курьерскими сотрудниками, из которых один, провинциальный обозреватель, особенно интересуется вопросом о проституции и прилежно собирает факты этой категории. Фамилия его Алексеевский Аркадий Павлович⁵. Второй давно уже, но пока безрезультатно — никак кончить не может — занят очень интересным трудом: *проследить и обобщить отношение русских крупнейших писателей к проститутке и проституции*. Задача важная, и исполнить ее он может недурно, если только не утонет в общих местах. Кауфман Михаил Семенович⁶.

Я говорил с обоими, и принципиально они выражают согласие; вопрос в размере статьи, *непосредственной* цели ее и времени.

Сейчас у меня маленькая заминка в деньгах, но наверно к Рождеству раздобудусь и после Нового года прикачу. Кстати: вы прочли очень хороший фельетон Дорошевича⁷ по поводу Назарьевой?⁸ Жалко этого человека, пропал ни за понюх табаку.

Скитальцу пожмите от меня руку — симпатия у нас обоюдная.

Но разговора с вами я жду с отчаянным нетерпением. И накопело и наболело. Все те же вопросы, которые вы затронули в «Читателе»⁹. А сверх того — и еще кое-что от лукавого.

Крепко жму руку.

Леонид Андреев

¹ См. прим. 3 к письму 11.

² Павел Николаевич Андреев (1878—1923). В 1903 г. окончил со званием ученого рисовальщика Строгановское училище живописи, ваяния и зодчества. В 1905 г. привозил Толстому в Ясную Поляну письмо Андреева и его рассказ «Красный смех». В 1907 г. работал в редакции «Утра России». Под псевдонимом «Н. Рогожин» поместил в газете 2 октября 1907 г. (№ 14) свой первый рассказ «Шторм», просмотренный и отредактированный старшим братом (см. письмо Л. Андреева к П. Андрееву от 14 сентября 1907 г. — ИРЛИ). Писал также киносценарии по пьесам Л. Андреева («Дни нашей жизни» и др.). С 1910 по 1923 г. преподавал рисование в бывш. гимназии Л. Д. Лентовской в

РИСУНОК АНДРЕЕВА. 1897 г.

Автошарж

Внизу, в левом углу, рукой Андреева: «26 августа 1897 г.»

Институт русской литературы
— АН СССР, Ленинград

РИСУНОК АНДРЕЕВА. 1897 г.

Автошарж

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Москве. Оставил воспоминания преимущественно о раннем, «орловском», периоде жизни и начале творческого пути Л. Андреева (альманах «Литературная мысль», III. Л., 1925, стр. 140—207).

³ Имеется в виду сотрудник «Курьера», публицист и педагог Владимир Евграфович Ермилов (1859—1918). Непродолжительное время издавал еженедельный журнал «Народное благо». В 1911 г. редактировал газету «Утро России».

⁴ Александра Михайловна Велигорская — невеста и с 1902 г. жена Андреева.

⁵ Об Аркадии Павловиче Алексеевском — см. в настоящ. томе, стр. 560.

Алексеевский в октябре 1901 г. вместе с Андреевым приезжал к Горькому в Нижний-Новгород, чтобы договориться об издании литературного альманаха. Предполагалось, что задуманный альманах с периодичностью 4—6 выпусков в год станет основой для нового журнала, продолжающего программу закрытой правительством «Жизни». Несмотря на сочувственное отношение Горького к проекту Андреева и Алексеевского, реализовать его не удалось.

⁶ Михаил Семенович Кауфман (1865 — ?) — журналист, сотрудник «Южного обозрения» (Одесса); в 1905—1908 гг. выступал в юмористических журналах. В 1907 г. издавал в Петербурге журналы «Идеальная жизнь» и «Момент». В «Курьере» печатался под псевдонимом: М. Остожин. См. о нем также прим. 7 к письму 31.

⁷ Влас Михайлович Дорошевич (1864—1922) — очеркист и фельетонист. В 1899—1902 гг. вместе с А. В. Амфитеатровым занимал влиятельное положение в либеральной петербургской газете «Россия», а после закрытия ее (за фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы») был приглашен фактическим редактором в сытинское «Русское слово». В письме к Короленко (до 18 марта 1895 г.) Горький осуждал «пошло-зубо-скальский тон» публицистики Дорошевича (XXVIII, 9). В комментируемом письме речь идет о фельетоне Дорошевича, написанном по поводу смерти К. В. Назаревой («Россия», 1900, № 592, 16 декабря). В сокращении фельетон перепечатан «Курьером», 1900, № 350, 18 декабря (см. В. М. Дорошевич. Избранные рассказы и очерки. М., «Московский рабочий», 1962).

⁸ Капитолина Васильевна Назарьева (1847—1900) — писательница, сотрудница ряда периодических изданий. Наиболее известный псевдоним ее: Н. Левин. Сочувственно писала о Горьком (см. «Литературные вечера „Нового мира“», 1900, № 3, 5). Основной темой романов («В когтях нищеты», «Скорбный путь», «Дорогой ценой» и пр.) и нескольких пьес Назаревой («Тревожное счастье», «Воронье гнездо», «Сокровище») было зависимое положение женщины в буржуазном обществе, борьба за женское равноправие. Назарьева переписывалась с Достоевским и Чеховым. Умерла в Петербурге 14 декабря 1900 г. в глубокой нищете.

⁹ Впервые с подзаголовком «Беседа» рассказ «Читатель» был напечатан в журнале «Сознание», 1898, № 11, стр. 77—92. В ответ на вопросы Репина Горький подтвердил, что в рассказе дано развернутое изложение его литературно-эстетических взглядов. «„Читатель“, — сообщил Горький Репину 23 ноября 1899 г., — я написал года четыре тому назад. „Читатель“ — это я, человек, в беседе с самим собою, литературом» (И. С. Зильберштейн. Репин и Горький. М.—Л., 1944, стр. 24).

14. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Нижний-Новгород. 20 ... 22 декабря 1900 г.)

Расхороший мой, беспутный человек!

За обещание написать рассказ для сборника — спасибо! Значит — дело решенное? Ну, славно.

Кауфмана, Алексеевского — тащите, просите, убеждайте. Такую завинтим книгу — смерть мухам и — больше никаких чертей!

Прелестный рассказ дает Чириков ¹. <...>

Жду вас — во всю мочь. Приезжайте ко мне, хотя у меня и холодно, как на Шпицбергене, где я не был, кстати сказать. Скиталец жаждет вас и даже водку пить перестал от напряжения. Я — тоже не пью. Жду.

Покажу вам, дядя, мою елку на 1000 ребят ². Хорошая будет елка, чёрт вас съешь!Приезжайте скорее ³. Тащите и вашего лучшего друга ⁴. Будем ходить на вечерки, будем разговаривать, вообще — «будем пить, будем баб любить, будем по миру ходить! Эх — с миру по нитке — бедному петля! А от этой петли избавишься — на своих жилах удавишься!» ⁵

Руку жму. А. Пешков

Датируется по содержанию — ответ на письмо 13.

¹ Евгений Николаевич Чириков (1864—1932) — писатель и публицист. Исключенный в 1887 г. во время студенческих волнений из Казанского университета, рано начал жизнь политически неблагонадежного. В 1887 и 1892 гг. был арестован по

РИСУНОК АНДРЕЕВА, 1897 г.

Автошарж

На листе, рукой Андреева, сверху: «Дон-Леонид»
 Под рисунком: «—Татарин! Послушай! Ты дорого просишь за... это?»

— Полтинник.

— Двугривенный хочешь?»

Институт русской литературы
 АН СССР, Ленинград

РИСУНОК АНДРЕЕВА. 1897 г.

Автошарж

Под рисунком рукой Андреева:
«Он же, считающий гонорар»Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

обвинению в сочинении сатирической «Оды Александру III» и в связях с подпольными революционными кружками; в 1905 г. — снова арестован за связь с «Крестьянским союзом». Печатался с 1885 г. в провинциальных газетах («Волжский вестник» и пр.). С 1894 г. сотрудничал в «Русском богатстве» и других влиятельных изданиях. Разочаровавшись в народничестве, проделал идейную эволюцию к «легальному марксизму» (повесть «Инвалиды» в «Новом слове» 1897 г.). В «Жизни» вел отдел «Провинциальные картинки» (в 1911 г. аналогичный отдел вел в «Современнике»). Член литературного кружка «Среда». В период подъема освободительного движения сблизился с Горьким, с которым впервые встретился в Царицыне еще в 1888 г. В 1904—1908 гг. печатался в сборниках «Знание». Собрание сочинений Чирикова в восьми томах издано «Знанием» в 1901—1909 гг. В 1905 г. фельетоны Чирикова публиковала «Наша жизнь». В последующие годы отошел от передовой литературы. В период Первой мировой войны выступал против Горького. После Октябрьской революции — эмигрант (см. Е. Н. Чириков. Повести и рассказы. М., Гослитиздат, 1961).

² Первая бесплатная елка для детей бедноты была устроена по инициативе Горького в помещении Нижегородской городской думы 4 января 1900 г. («Летопись», I, стр. 260). Организация таких елок вошла в традицию вплоть до 1904 г. (В. Десницкий. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. М., 1959, стр. 29—34).

³ Андреев приехал в Нижний-Новгород в середине января и пробыл там четыре дня (см. письмо Горького к Л. В. Средину от 31 января 1901 г. — АГ).

⁴ А. М. Велигорская.

⁵ С незначительными изменениями эти строки вошли в повесть Горького «Трое» (V, 87—88).

1901

15. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

〈Нижний-Новгород. 26 ... 31 января 1901 г.〉

Не заключайте договора, вашу книгу берет «Знание», высылаю авансом 500 рублей.

Оригинал телеграммы не известен. Впервые опубликована в статье Лоренцо «Леонид Андреев. (К 15-летию литературной работы)». — «Утро России», 1913, № 79, 5 апреля. Вторично — в монографическом очерке В. Л. Львова-Рогачевского «Две правды. Книга о Леониде Андрееве». СПб., 1914, стр. 43. Печатается по тексту «Утра России».

Ответ на несохранившееся письмо Андреева.

По-видимому еще в 1900 г. Андреев, по рекомендации Я. А. Фейгина, начал вести переговоры с И. Д. Сытиным об издании сборника рассказов. Из уважения к рекомендуящим Сытин согласился выпустить книгу неизвестного ему автора тиражом в 3000 экземпляров, но не торопился с изданием (Т е л е ш о в, стр. 121). В январе 1901 г. у Горького в Нижнем-Новгороде Андреев рассказал о своих планах. Горький нашел, что Андрееву выходить с первой книгой еще рано (см. воспоминания Скитальца «Леонид Андреев» в его кн.: Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960, стр. 379). Однако перед поступлением в клинику Московского университета на излечение от нервного переутомления Андреев, испытывавший острую нужду в деньгах, был вынужден принять предложенный Сытиным ничтожный аванс за книгу (см. следующее письмо).

16. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 26 ... 31 января 1901 г.〉

Жулик и сукин сын этот ваш издатель¹, ибо он вас обобрал бессовестно, безжалостно. Так действуют лишь мои приятели ночами, в глухих улицах, но они действуют так потому, что жрать хотят, а ваш издатель — сыт, стало быть он по природе своей грабитель, да!

Не пожелаете ли вы продать рассказы ваши мне, я даю вам всю прибыль с них и сейчас же — 500 р.? Дикий вы чёрт, вот что! Буде вы на мои условия согласны и никаких бумаг с издателем не подписывали — телеграфируйте немедленно. Сейчас же дам вам денег, если надо. Издание выйдет в Питере у «Знания». Ответьте скорее. В половине февраля я буду в Москве² и у вас, сговор имея о подробностях, и я возьму рассказы.

Чучело вы огородное! Как это можно — позволять разным жирным клопам питаться кровью вашего сердца? Давить их надо!

«В темную даль» — хорошо!³ Очень хорошо. Эх, как вы можете писать и как надо бы вздуть вас! Чтоб вы водку не лакали неумеренно, коли это вредно вам, чтоб вы к себе относились серьезнее, чтобы кислоту из души выпаривали, сударь мой, хорошей работой мозга, чтоб смотрели вы в жизнь глубже. Все это вам подобает, ибо — если вы можете отправлять человека «в темную даль», — стало быть можете провидеть в ней и свет, буде дадите труд себе всмотреться в нее повнимательнее, бардадын вы жирный! .

Бабеночек можно отодвинуть в сторону, коли они любить не хотят, от этого ущерба не будет, а лишь с бóльшим сердцем писать будете — вот что!

Напишите-ка вот про старого станового, который в добро не верит, но любит выпивку и в пьяном виде — добр, как дитя, и смешон, как дитя. Напишите-ка о пустынькой девочке, коя кокетничает с неким писателем, искренно возлюбившим ее. И так напишите, чтобы девочка-то была — публика, понимаете? Ибо — это ведь старая история! Публика — пустынькая девочка, сытая баба, интересующаяся писателем от скуки и втайне презирающая его. Она ведь ненавидит его, да! Ей лестно, что хороший человек по-хорошему с нею говорит, лестно, но скучно и даже, иногда, беспокожно. Ну те-ка напишите!

Голубчик! Неужто вы не умеете сердиться? Рассердитесь! И — пишите! Ругайте вдребезги мещан, хозяев жизни, тревожьте их, беспокойте!

Дело жизни по нынешним дням все в том, чтоб, с одной стороны, организовать здоровый, трудящийся народ — демократию; с другой — чтоб дезорганизовать усталых, сытых, хмурых буржуев. Бодрому человеку только намекни — он поймет и улыбнется, и увеличит бодрость свою, большого скукой мещанина — ткни пальцем — и он начнет медленно разрушаться.

Хорош этот Николай, ушедший в темную даль! Он, действительно, орленок, хотя и пощипанный! Пускай пощипанный — это еще лучше — умеет наносить удары, ибо — был бит.

Милый вы человек! Идите-ка в темную даль от сияния лысины Гольцева и сумерек курьерных. В темной дали этой есть нечто чрезвычайно определенное и крепкое — в ней разрастается чувство человеческого достоинства, здоровое, упругое чувство! Вырастает человек новый — личность ясно — хотя может быть и узко — сознающая свое право творить жизнь новую, жизнь яркую, жизнь свободную, и уже теперь эта личность умеет ненавидеть всей силою души жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь скучную, жизнь уютно-мещанскую.

Леонид Николаевич!

Пишите! Вы — талантливый парень, вам надо взять себя в зубы. Неужто вы этого не понимаете?

Крепко жму вам руку, ибо устал, а уже четыре часа утра.

Всего доброго!

Ваш А. Пешков

Датируется по связи с телеграммой (№ 15).

¹ Иван Дмитриевич Сытин (1851 — 1934) — крупнейший книгоиздатель. В начале 1900-х годов Горький осуждал буржуазный, предпринимательский характер его издательства, недооценивая большой роли Сытина как культурного деятеля (ср. письма Горького к Поссе до 14 октября, Чирикову после 24 октября, Телешову от 2 декабря 1901 г. — «Архив Горького», т. VII, стр. 24, 26 и 33, и к Пятницкому от 17—21 октября 1901 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 44).

Позднее Горький стремился заинтересовать Сытина организацией ряда изданий. 9—12 (22—25) марта 1911 г. и 30 мая — 1 июня (12—14 июня) 1913 г. Сытин был у Горького на Капри. В первый его приезд обсуждалась возможность реорганизации «Знания» с участием Сытина и издание сочинений Горького у Сытина (план не осуществился). В марте — апреле 1911 г. после отъезда Сытина Горький писал ему, что занят подбором участников для «Истории русского народа», и просил помочь ему в создании специального журнала по изучению России. Позже, в письме к В. И. Анучину от 26 октября (8 ноября) 1912 г., Горький советовал возобновить переговоры с Сытиным о выпуске сибирской энциклопедии («Летопись», II, стр. 309). В начале 1913 г. Горький принял предложение Сытина о сотрудничестве в «Русском слове». В 1914 г., по возвращении в Россию, писатель некоторое время жил в имении Сытина Берсеневка под Москвой (там же, стр. 404). В 1915 г. Горький приветствовал Сытина по случаю пятидесятилетия его деятельности (см. «Полвека для книги». М., 1915). Письма его к Сытину опубликованы в изд.: <И. Д. С y т и н>. Жизнь для книги. М., 1962, стр. 209—212. «Проработать полстолетия в таком честном и важном деле, каково издание книг

для страны, духовно голодной, для нашей несчастной страны, — это огромная культурная заслуга. Вам есть чем гордиться, есть за что уважать себя <...> Вы — исключительный человек по энергии, обнаруженной вами, и я очень люблю вас за это», — писал Горький Сытину (там же, стр. 211—212).

В свою очередь изменилось и отношение Андреева к Сытину. В 1908 г. Андреев вел с ним переговоры об издании полного собрания своих сочинений (не осуществилось) и сотрудничестве в «Русском слове». Приняв предложенные Андреевым условия, Сытин требовал неукоснительного выполнения им всех пунктов соглашения и прежде всего своевременного представления рукописей. В «Русском слове» были опубликованы рассказы Андреева «Покой» (1911, № 122, 29 мая), «Ипатов» (1911, № 226, 2 октября), «Правила добра» (1912, № 1—3, 1, 2, 4 января). Отказ Сытина печатать в газете пьесу Андреева «Прекрасные сабинянки», которая могла быть воспринята как реклама гастролировавшего в Москве театра «Кривое зеркало», повлек за собой привлечение Андреевым редактора «Русского слова» Ф. И. Благова к третейскому суду. Обязанности судей со стороны Андреева согласились взять на себя Короленко и П. Н. Милоков. Суд не состоялся. Переписку Андреева с Сытиным и Благовым см. в кн.: А. М. Л и н и н. Леонид Андреев и «Русское слово». Орджоникидзе, 1934 (оттиск «Известий 1 и 2-го Северокавказских педагогических институтов», т. 2 (11), стр. 183—198). Неприязнь к Сытину «капиталисту» не помешала Андрееву высоко оценить деятельность Сытина-книгоиздателя. «Не ищите идеи в его изданиях — он сам, вот этот И. Д. Сытин, есть идея», — писал Андреев в 1917 г. по поводу юбилея Сытина, — «...» и прекраснейшая идея! Ибо этой идеей заражен весь народ, откуда он выскочил, — босой, голодный духом и о духе, жадный к свету до слепоты, полуосвобожденный, вольноотпущенник, но еще не гражданин» (Л. А н д р е е в. Знаменательный юбилей. — «Русская воля», 1917, № 48, 19 февраля).

² 16 февраля 1901 г. Горький выехал из Нижнего-Новгорода в Петербург, где он должен был присутствовать на заседании Союза взаимопомощи русских писателей, посвященном 40-летней годовщине освобождения крестьян. Горького сопровождал Скитаец. В Петербург Горький приехал 19 февраля. В Москве был проездом («Летопись», I, стр. 300).

³ Рассказ Андреева «В темную даль» был напечатан в «Курьере», 1900, № 357, 25 декабря. Отдельно издан 20 мая 1906 г. «Знанием» в «Дешевой библиотеке» (№ 60).

17. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Нижний-Новгород. 1 ... 3 февраля 1901 г.>

Ну, вот — вы паинька.

Сообщите, куда перевести вам деньги и прочее такое. Чем валяться даром, пишете-ка хороший рассказ для «Жизни», а от «Курьера» — отдохните ¹.

Не известен ли вам адрес Н. И. Тимковского? ² Хочу просить у него рассказ для сборника.

Пока — до свидания!

Долго лежать-то будете?

Когда получу рассказы?

По поводу последнего пункта изложите подробно ваши желания. Addio!

А. П е ш к о в

Датируется по письму Горького к Пятницкому от 1—2 февраля 1901 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 19).

Ответ на несохранившуюся телеграмму Андреева с извещением о согласии расторгнуть договор с Сытиным и передать рассказы «Знанию».

¹ 25 января 1901 г. Андреев поступил в клинику. Здесь между 5 и 16 февраля он написал рассказ «Жили-были» (ЛА, вып. 5, стр. 87). Рукопись рассказа Андреев послал в редакцию «Жизни», где с ней познакомился Горький (В. А. П о с с е. Мой жизненный путь. Дореволюционный период. 1864—1917 гг. М.—Л., 1929, стр. 163). Рассказ впервые напечатан в «Жизни», 1901, № 3, стр. 233—251.

² Николай Иванович Тимковский (1863—1922) — писатель. Горький познакомился с Тимковским в 1899 г. В письме к Е. П. Пешковой (из Ялты, посланном до 8 апреля 1899 г.) Горький тепло отзывался о драме Тимковского «Сильные и слабые», прочитанной им в рукописи («Архив Горького», т. V, стр. 61). Пьеса опубликована в «Мире божьем», 1900, № 2 и 3 (отд. изд.: М., 1903). 23 апреля 1899 г. Горький писал Чехову из Нижнего-

Новгорода о Тимковском и о его драме уже более сдержанно (XXVIII, 74). Возвращаясь из Крыма в Нижний-Новгород, Горький останавливался в Москве у Тимковского. Окончательно свое отношение к Тимковскому Горький определил после летних встреч в Васильсурске. 5 января 1900 г. он характеризовал Тимковского в письме к Средину: «У Н. И. самолюбие переросло его талант», «он пессимист, а я таковых не люблю» (XXVIII, 111). Андреев знал Тимковского по «Курьеру» и участию в собраниях «Среды». В июле 1902 г. Андреев вместе с Тимковским совершил поездку на Балтийское побережье. В письме к А. М. Велигорской от 7 июля <1902 г.> он говорит о Тимковском: «Невероятная сухость в соединении с убийственной систематичностью и чувством собственной непогрешимости» (Гос. музей Тургенева; см. также раздел «Андреев о Горьком»). В ИРЛИ хранятся два письма Андреева к Тимковскому 1902 г.

18. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Нижний-Новгород. 5 ... 10 февраля 1901 г.>

Не пейте, дядя, у всех русских людей скверные сердца.

Лучше сообщите-ка, получили вы 500 р.? Пора бы¹.

Выздоровливайте скорее.

И всё.

Ваш А. Пешков

Рассказы я возьму у вас по приезду, чувствуете?

Датируется по содержанию.

¹ В первых числах февраля 1901 г. Горький обратился с письмом к Пятницкому: «Прошу, Константин Петрович, выслать 500 р. по адресу: Москва. Клиника профессора Черинова. Леониду Николаевичу Андрееву. Если возможно, то сделайте это поскорее, ибо он очень нуждается». На письме помета адресата: «Перевод послан заказным письмом 6 февраля 1901 г.» («Архив Горького», т. IV, стр. 19 и 286).

19. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

<Петербург. 1 марта 1901 г.>

Пришлите рассказы. Готов отец дьякон?¹

Пешков

<Адрес:> Москва. Девичье поле. Клиника Черинова².

Леониду Андрееву.

Дата на телеграфном бланке.

¹ Имеется в виду рассказ Андреева «Жили-были». См. прим. 1 к письму 17.

² Михаил Петрович Черинов (1833—1905) — врач-терапевт.

20. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Петербург. 5 ... 7 марта 1901 г.>

Драгоценный Леонидушка!

Посылаю при сем маленький скандал, здесь цензурой не одобренный¹. Если Фейгин хочет, то может сие напечатать в «Курьере», и хорошо бы в воскресенье на Фоминой. Н-да!

А «Жили-были» — прекрасно!² Вы, моя пышечка, совсем паинька. У вас поднимается настроение. Желаю вам не жениться ни на ком. Ваш друг и доброжелатель

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ Подразумевается подписанный 43 петербургскими писателями и общественными деятелями, в том числе Горьким, Михайловским, Маминим-Сибиряком, Поссе, Гариним-Михайловским и др., протест против жестокого избения и разгона войсками студенческой демонстрации у Казанского собора в Петербурге 4 марта 1901 г. (опубликован в кн.: «Революционный путь Горького». М.—Л., 1933, стр. 43—44). 5 марта Горький писал Е. П. Пешковой из Петербурга: «Страшное возбуждение в обществе. По поводу события 4-го числа 43 литератора составили удивительно хорошее письмо, пришло копию» («Архив Горького», т. V, стр. 79). Власти приняли все меры, чтобы протест не попал в печать, но он получил широкое распространение в списках и гектографированных оттисках. См. его воспроизведение на стр. 491 настоящ. тома.

² См. прим. 1 к письму 17.

21. ИЗ ПИСЬМА АНДРЕЕВА — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 25 марта 1901 г.⟩

...Целую неделю волновался по поводу вас и беспокоился: здесь упорно твердили, что вы арестованы¹. По-видимому, самые слухи об аресте возникли на почве вашей популярности среди молодежи: вас очень любят. Кстати: в одном прескверном журнале «Русское обозрение» один прескверный человек — Филиппов написал статью о вас, еще не напечатанную². Мне кое-что передавали о содержании статьи, кажется, она в вашу пользу (новый повод обляять вас для Гольцева³). Но важно то, что этот прескверный человек нашел слово, которое так метко и удачно определяет вас в литературно-общественном отношении, что поистине должно стать крылатым. Он называл вас «буревестником». А еще бы вернее назвать «буреглапатаем»⁴. Недостаток определения, как и всякой схемы, в которую втискивают человека, — неполнота. Вы не только сообщаете о грядущей буре: вы бурю зовете за собой...

¹ Слухи об аресте Горького были ложными.

² «Русское обозрение» (Москва, 1890—1898) — ежемесячный литературно-политический и научный журнал реакционного направления. Существовал на правительственные субсидии. «Русское обозрение» перекупил публицист «Московских ведомостей» Алексей Фролович Филиппов (род. 1868), который решил для успеха журнала заручиться сотрудничеством либерально настроенных литераторов. «Я хочу создать, — писал он Е. П. Гославскому 22 июля 1900 г., — политический орган печати в чисто национальном духе, далекий от безразличия либерального <...> и совершенно отколотый от консервативного убожества, представляемого хотя бы современными „Московскими ведомостями“» (ЦГАЛИ, ф. 150, оп. 1, ед. хр. 68). Первый номер «Русского обозрения» под редакцией Филиппова вышел в июне 1901 г. Особые надежды Филиппов возлагал на статью о Горьком — «Буревестник», подписанную псевдонимом Н. А. Осокин. Статья была набрана в марте 1901 г., и Филиппов, рекламируя направление своего журнала, знакомил с нею всех желающих еще до выхода номера. Статья носила двойственный характер. Признавая огромную популярность Горького, Осокин каждое из своих «либеральных» суждений торопился обставить благонамеренными оговорками. Материальными затруднениями Филиппова, усиленно искавшего лицо, которое могло бы внести за «Русское обозрение» обязательный залог в 2500 рублей, решили воспользоваться Андреев и другие участники «Среды». Внеся залог, они намеревались повлиять на направление «Русского обозрения», устранить Филиппова и постепенно преобразовать журнал в демократическое издание. 29 ноября в газете «Северо-западное слово» (Вильна, № 1791) появилось сообщение: «В Москве кружок молодых писателей с Леонидом Андреевым во главе берет в свои руки возобновляемый с нового года журнал „Русское обозрение“». Как видно из письма Андреева к Мирнолюбову (от ноября 1903 г.), предполагалось, что издателем «Русского обозрения» станет А. П. Алексеевский (ЛА, вып. 5, стр. 103). Залог за журнал должен был быть внесен от имени жены Андреева — А. М. Велигорской. «Комбинация», на которую Алексеевский возлагал «все свои надежды», не удалась (см. письмо Андреева к М. П. Неведомскому, без даты. — «Искусство», 1925, № 2, стр. 270, и письмо Велигорской к Пятницкому от лета 1903 г. — АГ). Последний номер «Русского обозрения», датированный 1903 г., вышел в 1904 г. Топая книжка открывалась обращением «От редакции», в котором содержался призыв отрешиться от партийной и кружковой борьбы и объединиться на пользу отечества и «мудрому служению государственным интересам».

³ Андреев имеет в виду статью Гольцева «Со стороны. (Письма из деревни)» в «Русской мысли» (1900, № 12, стр. 227—230; за подписью: «Веталис») и его же обзор

«Русская литература в 1900 г.» («Курьер», 1901, № 1, 1 января). В «Русской мысли» Гольцев полемизировал со статьей Горького о Бальмонте и Брюсове («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября), а в «Курьере», развивая свою мысль, по поводу повести «Трое», писал: «Замечается, на мой взгляд, и некоторое уклонение автора *справа*. Критические статьи г-на Горького <...> как будто подтверждают мое предположение. По всей вероятности это неблагоприятно отразится на творчестве талантливого писателя, от которого многие ждут *нового слова*».

⁴ Отзыв Андреева о Горьком как «буреглашатае» революции стал известен охранке, перлюстрировавшей их переписку, и упоминается в официальных документах о революционной деятельности Горького. «Означенное стихотворение!» — доносил цензор по поводу «Песни о Буревестнике», — произвело сильное впечатление в литературных кругах известного направления, причем самого Горького стали называть не только «буревестником», но и «буреглашатаем», так как он не только возвещает о грядущей буре, но *зовет бурю за собою*» («Революционный путь Горького». М.—Л., 1933, стр. 50—51).

ДОМ НА КАНАТНОЙ УЛИЦЕ В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ. ЗДЕСЬ В 1900—1901 ГОДАХ ЖИЛ ГОРЬКИЙ

Фотография М. П. Дмитриева, 1900-е годы
Музей Горького. Москва

22. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Нижний-Новгород. Начало апреля 1901 г.)

Я — цел, а в сердце у меня горят зори весенние и дышу я во всю грудь¹. Мог бы даже влюбиться, да сюжета нет, а будь сюжет — ах! Я влюбился бы! То есть — прямо до пепла! Ни меня, ни ее, а немножко костей, крошечный (?) клоч кожи и две кучки пепла.

А все остальное — душа, ум, сила на любовь пошло.

Чёрт бы драл Филиппова! Я как раз о буревестнике писал недавно и написал и напечатаю², и тогда все гольцевы скажут, что я Филиппову подражаю³.

Ну, вы приезжайте-ка сюда!

Здесь 8-го будет демонстрация, ей-богу!⁴

Я на 2-й, 3-й день Пасхи буду в Москве, может быть и у вас. Хотя я, собственно, к Толстому поеду⁵. Писали вам что-нибудь из «Знания»

о книге? ⁶ Нет? Так вы спросите меня о ней, я тоже ничего не знаю по этому поводу. Но я узнаю, чёрт вас побери!

Пишите, голубчик, что-нибудь в духе «В темную даль». Христом богом прошу! Пишите, ибо такие рассказы теперь нужны как хлеб, как воздух, как вино и женщина.

Обнимаю вас. Могу обнять и солнце, если понадобится.

Весь тут А. Пешков

Хорошо жить на земле!

Именно на земле хорошо жить, дорогой вы мой товарищ, милый человек.

Вот что — мне хочется подарить вам что-нибудь: теперь однако <?> у меня ни пятак <?>.

Так вы купите себе книжку Лихтенберже «Философия Нитцше», издание Поповой ⁷, и вообразите, что это я вам подарил ее.

А я подарю что-нибудь после. Ладно?

Датируется по содержанию.

¹ По возвращении 12 марта 1901 г. в Нижний-Новгород («Летопись», I, стр. 306) Горький вел революционную пропаганду среди учащихся и сормовских рабочих. Заведующий Особым отделом Департамента полиции Ратаев 14 апреля 1901 г. докладывал директору Департамента С. Э. Зволянскому: «Революционная жизнь в Нижнем, с приездом Горького, совершенно затихшая после выставки, ныне опять бьет ключом, и все, что есть только революционного в Нижнем, дышит и живет только Горьким» («Революционный путь Горького». М.—Л., 1933, стр. 48).

² Фантазия «Весенние мелодии» (в которую входила «Песнь о Буревестнике») была закончена Горьким в марте 1901 г. Черновой экземпляр фантазии был передан им для размножения кружку высланных в Нижний-Новгород студентов (письмо Горького в Нижегородское архивное управление от 15 июля 1931 г.— XXX, 219—220). Рукопись «Весенних мелодий» Горький отослал в «Курьер». Найденный в бумагах Андрея черновой автограф с правкой Горького (АГ), вероятно, и был тем экземпляром, по которому делался набор для «Курьера». В делах Московского цензурного комитета нам удалось обнаружить две из четырех гранок «Весенних мелодий», перечеркнутые цензором А. И. Генцем (ГИАМО, ф. 31, оп. 2, св. 42, ед. хр. 467. См. воспроизведение на стр. 95 настоящ. тома). На первой чернилами написано: «Запрещено в заседании 11 апреля 1901 года по докладу и. д. цензора А. И. Генца». В журнале заседаний Московского цензурного комитета 11 апреля 1901 г. приведено в кратком изложении сообщение цензора: «Для газеты „Курьер“ представлена фантазия „Весенние мелодии“. В этой фантазии под формой шепетания между птицами характеризуются различные настроения в русском обществе в настоящую минуту, вызванные последними студенческими волнениями и следовавшим за ними высочайшим рескриптом генералу Ванновскому.

Беседа птиц представляет, во всяком случае, пример несоответствия между серьезностью предмета и формой изложения: песня же о буревестнике есть прямое подстрекательство продолжать борьбу с будто бы начинающим заметно уставать правительством. Я полагаю „Весенние мелодии“ к печати не допускать» (там же, оп. 3, св. 463, ед. хр. 2192, л. 62—62 об.). Согласившись с Генцем, цензурный комитет «ввиду тех превратных толков, которые может вызвать появление названной фантазии в печати», запретил опубликование «Весенних мелодий» в «Курьере» и постановил оставить гранки в делах комитета, а также потребовать от издателя газеты Фейгина официального подтверждения авторства Горького (там же, лл. 62 об.— 63. См. также: Н. М о р а ч е в с к и й. «Весенние мелодии» (К истории текста) и публикацию черновика «Фантазии» — МИ, т. I, стр. 439—457). 12 апреля 1901 г. к Горькому с письмом обратился издатель «Русской мысли» В. М. Лавров: «Страницы „Русской мысли“ всегда открыты для вас, и в нашем доме вы всегда будете дорогим гостем. Теперь представляется удобный случай. Ваш рассказ, посланный в „Курьер“, цензурой не пропущен. Не отдадите ли вы его нам? Думаю, что у нас он бы прошел. Я говорил с Фейгиным, и он ничего не имеет против этого» (АГ). К просьбе Лаврова присоединился Гольцев, добавивший несколько строк от себя. В недатированном письме к Гольцеву (апрель 1901 г.) Горький ответил, что «Весенние мелодии» были посланы им в «Жизнь» «тотчас же, как только стало известно, что „Курьер“ не печатает» (АГ). По оплошности цензуры в «Жизни» (1901, № 4) появилась завершающая фантазию «Песня о Буревестнике». Полный текст «Весенних мелодий» впервые был опубликован за границей в издававшемся в Женеве органе русских экономистов «Рабочее дело» (1901, № 9, май). С 1902 г. фантазия печаталась в Берлине издательствами Гуго Штейница и Иоанна Рэде. В Рос-

сии «Весенние мелодии» получили широкое распространение в гектографированном виде и рукописных копиях. Неоднократно делались попытки опубликовать горьковскую «фантазию» в легальной печати. Так, социал-демократическая газета «Самарканд», 1904, 30 октября, № 143, не упоминая имени Горького, поместила первую часть «Весенних мелодий» без «Песни о Буревестнике» (М. К о н с т а н т и н о в а. «Самарканд» в борьбе за М. Горького. — «Заря Востока», Ташкент, 1961, № 6). Полный текст «фантазии» группы политических ссыльных удалось напечатать 2 сентября 1905 г. в газете «Верхнеудинский листок», № 99 (А. Б е л о у с о в. «Весенние мелодии» в Верхнеудинске. — «Литература и жизнь», 1961, № 72, 18 июня). В 1905 г. «Весенние мелодии» были опубликованы в петербургском сборнике «Песни свободы» (два издания).

³ Подразумевается упрек Гольцева в отходе Горького от демократических позиций (см. прим. 3 к письму 21). Редакция «Русского обозрения» сделала к статье Осокина «Буревестник» примечание, в котором, между прочим, говорилось: «Обстоятельства вынудили нас откладывать со дня на день печатание представленного в наше распоряжение материала, и в конце концов оказалось, что сам Горький напечатал „Песнь Буревестнику“, произведение, правда, слабейшее, нежели его „Песнь Сокола“, но пользующееся громадным успехом среди молодежи. Тем не менее может показаться замешательным и само сравнение, и характеристика современного настроения. Однако случайное сходство в определениях разных лиц, не имеющих между собой никакой связи, с нашей точки зрения, подтверждает только то, что проходило и проходит незамеченным или, по крайней мере, не отмеченным в летописях нашей печати».

⁴ 8 апреля в годовщину трагической гибели в тюрьме студента Московского университета, нижегородца Г. Э. Ливена в Нижнем-Новгороде предполагалось организовать студенческую демонстрацию. По мнению Горького, политическая антиправительственная демонстрация могла быть успешной только в том случае, если бы к ней присоединились широкие слои населения и прежде всего интеллигенция. В то время таких условий не было. 8 апреля должно было состояться традиционное перенесение «чудотворной» иконы Оранской божьей матери из Крестовоздвиженского монастыря в городской собор. Горький опасался столкновения студенческой демонстрации с участвовавшими в религиозном шествии черносотенцами. 4 апреля, чтобы лучше познакомиться с настроениями молодежи, он присутствовал на студенческом вечере в нижегородском Коммерческом клубе, где должен был обсуждаться вопрос о предполагаемой демонстрации («Летопись», 1, стр. 311). Накануне демонстрации, 7 апреля, Горький (под псевдонимом Unicus) выступил на совещании молодежи с «отцами» — представителями нижегородского общества. После короткой речи Горького против демонстрации студенты единогласно приняли резолюцию демонстрацию отменить (Вл. Б о ц я н о в с к и й. Unicus. (По архивным документам). — Лит.-худ. сб. «Красной панорамы», 1928, октябрь, стр. 43—48; В. А. Д е с н и ц к и й. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества. М., 1959, стр. 34—44). К 8 апреля 1901 г. относится запись в дневнике сосланного в Нижний-Новгород студента «Виктора Петровича»: «...мы, все высланные студенты и курсысты, снимались с Горьким и Скитальцем» (ЦГАОР, ф. 1167, оп. 3, ч. 4, ед. хр. 7452, л. 5 об.). Эта фотография хранится в фондах Музея Горького (в Москве) и воспроизводится в настоящем томе (стр. 91).

⁵ Поездка Горького к Толстому не состоялась.

⁶ 6 апреля, получив письмо Горького, Андреев просил Пятницкого дать «более точные и определенные сведения» о предполагаемом издании его «Рассказов» в «Знании» (АГ).

⁷ Анри Лихтенберже (1864—1940) — французский историк литературы. Первое издание «La philosophie de Nietzsche» вышло в 1898 г. В переводе с французского под редакцией и со вступительной статьей М. Неведомского книга издана О. Н. Поповой (СПб., 1900).

23. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Царицыно. 21 мая 1901 г.)

Дорогой мой и милый и любимый Алексей Максимович! Вам, может, это сентиментально покажется, а я по чести вам говорю — с самого 17 апреля я почувствовал себя *осиротевшим*¹. Осиротевшим, иного слова подобрать нельзя, да и неверно будет всякое иное слово. Ведь вот и виделись мы с вами редко и переписывались не часто, а когда вы временно исчезли — для меня в жизни исчезло так много, что было даже удивительно. В вас я нашел и имею такого друга, какого у меня не было со времени отрочества, когда любилось и верилось бессознательно и стихийно, — нашел человека, которого я мог одновременно любить и уважать. Знаю, что при личном разговоре ложная стыдливость помешает сказать все это

так прямо, как это здесь, и потому продолжаю с радостью за возможность высказаться в этом направлении. Я вас люблю, Алексей Максимович, как единственного друга, как брата и больше, чем брата: за сади эти мерзавцы моего настоящего брата, мне не было бы так больно и жалко и обидно, как за вас².

Именно больно и именно жалко тою мучительною жалостью, какую встречаешь страдания любимого, единокровного человека. И работать без вас стало противно, и смеяться, и пусто кругом. Я человек жизни внутренней, душевной, но не человек *действия*, и в тех случаях, когда нужно бороться не только словами, но и делом, я бессилен, не находчив и постыдно бесполезен и, страдая за вас, я страдаю еще более от скверного сознания, что ничего сделать ни для вас, ни для Екатерины Павловны я не могу и не умею. *Не умею* — вот самая гадость. Хорошо не все оказались такие, как я³.

Еще раз повторяю, люблю я вас крепко и счастлив за все, светлый вы мой человек. И буду счастлив совсем, когда выпустят Скитальца⁴. Как все это противно и глупо и до отчаяния нелепо.

Заезжал ко мне Александр Александрович⁵ и передал подробности происшествия. Пятницкого⁶ я не видал, а Скирмунт⁷, с которым после того я виделся, передал, что Пятницкий был недолго и не имел время для того, чтобы разыскать меня на даче⁸, для этого понадобился бы день. Летковой⁹ сам не видел. Также в «Курьере» я бываю редко, и записку она оставила, не достаточно вразумительно. По поводу своего издания я ничего определенного не знаю.

Как предполагается у вас лето? Мне очень хочется повидать вас; до конца мая я связан в «Курьере» работой, в начале июня путем авансов приобретаю свободу, и как только будет для вас удобно, прикачу на несколько дней в Нижний. На июнь и июль Тимковский зовет меня с собой на Рижский залив¹⁰. Вчера он был у меня и просил передать вам свой «горячий» привет. Ужасно хочется повидать вас.

Крепко жму руку. Л. Андреев

А у меня тут все последнее время больные: здорово захворала сестра¹¹, сам на днях кувыркнулся с велосипеда и расшибся, если от письма будет припахивать подоформом, то не толкуйте в дурную сторону.

Письмо написано в Царицыне и опущено в Москве. Датировано жандармами по почтовому штемпелю. Оригинал неизвестен. Письмо подверглось перлюстрации и публикуется по копии, направленной 27 мая 1901 г. начальником Нижегородского жандармского управления московскому обер-полицеймейстеру (Управление московского обер-полицеймейстера. Дело № 80 отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при управлении московского обер-полицеймейстера «О мещанине Алексее Максимове Пешкове (псевдоним М. Горький) (1895—1915)». — АГ). Впервые по сокращенной копии Департамента полиции напечатано в «Красной газете», веч. вып., 1928, № 89, 31 марта.

¹ В ночь с 16 на 17 апреля 1901 г. Горький был арестован и заключен в Нижегородскую тюрьму. Распоряжение об аресте было отдано шифрованной телеграммой из Петербурга. Горький обвинялся в связях с революционной социал-демократией, в приобретении мимеографа для нижегородской социал-демократической организации и в сочинении и печатании противоправительственных воззваний («Летопись», I, стр. 315).

² Строки, выделенные нами разрядкой и подчеркнутые в копии карандашом, процитированы в справке Московского охранного отделения об Андрееве для Департамента полиции (см. настоящ. том, стр. 207).

³ Об освобождении Горького из тюрьмы хлопотали Л. Толстой, Пятницкий, Е. П. Пешкова (см. письма Толстого от 6 мая 1901 г. к П. Д. Святополк-Мирскому и принцу П. А. Ольденбургскому. — Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. (Юбилейное), т. 73. М., 1954, стр. 69—71; письмо Горького к Толстому от 22 мая 1901 г. — XXVIII, 163—164, а также: К. П. Пятницкий. Освобождение Горького из Нижегородской тюрьмы в 1901 г. — В кн.: М. Горький на родине. Сборник воспоминаний. Горький, 1937).

⁴ Скиталец, арестованный вместе с Горьким, находился в заключении с 17 апреля по 14 июля 1901 г. Выпущенный затем под особый надзор полиции, жил в Самаре. За самовольный отъезд в сентябре 1901 г. из Самары в Нижний-Новгород, «ввиду уклонения от полицейского надзора», был вновь взят под стражу. Освобожден 7 ноября 1901 г. (АГ, Ж. Д., 4-26, л. 91 об.).

⁵ Александр Александрович Смирнов (псевдонимы: Треплев, Аргунин; 1864—1943) — писатель, журналист и литературный критик; нотариус, гласный Самарской городской думы. Горький познакомился со Смирновым в период работы в «Самарской газете». 5 апреля 1898 г. и 29 августа 1899 г. Горький послал Миролюбову несколько стихотворений Смирнова (XXVIII, 94). Одно из них — «Хочется нежно любить...» — под псевдонимом «Аргунин» напечатано в «Журнале для всех», 1899, № 12. Под

ГОРЬКИЙ СРЕДИ СТУДЕНТОВ И КУРСИСТОВ, ВЫСЛАННЫХ В НИЖНИЙ-НОВГОРОД

Фотография, 8 апреля 1901 г.

Горький — в центре, за ним А. В. Яровицкий, слева, в кресле, С. Г. Скиталец

Музей Горького, Москва

псевдонимом «А. Треплев» Смирнов помещал в «Курьере» статьи о текущей художественной литературе. Здесь появилась его статья «Современная литература. Факт и возможность. (М. Горький. „На дне“)». — «Курьер», 1903, № 53, 60 и 67, 21, 28 апреля и 5 мая (отд. изд.: М., 1904). Смирнов находился при аресте Горького. См. заявление Горького на имя министра юстиции от 16 июля 1902 г. («Русская литература», 1961, № 3, стр. 166). Воспоминания Смирнова о Горьком — см. в сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 95—107.

Смирнов в целом сочувственно относился к раннему творчеству Андреева, посвятил ему большую статью «Разоренная жизнь. Рассказы Л. Андреева с точки зрения жизненной эволюции» («Русская мысль», 1905, № 4—6, 9, 11). Познакомился Андреев со Смирновым у Горького в Нижнем-Новгороде осенью 1901 г. (С. Как Максим Горький начал свою карьеру. — «Руль», 1913, № 424, 9 сентября). 23 апреля 1902 г. Андреев подарил Смирнову второе издание своих «Рассказов» с надписью: «Тому, кто любит вечное, Александру Александровичу Смирнову, от того, кто ищет. Леонид А н д р е е в» (хранится у М. А. Николаевской. Москва). Известны четыре письма Андреева к Смирнову (АГ и Куйбышевский музей).

⁶ Константин Петрович Пятницкий (1864—1938) — издатель, педагог, популяризатор естественных наук, переводчик. В 1887 г. в период усилившейся политической реакции, был исключен из Петербургского университета и сослан в деревню под надзор полиции с запрещением жить в университетских городах. В сентябре 1887 г.

был принят в Казанский университет, который окончил со степенью кандидата естественных наук. Решив посвятить себя делу народного образования, Пятницкий отклонил предложение остаться при университете и переехал в Петербург. В 1893—1896 гг. руководил отделом научных приложений к журналу «Мир божий». С 1898 г. — основатель и директор-распорядитель книгоиздательского товарищества «Знание». Познакомился с Горьким в 1899 г. у Поссе. Редактировал книги по естествознанию, переводную литературу, совместно с Горьким издавал литературно-художественные сборники «Знание» и беллетристику. В годы реакции цензура конфисковала ряд изданий «Знания» и против Пятницкого было возбуждено свыше двадцати «дел». Почти весь 1907 г. (до ноября) Пятницкий провел у Горького на Капри, обсуждая планы деятельности издательства. Цензурные гонения подорвали материальную базу «Знания». Заботясь о пополнении кассы и опасаясь новых конфискации, Пятницкий впоследствии невнимательно прислушивался к советам Горького. Несмотря на энергичные протесты Горького, он стал печатать в сборниках «Знание» произведения художественно неполноценные или проникнутые упадочническими настроениями (рассказ Куприна «Ученик», повесть Скитальца «Этапы», пьеса Андреева «Дни нашей жизни»). Пятницкий не поддержал инициативы Горького приступить к выпуску в «Знании» литературно-публицистических сборников. В письме к Ладыжникову от начала января 1909 г. Горький сообщал: «Мои отношения со „Знанием“ принимают характер все более и более нелепый, участие мое в этом издательстве становится все менее возможным» («Архив Горького», т. VII, стр. 185). В августе 1909 г. Пятницкий был вынужден эмигрировать из России, возложив дела по издательству на секретаря «Знания» С. П. Боголюбова, что, в свою очередь, создало новые затруднения. К концу 1912 г. между Горьким и Пятницким происходит окончательный разрыв. В Россию Пятницкий вернулся лишь после объявления политической амнистии в сентябре 1913 г. Начата, по предложению Горького, в 1913 и завершенная в 1919 г. проверка его личного счета и доходов от издания его сочинений в «Знании» подтвердила правильность расчетов Пятницкого. Издательство «Знание» официально просуществовало до 1922 г., когда Пятницкий добровольно передал его склады советским культурным организациям. В 1927—1928 гг. в «Ленинградской правде» и вечернем издании «Красной газеты» он публиковал воспоминания о Горьком и о своей издательской деятельности. 9 апреля 1936 г. Горький писал Пятницкому: «Я глубоко ценил вашу дружбу. И — продолжайте ценить. Вы, наверное, тоже знаете, как усердно распытали ее „третий лица“. Но мы не станем слагать на них нашу вину друг перед другом — виноваты же мы в том, что не нашли возможным поговорить о „наших разногласиях“ открыто, искренно, до конца...» («Летопись», IV, стр. 584). В «Архиве Горького» (т. IV) опубликовано 455 писем и телеграмм Горького к Пятницкому. Часть бумаг Пятницкого хранится в АГ, в их числе его дневники за разные годы, автобиографии, рукописи воспоминаний о Горьком, материалы о педагогической и издательской деятельности. Кроме того в АГ находится 149 писем Пятницкого к Горькому 1899—1936 гг., а также многочисленные письма к нему разных лиц.

⁷ Сергей Аполлонович *Скирмунт* (1863—1932) основал в 1896 г. собственное книгоиздательство и совместно с В. А. Крандиевским вступил в пайщики книжного магазина «Труд» в Москве. Оказывал помощь РСДРП, печатал прокламации и распространял социал-демократическую литературу. На квартире Скирмунта почевали революционеры, находившиеся на нелегальном положении. В 1902 г. был арестован. Несколько месяцев провел в Таганской тюрьме, в августе 1903 г. приговорен к ссылке на пять лет в Олонецкую губ. С декабря 1903 г. жил в Лодейном Поле. Осенью 1904 г. вернулся в Москву по амнистии. Книжные магазины Скирмунта в Москве и Петербурге служили складом нелегальной литературы, оружия и передаточным пунктом для конспиративной переписки. Вместе с И. И. Скворцовым-Степановым, М. Н. Покровским, В. Л. Шандлером и др. принимал участие в организации в Москве легальной большевистской газеты «Борьба». Как официальный редактор газеты в ноябре—декабре 1905 г. был кооптирован в МК РСДРП. 9 ноября 1906 г. особое присутствие Московской судебной палаты, инкриминировав Скирмунту появление в «Борьбе» «ряда статей, возбуждающих к учинению бунтовщического деяния и к ниспровержению существующего строя», приговорило его к трехгодичному заключению в крепость. В 1908 г. выпущенный на поруки, при содействии Скворцова-Степанова, эмигрировал. В 1926 г. вернулся в Советский Союз. Некролог Скирмунта см. — «Известия», 1932, № 276, 5 октября.

⁸ С 2 мая 1901 г. Андреев снимал дачу в Царицыне по Московско-Курской ж. д.

⁹ Екатерина Павловна *Леткова* (в замужестве Султанова; 1856—1937) — писательница, переводчица. Первую повесть «Ржавчина» напечатала в «Русской мысли» в 1881 г. Собрание ее сочинений в трех томах вышло в 1900 г. Какие переговоры с Летковой имеет в виду Андреев, установить не удалось. Возможно, речь идет об ее участии в литературном сборнике «Курьера». В копии это место из письма Андреева явно искажено.

¹⁰ Путевые впечатления Андреева о поездке на Балтийское побережье печатались в «Курьере», 1901, № 207, 29 июля; № 214, 5 августа; № 221, 12 августа (Джемс Л и н ч.

Москва. Мелочи жизни). Под заглавием «Путевые впечатления. — Рига. — Балтийское море» вошли в ПССА, т. VI, стр. 235—249.

¹¹ Зинаида Николаевна Андреева (в замужестве Тройнова; 1884—1905) — вторая сестра Андреева (см. о ней письмо Горького к Пятницкому от 20—21 сентября 1905 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 188).

24. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний-Новгород. 5 ... 10 сентября 1901 г.⟩

Письмо дошло и принесло мне много удовольствия. Рассказец-то почтять бы мне? ¹ А печатать его, — если сейчас, — в «Русском богатстве» ², а если пожелаете занять у меня под рассказ этот рублей 200, то мы его, до поры, до времени, спрячем. Напечатаем же либо в альманахе ³, либо в нашем журнале, который — должен быть ⁴...

Дорогой друг, соберите-ка вы мне по Москве две справочки: во-первых — кто, когда и зачем собирается издавать журнал «Правда»?.. ⁵, а, во-вторых — кто есть Владимир Саблин и зачем он думает издавать «литературно-художественный и театральный журнал»? ⁶

Парица небесная! Скоро на каждого писателя будет по два издателя!

Живу на старой квартире ⁷. Пишите на жену ⁸. «Рассказов» жду на днях ⁹. Писать некогда. Шаляпин мне понравился — выше всякой меры ¹⁰.

Ваш А. Пешков

А жена говорит: «что он не пришлет моего портрета, посмотрела бы. Напиши ему». Написал ¹¹.

И подписал: А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ Письмо Андреева не сохранилось. Неясно, о каком рассказе его идет речь. В сентябре Андреев написал рассказ «Стена»; опубликован в «Курьере», 1901, № 244, 4 сентября.

² «Русское богатство» (Пб., 1876—1918) — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, с начала 1890-х годов — центральный орган либерального народничества.

Андреев получил приглашение сотрудничать в «Русском богатстве» от Н. К. Михайловского после выхода первого издания «Рассказов» в октябре 1901 г., на которое критик отозвался сочувственной рецензией. Андрееву, далекому от споров марксистов с народниками, только вступающему в «большую литературу», предложение писать для такого солидного журнала было дорого. «Как к высокой чести, отношусь я к участию в „Русском богатстве“,» — ответил он Михайловскому 31 октября 1901 г. (ЛА, вып. 5, стр. 51). В декабрьском номере «Русского богатства» 1902 г. опубликован рассказ Андреева «Иностранец». Дальнейшее сотрудничество Андреева в «Русском богатстве» не могло продолжаться, так как и для редакции журнала и для Андреева все более очевидным становилась чуждость их идейных позиций. Горький при содействии Короленко напечатал в «Русском богатстве» (1895, № 6) рассказ «Челкаш» (см. «Горьковские чтения», I. М.—Л., 1940, стр. 79—112).

³ См. прим. 3 к письму 25.

⁴ В связи с закрытием «Жизни» предполагалось издание нового литературно-художественного журнала. Горький хотел к нему привлечь в качестве главных сотрудников Андреева, Поссе и Чирикова, но сам быть главным редактором не собирался. Издание журнала не состоялось.

⁵ 27 мая 1901 г. редактор-издатель журнала «Судебные драмы» Леонтий Федорович Снегирев (1840—1918) обратился в Главное управление по делам печати с прошением о разрешении издавать ему в Москве ежемесячный литературно-общественный журнал «Правда». Программа нового журнала была утверждена Министерством внутренних дел 4 сентября 1901 г. До 1903 г. Снегирев не выпустил ни одного номера «Правды», и 9 сентября того же года Главное управление по делам печати известило его, что разрешение на издание «Правды» отменено как неиспользованное (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1470). С 1904 г. под таким заглавием стал выходить журнал В. А. Кожевникова (см. прим. 2 к письму 101).

⁶ Владимир Михайлович Саблин (1872—1916) — врач, издатель, переводчик, сотрудник «Русских ведомостей», «Курьера», «Новостей дня». В ноябре—декабре 1905 г. Саблин купил «Курьер» и начал вместо него издавать газету «Жизнь», орган

левых кадетов. В издательстве Саблина печатались в переводах на русский язык собрания сочинений современных западноевропейских писателей. Перевод Саблиным драмы Гауптмана «Михаил Крамер» был принят к постановке Московским Художественным театром. Прощение Саблина об издании в Москве без предварительной цензуры ежемесячного «Журнала литературы, науки и общественной жизни» — «Маяк» Главное управление по делам печати оставило без внимания (ЦИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1684, л. 6).

⁷ С 3 сентября 1900 г. Горький поселился с семьей в Нижнем-Новгороде в д. Лемке на Канатной ул. (А. В.-С и г о р с к и й. По горьковским местам. Изд. 2-е, испр. и доп. Горький, 1953, стр. 165; ср.: «Летопись», I, стр. 279).

⁸ Горький просил писать ему на имя Е. П. Пешковой, так как предполагал, что его могут выслать из Нижнего-Новгорода. 13 сентября его неофициально известили об этом («Летопись», I, стр. 332).

⁹ «Рассказы» Андреева вышли в издательстве «Знание» 17 сентября 1901 г.

¹⁰ 4 сентября 1901 г. в помещении Нижегородского театра состоялся концерт Шалыпина в пользу строительства Народного дома. В своих письмах к Пятницкому и Поссе Горький дал восторженную оценку исполнительскому мастерству Шалыпина (XXVIII, 172, 184—185).

¹¹ См. прим. 3 к письму 11.

25. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Нижний-Новгород. 20 ... 24 сентября 1901 г.>

Милый Леонидушка!

Не говори вздора ¹.

Поздравляю с выходом в свет книги ². Рассказ можно послать и Брусянину ³, потребовав с него аванс, и в «Русское богатство», сказав, что это я посоветовал, т. е. посоветовал послать. Аванса «Р. Б.» — Р. Б. совсем не значит рыба, а «Русское богатство» — не даст. Я денег тоже не дам, ибо нет у меня денег! Это странно, но это факт. Ощутимый, осязаемый печальный факт. Кстати, — как небытие может быть осязаемым фактом?

Вы, сударь, получите прибыль с книги вашей 1200 рублей, но в этой ли сумме 500 аванса или вне ее — не знаю. Брусянин — славный парень. Я вас никуда не тащу. Доказательство — прилагаемое письмо ⁴.

Нельзя ли вам из дружбы ко мне сломать одно-два ребра тому милостивому государю, который написал в «Курьере», что здоровье мое не оставляет желать ничего лучшего? ⁵ Человека ссылают в Арзамас, человек подал министру прошение, что-де не в Арзамас, а в Ялту мне надо ехать по болезни моей и — вдруг! Зачем говорить всегда правду? Скучно, опасно и вообще — не гоже.

Подкузьмили вы меня, о курьеры!

Ежели вы хотите приехать ко мне, то это очень хорошо с вашей стороны.

Да сохранит вас Д. С.* и помилует ⁶.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ В несохранившемся письме Андреев, видимо, благодарил Горького за поддержку и помощь в издании его книги.

² На сборнике рассказов Андреева стояло: «Посвящаю эту книгу Алексею Максимовичу Пешкову. Л. А н д р е е в». Экземпляр с дарственной надписью Горькому Андреев отправил из Москвы в Олениз 20 декабря 1901 г. (см. воспроизведение ниже, стр. 125).

Содержание сборника составили произведения: «Большой плем», «Ангелочек», «Молчание», «Валия», «Рассказ о Сергее Петровиче», «На реке», «Ложь», «У окна», «Жили-были», «В темную даль». В сентябре 1901 г. Пятницкий извещал Горького: «Андреев напечатан и сброшюрован. Славная вышла книжка. Ваше детище. Ждем окончания цензурного срока. Завтра отправлю вам 10 экз. Цену назначил в 80 к. Напечатано 4000 экз. 13 листов» (АГ). В том же месяце «Рассказы» поступили

* Д. С. — по-русски — дикая свинья. Полный титул Д. С. — Его высокопревосходительство и управляющий тайным обществом под фирмою Министерство внутренних дел. — Прим. Горького.

Весенняя мелодия.

(Фантазия).

Въ саду, за окномъ моей комнаты, по голымъ вѣтвямъ оаицы, прыгаютъ воробьи и оживленно разговариваютъ, а на крыльяхъ крыши соседняго дома сидятъ почтенная ворона и, слушая говоръ сырыхъ птицъ, важно покачиваетъ головою Теплый воздухъ, пропитанный солнечнымъ свѣтомъ, приноситъ мнѣ къ комнатѣ каждый звукъ—я слышу торопливый и негромкій голосъ ручья, слышу тихій шорохъ вѣтвей, понимаю, о чемъ воркуютъ голуби на крыльяхъ моего окна и вѣстятъ съ воздуха мнѣ въ душу льется музыка весны.

— Чирк-чирк!—говоритъ старый воробей, обращаясь къ товарищамъ.— Вотъ и снова мы дожидаемъ весны... не правда-ли? Чирк-чирк!

— Фа-а-а! фа-а-а!—грациозно вытываетъ шею, отыскиваетъ ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, какъ въ утвердительномъ смыслѣ. Будучи отъ природы глупой, она еще и пуганая, какъ большинство воробь. Но она занимается въ обществѣ прекрасное положеніе и занимаетъ одну уступочку отъ нелюбимыхъ болотныхъ птицъ.

Я знаю воробья, хотя съ виду онъ кажется легкомысленнымъ и даже безразличнымъ, но, въ сущности, это птица—себя на умѣ. Она прыгаетъ около воробья съ виду потѣительно, но въ глубинѣ души хорошо знаетъ ей нѣтъ и никогда не прочь рассказать о ней двести прелестныхъ исторій.

А на зарницѣ окна золотой шеголоватый голубь гордо убѣждаетъ скромную голубку.

— Я умру, умру отъ разочарованья, если ты не раздѣлишь со мной любовь мою...

— А знаете, сударыня, членики прелестны!—сообщаетъ воробей.

— Фа-а-а!

— Провѣтели и шумятъ, пархаютъ, щебечутъ... Ужасно безпокойныя птички... И самымъ явнымъ съ ними... какъ всегда, ха-ха-хе! Вѣра, вѣра, и спросила, съ шутки, одного изъ нихъ, что, голубчикъ, вытѣтали?—Отвѣталъ пересталъ... Въ этихъ птичкахъ совершенно нѣтъ уваженія къ чужу, званію и общественному положенію себѣ... Я, извѣстный воробей.

Но тутъ, въ-за-грудь, на крыльяхъ нежданно явился молодой воробей и сполохъ отразился.

— Внимательно прислушиваясь по долгу службы и разговаривая въѣхъ насладиться воздухомъ, возу, жм

вѣсно и вѣтра земли тварей и не уносимостью сдѣла за нихъ поверженіе, чистъ нѣтъ довести, что означенные членики грома щебечутъ о веснѣ и обостриваются вѣдаться на крыльяхъ, острое обновленіе всей природы.

— Чирк-чирк!—вскликиваютъ воробей безпокойно отащиваясь на доверителя. А ворона благоволила поначалу толковой.

— Весна уже была, она была не вѣнками,—сказалъ старый воробей.—А на счетъ обновленія всей природы это... конечно, пріятно... если происходить съ разрѣшеніемъ тѣхъ силъ, которыя не извѣстно вѣдать...

— Ора-а-а!—сказала ворона, окинувъ собеседника благосклоннымъ окомъ.

— Къ вышеназванному должеиъ добавить,—продолжалъ воробей,— означенные членики выражаютъ недовольство по поводу того, что ручья изъ коихъ они утоляютъ жажду, явнымъ,—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ не изъ нихъ дерзнуть даже мечтать о свободѣ...

— Ахъ это они всегда такъ!—воскликнулъ старый воробей. Это отъ молодости у нихъ, это нечуть не опасно! Я тоже былъ молодымъ и тоже мечталъ о ней. Развѣется—старому нечужо? Но потомъ—это прошло, являлся другая «она», болѣе реальная Ха-ха-хе! и знаете, пожалуй болѣе пріятная, болѣе необходимая воробью... ха-ха...

— У-ти!—раздался испуганный крикъ.

На вѣтвяхъ стили являлся действительный статскій синигиръ, онъ явственно расклянчался съ птицами и закричалъ.

— Э, я не за вѣтвяхъ-ли вы, господа, что въ воздухѣ летать чужо?...

— Весенняя погода, выше-тебя,—сказалъ воробей. А ворона тонко сложила голову на бокъ и изрѣзала звукомъ вѣтвей, какъ болѣе вѣра.

— И да... Вѣра за вѣтвяхъ тоже самое говорилъ мнѣ одинъ потомственный почетный филантъ... Тѣмъ-то говоритъ, э, вѣстаетъ... А я отвѣтилъ замѣтилъ, понималъ,—разсрѣзъ. Резонно, а?

— Тѣмъ точно, вѣстаетъ! Вѣстаетъ резонно!—потѣительно сошлась старый воробей.—Всегда чужо сто надо подождать... Солдаты птицъ всегда ждать...

На протѣину слова опустился съ нога жаворонокъ и озабоченно бѣгалъ по ней, забормоталъ.

92. 10. 1901. 11. 1901.

в продажу. 18 сентября Пятницкий дополнительно выслал Горькому десять экземпляров книги.

³ Василий Васильевич *Брусянин* (1867—1919) — писатель, публицист, литературный критик, в последние годы жизни был секретарем Андреева. Автор книг: «Леонид Андреев. Жизнь и творчество». М., 1912; «Доктора и пациенты. Литературно-общественные параллели». СПб., 1914; «Дети и писатели. Литературно-общественные параллели. (Дети в произведениях А. П. Чехова, Леонида Андреева, А. И. Куприна и Ал. Ремизова)». М., 1915, и др. В 1897 г. сотрудничал в «Новом слове» и в «Жизни». В 1908 г. приговоренный к двухгодичному заключению в крепости за организацию в 1905 г. социал-демократической «Московской газеты», эмигрировал за границу. До амнистии 1913 г. жил в Финляндии. В 1911 г. печатался в большевистской «Звезде», в 1913 — в «Правде». Сборник рассказов Брусянина «В рабочих кварталах» вышел в 1925 г. (ГИЗ). В комментируемом письме Горького идет речь о задуманном Брусяниным и поэтом А. А. Лукьяновым сборнике «Литературное дело», средства от продажи которого предполагалось использовать для основания в Петербурге издательства молодых писателей. Обращаясь за поддержкой к Поссе, Брусянин писал ему 11 августа 1901 г., что проектируемый сборник будет «без политики» (ИМЛИ). Сборник был отпечатан в 1902 г., в него вошли стихотворения Скитальца, А. М. Вербова, Лукьянова, повесть Тана-Богораза «На Красном камне», рассказ Вересаева «На эстраде», пьеса Чирикова «На дворе во флигеле», а также статьи Е. В. Тарле, В. Я. Богучарского и С. Н. Булгакова. Горький и Андреев в «Литературном деле» участия не приняли.

⁴ О каком письме идет речь — неизвестно.

⁵ 19 сентября в № 259 «Курьера» в разделе «Маленькая хроника», по-видимому, Андреев сообщал (за подписью: ХХХ): «Здоровье писателя не оставляет желать ничего лучшего. Он много работает и торопится окончить скорее свою драму. В Нижнем, где писателя осаждали посетители, — у него оставалось мало свободного времени. С переездом в глухой Арзамас — условия работы несколько улучшатся». Получив письмо Горького, Андреев поторопился исправить допущенную оплошность и 26 сентября в № 266 «Курьера» появилось сообщение: «В дополнение к заметке о состоянии здоровья Максима Горького нам сообщают, что здоровье в последние дни изменилось к худшему. Писателю, по-видимому, потребуются переехать на юг, так как климат Нижегородской губ. и в частности г. Арзамаса не может быть причислен к числу годных для легочных больных».

⁶ Намек на министра внутренних дел Д. С. Сипягина (см. о нем прим. 9 к письму 51). 26 сентября 1901 г. Горький писал Пятницкому: «Сегодня подал министру прошение о допущении меня до Ялты в целях лечения и в течение всей зимы, — даже до 15-го апреля» («Архив Горького», т. IV, стр. 36).

26. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Нижний-Новгород. 25 ... 27 сентября 1901 г.)

Книжка — вкусная. Это — настоящая литература ¹.

Вы же — молодец. Прочитал я всю книжку и — выпил одну бутылку вина ценою в три целковых за ваше здоровье. Потом приятели пришли, почитали и — выпили еще несколько за русскую литературу.

Эх, Леонидушка! Мила-ай! Хорошее это дельце — писателем быть, особенно хорошо быть писателем в русской земле, и потому, браток, это хорошо, что уж очень скверно. И вообще — жить на земле большое удовольствие, и ничего приятнее такого занятия я не могу себе представить.

Драму? Великолепно! ² Удивительно хорошо и именно на эту тему! Надо писать! Надо хотеть написать и вы напишете. Вы — талантливое животное, вы напишете! Я чувствую это. Но — остерегайтесь быть умным. Достаточно быть талантливым для того, чтоб писать хорошо, и нужно чувствовать чем пахнет человеческая кровь, слеза, пот. Нужно ненавидеть несчастье и — не мирволечить несчастным. Вы всё это понимаете. «Рассказ о Сергее Петровиче» — хорошая, умная и тонкая вещь, — представьте! Раньше это не нравилось мне ³, а теперь вот прочитал и сказал — ого! И «На реке» ⁴. «На реке» очень хорошо. Да, сударь мой! Мне ужасно приятно и весело, ибо — вы славная фигура! Вы напишете драму и еще много значительных, хороших вещей. Это — факт. Вы — любите солнце. И это — великолепно, эта любовь — источник истинного искусства, настоящей, той самой поэзии, которая оживляет жизнь.

Вот я — я стал умнее, и с той поры мой талант тупеет. Но это — ничего. Вы, дядя, прекрасно задумали — валяйте драму.

Был Саблин ⁵. Уваленъ. Но — попробуем, посмотрим что он устроит. Я сказал ему, что у вас есть рассказ и что вам нужно денег. Он понял, кажется. Ну, написал я драму. Нехорошо. Крикливо, суетливо — и пусто ⁶. Ничего! Напишу другую.

Очень хотел бы видеть вас.

Был Безобразов ⁷. Приглашал. Я отказался. Редко встречаются столь глупые люди, как он, и никогда не видал я более невежественного профессора. Журнал, им затеянный, будет гробом для него, позорищем. Ну, бог с ним! Я люблю, когда человек делает что-нибудь смешное — серьезно и с любовью.

Крепко жму руку. А. Пешков

Сказал начальству, что в Арзамас могу отправиться только по этапу, а по предписанию — не поеду. Постесняется отправить с конвоем — я выиграю. Не постесняется — тоже я выиграю ⁸.

Вот она, штука-то какая!

Датируется по письмам Горького к Чехову от 25 или 26 сентября и к Пятницкому от 26 или 27 сентября 1901 г. (X XVIII, 178—179; «Архив Горького», т. IV, стр. 36—37).

¹ См. прим. 2 к письму 25.

² Андреев намеревался переделать в пьесу рассказ «В темную даль».

³ См. письма 4 и 5.

⁴ Рассказ «На реке», написанный Андреевым между 21 и 24 февраля 1900 г., был опубликован в «Журнале для всех», 1900, № 5, стб. 525—540.

⁵ О приезде Саблина (см. прим. 6 к письму 24) в Нижний-Новгород Горький писал Пятницкому между 26 и 28 октября 1901 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 48—49). По-видимому, речь идет о другом приезде Саблина для продолжения переговоров об участии Горького в проектируемом им журнале. Саблин просил для журнала пьесу «Мещане». В письме к Пятницкому от 23—24 октября Горький называет журнал Саблина «Маяк», а о помещении в нем своей пьесы говорит как о вопросе решенном.

⁶ Имеются в виду «Мещане». Работу над пьесой Горький окончил 25 сентября 1901 г. (письмо Горького к Пятницкому от 26—27 сентября 1901 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 36). Авторская оценка пьесы в комментируемом письме почти буквально повторяет отзыв о «Мещанах» в упоминаемых выше письмах Горького к Чехову и Пятницкому.

⁷ Павел Владимирович Безобразов (1859—1918) — профессор, автор трудов по истории Византии. В конце 1900 г. прислал Горькому в Нижний-Новгород свою книгу «О современном разврате» (М., 1900). Горький напечатал на нее рецензию в «Нижегородском листке», 1901, № 33, 3 февраля. В письме от 15 декабря 1900 г. Горький просил Телешова сообщить ему адрес Безобразова, намереваясь привлечь последнего вместе с Чириковым, Андреевым, Буниным, Поссе, Соловьевым-Андреевичем и др. к участию в литературном сборнике нижегородского «Общества защиты женщин» («Архив Горького», т. VII, стр. 18). В сентябре 1901 г. Безобразов приезжал к Горькому для переговоров о сотрудничестве в организуемом в Москве журнале «Правда» (см. также прим. 13 к письму 33).

⁸ О высылке из Нижегородского Арзамаса под гласный надзор полиции Горькому было объявлено 21 сентября 1901 г. («Летопись», I, стр. 333).

27. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний-Новгород. 1... 2 октября 1901 г.⟩

Леничка!

Новость! Будучи у меня, Вл. Ив. Немирович-Данченко сообщил мне, что он, по дороге из Москвы в Нижний, открыл нового и очень талантливого беллетриста, некоего Л. Андреева ¹. Я сказал ему на это, что Леонид —

фигура! И что он — Леонид — хочет писать пьесу. Разумеется — оба начали ликовать.

Теперь нужно вам, голубь мой, познакомиться с этим самым Владимиром Ивановичем. Нужно, я это знаю, он — тоже. Он — человек умный, искренний, со вкусом и знает театральное дело, как я — булочное. Нет, лучше, чем я булочное. Вы познакомьтесь. Надо. Немирович-Данченко может быть очень полезен.

О «Стене» мне говорил Саблер², не очень ясно. А я ее не видал, не получал и не читал. Жду.

Сдал предварительное испытание на чин драматурга. Что-то скажет государственный экзамен?³

А. Пешков

Здорово я фамилию подписываю?⁴

Датируется по связи с письмом Горького к Пятницкому от 1—2 октября 1901 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 37—38).

¹ 6 марта 1900 г. в связи с начинающимися 10 апреля гастролями Художественного театра в Севастополе Чехов приглашал Горького в Крым: «Вам надо поближе подойти к этому театру и присмотреться, чтобы написать пьесу» (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. XVIII. М., 1949, стр. 347). Горький приехал в Ялту 16 марта («Летопись», I, стр. 269), здесь он познакомился и сблизился с Вл. И. Немировичем-Данченко (1858—1943), который настойчиво советовал ему написать пьесу для Художественного театра (Вл. И. Немирович-Данченко. Из прошлого. М., 1938, стр. 187—188, 190). Летом того же года в Мануйловке Горький, ободряемый Чеховым, приступил к работе над своей первой пьесой «Мещане». Эта работа осталась незаконченной, доведя пьесу до третьего акта, не удовлетворенный ею, Горький, видимо уничтожил рукопись (письмо Горького к Чехову между 15 и 31 августа 1900 г. — XXVIII, 126—127). Новая встреча с Немировичем-Данченко произошла в сентябре в Москве. «Я рассказал ему мою пьесу, и он сразу, двумя-тремя замечаниями, меткими, верными, привел мою пьесу в себя. Все исправил, переставил, и я удивился сам, как все вышло ловко и стройно. Вот молодчина!» (из письма к Чехову между 1 и 7 октября 1900 г. — XXVIII, 133). После этого между Немировичем-Данченко и Горьким завязалась переписка. 28 сентября 1901 г., когда «Мещане» были закончены, Немирович-Данченко приехал в Нижний-Новгород. «Я — ваш Алешка, — сообщал Горький 1—2 октября Пятницкому, — с честью выдержал предварительное испытание на чин драматурга! (...) Вл. Немирович-Данченко клятвенно уверял меня, что пьеса — удалась и что сим делом заниматься я способен. Я ему верю. Он — прямой, искренний человек, не очень талантливый, но весьма и весьма умный и — со вкусом (...) Вы знаете — три дня я его ждал и чувствовал себя мальчишкой, волновался, боялся и вообще дурачки вел себя. А когда начал читать пьесу, то делал огромные усилия для того, чтоб скрыть от Немировича-Данченко то смешное обстоятельство, что умения дрожал голос и тряслись руки. Но — сошло!» («Архив Горького», т. IV, стр. 38). Немирович-Данченко взял на себя хлопоты о разрешении постановки пьесы в цензуре и увез рукопись в Москву, выслав взамен автору машинописную копию. Пьеса вышла отдельным изданием в «Знании» в начале 1902 г.

Позднее взаимоотношения Горького и Немировича-Данченко приняли весьма сложный характер (см. отрывки из их переписки 1904 г. в «Историческом архиве», 1962, № 2, стр. 53—54). Новые осложнения были внесены постановкой Немировичем-Данченко инсценировки «Бесов» Достоевского (1913). См. раздел «Горький об Андрееве», а также статью Г. Зориной «Горький и Немирович-Данченко». — «Ежегодник Института истории искусств». 1959. Театр. М., 1959, стр. 140—181.

Андреев познакомился с Немировичем-Данченко в 1902 г. Переписка между ними началась в 1903 г. и продолжалась до 1917 г. (письма Андреева и копии писем к нему Немировича-Данченко ныне хранятся в Музее МХАТа); несколько писем опубликовано В. И. Беззубовым в «Учен. зап. Гос. Тартуского ун-та», вып. 119, 1962. Из четырех пьес Андреева, шедших в Художественном театре, три — «Анатэма» (1909), «Екатерина Ивановна» (1912) и «Мысль» (1913) — поставлены Немировичем-Данченко.

² Речь идет о В. М. Саблине. См. прим. 6 к письму 24.

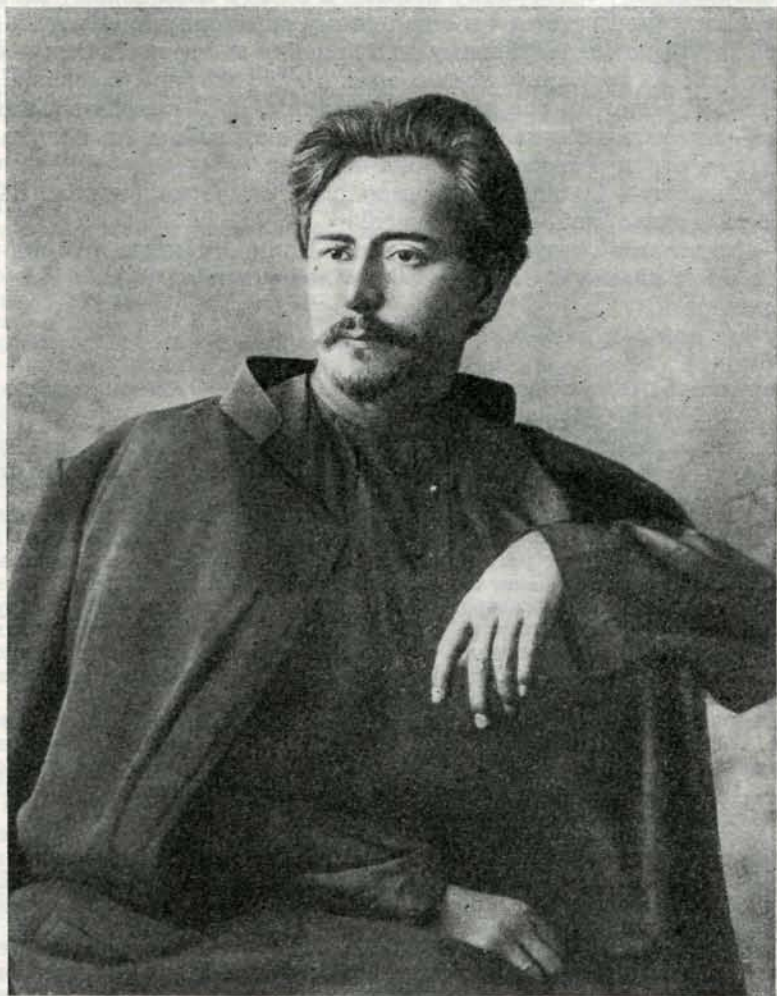
³ Подразумевается предстоящая постановка «Мещан» в Московском Художественном театре.

⁴ В отличие от обычной своей подписи Горький здесь расписался с росчерком.

28. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Нижний-Новгород. 5 ... 10 октября 1901 г.〉

Приезжайте сюда, дядя, а то письма писать неудобно и расходисто, на марки больно много деньжищ выходит. Приезжайте по железной дороге и привозите ваш новый рассказ.

АНДРЕЕВ

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1901 г.

Собрание В. Л. Андреева, Женева

Поговорим и — увидим. А «отчаянно предприимчивый человек»¹ — не может приехать? И его бы.

Ну, что ж драма? Надо драму. Я вот скоро вторую начну, ибо с полной очевидностью убедился, что первая — никуда не годится.

Вообще я так настроен на драму, что теперь у меня — берегись, Вильям Шекспир! трепещи, Нестор Кукольник! и — больше никаких!

Можете напечатать в «Курьере», что Горький затеял новую драму из эпохи перехода евреев через Чермное море. Основная идея та — что

пьяному — море действительно по колено, а не выше, как утверждают благоразумные люди ².

Но — и море, и евреи — пустяки по сравнению с одной затеей.

А она — вот такая. Вы — беллетрист, Я — «Нижегородский листок» ³. Мне хочется — хорошей беллетристики. Но я, — при моих средствах, — дороже 3 копеек платить за нее не могу. Ну-с?

Я говорю соседу «Северному краю» ⁴ и соседу «Волжскому вестнику» ⁵, соседке «Самарской газете» ⁶ и еще одному саратовцу ⁷: «Братцы! давайте печатать хорошую беллетристику по 3 копейки за строку?» Они — «а как?».

А вот как: мы все напечатаем в один и тот же день рассказ Л. Андреева или М. Горького и все дадим им, чертям, по 3 копейки. Таким образом мы — имеем Андреева за три копейки каждый, а он получает с нас 15 копеек за строку! Просто, ясно и недурно.

У пяти газет — 20 000 подписчиков, это самое маленькое. Выступать перед такой аудиторией — это ничего!

Но — милый мой друг! — молчание! Если эту идею кто-нибудь стащит — я с вас возьму 2 393 862 356 рублей убытка. Факт!

До свидания!

Жду вас во всем вашем составе.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ Вероятно, А. М. Велигорская.

² Неосуществленный замысел Горького — пьеса «Жид». См. письма Горького к Пятницкому от 1—2 октября («Архив Горького», т. IV, стр. 38) и к Поссе от 14 октября 1901 г. («Архив Горького», т. VII, стр. 24).

³ С 1 октября 1901 г. Горький вступил в число пайщиков «Нижегородского листка». Между 13 и 17 октября Андреев приезжал в Нижний-Новгород (Л. — е в <Андреев>. «Впечатления». — «Курьер», 1901, № 328, 27 ноября), где вместе с Бунинным и Алексеевским выяснял вопрос о более тесном сотрудничестве в газете участников кружка «Среда» и о заключении «Нижегородским листком» соглашения с пятью другими поволжскими изданиями, а также с «Курьером» об одновременном печатании художественных произведений. К соглашению присоединилась одесская газета «Южное обозрение» (см. письмо Горького к Чехову от января 1902 г. — «М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи, высказывания». М., Гослитиздат, 1951, стр. 102).

⁴ «Северный край» (Ярославль, 1898—1905) — ежедневная либеральная политическая, общественная и литературная газета. В 1903—1905 гг. в «Северном крае» сотрудничали большевики — Ем. Ярославский и В. Менжинский, бывший секретарем редакции. После запрещения за «крайнюю оппозиционность направления» возобновлялась под разными названиями до 11 мая 1909 г.

⁵ «Волжский вестник» (Казань, 1883—1906) — ежедневная литературная, политическая, общественная и коммерческая газета либерально-народнического направления. В 1893—1894 гг. Горький был сотрудником «Волжского вестника» (Е. Г. Бушканец, А. М. Горький и «Волжский вестник». — «Горьковские чтения. 1949—1952». М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 406—413).

⁶ «Самарская газета» (1884—1906) — ежедневная либерально-литературно-политическая и экономическая газета. Горький был ближайшим сотрудником «Самарской газеты» в 1895—1896 гг., опубликовал в ней свыше тридцати художественных произведений («Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Мой спутник» и др.) и более трехсот статей и фельетонов. Подробнее об этом см. в статьях: И. А. Груздев «М. Горький в Самаре» и А. И. Овчаренко «Публицистика М. Горького самарского периода». — «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 333—418.

⁷ В Саратове в это время выходили две газеты, в которых печаталась беллетристика: «Саратовский дневник» (1877—1907) и «Саратовский листок» (1880—1917).

29. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Нижний-Новгород. 25 октября 1901 г.>

Получил разрешение ехать в Ялту, еду около 10-го ноября ¹.хлопочу о возможности остановиться на несколько дней в Москве, но ни слова об этом в газетах.

Сегодня — 25-го в «Нижегородском листке» статья Яровицкого-Корнева «О рассказах Л. Андреева». Недурно. Корнев — автор рассказа «Муж долга»².

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ «Ввиду действительно болезненного состояния» Горького ему было разрешено 2 октября временно жить в Нижнем-Новгороде («Летопись», I, стр. 336). 16 октября Департамент полиции разрешил Горькому переехать до 15 апреля будущего 1902 г. на южный берег Крыма, кроме Ялты («Летопись», I, стр. 337). Из Нижнего-Новгорода Горький выехал 7 ноября (см. письмо 30).

² Алексей Васильевич Яровицкий (1876—1903) — писатель и революционный деятель. В апреле 1899 г. возглавлял Исполнительный студенческий комитет, подготовивший созыв общероссийского союза студентов. После ареста 30 мая был сослан под гласный надзор полиции в Нижний-Новгород. Входил в большевистский Нижегородский комитет РСДРП. В июне 1899 г. познакомился с Горьким («Летопись», I, стр. 237). Весной 1901 г. Яровицкий передал Горькому задание Комитета приобрести в Петербурге mimeограф для нужд местной социал-демократической организации. 7 ноября 1901 г. в день отъезда из Нижнего-Новгорода в Крым Горький подарил Яровицкому свою фотографию с надписью: «Без сомнения, с полной уверенностью пишу: будущему крупному писателю Алексею Васильевичу Яровицкому. М. Горький с уважением и любовью» (АГ. Воспроизведение см. на стр. 107 настоящ. тома). Под псевдонимом «А. Корнев» Яровицкий печатался в «Нижегородском листке». Рецензия «О рассказах Л. Андреева» (подписана А. Я — ий) опубликована в «Нижегородском листке», 1901, № 292, 25 октября. Позже Яровицкий выступил со статьей о рассказе Андреева «Мысль» (черновой набросок хранится в АГ; напечатана в «Самарской газете», 1902, № 229, 26 октября). Очерк Яровицкого «Муж долга» напечатан в «Курьере» под псевдонимом «А. Корнев» (1902, № 238, 29 августа). Следующее и последнее выступление Яровицкого в «Курьере» — рассказ «Тоска» (1902, № 353, 22 декабря). См. о нем кн.: Л. Ф а р б е р. А. В. Яровицкий. Волго-Вятское кн. изд-во, 1964, а также письмо 37.

30. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Нижний-Новгород. 27 ... 29 октября 1901 г.>

Голубчик Леонид Николаевич!

Скажите Якову Абрамовичу? — Фейгину¹ следующее: на днях Станислав Иванович Гриневицкий, редактор «Нижегородского листка», пришлет ему рукопись моего рассказа. Будет — фельетона два, три².

Мои условия: рассказ должен быть начат печатанием в «Курьере» в один и тот же день с «Листком», не ранее. Только при этом условии — и при строгом соблюдении его — я буду печататься в «Курьере». То обстоятельство, что один и тот же рассказ одновременно печатается в двух изданиях, разумеется, понижает гонорар за него, и потому пусть «Курьер» заплатит мне по пятаку или — сколько он вообще платит за беллетристику оригинальную беллетристам не оригинальным?

Вот. День назначает Гриневицкий, рассказы получают от него.

О драме, альманахе³ и прочих язвах сердца моего я не буду теперь говорить. Саблин был. Драму я ему обещал. Был еще один любитель драм⁴. Я и ему чуть-чуть не обещал. Вам тоже обещал. Я — помню. Поясню: нельзя не обещать человекам драму, раз их желание иметь ее ставит автора в драматическое положение: дать всем по одному акту или же всех перестрелять и самому — удавиться. Я начинаю думать, что я только тогда никого не обижу, если никому ничего не дам.

Я, милый мой дружище, устал, полуболен и раздражен, как нервная баба. У меня болит голова, а по ночам действует сердце. Сначала — очень прытко действует, а потом устанет и, якобы, уж и совсем не действует. И в такой момент я думаю — а что как содохну я, Пешков? Это,

Издание Товарищества „ЗНАНИЕ“ (СПб., Невский, 92).

М. ГОРЬКИЙ. «РАССКАЗЫ» (СПб., 1901, т. II). КНИГА БЫЛА ПОДА-
РЕНА УЕЗЖАВШЕМУ В КРЫМ
ГОРЬКОМУ АНДРЕЕВЫМ И
ДРУГИМИ ДРУЗЬЯМИ 8 НОЯБРЯ
1901 г. В ПОДОЛЬСКЕ

Титульный лист
Архив Горького, Москва

М. Горький.

РАЗСКАЗЫ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ТРЕТЬЕ издание товарищества „ЗНАНИЕ“.

Тринадцатая тысяча.

Цена 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

разумеется, глупости, я знаю, что еще долго не сдохну, но вы же знаете, что такое перебои и как они влияют на фантазию.

А впрочем — до свидания!

Выезжаю в Ялту 7-го числа.

А. Пешков, который не скоро еще издохнет, да!

Датируется по содержанию (см. письмо 31).

¹ Об Я. А. Фейгине см. прим. 6 к письму 4. В АГ хранится единственное письмо Фейгина к Горькому от 11 июня 1901 г. с просьбой передать «Курьеру» для опубликования окончание повести «Трое», печатавшейся в «Жизни» (см. прим. 3 к письму 35). Фейгин обещал безвозмездно разослать номера своей газеты с окончанием повести всем подписчикам закрытой «Жизни». В «Курьере» повесть не печаталась. Письма Горького к Фейгину не известны.

² Станислав Иванович Гриневский (ум. 1926), член редакции «Нижегородского листка», выслал Фейгину рассказ Горького «История одного преступления». Начало рассказа напечатано 13 ноября 1901 г. в «Нижегородском листке» (№ 311) и в «Курьере» (№ 314). Продолжение печаталось в «Нижегородском листке», № 313, 316, 318, 15, 18, 20 ноября; в «Курьере» — № 316, 318, 321, 15, 17, 20 ноября. В собрания сочинений рассказ включался под заглавием «Злодеи».

³ Андреев взял на себя редактирование беллетристического отдела задуманного им с Алексеевским альманаха (см. прим. 5 к письму 13). Для успеха дела в первом выпуске предполагалось опубликовать с иллюстрациями пьесу Горького «Мещане», его предисловие или какую-нибудь статью (см. письмо Алексеевского к Поссе от октября 1901 г. — АГ). Между 26 и 28 октября 1901 г. Горький сообщал Пятницкому: «... я напишу Андрееву письмо, в котором откажусь от участия в альманахе, и такое же письмо напишу Брусянину-Лукьянову, в котором тоже откажусь от участия в альманахе, и напишу еще кучу писем и во всех ото всего откажусь. Ей-богу — нет сил! Я — нездоров. Всегда, когда я собираюсь ехать в Крым, я чувствую себя нездоровым» («Архив Горького», т. IV, стр. 49).

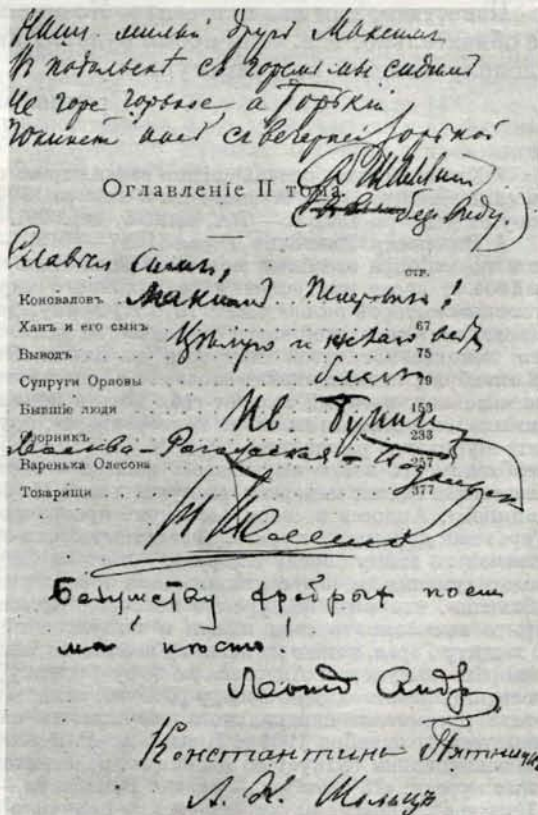
⁴ Подразумевается театральный критик Александр Рафаилович Кугель (1864—1928), псевдоним: Ното Novus (см. письмо Горького к Пятницкому от 23—24 октября 1901 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 48). С 1897 по 1918 г. Кугель издавал журнал «Театр и искусство»; организовал при журнале печатание на стеклогравировочном станке пьес современных драматургов для театров. В 1909 г. основал в Петербурге театр пародий «Кривое зеркало», на сцене которого шли сатирические миниатюры Андреева «Любовь к ближнему» (1911), «Прекрасные сабинянки» (1912), «Монумент» (1916). О Горьком и Андрееве говорится в книге Кугеля «Листья с дерева. Воспоминания». Л., 1926. Письма Андреева к Кугелю — см. в журнале «Рабочий и театр», 1934, № 27, стр. 18, и в книге Кугеля «Русские драматурги. Очерки театального критика». М., 1933, стр. 178—179.

31. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 31 октября ⟨1901 г.⟩

Если вы пишете о болезни, стало быть болезнь настоящая. И это ужасно жалко, друг вы мой хороший. Знаю я это очень хорошо, как сердце «сперва действует, потом совсем бездействует», — а в мозгу жуткая мысль: умру я, Андреев. Если в моих писаниях отразился страх смерти, одна из причин — перебои¹. При некоторой художественной фантазии эта штука возмутительная. Человек находится под дулом пистолета, не зная ни момента выстрела, ни того, заряжен ли пистолет. Жди и догадывайся.

Жалко вас, а приходится сказать несколько слов о драме. Вы, сударь, ошибочно сопричисляете меня к лику тех, кто оной драмы добивается. К чёрту такое сопричисление! Я хочу быть просто вашим приятелем и избави бог от всего, что такие отношения может замутить. Это раз. А два —

ПАМЯТНЫЕ НАДПИСИ АНДРЕЕВА
И ДРУГИХ ДРУЗЕЙ НА КНИГЕ,
ПОДАРОННОЙ ГОРЬКОМУ
8 НОЯБРЯ 1901 г. В ПОДОЛЬСКЕ:

Наш милый друг Максим,
В Подольске с горем мы сидим
Не горе горькое, а Горький
Покинет нас с вечерней зорькой
Ф. Шаляпин (без виду)

Слався сим, Максим Петрович!
Целую и желаю всех благ
Ив. Бунин

Москва-Рогожская — Подольск
Н. Телешов

Безумству храбрых поем мы песню!
Леонид Андреев
Константин Пятницкий
А. К. Шольц

Архив Горького, Москва

вот что. Идея альманаха и самое дело — *ваши*. Хотите вы его или не хотите — опять-таки дело прежде всего ваше. Мы, *исполнители*, пришли к выводу, что без драмы и дела начинать не стоит — а там как вы хотите. Посему о драме ничего вам больше говорить не стану.

Дела мои шваховаты. Цензор черкает. По поводу Герье написал из-за дьявола цензора аллегорию, оказалась неудачной, понята неверно — и я попал в инсинуаторы и клеветники². Добродетельные газеты и добродетельные люди травят. Чёрт с ними.

Приступил слегка к драме, но не «В темную даль», а другую. Тоже с героями, да еще с целыми тремя, а то четырьмя³. Важно!

Была обо мне статья в «Орловском вестнике» — выставлен самым мрачным в мире писателем⁴. Шулятиков собирается на днях доказывать вашу *мрачность*⁵.

Н. К. Михайловский прислал одобрительное письмо. Особенно нравится «Жили-были». Предлагает работать в «Русском богатстве»⁶.

Ваши «Афоризмы» расходятся с удивительной и для издателя приятной быстротой. Требования поступают отовсюду, и из Сибири, и из-за границы⁷.

Где вы в Москве остановитесь? Штука в том, что от одного здешнего *полицейского* врача вы можете получить свидетельство о любой болезни, до летаргического сна включительно⁸. Но для этого вам необходимо остановиться в определенном районе.

Посылаю вам карикатуру, рисованную мною на себя и характеризующую мою деятельность как помощника присяжного поверенного⁹. У меня их было много, да растерял. И эта попалась случайно¹⁰.

Известите, как вас встретить. Ко мне и Екатерина Павловна заезжайте обязательно, т. е. если время будет. Иначе огорчусь и возненавижу вас, злополучнейший из драматургов.

Крепко вас любящий

Леонид Андреев

¹ Хроническую болезнь сердца сам Андреев объяснял как последствие покушения на самоубийство, совершенного им в январе 1894 г. (см. письмо Андреева к Миролюбову от декабря 1902 г. — ЛА, вып. 5, стр. 99).

² Владимир Иванович Герье (1837—1919) — профессор Московского университета по кафедре всеобщей истории, основатель Высших женских курсов в Москве. В 1904 г. после выступления реакционного характера в Московской городской думе (гласным которой он состоял с 1876 г.) принужден был оставить университет, так как негодование передовой части студенчества вылилось в демонстрацию и бойкотирование его лекций. Фельетон Андреева из цикла «Впечатления» («Курьер», 1901, № 298, 28 октября), начинающийся словами: «Существует совсем особый род цинизма — цинизма человека, который сознает себя хоть и подлым, но почему-либо сильным и неуязвимым», был ответом на «Речи консерватора», опубликованные за подписью «Икс» в газете-журнале «Гражданин», 1901, № 78, 11 октября. Орган В. П. Мещерского отрицал необходимость в России высшего женского образования как якобы имеющего своим следствием гадкие манеры и распушенность. Не вступая в открытую полемику с «Гражданином», Андреев в своем фельетоне прозрачно намекал на непристойное поведение Герье как директора курсов. Фельетон вызвал обвинения в клевете. «Ужасно жаль, — отвечал по этому поводу Андреев, — когда между журналистом и читателем возникают недоразумения на почве непонимания той или иной статьи». Намекая на цензуру, он объяснял, что «крайне суровые метеорологические условия» мешают публицисту открыто высказывать свои мысли и вынуждают его прибегать к иносказательности. В защиту Герье, также не называя его имени, выступило «Русское слово», поместившее оскорбительную для Андреева по тону реплику Д — ова (Д. Егорова) «Непонятная исповедь. (Впечатления по поводу „Впечатлений“»» (№ 299, 30 октября). Реплика Егорова стала предметом специального обсуждения на заседании Московского цензурного комитета 31 октября 1901 г. Цензор А. А. Венкстерн признал, что фельетон Андреева замаскированно толкует об явлениях, действительно имевших место на Высших женских курсах. «28 октября, — сказал Венкстерн, — когда появилась цитируемая статья „Курьера“, событие на курсах еще не получило огласки, и угадать, кого имел в виду автор „Впечатлений“, не представлялось возможным. Но в настоящее время, когда названный инцидент составляет злобу дня и предмет оживленных толков всей Москвы,

и главным образом, учащейся молодежи, когда уже не может быть ни малейшего сомнения в том, что предметом неприличных нападок является профессор Московского университета и директор Высших женских курсов В. И. Герье, рассматриваемая статья не может быть, по моему мнению, оставлена без внимания (<...> А потому я полагал бы о статье „Непонятная исповедь“ довести до сведения Главного управления по делам печати» (ГИАМО, ф. 31, оп. 3, св. 463, ед. хр. 2192, «Журнал заседаний Московского цензурного комитета», л. 310—310 об.). Ответом Андреева на выступление Егорова была «Заметка» («Курьер», 1901, № 312, 11 ноября), протестующая против недопустимых приемов газетной полемики.

³ Подразумевается драма в пяти действиях «Брат и сестра». Пьеса была начата Андреевым 1 ноября 1901 г. и доведена только до начала четвертого акта. В 1961 г. рукопись пьесы (автограф, 45 листов) вместе с другими материалами личного архива Андреева была передана в ЦГАЛИ младшим сыном писателя Валентином Леонидовичем Андреевым. В 1902 г. Андреев переделал пьесу «Брат и сестра» в четырехактную драму «Закон и люди». См. прим. 5 к письму 79.

⁴ Речь идет о литературном обзоре Николая Васильева «Отклики. Из области литературы», содержащем отзыв о «Рассказах» Андреева. «Русская литература, — писал Васильев, — обогатилась новым незаурядным дарованием (<...> Герой г. Андреева, подобно чеховским героям, в большинстве случаев люди и людишки нашей сумеречной и тоскливой действительности. Про всех их, за малым исключением, можно сказать, — как озаглавлен один из рассказов г. Андреева, — „жили-были“ и не более...» («Орловский вестник», 1901, № 284, 27 октября).

Николай Иванович Васильев (1862—1917) — писатель, либеральный журналист и критик. Литературную деятельность начал в конце 1879 г. в петербургской газете «Новости» корреспонденциями из Нижнего-Новгорода. С 1885 г. выступал в провинциальной прессе. В 1890-е годы сотрудник «Самарского вестника». Горький — фельетонист «Самарской газеты» вел с ним полемику (М. Горький. Между прочим. Фельетоны 1895—1896 гг. Куйбышев, 1941). Васильев работал в столичной и провинциальной прессе. В 1909—1910 гг. — соиздатель петербургской газеты «Голос промышленности». Наиболее известный псевдоним его — Смарагд Горностаев.

⁵ Владимир Михайлович Шулятиков (1872—1912) — литературный критик; в 1901—1903 гг. — сотрудник «Курьера», печатал в газете «Критические этюды» (под инициалами: В. Ш.), выступал также с рецензиями на текущую литературу. Библиографию статей Шулятикова в «Курьере» — см. в его кн.: Избранные литературно-критические статьи. М. — Л., 1929. Живя в Самаре, Горький полемизировал с Шулятиковым (М. Горький. Между прочим. Фельетоны 1895—1896 гг. Куйбышев, 1941). За принадлежность к РСДРП Шулятиков с 25 апреля по 20 мая 1902 г. находился в заключении в Тверской губернской тюрьме, а затем был выслан в Архангельск. В 1905 г. — сотрудник социал-демократического журнала «Правда» и член литературно-лекторской группы при МК РСДРП. В 1908 г. входил в редакцию нелегальной большевистской газеты «Рабочее знамя». Рассматривая литературу как «продукт разных форм классового сознания», Шулятиков нападал на либерально-народническую критику (А. М. Скабичевский), показывал ее неспособность дать объективный и подлинно научный анализ литературного движения, выступал против декадентства (см. его статью «Неаристократический аристократизм» — в сб. «Литературный распад», кн. 2. СПб., 1909). Практические результаты этой борьбы в значительной мере обесценивались допущенными Шулятиковым грубейшими методологическими ошибками, в основе которых лежало непонимание природы искусства, непосредственное примитивное выведение идеологии из экономических отношений. Эти ошибки привели Шулятикова на позиции плоского вульгарного социологизма, что наиболее полно выразилось в его книге «Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От Декарта до Э. Маха» (М., 1909).

Ленин охарактеризовал эту работу как «пример безмерного опопшления материализма» и «карикатуру на материализм в истории» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 474).

⁶ Николай Константинович Михайловский (1842—1904) — публицист, литературный критик, крупнейший идеолог либерального народничества. С 1892 г. печатался в «Русском богатстве», а с 1894 г. возглавлял журнал. Михайловскому принадлежит обстоятельный разбор «Рассказов» Андреева, опубликованный в ноябрьской книжке «Русского богатства» 1901 г. Считая «Жили-были» лучшим рассказом Андреева, Михайловский относил его к тем истинно превосходным произведениям, «в которых ни прибавить, ни убавить, ни переизменить ничего нельзя». Еще до этой статьи Михайловский, по свидетельству Телешева, прислал начинающему автору «большое, очень хорошее письмо», в котором предсказывал ему «блестящую будущность» (Телешев, стр. 123). С благодарностью принимая приглашение Михайловского сотрудничать в «Русском богатстве», Андреев 31 октября 1901 г. писал ему: «Как и все поколение, к которому я принадлежу, я учился мыслить „по Михайловскому“, и с этим именем у меня связывается так много хорошего, светлого и честного (<...> Вы были одним из самых дорогих моих учителей, указывавших мне настоящую дорогу, и ваше одобрение бесконечно дорого мне» (ЛА, вып. 5, стр. 51). В конце мая 1902 г. Михайловский

приезжал к Андрееву на дачу в Царицыно (см. письма Андреева к И. А. Белоусову без даты — ЦГАЛИ, и к Пятницкому от 4 июня <1902 г.> — АГ). В дальнейшем творчество Андреева разочаровало Михайловского. Он не опубликовал в журнале рассказ «Буяниха» (написан 15—27 ноября 1901 г.), отказался напечатать и «Мысль» Андреева. В письме к автору он заявлял, что не понимает идейного смысла этого произведения. Письмо Михайловского не известно; содержание его Андреев пересказал критику А. А. Измайлову: «Если же это просто клиническая картина душевного распада человека, то он <Михайловский> недостаточно компетентен, чтобы судить, насколько точно я рисую психологию больного. Тут можно судить психиатру» (А. И з м а й л о в. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 250).

На подаренном Андрееву томе своих сочинений Михайловский написал: «Л. Н. Андрееву от любящего, несмотря на „Ложь“ и „Стену“, автора» (там же; дата надписи неизвестна).

⁷ Подразумевается книжка «Афоризмы, парадоксы и избранные мысли русских писателей», вып. 1. Максим Горький. Собрал М. К<ауфман>. М., 1901. Первое рекламное объявление о выходе издания было напечатано в «Курьере», 1901, № 285, 15 октября. «Когда я их прочитал, — писал Горький Пятницкому, — то почувствовал, что мне под кожу штурк сто заноз вогнали» («Архив Горького», т. IV, стр. 44). Реакционная критика, воспользовавшись тем, что составитель приписал Горькому некоторые афоризмы его героев-босаков, изощрилась в клеветнических выпадах против писателя.

Открытым письмом в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» (1901, № 321, 22 ноября) Горький снимал с себя ответственность за книгу, напечатанную без его ведома и возбудившую «вполне справедливое негодование» (XXVIII, 191). В 1903 г. в Москве вышел 5-й выпуск «Афоризмов, парадоксов и избранных мыслей русских писателей», составленный М. К<ауфманом> и посвященный Андрееву.

⁸ Речь идет о Сергее Сергеевиче Голоушове (1855—1920) — публицисте, критике и художнике, враче по образованию. Писал под псевдонимом: Сергей Глаголь. Постоянный участник литературного кружка «Среда» и сотрудник «Курьера», где выступал с театральными рецензиями и статьями по вопросам изобразительного искусства. Был в дружеских отношениях с Андреевым. В 1902 г. совместно с Андреевым выпустил сборник фельетонов: Джемс М и н ч и Сергей Г л а г о л ь. Под впечатлением Художественного театра. Голоушеву Андреев посвятил пьесу «Тот, кто получает пощечины». Письма Андреева к Голоушеву 1911—1917 гг. частично опубликованы («Реквием», стр. 89—136).

⁹ В 1897 г. Андреев окончил юридический факультет Московского университета и записался в помощники присяжного поверенного. В письме к Миролюбову от декабря 1902 г. он признавался: «Практики юридической мне, за недосугом, приобрести не удалось: было у меня всего-навсего одно гражданское дело, которое я проиграл во всех инстанциях, и несколько уголовных бесплатных защит» (ЛА, вып. 5, стр. 100). Последний раз Андреев выступил в суде в качестве защитника в 1900 г.

¹⁰ Об Андрееве как художнике — см. прим. 3 к письму 11. В молодости Андреев, обладавший большим чувством юмора, рисовал много карикатур, главным образом, на себя. Часть их воспроизведена в настоящем томе (см. стр. 78—81, а также 582—583). Какую именно карикатуру имеет в виду Андреев, установить не удалось.

32. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Олеиз. 20 ... 21 ноября 1901 г.>

Дружище Леонид!

Пожалуйста вышли мне «Курьер» по адресу — Кореиз, Таврической губернии, Олеиз, дача Токмакова¹, А. М. Пешкову.

Здесь — море мокрое, небо мокрое, земля мокрая. Много пьется вина. Приезжай, ибо скучно. Квартира большая, жить есть где. Что случилось с тем Толстым, которого хотели поднести мне? Говорят, его отобрали, студентов побили — верно? ² Если верно — обидно.

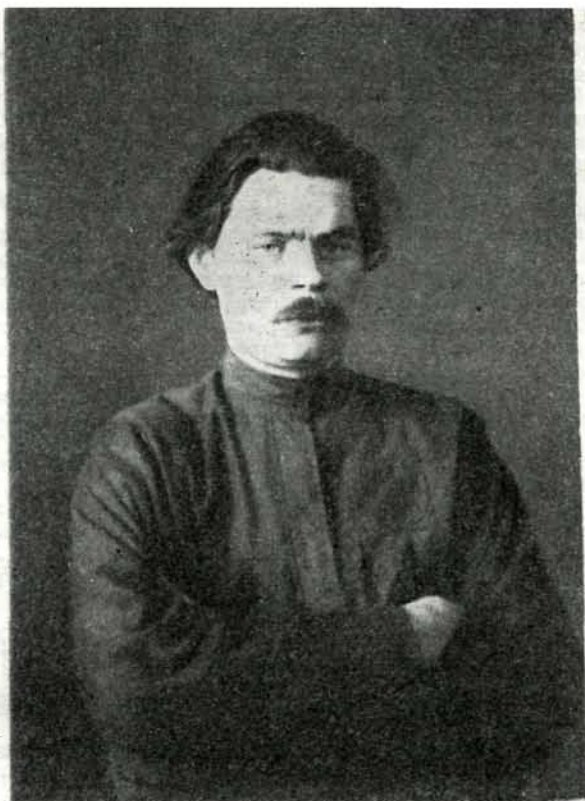
Ну, душечка, до свидания!

Будет очень человеколюбиво, если разные люди будут изредка сообщать мне, что творится в России.

А. П е ш к о в

Датируется временем приезда Горького в Олеиз (19 ноября 1901 г. — «Летопись», I, стр. 351).

¹ Иван Федорович Токмаков (1838—1908) — владелец имения Олеиз в Крыму. В молодые годы жил на Дальнем Востоке, служил торговым агентом в чайной фирме.

М. Горький

Без сомнения, с полной уверенно-
стью пишу:

будущему крупному писателю
Алексею Васильевичу
Яровицкому

М Горький
с уважением и любовью.

на авто-
7-го 1901.

ГОРЬКИЙ

Фотография А. Карелина, Нижний-Новгород, 1901 г., с автографической подписью Горького и его дарственной надписью (на обороте) А. В. Яровицкому:
«Без сомнения, с полной уверенностью пишу: будущему крупному писателю Алексею Васильевичу Яровицкому. М. Горький с уважением и любовью. Ноябрь 7-го 1901»

Музей Горького, Москва

В 1882—1884 гг. переехал с семьей в Крым. Его жена *Варвара Ивановна* (рожд. Тепло-ва; 1849—1936) сочувствовала освободительному движению. Дочь Токмакова — *Мария Ивановна Водозова* (1869—1954) — известная общественная деятельница, изда-тельница марксистской литературы. Поселиться в зиму 1901/1902 г. на сдававшейся Токмаковым в наем даче «*Нюра*» Горькому посоветовал живший в Крыму худо-жник Г. Ф. Ярцев (сообщено Е. П. Пешковой и М. В. Лекаревой - Х о р о ш к о).

² Горький выехал из Нижнего-Новгорода в Крым 7 ноября 1901 г. через Москву. Проводы писателя превратились в яркую политическую демонстрацию (см. В. И. Ле-ни н. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 370). Скопление народа ожидало его и на московском вокзале. Опасаясь новых манифестаций, жандармы задержали Горького на товар-ной станции Москва-Рогожская и «нарочито составленным поездом» доставили в Подольск, откуда Горький, минуя Москву, должен был продолжать поездку на юг по Курской железной дороге. Губернаторы городов по пути следования поезда полу-чили специальные предписания препятствовать возможным демонстрациям. Для встре-чи с Горьким в Подольск выехали из Москвы Андреев, Бунин, Пятницкий, Телешов, Шалапин и переводчик Горького на немецкий язык А. К. Шольц (см. Т е л е ш о в, стр. 103—107).

В Москве на вокзале группа студентов, ожидая проезда Горького, держала порт-рет Льва Толстого и собирала подписи под приветственным адресом. Для того чтобы передать портрет и адрес Горькому, на станцию Обираловка выехали студент И. П. Корпачев и еще один представитель от молодежи. Но, заподозрив слежку, делега-ты вернулись в Москву («Революционный путь Горького». М.— Л., 1933, стр. 64). В письме к Поссе (после 14 ноября 1901 г.) Горький писал об этом («Архив Горького», т. VII, стр. 28).

33. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва.) 24 ноября (1901 г.)

Милый дяденька! Событий, достойных внимания, пока не имеется. Тихо и спокойно, хотя скрытое брожение в Университете продолжается, и в воздухе пахнет ременными нагайками ¹. До Рождества едва ли, одна-ко, что-нибудь совершится, а в феврале можно ждать и беспорядков. Была одна, случайная, демонстрация в прошлое воскресенье. В этот ве-чер в Романовке был назначен не совсем легальный вечер в память Добро-любова; полиция пронюхала и отменила, о чем не вся публика, имевшая билеты, была оповещена ². Собрались, а так как двери были заперты, то пошли толпой на Тверской бульвар, а пойдя толпой, запели, а запевши, вспомнили Боголепова, а вспомнивши Боголепова, затянули панихиду, а затянувши панихиду, вспомнили, что особенно любит этот род музыки московский генерал-губернатор, и доставили ему это удовольствие ³. Толпа была человек в 300—400, учащихся в ней было не больше пяти-шести десятков, что весьма характерно. Полиция держалась скромно; смутно поговаривают о двух-трех арестах, но слух ничем не подтвер-ждается.

Твой дикий проезд «по касательной» мимо Москвы, в публике произвел сенсацию ⁴ (главное среди студентов; ты знаешь, что в Нижнем провожавшие тебя на вокзал студенты прошли по Покровке с песнями и криками: «Да здравствует свобода! Да здравствует М. Горький, борец за свободу!»). Мне твой мимоезд причинил огорчение: не говоря о постыд-ном грехе пианства, которому предались мы на вокзале во главе с Шала-пиным, цензор зачеркнул воскресный мой фельетон о тебе «ввиду исклю-чительных обстоятельств» ⁵.

Шалапин был у нас на «Среде» ⁶ и пленил всех своей многообразной талантливостью. Хороший человек! ⁷ Немного огорчил он меня только своей наклоностью к анекдотам; наши литераторы начали состязаться с ним, и получилась такая беспросветная похабщина, от которой на улице фонари тухли.

Вообще я люблю Шалапина, но люблю только до той поры, пока не вспомню тебя. А когда вспомню твое худое лицо, щетину, многое другое —

24 Ноябрь.

Мне бы хотелось Создать! Достичь
Великой, но не чуждой. Мне и
востановить экраны Стениса &
У-ин продолжения в & Фаджера
найти ~~хот~~ продолжение кино Кем,
Во Лонгста. еще и, евоко это в
Свернутия, & Ледерн, морис
Жонит в Звездочков. Бока ора.
Суперная, гомосексуальн & промис
Воскресав. Но стей впер & Рома
вост. Рин кажуем и совсем не
паушим? впер & чашит Фаджера-
Зел; конция промиса в стимис
о том же бы убива, имовод
Звезд, Рин сновиса. Созрание, &
так ^{кис} ~~Фад~~ Рин заверит, но кони
Токио и Фад, Сувелера, а кони
Токио, Звездит, а Звездит, Веломис

радован мною пошл - вранчани
и на ширину фототу удивител. Косм
и Фадж.

Фаджера удивител. гомиса мною
Кемиса, и кончавит кончавит
о "Фаджера гомиса-Фаджера". Фаджера Бо-
ноуригител. Но Кем Кемиса в Рин
миса-Фаджера. Фаджера, Рин миса-
Фаджера мною озабрив - ора. и миса
миса-Фаджера.

Фаджера Фаджера из. Рин
Рин-Фаджера Фаджера? гомиса-Фаджера.
Кемиса Фаджера мною Рин

Фаджера Фаджера

АВТОГРАФ ПИСЬМА АНДРЕЕВА К ГОРЬКОМУ ОТ 24 НОЯБРЯ 1904 г.

Листы первый и последний
Архив Горького, Москва

становится как-то нелепо обидно, что Шалапин такой полный. Ну да это ерунда — метафизика и сантименты, как писал мне один читатель по поводу фельетона о «Дикой утке»⁸.

На этом месте своего письма получил твое письмо и был им дьявольски обрадован⁹. Буду, друже, сообщать тебе аккуратно обо всяких происшествиях, а за это ты пиши о том диковинном происшествии, которое называется М. Горьким.

Что, чёртушка, привык к толкучке, а теперь без многолюдия скучно?

А по-моему хорошо — если скука не так велика, чтобы отшибать охоту к работе. Да ничего — вникнешь. Сейчас я молюсь Сатане, чтобы он помог мне жениться в феврале. Коли его Святейшество поможет, приеду в Ялту к тебе с женой — ей-богу, она хорошая! т. е. жена, конечно, а не Ялта, хотя и Ялта ничего.

Получил как-то письмо от Поссе — рассказывает о твоей популярности в Германии и доказывает необходимость нам любить тебя, ибо искренне, говорит он, тебя любят немногие. Неправда это. Тебя любят многие и совершенно искренне, хотя столь же многие ненавидят. Я совсем не знаю Поссе, но по письму он очень симпатичен, и я рад, что он так хорошо ко мне относится. Везет мне¹⁰.

Теперь дела. Телешов просит, чтобы «Историю одного преступления» ты дал для народного сборника (200 стр. — 10 копеек, без всяких прибылей, издательских и писательских)¹¹.

Саблин все еще не утверждается редактором и очень волнуется. Говорил он тебе (по секрету), что Толстой дает ему вещь в 5¹/₂ печатных листов?¹²

Снегирев, отказавшись от Безобразова, предложил «Правду» известному тебе Н. К. Муравьеву, который добывает теперь денег и организует сотрудничество¹³. Просил просить тебя о согласии (реальном) и о том, чтобы ты указал подходящую комиссию. По моему совету он уже пишет Поссе.

Пропал Пятницкий. Саблин искал его в СПб. — нету. В Москве — нету. Неужели Константин Петрович все еще у тебя?¹⁴

Как альманах? Держу свою «Мысль» в неподвижности, ухитрившись взять под нее аванс у Голоушева. Почему у Голоушева — ни он, ни я догадаться не можем.

«Бездну» продал «Курьеру» за 55 целковых¹⁵. Напечатал на днях в «Курьере» маленькую ерундицу; посылал ее для одновременного напечатания в «Нижегородский листок» — не знаю, была ли напечатана¹⁶.

От курьерской фельетонной работы меня тошнит и временами не на шутку хочется удавиться. Исхода не вижу.

Друзья удивляются успеху моей книжки и начинают поговаривать о «дутой знаменитости». Признак благоприятный. Никто книжку не ругает — признак скверный. Говорят, что молодежь меня одобряет — очень и очень приятно.

Посылаю вырезку из газеты: результаты воскресной демонстрации¹⁷.

Крепко жму твою руку.

Твой Леонид Андреев

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 2 и предыдущее письмо)

¹ Об этих событиях — см. статью Э. Л. В а с и н о й «Студенчество Московского университета в революционном движении 1901—1902 гг.» — «Вестник Московского гос. университета», 1955, № 1, стр. 125—139; а также: А. А. Т и т о в. Воспоминания о студенческом движении 1901 г. М., 1906 (на обл.: 1907).

² 18 ноября 1901 г. в Москве в театральном зале Романова предполагалось устроить вечер памяти Н. А. Добролюбова по случаю сорокалетия со дня его смерти.

³ Николай Павлович *Боголепов* (1847—1901) — реакционный государственный деятель, ярый монархист, с 1898 г. — министр народного просвещения, сторонник крайних мер против студенческих волнений (отдача в солдаты 183-х студентов Киевского уни-

верситета в 1900 г.). Смертельно ранен 14 февраля 1901 г. студентом П. В. Карповичем. «Представитель самодержавной власти в Москве, — писал В. И. Ленин о Боголепове в связи с запрещением вечера памяти Добролюбова и демонстрацией протеста перед домом генерал-губернатора, — был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против „внутренних турок“ — против самодержавного правительства. Исполнительный комитет московских студенческих организаций справедливо указывал в своем бюллетене от 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрация служит ясным показателем недовольства и протеста» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 370).

Московский генерал-губернатор — в. к. *Сергей Александрович* (1857—1905), сын Александра II. Убит 4 февраля 1905 г. эсером П. И. Каляевым в Кремле.

⁴ См. предыдущее письмо и прим. 2 к нему.

⁵ Сведений об этом запрещенном фельетоне не имеется.

⁶ «Среда» — литературно-художественный кружок, возникший в 1899 г. в Москве по инициативе Н. Д. Телешова и объединивший преимущественно писателей реалистического направления. На собраниях «Среды» обсуждались произведения ее участников. Членами кружка были: И. А. Бунин, Скиталец, А. С. Серафимович, А. И. Куприн, Е. Н. Чириков, С. А. Найденов, С. И. Гусев-Оренбургский, С. С. Юшкевич, С. Я. Елпатьевский, Н. И. Тимковский, В. В. Вересаев, И. А. Белоусов, С. С. Голоушев и др. Собрания «Среды» посещали Чехов, Мамин-Сибиряк, Златовратский, Короленко, Боборыкин. Почетными гостями кружка были Шалапин и Рахманинов; большое значение для «Среды» имело вступление в ее члены Горького, внесшего в литературные споры политическую остроту и революционный дух. Белоусов впоследствии вспоминал, какое впечатление на «Среду» производили «горячие беседы М. Горького, когда он рассказывал о движении среди рабочих» (И. А. Белоусов. Литературная «Среда». М., 1928, стр. 117). В 1901 г. по предложению Горького «Среда» выступила в защиту студенческих волнений. В период назревания первой русской революции на собраниях «Среды» читались доклады, составлялись протесты, петиции. В 1905 г. все вырученные деньги за выпущенную «Средой» в 1902 г. «Книгу рассказов и стихотворений» были переданы комитету бастовавших почтово-телеграфных работников. Весной 1900 г. Горький привел на собрание кружка Андреева и прочитал его рассказ «Молчание». С тех пор Андреев стал активным членом «Среды»; он дорожил советами ее участников и многие из своих произведений до опубликования выносил на обсуждение кружка. В 1906 г. Андреев прислал из Берлина «Среде» рукопись драмы «Жизнь человека». Переехав в 1907 г. в Петербург, Андреев некоторое время увлекался мыслью создать там подобный литературно-художественный кружок. Просуществовала «Среда» до 1918 г. О первом периоде существования «Среды» — см. статьи: М. И. Шемяков. Предыстория литературного кружка «Среда». — «Вестник Ленинградского ун-та», 1959, № 14, Серия истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 58—70, и И. И. Владыкин. Новое о московском литературном «шарвасе» (80—90-е гг. XIX в.). — «Научные доклады высшей школы. Филолог. науки», 1963, № 3, стр. 201—207.

⁷ С Федором Ивановичем *Шалапиным* (1873—1938) Андреев познакомился через Горького. С гордостью за русское искусство писал Андреев о феноменальном успехе «великого артиста» в Милане в 1901 г.: «Откуда-то снизу, минуя все эстетические заставы и застенки, не оплатив своего таланта даже восьмидесятикопеечной гербовой маркой, прорезая короткий и прямой путь, как поднимающийся вверх орел — появился неизвестный человек с фамилией Шалапин, сразу стал известным и сразу поднялся так высоко, что шапка валится, на него гляючи» («Впечатления». — «Курьер», 1901, № 78, 20 марта). В 1902 г. Андреев посвятил Шалапину очередной фельетон «Москва. Мелочи жизни» («Курьер», 1902, № 278, 8 октября), в котором писал о необходимости создания «книги о Ф. Шалапине» (ПССА, т. VI, стр. 341—346; также в изд.: «Федор Иванович Шалапин, т. II. Статьи, высказывания, воспоминания о Ф. И. Шалапине». М., «Искусство», 1958, стр. 27—33). В августе 1903 г. Андреев читал Шалапину в рукописи «Жизнь Василия Фивейского» («Архив Горького», т. IV, стр. 130). С посвящением Шалапину повесть была опубликована в первом литературно-художественном сборнике «Знание». Шалапин высоко ценил это произведение Андреева; в 1904 г. он читал его вместе с поэмой Горького «Человек» на даче В. А. Теляковского в Отрадном в присутствии К. А. Коровина (см. «Первая русская революция и театр». — сб. «Искусство». М., 1956, стр. 65). Общение Андреева с Шалапиным продолжалось и в дальнейшем. 29 сентября 1917 г. Шалапин вместе с автором был на премьере драмы Андреева «Екатерина Ивановна» в театре Незлобина в Петрограде (см. письмо Андреева к брату Андрею от 30 сентября 1917 г. — «Русский современник», 1924, № 4, стр. 154). Известны два письма Андреева Шалапину. Первое, предположительно датированное «не ранее 1903 г.», написано в шутовском тоне и содержит приглашение посетить собрание «Среды», которое должно состояться у Андреева («Федор Иванович Шалапин», т. I, 1957, стр. 729—730). 15 октября 1909 г. Андреев послал Шалапину из Ваммельсуу рассказ «Сын человеческий» и в большом письме, с горечью говоря о своем одиночестве и «измене» Горького, писал: «Я люблю твой талант (без тебя я говорю: гений), твою

проникновение в глубину душ человеческих, твое лицо и голос [твой, на которых почует ответ божества. И так как все это есть ты, Федор, то я люблю тебя, Федора, люблю крепко, нежно и неизменно...]» (АГ).

⁸ Андреев присутствовал на втором спектакле драмы Г. Ибсена «Дикая утка» в Художественном театре 20 сентября («Впечатления». — «Курьер», 1901, № 261, 21 сентября).

⁹ См. письмо 32.

¹⁰ Поссе с восхищением следил за первыми шагами Андреева в «большой литературе». Особый восторг его вызвал рассказ «Жили-были», который Поссе еще в гранках читал на литературных журфиксах и в редакциях: «Вот, я вам скажу талант-то! Почти Горького!» (Вас. Брусянин. На заре 10 лет литературной деятельности Андреева. — «Биржевые ведомости», веч. вып., 1908, № 10443, 8 апреля). В последующие годы отношение Поссе к Андрееву изменилось. Он подверг критике «Рассказ о семи повешенных» за искажение автором образов революционеров Вернера и Муси, осудил пристрастие Андреева к изображению ужасов и кошмаров (В. Поссе. Очерки современной литературы. 1. Выдумка Леонида Андреева. — «Слово», 1908, № 472, 1 июня; вошло под заглавием «Психологическая выдумка» в сб. Поссе «На темы жизни». СПб., 1909, стр. 14—18). Отрицательно отнесся Поссе и к «Мои записки» Андреева. В ИМЛИ хранится единственное известное письмо Андреева к Поссе (без даты) с приглашением приехать в Ваммелсуу для выяснения отношений; оно является ответом на письмо Поссе от 3 декабря 1908 г. (ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 180). Эта встреча состоялась, но ни к каким положительным результатам не привела. В дальнейшем встречи Андреева с Поссе носили случайный характер и свидетельствовали об их полной отчужденности. Письмо Поссе, о котором Андреев сообщает Горькому, нам неизвестно.

¹¹ Николай Дмитриевич Телешов (1867—1957) — писатель и общественный деятель. В 1886 г. возглавлял вместе с С. Д. Махаловым-Разумовским литературный кружок писателей из народа «Парнас» (И. А. Белоусов, А. И. Слюсарев, В. С. Лысак и др.). В 1887 г. познакомился с Чеховым и по его совету летом 1894 г. предпринял поездку в Сибирь. Ранние сборники рассказов Телешова «На тройках» (1895), «Повести и рассказы» (1896), «За Урал» (1897) правдиво рисуют тяжелое положение русского крестьянства 90-х годов, которого обезземеление, неурожай, нищета заставляют покидать насиженные места и искать счастья на «вольных землях» Сибири. С Горьким Телешов познакомился в Нижнем-Новгороде 13 декабря 1899 г. С этого времени между ними установились близкие отношения и завязалась переписка. По поводу инцидента Горького в Художественном театре Телешов напечатал «Письмо в редакцию» («Курьер», 1900, № 319, 17 ноября) с изложением подробностей и протестом против извращения фактов бульварной прессой. Горький денит Телешова как организатора литературного кружка «Среда». Для Телешова, печатавшегося в «Журнале для всех» и других прогрессивных изданиях, был закономерен переход в «Знание». В 1903 г. в «Знании» вышел первый том его «Рассказов», отобранных и отредактированных Горьким. В сборниках «Знание» появились произведения Телешова о революции 1905 г. — «Надзиратель» (сб. 9, 1906) и «Крамол» (сб. 15, 1907). С конца 1911 г. Телешов — один из членов-вкладчиков «Книгоиздательства писателей в Москве», сотрудник выпускавшихся этим издательством с 1913 г. литературно-художественных сборников «Слово». Был основателем и первым директором музея Художественного театра. Дружеские отношения с Андреевым у Телешова установились с 1900 г. и сохранились до конца жизни Андреева. В 1915 г. Андреев прислал отрывок своей новой пьесы «Младость» для редактировавшегося Телешовым совместно с Буниным и Вересаевым сборника в помощь жертвам войны «День печати. Клич», а в 1916 г. — рассказ «Человек и смех» для подготовленного Телешовым и Н. В. Давыдовым литературного сборника «В помощь пленным русским воинам». Воспоминания Телешова о встречах с Андреевым впервые опубликованы в «Книге о Л. Андрееве», стр. 93—104, а затем в виде самостоятельной главы вошли в книгу воспоминаний Телешова «Записки писателя». Письма Андреева к Телешову частично опубликованы в воспоминаниях Телешова и в сб. «Реквием», стр. 53—62. Оригиналы писем ныне хранятся в ИМЛИ.

¹² Сведений об этом не имеется.

¹³ О Л. Ф. Снегиреве — см. прим. 5 к письму 24. Пропагандируя новый журнал, Снегирев заявлял, что он объявляет войну «рутин», причем под этой войной им подразумевалось привлечение к сотрудничеству в журнале поэтов-символистов — Бальмонта, Брюсова и Сологуба. Касаясь организации нового журнала, Белоусов сообщал 30 августа 1902 г. Телешову: «Он [Снегирев] совершенно отрицает присутствие Безобразова в этом журнале. У Снегирева есть 10 000 р., но он еще хочет сделать на 40—50 тыс. паев по 500 р. пай. Паи могут брать участники (литературные), и, взявши пай, они составят как бы „ядро“ журнала и уж сами определяют размер гонорара для тех, кто не пожелает быть пайщиком, а захочет работать за наличный расчет» (ИМЛИ). О Безобразове — см. прим. 7 к письму 26. Издание журнала не состоялось.

Николай Константинович Муравьев (1870—1936) — московский адвокат и общественный деятель, защитник на политических процессах. 4 декабря 1901 г. Горький

писал Чирикову из Оленза: «Извещаю, что журнал „Правда“, затейный Снегиревым и Павлом Безобразовым, перешел в руки Николая Константиновича Муравьева — того присяжного поверенного, что всё по рабочим делам ходит. Парень — ясный. Имей в виду. Журнал должен быть хорошим — а ля „Начало“, но думаю, что в Москве его закроют после двух-трех книг» («Архив Горького», т. VII, стр. 34).

В середине августа 1912 г. Муравьев приезжал на Капри для беседы по поводу задуманного Горьким общественно-литературного журнала «Новая Россия», целью которого должно было быть «объединение всей разноплеменной демократии на почве социализма». Горький привлек Муравьева к созданию за границей Музея истории борьбы за политическое освобождение России (см. прим. 12 к письму 172). После отъезда Муравьева Горький отказался от первоначального плана, так как получил к тому времени приглашение П. И. Певина и Е. А. Ляцкого принять участие в реорганизации журнала «Современник» в качестве соредактора Ляцкого по беллетристическому отделу. В письме к Муравьеву от 9(22) сентября 1912 г. (АГ) Горький советовал ему взять на себя в «Современнике» отделы политики и общественной жизни. Однако соглашение Муравьева с Певиним и Ляцким не состоялось (см. письмо Горького к Ладьянникову от 29 ноября 1912 г. — «Архив Горького», т. VII, стр. 211—212).

¹⁴ Пятницкий сопровождал Горького в Крым (см. «Архив Горького», т. IV стр. 53).

¹⁵ Рассказ Андреева «Бездна» напечатан в «Курьере», 1902, № 10, 10 января.

¹⁶ Речь идет о рассказе «Набат». См. прим. 3 к письму 28.

¹⁷ Вырезка не сохранилась.

34. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Оленз. 2 ... 4 декабря 1901 г.〉

Славный мой дружище!

Если говорят о «дутой знаменитости» — стало быть начали завидовать: ерго, — как баяли латиняне, — скоро будут ненавидеть. А ненависть для хорошего писателя — суть перец, горчица и прочая необходимая приправа к перевариванию впечатлений бытия.

Мне бы очень хотелось, чтоб тебя ненавидели, да еще и очень, ибо, видишь ли, всякий раз, как только нос души моей чувствует запах ненависти — я становлюсь от этого и умнее, и талантливее, что необходимо и для тебя. И для тебя — даже больше, чем для меня. Ибо — славы я нанюхался — кисло пахнет слава в России! — а ты — еще нет. Бойся похвал паче всего, о, Леониде! Всякий раз когда похвалу слышу, кажется мне, что она из уст сукина сына исходит, и потому сей сын меня хвалит, что боится он, несчастный, как бы я правду про него не сказал. Подозрительна похвала русского обывателя, привыкшего всем — от будочника до бога — взятки давать.

Сей совет да не обидит тебя, друг и товарищ. Еще скажу: молодежь любит тебя пока что — авансом, ибо кроме «Темной дали» вы, сударь, пока ничего ей не дали ¹. По нынешним дням ей потребно жизнерадостное, героическое, с романтизмом (в меру). И — говорю серьезно — надо что-нибудь писать в таком тоне. Ибо — как никак, — а в России совершается революция, — не та, при которой на улицах дерутся и королям головы отрубают, — а другая, более серьезная. Происходит развал того философского и этического базиса, на коем основано благополучие мещанства. Враги теперь не столько Грингмуты ², Мещерские ³ и К^о, сколько штукутуры, замазывающие трещины старого сарая нашей жизни, сиречь гг. Меньшиковы ⁴, Розановы ⁵, Мережковские ⁶, Русские из «Русского слова» ⁷ и другие сего благочестивого духа люди, коих проще назвать — сволочь Христа ради. Не настоящего Христа, а того церковно-полицейского, который рекомендовал воздавать богу и царю — поровну. Хотя я и настоящего Христа не одобряю, ибо поспешил он явиться. Его время — лет через тысячу от нас, а пока мы не рассчитаемся друг с другом, не возненавидим друг друга, не подеремся и — не устанем. А вот когда устанем —

тогда уж и начнем любить друг друга, потому что — ты знаешь — этим делом всего удобнее заниматься лежа. Так-то. Бей, значит, проповедника любви Меньшикова, ибо он того ради, прохвост, любовь проповедует, чтобы его жизнь не беспокоила трагизмом своих противоречий. Бей мешанина! Ибо он любит везде воздвигать ограды. А впрочем я, должно быть, скучен и надоед тебе.

Телешову написал ⁸. Штука славная. Пошли свою книжку Евгению Николаевичу Чирикову ⁹. Ярославль и больше ничего. Если нужно денег — спроси — нет ли у Пятницкого твоих, а твоих нет — моих спроси ¹⁰. Напиши ему — женюсь мол! — он те задаст. Женившись — приезжай. Я запру тебя здесь в одно уютное место и ты — пиши, а жена пойдет гулять. Я не знаю ее, но у нее славное лицо и глаза. Мне хотелось бы, чтоб у нее был характер и чтоб она взяла тебя в руки.

«Набат» — великолепно! ¹¹ Очень великолепно. Но если Бенвенутто Челлини станет делать одни лишь броши для дам, да булавки кавалерам в галстуки, — надо бить Бенвенутто палкой по голове. Ты меня, брат, прости! Надо тебе шире развешиваться, выше подпрыгивать. «Набат», говорю, — удивительно! — но «Стена», при всей ее туманности, внушает нечто большее.

Нашел «Мысль» ¹², все «Русское богатство», ей-богу! Говорят, Н. К. Михайловский сам написал о тебе. Это, товарищ, не со всяким случается. И хотя со мной случилось, но — не особенно благоприятно для меня ¹³. Голос Николая Константиновича — как это ни смешно и ни нелепо, не естественно, плохо слышен теперь, но он сам человек заслуживающий и т. д. Пошли ему.

Для Муравьева хорошая компания: Андреев, Чириков, Шестов, автор книги «Добро в учении Толстого и Нитче» ¹⁴, Неведомский, автор предисловия к Лихтенберже ¹⁵ и статей в «Начале» ¹⁶, Василий Яковлевич Богучарский ¹⁷, беллетрист Серафимович, разумеется Поссе и — кто еще? Не вспомню сейчас. Поссе — говорю для тебя — прекрасный парень. Это — умница, организатор, горячее сердце, способное увлечь всякого человека. Я твердо уверен, что коли ты встретишься с ним, вы будете любить друг друга искренно и крепко.

Ну, теперь вот что, душа моя. Возьми у Фейгина денег и купи мне «Записки Волконского», декабриста ¹⁸, а купив — пришли. Пожалуйста, поскорее. Возьми еще денег и отдай переплести твою книжку и тоже пришли мне. Это мне нужно. Ты, чёрт, переплети на мои, я с тебя сдеру потом... Невесте — кланяйся. Невеста или не невеста? Не помню. Так приедешь? Жду.

А. Пешков

Бах! Телеграмма из Киева — отравился и умер друг мой старый Ник. Васильев, старший лаборант Политехникума ¹⁹. Жена едет в Киев. Это мне — удар здоровый. Умер редкий человек, редкий.

Датируется по содержанию и по связи с письмами 33 и 35.

¹ См. прим. 3 к письму 16.

² Владимир Андреевич *Гринемут* (1851—1907) — черносотенный публицист и педагог; с 1897 г. — редактор «Московских ведомостей».

³ Владимир Петрович кн. *Мецкерский* (1839—1914) — реакционный писатель и публицист, ярый монархист. С 1872 по 1914 г. — бессменный редактор-издатель основанной им газеты-журнала «Гражданин». Издавал и редактировал также в Петербурге журналы «Добро» (1881) и «Дружеские речи» (1903—1905).

⁴ Михаил Осипович *Меньшиков* (1859—1919) — реакционный публицист. В 1880—1890-х годах печатался в органе либерального народничества — газете «Неделя». Все более эволюционируя вправо, стал с начала 1900-х годов постоянным сотрудником «Нового времени», где вел воскресный фельетон «Письма к ближним» и выступал со статьями по общественным вопросам. Охарактеризован Лениным как «верный сторожевой пес».

царской черной сотни» и «наемный писака черносотенного царского правительства» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 142, 178).

⁵ Василий Васильевич Розанов (1856—1919) — реакционный философ, публицист и литературный критик. Подвизаясь, по выражению Горького, «на поприще цинизма» (XIV, 154), печатался в периодических изданиях разных направлений от либеральных газет «Слово» и «Утро России» до черносотенных «Колокола», «Земщины», «Гражданина», «Московских ведомостей». Ближайший сотрудник «Нового времени» (литературные обзоры), Розанов (под псевдонимами Орион и В. Варварин) публиковал противоположные по характеру статьи в либеральном «Русском слове». Сочинения Розанова охотно

ДАЧА «НЮРА» В ОЛЕИЗЕ. ЗДЕСЬ В 1901—1902 ГОДАХ ЖИЛ ГОРЬКИЙ

Фотография 1900-х годов

Музей Горького, Москва

помещали журналы декадентов «Новый путь», «Золотое руно», альманахи «Северные цветы» (выпускавшиеся символистским книгоиздательством «Скорпион»), а также враждебно относившиеся к декадентам «Миссионерское обозрение» и «Богословский вестник». Как непримиримый противник материализма, Розанов нападал на наследие революционно-демократической критики 60-х годов, вопросы науки и философии трактовал с мистико-идеалистической точки зрения, утверждал в области познания первенствующее значение интуиции и религиозного чувства. Розанов — один из основателей в Петербурге в ноябре 1901 г. «Религиозно-философских собраний». Письмо Горького к Розанову от 4 ноября 1905 г. — см. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.», стр. 55—57. Письма Розанова к Горькому напечатаны в журналах «Беседа» (Берлин), 1923, № 2, стр. 402—416, и «Вестник литературы», 1929, № 8, стр. 14.

⁶ Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941) — писатель, публицист. В 1903—1904 гг. — фактический редактор журнала «Новый путь». Книга Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной литературы» (СПб., 1893) была своеобразным манифестом русского символизма. Ленин относил Мережковского к представителям контрреволюционного либерализма типа Струве, Бердяева, Изгоева (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 338—339). В 1905 г. Мережковский напечатал в журнале «Полярная звезда» — органе правых кадетов — печально известную статью «Грядущий хам», проникнутую ненавистью к пролетариату и социалистическому строю. После Октябрьской революции — эмигрант, один из озлобленных вра-

гов Советской власти. В 1892—1896 гг. Горький подарил А. А. Смирнову книгу Мережковского «Символы (Песни и поэмы)». СПб., 1892, с пометами неодобрительного характера и проническим отзывами в стихах о включенных Мережковским в книгу поэмах «Вера» (1890) и «Смерть» (1891) (В. С. Кобелев. Неизвестная рукопись А. М. Горького. — Альманах «Волга», Куйбышев, № 15, 1957, стр. 234—238). Горький, по его словам, был «глубоко заинтересован идеей» романа Мережковского «Отверженный» (см. недатированное письмо Горького к А. Л. Флексеру от сентября? 1901 г. — АГ). Роман печатался в 1895 г. в «Северном вестнике», в 1896 г. в значительно переработанном автором виде вышел отдельным изданием (со второго издания — СПб., 1902 — выходил под заглавием «Смерть богов (Юлиан Отступник)»). Продолжая присматриваться к богоискателям, Горький в сентябре — октябре 1899 г. вместе с Поссе посетил Мережковского на его петербургской квартире и вел с ним спор о философии Ницше («Летопись», I, стр. 246). Еще до этой встречи в «Нижегородском листке» (1896, № 47, 28 февраля) Горький в рецензии на первую книгу стихов Федора Сологуба (СПб., 1896) писал о пессимизме и полном безучастии к действительности как определяющей черте творчества не только Сологуба, но и других поэтов-декадентов. Подтверждая свою мысль, Горький цитировал впервые появившееся в «Северном вестнике», 1892, № 10, стихотворение Мережковского «Парки» (XXIII, 121—122). Второе стихотворение Мережковского «Дети ночи» Горький вспоминает в «Беглых заметках» («Нижегородский листок», 1896, № 250, 10 сентября), отвергая лишенные «всякого социального значения» нервозно-болезненные стихи символистов Бальмонта, Гиппиус и Мережковского (XXIII, 182—183). В дальнейшем Горький также отрицательно отзывался о Мережковском — писателе и критике. В докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. Горький отнес Мережковского к типичным представителям литературной реакции наряду с Розановым (XXVII, 316).

⁷ Русский — псевдоним Григория Спиридоновича Петрова (1868—1925) — священника, члена Второй государственной думы, кадета, публициста «Русского слова», в 1906 г. — редактора-издателя в Москве газеты «Правда божия», автора многократно переиздававшегося «Евангелия как основы жизни» (1898). По определению Ленина, Петров — «христианский демократ, весьма популярный демагог» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 16). После Октябрьской революции — эмигрант. Петрову принадлежит переделка романа английского писателя Шелдона «По стопам Христа» (чч. I—II. СПб., 1902—1903). В этой связи примечательно письмо Андреева к Пятницкому от 29 августа 1903 г.: «Последнее время читаю священника Петрова. Что за великий прохвост о господе! Разменял Христа на пятаки и торгует благодатью распивочно и на вынос. Его „По стопам Христа“ — вершина мешанского христианства. Великолепный фокус: как сделать в цилиндре яичницу и не испортить ни яиц, ни цилиндра. И как Дорошевич — сатирик и публицист улицы, так этот Иуда — ее пророк и моралист: расходится что-то двадцатью изданиями» (АГ). Под псевдонимом «Русский» Петров выступил на страницах «Русского слова» (1901, № 267 и 274, 28 сентября и 5 октября) со статьей «Русское дело», в которой приветствовал основанное в марте 1901 г. в Петербурге реакционно-монархическое «Русское собрание» — «как первый почин объединения русских людей во имя чисто культурных целей» (см. также письмо Горького к Поссе после 14 ноября 1901 г. — «Архив Горького», т. VII, стр. 29—30). В январе 1908 г. указом Синода Петров за свою общественную деятельность был лишен священнического сана с запрещением в продолжение семи лет жить в Москве и Петербурге и лишением права сроком на двадцать лет поступать на государственную службу или быть избранным в Государственную думу.

⁸ См. об этом прим. 11 к письму 33. — 2 декабря 1901 г. Горький письмом известил Телешова о согласии передать свой рассказ «История одного преступления» (новое заглавие — «Преступники») в народный сборник и высказал несколько соображений как о составе сборника, так и о месте его издания («Архив Горького», т. VII, стр. 33).

⁹ В письме от начала декабря 1901 г. Горький спрашивал Чирикова: «Прислал тебе Леонид Андреев книгу? не прислал — ругни его по адресу „Курьера“, — пришлет» (там же, стр. 34).

¹⁰ Эту фразу цитирует Андреев в письме к Пятницкому от 19 декабря 1901 г. (АГ).

¹¹ Отдельным изданием «Набат» вышел в «Знании» 20 мая 1906 г. («Дешевая библиотека „Знания“», № 51).

¹² Подразумевается журнал «Русская мысль».

¹³ См. прим. 6 к письму 31. Обстоятельному разбору творчества Горького в связи с выходом в свет двухтомника его «Очерков и рассказов» (СПб., 1898) Михайловский посвятил статью, напечатанную в сентябрьской книжке «Русского богатства» 1898 г. в цикле «Литература и жизнь». В следующей, октябрьской книжке опубликована вторая статья Михайловского «Еще о г. Максиме Горьком и его героях», содержащая анализ женских образов в произведениях писателя. Михайловский высоко оценил художественный талант Горького, «потрясающую правду» его рассказов («Коновалов», «Скуки ради» и др.), превосходные пейзажи; сцена пения в «Тоске» (1896), по мысли критика, ставит этот рассказ рядом с тургеневскими «Певцами»; за мягкий светлый

юмор Михайловский выделил очерк «Ярмарка в Голтве» (1897). Но идейное содержание творчества Горького вызывало у Михайловского настороженное отношение. В частности, народника Михайловского смущала враждебность многих горьковских героев к деревенской жизни («Челкаш», 1895; «Мальва», 1897; «Бывшие люди», 1897). Он признавал, что «задача г. Горького лежит где-то в стороне от грубого противопоставления деревни и города», и предостерегал читателей от торопливых выводов в пользу «той или другой излюбленной теории», тем более что герои Горького, «будучи отверженцами из отверженных и сами сознавая свою порочность, считают себя вправе свысока относиться ко всему окружающему» (Н. К. М и х а й л о в с к и й. Отклики, т. II. СПб., 1904, стр. 338—394). О встречах с Михайловским Горький вспоминает в очерке «О Михайловском» («Архив Горького», т. III, стр. 157—160).

¹⁴ Лев Исаакович *Шварцман* (1866—1938) — философ-идеалист и критик, писал под псевдонимом: Лев Шестов; автор книг: «Шекспир и его критик Брандес». СПб., 1898; «Добро в учении Толстого и Ницше». СПб., 1900; «Достоевский и Ницше». СПб., 1903; «Апофеоз беспочвенности». СПб., 1905; «Начала и концы». СПб., 1908; «Великие кануны». СПб., 1912, и др. Впоследствии — эмигрант.

¹⁵ М. Неведомский — псевдоним литературного критика и публициста Михаила Петровича *Миклашевского* (1866—1943). Печатался с 1889 г. в «Новом слове», «Начале», «Мире божьем», «Правде» (1904), «Нашей жизни», «Образовании», «Современном мире» и др. (см. его книгу: «Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до наших дней». Пг., 1919). Типичный представитель меньшевизма в литературоведении. Ленин подверг решительной критике статью М. Неведомского «Смерть Льва Толстого», опубликованную в журнале меньшевиков-ликвидаторов «Наша зarya» (1910, № 10), в которой Неведомский, отказавшись от марксистского анализа противоречий творчества Толстого, напыщенно провозглашал его «законченным воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести*» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 93—94). Не менее резко выступил Ленин и против «пересмотра» Неведомским «идей Добролюбова задом наперед, от демократизма к либерализму» (там же, т. 21, стр. 250). О Лихтенберже — см. прим. 7 к письму 22.

¹⁶ «Начало» — ежемесячный журнал литературы, науки и политики. Издавался в Петербурге в 1899 г. под редакцией П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и др. Один из органов «легального марксизма». Неведомский выступал в «Начале» со статьями по вопросам изобразительного искусства. Журнал преследовался цензурой и 22 июня 1899 г. был закрыт.

¹⁷ Богучарский — псевдоним Василия Яковлевича *Яковлева* (1861—1915) — либерального политического деятеля. В 1884 г. был арестован по делу народovolьческих военных кружков и сослан в Сибирь, где провел шесть лет. В конце 1890-х годов примкнул к «легальному марксизму», член образовавшегося в 1902 г. «Союза освобождения». В 1905 г. издавал совместно с Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем полукадетский-полуменьшевистский журнал «Без заглавия» и газету «Товарищ», а в 1906—1907 гг. с П. Е. Щеголевым при участии В. Л. Бурцева — журнал «Былое». С 1909 по 1913 г. жил за границей. В 1914—1915 гг. — ученый секретарь Вольного экономического общества. Историк народнического движения. В 1906 г. под редакцией Богучарского выпущены три тома официальных материалов «Государственные преступления в России в XIX веке» с тремя выпусками приложений: «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.», «Революционная журналистика семидесятых годов» и «Литература партии „Народной воли“». В журнале «Начало», 1899, № 1-2 опубликовано «Провинциальное обозрение» Богучарского.

¹⁸ «Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста)». СПб., изд. кн. М. С. Волконского, 1901.

¹⁹ Николай Захарович *Васильев* (1868—1901) — ближайший «друг и учитель» (XXV, 321) молодого Горького, изображенный им впоследствии в очерке «О вреде философии» (XV, 52—63). См. письмо Горького к Пятницкому не позднее 1 декабря 1901 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 54—55).

35 АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 10 и 17 декабря 1901 г.⟩

10 декабря

Спасибо тебе, друг, за письмо. Совру, если скажу, что оно пришло не вовремя. От многих похвал хоть и не закружилась моя голова и не испытала я большой и идиотской радости — но случилось нечто худшее. Я стал трусить и мысленно принорвляться к тем, кто хвалит, чтобы не обмануть их надежд. Мне очень приятна известность и все то, что теперь со мной происходит, но никогда до сих пор я не писал для известности —

а тут я мысленно стал творить именно для нее. И выходило не творчество, а паскудство. Меня приласкали, погладили по головке и, скажу правду, на некоторое время купили мою свободу. Я сажился за бумагу и чувствовал, что я уже не тот, что я не о правде своих слов думаю, а о том, понравится ли написанное тому-то и тому-то, и какими он глазами посмотрит, и не скажет ли: «похвалил я его, мерзавца, а он, гляди, что пишет». Я забыл, что хвалят меня как раз те самые, которые когда-то, вольно и невольно душили меня — а ведь и тогда я был я, человек с правом на жизнь и счастье. Разве я лучше стал, что меня хвалят? Я хуже стал; я потерял свежесть сердца, чистоту мысли, много веры потерял, силы, здоровья — а они хвалят. Они — те, кто отнял, они, кто не сумел дать. Столько лет на дне души копилась ненависть к жизни и ее творцам, а когда меня приласкали, дали немножко денег и успеха, ненависть растаяла и сделался я домашним писателем, как бывают домашние животные.

17 декабря

Пишу после долгого перерыва и наскоро, ибо занят анафемски.

Коротко: затмение прошло, на хвалы наплевал и обозлился. А тебе спасибо, ты говоришь верно, и я тебя люблю, Максимыч. Очень люблю — вплоть до сентиментального желания поцеловать твою небритую щеку. Ты рассердишься, а это правда, что лучшего человека, чем ты, я не видал, да и не увижу.

Волконского спрашивал в тот же день, как получил письмо — нет: все издание разошлось¹. Мои рассказы пошлю завтра, послезавтра, как только будут готовы².

«Трое» — замечательно хорошо!³ Когда читаю, верчусь в постели и не завидую — тебе завидовать нельзя, — а думаю: «и этот самый Максимыч мне друг. Важно!» Первый раз при чтении мне меньше нравилось — благодаря отрывочности, что ли.

Чирикову послал. Получил хороший ответ⁴.

Пятницкий пишет о втором издании. 3000 разошлось⁵.

Студенты решили бунтовать после Рождества⁶. Трудно в такое время писать рассказы. «Набат» — отражение мною переживаемого. Скоро напишу «Бунт на корабле» — зарождение, развитие, ужас и радость бунта⁷. Без слов, ибо я не знаю языка бунтующих: одни зрительные да звуковые ощущения.

Как только кончу «Мысль», пришлю тебе на просмотр.

«Мир божий» предлагает 150 рублей за лист.

Невеста очень тебе кланяется. Одно из ее достоинств — она любит тебя не меньше, чем я.

На днях <на>пишу осмысленно.

Жму твою хорошую лапу.

Твой Леонид Андреев

Можно украсть у тебя для маленького рассказика:

«Эх! ты судьба ли моя черная,
Ты как ноша мне чужинная?»⁸

¹ См. прим. 18 к письму 34.

² Речь идет о заказанном Андреевым переплете для «Рассказов».

³ Повесть Горького «Трое» печаталась в «Жизни» (1900, № 11 и 12; 1901, № 1—4). Запрещение журнала помешало опубликовать в нем конец повести. Полностью она вышла в «Знании» (т. V «Рассказов» Горького. СПб., 1901).

⁴ Письмо Чирикова к Андрееву неизвестно.

⁵ В тот же день Пятницкий сообщал Горькому о «Рассказах» Андреева: «Из 4000 экз. продано 3000. Пора готовить новое издание» (АГ).

⁶ Подразумеваются студенческие волнения в Московском университете. См. прим. 1 к письму 33.

Учитель мой!

Найдишь время о необходимости второго издания. Оно предпосылает: добавит к первому 5-6 листов, напечатает новую книгу - 1р. и поставит на ней - помню первый. Это - нужно и нужно, так и ты бы не противоречил, а давал во второе издание "Набавить" "Кысиль", "Безону", "Старого студента" и - что еще есть у тебя? "Степну" не печатай. Об этом я тебе в прошу. Почему? Я только потому, что для настоящего, своего времени и ты не печатай - которого ты еще не знаешь, не видишь наперед - "Степна" пока - не ясна. Для думаю, что если бы в скором времени будешь доволен, то. Подерфи ее, подерфи! Это единственно адекват вещь для того, чтобы торжественно вывести ее.

Посылаю тебе черкы Скипансца "Рыцарь" и его стихотворение. Передай Оресту деиз напечатать в "Курьер". Это наворочено грубо, но это - верно и - кань хочется! - это напечатать. Если Орест, откажется печатать - будь добры помни рукопись Скипансца в "Знамя". Найдишь время. Очень прошу - не забудь. Скоро выйдет книга Скипансца - хорошая будет книга, оригинальная! Не надеюсь много словачьного, уметь востануть духу, сине

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ 23 ДЕКАБРЯ 1901 г.

Первый лист

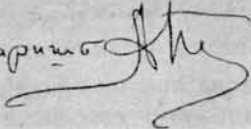
Собрание В. Л. Андреева, Женева

это не показано. Вообще — это кинька, как вообще все мои
критич. задатки не доказаны еще. Но все равно, я еще не
робую. Вообще мы можем думать, захотим ли мы
до тех пор и неиррациональности и будем ждать
с уверенностью. Прошло. А родится — да вот как.

Никто с тобой дружить не хочет?

Будет лучше, ох, как придумают — а? Никто боится.
Мы легко работаем, и тебе надо много рабо-
тать. Говорить о тебе с твоими — не пер-
вый раз уже. Сегодня они у меня были и как
за весь разговор. Очень хвалялись "Крем-Вин"
"Белый миссис" "У окна" "О.С.Н." В то же время
сказали: себе анекдоты о мажорантах, которые
так рассказывают сказку и говорят евошу:
было много из нас — дошло? В самом деле
вошли — дошло? Вдруг за сколько — дошло?
Вот и Андрей так же — и не только и все как
бы ерашваем — дошло? — дошло? А
— не дошло! Ты, вздох? Много говорил по-вашино
описатель языка, сам ~~в~~ изобретения. Вспомни
и старика! Приведи, пока он не умер,
поднакопилось.

Бери у меня "судбу" и все, что тебе нужно. Книжки
некоторые, очень. Скажи, что я пишу ее про твою
подругу ко мне.

Твой товарищ

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ 23 ДЕКАБРЯ 1901 г.

Последний лист

Собрание В. Л. Андреева, Женева

⁷ Рассказ «Бунт на корабле» Андреевым закончен не был и в печати не появился. Рукопись (девять страниц) незавершенного отрывка хранится ныне у сына писателя Вадима Леонидовича. «По характеру своему, — рассказывает В. Л. Андреев, — этот рассказ ближе всего к „Лжи“ и особенно „Стене“. В нем рассказывается о человеке, попавшем на огромный железный корабль, которым управляют „господа“ — „высокие, стройные и красивые, такие красивые, каких я не видел в нашей бедной стране“. Были на корабле и „другие люди“ — „с красивыми шершавыми руками, крепким, тяжелым телом и загорелыми мужественными лицами“. Господа презирали других людей, которые отвечали им скрытой ненавистью. Попавший на корабль человек чувствует себя совершенно одиноким — никто не понимает его — на корабле говорят на неизвестном языке. Неожиданно среди „других людей“, на нижней палубе, он вдруг ощущает на плече руку неведомого друга. К сожалению, рассказ обрывается до того, как начинается восстание на корабле; отец, как я помню, именно этому моменту придавал особое значение». В одной из бесед с сыном в 1918—1919 гг. Андреев так передавал замысел «Бунта на корабле»: «В молодости я задумал рассказ. Это был рассказ об огромном дредноуте, закованном в броню, в который проникает бунтарская мысль. Я себе представил, как эта бунтарская мысль рвет броню дредноута. Рассказ у меня не вышел, а через три года произошел бунт на „Потемкине“» (сообщено В. Л. Андреевым). Примечательно, что в письмах Андреева встречается сравнение самодержавия с кораблем. Так, в начале декабря 1904 г. он писал Пятницкому: «... у событий есть своя логика, и для российского государственного корабля начинается жестокая качка, боковая и килевая» (АГ).

⁸ Из повести «Трое» (V, 86). Эти две строки песни вошли в рассказ Андреева «Книга», предназначавшийся к печати в «Журнале для всех» (письмо Андреева к Мирнолюбову от 8 февраля 1902 г. — ЛА, вып. 5, стр. 93). Впервые рассказ опубликован во втором издании сборника «Помощь». СПб., 1903.

36. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Олеиз. 23 декабря 1901 г.)

Умница моя!

Пятницкий писал мне о необходимости второго издания. Он предлагает: добавить к первому 5—6 листов, назначить цену книжки — 1 рубль и поставить на ней — том первый. Это — умно и нужно, так что ты не противоречь, а давай во второе издание «Набат», «Мысль», «Бездну», «Старого студента» и — что еще есть у тебя? «Стену» — не печатай. Об этом я тебя прошу. Почему? А только потому, что для настоящего, самого ценного читателя — которого ты еще не знаешь, не видел наверное — «Стена» — пока — не ясна. Да я думаю, что и сам ты в скором времени будешь недоволен ею. Подержи ее, подержи! Это слишком важная вещь для того, чтоб торопиться выступать с нею.

Посылаю тебе очерк Скитальца «Рыцарь» и его стихотворение. Передай Фейгину для напечатания в «Курьер»¹. Это наворочено грубо, но это — верно и — как хочешь! — это талантливо. Если Фейгин откажется печатать — будь добр, пошли рукопись Скитальца в «Знание» Пятницкому. Очень прошу — не забудь. Скоро выйдет книжка Скитальца, — хорошая будет книжка, оригинальная!² Ты найдешь в ней много любопытного, целую большую душу, лишь дай себе труд внимательно прочесть ее всю сразу и не очень обращай внимание на сучки.

Константин Петрович сообщает, что от первого издания ты получишь порядочную прибыль. Я очень рад этому — как раз к свадьбе, верно? Вот что, милый Леонид, ты сделал бы превосходно, если б из церкви — сел в вагон и катнул сюда, ко мне. Помимо прибыли с первого издания, ты можешь взять еще рублей 500—700 авансом под второе, хотя я тебе не советую делать это. Женатому — ужасно много денег надо, ты это помни! Ну, ладно, теперь пофилософствуем.

Даже и дружеской похвале не верь, т. е. — верь — если хочешь и можешь, — но не считайся с ней. Ибо — кроме тебя — нет судьи для тебя. Ты пишешь, что «похвалы на время купили твою свободу» — это дело мне

знакомо, я ведь тоже не раз, незаметно для себя, продавался. А особенно — критике не внимай! Ни той, коя хвалит, ни той, коя хает.

Был я в Ялте третьего дня. Стою у пристаней и вижу — воз, нагруженный серым солдатским сукном, из которого осенью облака делают. Подошел к возу старый нищий, весь в лохмотьях, пощупал сукно пальцами и говорит извозчику: «А сукнецо-то дрянное!» — «Не тебе носить...» — сказал извозчик. — «Дрянное сукнецо!» — уверенно повторил нищий. — «Да тебе какое дело? — говорит извозчик, — не для тебя сукно». — «Знаю, — сказал старик, улыбаясь, — знаю, что не мне... дак я его хоть обругаю...» Я думаю, Леонид, что старик этот — во дни своей юности был литературным критиком, а может быть он и теперь пишет критические статьи в каком-нибудь литературном приюте нищих духом. Лучшим критиком, на мой взгляд, всегда является беллетрист. Я, например, серьезно уверен, что никто не может написать лучше меня статьи о М. Горьком, и что если я напишу таковую, — очень немного останется в М. Горьком для поклонения публики. Дело в том, что можно относиться к самому себе вполне искренно, не уродуя своей души, не разжевывая себя, как гриб. «Трое» тебе нравятся? Зря. Скверно, душечка, написано это произведение — будем говорить по совести — скверненько. Вещица — однобокая. Видишь ли что: вся жизнь — все, что вокруг нас вертится и ревет, — все это сводится к одному: к борьбе раба за свободу, господина — за власть и свободу власти. В «Троих» это не показано. В течение жизни моей я стучал кулаками по многим истинам, чтобы узнать, что у них внутри, и все они * звучали под ударами моими, как пустые горшки. Только вера — вот истина, дающая при ударе по ней звук живой и полный. В «Троих» это не показано. Вообще — эта книжка — как вообще все мои крупные задачи — не удалась мне. Наплевать. Я еще попробую. Вот и ты тоже — женишься, захочешь иметь детей и — непременно! — мальчика, и будешь ждать его с уверенностью, жадно. А родится — девочка.

Пишешь ты драму или нет?

Будь добр, ответь — приедешь ли? Пиши больше. Ты легко работаешь, и тебе надо много работать. Говорил о тебе с Толстым — не первый раз уже. Сегодня он у меня был и сам завел разговор. Очень хвалил «Жили-были», «Большой шлем», «У окна», «О Сергее Петровиче». В то же время сказал: «Есть анекдот о мальчишке, который так рассказывал сказку товарищу своему: „Была темная ночь — боишься? В лесу выл волк — боишься? Вдруг за окошком — боишься?“ Вот и Андреев так же: пишет и все как бы спрашивает меня: „Боишься? боишься?“ А я — не боюсь! Что, взял?» Много говорил похвального о чистоте языка и силе изображения. Великолепный старик! Приезжай, пока он не умер, — познакомимся³.

Бери у меня «судьбу» и все, что тебе угодно. Кланяйся невесте, очень. Скажи, что я прошу ее уговорить тебя ехать ко мне.

Твой товарищ А. Пешков

Датируется по содержанию. Толстой посетил Горького в Олензе 23 декабря 1901 г. («Летопись», I, стр. 359).

¹ 23 декабря 1901 г. Горький писал Пятницкому, что выслал для «Курьера» «очень ценный — очерк „Рыцарь“, и хорошее стихотворение Скитальца» («Архив Горького», т. IV, стр. 61). Под заглавием «Дон-Кихот» очерк появился в «Курьере», 1901, № 356, 25 декабря. Стихотворение «Там, где море в скалы било...» — в № 360, 30 декабря.

² Первый том «Рассказов и песен» Скитальца, под редакцией Горького, выпущен в «Знании» 2 марта 1902 г. В книгу вошли рассказы и двадцать два стихотворения. В январе 1902 г. Андреев, не называя автора, на память процитировал в рассказе «Безд-

на» понравившиеся ему строки из стихотворения Скитальца «Ночи» («Ночи мои, ночи!.. Как вы молчаливы!..»), включенного в первый том его «Рассказов и песен» (ПССА, т. IV, стр. 118).

³ А. Б. Гольденвейзер вспоминает беседу с Толстым об Андрееве, бывшую 25 июля 1902 г.: «С отвращением отозвался Л. Н. о „Бездне“ Л. Андреева и сказал: — По поводу Леонида Андреева я всегда вспоминаю один из рассказов Гинцбурга, как картавый мальчик рассказывает другому: „я шой гуйять и вдъюг вижю бежит войк... испугайся?.. испугайся?..“ — Так и Андреев все спрашивает меня „испугайся?“. А я насколько не испугался» (А. Б. Г о л ь д е н в е й з е р. Вблизи Толстого. М., Гослитиздат, 1959, стр. 114).

Лев Толстой с большим интересом следил за творчеством Андреева и в дальнейшем.

37. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Олеиз. 26 ... 28 декабря 1901 г.〉

Милый друг!

Попрошу тебя — прочитай прилагаемую штуку и скажи — как нравится? Автор ее — молодой, хороший человек, — послал тебе три свои вещи и ныне справляется у меня о их судьбе. Напиши ему или мне. Зовут его Алексей Васильевич Яровицкий, адрес «Нижегородский листок». Я считаю его очень талантливым, у него есть весьма славные штуки ¹.

Получил твою книжку, — нелепо было переплетчику закатить эдакие крупные слова на корешке. За надпись — благодарю и — отклоняю ². Знаешь: у Шопенгауэра есть славненький афоризм «скромность — это достоинство того, у кого нет других достоинств». Цени себя выше, что тебе не мешает расти и шириться, а приятелям даст счастливую возможность и большее удовольствие излагать тебя на все корки.

И — прости! — чёрт знает отчего — но мне все хочется писать тебе советы! Должно быть я становлюсь стар.

Не пиши так торопливо, как написал «В подвале» ³. Перечисляя рассказы для второго издания, я забыл две славные вещи: «Кусаку» и «Случай».

Прочитай в «Петербургских ведомостях» очерк Ганейзера «Волшебный фонарь» — и — если поймешь, в чем тут дело и чего ради это писано — сообщи мне ⁴. Меня очень неприятно поразила фамильярность Ганейзера — какой я ему Алексей Максимович? Я его знаю, вернее — видел, но могу сказать о нем только одно — он муж писательницы Юлии Безродной ⁵. Что будет с русской литературой, если писатели станут начинать свои рассказы так: «Избив свою жену, цеховой Пешков, известный в литературе под именем Максима Горького, устало опустился на стул и сказал, [тяжко] вздохнув с облегчением: „Однако я [устал] взопрел! Но — ничего! Господь труды любит“». Или «„Джемс Линч“, он же Леонид Андреев, шел, пьяный, в редакцию „Курьера“ и рыгая кричал на всю улицу: „Ей вы, Ганейзеры! Выходи все на одну руку!“».

Пикантно. Но — чёрт возьми! Есть тут что-то нехорошее, а что — не могу уловить!

Ну, пока до свидания!

Очень жду тебя.

Твой А. Пешков

Если ты скажешь Фейгину, чтобы он пригласил Корнева сотрудничать в «Курьере» — это будет недурно. Корнева надо выводить в «люди», помоги в этом мне. Он, я уверен, будет хорошо писать. Скажи, кстати, Фейгину, чтоб он выслал мне деньги и что я, по скорости, пришлю некую аллегорию ⁶.

Кореиз, Таврической губернии, Олеиз и т. д.

Датируется по содержанию (см. прим. 3).

¹ О Яровицком-Корневе — см. прим. 2 к письму 29. Какие произведения Яровицкого Горький послал Андрееву, установить не удалось. После смерти Яровицкого (от тифа) 22 ноября 1903 г. Горький считал своим долгом позаботиться о судьбе его сочинений. Задумав издать рассказы Яровицкого, Горький в 1903—1904 гг. собирал его рукописи, вырезки из газет с его произведениями. По просьбе Горького, Е. П. Пешкова переписала некоторые рассказы Яровицкого, публиковавшиеся в «Нижегородском листке», в тетрадь, которая вместе с другими материалами хранится ныне в АГ. Еще в 1903 г. Горький сообщил общественной деятельнице Е. К. Малиновской в Нижний-Новгород, что согласен написать предисловие к будущей книге Яровицкого, но требовал, чтобы сестра его В. В. Кавалерова согласилась отдать доходы от издания на общественные нужды (АГ). 1 февраля 1904 г. Кавалерова в письме к Горькому подтвердила свое согласие передать права на издание рассказов покойного брата Горькому и П. С. Захарову. По неизвестным причинам это издание не состоялось. Посмертно был опубликован лишь рассказ Яровицкого «О двух писателях» в «Нижегородском сборнике» (СПб., 1905). Мысль о переиздании сочинений Яровицкого Горький не оставил и в советское время. По воспоминаниям Е. П. Пешковой, Горький в 1928 г. говорил в Горках В. А. Десницкому о своем желании видеть опубликованными произведения Яровицкого.

² Надпись воспроизведена в настоящ. томе, стр. 125.

³ Рассказ впервые опубликован в «Курьере», 1901, № 356, 25 декабря.

⁴ В «С.-Петербургских ведомостях», 1901, № 354, 25 декабря был помещен фельетон Ганейзера «Волшебный фонарь. (Святочная фантазия)», содержание которого составляет вымышленная беседа Горького с Чеховым. В беседе высмеивались литературные взгляды писателей. Фельетон произвел на Горького неприятное впечатление. Он опасался, что «глупая выходка» Ганейзера сможет взволновать больного Чехова (см. письмо Горького к Пятницкому от 30—31 декабря 1901 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 62). Между 28 и 31 декабря Горький писал самому Чехову: «Удивительно нелепо и пошло, никогда, за всю жизнь не читывал подобной ерунды. Чувствую в ней что-то нехорошее — но не могу понять — что?» (XXVIII, 210).

Евгений Адольфович *Ганейзер* (1861—1938) — прозаик, драматург, публицист, сотрудничал в «Вестнике Европы», «Северном вестнике», «Русском богатстве». Приезжал к Горькому на Капри в 1910 г. После Октябрьской революции работал в советской печати. Под псевдонимом «Е. Гирин» сотрудничал в 1930 г. в журнале «Наши достижения».

⁵ Юлия Безродная — псевдоним детской писательницы Юлии Ивановны *Яковлевой* (1859—1910). Печаталась в «Северном вестнике», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Мире божьем» и др. Отдельно изданы ее «Офорты, повести, этюды, сказки» (СПб., 1892).

⁶ О каком произведении идет речь, не установлено.

38. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 30 декабря 1901 г.

Раз-умница моя!

Читать твои письма — это чистое наслаждение, немногим меньше того, чем видеть тебя лично, ибо встаешь ты в своих письмах, как живой. В разговорах, в письмах, в рассказах — всюду ты один, самому себе равен, и есть именно ты, а не кто другой. Меня, который говорит по-одному, письмо пишет по-другому, фельетоны строчит по-третьему, а рассказы валяет по-четвертому — это удивляет и наводит на некоторые, глупо-печальные размышления. Существуют писатели органические, которые могут быть только писателями (и пьяницами), и существуют писатели, которые могут ими и не быть, а быть докторами, адвокатами, пьяницами, а *также* и писателями. Все равно, как цари-помазанники и президенты; был он пивоваром, стал президентом, а потом опять сделается пивоваром и будет пиво варить еще лучше, чем прежде. Ты первый, а я второй. И оттого я так часто трушу и одиноко вою; чтобы тебя столкнуть, нужна революция, а чтобы меня возратить в первобытное состояние, достаточно одному избира-телю поумнеть, а дюжине слегка поглупеть. И кончено.

Насчет критиков верно — или старички нищие духом, или еще хуже — тупые и самодовольные нахалы. (Кстати: один меня уличил в подражании

М. Горькому — на основании посвящения, некто Битнер в «Научном обозрении»¹). Верно и то, что беллетрист лучший критик для другого беллетриста — но неверно, что для себя. И если бы ты написал статью о М. Горьком — это была бы самая неверная статья. Это был бы прекрасный рассказ о том, к чему стремился некий писатель М. Горький, чего он хотел и что у него вышло, но не статья. Наверное и замысел Гете о Фаусте был неизмеримо выше «Фауста», и если бы тот стал критиковать себя, он заявил бы, что «Фауст» ничего не стоит. А он кое-чего стоит. И самое главное: человек никогда не видит своей оригинальности, ибо и глаза его оригинальны, и поверь, если бы ты ни разу не слышал о себе ничего постороннего, даже глупого мнения, ты до сих пор думал бы, что ты самый обыкновенный и неоригинальный человек.

«Трое» нравятся мне не безусловно. Задуманы они сильно — это видно сразу — исполнены слабо. Хуже всего Илья. Он должен был погибнуть, но ты погубил его на интеллигентный манер — он съел всего себя без остатка, как заправский Гамлетик, и когда мозги его вылетели из башки, в них уже ничего не оставалось путного. Он должен был стать силой, темной силой, так как ночью, во тьме, лилии не распускаются — но не тряпкой. Свое отчаяние о жизни он должен был вылить в отчаянные формы. Он прошел полосу буржуазного благодушия; он также должен был миновать полосу интеллигентного бессилия, а не застревать в ней. Ведь от него анархистом за версту пахнет. Силен яд, которым наша интеллигенция отравляет идущие снизу силы, но Илья должен был вынести его. Вынести — и всё отправить насмарку. Бессильное топтание Ильи на одном месте прямо злит меня. Ни протеста настоящего, ни злой критики — а просто обалдел человек.

Самое скверное, что [смерть] интеллигентная гибель его не естественная, а насильственная. Почти полкнижки Илья растет у тебя, как дубок, и вдруг сразу — стоп машина! Закружился на одном месте, как подстреленный, рассыпался, как воз с интеллигентной рухлядью. Да тот ли это Илья?

Зло берет! Если бы он, как Моор, в разбойники пошел, и то было бы лучше, чем, по образу и подобию Раскольников, кувыряться перед самим собою и народом. Первое было бы правдой.

Находят сходство между ним и Фомой². Не знаю. На мой взгляд, он антитеза Фомы. Тот неминуемо должен был закончить тем, чем он у тебя закончил, а Илья — анархией. Фома родился большим, и вся его жизнь — роковое умаление, а Илья родился маленьким, и вся жизнь его — рост, синтез, воля, разными протоками сливающаяся в одно русло. Он должен был проглотить и Якова и Пашку, которым гибель на роду была написана, и претворить их страдания в кровь, и растолстеть от них так, что ни в одни ворота уже не пролезть, а нужно ломать стену по целому.

Весьма возможно, что все мною сказанное — глупости, и ты плюнь и уж, бога ради, к критикам меня не сопричисляй.

Нравятся мне «Трое» потому, что написаны удивительно, по-горьковски одним словом³. Вольной кистью, а не кисточкой, которой глаза барыни подводят. Ширь, простор, и чисто весенняя острая свежесть. Будто не в комнатке при лампе писано, а лежал ты брюхом где-нибудь на высоте, над Волгой, глядел далеко, дышал крепко и рассказывал.

Теперь о делах. Добавить книжку думаю рассказами: «Набат», «В подвале» (слегка переработавши, ибо написана эта штука в один почти что присест, начисто, с усталой башкой), «Смех», «Петька на даче» (из старых; очень нравится Поссе); «Бездну» — и вот не знаю насчет «Стены». Мне она, ей-богу, нравится. Пошлю ее тебе, будь другом, посмотри еще раз — и реши. Мне думается, что она довольно ясна, и читатель ее уразумет. А поставить ее перед «Темной далью»⁴.

Скитальца рассказ ты уже видел в печати — искаженным лапою цензора. Но и при всем том — на многих воздействовал. Прислал он его мне на мою просьбу участвовать в «Курьере» (теперь я заведу беллетристику). Стихи напечатаны нынче ⁵. Вообще будет печататься все, что он пришлет.

Про «Сквозь строй» можно сказать то же, что Тургенев, кажется, сказал про Добролюбовские стихи: не беллетристика, но нечто лучшее, чем беллетристика ⁶. Душа — дай бог всякому такую душу!

Но счастья на роду Скитальцу не писано. Чувствуешь, почему?

Толстой очень премудро и ядовито привел рассказ о мальчике ⁷. Башка! Но неужели это так-таки правда; как тебе, Алексей, кажется? Очень радостно, что у тебя с ним, по-видимому, хорошие отношения; при всей...*

¹ Вильгельм Вильгельмович Битнер (1865—1921) — педагог, популяризатор, автор двухтомного обзора научных и культурных достижений XIX века «На рубеже столетий». СПб., 1902. С 1903 г. — редактор-издатель журнала для самообразования «Вестник знания». Рецензия Битнера на «Рассказы» Андреева напечатана в журнале легальных марксистов «Научное обозрение». Битнер отмечал, что некоторыми чертами своего творчества Андреев сближается с декадентами. В рассказах Андреева, по словам критика, «настроение преобладает над содержанием».

«Несомненно, — заключает Битнер, — г. Андреев, стараясь подражать Горькому (которому он посвящает и свою книгу) — не в отношении содержания, но формы, или, быть может, случайно имея с ним кое-какие общие черты, — не обладает достаточной чуткостью, которая удержала бы его от рискованных эффектов <...> Побольше естественности — вот что должен помнить г. Андреев...» (1901, № 12, стр. 322).

² Фома Гордеев. Повесть впервые опубликована в «Жизни», 1899, № 2—4, 6—9. Отдельное издание «Фомы Гордеева» с посвящением Чехову вышло в «Библиотеке „Жизни“» в 1900 г. (№ 3).

³ См. также письмо 35.

⁴ Подразумевается рассказ «В темную даль».

⁵ См. прим. 1 к письму 36.

⁶ Повесть Скитальца «Сквозь строй» с подзаголовком «Повесть одной жизни» впервые напечатана в «Мире божьем», 1901, № 12, стр. 24—84. Об этом произведении Горький беседовал с Толстым (см. его письмо к Пятницкому от 6—7 января 1902 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 63—64). В романе «Новь» Тургенева (ч. II, гл. 28) Марианна говорит о стихах Добролюбова «Пускай умру — печали мало...»: «...это не поэзия... но что-то не хуже ее».

⁷ См. письмо 36. Об отношении Андреева к Толстому — см. в разделе «Горький об Андрееве», письмо 99.

1902

39. ИЗ ПИСЬМА АНДРЕЕВА — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 4 января 1902 г.

...Московские курсистки тайно от Герье¹ устраивают концерт в пользу своей кассы. Официально концерт в пользу артиста Харламова². Не можешь ли ты черкнуть два слова Шаляпину, чтобы он участвовал — тебя он послушается. Нужно поскорее.

Разреши мне задачу, сам я бессилён.

Меня просят дать беллетристическую вещь в нелегальный, резко революционный журнал³. По всем видимостям, дело поставлено совсем не конспиративно, много болтают и скоро все вяпаются.

Я согласился, а теперь колеблюсь. По натуре я не революционер; не люблю шума, драки, толпы и теряюсь в них; не люблю тайны и болтлив, вообще в действии не гожусь ни к чему. С другой стороны, люблю в тишине думать, и в области мысли моей задачи мои, как они мне представляются, революционные. Мне еще очень много хочется сказать — о жизни и о боге, которого я ищу.

Как быть, не знаю. Слушаться совести — но она говорит десятью головами. То говорит — иди, так лучше. То — сиди, так лучше.

Не знаю. Посоветуй. Поступлю, как скажешь.

Л. А н д р е е в

¹ См. прим. 2 к письму 31.

² Андрей Петрович Харламов (1876—1934) — с 1898 по 1903 г. актер Художественного театра. Исполнитель в 1902 г. ролей Петра («Мещане») и Васьки Пепла («На дне»). После ухода из Художественного театра выступал на провинциальной сцене. В 1915 г. с большим успехом играл в Одесском драматическом театре в пьесе Андреева «Дни нашей жизни» («Театр и кино», Одесса, 1915, № 5, 5 декабря, стр. 6), а в 1922 г. — в «Савве» («Зритель», Одесса, 1922, № 9, стр. 9).

³ О каком журнале идет речь, не установлено. Возможно, подразумевается одно из начинаний нелегального социал-демократического кружка на Высших женских курсах, руководимого курсисткой-нижегородкой Марией Александровной Олигер (р. 1878). Вокально-музыкальный вечер в пользу слушательниц Высших женских курсов «при участии друзей Максима Горького» состоялся в зале Благородного собрания только 2 декабря 1902 г. Накануне вечера распространились отпечатанные кружком Олигер прокламации «От Высших женских курсов». Но еще в ночь на 28 ноября Олигер была арестована по делу МК РСДРП, а остальные участники кружка подвергнуты негласному надзору (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902, л. 28).

40. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Олеиз. 7 ... 9 января 1902 г.⟩

Не давай! Зря обещал. Уже одно то, что ты думаешь: писать или не писать? — явно указывает — писать для *этого* журнала тебе не о чем и хорошо для него ты не напишешь. А для таких изданий необходимо — против принятого обыкновения — писать как можно лучше. Советую: с этим делом погоди до поры пока сам не захочешь, пока в душе не нарвет.

Про «Трех» ты написал хорошо, хотя и не критик. Но Илью — понял не так, как я его понимаю.

Илья не кается пред людьми, а говорит им от презрения. Суда над собой он не может принять ни от людей, которых сам осудил, ни от бога, которого потерял.

Бога — нет, Леонидушка. Есть — мечта о нем, есть вечное, не удовлетворимое стремление так или иначе объяснить себе себя и жизнь. Бог — удобное объяснение всего происходящего вокруг и — только. Толстой якобы верующий в бога — в сущности проповедует необходимость некоей пантеистической гипотезы. Пока что бога и не требуется, ибо если его дать — мешане сейчас же спрячутся за него от жизни. Ныне — бог ускользает от мешан, и они, сукины дети, остаются без прикрышки. Так и надо! Пускай их попрыгают по жизни голенькие с пустыми душонками да позвенят как разбитые бубенцы. А когда они от холода и голода внутреннего издохнут — мы для себя создадим бога великого, прекрасного, радостного, все и всех любящего покровителя жизни! Так-то! ¹

А мешанам бога не давать, если б и был он.

Женись скорее и приезжай. Не тоскуй, а работай! Скучно — не ходи к людям, не развешайся, а садись и пиши, пиши, пиши; все равно что, лишь бы искренно выходило. Ей-богу! Очень жду тебя.

Из Фейгина возьми денег и, купив на них книг у *Миролюбова о Сахалине* ², пришли мне поскорее. Очень нужно. А к Виктору Миролюбову в «Журнал» — не ходи. Не ходи — верно говорю! Писать — пиши, а не ходи ³. До свидания.

А л. П е ш к о в

Датируется по содержанию и связи с письмом № 41.

¹ Рассуждения Горького о боге являются продолжением его полемики с интеллигентами-богоискателями (см. письма Горького к Миролюбову от декабря 1901 г. и января 1902 г. и комментарии к ним — XXVIII, 212—214, 223 и 507). Вместе с тем в призыве Горького «создать» бога достаточно ясно проступали его будущие ошибочные богостроительские взгляды (см. письмо Ленина к Горькому от 1/14 ноября 1913 г. — В. И. Ленин. Собр. соч., т. 35, стр. 89—91).

² И. П. Миролюбов — псевдоним народовольца Ивана Павловича Ювачева (1850—1936). Речь идет о его книге «Восемь лет на Сахалине. С 70 иллюстрациями». СПб., 1901.

³ Об отношении Горького к «Журналу для всех» — см. письма 110 и 111.

41. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 7 января 1902

Славный мой друг! Совсем я развалился, дошел до предела, начал лечиться водой и прочим — и на неделю получил от «Курьера» разрешение не работать ¹. Пишу тебе от радости.

Есть на виду у меня славное дельце — немного сродни тому, по поводу коего совета я у тебя просил; когда буду у тебя, поговорю ². А насчет совета — плюнь. Сам, кажется, сообразил, как надо поступать. Во всяком случае не думай, что я на тебя остроумно взваливаю ответственность. По правде говоря — это было глупо: просить совета. Но чего не наговоришь с такой головой, как моя.

Не рассердил я тебя своими дикими суждениями о «Троих»? Плюнь. Я не критик. И потом ты всегда имеешь возможность меня побить — это по уверению доктора будет даже полезно для меня, ибо опять у меня брюхо растет, — опять!

«Временные правила» кажется воздействовали ³.

12 января

Пятничный передал мне о твоём плане насчет издания: дать «Мысль», «Старого студента», «Бунт на корабле», «Бездну» и «Набат». Но штука

в том, что «Бунт» и «Старый студент» совсем еще не написаны, а «Мысль» только вчерне.

Приходится давать или старые рассказы или — оставить книжку в прежнем виде. И знаешь ли что, друже, — последняя комбинация представляется мне наиболее удобной, точнее — наименее неудобной.

Неудобства первого плана:

1) Книжка, как нечто живое, уже имеет свою физиономию, подчеркнутую и разобранную критикой.

2) Если дополнить книжку 5—6 хорошими рассказами, то все же *новой* она не станет, а читатель будет поставлен в необходимость *вторично* приобретать из-за нескольких новых десятков старых рассказов.

Правда, цена 80 копеек неудобная, но лучше уже оставить ее так — тем скорее выйдет вторая книжка, которую можно пустить по рублю. А потом, если будут новые издания, можно первую книжку привести к целковому, дополнив ее несколькими старыми рассказами.

Единственные, стало быть, изменения сравнительно с первым изданием — это надпись на обложке: «издание второе, книга первая».

Как думаешь?

Ответь, голубчик, поскорее. Каков окончательный план издания — так и поступим. Ежели дополнять, то, по моему мнению, такими рассказами: «Смех», «Бездна», «Стена», «Набат», «В подвале». Книжка, кажется, вся разошлась, а требования есть ⁴.

«Бездна» напечатана и яростно ругается — главным образом буржуями и добродетельными. Негодуют на автора. Есть и защитники — немного ⁵.

Получил сегодня твое письмо. У какого Миролюбова книгу о Сахалине купить — не понял ⁶. Спрашивал, есть ли в Москве такой книжный магазин — не знают. Завтра опять спрошу.

Милый! Я скучаю-то оттого, что нет времени и сил писать: курьерская работа вытягивает все соки. Голова мутится, удавиться хочется. Не чаю, как пройдет этот месяц, ибо в перспективе его: жена, свидание с тобой и отдых. Ай, батюшки, скорей бы!

Каждый почти что день выдумываю рассказы — и хороню их. Вот еще один, имеющий касательство к твоим словам о боге.

Монастырь с чудотворной иконой, а при монастыре городок, а в городке, в поповской семье, высланный студент. Атеист, молодой и воинствующий. Знает всю потайную сторону монастырской жизни: разврат, пьянство, обирательство. Монахи жирные, животы трясутся, глаз нет. Видит и обираемых богомольцев и ненавидит их так же, как и их грабителей и обманщиков. И вот решает: «Ты, бог, устоял против тысяч; устоишь ли ты против хорошей порции динамиту?»

Завтра праздник — торжество темноликой иконы и жирных грабителей. День-два за своим окном он слышит шаги: стучат каблуки, шлепают босые ноги, шуршат лапти. Идут, идут... Он распаляется. Сговаривается с пьяненьким штрафованным послушником и после всенощной (описание ее) кладет к подножию патрон, «адскую» машинку. Колебания, страх, проснулась вера сотен поколений — но он побеждает.

Ночь и борьба неба с адом. Небу помогают монахи. Извещенные послушником и сообразившие выгоду, прячут временно икону, а после взрыва (описание оного) ставят ее на место.

На сотни верст кричит земля: Чудо! Чудо! Он идет в монастырь: толпа, охваченная экстазом, бьется в рыданиях у подножия, славословит и молитствуется. Видя это чудо, он верит, что и в ее темной, мужицкой, рабочей, голодной, издырявленной жизни может совершиться чудо — она увидела руку бога. И вот три группы — он, одинокий и сомневающийся.

Монахи с трясущимися животами — знают про обман и все же *плачут*.

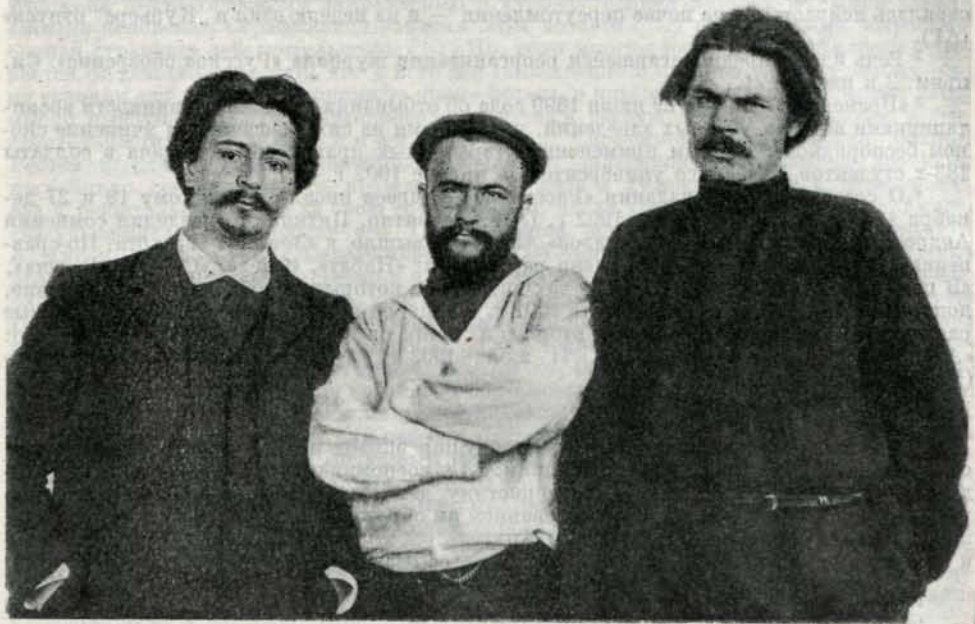
И — верующая толпа.

Послушник рассказывает ему, как произошло, и говорит плача: «Бог совершил чудо моими недостойными руками. Пути его неисповедимы — и быть может я, пьянчужка, только для того и родился, чтобы через мое посредство он проявил свое могущество».

Так что и Расскажи атеист про обман, все равно — *чудо совершилось*.

И тут вопрос: да и нужно ли? Не лучше ли оставить бога — для этих тружущихся и обремененных?

Вот рассказ. Когда напишу и напишу ли — не знаю ⁷.

АНДРЕЕВ, Л. А. СУЛЕРЖИЦКИЙ, ГОРЬКИЙ

Фотография, Оленз, март 1902 г.

Музей Горького, Москва

Получил от Скитальца письмо ⁸. Температура градусов сорок. Приятный он малый и здорово шагает. Чёрт, неужели тебя не радует, что у тебя двое таких детей, как я и Скиталец? И оба ломаем головы: я по причине того, что много «работаю», а Скиталец — что мало *работает*. В этом — самая страшная для него опасность.

О журнале — потолкуем ⁹. Тебе хотели писать, но, кажется, раздумали. Характер его остро-злободневный.

Пока до свидания. Огорчает меня, что мало ты пишешь о себе.

Твой Леонид Андреев

Поклонись от меня, если увидишь, Толстому. Получил от него коротенькое, но любезное письмецо ¹⁰.

Кстати (или некстати): в «Прибалтийском крае» был обзор рождественских номеров московских газет. Вот выдержки. «В „Русских ведомостях“ все на своем месте, чисто и приглажено. Если они и снисходят до рассказов, то с тем, чтобы в них не было ничего выдающегося»... «В „Курьере“, в противоположность „Русским ведомостям“ — буйство сил, школа Горького, герои — босяки, место действия — подвалы и трущобы, речи —

проклятия имущим. Л. Андреева фельетонисты прозвали „Полугорьким“; это несправедливо, у него есть своеобразие в творчестве»¹¹.

Эх, хочется мне сделать в «Курьере» хорошую беллетристику. Теперь зову Серафимовича¹².

Твоего рассказа жду, как манны¹³. Деньги получил?

Крепко жму руку.

Твойший Л е о н и д

Письмо Андреева подверглось перлюстрации. Выдержка из него: «Получил от Скитальца ∞ любезное письмо» процитирована в справке о благонадежности Андреева (ЦГАОР, ф. ДП, д. 1530, 1903 г., л. 2).

¹ 7 января 1902 г. Андреев писал Пятницкому: «Я сильно разнедужился — обострилась нейрастения на почве переутомления — и на неделю взял в „Курьере“ отпуск» (АГ).

² Речь идет о предполагавшейся реорганизации журнала «Русское обозрение». См. прим. 2 к письму 21.

³ «Временные правила 29 июля 1899 года об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаленными из сих заведений за учинение скопом беспорядков». Первым применением «временных правил» была отдача в солдаты 183-х студентов Киевского университета в январе 1902 г.

⁴ О составе второго издания «Рассказов» Андреев писал Пятницкому 19 и 27 декабря 1901 г. и 7 и 13 января 1902 г. (АГ). Вероятно, Пятницкий разделял сомнения Андреева. Второе издание «Рассказов» Андреева вышло в «Знании» 12 марта. По сравнению с первым оно было дополнено рассказами: «Набат», «Смех», «Стена», «Бездна», «В подвале», «Петька на даче». Для тех читателей, которые приобрели первое издание, дополнение было выпущено 21 марта 1902 г. отдельной книжкой под заглавием «Новые рассказы». Сохранился экземпляр второго издания рассказов с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову. 11 июня 1902 г. Арзамас. Леонид Андреев» (Музей Горького. Москва).

⁵ См. прим. 3 к письму 44.

⁶ См. прим. 1 к письму 40.

⁷ Основой для рассказа Андреева послужил эпизод из биографии изобретателя-самоучки А. Г. Уфимцева (см. о нем прим. 33 к воспоминаниям Горького «Леонид Андреев»). Интересно сопоставить характеристику, данную Андреевым герою задуманного рассказа о юноше-богоборце, с истолкованием им образа Ильи Лунова из повести Горького «Трое» (см. письмо 38). Начал ли Андреев работу над рассказом — неизвестно, но к этой теме он вернулся в начале 1906 г. в пьесе «Савва» (см. о ней далее письмо 139).

⁸ Письмо Скитальца к Андрееву не дошло до нас.

⁹ См. прим. 3 к письму 39.

¹⁰ Андреев послал свой сборник рассказов Толстому с надписью: «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Толстому. Л. А н д р е е в. 9 декабря 1901 г.». Книга сохранилась в личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне.

Когда «Рассказы» Андреева были получены в Гаспре, Толстой был нездоров и ответил Андрееву подготовил П. А. Буланже. «Он, — писал секретарь Толстого, — просил меня передать его благодарность и сообщить, что прочел некоторые из ваших рассказов с удовольствием» (Архив Л. Н. Толстого, Москва). Письмо Буланже осталось неотправленным, так как 30 декабря 1901 г. Толстой написал Андрееву сам (Л. Н. Т о л с т о й. Полн. собр. соч. Юбилейное, т. 73. М., 1954, стр. 174). Пометы Толстого на книге опубликованы в изд.: «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне», ч. I. М., 1958, стр. 17—23.

¹¹ «Прибалтийский край» (Рига, 1900—1915) — ежедневная общественно-политическая и литературная газета. В литературном отделе перепечатывались произведения Горького, Чехова, Андреева и др. Речь идет о статье за подписью «Гармодий»: «Москва. 1. (Рождественские рассказы в газетах). — «Прибалтийский край», 1902, № 8, 10 января.

¹² Серафимович — литературный псевдоним Александра Серафимовича Попова (1863—1949). Андреев обратился к Серафимовичу с предложением о постоянном сотрудничестве в «Курьере» 13 января 1902 г. (письмо Андреева впервые опубликовано в кн.: В. В е ш н е в. А. Серафимович как художник слова. М., 1924, стр. 89). Приняв приглашение, Серафимович начал работу в «Курьере» еще до своего переезда в Москву летом 1902 г. Для пасхального номера он прислал рассказ «О том, как Епишка встречал светлое Христово воскресение» (№ 103, 14 апреля). В «Курьере», вплоть до июля 1903 г., Серафимович вел два цикла очерков «Заметки» и «Обо всем», заменившие собой фельетоны Андреева. Первый фельетон Серафимовича «На конке» напечатан 15 августа (№ 224); на следующий день — первый очерк из цикла «Заметки» (№ 225). Переехав в Москву, Серафимович стал членом кружка «Среда». Первая встреча с Андреевым летом 1902 г. на даче в Царицыне переросла в дружбу. Переписка писателей продолжалась около пятнадцати лет. Письма Андреева частично опубликованы Н. Н. Фа-

товым в «Московском альманахе», I. М.—Л., 1926. Четыре письма Серафимовича — в Собр. соч. А. С. Серафимовича, т. VII. М., 1960, стр. 390—392, 433, 499—500, 513—515. Андреев, подсказавший Серафимовичу тему рассказа «Заяц», редактировал и читал его в отсутствие автора 13 октября 1904 г. на «Среде». Одобренный Горьким рассказ был напечатан в 1905 г. в сборнике «Знание», кн. 5. Андреев предлагал в 1907 г. Серафимовичу совместно работать над пьесой о студентах (будущая пьеса Андреева «Дни нашей жизни»). План этот остался неосуществленным (подробнее об этом — в кн.: А. Р у б ц о в. Из истории русской драматургии конца XIX — начала XX века. Минск, 1960, стр. 304—309). Приезжая в Москву, а позже в Петербург, Серафимович обычно останавливался у Андреева. Высоко ценя Андреева, Серафимович посвятил ему свое крупнейшее произведение дореволюционных лет — повесть «Город в степи» («Современный мир», 1912, № 1—5; отд. изд.: 1913). В 1908 г. в одном из интервью Серафимович отметил особенность большого таланта Андреева — стремление к философским обобщениям. Он считал неправильным категорическое противопоставление творчества Андреева реалистическому направлению в художественной литературе. Имея в виду «Жизнь человека», Серафимович заметил: «Вы читаете <...> и перед вами вырастает черная страшная действительность <...> Но, если многим кажется, что Андреев отрывается от действительности, что у него все таинственно и странно, так это потому, что не усвоили еще, не совсем поняли те новые формы, в которые Андреев вкладывает наши мысли и ощущения, наши обыкновенные чувства и рассуждения по отношению к действительности» (С. Р у з и н с к и й. У А. С. Серафимовича. — «Донская жизнь», Ростов н/Д, 1908, № 229, 5 октября). Однако в дальнейшем Серафимович все более настойчиво признавал нечто враждебное для себя в художественной манере Андреева и решительно отстаивал свою точку зрения, когда убеждался, что советы Андреева-художника противоречат его, Серафимовича, идейным принципам. В письме к А. Кипену от 2 мая 1913 г. Серафимович писал об Андрееве: «Для меня все его указания драгоценны, и тем более серьезно я их взвешиваю и принимаю с разбором (само собою, разумеется, не в споре)» (Собр. соч. А. С. Серафимовича, т. VII, стр. 472). В августе 1916 г. Серафимович отклонил предложение Андреева сотрудничать в издаваемой в Петрограде газете «Заря» (будущая «Русская воля») и «горячо просил» самого Андреева уйти из этого реакционного издания (там же, стр. 514, 517, 520). После Октябрьской революции Серафимович во многом пересмотрел свое отношение к Андрееву, хотя продолжал считать его одним из талантливейших русских писателей начала XX в. В написанной в 1940-х годах для повести «Писатель» главе «Курмайров читает лекцию» Серафимович отмечал, что «огромный талант» Андреева «вместо того, чтобы расширяться и углубляться, вместо того, чтобы своим блеском, своей яркостью осветить жизнь, постепенно стал тускнеть, покрываться пелом незнания жизни, незнакомства с жизнью <...> Он искренне симпатизировал рабочему и в то же время был далек от него, не встречался с ним, не знал быта, культуры, социальных идей, охватывающих пролетариат» (А. С. С е р а ф и м о в и ч. Сборник неопубликованных произведений и материалов». М., Гослитиздат, 1958, стр. 408). См. также воспоминания Серафимовича в настоящ. томе.

¹³ О каком рассказе идет речь — неясно.

42. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Олеиз. 13 ... 15 января 1902 г.〉

Получил письмо от Пятницкого. Ты прислал ему «Набат», «Смех», «В подвале»¹. В них 1½ листа. Нужно — 5 листов для того, чтоб поставить на книжечку цену 1 рубль. Я послал еще «Бездну», вчера с наслаждением прочитанную мной в компании. Производит чудовищное впечатление. Ты — молодец.

Пошли еще Пятницкому «Петьку». А «Студент» — готов? А «Мысль»? А «Бунт на корабле»? Голубчик, необходимо набрать еще листа три. А то публика — обругает. Она двугривенный ценит выше литературы, помни сие.

Твой А. Пешков

Торопись, книжка печатается.

Ты — нездоров? Да приезжай сюда, чудак! Здесь солнце, море и миндали цветут. Не все ли равно где жениться? Важно — как?

Приезжай скорее! Славно помещу тебя с женой. Шампанское здесь есть, попы — тоже.

Датируется по письмам Горького к Пятницкому от 13 и 14—15 января 1902 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 70—71).

¹ О получении рассказов «Набат», «Смех» и «В подвале» Пятницкий известил Горького 9 января 1902 г. (АГ). 18 января Андреев писал Пятницкому: «„Стена“ — четвертый рассказ — на просмотр у Алексея Максимовича, и как он решит — не знаю» (АГ). 13 января Горький выслал Пятницкому «чудовищно хороший» рассказ Андреева «Стена» («Архив Горького», т. IV, стр. 70).

43. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Олеиз. 16 ... 18 января 1902 г.⟩

Я положительно за то, чтобы, дополнив книжку, — назначить ей цену 1 рубль. Для тебя — это выгодно, поверь мне. «Набат», «Бездна», «Смех», «Стена», «Петька», «Кусака» — этого, быть может, хватит до рубля. А насчет покупателя, — пускай покупает вторично! Чёрт с ним, в конце концов. Спроси скорее Пятницкого — хватит ли шесть рассказов? Забыл «В подвале». Будет!

Ты «органический пессимист»? Интересное открытие, я очень доволен г. Шкляром ¹.

Твой рассказ об иконе — великолепно задуман, удивительно правдив по фабуле, тяжел в конце — как в действительности и — нецензурен ². Сим последним одначе — не смущайся — но — вали во всю! Напиши и — спрячь. Когда мы с тобой уничтожим цензуру — напечатаем. Оказывается рассказов-то семь! Ну, этого, я думаю, достаточно! Действуй скорее, не задерживай!

Никакого Миролюбова не ищи, не надо. Чёртов ты кум! Миролюбов — не магазин, а автор книги «Сахалин», и я его уже прочитал, чего тебе не желаю ³.

А. Пешков

Датируется по содержанию и соседним письмам.

¹ Вероятно, речь идет о Николае Григорьевиче Шкляре (1878—1953) — прозанике и драматурге. В начале 1900-х годов бывал на «Средах» Телешова. Впоследствии печатался в горьковской «Летописи». Статья Шкляра об Андрееве не найдена.

² См. прим. 7 к письму 41.

³ См. прим. 1 к письму 40.

44. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ Января 19 ⟨1902 г.⟩

Алексей! Божий человек! Прежде всего целую тебя, потом опять целую, и еще и еще. Очень я люблю тебя.

Нынче получил твое письмо и очень огорчился, увидев из него, что мое, прошлое, весьма пространное письмо, до тебя не дошло ¹. Не люблю я, когда письма не доходят. В нем, между прочим, я писал об издании — в том смысле, что его нужно повторить без перемен и дополнений. Все это ни к чему, ибо, как пишет Пятницкий, издание печатается уже по-новому и поворачивать не приходится. Писал я и о том, что рассказы «Бунт» и «Старый студент» у меня еще только в голове, а «Мысль» будет готова не ближе марта.

Таким манером пяти листов мы не наберем даже при условии помещения «Бездны» (о чем речь впереди) — да, по-моему, этого и не нужно при той комбинации, какую предлагает Пятницкий и о какой он вероятно писал тебе (дополнительные рассказы отдельной брошюрой для тех, кто уже купил книжку в первом издании).

А насчет «Бездны» — хорошо-то оно хорошо... Читают взасос, номер из рук в руки передают, но ругают!! Ах, как ругают. В печати пока еще молчат, но из предлагаемой вырезки («Русские ведомости» — Игнатог ²) видно, какова будет речь.

«ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

ВЪДЛОЖЕНИИ

НЕУСТОЙЧИВОГО РАВНОВЕСИЯ»

Карикатура неизвестного художника

Отклик на дискуссию в печати по поводу рассказа Андреева «Бездна».

1902—1903 годы

Почтовая открытка

Музей Горького, Москва

И я думал было так: пустить «Бездну» во второй книжке вместе с «Анти-бездней», которую я хочу написать в целях всестороннего и беспристрастного освещения подлежки-благородной человеческой природы³. Но если ты думаешь, что можно пустить ее и так — нехай идет! Кстати: говорят, что «Русские ведомости» первый раз за десять лет так крупно обругались — и честь этого пробуждения принадлежит мне!

«Петьку на даче» всажу. Но как ты решил со «Стеной»? По крайней мере, получил ли ты ее — я послал ее тебе для просмотра. Ее бы мне хотелось. На всякий случай, если ты не получаешь, pošлю 2-й экземпляр «Стены» Пятницкому, ибо время действительно дорого. В Москве нет уже ни одной книжки, а требовать продолжают.

Ну и успех! Разрази меня на месте, если я чего-нибудь подобного ожидал! А денег-то сколько! И как раз к свадьбе! И я себе новые штаны купил! И еще куплю — ежели захочу! Да не одни, а пар пять, и все розовые! А захочу — так и желтые!

В Петербурге говорят, что я из босяков. «Как же, вместе с Горьким калачи пеки!»

В Москве сообщают, что я «наследственный алкоголик». «Оттого и рассказы такие пишет».

По поводу «Бездны» получаю письма. Есть жалобные: «ох, зачем?», есть и здорово одобрительные. «Жмем руку», — пишут какие-то высланные студенты.

Теперь до скорого свидания. Напишу еще.

Твой Леонид Андреев

¹ См. письмо 41.

² Илья Николаевич Игнатов (1858—1921) — писатель, историк литературы и критик. С 1893 г. — постоянный сотрудник «Русских ведомостей», в которых с 1894 г. вел литературно-критический и театральный отделы; с 1914 г. — редактор газеты. Речь идет о статье «Литературные новости», в которой Игнатов, не называя Андреева, писал о «молодом авторе, присоединившем к печальным выводам французского писателя (Мопассана) декадентскую страсть к невероятному и создавшем в погоне за оригинальностью образцовую глупость». Прозрачно намекая на «Бездну», критик называл рассказ декадентским выстрелом по человеческой природе («Русские ведомости», 1902, № 17, 17 января).

«Русские ведомости» (М., 1863—1918) — буржуазно-либеральная газета; с 1905 г. — орган правого крыла партии кадетов. По характеристике Ленина, в политическом направлении «Русских ведомостей» в это время своеобразно сочетались «правый кадетизм с народническим налетом» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 193).

³ О намерении «ввиду неправильного понимания и толкования „Бездны“ написать послесловие» Андреев известил также Пятницкого 12 мая 1902 г. (АГ). Обличение лицемерия буржуазной морали сближало «Бездну» с ранними вещами Андреева и вызывало положительную оценку рассказа. С другой стороны, впервые высказанный с такой откровенностью взгляд на человека как на раба низменных инстинктов означал разрыв Андреева с гуманистическими традициями русской литературы. Рассказ свидетельствовал об углублении идейного кризиса писателя, его переходе на позиции декаданса. Возмущение широкой общественности, вызванное рассказом, заставило Андреева выступить со специальным ответом критикам и читателям. «Можно быть идеалистом, верить в человека и конечное торжество добра — и с полным отрицанием относиться к тому современному двуголому существу без перьев, которое овладело только внешними формами культуры, а по существу в значительной доле своих инстинктов и побуждений осталось животным», в «наивном самодовольстве культурных людей, в их незнании границ собственного я (а точнее, по ницшеанской терминологии, своего „сам“) — я вижу опасность и препятствия к дальнейшему развитию и очеловечению их незавершенной природы. Человек собой довольный — человек конченный, и если у вас тонкое обоняние, в его присутствии вы услышите запах разлагающегося трупa. Чтобы идти вперед, чаще оглядывайтесь назад, ибо иначе вы забудете, откуда вы вышли и куда нужно вам идти (...) Пусть ваша любовь будет так же чиста, как и ваши речи о ней, перестаньте травить человека и немилосердно травите зверя. Путь впереди намечен людьми-героями. По их следам, орошенным их мученической кровью, их слезами, их потом, должны идти люди — и тогда не страшен будет зверь. Ведь все звери боятся света» (Джеймс Л и н ч. Москва. Мелочи жизни. — «Курьер», 1902, № 27, 27 января). Обсуждение в печати вызвало повышенный интерес к рассказу. «Номера „Курьера“, — сообщал Андреев Пятницкому 30 января 1902 г. — продолжают покупать, из провинции выписывают десятками» (АГ). 12 марта 1902 г. вышло второе издание «Рассказов» и «Новые рассказы» Андреева. В оба издания «Бездна» была включена. Отдельно рассказ выпущен в 1903 г. в Берлине на русском языке издательством Иоганна Рёде. Книга была дополнена статьей Л. Толстого о Мопассане и так называемыми «письмами» героев «Бездны». Первое из писем (якобы от имени героя рассказа Немовецкого) было написано самим Андреевым и опубликовано как «Письмо в редакцию» в «Курьере», 1903, № 8, 6 марта. Подражанием ему явились «Письмо в редакцию» Зинаиды Немовецкой» <В. Жаботинский> «„Бездна“ ли?» в «Одесских новостях», 1903, № 5918, 17 марта и письмо «босяков» «Бритого», «Рыжего» и «Высокого» (в фельетоне: О м е г а. Обо всем. — «Волянь», 1903, № 65, 10 марта).

45. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Олеиз. 23 ... 27 января 1902 г.>

Душечка!

На каждое твое черномазое писание я аккуратно, как аптекарь, отвечаю, а ежели письма мои до тебя не доезжают, — вини стихии, бога, почтарей, но отнюдь не думай плохо о начальстве! ¹ Хотя ты о нем ни слова мне не написал, хотя оно и почитывает тайно письма, хотя иногда оные и поворовывает, — но сие из высоких соображений, — ради наблюдения за правильностью порчи русского языка обывателями, а может и ради других каких целей, нам с тобою неведомых, но — скажем! — почтенных с точки зрения сыскной полиции. А как русское государство управляет сыскной полицией именно, то ты ее, сволочь, не ругай и на нее, стерву, не дуйся, а то она тебе задаст, ибо, между нами говоря, она, паскуда, пре-

дерзостная, а за последнее время и совсем разнуздалась. Что, впрочем, отнюдь не мешает мне считать ее первостепенным учреждением государства нашего.

Но сие пустяки, написанные мною для шутки и от веселия души моей. Разумеется, за «Бездну» будут ругать — ну и что же? Мало ли еще будут ругать тебя! С книжкой — решай, пожалуйста, скорее. Заработал ты на ней — хорошо, а на втором издании еще лучше заработаешь. Встретив Сытина — плюнь ему куда-нибудь, где у него место почище, осторожнее только, не испачкайся об него².

За «Бездну» ругают, ба! А ты напиши рассказ, в котором торжествовала бы добродетель, и чтобы так хорошо торжество ее на мешанского читателя действовало — как, например, пощечина и рвотное действует. Пусть и добродетель торжествует, надо быть справедливым! Но — друг! — будь злым, будь мрачным, но — не будь пессимистом! Пессимизм — философия объевшихся, обожравшихся. Мы с тобой не очень много вкусненького накушались. Никогда в моем прошлом я не пил капли счастья, не одобренной ядом, да и ныне тоже не очень³. Не будь пессимистом, клятвенно умоляю!

Почему? А прочитавши рассказ твой о чуде, мне почудилось, что конец его — не имеет того, что именуется верою в погибель мешанства. Оно не скоро сдохнет — я знаю! — лет через 1000, 2, а может быть 12 000 лет — ах, я знаю! — но — давай, товарищ, будем нарушать мир его жирной души, займемся этим по гроб жизни, как до сей поры занимались!

И — вот ты с этой точки зрения взгляни в «Бездну». Она — хорошая затрещина им, оттого они и не довольны.

Девизом нашим должно быть — не — вперед только, а — вперед и выше!⁴ Мещанишко вперед ходить может, ибо это — выгодно, если не опасно, и приятно, если недорого. А выше — он не может, тяжел, сукин сын! Тяжел! Культурой он обожрался. И вот, дядя мой в розовых штанах, надо как-нибудь так изображать события, чтобы они возбуждали живого и здорового человека именно выше забираться в поступательном, естественном и необходимом помимо его воли шествии вперед.

Впрочем — ты сам имеешь нос и чутье, литературной собаке свойственное. Лучше женись скорее и приезжай. Живет у меня теперь один чёрт — великолепный экземпляр свободного человека! Объехал весь земной шар, поет тенором, гол, наг, бос, довок, силён, умница — ох, я могу целый том написать похвал ему!⁵

До свидания.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ Письма Горького и Андреева, по-видимому, задерживались охранкой. 15 февраля 1902 г. Андреев писал Пятницкому: «19-го поеду в Крым к Алексею Максимовичу, от которого, кстати сказать, давно не имею вестей. В Москве прошел слух, что он арестован, но, по всем данным, это чепуха. Боюсь, что письма его, ввиду моего поднадзорного положения, задерживаются» (АГ). Поводом для разговоров о новом аресте Горького послужил распространившийся по Москве слух, что Горький в связи с готовящейся Художественным театром постановкой пьесы «Мещане» тайно приехал в Москву и что 13 февраля его видели в театре на репетиции. 14 февраля 1902 г. начальник губернского жандармского управления в Симферополе генерал Трубников в ответ на запрос Московского охранного отделения телеграфировал, что Горький из окрестностей Ялтинского уезда никуда не выезжал («Дело № 80. О мещанине Алексее Максимове Пешкове». — АГ). См. также письмо 47.

² Об отношении Горького к Сытину — см. прим. 1 к письму 16.

³

Никогда в моем прошлом я не пил
Капли счастья, не одобренной ядом —

строки, дописанные Горьким в стихотворении Скитальца «Вы сказались, бессонные ночи...». Исправленное стихотворение было 24—25 января 1902 г. отослано Горьким Пятницкому («Архив Горького», т. IV, стр. 71—72) и включено в книгу

Скитальца «Рассказы и песни», т. I. СПб., «Знание», 1902, стр. 144. См. также: Н. В. Гамалий. Редакторская деятельность А. М. Горького в издательстве «Знание» (1900—1906 годы). — Уч. записки Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1957, т. LIV, вып. 1.

⁴ См. прим. 2 к письму 6.

⁵ Леопольд Антонович Сулержицкий (1872—1916) — театральный деятель и художник. В 1885—1888 гг. помогал В. М. Васнецову расписывать в Киеве Владимирский собор. В 1889 г. переехал в Москву и поступил в Строгановское художественное училище. Здесь через Т. Л. Толстую и организатора толстовских земледельческих колоний Е. И. Попова познакомился с учением Льва Толстого. В 1894 г. во время выпускных экзаменов исключен без диплома за революционную речь. В 1894—1895 и 1898 гг. плавал матросом, затем был рулевым. В 1895 г. за отказ принести присягу был помещен в психиатрическое отделение Московского военного госпиталя и через год сослан в Купку. В 1898 г., по предложению Толстого, Сулержицкий сопровождал в Канаду две партии духоборов, преследуемых царским правительством. В 1900 г. познакомился в Крыму с Чеховым и Горьким. Выполняя поручение Горького, ездил в Швейцарию за шрифтом для подпольной типографии («Ежегодник МХАТа за 1944 г.», т. I. М., 1946, стр. 342). 9 мая 1902 г. был арестован в Москве как участник транспортирования в Россию «Искры» и по обвинению в принадлежности к социал-демократическому кружку. До окончания разбора дела выслан под гласный надзор полиции в Ново-Константинов Подольской губ. Приговором суда оправдан через полтора года. Горький оказывал сосланному Сулержицкому денежную помощь, поддерживал его замысел написать воспоминания о путешествии в Канаду. Получив от Сулержицкого рукопись, он в январе — марте 1903 г. правил ее. Под заглавием «В Америку с духоборами» очерк вышел отдельным изданием в «Посреднике» в 1905 г., а антимилицаристский очерк «Путь» — впечатления о поездке из Москвы до Харбина — опубликован Горьким в 1906 г. в сборнике «Знание», кн. 9. С 1905 г. Сулержицкий начинает работать в качестве режиссера Художественного театра; с 1912 г. становится руководителем Студии Художественного театра. Вскоре после смерти Сулержицкого, в конце декабря 1916 г. или в начале января 1917 г. Горьким были написаны воспоминания о нем, предназначенные для «Летописи». Впервые опубликованы в кн.: М. Горький. Литературные портреты. М., Гослитгиздат, 1959, стр. 92—101. Переписку Горького с Сулержицким — см. «Новый мир», 1961, № 6, стр. 171—194 (уже после этой публикации в Архив Горького поступило письмо Сулержицкого к Горькому 1902 г., посвященное премьере «На дне» в Московском Художественном театре).

С Андреевым Сулержицкий познакомился у Горького в Крыму на даче «Нюра» 10 марта 1902 г. (см. письмо Сулержицкого к О. И. Поль от 13 марта 1902 г. — АГ). В 1907 г. вместе со Станиславским Сулержицкий осуществил на сцене Художественного театра постановку драмы Андреева «Жизнь человека». Написанный Андреевым некролог Сулержицкого напечатан в «Русской воле», 1916, № 5, 19 декабря.

46. ИЗ ПИСЬМА АНДРЕЕВА — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 1 февраля 1902 г.⟩

...Числа 20-го приеду к тебе. Третьего дня, ночью, был у меня обыск — одна полиция без жандармерии¹. Искали весьма поверхностно. Курьез — пристав говорит: «А вы, как я слыхал, изволите писать в том же духе, что и М. Горький?» — Как вам сказать?.. — «А хорошо пишет!» — Потом берет письма и смотрит подпись: Пешков. А!.. Мой однофамилец какой-то! С пренебрежением бросил, и ни одного письма за подписью «Пешков» не стал читать. Иллюстрация на тему о вреде просвещения. Обязали подпиской о невъезде — не знаю, пустят ли? ² Были в ту ночь аресты...

Дата письма взята из дела Московского охранного отделения «О помощнике присяжного поверенного Леониде Николаеве Андрееве, Н. Д. Телешове и Степане Гаврилове Петрове» (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902).

Это письмо, по-видимому, не дошло до Горького (см. письмо 50).

¹ По предписанию московского обер-полицеймейстера обыск на квартире Андреева был произведен в ночь на 31 января 1902 г. Причиной обыска послужила связь Андреева с участниками нелегального собрания, состоявшегося у члена исполнительного студенческого комитета Московского университета А. И. Колмогорова. На сходке у Колмогорова 27 января исполнительный комитет разработал план проведения политической антиправительственной демонстрации, назначенной на 9 февраля, с уча-

ствием рабочих. Протокол свидетельствует: «По тщательности обыска всех находящихся в квартире Андреева вещей ничего навлекающего какое-либо сомнение не обнаружено. Никаких переписок сомнительного свойства, а равно и фотографий не обнаружено» (там же, л. 6 об.).

² Датированная 31 января 1902 г. подписка Андреева о невыезде из Москвы хранится в том же деле (л. 7).

47. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 8 февраля 〈1902 г.〉

Милый Алексей! Побойваюсь, что мне не дадут увидеть тебя — не выпустят из Москвы. Подал прошение, но результатов что-то нет ¹. Хотя какой им расчет удерживать в Москве неблагонадежную личность в такие неблагоприятные времена?

Время же действительно неблагонадежное — именно время. Что-то порвалось, что-то лопнуло, колесо соскочило с рельсы, песчинка попала в механизм — чёрт его знает, что там случилось, но все идет на развалку. Не удержишь. Скрипит, бурлит; нелепость там, нелепость здесь; люди не знают, что будет завтра, всего ждут — и все возможно. Мера вещей утеряна. Анархия в самом воздухе. Обыватель соскочил с полочки, удивлен, растерян и искренне позабыл, что дозволено и не дозволено, что можно и чего нельзя. А теперь уже и удивляться перестает — признак для порядка самый опасный.

Тюрьмы и части переполнены. Обыскивают, хватают, возят и перевозить не могут. Они думают, что сила в каких-то пресловутых вожаках. Пустое. Пока сила была в вожаках, они могли сидеть спокойно. Пусть-ка они вот что изловят: приходит к одному адвокату административно-высланный рабочий, проживающий без паспорта. — Вы бы уехали, — советует адвокат. — «Да погожу до девятого — может, наша возьмет. Тогда и уезжать незачем». — Так это просто: наша возьмет! А то еще: ходит по всем редакциям невзрачный сотрудник невзрачной газетки и серьезно предлагает — всем газетам сговориться и 9-го, вместо передовой о том, откуда у мужика ноги растут, выпустить воззвание к народу. И редакторы — время! — вместо того, чтобы закричать караул, вежливо колеблются и виновато отказываются.

И все эти аресты создают только одно: страшное возбуждение. Масса положительно гипнотизируется. Создаются слухи, легенды — и все им верят. Любопытство возбуждено до крайней степени — а в психологии массовых движений оно страшная сила. Пойдет поглазеть, а уж как только попал в толпу — капут!

Что будет завтра — не знаю. Но не думаю, чтобы обошлось мирно. Разве только верны те слухи, по которым генеральная рабочая демонстрация и возложение венка на памятник Александру II назначены на 19-е. Тогда силы разобьются ².

В университете, по рассказам, разладица. Временные правила — внесли несогласие и образовали партии. Большинство, кажется, хочет выделить студенческое движение из общенародного. Многие за то, чтобы подождать как скажутся правила практически. Начальство хочет допустить сходку, предложить актовый зал и уговаривать не выносить беспорядков на улицу.

Увидим, что будет!

Твой «Мещане» в Москве не пойдут. Повезут в Петербург ³ и там начнут — говорил мне Вишневский ⁴. На генеральной репетиции будет Шаховской, чтобы почеркать в настроении ⁵. Постараюсь побыть на репетиции, и если отпустят, привезти тебе свеженький отчет ⁶. Работают над пьесой здорово и ждут успеха.

От Пятницкого что-то нет вестей ⁷. Для второго издания самое время. Поверишь ли — книжка моя перепродается сейчас по 3 целковых!

Послезавтра, 10-го, женюсь, т. е., вероятно, женюсь. Ну и вовремя! А тут еще болен — жестокая инфлуэнца.

Крепко жму руку.

Твой Леонид Андреев

Думаю быть у тебя числа 22—23-го.

На письме помета Пятницкого: «1902».

¹ 5 февраля 1902 г. Андреев подал прошение московскому обер-полицеймейстеру о разрешении 15 февраля «по обстоятельствам семейного характера выезда из Москвы на один месяц» в г. Остер Черниговской губ. и Одессу. О разрешении выехать из Москвы Андрееву было сообщено телеграммой через пристава 12 февраля (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902, л. 16).

² Студенческий исполнительный комитет объединенных организаций и землячеств, принявший решение провести 9 февраля 1902 г. массовую политическую демонстрацию с участием рабочих, распространял прокламацию «К товарищам рабочим!» и вел переговоры о совместных действиях с представителями рабочих организаций. Seriously обеспокоенные власти поторопились предпринять ряд энергичных мер, чтобы предотвратить манифестацию и помешать объединению студенческого движения с рабочими. В ночь с 30 на 31 января был арестован первый состав исполнительного комитета, 5—6 февраля та же участь постигла второй состав комитета и видных руководителей революционных кружков (всего был арестован 81 человек). 9 февраля с утра войска оцепили бастующие фабрики и здание университета. Полиция задержала участников студенческой сходки, собрала их в помещении манежа и «препроводила» в пересыльную тюрьму (около 218 человек). 19 февраля, в день годовщины отмены крепостного права, в Кремле произошла инспирированная зубатовцами церемония возложения «от рабочих» венка на памятник Александру II. Этот эпизод Горький изобразил в «Жизни Клима Самгина».

³ Премьера «Мещан» состоялась 26 марта 1902 г. во время гастролей Художественного театра в Петербурге.

⁴ Александр Леонидович Вишневский (1861—1943) — с 1898 г. артист Художественного театра, заслуженный деятель искусств. В постановке «Мещан» не участвовал. Первый исполнитель роли татарина в драме «На дне» (1902—1903). Впоследствии играл в пьесах Андреева — Некто в сером в «Жизни человека» (1907—1908) и Давида Лейзера в «Анатэме» (1909—1910).

⁵ Николай Владимирович кн. Шаховской (1856—1906) с 1 января 1900 по 25 апреля 1902 г. — председатель Главного управления по делам печати. О постановке «Мещан» в Художественном театре — см. Собр. соч. К. С. Станиславского, т. I. М., 1954, стр. 251—254.

⁶ 20 февраля 1902 г. Андреев писал Пятницкому: «Вчера был на генеральной репетиции „Мещан“, пьеса прекрасная, исполняется превосходно со всем мастерством Художественного театра. Успех будет несомненный» (АГ). Статья Андреева о постановке напечатана с цензурными пропусками в «Курьере», 1902, № 89, 31 марта. Полный текст публикуется впервые в настоящем томе.

⁷ 12 февраля Пятницкий выслал Андрееву вместе с письмом корректуру рассказов «В подвале» и «Петька на даче».

48. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 10 июля ⟨1902 г.⟩

Плохая, друже, свадьба. Вчера пропал без вести мой брат (художник); вероятно сидит в Бутырках ¹. Маменька моя воеет.

Вчера ничего существенного не было. Университет постановил забастовку; против демонстрации большинство ². Была сходка — немногочисленная. К ней потом примкнула толпа — неорганизованная, больше из любопытства. Центр города занят войсками и казаками; улицы оцеплены, так что увеличиваться толпе было затруднительно. Хватали правого и виноватого и волокли в манеж. Набили его битком, а ночью переводили и перевозили в ⟨тюрьму⟩*. Встретил я несколько черных и длинных, как гроба, карет под сильным конвоем казаков — и заплакал. Тошно.

* В автографе явная описка: в манеж. — Ред.

всякого мало-мальски длинноволосого или останавливавшегося для своей надобности. Забирали и младенцев. Высшие женские курсы временно закрыты ввиду забастовки. О закрытии университета совещаются сегодня на экстренном собрании профессоров и педагогов («Дон», 1962, № 3, стр. 188—189). По официальным данным, в Москве 10 февраля 1902 г. было арестовано на улицах 292 человека, в том числе 73 женщины. Министр внутренних дел передал московскому губернатору в. к. Сергею Александровичу благодарность Николая II «по поводу распорядительности московской администрации и полиции (...) и быстрых и решительных мер по очищению университета от демонстрантов» (ЦГАОР, ф. 102, оп. 1898, ед. хр. 3, ч. 150, т. 2, «А», лл. 24, 38, 39). См. также прим. 2 к письму 47.

49. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 16 февраля 1902 г.

Милый Алексей!

Еду на тя. Полиция дала месячный отпуск ¹. Очень рад увидеть тебя, но смущаюсь твоим молчанием. С моей склонностью к дурным предположениям делаю из него вывод, что ты на меня сердись. Потом стараюсь понять, за что сердись, не понимаю, и делаю другой, более разумный вывод: твои письма ко мне попадают в лапы полиции, а также, весьма возможно, и мой к тебе. Это пишу на всякий случай.

Сперва заеду в Одессу. Оттуда, числа 25-го, в Ялту ².

Жена кланяется. Целые дни бегаем с ней по родственникам. Тетушки старые-старые, требовательные-требовательные. И всё обижаются. Комиссия!

Воскресенье 10-го в Москве прошло мирно. Вообще — движение было незначительным. Народ безмолвствовал.

Твой Леонид А н д р е е в

¹ См. прим. 1 к письму 47.

² В Одессу Андреев с женой приехал 25 февраля, о чем сообщил местной открыткой И. А. Бунину (ЦГАЛИ. См. также: В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. 1870—1906. Париж, 1958, стр. 135, и письмо Бунина В. Л. Андрееву от 7 января 1953 г. в кн.: Вадим Андреев. Детство. Повесть. М., «Советский писатель», 1963, стр. 148—149). В Крым к Горькому Андреев выехал около 28 февраля (см. письмо Бунина к Телешову из Одессы от 28 февраля 1902 г. — ИМЛИ).

50. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Олеиз. 20 ... 21 февраля 1902 г.⟩

Друг!

Три твои письма получил. Женился ты или все еще — нет? Поздравлять я тебя буду, когда ты приедешь сюда, а теперь я все думаю: как хорошо ты, со временем, напишешь воспоминания «Как я женился».

Как это вышло, что с тебя взяли подписку о невыезде? За что?

И это хорошо, друг мой, ибо русский писатель никогда не должен жить в дружбе с русским правительством — все равно каково бы оно ни было: самодержавное, конституционное или — даже! — республиканское¹... Ибо во всех трех формах оно будет у нас — по существу своему — одинаково дрянно. Потому — мешанское.

Ну, ладно, не будем говорить о политике, ибо за сие может нам быть сквернее, чем есть. — Вот что: числа 23—⟨2⟩4, т. е. в тот же день, как и ты, едет в Ялту из «Флоренции» с Тверской доктор Александр Алексин, мой приятель ². Валяй вместе! Он интересный зверь.

Adagio! ³ А. П е ш к о в

Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ Имеется в виду буржуазно-республиканское правительство.

² Александр Николаевич *Алексин* (1863—1925)— старший врач земской больницы в Ялте. Познакомился с Горьким в Алушке в феврале 1897 г. во время пребывания писателя в пансионе В. И. Токмаковой («Летопись», I, стр. 192). Алексин лечил больного туберкулезом Горького и очень сблизился с ним. После смерти Алексина Горьким были написаны оставшиеся незавершенными воспоминания о нем (XIV, 317—322. См. также очерк Горького «Леонид Красин» — XVII, 56—57). В 1924 г. Горький закончил рассказ «Голубая жизнь», материалом для которого послужила услышанная от Алексина история из его врачебной практики (XVI, 227—282).

³ Музыкальный термин *adagio* употреблен здесь Горьким в шутку вместо *addio*.

51. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 10 апреля 1902 г.

Милый Алексеюшка!

Во-первых, это свинство: почему ты не ответил на телеграмму о твоём здоровье ¹ и заставил меня несколько дней провести в жестоком беспокойстве? Только от Александра Александровича ² я узнал, что ты здоров. Оказывается, у тебя было не воспаление легких, а Шаляпин — это лучше. Там же и Ив. Бунин, и Скиталец, и Телешов — здорово должно быть вы повеселились ³.

А я работаю. Много и скверно. Кончил «Мысль»; сейчас она переписывается и через неделю будет у тебя. Будь другом, прочти ее внимательно и если что неладно — напиши. Возможен ли такой конец: «присяжные отправились совещаться»? Художественным требованиям рассказ не удовлетворяет, но это не так для меня важно: боюсь, выдержан ли он в отношении идеи. Думаю, что почвы для Розановых и Мережковских не даю; о боге прямо говорить нельзя, но то, что есть, достаточно отрицательно. А. А. Смирнов слышал рассказ и говорит, что я «анархист в духовной сфере». По прочтении немедленно отошли рассказ в «Мир божий» А. И. Богдановичу — а мне сообщи о твоём впечатлении, и сообразно с коим в корректуре я сделаю поправки или дополнения ⁴.

Пасхального рассказа моего не читай. Дрянь, сделанная в одни сутки на заказ, чтобы вывезти «Курьер», у которого совсем нет беллетристики ⁵. А завтра еще фельетон ⁶. После него тотчас сажусь за «Тенора» ⁷ и за поппа. Попа делаю всего сызнова; кажется, нашел для него подходящую форму ⁸.

Смерть Сипягина повергла меня в ужас ⁹. Три дня у меня была пляска св. Витта — не Витте ¹⁰, это совсем другая пляска, а Витта. Я плакал, а рожа, как у Гуинплена ¹¹, — расплывалась в позорную, возмутительную улыбку. А вышло дело — наплевать. «Русские ведомости» шепотком, но явственно приветствовали: наплюй, говорят, наплюй, голубчик, а мы опять утремся ¹².

Лучше теперь тебе будет или хуже?

Как насчет Волги? Ввиду неопределенности нанимаю дачу в Царицыне, но если ты будешь на Волге, приеду и поселюсь. Нанимай так, чтобы сдать мне две комнаты.

Крепко поцелуй от меня всех ближних. Не посылаю книжек — ей-богу, некогда надписать.

Жена крепко кланяется.

Твой Леонид Андреев

¹ Телеграмма не сохранилась.

² А. А. Смирнов. См. о нем прим. 5 к письму 23.

³ О приезде в Оленз Телешова и Бунина Горький известил Пятницкого 4 апреля («Архив Горького», т. IV, стр. 76). Несколько позже в гости к Горькому приехали Шаляпин и Скиталец («Летопись», I, стр. 380).

⁴ Рассказ «Мысль» впервые опубликован в «Мире божьем», 1902, № 7, отд. I, стр. 122—159. Отзыв Горького о нем см. в письме 55.

⁵ Речь идет о рассказе «Весной». С подзаголовком «Эскиз» напечатан в «Курьере», 1902, № 103, 14 апреля.

⁶ 7 апреля 1902 г. в № 96 «Курьера» был опубликован большой фельетон Андреева (Джемса Линча) «Москва. Мелочи жизни», в котором он рассказывал о своей поездке на юг и встрече с Горьким в Олеше («На юге» — ПССА, т. VI, стр. 249—253). По требованию цензора фамилия Горького, находившегося под гласным надзором, была в корректуре вычеркнута. Следующий фельетон Андреева из этого цикла напечатан в «Курьере» только 28 апреля (№ 110).

⁷ Рассказ «Тенор» был закончен Андреевым в марте 1902 г. Отослать его в «Журнал для всех» он предполагал к 15 апреля. Однако работа затянулась. «Приехавши с Волги, — писал он Миролюбову, — уселся работать над предназначенным вам рассказом „Тенор“, работал здорово, кончил третьего дня — и увидел, что вещь никуда не годится. Обидно за потраченный труд, а всего обиднее за неисполненное обещание. А рассказ большой — печатный лист» (ЛА, вып. 5, стр. 94). На решение Андреева не печатать «Тенора» повлиял отзыв Горького (см. письмо 66). Впоследствии Андреев использовал рассказ «Тенор» в работе над пьесой «Gaudeamus». Рассказ опубликован (не полностью) в «Неделе», 1962, № 50, 9—15 декабря, стр. 6—7 и 23.

⁸ Подразумевается начальная редакция рассказа Андреева «Жизнь Василия Фивейского». Полностью работа над ним была завершена 19 ноября 1903 г. С посвящением Шалипину рассказ был опубликован в сб. «Знание», кн. 1, 1904.

⁹ Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853—1902) — в 1891—1893 гг. московский губернатор; с октября 1899 г. — министр внутренних дел и шеф жандармов. Крайний реакционер, вел жестокую борьбу с освободительным движением в России. 2 апреля 1902 г. был убит студентом С. В. Балашевым, членом «Боевой организации» эсеров.

¹⁰ Сергей Юльевич Витте (1849—1915) — видный государственный деятель, убежденный сторонник самодержавия. С 1892 по 1903 г. — министр финансов; с октября 1905 по апрель 1906 г. — председатель Совета министров.

¹¹ Герой романа Виктора Гюго «Человек, который смеется».

¹² По-видимому, имеется в виду подобострастный по тону некролог Д. С. Сипягина в «Русских ведомостях», 1902, № 93, 4 апреля.

52. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Олеш. 10 ... 15 апреля 1902 г.〉

Милая моя Леонида!

Спасибо, но — жаль.

Жаль и того, что «Писатель» распространился в этой редакции, когда имеется другая, почище ¹.

Замечание о исходной точке — правильно, сам это знаю. Историю эту с театром связывать не надо ².

Скиталец поет: «Я невесту сопро-о-о-вожда-а-аю!» Она у нас однажды была, а дважды не была ³.

Жму брюхо. А. Пешков

Датируется предположительно по времени пребывания Скитальца у Горького в Олеше.

¹ Речь идет о написанном осенью 1900 г. и отпечатанном на гектографе в марте 1901 г. в Москве рассказе Горького «О писателе, который зазнался». 6 ноября 1901 г. Горький прочитал рассказ на прощальном банкете, устроенном в его честь нижегородской интеллигенцией по случаю отъезда писателя из Нижнего-Новгорода в Крым («Летопись», I, стр. 340—341). Отчет об этом банкете напечатан в «Искре», 1902, № 15, 15 января. Рассказ читался в революционных кружках молодежи, расходился в рукописных списках и с 1902 г. включался в zahraniчные сборники запрещенных произведений Горького (см., например: М. Горький. Запрещенное, Берлин, изд. Гуго Штейнница, 1902, и др.). При перепечатках была допущена произвольная перестановка отдельных строк. Андреев, по-видимому, послал Горькому одно из таких изданий.

² Письмо (или сопроводительная записка) Андреева не сохранилось. Содержание рассказа иногда действительно связывалось с инцидентом в Художественном театре (см. прим. 1 к письму 10). Так, опубликовав рассказ «О писателе, который зазнался» по недосмотру цензуры, газета «Русский Туркестан» (Ташкент, 1901, № 211 и 215, 31 октября и 4 ноября) в редакционном примечании объясняла, что произведение это «является ответом Горького на ту массу газетных толков, которые вызваны были случаем с ним в одном из московских театров».

³ Скиталец женился в 1903 г. на дочери симбирского купца и общественного деятеля — Александре Николаевне Анапьевой (ум. 1917).

53. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва.〉 14 апреля 〈1902 г.〉

Алексеюшка, милый — когда прочтешь «Мысль», немедленно пришли ее мне. Дело вот в чем. Был у меня Миролюбов и передал, что «Русское богатство» очень нуждается в беллетристике и Михайловский очень просит

АНДРЕЕВ С ЖЕНОЙ А. М. АНДРЕЕВОЙ (ВЕЛИКОРСКОЙ)

Фотография, Одесса, февраль 1902 г.

Музей Горького, Москва

меня дать что-нибудь. К этому Миролюбов присоединил рассуждение об относительных достоинствах «Мира божьего» и «Русского богатства», упомянул о корректности Короленко — ты знаешь, что он вышел из Академии? ¹ — и сделал основательный вывод, что «Мысль» я должен дать не «Миру божьему», а «Русскому богатству». И я с ним вполне согласен, но:

1) Неизвестно, понравится ли Михайловскому рассказ в его основной идее ².

2) Из «Мира божьего» я получил аванс — 200 рублей.

3) Богданович неоднократно просил меня о рассказе, и я обещал, упомянув, что он будет называться «Мысль»³.

4) В конце апреля я хотел дать «Русскому богатству» рассказ о попе («встань и ходи») ⁴.

Посему дня через четыре я еду в СПб., прочту Михайловскому «Мысль», и если она ему *очень* понравится, отдам ему, а Богдановичу — по па. При этом сохру что-нибудь.

Теперь скажи — одобряешь ли все сие или нет? Мне кажется, что ты на стороне «Русского богатства», почему я и намереваюсь действовать так решительно.

Рассказ пришли мне по адресу: Москва, Б. Грузинская, д. Перельман. Пиши. Крепко жму руку.

Твой Леонид А н д р е е в

¹ Имеется в виду демонстративный отказ Короленко и Чехова от звания почетных академиков в связи с отменой избрания Горького в Академию наук («Летопись», I, стр. 371; А. Б. Д е р м а н. Академический инцидент. Симферополь, 1928; А. П. Ч е х о в. Полн. собр. соч. и писем, т. XIX. М., 1950, стр. 325).

² «Мысль» была отклонена Михайловским (см. прим. 6 к письму 31), поэтому предполагается поездка Андреева в Петербург не состоялась (см. письмо 56).

³ В письме к Ф. Д. Батюшкову от 19 июля 1902 г. Андреев просил погасить полученный им аванс 100 руб. из гонорара за опубликованный в июльском номере рассказ «Мысль». В том же письме он напоминал А. И. Богдановичу о высылке 25 оттисков рассказа и обещал свое новое произведение передать «Миру божьему» около сентября (ГПБ, архив Ф. Д. Батюшкова, ед. хр. 2). Однако «Мысль» — единственное произведение Андреева, опубликованное в этом журнале.

⁴ «Жизнь Василия Фивейского». См. о нем прим. 8 к письму 51.

54. ГОРЬКИЙ И СКИТАЛЕЦ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

⟨Корейз. 17 апреля 1902 г.⟩

Прочитали. Поздравляем. Хорошо¹.

С к и т а л е ц. П е ш к о в

⟨Адрес:⟩ Москва. Петровские ливии. Редакция газеты Курьера. Леониду Андрееву.

Дата на телеграфном бланке.

¹ Речь идет о рассказе Андреева «Мысль», прочитанном Горьким и Скитальцем в рукописи. См. письмо 55.

55. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Олеиз. 18 ... 20 апреля 1902 г.⟩

Рассказ хорош. Леонид Андреев свой человек в области неизвестного, и пропасти черных тайн посещаются им столь же легко и свободно, как Скитальцем — трактиры для простонародья. Ничего! «И в железные сердца — бей!»¹ «Вот смысл философии всей!»² Пускай мещанину будет страшно жить, сковывай его паскудную распущенность железными обручами отчаяния, лей в пустую душу ужас! Если он все это вынесет — так выздоровеет, а не вынесет, умрет, исчезнет — ура!

Но это все — потом. Рассказ послан, корректуру получишь. Прочтешь внимательно 4-й лист, не найдешь ли там чего-либо лишнего. Что-то длинно, есть повторения, кажется. Затем: голубчик! — обязательно уничтожь или переделай конец. Это — необходимо. Пускай конец имеет несколько строк, в которых главное место займет страшное слово — «*н и ч е г о*». «Когда, на суде, председатель обратился к обвиняемому и т. д., доктор Керженцев посмотрел на него, на публику, — на всё — какими-

то слепыми, холодными глазами и спокойно, — спокойно! — холодным голосом сказал — *н и ч е г о!*

Поверь мне, друг, — это слово должно быть последним словом рассказа, именно это слово! Присяжные, суд, публика, вопросы — все лишнее! Все это пустяки — ты подумай-ка! ³

Писать более убедительно не могу, а более длинно — не буду. Крепко жму руку, очень крепко. Жене поклон.

А. Пешков

Да, забыл! Третье издание печатается, второе разошлось. Третье вали в 10 000 ⁴. Входи пайщиком в «Знание», право, это следует сделать! ⁵ Целее деньги будут и голос получишь в деле снабжения рынка книгами.

Датируется по соседним письмам.

¹ Цитата из стихотворения Скитальца «Кузнец» (С к и т а л е ц. Рассказы и песни, т. I. СПб., 1902, стр. 273).

² Цитата из стихотворения Генриха Гейне «Теория» («Doctrinen», 1842). В России получило широкую известность в переводе А. Н. Плещеева («Возьми барабан и не бойся...»). Понравившуюся первую строфу стихотворения Горький на память воспроизвел в дарственной надписи Андрееву на экземпляре «Мещан» (см. настоящий том, стр. 479). В 1907 или 1908 г. в письме к А. Н. Тихонову с Капри Горький называет эту строфу «лозунгом литератора» (XXIX, 86).

³ В первой публикации рассказ заканчивался следующим образом: « — Обвиняемый! Что вы имеете сказать в свое оправдание? Доктор Керженцев встал. Тусклыми, словно незрячими глазами он медленно обвел судей и взглянул на публику. И те, на кого упал этот тяжелый невидящий взгляд, испытали странное и мучительное чувство: будто из пустых орбит черепа на них взглянула сама равнодушная и немая смерть.

— Ничего. — Присяжные заседатели удалились в комнату совещаний» («Мир божий», 1902, № 7, отд. I, стр. 159). В последующих публикациях «Мысли» заключительная фраза была снята автором по совету Горького.

⁴ Третье издание «Рассказов» Андреева вышло в «Знании» 5 августа 1902 г. тиражом в 8000 экз.

⁵ Пайщиком «Знания» Андреев не стал.

56. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 26 ... 30 апреля 1902 г.)

Жаль, что о своем проезде через Москву ты не известил меня раньше хотя бы телеграммой ¹ — по крайне неприятной случайности в этот день я уехал в Царицыно нанимать дачу и вернулся только поздно ночью. Дачу нанял.

Поздравляю тебя с Нижним. Рад за тебя всей душою. Как насчет нашего совместного жития и совместного творчества? «Курьер» со свойственной ему выразительностью пишет, что ты намерен поселиться «на обоих берегах Волги» — возможно ли это? ² По-моему, невозможно. Но если поселишься на каком-нибудь одном, запаси для меня и жены одну-две комматки.

Относительно «Мысли», конца ее, ты всеконечно прав. *Ничего*. Так и напишем. Это ты очень хорошо заметил ³.

Поездка в СПб. — ни к чему. Михайловскому не понравилась «Мысль». Говорит: искусственно и непонятно, что собственно хочу я сказать. Решил, что «Попа» я отдам ему ⁴, а «Мысль» в «Мир божий».

Пятницкий очень хороший человек. Говорили с ним о том, чтобы я вошел в «Знание».

Целую тебя и жму руку Екатерине Павловне. Жена — поклон.

Твой Леонид

Ответь, чтобы я знал, куда писать. С квартиры я уезжаю — пиши на «Курьер».

Датируется по содержанию. На письме помета Пятницкого: «1902».

¹ 25 апреля 1902 г., возвращаясь из Крыма в Нижний-Новгород, Горький провел день в Москве («Летопись», I, стр. 382).

² Официальный срок пребывания Горького в Крыму истек 15 апреля, но еще 14 апреля газета «Курьер» (№ 103, отдел «Внутренние известия») сообщила о переезде писателя из Ялты в Нижний-Новгород.

³ См. прим. 3 к письму 55.

⁴ В начале апреля 1902 г. Андреев писал Михайловскому: «Женился, съездил в Крым, только что вернулся и вплотную сел за работу. Рассказ, предназначенный для „Русского богатства“ (называется „О. Василий“), написан, остается отделать. Пришлю его к 15—20 апреля, а может быть и раньше <...> как позволит газетная канитель» (ЛА, вып. 5, стр. 52). Андреев не сразу остановился на имени главного героя. По-видимому, на него большое впечатление произвела трагическая смерть от тяжелого заболевания мозга Василия Михайловича Фивейского (1873—1903), старшего санитарного врача в Нижнем-Новгороде. Его похороны совпали с приездом в Нижний-Новгород Андреева в феврале 1903 г. Одно время Андреев думал назвать героя рассказа Василием Чагиным (см. факсимиле первой страницы рукописи в кн.: Л. Н. Андреев. Жизнь Василия Фивейского. (СПб.), изд. журн. «Пробуждение», (1908)), затем Василием Предтеченским (см. письмо к Пятницкому от 24 июня 1903 г. — АГ).

57. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Арзамас. 9 ... 10 мая 1902 г.⟩

Напиши мне письмо в Арзамас, а я тебе отвечу.

Хотел ты, чёрт, прислать мне книгу свою в хорошем переплете и — не прислал. Эх ты!

Дарю тебе за это Хеопсову пирамиду, носи ее вместо шляпы ¹. Не благодари, не стбит! Пишешь? Пиши! Я пишу ². Хотя — чернила скверные.

Напиши. Здесь, брат, хорошо.

А. Пешков

Датируется временем приезда Горького в Арзамас — 9 мая 1902 г. («Летопись», I, стр. 385).

¹ По-видимому, речь идет об изданной «Знанием» книге немецкого астронома и популяризатора Германа Клейна «Астрономические вечера» (СПб., 1900), которой Горький в это время увлекался (на третьей странице книги, в главе «Астрономия Востока», воспроизведено изображение древней египетской пирамиды). 8—9 мая 1902 г. Горький сообщал Пятницкому: «Читаю Клейна — прекрасная книга!» («Архив Горького», т. IV, стр. 79). См. также прим. 2 к письму 102.

² В Арзамасе Горький продолжал работать над пьесой «На дне», задуманной в 1900 г. и начатой в конце 1901 г.

58. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Арзамас. 12 ... 18 мая 1902 г.⟩

Леонид!

Ты пишешь?

Твой Алексей

Датируется предположительно.

59. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Царицыно.⟩ 20 мая ⟨1902 г.⟩

Милый Алексеюшка! Много времени я отдаю решению вопроса, который тебе, быть может, покажется праздным: друг ты мне или не друг? Ты относишься ко мне хорошо; хвалишь мои рассказы, обнаруживаешь интерес к моей личной жизни; ты устроил мне финансовое благополучие и как твой друг я проскользнул в те широкие ворота, которые пробил ты в

равнодушие публики. Многие и до сих пор уважают меня только за то, что я близок к тебе.

Без тебя меня не было бы — это факт. Но было вопросом и особенно стало им: друг ты мне или нет?

Ты сам легко восстановишь все то множество *мелочей*, которые приводят меня — почти наверняка — к отрицательному ответу. Словно ты

Милому товарищу
Алексию Пешкову.
Леонид Андреев

МЫСЛЬ.

Рассказ.

Посвящая жене моей А. М. Андреевой

11-го декабря 1900 года доктор медицины Антонъ Игнатьевичъ Керженцевъ совершилъ убийство. Какъ вся совокупность данныхъ, при которыхъ совершилось преступление, такъ и некоторыя предшествующія ему обстоятельства давали поводъ заподозрить Керженцева въ ненормальности его умственныхъ способностей.

Подозренный на испытание въ Казанскую психиатрическую больницу, Керженцевъ былъ подвергнутъ строгому и внимательному наблюденію опытныхъ психиатровъ, среди которыхъ находился профессоръ Джембицкій, недавно умершій. Вотъ письменныя объясненія, которыя даны были по поводу происшедшаго самимъ докторомъ Керженцевымъ черезъ мѣсяцъ послѣ начала испытанія, вмѣстѣ съ другими матеріалами, добытыми съчастіемъ, охваченныя основою судебноя экспертизы.

Листъ первый.

До сихъ поръ, гг. эксперты, я скрывалъ истину, но теперь обстоятельства вынуждаютъ меня открыть ее. И узнавъ ее, вы поймете, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ это можетъ показаться профанамъ: или горничная рубашка, или кандалы. Тутъ есть третье — не кандалы и не рубашка, а, пожалуй, болѣе страшное, чѣмъ то и другое, вмѣстѣ вѣрное.

Убитый мною Алексѣй Константиновичъ Савеловъ былъ моимъ товарищемъ по гимназій и университету, хотя по специальностямъ мы разошлись: я, какъ вамъ извѣстно, врачъ, а онъ окончилъ курсъ по юридическому факультету. Нельзя сказать, чтобы я не любилъ покойнаго, онъ всегда былъ мнѣ симпатиченъ, и болѣе близкихъ друзей, чѣмъ онъ, я никогда не имѣлъ. Но при всѣхъ симпатичныхъ свойствахъ, онъ не принадлежалъ къ тѣмъ

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АНДРЕЕВА ГОРЬКОМУ НА ОТТИСКЕ
РАССКАЗА «МЫСЛЬ» («МИР БОЖИЙ», 1902, № 7):

«Милому товарищу Алексею Пешкову. Леонид Андреев»

Архив Горького, Москва

меня не совсем отделил от тех, кого ненавидишь, и временами я теряюсь для тебя в этой массе, и только упорством *сознания*, а не *органически* поддерживаешь ты со мной хорошие отношения. Если бы мы напились с тобой основательно, ты побил бы меня, принявши за кого-то другого. Мне очень важно знать, правда ли это.

Живу все так же — без событий. Проедаю второе издание — с изрядным аппетитом. В «Курьер» не пишу — но и вообще ничего не пишу. Смаковал недели две весну и обалдевал. Больна недели три жена, и было много беспокойства: явились опасения насчет туберкулеза, оказавшиеся,

по счастью, ложными. Все же пока еще плохо — не знаю, пустят ли в июне на Волгу.

Придумывал драму — да не клеится что-то. Придумал одну — не нравится: искусственно. Ищу чего-нибудь совсем простого и ясного. Идей много, еще больше настроений, но нет фабулы, которая, при всей простоте, в самой себе заключала бы и настроение и идею. В воздухе, носом чую эту фабулу, а поймать не могу. И всюду, как на стену, натыкаешься на цензуру.

Ты пишешь? Это превосходно, значит ветерком с Волги подуло. В Олеиз не хочется, а? Эх, Максимушка, чувствую, как у тебя там все кипит сейчас. Пиши — хорошо напишешь.

Узнал я, что С. в Москве ¹, все не мог собраться к нему, а когда, узнав адрес Ольги Ивановны ², поехал к ней, дворник сообщил: [8 мая арестован] ³. Ты об этом знаешь? А также об аресте Скирмунта? ⁴

Писать к тебе можно бесцензурно или нет?

Крепко жму руку.

Твой Леонид А н д р е е в

На письме помета Пятницкого: «1902».

¹ Речь идет о Л. А. Сулержицком. См. прим. 5 к письму 45.

² Ольга Ивановна *Поль* (1878—1944) — жена Сулержицкого. 21—22 мая 1902 г. Горький писал из Арзамаса Пятницкому: «Серж Скирмунт — арестован, жена Сулера — тоже, да теперь и сам Лев наверное. Я думаю, что это начальство свирепствует все из-за меня, все ищет оснований для законности изгнания моего из академии, как будто в России нужны еще какие-нибудь законы, кроме желаний начальства!» («Архив Горького», т. IV, стр. 83).

³ Эти слова густо замазаны чернилами.

⁴ О Скирмунте — см. прим. 7 к письму 23.

60. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Арзамас. 27 ... 28 мая 1902 г.⟩

Я прочитал твое последнее письмо и — понял, что у тебя скверное настроение. Сие — непохвально и преждевременно. «Друг мой, брат мой!.. Кто б ты ни был — не падай презренной душой» ¹, — как пел поэт Надсон, которого мне ужасно хочется назвать — Сверхсон. Я тебе вот что скажу: тебя я искренно люблю, потому что ты — анархист, ты талантливый анархист, ты никогда не выродишься в мещанина ². Ты можешь отрастить себе брюхо даже до подбородка, но я знаю, что штука, которую называют душой, жиром у тебя не зарастет. Ты, мне кажется, никогда не почувствуешь себя довольным собой и не помиришься со счастьем, цена которому, по самой благодушной оценке, — пятак.

Вот, если ты хотел, чтобы я объяснялся в любви к тебе — на! Я — не вру ни на одну десятую градуса. Меня, брат, самого очень интересовало мое отношение к тебе и я в нем разбирался, как хирург в кишках больного, не беспокойся, мон анж. («Мон анж» — словечко французское и обозначает собой «мой ангел», — как говорит жена, — чтоб ты знал.)

Ты — пиши, знай. Поципли «Мысль» мещанскую, поципли их Веру, Надежду, Любовь, Чудо, Правду, Ложь — ты все потрогай! И, когда ты увидишь, что все сии устои и быки, на коих строится жизнь теплая, жизнь сытая, жизнь уютная, жизнь мещанская, запатаются, как зубы в челюсти старика, — благо ти будет и — долголетен будешь на земли. Ей-богу! Прости меня за поучение ко злодеяниям. Ах, друг! Господи — спаси нас! Спаси город Арзамас... Житье здесь — желтое. Полиция принимает меня за фальшивого монетчика, и когда я нищему гривенник дам, полицейский, стоящий под окном моим ³, гривенник-то этот зубом пробует. Вообще — доезжают! Пришел, намедни, пристав, сел на стул

вроде папы римского и говорит: «Во всякое время дня и ночи могу войти к вам и вызывать вас к себе! И о всяком приезжающем в дом ваш — имею право требовать от вас всяких сведений»⁴. Я — испугался. И как раз, на другой день мне пришлось дать сведения в полицию, что вот: имею счастье донести вашему благородию, что ко мне прибыли Малюта Скуратов, служащий по министерству внутренних дел, а с ним знаменитый пиротехник Равашоль, ищущий занятий по своей специальности⁵. Не поверили.

Туго живу, Леонидушка! Травят как волка. Жене твоей кланяюсь. Тебе — крепко жму руку.

А л е к с е й, нижегородский и арзамасский

Не говори пустяков, брат мой! Не один ты писатель в России! Оставь сие людям искусственным. А где «Мысль»?

Пиши.

Чёрт! Что же ты мне книгу в хорошем переплете не посылаешь? Я тебе посылаю «Мещан»⁶. Жадёра, анафемская! Ишь!

Датируется по содержанию и письму Андреева к Пятницкому от 4 июня 1902 г. (АГ).

¹ Видоизмененная цитата начала популярного стихотворения С. Я. Надсона:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.

Андреев ценил творчество Надсона и впоследствии посвятил ему специальную статью «Надсон и наше время. (К 30-летию со дня кончины)» в «Русской воле», 1917, № 18, 19 января.

² Несколько недель спустя, в письме к Пятницкому от 24—25 июля 1902 г. Горький назвал Андреева «очень любопытным анархистом» («Архив Горького», т. IV, стр. 95).

³ 26—27 мая около дома Подсосова по Сальниковской улице, где поселился Горький в Арзамасе, был поставлен полицейский пост («Летопись», I, стр. 387).

⁴ Речь идет о столкновении Горького с приставом Даниловым, который в грубой форме потребовал сведений о навесившем Горького в Арзамасе по дороге из Вятки в Москву писателе-рабочем Н. Н. Мельничком-Николаевиче («Архив Горького», т. IV, стр. 85; К. П я т н и ц к и й. Травля Горького в Арзамасе. — «Красная газета», 1928, № 68 и 86, 9 и 28 марта).

⁵ Леон Леже *Равашоль* (Франц Август Кенигштейн; 1860—1892) — французский анархист. В 1892 г. организовал в Париже ряд взрывов. Особая подозрительность полиции в отношении приезжавших к Горькому в Арзамас, по-видимому, была вызвана полученными охранкой сведениями о собранных в Париже деньгах в пользу арестованной за участие в первомайской демонстрации группы сормовичей (см. Л. М. Ф а р б е р. Новые материалы об А. М. Горьком (1896—1903). — «Горьковские чтения. 1961—1963». М., 1964, стр. 294).

⁶ См. прим. 2 к письму 55.

61. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Царицыно. 1 ...⁵7 июня 1902 г.⟩

Милый Алексеюшка! Твоим ответом ты доставил мне глубокую радость. Есть масса сложных причин, в силу которых ты занимаешь для меня среди всех людей совсем особое место: кроме тебя, я не знаю людей, уважение и дружба которых были бы мне так *необходимы* (о жене я не говорю). Все эти причины происхождения психического и заключаются — странно сказать — в удивительном, даже фатальном сходстве наших натур. Так посмотреть на нас, мы совсем не похожи, но корень у нас один. Ты видал, как к яблоне прививают иногда грушу? — ствол общий, а на одной ветке груши, на другой яблоки. И эти живущие одними соками яблоня и груша должны, мне кажется, с особенной яркостью чувствовать свое коренное родство. То же вероятно и у меня. Ты родишь яблоки, я — груши, а соки у нас одни: ненависть, презрение.

великая любовь и великое отчаяние. По нашим писаниям люди со стороны могут принять нас за врагов: ты храбрый, я трус; ты нападаешь на жизнь, я обороняюсь; ты свободный, я раб — но они не знают того, что твоя храбрость идет из того же источника, как и моя трусость: из бездонного колодца великого отчаяния и великой любви. Ты нападаешь открыто и смело, я наношу удары исподтишка, убегая, как раб, но морда, по которой мы бьем и с разрешения нашего высокочтимого начальства будем бить до конца, — одна и та же мещанская морда. Эпиграфом к своим книгам ты мог бы поставить надменно-предостерегающее: «иду на вас!», и мещанин сразу понял тебя и защищается. Ты его давишь, как клопа, а он как упомянутый клоп обдаёт тебя своею вонючею ненавистью и злобою. Я же почтительно стучу к мещанину в спальню и говорю: «пустите меня, я тоже мещанин», а в спальне вытаскиваю из-под кровати собственный урыльник мещанина и выливаю ему на его собственную голову. Пока мещанин не совсем еще спросонок разобрал, чем я его облил, и благодарит меня: «Ах, как хорошо, кисленько и тепло!» — но уже начинает кое-что соображать и постольку же злиться. В одной газете («Волыни») было любопытное письмо в редакцию по поводу «Бездны»: это, говорит, пощечина публике; человек сотворен по образу и подобию божью (дословно!), а Андреев так его пакостит. «Большинство глубоко возмущено г. Андреевым»¹.

Удивительная наивность: всякая сволочь думает, что она сотворена по образу и подобию божью!

Я тебя люблю, Максимыч, очень люблю, и кроме тебя друзей и союзников в нашей литературе у меня нет. Но помимо этого я тебя люблю просто так — за красоту, мон пти кошон (что значит, по словам жены: моя маленькая свинка). Слушай: как нам быть не в дружбе, если даже немцы пишут: «Андреев одних лет с Горьким, дружен с ним — живет на юге»². Ведь это неспроста.

За «Мещан» — грациас, синиоре, ех-аккадемико! Свою книжку для тебя и для Катерины Павловны привезу сам в Арзамас. Через неделю еду по Волге, а на обратном пути денюха на три заеду погостить к тебе³. На днях к тебе собирается Немирович — кстати, от твоей новой драмы он в великом восторге⁴. Чехов тоже одновременно со мною едет по Волге и зовет с собою, но так как ему сопутствует Морозов, я хочу уклониться⁵. Буду чувствовать себя не в своей тарелке. Вот если бы с тобою прокатиться — эх, собака тебя замочи! Жена то же говорит — хоть и другими словами.

Здесьние дворники в ажиотации. Высочайшая награда, выданная их петербургским коллегам, преисполнила их честолюбия и духа соревнования. На общем совете решено ходатайствовать о том, чтобы всех их в предвидении будущих заслуг сделали георгиевскими кавалерами.

По слогу твоего письма вижу, что ты работаешь и притом успешно. Очень этому рад. Я ничего не делаю — разварился. Больно уж кругом все хорошо: зелено, кудряво, весело. Народу много наезжает. Был недавно старик Михайловский, жду Бунина с братией⁶. Гольцев-то меня за «Бездну» облаял — читал? ⁷

От безделья впадаю временами в меланхолию. Недавно подсчитал: одиннадцать продуманных, начатых и неконченных рассказов! Ужас!

Крепко жму руку и целую тебя.

Твой Леонид Андреев

Есть у меня такой план: надеть мещанину урыльник на голову и пустить его гулять по Кузнецкому. Это будет как бы шлем. А вместо панциря надеть на него столычак, и выйдет настоящий рыцарь ассенизационного образа. В руки же ему вместо знамени пятьсот листов клозетной бу-

маги, коими он и будет оказывать услуги всем проходящим. А вместо сердца ему машинку для спуска воды — она же заменит и его интеллигентную совесть. И назвать всю эту штуку: стихотворение в прозе.

Датируется по содержанию. На письме помета Пятницкого: «1902».

¹ «Волянь» — ежедневная газета, издававшаяся в Житомире (Волинской губ.) с 1882 по 1917 г. (с перерывами). Речь идет о статье (за подписью «Голос из публики») «По поводу „открытого письма“ г. Полеха в № 98 „Волини“. (Письмо в редакцию)» — «Волянь», 1902, № 100, 5 мая. Возражая обозревателю газеты Полеху (псевдоним

ДОМ В АРЗАМАСЕ, ГДЕ В 1902 г., НАХОДЯСЬ ПОД НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ, ЖИЛ ГОРЬКИЙ
Фотография. В окне виден Горький; под окном — городской
Музей Горького, Москва

П. Е. Кошлакова, в 1905—1906 гг. редактора газеты), который оправдывал героя «Бездны» Немоведского, автор «Письма в редакцию» восклицал: «Не всегда же человеком владеют животные инстинкты, и в жизни каждого человека бывают минуты, когда он чувствует себя высшим существом, созданным по образу и подобию божьему <...> Большинство глубоко возмущено г. Андреевым и в „Бездне“ никакой реальной правды не находит». См. также прим. 3 к письму 44.

² Источник цитаты не установлен.

³ О предполагаемой поездке «через неделю» по Волге Андреев писал Пятницкому 4 июня 1902 г.: «На той неделе был у меня пять дней Н. К. Михайловский и благословил на всяческую работу. Завтра еду к Чехову — он в Москве» (АГ). Андреев собирался ехать по Волге с Чеховым, но эта совместная поездка не состоялась.

⁴ Немирович-Данченко выехал в Арзамас для переговоров с Горьким о постановке пьесы «На дне» в Художественном театре лишь 9 августа. Машинный экземпляр пьесы был ему выслан Пятницким по просьбе Горького.

⁵ Чехов принял приглашение посетить имение Саввы Морозова в Усолье Пермской губ. для лечения кумысом. Он выехал из Москвы с Морозовым 17 июня 1902 г.

⁶ 17 мая Андреева навестили в Царицыне Белоусов и Ю. А. Бунин (см. письмо Белоусова к Телешову от 18 мая 1902 г. — ИМЛИ). 8 июня Белоусов вновь писал Телешову: «Сейчас получил письмо от Л. Андреева — просит, чтобы я устроил поездку к нему в Царицыно в понедельник компанией. Просил пригласить вас» (там же).

⁷ Имеется в виду статья «Со стороны. (Письма из деревни)», напечатанная в «Русской мысли», 1902, № 5, отд. II, стр. 179—184 (за подписью: Веталис).

62. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Арзамас. 24 ... 26 июля 1902 г.>

Я послал тебе письмо Константина Петровича, который предлагает выпустить «Мысль» отдельным изданием¹. К этому был приписан мой совет — Пятницкого не слушать. «Мысль» отдельно не издавать. Куда торопиться? И зачем давать мерзавцам возможность ехидничать?

Что ты мне, чёрт, не шлешь книг? Нехорошо! Поторопись, прошу. Кланяюсь жене твоей. Работай!

До свидания!

Сюда едет Скиталец².

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с письмом Горького к Пятницкому от 24—25 июля 1902 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 95).

¹ Письмо Пятницкого к Горькому с предложением выпустить «Мысль» отдельным изданием не найдено. В тетрадах Пятницкого, содержавших пометы об отправленной корреспонденции, это письмо датировано 11 июля 1902 г. 13 июля Пятницкий выслал Горькому для передачи Андрееву отклик «Мысли», чтобы внести в текст исправления (АГ). Рассказ вошел во второй том произведений Андреева (1906).

² В том же письме к Пятницкому Горький сообщал, что ожидает приезда Скитальца 1 августа.

63. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Царицыно. 27 ... 29 июля 1902 г.>

Так я Пятницкому и ответил — действительно отдельно издавать не к чему¹.

Насчит книжек, прости, Алексеюшка. Денег по приезде не было, а на днях вышло. Не сердись на меня и за то, что я позволил себе в фельетоне распространиться о твоём здоровье. Письмо твое в «Курьере» нашлось²; есть в нём вопрос о рассказе моём «Буяниха» — так этот рассказ сложен мною на вечные времена в архив. Там и лежит³. О «Мысли» пишут много, но неверно⁴. Виноват я сам — не сумел написать просто.

Работаю. До отсылки в «Журнал для всех» пришлю рассказ тебе; буде найдешь погрешности, исправим. Рассказ — «Тенор»⁵. Свидание с тобою для меня, как живая вода. Убедился, что ты принадлежишь по своей химической сущности к алкалоидам; одни от тебя опалевают и бьются, другие оживают — как от хорошего крепкого вина.

Рад за Скитальца. В августе увижу его и тебя — только сообщи, когда для тебя будет удобен мой приезд⁶. Жена очень кланяется. Ты знаешь, что она помогает мне в работе? — это на улице не подыметь.

О «Петербургских ведомостях» — неверно. Кое-что внутри поизменилось, но в целом то же. Ашешов ушел (не по доброй воле) из постоянных сотрудников⁷.

Наш «Курьер» вот-вот ухнет. Денег нет. Фейгина пайщики удалили, но денег им за это никто не дал. Будет редактором вероятно В. П. Подемкин («Еврейская помощь»)⁸. Если бы сейчас умного человека, да «Курьер» ему в руки!

Крепко жму руку и кланяюсь всему твоему старому, ста-а-рому дому.

Твой Леонид А н д р е е в

Цензор «курьерский» самый звук «Максим Горький» считает непроизвольным и выкинул его из моего фельетона. В некотором роде выселил тебя из Арзамаса, ибо весь Арзамас оставил, а тебя в нём нет.

Попробую в «Петербургские ведомости»⁹.

Датируется по содержанию. На письме помета Пятницкого: «1902. Лето».

¹ См. прим. 1 к письму 62.

² Это письмо неизвестно.

³ По воспоминаниям Телешова, рассказ «Буяниха» был прочитан на «Среде» и встретил единодушную отрицательную оценку участников (Т е л е ш о в, стр. 43; см. также прим. 6 к письму 31). Впоследствии, когда Телешов собирал материалы для благотворительного литературного сборника и попросил Андреева дать для него «Буяниху», Андреев ответил ему 30 июля 1909 г.: «Рассказ я для тебя напишу — клянусь в этом потрохами того гуся, который спас Рим — но сделать это раньше конца октября не могу. „Буяниха“ же, которую ты, к сожалению, не забыл, есть позорнейшее явление в литературе, стыд и срам и поношение человеку» (ИМЛИ; письмо датируется по почтовому штемпелю). Рукопись рассказа передана в 1961 г. сыном писателя Валентином Леонидовичем Андреевым в ЦГАЛИ. В сокращенном виде рассказ напечатан в «Неделе», 1963, № 21, 19—25 мая, стр. 9—11. Свое обещание Телешову Андреев не выполнил (см. его письмо в редакцию газеты «Речь». — «Речь», 1909, № 299, 31 октября).

⁴ См. об этом прим. 4 к письму 64.

⁵ О «Теноре» — см. прим. 7 к письму 51.

⁶ Встреча Андреева со Скитальцем произошла в Самаре в середине июня. В августе Скиталец жил у Горького в Арзамасе. Вторая поездка Андреева в Арзамас не состоялась (ЛА, вып. 5, стр. 94—95; «Архив Горького», т. IV, стр. 96).

⁷ Какие перемены в составе редакции «С.-Петербургских ведомостей» имел в виду Горький в своем письме — не ясно. Об Ашешове — см. прим. 1 к письму 1.

⁸ Владимир Петрович *Потемкин* (1878—1946) — видный советский партийный и государственный деятель, историк, дипломат, академик (с 1943 г.). С ноября 1902 по 26 февраля 1904 г. — редактор «Курьера». Потемкин был одним из инициаторов создания литературно-художественного сборника «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (СПб., 1901). Для этого сборника Горький дал рассказ «Погром» (V, 328—333) — картину еврейского погрома в слободе Кунавино около Нижнего-Новгорода в июне 1884 г., очевидцем которого он был. В АГ хранятся письма Потемкина к Горькому по поводу издания сборника. Известно одно недатированное письмо Андреева к Потемкину на бланке «Курьера», касающееся редактирования Андреевым литературного отдела газеты (ЦГАЛИ).

⁹ Речь идет о фельетоне Андреева «Москва. Мелочи жизни». — «Курьер», 1902, № 206, 28 июля (за подписью: Джеймс Линч), в котором он рассказывает о своем посещении Арзамаса. Приписка к комментируемому письму была сделана Андреевым после того, как этот фельетон был подвергнут цензурным изъятиям (см. фразу: «Не сердись на меня и за то, что я позволил себе в фельетоне распространиться о твоём здоровье»). Фельетон являлся завершением путевых очерков Андреева о плавании по Волге и Каме (начало — «Курьер», 1902, № 199, 21 июля; под заглавием «Волга и Кама» вошел в ПССА, т. VI, стр. 255—262). В «С.-Петербургских ведомостях» Андреев не сотрудничал.

64. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Царицыно. 1 ... 2 августа 1902 г.〉

Алексейшкa! Рассказ «Тенор», который я тебе посылаю и над которым я последнее время возился, я решил не печатать и сложить в архив как память о зря потраченном труде. Может, когда-нибудь и вытащу, но сейчас к чёрту его.

Причины.

1) В основной мысли он повторение «Большого шлема» и «Жили-были» и только повторение. Правда, я очень боюсь смерти, никак не могу примириться с фактом ее существования, но все время и притом *однообразно* кричать: ох, нехорошо умирать! — нелепо.

2) Побочная мысль о необходимости цельной, многосторонней и живой жизни развита слабо. Антитеза, герцог — хороший малый, но и только.

3) И, наконец, публика не поймет строгой правомерности данной смерти, а скажет «случай! Ничего не доказывает!» Известно, что герои рассказов совершенно лишены права умирать от простуды; геморрой и хронические болезни еще допускаются, но простуда — ни-ни. Ибо, как остроумно говорят они, всякий может простудиться, а ты мне докажи, что

герой не мог не умереть. Точно простуда приобретается по желанию. «Давай правило, а не случайность». А разве случайность — не есть правило?

Но публика все равно не поймет.

Но ты прочти — и скажи ты. Хотя и не буду печатать, а интересно знать — дает ли рассказ впечатление или он весь и во всех смыслах труха.

Послал тебе книги. Кидда еще не нашел ¹. Наполеона в трех магазинах только и нашел пять экземпляров ². Поищу еще и пришлю. Насчет «Искры» ³ и прочего — до переезда в Москву, когда можно будет пошататься по букинистам.

Не знаю, что начать работать — брожение мыслей. Но как хорошо иметь деньги — не понравился рассказ и можно не печатать. Важно!

Крепко жму лапу.

Твой Леонид А н д р е е в

О «Мысли» продолжают чепушить. Обалдели и вместе с героем пресерьезно решают: сумасшедший или нет ⁴. Только Скабичевский сразу решил: «червонный сверхнегодай». Так и статью озаглавил. Вот — сверхпробка! ⁵

Датируется по содержанию.

¹ Бенжамен К и д д. Социальная эволюция. С предисловием Н. К. Михайловского и проф. Вейсмана. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1897. В 1901 г. экземпляр этой книги Горький подарил Нижегородской общественной городской библиотеке (Д. А. Б а л и к а. Личная библиотека А. М. Горького нижегородских лет. Горький, 1948, стр. 22).

² По воспоминаниям Е. П. Пешковой, Горький занимался составлением небольших библиотечек для Арзамаса и окрестных деревень. Вероятнее всего речь идет о книге А. Трачевского «Наполеон». СПб., 1900 («Биографическая библиотека» Павленкова). В 1901 г. Горький подарил Нижегородской городской общественной библиотеке книгу А. Трачевского «Русская история», ч. 2, изд. 2-е. СПб., 1895 (см. Д. А. Б а л и к а. Указ. книга).

³ «Искра» (СПб., 1859—1873) — еженедельный сатирический журнал с карикатурами революционно-демократического направления. Основан поэтом В. С. Курочкиным и художником-карикуристом Н. А. Степановым. В библиотеке Горького бережно сохранялись номера «Искры» с 1859 по 1866 г.

⁴ А. А. Измайлов, например, отнес «Мысль» к категории «патологических рассказов», назвав его самым сильным по впечатлению после «Красного цветка» Гаршина и «Черного монаха» Чехова. Об образе Керженцева он писал: «... перед вами не здоровый человек, как вам по началу казалось, но несомненной безумец, бесспорный кандидат на палату буйных больных и на „сумасшедшую рубашку“ <...> Такие реальные до жуткости „Записки сумасшедшего“ в личной форме — в русской литературе почти исключительны» («Биржевые ведомости», 1902, № 194, 19 августа). «Как душевнобольной он на месте в лечебнице и случайный гость на страницах художественного произведения», — вторил Н. Скиф («Русский вестник», 1902, № 8, стр. 617). См. также: В. Г. Подарский в «Русском богатстве» (1902, № 9, стр. 137) и *Observer* во владикавказской газете «Терек» (1902, № 1392, 1393, 6 и 8 августа). Статьи Измайлова, Скифа и *Observer*, очевидно как наиболее примечательные, находятся в альбоме Андреева, составленном из газетных и журнальных отзывов об его произведениях (ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 21). Даже те из критиков, которые не принимали узкой «психиатрической» оценки «Мысли», находили, что «тяжеловесный психиатрический аппарат» рассказа «затмил идею» (Ч. В е т р и н с к и й. О «Мысли». — «Самарская газета», 1902, № 250, 21 ноября и др.).

⁵ Александр Михайлович Скабичевский (1838—1910) — представитель народнической критики, историк литературы. Скабичевский приветствовал выход сборника «Рассказов» Андреева («Новый талант». — «Новости и Биржевая газета», 1902, № 29, 29 января), в то же время он находил в его творчестве натурализм и опасался, что Андреев «рискует увязнуть» в декадентстве.

В упоминаемой Андреевым статье «Червонный сверхнегодай» («Новости и Биржевая газета», 1902, № 207, 30 июля) Скабичевский стремился показать, «что такое представляет собою доктор Керженцев с нравственно-общественной точки зрения» и указывал на характерные для героя «Мысли» — «полное отсутствие малейшей общественной жилки, стремления принести людям хотя бы ничтожную пользу». Скабичевскому принадлежат еще статьи об Андрееве: «Литературные волки» («Новости и Биржевая газета», 1902, № 298, 29 октября), «Молодые жертвы легкости наших нравов» (о рассказе «В тумане» — там же, 1903, № 48 и 62, 18 февраля и 4 марта) и рецензия на «Жизнь Василия Фивейского». — «Дегенераты в нашей современной беллетристике» («Русская мысль», 1904, № 9, отд. II, стр. 90—101).

65. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Арзамас. 3 ... 4 августа 1902 г.〉

Посылаю тебе две рукописи: «Ночь» и перевод с зырянского. По-моему — обе рукописи зырянские, но напечатать и можно, и следует, если я не ошибаюсь. «Ночь» в начале напоминает рассказ Андреева «Набат» — но — вещь модная. «Плач девушки» — ей-богу — хорош! ¹

ГОРЬКИЙ

Портрет маслом С. А. Сорокина, Арзамас, 1902 г.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится с фотографии
Музей Горького, Москва

Здесь — Скиталец. Чёрт тебя знает, чего ты наговорил мне о нем! ² Уж я ему не скажу лучше. Во-первых, — он здоров, как вол; во-вторых, — не пьёт и упорно работает. Ты скоро приедешь? Приезжай. «Тенора» я не получил еще, книг — тоже. Приезжай! Наверное — на днях тутечка Пятницкий будет ³.

Крепко жму лапу.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ Обе упомянутые вещи, очевидно при содействии Андреева, были напечатаны в «Курьере» в 1902 г.: В. К а н и н. Ночь. (Рассказ) — № 245, 5 сентября, и Н. М о л-

да в а н о в. Плач девушки перед замужеством (Бёрдан Кылиас). С зырянского — № 248, 8 сентября. В № 262, 22 сентября, дополнительно было опубликовано стихотворение Молдаванова «Осенняя песня», а в № 353, 22 декабря, рассказ Канина «Над старым прудом».

² Со слов Андреева, Горький писал Пятницкому 24—25 июля 1902 г.: «Первого августа сюда придет Скиталец. Говорят, что сей муж отчаянно пьет и дошел даже до трясения рук» («Архив Горького», т. IV, стр. 95).

³ Поездка Пятницкого к Горькому в Арзамас не состоялась (см. письмо Горького к нему между 27 и 29 августа 1902 г. — Там же, стр. 97).

66. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Арзамас. 10 ... 15 августа 1902 г.⟩

И я — вместе с публикой, — как это ни противно! — не понимаю строгой правомерности смерти Тенора. Не понимаю и даже не хочу понимать. Расскажи же хорошо, друг мой. Я прочитал его сейчас вслух при Скитальце, художнике¹, жене и других. Все они — хвалят, восторгаются и говорят — печатать! Я — тоже готов согласиться с ними, при том условии, если ты переменишь конец.

Вот что: пускай Тенор не умирает, а голос у него — пропадет. Это и естественнее и жесточе смерти. Пускай он живет, а в пустой душе его болтается одна сухая, едкая, жгучая мысль — мог бы! Мог бы петь, мог бы видеть людей коленопреклоненными предо мною и женщин, целующими руки мои. Ей-богу! Валяй так! И подрисуй еще немножко герцога, дабы он стал еще лучше.

А в таком виде — погоди печатать.

Теперь, после «Мысли» это неудобно для тебя. До свидания.

А. Пешков

Пожалуйста, прочитай поскорее посланные мною рукописи. А. Бриллиантов, автор «Кладбища», далеко не гений, чёртов сын. Фальшиво написал².

¹ Речь идет об ученике Репина — Савелии Абрамовиче Сорине (1878—1953). В августе 1902 г. Сорин жил у Горького в Арзамасе и писал портреты его, Е. П. Пешковой и Скитальца (письмо Горького к Пятницкому от 13—14 августа 1902 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 96). Ныне этот портрет Горького находится за границей (фотокопия в Музее Горького, Москва). В том же 1902 г. Сорин выполнил иллюстрации к четырем рассказам Горького — «Старуха Изергиль», «Бывшие люди», «Проходимец» и «Дружки» (И. С. Зильберштейн. Репин и Горький. М. — Л., 1944, стр. 36—38). После Октябрьской революции эмигрировал и получил за рубежом признание как выдающийся портретист.

² Алексей Георгиевич Бриллиантов (ок. 1856—1905) — чиновник особых поручений московской театральной конторы. Печатал рассказы в «Курьере», «Новостях дня». Рассказ Бриллиантова «Сельское кладбище» опубликован в «Курьере», 1902, № 215, 6 августа.

67. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Царицыно. 29—31 августа 1902 г.⟩

Милый Алексеюшко! Не знаю, где ты, и наудачу пишу в Арзамас. Телеграфировал я о болезни жены¹, а вместо того сам заболел дурацкою штукаю, что называется инфлюэнца. С одной стороны — жив и расхаживаю, а с другой — не пригоден ни для радости, ни для горя, ни для работы. И чихаю сто раз в минуту.

Ты знаешь: Пятницкий устроил великолепную вещь с немецким издателем. Буду драть с него гонорар как с русского². Молодец Константин Петрович! Но вот условие: дать в рукописи для перевода два более значительных рассказа. Хорошо сказать: значительных — а я почему знаю, значительно или нет. Мне все кажется незначительным.

Отсюда прошу об услуге. В одну неделю, работая до судорог в пальцах, я накатал рассказ «В тумане»³. Кажется, ничего штука — хотя тип, как и все, что я пишу, противен. Посылаю рассказ в Арзамас. Прочти ее, друже, и если она годится для немца⁴, пошли ее к Пятницкому, а в противном случае ко мне. Буду печатать ее в «Журнале для всех» — после выхода в Германии, т. е. в декабре.

«Тенора» всего насмарку. Буду писать новый. Мысль навела — несоответствие между человеком и талантом. Талант большой, а человек маленький. Талант тянет к свободе жизни, к шири, к мученичеству — человек питит и просится на мещанскую кухню. И талант губит человека, а человек губит талант. Драма, братец ты мой.

Как немножко поздоровею, напишу. Низкий поклон Катерине Павловне и благодарность за внимание. Воображаю, как вы все там шалашничествовали!⁵

Твой Л е о н и д

Адрес: «Курьер».¹

Жена кланяется.

31 августа. Только сейчас узнал великую радость: ты свободен и будешь жить в Нижнем. Даже более того: приедешь в Москву. Правда ли это?⁶

Не знаю, куда посылать тебе рассказ. Напиши.

Я разболелся так, что чуть не подох.

Адрес мой в Москве после 5-го сентября: Средняя Пресня, дом Гвоздевой⁷.

¹ Телеграмма Андреева не сохранилась.

² Подразумевается соглашение, заключенное 1(14) августа 1902 г. Андреевым, при содействии Пятницкого, с издательской фирмой Ю. Мархлевского и К^о в Мюнхене. По этому соглашению фирме до 1 января 1910 г. предоставлялось исключительное право на издание и распространение в Германии и других странах сочинений Андреева, а также на ведение переговоров с переводчиками сочинений Андреева и зарубежными театрами по поводу постановок будущих пьес писателя. Фирма обязывалась защищать авторские права Андреева вне России при условии, что его произведения будут печататься на русском языке в Германии раньше, чем в России, а в переводах на немецкий — не позже, чем через два года после выхода русского издания («Соглашение между издательской фирмой Dr. Marchlewsky et Co в Мюнхене и писателем Л. Н. Андреевым»). Машинопись за подписью Ю. Мархлевского. — АГ). После ликвидации фирмы «Мархлевский и К^о» с 25 сентября (8 октября) 1905 г. единственным представителем и защитником авторских прав Андреева, Горького, Куприна и других «знамевцев» становится созданное по указанию ЦК большевиков в Женеве социал-демократическое издательство «Демос» с И. П. Ладжикиным во главе. В декабре 1905 г. издательство «Демос» было переведено в Берлин (см. В. Д. Бонч-Бруевич. Книгоиздательство «Демос», его возникновение, организация и деятельность. Воспоминания. Машинопись. — АГ).

³ Рассказ «В тумане» напечатан в «Журнале для всех», 1902, № 12. 18 августа Андреев писал Пятницкому: «Завтра, послезавтра я окончу рассказ „В тумане“ размером 1¼ — 1½ печатных листа, предназначенный для „Журнала для всех“. Миролюбов уже ждет его с нетерпением и гневом (<...>) Вопрос вот в чем: значителен ли этот рассказ? Стоит ли он всего этого шума и беспокойства? Этот вопрос я предоставляю решить вам и Максиму, которому пошлою коию рассказа, ибо сам о рассказе *невысокого мнения*» (АГ). Сомневаясь, подойдет ли рассказ «В тумане» общедоступному «Журналу для всех», Андреев в сентябрьском письме к Михайловскому предлагал рассказ «Русскому богатству» в случае отказа Миролюбова (ЛА, вып. 5, стр. 55—57).

⁴ Август Шольц (Томас Шефер; 1857—1923) — литератор и переводчик произведений Андреева на немецкий язык (см. прим. 2 к письму 134 и воспоминания его в настоп. томе).

⁵ Шалашин в августе 1902 г. выступал в Нижнем-Новгороде. В конце августа — начале сентября Горький устраивал концерт с участием Шалашина в пользу Народного театра (см. письмо Горького к Пятницкому того времени. — «Архив Горького», т. IV, стр. 97).

⁶ В конце июля 1902 г. дознание по делу о противоправительственной пропаганде и подготовке демонстрации в отношении Горького было прекращено, а 10 августа 1902 г. прокурор Московской судебной палаты отдал распоряжение освободить писа-

теля от особого надзора полиции, о чем Горькому было объявлено 16 августа. С 18 по 27 августа Горький провел в Нижнем-Новгороде, затем вернулся в Арзамас, а с 10 сентября поселился с семьей в Нижнем-Новгороде («Летопись», I, стр. 395—397, 400). Андреев имеет в виду предстоящий приезд Горького в Москву в связи с репетицией «На дне» в Художественном театре.

⁷ В доме М. Ф. Гвоздевой Андреев жил с сентября 1902 по май 1903 г.

68. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва:〉 2 сентября 〈1902 г.〉

Милый мой, всепрекраснейший Максимыч! Еще раз ура! Какие дивные перспективы: Нижний, Москва, Художественный театр! Фу ты, ну ты ¹.

Ну ладно. А я все еще болен, болен, болен. И еще раз болен, болен ². Ты знаешь, что такое нервы? Ничто и всё. Какие-то питки, что-то невидимое, чёрт его подери — а здоровый малый становится от них бабой, слюнтяем, гадостью, сволочью, негодяем, сукиным сыном. И минутами с отдаленным вопросом... Ну да к чёрту.

Посылаю тебе письмо Михайловского. Старик, видимо, очень хочется приютить твоих босяков, но обратиться к тебе не решается ³.

Посылаю две газетные вырезки ⁴. Меня шлепают. Один мерзавец написал сплошную клеветническую штуку, а «Курьер» без моего ведома вступился. Не стоило. Когда человек одновременно беллетрист и Джеймс Линч и обижает людей фельетонами — пощады от них не жди ⁵.

Другой казус хуже. Обругал меня хороший человек — Толстой ⁶. И всё за «Бездну»! О Бездна, бездна!

Горю нетерпением послать тебе рассказ, но не знаю, куда ⁷. Напиши, друже.

Твой Леонид

На письме помета Пятницкого: «1902».

¹ См. прим. 6 к письму 67.

² В «Маленькой хронике» в «Курьере», 1902, № 304, 3 ноября, появилась заметка: «Сегодня нам сообщают, что снова заболел беллетрист Л. Н. Андреев, не далее как год тому назад пробовавший около двух месяцев в клинике. Как и тогда, болезнь молодого писателя имеет своим источником сильное переутомление и общую нервозность его творчества. Пожелаем ему скорого выздоровления и возобновления работы в нашей газете».

³ В упоминаемом письме Михайловский писал Андрееву 29 августа 1902 г.: «Спасибо за обещание, многоуважаемый Леонид Николаевич. Буду ждать. Как я интересуюсь вашими писаниями, вы не знаете. Да лечитесь вы как следует. О драме Горького я и с другой стороны слышу большие похвалы. И мне приходит в голову попросить ее для „Русского богатства“. Но беда в том, что я уже к нему обращался, говорил с ним в Нижнем с год назад и другой сотрудник „Русского богатства“, Анненский, и он обещал, но так ничего из этого обещания и не вышло (я и „Мещан“ просил). Больше, то есть еще раз, обращаться как-то уже неловко...» (Автограф. АГ).

Под заглавием «На дне жизни» пьеса впервые была издана Мархлевским в Мюнхене в декабре 1902 г.; в России под заглавием «На дне» и с посвящением Пятницкому опубликована издательством «Знание» 31 января 1903 г. («Летопись», I, стр. 428).

⁴ Вырезки не сохранились.

⁵ В «Харьковском листке», 1902, № 835, 30 августа, было напечатано письмо А. П. Доброхотова «Талант Леонида Андреева». Отрицаая какие-либо достоинства в произведениях Андреева и объясняя интерес к его сочинениям безудержной рекламой, Доброхотов предсказывал Андрееву участь литературного фигляра А. Н. Емельянова-Рохановского, который добился недолговечной популярности тем, что провозгласил себя «первым русским декадентом». «Курьер», откликнувшись на «письмо» Доброхотова анонимной заметкой в разделе «О чем пишут», заявил, что письмо полно «некрасивых намеков и фактических передержек» (1902, № 241, 1 сентября). Андреев посвятил один из фельетонов «Впечатления» («Курьер», 1901, № 358, 6 декабря) критическому разбору книги Доброхотова «Рутиня наших уголовных защитников. (Заметки начинающего адвоката)». М., 1901. Этот фельетон, видимо, и вызвал гнев критика. Впоследствии Андреев ссылался на развязную по тону брошюру Доброхотова «Карьера Леонида Андреева. Эпюда о популярности, арлекинах и толпе» (М., 1908)

Александр!

Сенас у мене ирзени
Замта, ва к аеру иадрот
и роуа. Педеш иа севоду и
и поти? Савдиз . у калу
у кнодават Зроку, аиофра
у Певбо Будит?

Александр

Дрофине, поелатаю, хваити
Педеш со скорити 10,30"
и к-ирзено на вокзай
и к-иода? Бунин х.
и к-иода? Бунин х.
Буду фдате до 9.

Д. автор екурной вессе
Ливане? - ты знаешь?

ЗАПИСКА АНДРЕЕВА ГОРЬКОМУ ОТ 7 СЕНТЯБРЯ 1902 г. И ОТВЕТ ГОРЬКОГО
НА ТОМ ЖЕ ЛИСТЕ

Автографы

Собрание В. Л. Андреева, Женева

как на пример упадка русской критики (см. А. Л ъ в о в и ч <А. Л. Цитрон>. У Леонида Андреева. — «Южный край», Харьков, 1908, № 9547, 26 ноября; то же: «В гостях у Леонида Андреева». — «Одесские новости», 1908, № 7680, 28 ноября).

⁶ Речь идет о корреспонденции М—с <Ф. Г. Мускаблит> «В Ясной Поляне. (Беседа с Л. Н. Толстым)», опубликованной в «Биржевых ведомостях», 1902, № 236, 31 августа. Беседа с Толстым о современной русской литературе, журналист назвал напумевшую «Бездну». Ответ Толстого (в записи Мускаблита) был следующим: «Ведь это ужас!.. Какая грязь, какая грязь!.. Чтобы юноша, любивший девушку, заставший ее в таком положении и сам полуизбитый, — чтобы он пошел на такую гнусность!.. Фу!.. И к чему это все пишется?.. Зачем?..» (см. также М у с с а <Ф. Г. Мускаблит>. Вперемежку. — «Южное обозрение», Одесса, 1903, № 2076, 16 февраля).

⁷ Рассказ «В тумане». См. прим. 3 к письму 67.

69. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Москва. 6 сентября 1902 г.>

Леонидушка! Сейчас мы отправляемся в Елисеевский дом на беседу ¹, а сколько времени она продлится — не знаем. Остановились мы в Московской 24. Завтра в 12 часов будем у Скирмунта. Если ты сегодня не можешь повидаться из-за головы, то — пожалуйста! — приходи завтра к 12 в Гранатный ². Там будет и Константин Петрович ³. Жду на сегодня.

А л е к с е й

Датируется днем приезда Горького в Москву («Летопись», I, стр. 398).

¹ Подразумевается Литературно-художественный кружок, открывшийся в Москве в 1899 г. Во главе дирекции Кружка стояли популярный адвокат А. И. Урусов, директор Малого театра А. И. Южин-Сумбатов, В. А. Гольцев, архитектор Ф. О. Шехтель и др. 21 октября 1901 г. состоялось торжественное открытие Кружка в новом помещении на Тверской в доме Елисеева («Курьер», 1901, № 285, 15 октября). 6 сентября 1902 г. в помещении Общества любителей искусства и литературы Горький читал «На дне». На чтении присутствовали Андреев, Чириков, Найденов, Шаляпин, Пятницкий, группа Московского Художественного театра («Курьер», 1902, № 247, 7 сентября; «Летопись», I, стр. 398—399). В тот же день Горький и Андреев, вместе с Немировичем-Данченко, Станиславским, Чириковым и Шаляпиным, подписали приветственную телеграмму Л. Н. Толстому, в связи с 50-летием его литературной деятельности (Вл. Немирович-Данченко. Избранные письма, т. II. М., «Искусство», 1954, стр. 230).

² В Гранатном пер. жил С. А. Скирмунт.

³ Пятницкий.

70. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Москва. 7 сентября 1902 г.?)>

Алексейшка!

Сейчас у меня трещит башка, но к вечеру, надеюсь, пройдет. Едем мы сегодня или нет? ¹ Сообщи, я начну укладывать брюки, дюжины довольно будет?

Твой Л е о н и д

<Г о р ь к и й — А н д р е е в у>

Дюжины, полагаю, хватит. Едем со скорым 10.30. Ты — прямо на вокзал или — сюда? Бунин хотел заехать сюда. Буду ждать до 9.

Я, автор скучной пьесы «Мещане», — ты знаешь?²

Датируется предположительно по содержанию. На том же листке написан ответ Горького.

¹ Горький выехал из Москвы в Нижний-Новгород вечером 7 сентября 1902 г. в сопровождении Пятницкого («Летопись», I, стр. 399). О поездке Андреева в Нижний-Новгород сведений не имеется.

² Отрицательный отзыв Горького о пьесе см. в статье С. Соломина «М. Горький о „Мещанах“ М. Горького» («Биржевые ведомости», 1902, № 297, 31 октября).

71. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Нижний-Новгород. 25 ... 27 октября 1902 г.>

Леонидка, друг мой мрачный, ты — сатирик препорядочный! «Оригинальный человек» тебе удался безусловно ¹. Болваны будут сердиться. Я — рад.

Посылаю тебе некий, весьма интересный человеческий документ ². Прекрасная иллюстрация мещанской психологии. Ты — воспользуйся им. Не сразу, не теперь, а потом. Обдумай и — ахни его в морду! Ей-богу! Я ему ответил, знаешь.

ГОРЬКИЙ, Ф. И. ШАЛЯПИН и С. Г. СКИТАЛЕЦ

Фотография, Крым, апрель 1902 г.

Литературный музей, Москва

Поклон дьяконисе Александре ³ и твоей матери, поэту брату ⁴ и брату художнику ⁵ и прочим всем твоим родичам, имя же им легион!

Ну, живи! Интересно жить, право!

Твой А л е к с е й

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

¹ Рассказ «Оригинальный человек» был напечатан в «Курьере», 1902, № 294, 24 октября.

² Что Горький послал Андрееву — установить не удалось.

³ Подразумевается А. М. Велигорская. Шутливая ассоциация с дьяконисой из пьесы Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899).

⁴ Андрей Николаевич Андреев (1885—1920) — младший брат Л. Андреева, бывший предметом его неустанных забот. Л. Андреев всемерно стремился развить литературные способности брата и, возможно, содействовал напечатанию в журнале «Пробуждение», 1906, № 23, рассказа А. Андреева из гимназической жизни — «Милочка». В 1912 г. А. Андреев написал киносценарий по пьесе Л. Андреева «Екатерина Ивановна». В мировую войну, осенью 1914 г., А. Андреев был призван в действующую армию, служил вольноопределяющимся унтер-офицером 9-го финляндского полка в Пруссии, а затем — в Галиции. В это время между братьями велась оживленная переписка. Письма Андрея с фронта были для Л. Андреева, захлестнутого волной «патриотического» шовинизма буржуазной прессы, одним из немногих источников конкретных сведений

о военных действиях. Л. Андреев печатал письма Андрея в редактировавшемся им журнале «Отечество» (1914, № 3, 5; 1915, № 1, 4; под заголовками: «С войны. Письма участников» и «Дневник в письмах»). Большая коллекция писем Л. Андреева к Андрею Андрееву (хранящаяся ныне в ИРЛИ) частично опубликована К. И. Чуковским в «Русском современнике», 1924, № 4 и Н. А. Любич в журнале «Залп», 1933, № 1 (см. также: Андрей А н д р е е в. Из воспоминаний о Л. Андрееве. — «Красная новь», 1926, № 9, стр. 209—223).

⁵ См. прим. 2 к письму 13.

72. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 1 или 4 ноября 1902 г.)

Алексеюшка!

Не могу, голубчик, идти сегодня на «Мещан» — очень устал. Завтра приходи ко мне к часу.

Твой Л е о н и д

Датируется пребыванием Горького в Москве в начале ноября 1902 г. В Художественном театре «Мещане» шли 1 и 4 ноября. На одном из этих представлений, очевидно, и был Горький. 5 ноября 1902 г. Брюсов писал П. П. Перцову: «Горький в Москве царствует на понедельниках Андреева, бранит своих „Мещан“ и прячется в занавешенных ложах» (ИМЛИ). 6 ноября Горький уехал в Петербург («Летопись», I, стр. 410).

73. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Петербург. 15...18 ноября 1902 г.)

Дружище Леонид!

Попробуй ты — вкупе с Гаврилычем ¹ — или коллективно — составить адрес Федору ². Пожалуйста! Дело в том, что мне — носа высморкать некогда.

Завтра, наверное, Константин Петрович вышлет тебе расчет. Ты свободно можешь получать рублей 100 и более — в месяц на протяжении 10 месяцев и даже — года. Хватит?

Константин Петрович объяснит эту бухгалтерию подробно ³.

А л е к с е й

Датируется по содержанию (см. прим. 2 к письму 74).

¹ Скиталец.

² Имеется в виду чествование Шалаяпина в его бенефис 3 декабря 1902 г. в Большом театре. Шалаяпин с огромным успехом пел партию Мефистофеля в одноименной опере Бойто. На спектакле в писательской ложе находились специально приехавший из Нижнего-Новгорода Горький, а также Андреев и Скиталец. Среди выставленных для всеобщего обозрения подношений Шалаяпину внимание публики привлекал большой ларец, сделанный в виде старинной книги. На вложенной в него визитной карточке С. А. Скирмунта рукой Горького было написано: «Адрес будет доставлен после спектакля. А. П е ш к о в» («Курьер», 1902, № 235, 4 декабря; «Московские ведомости», № 334, того же числа). По окончании оперы на банкете в честь Шалаяпина Горький выступил с приветственной речью («Летопись», I, стр. 415).

Приводим текст адреса, подписанный Горьким, Андреевым, Чириковым, Буниным, Скирмунтом, Пятницким, Алексиным, Скитальцем, Телешовым:

«Федор Иванович!

Могучими шагами великана ты поднялся на вершину жизни из темных глубин ее, где люди задыхаются в грязи и трудовом поту. Для тех, что слишком сыты, для хозяев жизни, чьи наслаждения оплачиваются ценою тяжелого труда и рабских унижений миллионов людей, ты принес в своей душе великий талант — свободный дар грабителям от ограбленных. Ты как бы говоришь людям: Смотрите! Вот я пришел отсюда, со дна жизни, из среды задавленной трудом массы народной, у которой все взято и ничего ей взамен не дано! И вот вам, отнимающим у нее и гроши, она, в моем лице, свободно дает неисчислимые богатства таланта моего! Наслаждайтесь и смотрите, сколько духовной силы, сколько ума и чувства скрыто там, в глубине жизни!

Наслаждайтесь и подумайте — что может быть с вами, если проснется в народе мощь его души, и он буйно ринется вверх к вам и потребует от вас признания за ним его человеческих прав и грозно скажет вам: хозяин жизни тот, кто трудится!

Федор Иванович!

Для тысяч тех пресыщенных людей, которые наслаждаются твоей игрой, ты — голос, артист, забава, ты для них — не больше; для нас — немногих — ты доказательство духовного богатства родной страны. Когда мы видим, слушаем тебя, в душе каждого из нас разгорается ярким огнем святая вера в мощь и силу русского человека. Нам больно видеть тебя слугой пресыщенных, но мы сами скрываем целью той же необходимости, которая заставляет тебя отдавать свой талант чужим тебе людям. Во все времена роковым несчастьем художника была его отдаленность от народа, который поэтому именно до сей поры все еще не знает, что искусство так же нужно душе человека, как и хлеб его телу: всегда художники и артисты зависели от богатых, для которых искусство только прихоть.

Но уже скоро это несчастье отойдет от нас в темные области прошлого, ибо масса народная, выросшая духовно, поднимается все выше и выше!

Мы смотрим на тебя как на глашатая о силе духа русского народа, как на человека, который, опередив сотни талантов будущего, пришел к нам укрепить нашу веру в душу нашего народа, полную творческих сил.

Иди же, богатырь, все вперед и выше!

Славное, могучее дитяще горячо любимой родины, — привет тебе! (Центр. Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва. См. его на стр. 167 настоящ. тома).

³ В связи с переутомлением Андреев, по совету врача, решил дать себе десятидневный отдых от работы. «Момент для моей жизни наступил критический, или пан, или пропал, — писал он Пятницкому, — но необходимо выдержать это время. Вся надежда у меня на вас, то есть на „Знание“. Если окажется необходимо, я согласен продать кому бы то ни было, хоть Марксу, книжку за 5 тысяч». Это письмо, датированное 2 ноября 1902 г., было начато до встречи Андреева с Горьким 1 ноября, который назвал проект Андреева относительно продажи его книг другому издательству «чепухой». В постскрипуме к цитируемому письму Андреев восклицает: «И верно: бросивши внезапно курить, я говорю много глупостей и даже гадостей» (АГ). Ответ Пятницкого совершенно успокоил Андреева. Как видно из лицевого счета Андреева, хранящегося в архиве «Знания», Пятницкий выслал Андрееву 8 ноября 1902 г. 200 рублей в счет прибыли со второго издания «Рассказов»; 30 ноября — 400 рублей в счет прибыли с «Новых рассказов»; 30 декабря им дополнительно было послано Андрееву 650 рублей. Всего в 1902 г. издательство «Знание» выплатило Андрееву 4801 рубль 89 копеек.

74. АНДРЕЕВУ — ГОРЬКОМУ

(Москва.) 28 ноября 1902 г.

Милый Алексеюшка!

Толковали мы с Скирмунтом и Скитальцем и пришли к выводу, что единственный человек, могущий написать хороший адрес Шалапину, это М. Горький¹. У него, помимо соответствующего языка, есть нравственная авторитетность, которой лишены мы, вернее, не обладаем которой в достаточной степени. Чтобы погладить мачту по головке, нужно влезть по меньшей мере на колокольню.

Говорят, ты не совсем здоров. Правда это? А тут еще одним больным прибавилось: занемог очень странную болезнью Скиталец (или Шкиталец, как зовет его моя мать). Сам он называет болезнь свою «трактирным переутомлением». Главный ее симптом: при виде зелено-желтой вывески Скиталец испытывает зелено-желтое чувство и хотя бы ничего в тот день не пил — начинает пошатываться. Осажден с утра до ночи праздным народом и по сердечной мягкости не может избавиться от него.

Федора Ивановича недели две или три не видал. Остальных и вижу редко — но от народа, как и Скиталец, не избавлен.

Слегка работаю. Письмо Константина Петровича очень успокоило мою тревожную и нелепую мнительность — что-то я нелепо выразился, но достаточно красноречиво².

Альбом Шалапину будет красивый. Крепко жму руку.

Твой Леонид Андреев

¹ См. прим. 2 к письму 73.

² Письмо Пятницкого от 19 ноября 1902 г., в котором сообщалось, что Андреев будет получать от «Знания» в течение года по 400—500 рублей ежемесячно (К. Пятницкий. Книга записей корреспонденции с 21 мая 1902 г. по 26 марта 1903 г. — АГ; см. также прим. 3 к письму 73).

75. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Москва. 3 декабря 1902 г.>

Приехал Константин Петрович, хотел ехать к тебе, но — нельзя, ибо должен придти Бунин ¹ к нему и Серафимович ко мне ². Не появишься ли ты сюда?

Явись, о чёртов кум! ³ И принеси сочинение о Федоре ⁴.

А л.

Датируется временем приезда Пятницкого в Москву из Петербурга и бенефисом Шалипина: 3 декабря 1902 г. Горький, по обыкновению, остановился у Скирмунта.

¹ Речь идет о переговорах между Буниным и Пятницким о втором издании перевода «Песни о Гайавате» (см. об этом в статье А. Нинова «Бунин в „Знании“». — «Русская литература», 1964, № 1, стр. 187—188).

² Первая личная встреча Серафимовича с Горьким состоялась осенью 1902 г. на квартире Андреева. В 1903 г. в «Знании» вышел том «Рассказов» Серафимовича (А. С. Серафимович. Собр. соч., т. X. М., 1948, стр. 421—428).

³ Горький только собирался крестить первенца Андреева (см. письмо 78). Крестным отцом его Горький не был, но, по воспоминаниям Вадима, считал себя таковым (Вадим Андреев. Детство. М., 1963, стр. 113). Впоследствии он стал крестным отцом второго сына Андреева — Даниила (см. письмо 148).

⁴ См. письма 73 и 74.

76. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Нижний-Новгород. 26 ... 27 декабря 1902 г.>

Милая моя Леонидушка! Христос рождается? ¹ Сообщи. Как здоровье жены? В случае, если место не занято — я могу быть твоим кумом. Мне все равно: я всякие нации крещу в православной воде.

С. А. Скирмунт должен был послать тебе рукопись «Освобождайте жизнь» или «Мысль» и рассказ Якубова «В поезде». Прилагаю еще его рассказ: «На воде и на суше». По моему мнению, оба их следует напечатать рядом ². Ежели что не понравится — поправь. Этому Якубову — надо дать дорогу, право.

Ну, до свидания! И жене скажи — до свидания. И матери. И братьям. И — если язык твой выдержит, всем остальным легионам кровных твоих. Милай! Скоро у тебя, при всем этом — еще собственноручные дети явятся. Ну — ничего! Ты — терпи! Всяк по-своему жизнь терпит.

Прощай!

А. Пешков

Приехать хотел сюда — не забудь.

Датируется по содержанию.

¹ 23 декабря 1902 г. у Андреева родился сын Вадим, писатель, автор книги «Детство» (М., «Советский писатель», 1963). Во время Второй мировой войны — участник французского Сопротивления; ныне сотрудник издательского отдела ООН в Женеве.

² Михаил Семенович Якубов (сценический псевдоним — Нароков; 1879—1958) — народный артист РСФСР. Выступал на сцене Малого театра в Москве. С Горьким познакомился в Нижнем-Новгороде летом 1901 г. Горький рекомендовал рассказы Якубова «Нижегородскому листку»; в 1903—1904 гг. привлек Якубова в труппу Народного дома, созданного в Нижнем-Новгороде по инициативе демократической интеллигенции. 6 ноября 1901 г. Якубов был на банкете в честь Горького в связи с отъездом его из Нижнего-Новгорода в Крым. В сентябре 1902 г. в Москве на квартире Андреева присутствовал при чтении Горьким «На дне». Из двух рассказов Якубова, предложенных Горьким «Курьеру», напечатан «В воде и на суше» (1903, № 158, 5 августа). Воспоминания Якубова о Горьком — см. в кн.: М. Нароков. Биография моего поколения. Театральные мемуары. М., Изд-во ВТО, 1956, стр. 104—132.

77. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Москва. 26 ... 28 декабря 1902 г.>

Я очень счастлив, милый Алексеюшка. Мальчишка уродился хороший, и я вокруг него фантазирую напропалую. «Человек — вот правда» даже и в том случае, если размеры его микроскопические. Я сам больше всего нравился себе тогда, когда нельзя еще было сказать, что из меня выйдет: Наполеон, Магомет или прохвост; а теперь, когда наверно известно, что я не буду прохвостом, но зато не буду и Наполеоном, — теперь я мало для себя интересен. Одна неделя, в которую он рожался и родился, открыла мне такое, чего я не мог узнать за всю жизнь.

Шура — 1) очень благодарит тебя и целует за добрую о ней память, 2) очень ухватила за мысль, что ты будешь крестить мальчишку. Для этого тебе приезжать не потребуется, а тебя только запишут где-то в книгу, не то в участке. Кумой будет теща моя², в тебя влюбленная (но не в меня, конечно). И мне хочется, чтобы ты крестил.

Приеду в Нижний числа 12—13-го — жаль, что не могу на Рождество³. Да я и не знаю, впрочем, есть ли оно. Оно отчасти и хорошо.

Меня несколько смутил быстрый и широкий успех «На дне»⁴, когда в славословиях слились Шебуевы⁵ и Пеки и Гольцевы, но приглядевшись я увидел, что половина их не понимает того, что хвалит, а другая половина находится только у подошвы горы. Ни одна статья, ни один разговор не мог охватить драмы во всей ее ширине и глубине; всякий раз остается что-то неуловленное, какой-то остаток, в котором и заключается самая суть. Это, брат, великая штука «На дне», — попомни мое слово.

Причина прикрытия «Курьера» — Скитальцев «Гусляр»⁶. Поехали в СПб. хлопотать. Якубовским рассказам придется подождать. Поклон Екатерине Павловне.

Крепко жму руку. Твой Л е о н и д

Датируется временем рождения Вадима Андреева.

¹ Шутливая реминисценция монолога Сатина в четвертом действии «На дне» (VI, 165 и 169—170).

² Ефросинья Варфоломеевна Велигорская (рожд. Шевченко; 1846—1913) — племянница Т. Г. Шевченко.

³ Андреев приехал в Нижний-Новгород только в феврале 1903 г.

⁴ Премьера «На дне» состоялась в Московском Художественном театре 18 декабря 1902 г. 25 декабря, вернувшись из Москвы в Нижний-Новгород, Горький в письме к Пятницкому делился впечатлениями о спектакле: «...ни публики, ни рецензента — пьесу не раскусили. Хвалят — хвалят, а понимать не хотят» («Архив Горького», т. IV, стр. 108—109). Так, В. А. Гольцев в «Мыслях вслух» («Курьер», 1902, № 355, 24 декабря) писал, что спектакль имел «огромный и вполне заслуженный успех». Называя «На дне» «поворотом» в художественной деятельности Горького, Гольцев с удовлетворением подчеркивал, что Сатин «говорит словами интеллигенции, Огюста Конта, Прудона, нашего Белинского». В отзывах на премьеру критики уделяли большое внимание образу Луки. Н. Шебуев вслед за фельетоном «Театральный разъезд после представления „На дне“» («Русское слово», 1902, № 350, 20 декабря) напечатал статью «Лука», посвященную характеристике этого персонажа пьесы (там же, № 351, 21 декабря).

⁵ Николай Георгиевич Шебуев (1874—1937) — писатель, фельетонист и театральный критик. Сотрудничал в «Русском слове», «Театральных известиях», «Обзрении театров», «Солнце России», «Сатириконе». В 1905 г. выдвинулся как издатель-редактор сатирического журнала «Пулемет» (1905—1906), запрещенного на пятом номере. В 1906—1907 гг. — издатель-редактор «Газеты Шебуева», слившейся в 1908 г. с начавшим выходить в Петербурге (при фактическом редактировании Шебуевым) журналом «Весна». Этот орган независимых писателей и художников в годы реакции стал проводником пошлости и обывательщины. В апреле 1907 г. Шебуев приезжал на Капри и встречался там с Горьким и Андреевым (Н. Шебуев. Негативы. — «Русь», 1907, № 119, 30 апреля).

⁶ По распоряжению министра внутренних дел за напечатание стихотворения Скитальца «Гусляр» (№ 344, 13 декабря 1902 г.) «Курьер» был приостановлен на два месяца (до 26 февраля 1903 г.). Стихотворение это было прочитано Скитальцем на вечере в Благородном собрании 12 декабря 1902 г. в пользу Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве и переселенцев Челябинского пункта. «На вечере этом, — доносил секретный агент начальнику Московского охранного отделения Трепову, — было около 800 человек посетителей, преимущественно учащейся молодежи, здесь были и лица политически неблагонадежные, состоящие под негласным наблюдением Охранного отделения» (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902, л. 36). Чтение Скитальца было покрыто шумными аплодисментами. Скиталец уклонился от официально разрешенного текста «Гусляра», добавив строфу: «Земля у нас истощена...», и на бис прочитал свое стихотворение «Нет, я не с вами...». По требованию полицейского пристава концерт был прекращен (Т е л е ш о в, стр. 50—52). Одновременно с публикацией полного текста «Гусляра» газета поместила подробный отчет «На литературно-музыкальном вечере», который не был предварительно отправлен в цензуру. 16 декабря 1902 г. на заседании Московского цензурного комитета слушались объяснения цензора С. Соколова по этому поводу. Председатель Московского цензурного комитета писал в Главное управление по делам печати о Скитальце и неблагонадежности «Курьера»: «Так как этот господин давно уже сотрудничает в названной газете, то с большею вероятностью можно сказать, что редакции заранее было известно, что будет читать Скиталец и по разрешенной программе и вне ее» (ГИАМО, ф. 31, оп. 3, ед. хр. 2236/1902, лл. 130—131). «У нас разгром, — писал Андреев Пятницкому 28 декабря 1902 г. — „Курьер“ — на 3 месяца. Беда сотрудникам крах газеты — ибо как раз во время подписки, сами знаете. Потом опять хоть сначала дело начинай. Все из-за Скитальцева „Гусляра“ и глупости людской» (АГ). Repрессивные меры, постигшие газету за стихотворение Скитальца, не были случайностью. В ежегодных отчетах Московского цензурного комитета в Главное управление по делам печати 1900—1902 гг. постоянно отмечалась политическая неблагонадежность «Курьера». В обзоре московской печати за 1901 г. обращалось внимание на связь газеты со студенческим демократическим движением и говорилось, что «здесь поведение „Курьера“ заслуживает самого сильного осуждения». Так, например, весной истекшего года, во время студенческих волнений «Курьер» пытался напечатать известную песню о „Буревестнике“ М. Горького, которая и появилась бы в первый раз, если бы не была запрещена <...> Одновременно под видом замечаний об англо-бурской войне пытались провести в „Курьере“ рассуждения о дозвоительности всяких средств в борьбе слабых с сильными и т. д. Постоянно представляются в цензуру такого рода заметки, которые ясно свидетельствуют о существовании сношений между редакцией „Курьера“ и неблагомыслящими и беспокойными элементами студенчества». Далее Московский цензурный комитет заявлял, что «особенные затруднения» среди прочих материалов представляли для цензуры статьи Джемса Линча (Л. Андреева), который в своих восхитительных фельетонах «постоянно раздумывал о том, как-де на Руси серо и душно, главным образом, от чрезмерной правительственной опеки» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 22, ед. хр. 1, лл. 114 об.—115). «Курьер» часто упоминался на заседаниях Московского цензурного комитета и в 1902 г. Так, 6 февраля 1902 г. цензор А. Генц заявил в своем докладе, что «Курьер» вообще «старается постоянно изобразить наших рабочих всяких категорий в виде страдальцев, терпящих всевозможные угнетения» (ГИАМО, ф. 31, оп. 3, ед. хр. 2193/1902, л. 48). Столь же бдительному вниманию цензуры подвергался и литературно-художественный отдел, где появлялись произведения Андреева, Бунина, Скитальца, Мамина-Сибиряка, Гарина, Серафимовича, Чирикова и других известных писателей. Не менее резкое осуждение получила политическая линия «Курьера» и в 1903 г., т. е. после временной приостановки газеты. Московский цензурный комитет доносил Главному управлению по делам печати, что «Курьер» продолжает держаться «оппозиционного направления». В числе тенденциозных художественных произведений назывался рассказ Андреева «Нет прощения» («Курьер», 1904, №№ 1 и 2, 1 и 2 января), «в котором, — как конфиденциально сообщал московский обер-полицеймейстер Трепов 12 января 1904 г. председателю Московского цензурного комитета В. В. Назаревскому, — заключается крайне вредная тенденциозная характеристика розыскной деятельности агентов полиции, причем путем целого ряда возмутительных описаний понимание читателя злонамеренно направляется к выводу о неизбежности и похвальности насильственных действий против должностных лиц полиции, служебно-розыскной деятельности которых, по открытому заявлению автора, „нет прощения“» (ЦГИАЛ, ф. 776). 17 января 1904 г. начальник Главного управления по делам печати известил Назаревского о решении министра внутренних дел за опубликование рассказа Андреева лишить «Курьер» розничной продажи (ГИАМО, ф. 31, оп. 3, ед. хр. 2195, л. 30—30 об.). Запрет розничной продажи газеты оставался в силе до 20 марта. 4 июня 1904 г., на № 153 издание «Курьера» прекратилось.

1903

78. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Нижний-Новгород. 1 ... 3 января 1903 г.)

Кум мой будущий!

Скиталец — где-то в Москве, ты уж сам поговори с ним на счет «Курьера» и прочего ¹.

Сердит я на него несколько, а если он спросит — за что, отвечай — за Соруна. И даже не за Соруна, а за невесту Соруна. И даже не за невесту, а за глупость, обнаруженную Скитальцем в деле Соруна и К^о ².

Сердит я и на Аркадия Алексеевского — ибо хоть он и Аркадий, но мы не в Аркадии, а в России, и не аркадские пастушки, а все-таки литераторы.

Дело же обстоит так, что русский писателишко должен быть политическим деятелем ныне — больше, чем всегда.

А будучи таковым деятелем — невозможно и неприлично укладывать в одну поленицу Брюсова с Дорошевичем и Апешова с Бенуа ³. Бенуа! А что г. Алексеевский нелепую его книгу о русской живописи — читал? ⁴

Просит он, Алексеевский, уговорить тебя дать им в сборник «Бунт на корабле». Дай, если хочешь сесть в галюшу. Дай, дай! Рядом с тобой в этом сборнике проф. Новгородцев ⁵ такой идеализм пустит из себя, что — испортит навеки твоё художественное обоняние. А Дорошевич напишет что-нибудь о каторге или о балете. И т. д.

Ты, милочка, ходи осторожно! Тебя всякий хочет поставить рядом с собой, это очень понятно, но — ты этого не позволяй. Ты сам захоти и поставь рядом с собой кого найдешь достойным этой чести. Честь — не малая. Особенно теперь, когда у публики, ранее тебя отрицавшей, после «Иностранца» даже на спинах и ниже спин — сияет ярким заревом весьма румяный стыд за свою тупость.

Береги, душечка, своё литературное целомудрие и в неприличные заведения — не ходи. И жену твою можешь оскорбить и твоего будущего кума.

Жена моя, впрочем, говорит, что если младенца уже зовут Вадим, так, стало быть, мы с тобой кумовьями быть до второго погодим.

Присовокупляю письмо племяннику твоему Аркадию Алексеевскому. Передай прочитай. Послал бы ему отдельно, да денег на марку нет. Друг мой, как много у меня нет денег.

Кланяйся жене. А младенец — пускай кричит. Смолоду они все такие. Вырастет — будет смирный, не беспокойся.

Очень я устал, чёрт меня возьми!

До свидания.

Жена пишет тебе что-то особое ⁶.

А. Пешков

Датируется по связи с письмом 77.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ЗАЛѢ

Россійскаго Благороднаго Собранія

въ Четвергъ, 12-го Декабря,

въ пользу Общества вспомоществованія учащихъ женщинамъ
въ Москвѣ и переселенцевъ Челябинскаго пунта,

И М Ъ Е Т Ъ Б Ы Т Ъ

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ВЕЧЕРЪ

ПРОГРАММА.

Отдѣленіе 1-е:

1. „Grossmütterchen“ Лангеръ.
Исп. на скрипкѣ г. Крижановскій.
2. „Иностранецъ“, прочтеть г. Л. Андреевъ.
3. Арія изъ оперы „Садко“ Римскаго-Корсакова.
Исп. г. Прадинъ.
4. Разсказъ „Ошибка“, прочтеть г-жа А. Вербицкая.
5. Арія изъ оперы „Царица Савская“, Гуно.
Исп. г-жа Канцель.
6. Разсказъ „На край свѣта“, прочтеть г. И. Бунинъ.
7. Арія Шахловитаго изъ оперы „Хованщина“ . Мусоргскаго.
Исп. г. Горскій.

Антрактъ 20 минутъ.

Отдѣленіе 2-е:

1. Solo на виолончели.
Исп. г. Пресъ.
2. Разсказъ „Съ Богомъ“, прочтеть г. Н. Телешовъ.
3. Романсъ „День ли царитъ“ Чайковскаго.
Исп. г-жа Иванова.
4. „Сцены“, прочтеть г. С. Майденовъ.
5. Романсы: } „На ветхой скамьѣ“ { Ипполитова-Иванова.
 } „Не оставляй меня“ {
 Исп. г. Віновъ.
6. Стихотвореніе: „Гусляръ“
„Долго я шелъ безъ дороги“.
Прочтеть г. Скиталецъ.

на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 5 мая 1892 года мѣстнаго Государственнаго Совета
утвержда 20 августа 1892 г. приказъ: изданіе сборъ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній,
совсѣмъ билетомъ выдается сборъ, оплачиваемый чартами, безъ какихъ-либо дополнительныхъ.

Печ. разр. 3 декабря 1902 г. Моск. Обществ. Печатн. Генералъ-Майоръ ТРЕПОВЪ.

Вид. Издательство: Московскіе Типографы. Печать: Даръ Въ Обществу Т-ва Снѣд. А. Я. Лавинскаго.

ПРОГРАММА ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО ВЕЧЕРА, СОСТОЯВШЕГОСЯ 12 ДЕКАБРЯ
1902 г. В МОСКВѢ, С УЧАСТИЕМЪ АНДРЕЕВА, С. Г. СКИТАЛЬЦА, Н. Д. ТЕЛЕШОВА И ДР.
За прочитанное Скитальцемъ на вечерѣ стихотвореніе „Гусляръ“ Андреевъ, какъ организаторъ выступленій, былъ привлеченъ къ судебной ответственности, а надъ Скитальцемъ нависла угроза высылки
изъ Москвы

Доход от вечера поступилъ въ пользу учащихъ женщинъ и переселенцевъ
Центральный государственный архив Октябрьской революціи, Москва

¹ 24 декабря 1902 г. Департамент полиции предложил московскому обер-полицеймейстеру вызвать Скитальца и предупредить его, «что в случае проявления им впредь подобной тенденциозной деятельности он будет подвергнут административной высылке из Москвы» (ЦГАОР, ф. 63, оп. 12, ед. хр. 90/902, л. 41). Одновременно против Андреева, как ответственного за проведение вечера 12 декабря 1902 г. (см. о нем прим. 6 к письму 77), было возбуждено судебное преследование по 1048 ст. уложения о наказании («Дело Л. Н. Андреева». — «Русское слово», 1903, № 242, 2 сентября). Приговором Московского окружного суда 9 сентября 1903 г. Андреев был оправдан («Русская жизнь в судебных процессах. Дело писателя Леонида Николаевича Андреева». — «Временник „Живописной России“», 1903, № 142, 21 сентября, стр. 299). Приговор, однако, опротестовал товарищ прокурора Муратов, и дело слушалось вторично в январе 1904 г. На этот раз Андреев был признан виновным и приговорен к денежному штрафу размером в 25 рублей или аресту на пять дней («Волжский вестник», 1904, № 12, 16 января).

² Речь идет о закончившемся разрывом объяснении между С. А. Сориним и его невестой — скрипачкой Янины Осиповны Берсон (род. 1882), дочерью банкира. Берсон тайно бежала из родительского дома и в 1902—1903 гг. жила в Нижнем-Новгороде у Пешковых. Скиталец содействовал ее побегу. Непосредственным поводом для объяснений Сорина и Берсон был распространенный Скитальцем и частично подтвердившийся слух, что родственники Сорина ставили свое согласие на его брак в связь с получением от семьи Берсон определенной суммы денег. Тяжелое и неприятное впечатление на Горького произвела попытка Сорина покончить с собой после объяснения с Берсон (см. «Архив Горького», т. IV, стр. 111—113, 116).

³ Об А. П. Алексеевском — см. прим. 5 к письму 13. Цензурное запрещение «Курьера» в разгар подписки серьезно подорвало материальное положение газеты. Чтобы возместить понесенные убытки, редакция решила издать литературный сборник (см. письмо Андреева к Чехову от 4 января 1903 г. — «Реквием», стр. 62—63). Горький пишет о предполагаемом составе сотрудников. Составленный в подавляющей своей части из случайных материалов сборник «Итоги» вышел в 1903 г. Брюсов, Доросевич, Ашешов, Новгородцев и Бенуа в сборнике не сотрудничали. Андреев дал для «Итогов» рассказ «На станции». Кроме этого сборника, было опубликовано второе, дополненное издание сборника «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» («Помощь». СПб., 1903). В последнем сборнике вместо исключенного рассказа Гарина «Старый еврей» и стихотворения Надсона были напечатаны рассказы Андреева «Книга» и Куприна «В казарме». Произведения Брюсова, Доросевича, Ашешова и Бенуа в «Помощи» не публиковались. В письмах Горького к Андрееву и Алексеевскому, возможно, смешаны оба сборника — «Итоги» и «Помощь», — среди редакторов которых были сотрудники «Курьера».

⁴ Александр Николаевич Бенуа (1870—1960) — художник, искусствовед, один из организаторов и создателей объединения «Мир искусства». Его «История русской живописи в XIX веке» была издана «Знанием» в 1902 г. в виде дополнительного четвертого тома к «Истории живописи от средних веков до XIX столетия» Р. Мутера (СПб., 1900—1902). Отрицательный отзыв о книге объясняется несогласием Горького с предложенной теоретиком «Мира искусства» характеристикой «передвижников» и оценками некоторых художников конца XIX — начала XX в., прежде всего Врубеля. В 1896 г. в «Нижегородском листке» (№ 202, 24 июля) Горький подверг резкой критике экспонированные С. И. Мамоновым на Нижегородской промышленной выставке панно Врубеля «Принцесса Греза» и «Миклула» (XXIII, 161—166). Этот фелетон Горького из цикла «Беглые заметки» вызвал полемику в печати (XXIII, 168—169, 175—183, 221—223). В противоположность Горькому Бенуа назвал панно Врубеля «в высшей степени» талантливыми, а их критику определил словами: «бесконечное глумление» (А. Бенуа. История русской живописи в XIX веке. СПб., 1902, стр. 266). На отрицательный отзыв Горького о работе Бенуа, вероятно, повлияла и статья Стасова «Верещагинские картины» («Новости и Биржевая газета», 1900, № 69, 10 марта; В. В. Стасов. Избранные сочинения, т. III. М., 1952, стр. 277—280). В дальнейшем Горький не раз сотрудничал вместе с Бенуа. В 1905 г. Бенуа вошел в число сотрудников сатирического журнала «Жупел» (З. М. Крассик. М. Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта». — М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг., стр. 357—362). В сентябре—ноябре 1916 г. Бенуа вместе с К. И. Чуковским, по предложению Горького, составил для издательства «Парус» план издания книг для детей, а в конце того же года участвовал в задуманном Горьким детском сборнике «Радуга» (вышел в конце января 1918 г. под заглавием «Елка». — «Летопись», II, стр. 575—576). В 1917 г. Горький привлек Бенуа к мероприятиям по охране памятников искусства и старины. 19 декабря 1919 г. в докладной записке об издании русской художественной литературы для школ Горький предлагал в изданиях «Пиковой дамы» и «Медного всадника» Пушкина повторить иллюстрации к ним Бенуа (XXIV, 192. — См. Сергей Эрнст. Александр Бенуа. Пг. 1919; И. С. Зильберштейн. Памяти А. Н. Бенуа (1870—1960). — «Искусство», 1960, № 5, стр. 70—71).

⁵ Павел Иванович Новгородцев (1866—1925) — профессор Московского университета по кафедре истории философии права (1896), преподаватель на Высших женских

курсах; член I Государственной думы, кадет. После Октябрьской революции — эмигрант. В 1903 г. под редакцией Новгородцева был выпущен сборник статей «Проблемы идеализма». В первом и втором изданиях сб. «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» помещена его статья «Реставрационный идеализм Гегеля в изображении Гайме».

⁶ Письмо Е. П. Пешковой к Андрееву не дошло до нас.

79. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва. 6 ... 8 января 1903 г.〉

Милый Алексеюшка! Дела наши не важны: Шура уже четвертый день лежит в постели. Она слегка упала, потом в тот же день испугалась — у нас в детской случился ночью небольшой пожарчик — и началось кровотечение. Каждый день бывает доктор, а толку пока мало. Застопорилась у меня и работа: «Бунт на корабле» начат, но не подвигается. Но причина, главная, малой успешности работы не в этом. Есть нечто похуже.

Сие письмо пишу я тебе длинное и откровенное. Это значит — по логике — что прежде я не был откровенен. Отчасти это правда. Странно как-то слагаются у нас с тобой отношения. Было время, когда я пытался стать тебе другом, совершил в этом смысле несколько нападений на твою особу — и был с уроном отбит. В одной тряской корзинке не могут уложиться железный горшок с глиняным; ты железный, ты некоторых толчков и не заметил, а мне было больно, ибо я глиняный. Но это прошло, и я примирился с тем, что неизбежно: быть тебе только товарищем по оружию, служить честно *под твоим знаменем* и не обольщать себя надеждой на близкие личные отношения. Насчет знамени: это верно, что под твоим знаменем я работаю. Оно и просто: ты для меня дух свободы, а этому святому духу так или иначе хочу я служить. Не правде — ее я не знаю и никогда не узнаю; не людям — я не знаю, люблю я их или нет, а если и люблю, то слишком абстрактно. Свобода же — это единственное, что я непосредственно люблю, и знаю, и понимаю. Быть может оттого, что сам я жалчайший раб; с детства колодки натерли мне язвы на душе, и звон проклятых цепей в моей голове не дает мне забыть о свободе.

Итак, наши отношения приятельские — я то же для тебя, что и Бунин, Телешов, другие. Любимь ты меня за то, что считаешь моим талантом; ослабевает этот талант, умрет — умрет и твоя приязнь. Одним словом, я ценен для тебя как писатель. Я же как я, т. е. моя личность в целом, для тебя мало интересна и мало симпатична. Иногда же я бываю тебе просто противен. Так было в предпоследнее время. Ты что-то заметил во мне, какую-то неприятную черточку, не знаю что. Быть может, и до тебя дошел звон цепей. Ибо правда это: во мне ужасно много мешающего тяготения к благополучию, к погремешкам, к внешним знакам почета; трусоват я, люблю поговорить о себе, а когда у меня болит мозоль на две копейки, беспокойство я делаю на сто тысяч. Если именно эти черточки резнули твой глаз, я подаю тебе руку, ибо ни к кому в мире не испытывал я временами такого отвращения, как к себе.

Но видишь ли: у меня всегда было смутное подозрение, что этот противный господин в лаковых сапогах, который так часто говорит о своем я, — не есть я. И я долго и бесплодно искал свое настоящее я, и странно это: совсем неожиданно я нашел его в своих рассказах. Там нашло отражение мое глубокое, сокровенное, тайное, о чем я никогда не умел и не умею говорить. Там из-под кучи сора начал вырисовываться на свет тот самому мне неведомый новый человек, которого я, еще робко, осмеливаясь иногда уважать. До тридцати лет жил я без чувства самоуважения — это, брат, не шутка, это почище проказы. Мало того: и другие меня не уважали — это тоже человека не улучшает. Говорю это я в таких смыслах:

нужно, чтобы и ты знал эту несчастную двойственность, чтобы и ты не смешивал моих лаковых сапог с моим настоящим я.

Вообще я не стал бы тебе всего этого говорить, но в последний приезд ты отнесся ко мне несколько лучше, а потом, самое главное, я подметил нечто такое, что необходимо выбросить. Это вот что: ты как будто считаешь себя обязанным поддерживать со мной приятельские отношения, идешь ко мне не потому, что хочется, а потому, что — чёрт подери, нужно, неловко, обидишь иначе. Вот эту ерунду нужно выбросить. Мне нужно только одно: чтобы ты мои рассказы любил, а это, надеюсь, и так будет. А если ты не придешь ко мне по той чрезвычайно простой причине, что тебе со мною скучно, так неужели же я буду таким идиотом, что обижусь или в чем-нибудь обвиню тебя!

Есть и еще причина, по которой заговорил я на эту неприятную тему. Было предположение, что лето мы проживем вместе, и вот боюсь я, что это сожителство окажется неприятным и скучным для тебя — и болезненным для меня. Я уверен, что если бы мы сошлись с тобой несколько ближе, чаще и дружественнее говорили — не на людях, не в фойе или на извозчике; если бы мне удалось стряхнуть с себя некоторую неловкость, которая сопровождает мои разговоры с тобой и делает меня фальшиво простым, фальшиво искренним и фальшиво умным, — то, может быть, при всей своей недоброкачественности я несколько выиграл бы в твоих глазах, по крайней мере, не был бы тебе скучен. Но может ли это быть? Вот в чем заковыка.

* * *

А вот еще штука: как посоветуешь. Проклятая «слава» не дает мне писать. Обо мне говорят, на меня смотрят, от меня ждут — и как почти всегда на людях я становлюсь фальшив. Пока я думаю о рассказе — я искренен до боли, и душа моя плачет, а как только я берусь за перо, все пропадает. Не о вещи думаю я, а о том, что скажут *они*. Просто нестерпимо. И так как нет у меня веры в себя, я впадаю в уныние, а впадши в уныние, совсем теряю почву под ногами. Мнительен я до идиотства, нуждой напуган до безумия. Тимковский ругает «Туман»¹ и говорит, что успех мой непрочен — я с идиотской живостью вижу картины одиночества, заброшенности, болезни; будто я в богадельне, на мне халат, и руки трясутся. Очень тяжела была моя прежняя жизнь, и стоит слегка обстругать меня как «модного» писателя — тотчас же покажется одинокий, отчаявшийся человек, боящийся людей и жизни.

Так вот, брат, какие подлые дела.

Посылаю тебе вырезку из «Северного края»². Кстати: Миролюбов в очень дружеском письме сообщает между прочим, что цензор получил выговор и Плеве недоволен³. А здесь пущен упорный слух, будто «матери подали на меня жалобу на высочайшее имя». На сие тетка моя, женщина не лишенная остроумия, заметила: «Когда детей их нагайками драли, они не жаловались, а когда за детей их вступаются, они донос строчат». Только вот что, Алексеюшка: не стоит тебе, по-моему, писать статьи о «Тумане». Причины: <Во> 1-х) Это внесет еще дозу фальши в наши и без того достаточно плохие отношения. Ибо правда это: помимо законного желания найти сильного защитника своим *идеям*, во мне есть и тщеславная мысль — обо мне напишет М. Горький. Ты это поймешь, а понявши, плюнешь. <Во> 2-х) Ты сейчас недостаточно любишь меня, чтобы написать хорошо. <В> 3-х) Впрочем, остальное неважно. Лучше подождать: быть может, со временем у меня будет большая нужда в твоей защите.

Для книги — если только «Туман» пропустят — я его переделаю (в художественном отношении)⁴.

Как показалась тебе драма? Если как драма она не годится, я переделаю ее в повесть — с последней я скорее слажу. К моему замыслу драма относится как 1 : 10⁵.

Нахожусь в колебании: ехать мне с Шалыпиным в Каир или нет. Должно быть, не поеду⁶.

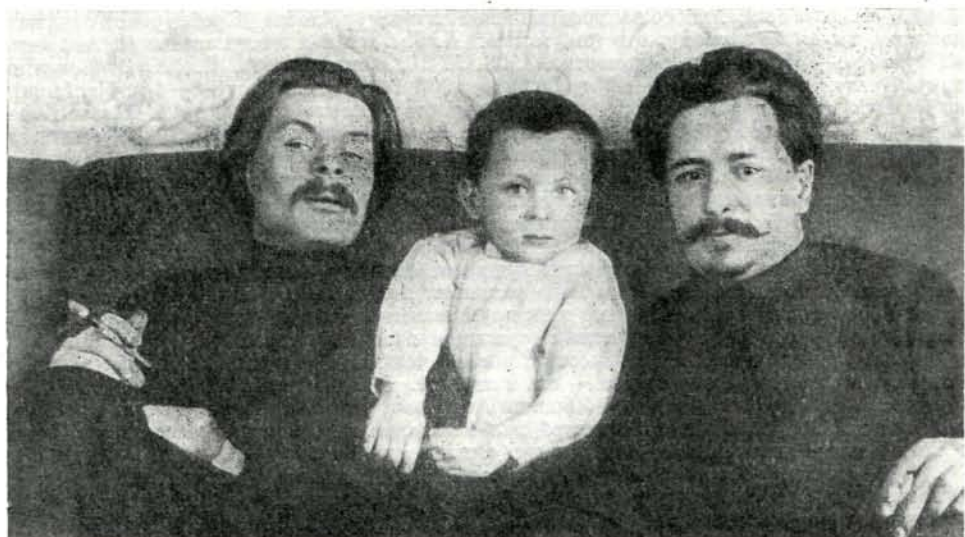
Крепко жму лапу.

Твой В и д о п л а с о в⁷
(хочу заменить этим Леонид Андреев)

На письме помета Пятницкого: «1903. Начало».

Датируется по содержанию (см. прим. 2).

¹ Рассказ Андреева «В тумане». Впервые опубликован в «Журнале для всех», 1902, № 12. Беспокоившие Андреева разговоры о непрочности его литературной популярности нашли отражение в печатавшихся в газетах обзорах литературы 1902 г.

ГОРЬКИЙ С СЫНОМ МАКСИМОМ И АНДРЕЕВ

Фотография, Нижний-Новгород, 1902—1903 годы

Музей Горького, Москва

Отзыв Тимковского о рассказе в периодической печати отыскать не удалось, — быть может он был высказан в беседе с Андреевым.

² Андреев имеет в виду «Литературные заметки» К. Джанина («Северный край», 1903, № 5, 6 января). Сопоставляя рассказы Андреева «Предстояла кража» и «В тумане», рецензент отмечал присущую их героям внутреннюю раздвоенность, борьбу «в себе самом». При этом, — заключал он, — столкновение взаимно исключających друг друга начал человеческой души завершилось в первом рассказе «спасением жизни», а во втором — «двойной смертью». К. Джанин — литературный псевдоним Николая Семеновича Зезюлинского (1878—1958) — профессионального революционера, неоднократно подвергавшегося арестам и ссылкам, члена КПСС с 1902 г. В 1907 г. Зезюлинский под партийной кличкой «Богдан» участвовал в работах V (Лондонского) съезда РСДРП в качестве делегата Московской окружной организации, стенографировал речи и был избран в протокольную комиссию (см. его очерк «В. И. Ленин на V съезде РСДРП». — В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. I. М., 1956, стр. 401—419). В 1909—1914 гг. — политический эмигрант в Париже. С 1910 г. переписывался с Горьким. В 34-м сборнике «Знание» (1911 г.) опубликованы его очерки «Париж» (под псевдонимом: Н. Каржанский). В 1914 г. отошел от партийной работы. Был военным корреспондентом «Русских ведомостей» (Н. Каржанский). Записки военного корреспондента. — «Знамя», 1939, № 4-5). После Октябрьской революции руководил занятиями в драматической студии смоленского Пролеткульта.

³ Главное управление по делам печати признало содержание рассказа «В тумане» противоречащим утвержденной программе «Журнала для всех» и 18 декабря 1902 г. потребовало от Петербургского цензурного комитета объяснений (см. прим. 1 к письму 3). Рассмотрев представленные материалы, Главное управление по делам печати уведомило 16 января 1903 г. Комитет, что приказом министра внутренних дел Плеве цензуре «Журнала для всех» М. Вержбицкому за разрешение опубликовать «В тумане» объявлен выговор (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 30, ед. хр. 58, лл. 17 и 20).

Письмо Миролубова к Андрееву об этом неизвестно.

Основной смысл рассказа не сразу был понят критикой, смущенной натуралистическими подробностями некоторых эпизодов. Тем не менее уже тогда делались попытки проникнуть в авторский замысел, дать ответ на затронутые Андреевым вопросы. Василий Щигров в «Критических этюдах» («Крымский курьер», 1903, № 31, 32, 34, 2, 4 и 6 февраля) писал об умении Андреева завладеть настроением читателя. Критик находил в рассказе правдивое изображение разлада между «отцами» и «детьми», историю гимназиста Павла Рыбакова называл обычным грустным явлением в жизни и возмущался против характеристики героя рассказа как патологического субъекта. Еще более решительно высказался в пользу рассказа Ч. Ветринский в «Заметках о текущей литературе» («Самарская газета», 1903, № 7, 10 января). По его мнению, «с редким мастерством автору удается вписать в рамки уголовного случая [...] огромное содержание большого социального вопроса, в нашей литературе после „Грейцеровой сонаты“, кажется, никем не затронутого» (см. также: А. Измайлов. Рассказ Л. Андреева «В тумане». — «Биржевые ведомости», 1903, № 10, 6 января; А. Б. <А. И. Богданович>. Критические заметки. — «Мир божий», 1903, № 1, отд. II, стр. 1—14). Необычайно бурную полемику по поводу рассказа открыло «Письмо в редакцию» «Нового времени» С. А. Толстой (№ 9673, 7 февраля), в котором она согласилась с Бурениным, назвавшим «В тумане» порнографическим произведением (см. «Критические очерки». — «Новое время», 1903, № 9666, 31 января). Письмо Толстой было перепечатано в десятках провинциальных газет и получило огромный резонанс. Одним из первых откликов на него была статья И. Гофштеттера «Мораль и свобода творчества» («Слово», 1903, № 34, 9 февраля). В. В. Розанов («Новое время», 1903, № 9677, 11 февраля), явно дополняя Толстую, писал о «грубости» художественного чувства Андреева и его ориентации «на бесемейный люд». По мере развития полемики все яснее обнаруживалось размежевание критиков, тяготение их к двум взаимно исключаящим друг друга полюсам. Либеральная пресса выступила с осуждением письма Толстой. При этом ей в вину вменялась прежде всего солидарность с новременцем Бурениным. Неполную сводку полемических отзывов о рассказе — см. в кн.: Н. Де ни с ю к. Смута общественной совести. По поводу произведений Леонида Андреева, полемики нашей печати и рассказа «Бездна». М., 1904. Л. Н. Толстой дал положительную оценку рассказу в беседе с Соловьевым-Андреевичем — см. раздел «Андреев о Горьком», № 41.

⁴ «В тумане» вошел во второй том рассказов Андреева («Знание». СПб., 1906). Оставив без изменений фабулу рассказа, Андреев внес несколько штрихов, оттеняющих романтическую любовь Павла Рыбакова к Кате Реймер.

⁵ См. прим. 3 к письму 31. «Выдумываю драму», — писал Андреев Пятницкому из Царицына 4 июня 1902 г., — но от зелени и солнца одурел и ничего выдумать не могу» (АГ). Приехав из Арзамаса и находясь под впечатлением чтения «На дне», Андреев в августе 1902 г. сообщил Михайловскому: «А написана она [пьеса] хорошо, так хорошо, что я послушал, послушал — да и запустил к чёрту свою начатую драмму. Почувствовал, как я еще молодо-зелено» (ЛА, вып. 5, стр. 55). 3 ноября 1902 г. Андреев вернулся к прерванной работе над драмой, получившей новое название «Закон и люди» и сокращенной до четырех актов. Конец работы датирован 8 декабря. Рукопись этой редакции (без начала, очевидно, уничтоженного Андреевым) вместе с двумя авторизованными копиями первого варианта (сделанными рукой А. М. Велюгорской) передана в 1961 г. сыном писателя Валентином Леонидовичем Андреевым в ЦГАЛИ. Для своей пьесы Андреев избрал мало знакомый ему быт купеческой среды. Тема пьесы — любовь брата и сестры, встретившихся после долгой разлуки. 15 февраля 1903 г. Горький сообщил Пятницкому из Нижнего-Новгорода: «Драму свою он [Андреев] написал не только неумело, но и — бездарно, что, впрочем, сам понимает. Мы ее забраковали — я и Алексин — он согласился с нами и уничтожил. Это хорошо» («Архив Горького», т. IV, стр. 120).

⁶ В начале 1903 г. Шалляпин выехал из России за границу. Он посетил страны Малой Азии и Италию. Андреев с ним не ездил.

⁷ Подразумевается Видоплясов из повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). Пересылая Пятницкому письмо Андреева, Горький жаловался, имея в виду Андреева и Скитальца: «Хорошие у меня товарищи. То — женятся, то — стонут, вообще делают глупости, вместо того чтоб работать, и уснащают мою жизнь сотнями различных пустяков, с которыми мне, право, некогда разбираться. Чёрт бы их побрал, голубчиков [...] Когда почитаешь письма разных господ с нервными не в порядке и послушаешь видоплясовских воплей — еще более оценишь ваше спокойствие, сдержанность и здоровье духа» («Архив Горького», т. IV, стр. 118—119).

80. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Нижний-Новгород. 9 ... 13 января 1903 г.>

Письмо твое прочитал, разорвал и — постараюсь забыть о нем, а тебе рекомендую, дружище, — имей побольше уважения к себе и не пиши глупостей, поддаваясь настроениям, унижающим свободолюбивую душу твою.

Говорить подробно по поводу письма — не буду, это неудобно, ибо — длинно и, наверное, будет скучно. Подожду твоего приезда сюда — тогда мы с тобой уляжемся на диване — не хуже твоего, в моей комнате — получше твоей и — при свете электрическом — свободно и подробно поговорим.

Не думаю, что мы с тобой будем исповедываться, ибо полагаю, что сие ни тебе, ни мне — не требуется, а поговорить — поговорим.

Мои отношения к тебе изменились немного, это верно. Причины этому две: первая — не хочется мне мешать тебе жить жизнью новой, во вкус которой ты еще едва ли и вошел, вторая — моя усталость. Тебе так много людей мешают жить, что я в этом деле считаю себя лишним.

Ты — плохо живешь, очень много вокруг тебя пустых и незначительных людей, оттого мне кажется — и возникают у тебя настроения, подобные тому, которое побудило тебя написать несуразное твое письмище. Чудак ты.

Пока что — крепко жму твою лапу. Очень кланяюсь жене и матери твоей. Моя Катерина — все хворает. Разведусь с ней и женюсь на миллионше, которая предлагает себя в жены мне и даст один миллион, только один, стерва!

Ну, приезжай!

А. Пешков

Датируется по связи с письмом 79.

81. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Москва.> 25 февраля <1903 г.>

Алексей! Я был сильно пьян и не могу дать себе вполне ясного и точного отчета о происшедшем¹. Рвать при этих условиях отношения, рвать резко и навсегда, мне кажется невозможным и нелепым. Правда, что трезвый я один, а пьяный другой, правда и то, что я не отказываюсь нести последствия сделанного и сказанного в пьяном виде. Но мне нужно — и ты это поймешь — знать, что я сделал.

Ответь, если можешь. Если не хочешь отвечать, то молчание твое будет достаточным мне ответом, и я пойму.

Леонид Андреев

¹ Андреев приехал к Горькому в Нижний-Новгород около 12 февраля 1903 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 119). О поведении Андреева, находившегося в состоянии тяжелого опьянения, см. письма Горького к Пятницкому (в разделе «Горький об Андрееве»).

82. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Москва. 24 ... 25 сентября 1903 г.>

Алексей! Я хотел писать к тебе, когда буду посылать для прочтения свой новый рассказ — думалось, что из рассказа лучше, чем из моих объяснений ты поймешь, что я, настоящий я не в том пьяном дебоше, о котором стыдно вспоминать и говорить. Но дело затянулось, рассказ

приходится переделывать с начала, и когда он будет готов, не знаю; да и не могу я спокойно и хорошо работать, пока так или иначе не будет кончена эта история. Ты поверишь мне: за эти семь месяцев не было у меня дня, когда бы я о ней не думал и не разговаривал с тобою. И уже давно это стало невыносимо.

Невыносима мысль, что над нами, людьми разумными, может восторжествовать бессмыслица, что мы, люди хорошие, отдающие силы хорошей цели, можем разойтись из-за того, что один из нас, я, в течение нескольких часов, даже дней был сумасшедшим. Ведь если бы я заболел психически и совершил бы убийство или какую-нибудь гадость, ты не придал бы, конечно, никакого значения сумасшедшему поступку. А я, когда выпью, становлюсь настоящим сумасшедшим. Мною овладевают странные представления, в которых действительность искажается, как в кривом зеркале; я перехожу через ряд форменных маний, начиная обычно с мании величия, кончая манией преследования; последняя долго тянется и через похмельный период. Ломаю вещи, дерусь; меня часто били товарищи, приятели; били меня на улице, в участке; однажды, года четыре назад, чуть не выбили глаза. Я остаюсь на ногах, но совершенно теряю сознание и память. Если я выпью только две рюмки, я потом уже нехорошо помню свои и чужие слова; а когда напиваюсь, то как будто проваливаюсь в какую-то черную яму, из которой то выхожу благополучно, то разбитый, в кровоподтеках. И всегда для меня вопрос: что я вчера делал: или целовал, или оскорблял. Когда выпью две-три рюмки, то не могу уже не пить до конца. Прежде, давно, бывали счастливые периоды, когда я мог недели две-три пить, как и все; но кончалось всегда скандалом. Спроси у людей, которые знают меня давно, и они скажут: трезвый я никогда не сделал ничего дурного; пьяный я делал только дурное. Что у трезвого на уме, у пьяного на языке — корявая пословица: даже в зародыше не бывает у меня тех мыслей и желаний, какие являются у пьяного. В полном смысле слова: два различных человека.

Все, что я рассказывал, только увеличивало бы мою вину: человек знает, какой он пьяный, и пьет. Но в том-то и горе, что пьянство почти с начала было вне моей воли. И оттого оно было для меня непередаваемо страшно, как безумие, о котором человек знает, что оно каждую минуту может вернуться и захватить его. Так оно и бывало, и долго жизнь моя складывалась из страха перед водкой, пьянством со всем позором падения, снова страха и нестерпимого стыда. Если рассказать все об этом стыде, это было бы страшнее всех моих псевдострашных рассказов; но, к счастью или к несчастью, я не могу, не хватает силы даже думать. Ведь я всегда носил в себе человека, мечтал о благородстве слов и поступков, мыслей, даже о величии. Был маленьким Навуходносором, которого периодически превращали в скота, ставили на четвереньки и заставляли есть траву и все-народно мочиться. Оттого так много горечи, страха и тоски на моей душе и так мало самоуважения, за отсутствие которого ты бранил меня. Когда я подумаю о своих предшественниках и одноучастных, обо всех этих Н. Успенских, Решетниковых, Эдгарах¹, Фофановых, Помяловских, мне становится и легче и страшнее — ты понимаешь.

И уже давно я борюсь с водкой, и долго борьба была безуспешна, так как водка поддерживалась бессмыслицей моей жизни. Только с начала моего писательства и знакомства с тобою борьба стала успешнее, и постепенно, шаг за шагом, водка стала вытесняться из моей жизни. Стали появляться промежутки трезвости, сперва короткие и только при помощи гипноза (я лечился у Токарского)², потом более продолжительные и самопроизвольные. С одной стороны, писательство, в котором я нашел смысл моей личной жизни, с другой, два влияния — твое и Шурино сделали то, что водка стала редкою, умирающею случайностью; начал про-

«ТИПЫ НАШИХ БЕЛЛЕТРИСТОВ»

Карикатура А. А. Лабуца («Овода»)

Рисунок для журнала «Стрекоза», 1903,
№ 18, от 4 маяВверху (слева направо): П. Д. Боборыкин, Вас. И. Немирович-Данченко,
А. А. Потехин; внизу (слева направо):
Горький, С. Г. Скиталец, Андреев

Музей Горького, Москва

ходить страх, явилась надежда и радость освобождения. Последнее пьянство началось еще до Нижнего и было, вероятно, вызвано тем огромным возбуждением, которое пережил я с родами Шуры; был я вообще в эту пору, даже трезвый, какой-то чрезвычайно нелепый, глухой и странный; какие-то форточки закрылись в голове. И нервы взвинтились. Ты помнишь, как я ревел на твоём «На дне»³ или когда пел Шаляпин⁴. Когда я собирался ехать в Нижний, я уже бросил пить; началось с того, что в вагоне всю ночь не спал от зубов и раскис. А перед тобою мне не хотелось быть кислым, я и начал себя подбадривать. Понимаешь: хотел, чтобы ты лучше обо мне думал. И так кончилось.

Ты хорошо знаешь меня, я всегда был с тобою совершенно откровенен и не позировал, и если было во мне что-либо тебе дорогое и близкое, оно так и осталось. Ты любил меня как писателя и, если не ошибаюсь, и сейчас относишься хорошо — но ведь во мне неразделимы писатель и человек. Никогда не пишу я нарочно о том, чего сам не пережил и не перестрадал, и если тебе приятен тот, кто пишет эти рассказы, — это значит, что я тебе приятен. Бывают писатели, которые благородны и хороши только в силу своего огромного таланта; когда талант бездействует, они пошляки. У меня нет такого таланта, и если вещи мои нравятся, то потому, что они искренни — то есть правдиво выражают меня. Кстати: дошел до меня слух, что ты опасешься или допускаешь возможность, что я влезу по уши в мистицизм и пойду по стопам Достоевского. Это неверно. Достоевского я люблю, но не всегда понимаю, и он мне чужой. Я много думаю о жизни и о смерти и чувствую в них глубокую тайну, но отношение мое к этой тайне как к опущенной занавеси: хочется приподнять ее, а никак не залезать по ту сторону, в темноту, и там чрево-

вещательствовать. Возьми то: в писательстве я чувствую органическую связь с тобою (почему ты и был таким сильным пробудителем во мне всего, что спало), и ты так близок мне, как никто, хотя по первому взгляду мы совсем разные: ты силен, я слаб, ты свободен, а я нем и только ищущ свободы.

Говорю откровенно: мне кажется немислимым, невозможным, чтобы мы разошлись навсегда. Голова моя не может этого вместить. Я не могу представить, что ты перестал быть для меня тем, чем был с начала знакомства, чтобы в жизни мы пошли разными путями. Если же это совершится, то для меня в известном смысле это конец — в смысле полного крушения того мирозерцания, к которому я начал приходить. Если это совершится, то я перестану понимать всё; тогда значит нет земли под ногами; нет правды, нет смысла в жизни, ничего нет. Ведь и теперь я только держусь верою, что все это временное, что это разъяснится и пройдет. Я просто не могу представить, что это будет, когда ты словами или молчанием скажешь: конец.

Я не прошу тебя вернуть прежнее твоё теплое чувство, любовь, что ли. Быть может, все отвратительное, безобразное, что ты увидел тогда, так сильно перевернуло тебя, что ты уже не можешь, если бы захотел, хорошо и тепло отнестись ко мне. Я прошу тебя только о том, что в твоей воле: всмотрись, рассуди и реши: достоин ли я твоего неуважения или нет. Пойми, что это значит: твоё неуважение. Из всех людей, кого я встречал, только твоё мнение имеет для меня ценность. Мне бывает тяжело и неприятно, когда другие люди, хорошие, плохо думают обо мне, но с этим я легко могу бороться; их суждению, часто основанному на узенькой мерке мещанской морали или на глупости, я могу противопоставить более широкий и разумный взгляд, и я в конце концов могу осудить своих судей. Когда И. Бунин или Тимковский или Малянтович⁵ так или иначе выражают мне свое неодобрение, я довольно-таки спокоен; я знаю, что если захочу, сам выражу им свое неодобрение, да, пожалуй, покрепче и поосновательнее, чем они. Даже при моем пьянстве и падении, я не знал человека, на которого в моральном отношении мог бы смотреть снизу вверх. Другое дело — ты. Нам обоим будет совестно, если я подробнее остановлюсь на этом и изображу тебя, каким ты мне представляешься. Буду поэтому возможно краток. Во-первых, та иррациональная близость, связь, которая между мужчиной и женщиной создает любовь, а между мужчинами — дружбу, — она делает твоё мнение несравненно ценным, особенным. Затем, мозговое, ясное сознание, что по твоей жизни, по широте твоих взглядов, по отсутствию в твоих оценках момента узко личного — ты стоишь выше меня. Чувство такое, как будто мы — дети одной матери и ты — мой старший брат. Быть может, после того, что я надеялся, это самозванное родство покоробит тебя, но я, по времени, по крайней мере, имею право называть тебя «брат»: впервые, в письме я назвал тебя этим именем, когда ты сидел в Нижнем в тюрьме⁶. А с тех пор ничто во мне не изменилось.

Есть одна вещь, очень важная, о которой сейчас я не решаюсь говорить. Это по поводу Ю. Н.⁷ Есть у меня перед нею большая вина, но не в том заключается она, будто я имел на нее дурные виды: сказать последнее все равно, что сказать, будто я таскаю из карманов носовые платки или состою на жаловании в III Отделении. Быть может, после тебя ни к кому из сторонних людей не отношусь я с таким уважением, как к ней, — и подумать... Нет, Алексей, когда я начну насиловать родных сестер, тогда можно поверить и этому. Писать подробнее мешает то, что вообще в письме говорить об этом неудобно, а потом — ты и так должен, Алексей, поверить в мою честность. И если поверишь, почувствуешь, что правда, не могу же я воровать платки — тогда с радостью я расскажу тебе все,

без утайки. И ты же — тогда — скажешь мне, должен ли я поговорить с ней или нет; при *той* моей вине, какая действительно есть, лучше, быть может, не говорить.

Теперь рассуди и реши. Это очень, очень важно, ничего в жизни не было у меня такого важного. Это письмо, если найдешь удобным, покажи Екатерине Павловне, хотя я уверен, она уже и так поняла и простила меня, как поняла и простила Шура.

Буду очень ждать ответа. Напиши, хотя бы даже «конец» потому, что молчание страшно. Адрес мой: Москва, Грузины, Средний Тишинский пер., д. Шустова.

Позволь пожать твою руку.

Твой Леонид А н д р е е в

Не запечатывая своего письма, Андреев послал его Пятницкому для пересылки Горькому (см. раздел «Андреев о Горьком», № 48). Одновременно с письмом Андреев послал Пятницкому рукопись рассказа «Жизнь Василия Фивейского».

Датируется на основании письма Горького к Е. П. Пешковой от 27 сентября 1903 г.: «Л. Андреев прислал длинное письмо, очень хорошо написано. Нужно что-то делать для него, это очевидно. Я — рад. Он талантлив, как сатана. Но — должен будет извиниться перед Ал<ексеевым> и Мал<ининым>» («Архив Горького», т. V, стр. 86; вторая фамилия раскрыта там неправильно: Малиновский).

¹ Андреев имеет в виду Эдгара По (1809—1849).

² Ардалион Ардалионович Токарский (1859—1901) — психиатр, приват-доцент Московского университета; лечил гиннозом от алкоголя.

³ Премьера пьесы «На дне» в Художественном театре 18 декабря 1902 г.

⁴ Речь идет о бенефисе Шалапина в Большом театре 3 декабря 1902 г. (см. прим. 2 к письму 73).

⁵ Павел Николаевич Малайнович (1870—1939) — известный адвокат, защитник в политических процессах (дело Сирмунта и др.); министр юстиции в последнем составе Временного правительства. Рекомендовал Андреева в число сотрудников «Курьера». 9 сентября 1903 г. выступал в Московском окружном суде в качестве защитника Андреева по делу о литературно-музыкальном вечере в зале Благородного собрания (см. прим. 1 к письму 78).

⁶ См. письмо 23.

⁷ Юлия Николаевна Кольберг (1872—1954) — близкий друг семьи Горького, его товарищ по революционной работе в Нижнем-Новгороде.

83. ГОРЬКИЙ.—АНДРЕЕВУ

<Нижний-Новгород. 26 ... 28 сентября 1903 г.>

Дорогой мой Леонид!

— мне тоже давно надоела вся эта тяжелая и грустная история и если б ты не написал мне, я на днях был бы у тебя все равно. Не думай же о том, что вот именно ты сделал «первый шаг». Предупреждаю — потому, что знаю я силу того шпионского чувствованьица, которое называется человеческим самолюбием.

Прежде всего, — передай твоей жене, что все это время я считал себя виновным перед нею, считаю и теперь. Она поймет в чем. Я прекрасно помню ее взгляд на мою рожу, когда мы — ты, она и я — встретились в Ялте, на набережной. Вообще, в этой истории тяжелее всего было не нам с тобой, а третьим лицам¹.

Милый ты мой друг — напрасно ты столь длинно объяснял то, что я понимаю и без твоей помощи до ужаса ясно. Ты, кажется, думаешь, что обидел меня? Этого не было. Но ты очень обидел Алексина, которого я люблю, и Малинина², который попал зря в эту кашу. За них мне больно и неловко по сие время. Это мы устроим, разберем.

О Юлии не беспокойся, — ей эта история — как удар камнем человеку, идущему на смерть³. Она очень чуткая, умная, она уже давно во всем разобралась.

Знаешь ты, что меня страшно мучило после этой истории и почему я не могу до сей поры видеть тебя? Это чувство жалости и отвращения. Если б я видел любимую мною женщину насилуемой развратником и мерзавцем — я бы чувствовал себя вот так же, наверно. Я тебя люблю, не только как литератора-товарища — это не важно, — я люблю мятежную душу твою, поверь. Ты — огромный талант, у тебя — великое будущее. И ты — во власти этой темной силы, ты, так легко и просто разрушающий множества сил, тех, что держат в тесном плену предрассудков свободный дух человека. Это, брат, ужасно. Вот — трагизм!

Ты зовешь меня старшим братом. Да, я старше тебя, у меня больше опыта, только поэтому старше. Но у тебя больше таланта и ума. Тем тяжелее мне видеть тебя в плену безволия.

От этой проклятой болезни в тебе родилась боязнь чего-то, некий, непонятный мне, страх. Я — ничего не боюсь и страстно хотел бы передать тебе мое мужество, оно есть у меня. Что сделать, как внушить тебе необходимость лечиться? Теряюсь. А вижу — это возможно.

На днях у меня был Андреевич — Е. Соловьев, помнишь, из «Жизни». Он — наследственный алкоголик. Но вот уже третий год он не пьет и не чувствует надобности в этом. Лечился гипнозом. Теперь есть такая специя, приводящая человека в гипнотический сон. Слушай, попробуй всеяды, все кислоты, огонь — если нужно — но — освободи себя из унижения, из этой безволещины!

Все это время я читал твою книгу⁴, думал о тебе, расспрашивал. И мне было обидно, что ты мало пишешь.

Ну — ладно, скоро я увижу тебя. Кланяйся жене и матери. Крепко обнимаю.

Всего доброго тебе и — самоуважения прежде всего!

А л е к с е й

О мистицизме — сплетня. Ничего я не мог говорить о возможности для тебя утонуть в этом сером киселе.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ Горький жил в Ялте с 6 марта до 19—20 апреля 1903 г. Остановился он у А. Н. Алексина, с которым вместе выехал из Нижнего-Новгорода («Летопись», I, стр. 433, 438). 7 или 8 апреля в Ялту вместе с женой и матерью приехал искавший встречи с Горьким Андреев («Ялтинский листок», 1903, № 97, 15 апреля). Однако примирение между ними не состоялось: Андреев отказывался извиниться перед Алексинным, неосновательно полагая, что последний препятствует его решительному объяснению с Горьким (сообщено Е. П. Пешковой).

² Михаил Дмитриевич Малинин (спенический псевдоним Буренин) — певец, артист Русской частной оперы. 14 февраля 1903 г. вместе с Андреевым и Алексинным принимал участие в Нижнем-Новгороде в музыкально-литературном вечере в пользу общежития для детей учителей («Нижегородский листок», 1903, № 42, 12 февраля).

³ См. прим. 7 к письму 82.

⁴ «Рассказы» Андреева.

84. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Нижний-Новгород. 29 сентября ... 1 октября 1903 г.)

Душечка!

Относительно пребывания моего в Москве я уже уговорился со Скимунтом и останавлиюсь у него¹. Для меня это очень удобно и для тебя тоже, поверь. А надоесть тебе я могу, хотя и не буду жить у тебя.

Засим: а. Так как ты женат на нижегородке и несколько раз бывал в Нижнем — это обязывает тебя принять участие в «Нижегородском сборнике»², издаваемом в пользу фонда для постройки общежития детям учителей народных школ. В сборнике этом принимают участие все ниже-

«ДЕЛО ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ» ОБ АНДРЕЕВЕ, 1903 г.

Обложка

Центральный государственный архив Октябрьской революции,
Москва

городцы — Минин, Пожарский, Никон, Аввакум, Добролюбов, Кулибин, Сперанский, Пушкин, Боборыкин ³, я, Короленко, Елпатьевский ⁴, Анненский ⁵, Чириков, Шаталец ⁶ и другие.

б. Напиши одноактную пьесу для Художественного театра. Еще напишут: Чириков, Шаталец и я. Будет четыре акта ⁷.

в. Напиши хороший рассказ — без венерических болезней, если тебе нетрудно ⁸. И Скиталец, и Чириков, и я, и Чехов — все мы сделаем то же. В январе выйдет литературный сборник «Знания» № 1 ⁹. Понимаешь? Польза сего предприятия для нас и публики должна быть понята тобою без разъяснений. Впрочем — поговорим при встрече. Но — чур! — чтобы в газете «Курьер» не печатали «В скором времени имеет выйти...»

Где «Бунт»? Пишешь ты его? ¹⁰

Я пишу письма. Противное занятие.

Жене твоей поклон. Моя — <...> занимается покупкой разных шкафов. Уже купила одиннадцать, пока — больше в городе нету. Если тебе придет когда-нибудь в голову сделать ей удовольствие, сообщи где продается большой подержанный шкаф. Очень большой. Чем больше — тем лучше.

А л е к с е й

Датируется по содержанию.

¹ Горький приехал в Москву 3 октября 1903 г. В Нижний-Новгород вернулся 8 октября («Летопись», I, стр. 449).

² В 1902 г. Общество взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губ. решило выпустить литературный сборник для пополнения своих средств. Горький предложил Обществу издать сборник в «Знании» и взял на себя его редактирование. Состав авторов сборника был значительно расширен. В нем приняли участие Горький, Короленко, Елеонский, Гусев-Оренбургский, Андреев, Гарин-Михайловский, Боборыкин, Телешов, Тан-Богораз, Куприн, Белоусов, Щепкина-Куперник и др. «Нижегородский сборник» выдержал четыре издания (каждое тиражом в 10 500 экз. Первое вышло 9 марта 1905 г.).

³ В «Нижегородском сборнике» напечатаны воспоминания П. Д. Боборыкина «Учитель».

⁴ Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854—1933) — писатель-народник, земский врач, ближайший сотрудник «Русского богатства», единомышленник Михайловского. За принадлежность к «Народной воле» в начале 1880-х годов был арестован и выслан на три года в Восточную Сибирь. С конца 1880-х годов жил в Нижнем-Новгороде и Крыму. В 1906 г. — один из основателей мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии (энесы). С Горьким познакомился в Нижнем-Новгороде в 1890-х годах. В 1897 г. в Крыму осматривал Горького, обратившегося с просьбой о ссуде для лечения в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Летопись», I, стр. 193). В «Нижегородском сборнике» не участвовал. Рассказы Елпатьевского изданы «Знанием» в трех томах в 1904 г. Письма Горького к Елпатьевскому — см. «Архив Горького», т. VII. Воспоминания Елпатьевского о Горьком вошли в его кн.: Воспоминания. За 50 лет. Л., «Прибой», 1929.

О взаимоотношениях Андреева и Елпатьевского — см. С. Я. Елпатьевский. Леонид Николаевич Андреев. Из воспоминаний. — «Былое», № 27-28, 1924, стр. 275—281. В ИМЛИ хранятся семь неопубликованных писем Андреева к Елпатьевскому. В последнем из них, посланном из Рима 18 марта 1914 г., Андреев писал: «...я хочу сказать вам, что по-прежнему, нисколько не меньше, я люблю и уважаю вас, испытываю к вам то особенное очень теплое и дорогое для души чувство, которое стоит даже ближе к влюбленности, чем к дружбе...». Одной из причин последующего «внешнего отчуждения» и отдаления своего от Елпатьевского Андреев объяснял неприятием Елпатьевским поздних произведений Андреева. «Ваше же отрицательное отношение к „Жизни человека“, которая не была для меня литературой, а мной самим, моей душой — только укрепило меня в той мысли, что внутренне я для вас далекий и малоинтересный человек (...), дальнейшие события в моей жизни и дальнейшая литература моя не вызвали в вас ни радости, ни сочувствия, ни даже особенного интереса».

⁵ Николай Федорович Анненский (1843—1912) — публицист, экономист, статистик. В 1860—1870-х годах примыкал к революционному народничеству, сотрудничал в журналах «Дело» и «Отечественные записки». В 1880 г. подвергся административной высылке в Тобольскую губ. С 1894 г. становится сотрудником «Русского богатства». Председатель С.-Петербургского литературного общества, член комитета Литературного фонда. В 1901 г. принимал участие в демонстрации у Казанского собора. В 1903—1905 гг. — один из организаторов «Союза освобождения», а в 1906 г. — в числе основателей и руководителей Трудовой народно-социалистической партии. Горький познакомился с Анненским в Нижнем-Новгороде в конце 1880-х — начале 1890-х годов («Летопись», I, стр. 73). Задуманные в 1912 г. воспоминания Горького об Анненском впервые были опубликованы в кн.: Горький. Воспоминания. Рассказы. Заметки. 1927 (XVII, 92—96), а письма к Анненскому 1895—1897 гг. — XXVIII, 17—19.

В «Нижегородском сборнике» Анненский не участвовал.

⁶ Произведения Чирикова и Скитальца в «Нижегородском сборнике» не печатались.

⁷ Этот замысел не был осуществлен.

⁸ Подразумевается рассказ Андреева «В тумане».

⁹ Сборник товарищества «Знание» за 1903 г. (кн. 1. СПб., 1904) вышел в свет 16 марта 1904 г. Содержание его составили произведения: Андреева — «Жизнь Василия Фивейского», Бунин — стихотворения и рассказ «Чернозем», Вересаева — «Перед за-весой», Гарина — «Деревенская драма», Горького — «Человек», Гусева-Оренбургско-го — «В приходе», Серафимовича — «В пути» и Телешова — «Между двух берегов».

¹⁰ См. прим. 7 к письму 34.

85. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 20 ... 28 ноября 1903 г.)

Милый мой Алексеюшка! Димка не совсем здоров, и нам с Шурой больно уезжать. Поедем в СПб. в воскресенье или понедельник. А пока, чтобы не задерживать печатания и перевода, посылаю рассказ — но дело вот в чем: последние четыре страницы набирать и посылать не нужно, так как хочу я их сильно переделать. Именно: меньше слез и больше

бунта. Под самый конец Василий Фивейский распускает у меня юни, а это не годится, и даже по отношению к этому человеку мерзко¹. Он должен быть сломан, но не побежден. Я бы уже поправил, что нужно, да совсем сейчас не работает башка; похож я сейчас на старую грязную портянку, вымоченную в снятом молоке.

Хотелось бы мне сказать несколько слов о тебе и о моем некотором чувстве — но лучше не говорить. Правда? Ты и так понимаешь, а слова — они лгут.

Поклонись Константину Петровичу.

Крепко жму лапу.

Твой Леонид

Р. С. Голоушев прочел рассказ на ночь и в окно видел чертей.

Датируется по содержанию и письму Горького к Е. П. Пешковой из Петербурга от 3 или 4 декабря 1903 г. («Андреевы — всё еще здесь. Сегодня уезжают». — «Архив Горького», т. V, стр. 88). Горький из Москвы выехал в Петербург 19 ноября 1903 г. В этом году воскресенья приходились на 23 и 30 ноября.

¹ Речь идет о рассказе «Жизнь Василия Фивейского». 24 декабря 1903 г. Пятницкий выслал один экземпляр рукописи Мархлевскому для перевода на немецкий язык. Корректуру «знаниевского» экземпляра Пятницкий отправил автору 30 января 1904 г. (АГ).

86. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний-Новгород. Декабрь 1903 г.⟩

Глубокоуважаемый собрат и порнограф Леонид Николаевич!

Пишу вам, м. г., совершенно официально и даже хотел писать на подлинном бланке О-ва вспомоществования учащимся женщинам в Москве, но сообразил, что слишком вы зазнаетесь, ежели вам еще на бланке, да к тому же они, бланки-то эти, не линованы, а я на нелинованной бумаге не умею писать — выходит криво.

Если лучи позорной вашей славы еще не совсем ослепили бесстыжие зенки ваши и вы не настолько еще погрузились в бездну эгоизма и ушли в темную даль самомнения, так вы, я надеюсь, — поймете, как важно для всей России теперь, накануне японской войны, неурожайного года и преждевременной моей смерти от безалаберной жизни, а также и накануне конституции, которая избавила бы меня от множества совершенно лишних хлопот, — женское образование и общежитие для женщин, которые учатся в разных заведениях различным наукам.

М. г. — это необходимо, говорю вам! Трагическая судьба женщины должна быть известна всякому женатому человеку, который живет со своей, а не с чужой женой и под одной с нею крышей, а не на разных улицах, что крайне неудобно, хотя не столь, как проживание в разных городах. Женщин надо любить и уважать за это. Будет! Достаточно мы истязали их в течение тысячелетий, — теперь настала их очередь, — и потому вы обязаны помочь им для устройства общежития, которое положительно необходимо для людей, которым негде жить и о которых мы все должны заботиться, как тому учили нас разные почтенные пророки, литераторы и прочие надоедники.

Дорогой собрат! Вперед! И — да здравствует общежитие, в пользу которого я и пишу вам это убедительное письмо.

Ух! Жизнь шагает широкими шагами все вперед и выше — как хорошо, что она без панталон, ибо столь быстрого движения никакая материя не выдержит — непременно разорвется в паху.

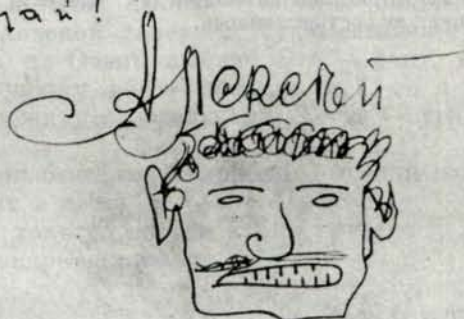
Мы все должны поспевать, кто куда намерен — такова обязанность наша и ни черта, брат, не поделаешь, хоть иногда устаешь.

верно, брат, не подлинно, хотя иногда читается.

Иногда-таки выходящего, а иногда, дама
точно было видно в темноте неслучайно
и только как бы тогда доузнали все это почитать
то - действительно!

Возвращение проведи снова сто-х
принимаясь делами.

Ожидая-же книга проку Баер
раздана всем, дамы и их написание.
Троцкая!
Скучно!

ОБЩЕСТВО

ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ

УЧАЩИМЯ ЖЕНЩИНАМЪ

въ Москвѣ.

СОВѢТЬ —

Учители Тенетова и Сера-
фимовича. Дайте разданы
эти сочинения! Не уреш
а или дадут и сами на
беломых? О, конечно!

убавляя цену и книги для
сборниковъ въ ихъ посоль-хо-
рошие раздачи.

Очень простой советъ

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ ДЕКАБРЯ 1903 г.

Последний лист

Собрание В. Л. Андреева, Женева

Итак — из вышеизложенного, я полагаю, достаточно ясно видно, в чем именно дело, — и так как вы тоже должны всё это понимать, то и — действуйте!

В удостоверение правды слов моих приклеиваю бланк.

Остальные же письма прошу вас раздать тем, кому я их написал.

Прощай!

Скучища!

А л е к с е й ¹

Умоляю Телешова и Серафимовича дать рассказы для сборника! ² Неужели я им должен писать на бланках? О, жизнь моя, уважай женщин и пиши для сборников в их пользу — хорошие рассказы.

Очень простой совет.

Внизу последнего листа наклеен бланк Совета Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве.

Датируется по содержанию. См. о том же письма Горького от декабря 1903 г. к Куприну, Гарину-Михайловскому («Архив Горького», т. VII, стр. 47) и Чехову (XXVIII, 298).

¹ Под этой подписью нарисован автошарж (см. оборот).

² Издание сборника не осуществилось.

1904

87. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Нижний Новгород. 4 ... 6 января 1904 г.⟩

Милый мой Леонидка — получил твое письмо и почувствовал себя несколько виноватым перед тобой.

В Москве я был, а у тебя — не был и это — нехорошо¹, ибо — за одним исключением — я тебя люблю в Москве больше всех — Василия Блаженного, Третьяковской галереи, Художественного театра, Румянцевского музея и т. д. Очень люблю! Это — факт. Буду я в Москве 10-го, но тебя — не увижу, ибо — некогда, и 11-го я уеду в Пензу², а приеду — 15-го и проживу с неделю, да. Тогда — увидимся, поговорим и прочее такое.

Когда узнаешь день бенефиса Федорова — пошли жене и Пятницкому телеграммы и зови их в ложу № 13-й³. Прошу!

Об «Орле» читал, хохотал, потом стало грустно⁴. А ты — прелесть! Жене твоей Лександре — привет!

Мне некогда.

Твой А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ Письмо Андреева не сохранилось. В Москву Горький приехал 29 декабря 1903 г. 31 декабря он был на новогоднем банкете в Художественном театре, а 3 января 1904 г. выехал в Нижний-Новгород («Летопись», I, стр. 458, 459, 463). О новом приезде в Москву Горький сообщал из Нижнего-Новгорода Пятницкому 7 января 1904 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 150. См. также телеграмму Горького № 88). Здесь же он писал: «Посылаю три письма Леонида, — спрячьте их, они имеют большое значение для его характеристики и, со временем, пригодятся...». Вероятно, речь идет о письмах № 81, 82, 85.

² Поездка в Пензу была предпринята Горьким по конспиративным делам. Через большевика Н. М. Флерова он установил связь с секретарем земской пензенской губернской управы И. Ф. Блиновым, который снабжал революционеров паспортами. Горький получил от Блинова чистую паспортную книжку и 16 января 1904 г. выехал обратно в Москву, вскоре он направил к Блинову за паспортами двух подпольщиков (см. А. В. Храбровицкий. Зачем Горький ездил в Пензу? — «Пензенская правда», 1958, № 61, 26 марта).

³ Бенефис Шалипина в Большом театре — 16 января в опере А. Г. Рубинштейна «Демон». О дне бенефиса Андреев телеграммами предупредил Пятницкого и Е. П. Пешкову. Горький и приехавшая из Нижнего-Новгорода Пешкова были на спектакле и чествовании Шалипина («Летопись», I, стр. 465).

⁴ Возможно, подразумеваются сообщения печати о строительстве эскадренного броненосца «Орел», заложенного в Петербурге 20 мая 1900 г. Близкая к правительственным кругам пресса рекламировала строительство броненосца как доказательство военной мощи самодержавия. Однако в процессе постройки корабля обнаружились существенные недостатки его конструкции. Впоследствии, 14 мая 1905 г., в сражении при Цусиме броненосец получил тяжелые повреждения и был захвачен японцами (В. П. Костенко. На «Орле» в Цусиме. Л., Судиромгиз, 1955).

88. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

<Нижний-Новгород. 7 января 1904 г.>

Около пятнадцатого буду Москве. Крепко обнимаю.

А л е к с е й

<Адрес:> Москва, Грузины. Средне-Тишинский пер., дом Шустова. Леониду Андрееву.

Дата на телеграфном бланке. См. также прим. 1 к письму 87.

89. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Сестрорецк. 4 февраля 1904 г.>

Здесь прекрасно ¹, вот что я тебе скажу, милый Леонид. За сто в месяц я имею комнату емкостью с манеж, высота потолков — 10 саженей, электрическое освещение, каток, лыжи, ресторан, замерзшее море — пневматический ингаляторий, русские и римские бани, души, ванны, обливания, над входом надпись «in corpore sano — mens sana» * — и никаких людей!

Тишина. Сосны, осыпанные снегом. И море — ровная, гладкая пустыня, безмолвная и прекрасная.

Нужно оговориться — «ингаляторий» — я не знаю, что это такое, но очевидно что-то очень полезное — ингаляторий — не действует. Души, ванны, бани — тоже не действуют, они — только дважды в неделю могут «оказывать влияние» — как говорит заведующий блаженством. Но это ничего — я и без воды умею охлаждать себя. Роль душа Шарко с успехом может быть заменена небольшим приемом скептицизма.

Нет, серьезно — здесь очень хорошо. Знаешь — вроде острова Дьявола или Св. Елены². Через каждые два часа из Питера приходит поезд и привозит новости. Я читаю телеграммы и отравляюсь «патриотизмом». Но — это неопасно, хотя возмущает³.

В тревожное и спутанное время нужно оперировать с точными принципами или мнениями — из них же первое: воюют правительства, а не народы, и воюют для упрочения своей власти, а не в интересах страны. Ну, и пускай воюют. Бьют народ? А конечно! Его всегда били, бьют и будут бить, и это до поры, пока он не научится уважать себя. А газетчиков я бы перевешал, разумеется, не на здешних соснах. Вот — сволочь! Как лгут, что говорят! И — пользуясь удобным случаем — все сводят счеты с нами. Так Н. Энгельгардт в сегодняшнем, 4-го, «Новом времени» между прочим дал тебе локтем в бок за рассказ «Оригинал» — помнишь — «А я люблю негрятенок!»⁴

Вообще, Леонидушка, — «прошли наши веселые деньки — наступают слезовые времена» — травить нас будут усердно, так и знай. Но «знай край, а не падай!» Сочиняй себе и плюнь на всё. Я вот сижу и с удовольствием сочиняю⁵. Вещь будет тихая, жидкая, но это — ничего. Потом я поправляюсь. Так же и ты, мой друг, работай и — конечно! Война — жестокая глупость, а литература — воистину война человека супротив людей за свою свободу. Я философствую и плохо. Это — от ноги. Нога у меня, видишь ли, болит и так она, шельма, болит, что я ходить не могу. Замечательно болит! Как зубы, примерно.

Поклонись от меня Викентьичу и поклонись ему очень. Хорошая он душа и голова у него на месте⁶.

Засим остаюсь на одной ноге.

Твой А л е к с е й

* «в здоровом теле — здоровый дух» (лат.).

Александр Михайловне — поклон.

Может быть, ты сюда съездишь? Если — да, то не раньше второй недели поста, ибо — завтра, а то в пятницу я поеду дён на пять в Варшаву город ⁷. А в конце первой — буду в Питере ⁸. Поезда ходят сюда через каждые два часа, в часы нечетные и время езды — час 15 минут.

Обнимаю.

А.

Датируется по упоминанию статьи в «Новом времени» от 4 февраля 1904 г. (см. прим. 4).

¹ В Сестрорецк, в санаторий Горький приехал 1 февраля 1904 г. и пробыл до середины апреля, часто совершая поездки в Петербург («Летопись», I, стр. 468—474).

² Намек на места пребывания Дрейфуса и Наполеона.

³ В ночь на 27 января 1904 г. японские миноносцы совершили внезапное нападение на русскую Тихоокеанскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Начало войны ознаменовалось проведенными с одобрения властей «патриотическими» демонстрациями в Петербурге, Москве и других городах. Горький имеет в виду, в частности, статьи в петербургских газетах об организованной полицией 27 января 1904 г. «манифестации» черносотенцев и монархически настроенной части студенчества перед Зимним дворцом (см. письмо Горького к Е. П. Пешковой от 4 февраля 1904 г. — «Архив Горького», т. V, стр. 96).

Русско-японская война в художественном творчестве Горького тех лет не получила отражения. Лишь в 1911 г. он напечатал посвященный войне первый рассказ из цикла «Жалобы» в «Современнике», № 1, и в газете «Руль», № 274 и 275, 31 января и 3 февраля (X, 210—226). В сборниках «Знание» он поместил «Путь» Л. Сулержицкого (кн. 9, 1906), «Отступление» Г. Эрастова (кн. 13, 1906), записки «На войне» Вересаева (кн. 17—20, 1907—1908) — правдивые свидетельства о русско-японской войне очевидцев, противостоящие писаниям буржуазных литераторов и журналистов (см. статью П. С. Выходцева «Русско-японская война и литература 1905—1907 годов». — Сб. «Революция 1905 года и русская литература». М.—Л., 1956, стр. 280—320).

⁴ Николай Александрович *Энгельгардт* (1867—1942) — реакционный публицист и литературный критик; с конца 1890-х годов один из ведущих сотрудников «Нового времени», автор «Истории русской литературы XIX столетия», тт. I—II (СПб., изд. А. С. Суворина, 1902—1903). Горький имеет в виду рассказ Андреева «Оригинальный человек» (см. прим. 1 к письму 71) и статью Энгельгардта «Мысли кстати. Работа русского таланта» («Новое время», 1904, № 10029, 4 февраля), в которой тот с раздражением вспоминал о прошлом, когда «всякий пошлейший порнографический рассказик, вроде „Он любит негрityнок“, мгновенно перепечатывался во всех провинциальных газетах, причем обязательно ему предпосылалась передовая, в которой публике объясняется все значение этого „шедевра“».

⁵ Речь идет о пьесе «Дачники». См. о ней прим. 4 к письму 98.

⁶ Викентий Викентьевич *Вересаев* (1867—1945) — псевдоним Смидовича. Участник телешовских «Сред» и сборников «Знание». Письма Горького к Вересаеву за 1899—1925 гг. — см. «Архив Горького», т. VII. С Андреевым Вересаев познакомился в Ялте в мае 1903 г. Воспоминания Вересаева об Андрееве — см. *В е р е с а е в*, т. V, стр. 395—421 (здесь приведены и письма Андреева).

⁷ О предполагаемой поездке в Варшаву Горький писал Е. П. Пешковой 4 февраля 1904 г. Поездка не состоялась («Архив Горького», т. V, стр. 96, 98).

⁸ В Петербург из Сестрорецка Горький приехал 27 февраля 1904 г. («Летопись», I, стр. 470).

90. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 6 ... 7 февраля 1904 г.⟩

Время мне положительно не нравится. Приятно жить после Крымской кампании ¹, но переживать ее как-то все-таки стыдно. И гадко. Удивляет количество дураков — я никак не думал, что их так много в России. И всякий дурак как-то неуловимо отликает в мерзавца, что-то вроде абрамцевской майолики, трудно распознать материал и краски. И вероятно в Крымскую кампанию было чище, приличнее, не так зазывательно и граммофонно. Видно, что года не прошли даром; в постановке массовых движений и звуков сказывается несомненное влияние Художественного театра, но, как всегда на казенной сцене, вышло немного сухо, от Брута

отдает городовым и «умереть за отечество» звучит как немедленное приглашение в участок². Патриотические сцены были поставлены хоть и с претензиями, но из рук вон плохо; по моему глубокому убеждению, для патриотов трезвость особенно необходима в виду ответственности, на них возложенной. Иначе возможны недоразумения, в высшей степени неприличные. Качаются, это ничего, это даже красиво, так как дает образ «волнующегося моря», сбивают шапки с прохожих и даже бьют, это опять-таки допустимо и оправдывается обстоятельствами (Гречанинова, рассказывают, так хватили по голове, что он хочет писать нового Добрыню³), — но разве это хорошо, разве это прилично, разве это допустимо законами божескими и человеческими: сбить фуражку с пристава и поставить его на колени прямо в лужу? Или таскать серебро из трактиров и потом с натяжкой оправдываться, что означенное серебро расплавилось на огне патриотических чувств?⁴ Если даже допустить такой необычайный факт по отношению к серебру, то все же остается невыясненной и загадочной участь многочисленных часов, среди которых были и стальные.

Равным образом нерациональным кажется мне и способ, посредством которого население столицы было возвращено к мирной и повседневной деятельности: его били палками и даже тесаками⁵. Это создало много в высшей степени трагических *qui pro quo**: некоторые патриоты, по рассказам, кричали: «Что же это такое? Раньше по двугривенному платят, а теперь за это самое по шее бьют?» А им будто бы отвечали: «Молчать, сукины дети! Поорали и буде!» Это патриота-то! Защитника отечества! Творца мощных настроений, к которым с трепетом прислушивается потрясенная Европа. Кстати, в Японии, по газетам, совсем нет патриотизма, и это придает их действиям, на мой взгляд, отвратительный характер: простительно, когда дерутся люди возбужденные, но холодно, спокойно, безо всякого подъема чувства топить чужие хорошие броненосцы, прямо-таки гадко. И участие в бою трех королевских принцев свидетельствует только о некультурности страны: конечно, когда нет балета, поневоле полезешь драться, от одной скуки — но разве это достойно их высокого сана? Азиаты, сумевшие схватить только вершки европеизации, а до сути недомедшшие, хамо-идолы, мерзавцы, подлые макаки!

Журналистов бы я тоже перевешал. Удивительно, откуда сразу столько сволочи высыпало. Но встречаются и другого рода, особенно в провинциальных. В одной статье проводится параллель между Крымской кампанией и теперешней, довольно прямо ставится вопрос, что лучше для нас, победа или поражение, так как «времена предшествовали обоим войнам одинаково туманные»⁶. Там же патриоты деликатно усовещиваются не сбивать шляпок с дам. Литературный кружок московский оказался на высоте: сейчас получил повестку на общее чрезвычайное собрание — намереваются жертвовать⁷. Усиление флота при посредстве штрафов за карточную игру — веселенькая блинная комбинация. Бессмыслица жертвовать, когда денег, золота так много, что приходится печатать для размена бумажки. Последнее обстоятельство, между прочим, сильно приободрило «Курьер» — он не знал, куда девать старую бумагу, а теперь понял ее ценность и платит сотрудникам старыми номерами.

Скверно, позорно. Говорят, было много арестов. Арестован неизвестно за какие провинности рыжебородый Стааль⁸, адвокат; арестован Никифоров⁹ и уже выслан будто бы на пять лет в Восточную Сибирь.

К тебе едва ли приеду. Скоро, вероятно, тронусь в Крым, подальше от газет и от народа. Пишется плохо, хотя нужно бы парочку рассказиков для второго тома. Интересно все-таки, как война отразится на сборнике

* недоразумений (лат.).

АНДРЕЕВ

Портрет маслом Л. О. Пастернака, 1900-е годы

Музей Горького, Москва

и на книгах. Думаю, что интерес к войне, если не будет особенных осложнений, скоро ослабеет. Как-никак, а публика все же слишком культурна, чтобы долго отдаваться некультурным интересам. Конечно, публика «Новостей дня»¹⁰ и прочих, читатели бульварных кровавых романов прилипнут к войне, но даже и мещанину мало-мало обтесанному скоро приестся патриотизм и захочется Бальмонта. Все-таки понижение уровня, на время, будет значительное — а за ним еще более значительное повышение. Люди помолодеют, поглупеют и оттого поумнеют. Во всяком случае, теперешняя собачья старость немножко отойдет. Я первый раз сознательно переживаю войну, и в сущности ужасно интересно. Человек не то обнажается, не то что-то привходит, но становится он другим и переоцениваются некоторые новые ценности и проясняются дремавшие понятия. Точно стояли без работы несколько станков и уже заржавели, а теперь приходится пускать их в ход. Что значит я русский? Огромный вопрос, и вовсе не так легко решается. Туся Крандиевская¹¹ хочет идти в сестры милосердия, спрашивает мнения — тоже вопрос, при котором особенно чувствуется необходимость твердого руководящего принципа. Сказать «не мое дело» (относительно войны) можно, но почувствовать это трудно — а почему я разумнее моих чувств? Их тоже понимать надо. Где во мне сидит отец, где дядя, и где я сам? Любопытно проверить себя, рассмотреть фундамент, корни. Все это смутно, сумбурно, но опять-таки интересно. И то чувство умаления, которое переживаешь, очень красноречиво. Обычно внутренняя жизнь бывает так сильна, что людей и их жизнь чувствуешь слабо, ихняя жизнь кажется неподвижной — а теперь я сижу тут, за тем же столом, а там широкое движение сотен тысяч, миллионов. Много страданий, мужества, огневой, стихийной жизни. Мир как представление исчезает, остается мир как воля. И земля стала меньше, компактнее. Мне постоянно представляется картина: океан, снежная буря, валы, мрак и прорезает их японская миноноска. И стоит японец, офицер, с японским лицом, умный, смелый и совсем особенный в своих переживаниях — немножко вроде марсианина. Стоит и смотрит вперед — что он видит?

Скоро еще напишу. У тебя нога (Шура от твоей ноги пришла в ужас), а у меня шея (к ней она привыкла). Просто смерть надоело хворать. Викентичу с удовольствием поклонюсь — милый он человек, серьезный и даже несколько торжественный. Не живет, а марширует и о каждой вещи спрашивает, сколько она стоит. Живет со значением.

Очень рад, Алексеюшка, что ты пишешь. Очень рад, что ты написал мне — твой почерк на конверте радует меня, как когда-то любовные письма. А рассказ о Василии Фивейском если не совсем дрянь, то все-таки «оставляет желать многого». А Шалапин мне тоже не совсем нравится — он начинает относиться к себе с благоговением. Видел я его в постели, в три часа дня — и был он очень похож на римского императора — времен упадка. Крупный, красивый, сильный — и изнеженный.

Крепко жму руку и крепко целую тебя.

Твой Л е о н и д

Датируется по содержанию (см. прим. 4 и 5).

¹ В связи с исполняющимся в 1904 г. пятидесятилетием обороны Севастополя в печати навязчиво проводились параллели между Крымской и русско-японской войнами, всячески подчеркивался их «патриотический» характер, мнимое единство правительства и народа в борьбе с внешними врагами.

² Андреев иронически сопоставляет «патриотические» манифестации в Москве 29, 30 января и 1 февраля по случаю начала войны с Японией с массовыми сценами спектакля «Юлий Цезарь» Шекспира (см. Вл. И. Немирович-Данченко. Режиссерский план постановки трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Московский Художественный театр. 1903. М., «Искусство», 1964).

³ Александр Тихонович *Гречанинов* (1864—1956) — композитор, дирижер и педагог.

Премьера оперы «Добрыня Никитич» состоялась в Большом театре 14 октября 1903 г. с Шаляпиным в главной роли.

⁴ О краже столового серебра в ресторане «Эрмитаж» писали «Новости дня», 1904, № 7421, 3 февраля; в № 7423, 5 февраля было сообщено, что это оказалось слухом, который не подтвердился.

⁵ Подразумевается «обращение» к населению Москвы генерал-губернатора в. к. Сергея Александровича, опубликованное московскими газетами 3 февраля. Поблагодарив «манифестантов» за выражение «верноподданнических чувств», генерал-губернатор призывал их «возвратиться к спокойной, повседневной работе».

⁶ Источник цитаты не установлен.

⁷ 3 февраля 1904 г. на заседании дирекции Литературно-художественного кружка было решено предложить общему собранию членов пожертвовать из средств кружка 5000 рублей в распоряжение городской думы для помощи семьям раненых и убитых воинов. Общее чрезвычайное собрание кружка 11 февраля одобрило предложение дирекции и постановило дополнительно открыть подписку на нужды армии и флота («Русские ведомости», 1904, № 36, 5 февраля и № 42, 12 февраля).

⁸ Алексей Федорович *Стааль* (р. 1873) — московский присяжный поверенный, защитник в политических процессах. Примыкал к «Союзу освобождения». 2 февраля 1904 г. был арестован в Москве по делу «Союза учителей социалистов-революционеров», но за недостаточностью улик выпущен на свободу 11 февраля. В ноябре 1905 г. был арестован вторично как участник учредительного съезда Всероссийского крестьянского союза. Освобожденный под залог 26 марта 1906 г., эмигрировал во Францию. При Временном правительстве занимал пост прокурора Московской судебной палаты.

⁹ Лев Павлович *Никифоров* (1848—1917) — народник, позже — эсер. В 1869 г. за участие в студенческих волнениях подвергся заключению в Петропавловскую крепость, находился в ссылке. С 1895 г. поселился в Москве. Переводил с французского. Автор компилятивных работ о Л. Н. Толстом: «Афоризмы и избранные мысли Л. Н. Толстого», изд. 2-е. М., 1912; «Кем был Л. Н. Толстой? (По лучшим отзывам русской печати)», сб. 1. М., 1912 и биографического очерка о Джоне Рёскине (М., 1896). В «Курьере» (1902, № 241, 246 и 263, 1, 6 и 23 сентября) опубликован биографический очерк Никифорова о Толстом, написанный им еще в 1891 г. для отдельного издания в пользу голодающих.

¹⁰ «Новости дня» (М., 1883—1906) — ежедневная политическая, общественная и литературная газета умеренно-либерального направления. С конца 1896 г. фактический редактор газеты — журналист и театральный критик Н. Е. Эфрос.

¹¹ Наталья Васильевна *Грандиевская* (1889—1963) — поэтесса, впоследствии жена А. Н. Толстого. См. ее воспоминания о Горьком: «Гранатный переулочек». — «Звезда», 1939, № 9, стр. 167—172.

91. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 11 ... 14 февраля 1904 г.⟩

Милый Алексеюшка! По причине шеи, ног, рук и прочих частей моего благородного тела — сижу дома под фармакопическо-диетическим арестом. И скучаю. И злюсь, как теща. Сперва шею скривило в одну сторону — не мог писать: потом загнуло ее в другую — тоже неудобно; теперь задрало голову вверх — могу писать только на потолке, но на потолке можно писать только образа. Дело неподходящее. Не обижайся, если в этом письме я буду смотреть на тебя сверху вниз: не в надменности причина и не в верхоглядстве, а в испорченной физиологии. И то, что д-р философии г-жа Безобразова на днях прочтет лекцию в Историческом «О долгах Ницше и Л. Андреева», отнюдь не исполняет меня гордостью¹. Я скромн. Я очень скромн и когда заговаривают о долгах, я удаляюсь.

Думаю, что я не очень поражу тебя, если к вышеизложенному добавлю, что у меня болит живот. Но в животе помещается настроение, и когда просят об изгнании духа уныния и празднословия, то обращаются именно к владыке живота. И у меня в животе настроение скверное — ничего не желаю, не хочу, бери меня за рубль за двадцать.

Было на «Среде» продолжение доклада². Часть положительная. И было скучно. И многим даже захотелось умереть из малодушного и даже позорного нежелания дожидаться этого счастливого времени. А время будет поистине счастливое: всяческая добродетель войдет в привычку, разные дисгармонии исчезнут, как дым, и люди станут столь доброжелательны, столь деликатны и осторожны, что ихние мозоли, доселе подвергавшиеся постоянной опасности от неделикатного обращения, впервые выйдут на свет и будут свободно развиваться в атмосфере любви, уважения и ласки. Насчет мозолей я впрочем от себя — а по точным выводам доклада, мозолей тоже не будет, они погибнут от стыда — и поверишь ли, друг мой, до чего я человек XIX века — мне до смерти жаль стало моих мозолей! Что за чертовщина, почему все мы так боимся счастья и гармонии? И почему мне кажется, что музыка будущего будет заключаться не в гармонии, а в роскошнейшей дисгармонии?

Говорил он о «проклятых вопросах» и был похож на человека, который очень дельно рассуждает о пьянстве, а сам никогда пьян не был. Быть пьяным — это выпить столько-то литров алкоголя, шататься, говорить ерунду, заложить часы и ночевать в участке. Чтобы не быть пьяным — нужно не выпивать столько-то литров алкоголя, и всё тут. Сейчас есть проклятые вопросы, а тогда их не будет — не потому, чтобы они были решены, а просто потому, что гармоничному существу они в голову не придут. Хороший способ решить задачу: выбросить за дверь задачник и лечь спать в трогательном убеждении, что других экземпляров задачника не существует.

Как бы хороши ни были все эти положительные построения «будущей жизни», они все же никуда не годятся, так как в том или другом виде преподносят одно: конец. Вот сейчас у меня болит живот, и будущее тошно, и ничего себе, жить можно, — а если бы мне сказали наверное, что живот больше болеть не будет и я в воскресенье сделаюсь Толстым, — наверное — я, вероятно, напился бы с отчаяния и разрушил бы все предначертания. Ибо нет предела моим желаниям и быть Толстым для меня *мало* и даже богом для меня быть мало — потому что, ставши богом, я начну завидовать чёрту и буду беспокоиться и хлопотать до тех пор, пока не вырастут у меня рога. У меня был давно когда-то репетитор студент, и у него была гитара, и он однажды сел на гитару — захотелось послушать, как она будет трещать. И скажу тебе по совести: живу я сейчас мило, благородно, трезвенно, сыто, почетно. «Леонид Андреев!» и мысли у меня благородные — всё о свободе и любви, и желания у меня чистые, и подштанники у меня чистые — а минутами до остервенения жаль бывает того времени, когда и одиночество, и голод, и вражда, и пустыня, и черные провалы пьянства, и сатанинская гордость под плевками, и гордые великолепные надежды на престоле отчаяния.

«Владыко живота моего! Дух смиренномудрия, целомудрия, терпения и любви даруй ми, рабу твоему!»

На «Среде» давали названия, знаешь, по московским переулкам. Хорошо назвали Серафимовича — «Кудрино». Принимая в расчет блестящее состояние его головы, название можно признать удачным. О войне говорят мало. Ты заметил, какой язык выработался у Суворина: прямо Иудушка Головлев. Скоро начнет выходить новая большая газета «Русская правда» — издатель Гаккебуш³. Консервативной делать ее не хочет — невыгодно; либеральной — боится; придумывает среднее направление. Предлагает редакторство Алексеевскому⁴.

Дай о себе весточку, хотя бы коротенькую. Моя шея шлет сердечный привет твоей ноге, а равным образом жене. Она тебя любит, т. е. жена, конечно, а не шея, и говорит, что она, т. е. не жена, конечно, а твоя нога — требует забот, так как она — т. е. жена, конечно, а не нога, — достаточно

навозилась с ней, т. е. не с ногой, конечно, а с шеей, — и знает, что значит запущенный ревматизм.

Крепко жму руку и очень тебя люблю.

Твой Леонид А н д р е е в

И жена сказала: напиши, мол, она ждет карточки, вот уже второй год с осени пошел. Твоей карточки?

Датируется по содержанию (см. прим. 1 и 2).

¹ Мария Владимировна Безобразова (р. 1857) — писательница, педагог, доктор философии Бернского университета (1891), один из инициаторов Философского общества при Петербургском университете (1897). Ее лекция «Ницше и Андреев» состоялась в аудитории Исторического музея в Москве 16 февраля 1904 г. Безобразова защищала рассказ Андреева «В тумане» от обвинений в порнографии. Отчеты о лекции — см.: «Курьер», 1904, № 48, 18 февраля; «Московские ведомости», 1904, № 50, 20 февраля и др.

² Подразумевается прочитанный В. А. Гольцевым на «Среде» доклад о философии Ницше. Чтение заняло два собрания кружка. С первой частью своего доклада Гольцев, по-видимому, выступил у Телешова в последнюю среду января, 28-го, и закончил свой доклад на следующей «Среде» — 4 февраля 1904 г.

³ «Русская правда» (М., 1904—1906) — ежедневная общественно-политическая и литературная газета с весьма пестрым составом сотрудников. Первый номер «Русской правды» вышел 4 апреля 1904 г. Газета поддерживала авантюристическую политику самодержавия на Дальнем Востоке и одновременно из конъюнктурных соображений в обстановке общедемократического подъема заигрывала с кругами буржуазно-либеральной интеллигенции, осторожно высказывалась в пользу установления в России конституции. Направление газеты в период революции 1905 г. сделалось более левым. После третьего предупреждения в 1906 г. газета была закрыта в административном порядке.

Михаил Михайлович Гаккебуш (1874—1929) — журналист и делец, типичный представитель беспринципной «желтой» буржуазной прессы. В конце 1890-х годов был фактическим редактором «Русского листка» и «Московского листка». С апреля 1904 г. по январь 1905 г. редактировал «Русскую правду». За опубликование в газете резолюции московской городской думы от 30 ноября 1904 г. о желательности введения в России конституции «Русская правда» была временно приостановлена. В 1906—1916 гг. — неофициальный редактор «Биржевых ведомостей». В этой газете Гаккебуш обычно выступал с передовыми статьями по вопросам внешней политики. В период мировой войны переменил «немецкую» фамилию на русскую — Горелов. В 1916 г., используя свои связи с банками, участвовал в организации газеты «Русская воля» (см. его письмо к Андрееву от 16 июня 1916 г. — ЦГАЛИ). После Октябрьской революции — эмигрант. Сохранилось шесть писем Андреева к Гаккебушу, касающихся сотрудничества Андреева в «Биржевых ведомостях» (1914—1916 гг. — ЦГАЛИ, ГПБ и ИРЛИ).

⁴ Принимал ли какое-либо участие в «Русской правде» Алексеевский — сведений не имеется.

92. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Сестрорецк. 12 ... 14 февраля 1904 г.⟩

Леонид Андреев!

Дружба, сопряженная со скукой, побуждает меня ныне вновь писать тебе письмо. А о чем писать — не знаю, ибо в этом месте значном ни скандалов, ни событий не бывает никогда. Приезжают петербуржцы, жрут блины, костят японцев и играют на рояле дикий танец кэк-уокк. По аллеям, между сосен, ходят три-четыре рожи, а зачем они тут ходят и сам чёрт не разберет.

Прошлый раз во сне я видел будто чудовище большое на меня верхом уселось и орет мне: «Поезжай! я зовусь Ингалиторий Пневматический, ты знаешь? И люблю ужасно ездить на писателях верхом!» Я спросил его: вы, сударь, не издатель и не цензор? — «Я — из вымерших чудовищ, кои в книге Гёттинсона ¹, но хоть грамоты не знаю — а быть цензором — могу!» Ну, всю ночь на мне и ездил по каким-то странным рощам — оказался патриотом — мы с ним шапки собирали, чтоб японцев закидать.

Снилось мне потом, что будто мы с тобою, Леонидка, — с разрешения цензуры — вдруг женились на японках и у нас через неделю было сорок штук ребят. Услыхав об этом факте и чудесном и полезном, сам японский император трое суток хохотал! А потом всех нас с семейством посадил в ингаляторий и взорвать его на воздух высочайше повелел.

Ну, и — взорвали, конечно, мы с тобою разорвались, а потом нас снова сшили и — ужасно неудобно! Мне пришили твою ногу, нос твой тоже мне пришили и два чых-то лишних уха прикрепили на спине. Ну, да это наплевать бы, — здесь меня никто не видит, но проклятые портные мне чего-то... там пришили, где... сидеть я не могу!

А тебе на место носа прикрепили чей-то палец — если только это палец, а не что-нибудь иное.

Надо бы нам обменяться — ты пришли мне мою ногу, я тебе твой нос пришлю (чтоб дорогой не протухли дорогие наши члены, нужно в снег упаковать их и карболкою полить).

Так-то, милый Леонидик! Ты живешь себе спокойно, вдруг пришел ингаляторий и — все к чёрту полетело! Очень грустно... Но грустнее, если вдруг нога чужая заболит как бы своя.

Был я, брат, почетным членом санатории в Алушке — председателем которой состоит хирург Бобров ² — но начальство предписало, чтоб меня изгнали вон. Изгоняют. Я не плачу. Я немного проиграю, — я останусь без почета, а хирург Бобров — без члена.

Так что бывший академик скоро станет бывшим членом, — все проходит в этом мире, лишь долги мои растут. Но — платить я их не стану, — это мне не по карману, это вовсе не забавно, да и — некогда к тому ж. Днем теперь я сочиняю пьесы, повести, рассказы, ночью блох ловлю в постеле, ну, когда ж платить долги?

Но, однако, понимаю, что давно уже я должен кончить это небольшое, но серьезное письмо. Ну, прощай! Живи разумно. Днем — не дрыхни. Будь здоров.

Остаюсь самым собою бывший член и академик ³, ныне только хулиган

А. Пешков

14 февраля

Был сегодня в Петербурге, получил там твои письма. Мне они весьма приятны. Но — писал бы ты сюда! Адрес мой и прост и ясен: Петербургская губерния. Сестрорецк курорт и — только.

Ты скажи своей жене, — я прислал бы ей портрет — это очень лестно мне, — но со мной портретов нет. Я сам себя вижу только в зеркале, — оно у меня единственное и скверное, но — если она хочет, я пришлю его ей, пусть она на меня любит! Я буду очень доволен. Факт.

Прощай!

17-го марта я именинник.

Подари мне револьвер ⁴.

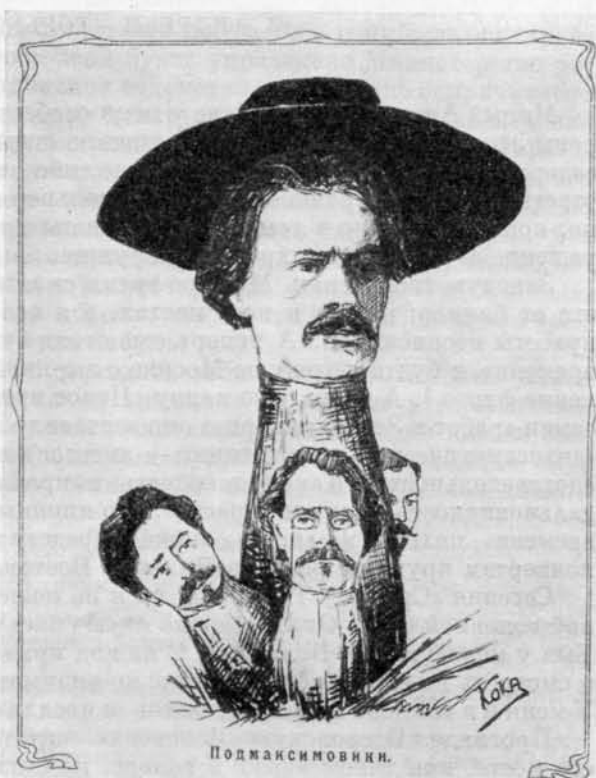
Слушай, милый! До именин — далеко, ты вот что сделай — выпиши на К. П. Пятницкого журнал «Весы» ⁵. И я буду благодарен тебе до конца русско-японской распри из-за манчжурско-корейской авантюры. Сделай! А то — одними серьезными книжками — не проживешь. Чёрт! Что же вы чеховскую бумагу не присылаете? ⁶ Храпо-идолы!

А Виктор Милов ⁷ — ругается. Такой длинный болван!

«ПОДМАКСИМОВИКИ»

Шарж Кока (Н. И. Фидели)

Изображены: Горький, Андреев,
С. Г. Скиталец, И. А. Бунин«Искры», 1903, № 5,
от 2 февраля

Подмаксимовики.

Шутливое письмо Горького написано размером «Песни о Гайавате» Лонгфелло.

Датируется по письму Горького к Е. П. Пешковой от 14 февраля 1904 г. («Архив Горького», т. V, стр. 98—99). Начало письма написано явно раньше (см. письмо Горького к Пятницкому от 6—7 февраля 1904 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 152).

¹ Генри Невилль Гётчинсон (1856—1927) — английский популяризатор естествознания, автор работ по археологии, палеонтологии и этнографии. Книга Гётчинсона «Вымершие чудовища. Общедоступные беседы по палеонтологии» вышла в Лондоне в 1893 г. В переводе с английского А. М. Никольского, под ред. Пятницкого выпущена «Знанием» в серии «Общедоступная научная библиотека», 1900 (№ 16).

² Александр Александрович Бобров (1850—1904) — доктор медицины (1880), профессор Московского университета, председатель Московского хирургического общества. С 1902 г. — почетный член Ялтинского отделения Русского общества охранения народного здравия, организовал в Крыму санаторий для больных туберкулезом детей.

³ См. прим. 1 к письму 53.

⁴ Револьвер системы «браунинг» был подарен Горькому Пятницким (см. письма Горького к Пятницкому от 12—13 марта 1904 г.— «Архив Горького», т. IV, стр. 153 и к Е. П. Пешковой от 14 марта 1904 г.— «Архив Горького», т. V, стр. 105).

⁵ «Весы» (М., 1904—1909) — ежемесячный журнал литературы и искусства. Ведущий орган символистов. Официальный издатель-редактор С. А. Поляков, фактический — В. Я. Брюсов. В «Весях» сотрудничали Брюсов, А. Белый, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Вяч. Иванов, К. Д. Бальмонт, Н. М. Минский, В. В. Розанов, Г. И. Чулков и др. Журнал выступал против материализма в философии и реализма в литературе. Большое место в «Весях» отводилось пропаганде модернистских течений в западноевропейском буржуазном искусстве. По поводу просьбы Горького — см. письмо Андреева к Пятницкому от 21...25 марта 1904 г. в настоящ. томе, стр. 511.

⁶ Речь идет о коллективном письме-протесте писателей издателю А. Ф. Марксу, заключившему грабительский договор с Чеховым на издание его сочинений. По просьбе Чехова это письмо не было послано. Подлинник его хранится в АГ.

⁷ См. прим. 1 к письму 110.

93. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

[Москва. 16 февраля 1904 г.]

Милый Алексеюшка! Сейчас у меня особенно болит голова; с одной стороны это приятно — я вполне явственно ощущаю, что в голове моей есть содержание, с другой, — огорчительно, ибо не дает возможности достойно ответить на твое мрачное письмо. Револьвер я тебе подарю, у меня есть, но, конечно, только в том случае, если ты предварительно добудешь разрешение от полиции на хранение оружия.

Завидую твоим снам. Мне все время снились патриоты, и я думал, что это от блинов; но вот и пост настал, а я все вижу патриотов — персон красоты неописанной. А теперь еще стали сниться фельетоны из «Нового времени», и будто я хожу по Москве с дырявой калошей и собираю на усиление флота ¹. А вчера уже наяву «Новое время» меня проследило: в описании «работ в Зимнем дворце» оно заставило дам готовить для солдат «антисемитические конвертики» — вместо антисептических ². Какая последовательность! Какая твердость направления! Какая политическая дальновидность! Приняв в расчет, что японцы, по словам того же «Нового времени», похожи на евреев, можно предсказать этим антисемитическим конвертам крупную роль на Дальнем Востоке ³.

Сегодня «Среда» у Телешова, но я не пошел по причине вышеизложенной головной боли. От В. Миров я имею письмо, суждение о коем отложу. Был у меня Глинка-Волжский ⁴, на вид приятен, за бога готов на костер, и смотреть на него в общем жалко: по-видимому, туберкулез жесточайший. У меня и в тот день болела голова — я послал его — к Вересаеву.

Проглядел Озеровскую «Исповедь» — читать ее нет возможности: я бы на его месте, при таком языке и голове, не стал бы зря хандрить, а просто удавился бы. Что за язык! Он — дурак, компрометирует все XIX столетие: вдруг человек будущего прочтет эту исповедь, ну, скажет, и писали в конце века! И какую поэзию он запустил — в дамско-истерическом стиле, с подвизгиванием, многоточиями, охами. Чуть я не заплакал, что целый на эту сволочь истратил ⁵.

А еще прочел я книжку «Историю одной любви» Гамсуна ⁶ — дьявольски хорошо. Минут 20 я чувствовал себя так, будто мне 20 лет и я влюблен в 20 девиц и во всех безнадежно, и это так приятно, как апрельские сумерки. И захотелось делать что-то бессмысленно-красиво-влюбленное: вызвать жену на свидание, ходить часа два под окнами (под своими, конечно), шить лаковые сапоги, притом обязательно такие, чтобы жали ногу. Не знаю, почему — была ли это случайность или нечто роковое — но когда я бывал влюблен, мне всегда попадались узкие сапоги, а так как практика у меня была обширная и я выхаживал верст по 15, то вместе с сердцем у меня болели и мозоли. Однако сапог шить не стал, а пошел остригся и обрился — какова сила литературного воздействия!

Здорово, однако, ты скучаешь! Не знаю, верно я понимаю или нет — но почему-то очень ясна мне сейчас милая душа твоя, и очень она мне нравится и жаль, что я уже остригся и обрился — тянет почему-то еще раз сходить обриться. Но это выйдет уже похоже на сумасшедшего добрых старых времен, а я сумасшедший в новом стиле. А может быть все это чепуха, и твоя дружеская зевота скрывает за собою только широко открытый рот, и стричься мне не надо.

Стаала (рыжебородого) выпустили ⁷: кажется, какое-то недоразумение. Что-то творится в университете: околоточный надзиратель рассказывал брату: «дела, знаете ли, много: всё в манеж студентов и курсисток загоняем. Как же! Вместо того, чтобы петь гимн, извините за выражение, они ходят и кричат: да здравствует Япония!» Как никак, а внутренняя война идет, по-видимому, с большим успехом, чем внешняя: трех недель нет с начала

военных действий, а уже 7 не то 8 газет побеждены и выбыли из строя. Ходят здесь слухи, что будто совсем будет упразднено Министерство народного просвещения, как отдельное ведомство, а будет оно сопричислено к Министерству внутренних дел, по департаменту полиции. И назначение Зенгера⁸ имело будто бы целью постепенную подготовку к полному упразднению Министерства, и действительно министра сейчас нет и никто этого не замечает. Не думаю, однако, чтобы слухи эти были основательны: по закону ни одна газета или журнал не могут быть закрыты совсем без участия Министерства народного просвещения, так что одно уже это обстоятельство требует сохранения Министерства.

Писал тебе не на Сестрорецк потому, что ты так сказал; да и кто тебя знает, там ли ты или выбыл куда-нибудь?

Жму лапу. Очень хотел бы повидать тебя — любопытно послушать тебя. Да, забыл совсем: обратил ты внимание на крайне утешительный факт, сообщенный газетами — в японско-китайскую войну один китаец был прострелен насквозь пятью японскими пулями, что не мешало ему, заткнув дыры пальцами, пройти пешком 700 верст, а потом немедленно выздороветь. Факт!

Твой Леонид А н д р е е в

Датируется по содержанию (см. прим. 2 и 3).

¹ Речь идет о начатой «Новым временем» и другими газетами «патриотической» кампании сбора средств для приобретения боевых судов взамен поврежденных в русско-японскую войну.

² Эта выразительная опечатка была в статье В. Прокофьева «Склад и работы в Зимнем дворце». — «Новое время», 1904, № 10039, 15 февраля.

³ Возможно, что Андреев имеет в виду напечатанный в том же номере «Нового времени» очередной фельетон М. О. Меньшикова из цикла «Письма к близким», содержащий грубые антисемитские выпады. См. также статью И. «Наш противник с его нравственной стороны» («Новое время», 1904, № 10033, 9 февраля).

⁴ Александр Сергеевич Глинка (псевдоним Волжский; 1878—1940) — литературный критик, близкий к кругам символистов. Автор ряда книг о Достоевском, Чехове и др. В 1903—1904 гг. по приглашению Миролубова сотрудничал в «Журнале для всех» (см. прим. 1 к письму 110).

⁵ Андреев имеет в виду книгу «Исповедь человека на рубеже XX века», вышедшую в Москве в 1904 г. под псевдонимом: З. Ихоров. Горький писал о ней Е. П. Пешковой 24—26 января 1904 г.: «Книга — плохая по своим мотивам, но интересная для нашего времени. Она стон и вопль человека, испуганного жизнью, человека, который хотел бы найти средину между путем направо и влево, найти и успокоиться» («Архив Горького», т. V, стр. 91). Автор книги — Иван Христофорович Озеров (1869—1942), экономист; читал лекции в Московском университете. В 1901—1902 гг. поддерживал «полицейский социализм» начальника Московского охранного отделения Зубатова. Опасаясь революционного движения, в своих работах убеждал правительство предоставить рабочим элементарные политические права. Выдвигал идею контролируемых властями профессиональных союзов, в которых рабочие и хозяева могли бы разрешать противоречия мирным путем. В 1909 г. избран от Академии наук и университетов членом Государственного совета. В 1914—1916 гг. редактировал «Вестник Центрального банка» (СПб.). После Октября от политической деятельности отошел.

⁶ Кнут Гамсун. История одной любви (Виктория). Перевод с норвежского М. П. Благовещенской. СПб., 1904.

⁷ См. прим. 8 к письму 90.

⁸ Григорий Эдуардович Зенгер (1853—1919) — профессор римской словесности в Варшавском университете (1884—1901); с апреля 1902 г. по 23 января 1904 г. — министр народного просвещения. Следующий министр — В. Г. Глазов (см. о нем прим. 8 к письму 107) был назначен 10 апреля 1904 г. До этого времени пост министра оставался свободным.

94. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 4 марта 1904 г.)

Слышал вчера «Евреев»¹, и скажу вот что. Вопрос поставлен художественно, а разработан и решен публицистически. Отсюда огромное чувство тупой и на первый взгляд загадочной неудовлетворенности. Первый акт

написан почти безукоризненно: язык превосходный, сжатый, сильный, в развитии действия простота и благородство, разговоры настолько жизненны, что равняются делу; в туманных очертаниях безбрежности встает безобразное, мрачное, таинственное чудовище, именуемое еврейским вопросом. Узел завязан крепко, почти трагически.

Со второго акта — плоскость. Чудовище осталось где-то позади, и с каждым словом уходит все дальше. Разговоры продолжают, приобретают характер томительной неподвижности, ослабляют впечатление ранее сказанного — он начинает доказывать и разъяснять то, что было бесспорно и ясно, и чем больше доказывает, кричит, надывается, тем сомнительнее, жижее все становится. Вплетает совсем ненужную, мелодраматическую, топорную любовь Лии к христианину — хочет исчерпать океан штопаным чулком. Будто недостаточно, что одна дочь вышла за христианина — нужно туда же вторую. Делает в конце второго акта маленький, импровизированный и совершенно лишний погром, ослабляя впечатление погрома ожидаемого, грозного. Ведь погром должен быть то, о чем даже *думать* страшно, а он без нужды показывает кончик его хвоста. И особенно слаб четвертый акт.

Обстановка великолепна. Ставни закрыты, сидят, ждут, слышно далеко-далеко — как бесчинствует толпа. Здесь все должно быть поглощено погромом, ожиданием его. Ведь ожидание смерти хуже самой смерти. Пусть мечутся, плачут, говорят ерунду, молятся, проклинают и все время твердят: идут — идут — идут. Чтобы чувствовалось приближение смерти или *чего-то*, еще более ужасного. И разгрома самого показывать ни в каком случае не следует: ведь нельзя же на сцене вспарывать животы, отпиливать руки, насиловать — а без этого будет благонравное упражнение несколько безнравственных мальчиков во французской борьбе и псевдомужичко-хулиганском красноречии. Следовало бы так кончить. За дверями грохот толпы, двери трещат, падают, вваливается несколько зверей — и занавес.

А у него начало акта: долгий и ненужный спор отца с сыном о какой-то чепухе — ибо перед ужасом грядущего всё чепуха. А потом — балаганный и совсем нестрашный разгром и в высшей степени публицистическо-утешительный заключительный аккорд: вот идут на выручку рабочие-христиане. Возможно, конечно, что социализм убьет еврейский вопрос — со временем — но ведь тогда и *всякую* драму, трагедию можно заканчивать приходом рабочих.

Отдельные лица: Нахтман — великолепен, старик Лазарь — очень хорош. Сруль — прелесть, подмастерье — тоже, брат Лазаря — тоже; Борух — бесцветен, Лия — плоха, русский студент — взят с твоего Петра и хуже его сделан, Фурман — фельетон.

А в общем — очень хорошая пьеса, а недостатки ее с одной стороны являются достоинствами с другой. После «Ткачей»² ее можно поставить первую. И будущность у нее огромная, всесветная. Молодец Чириквич. Нужен только хороший, очень хороший переводчик, чтобы передал язык. Встречаются такие бон-мо, что сам принц Оранский позавидовал бы.

Говорил он, что едет с Гариным³ на Восток — тоже нельзя не одобрить. Если бы я мог ворочать шею, я тоже поехал бы, а то получится некоторая излишняя прямолинейность взгляда. Рассказывал, что у тебя очень хорошо — и я позавидовал. Я теперь всем завидую: вору, что он весну чувствует и чирикает, Чирикову — что он написал хорошую пьесу, тебе — что ты есть ты, Телешову — что у него денег много, Бунину — что он такой худой и был в Италии, Крандиевской⁴ — что она глухая, жене моей — что она меня любит, Трепову⁵ — что он считает меня неблагонадежным и даже опасным, «Курьеру» — что он долгов не платит, Миролу-

бову — что он в бога верит, самому богу — что ему плевать на землю и на Миролубова.

Как я люблю тебя, Алексеюшка! И не женщина ты, и не икона, и не балерина, и не утопленник ⁶ — а ужасно хочется мне поглядеть на тебя и поцеловать тебя в твою щетинистую щеку.

К тебе я буду прилетать.
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать!

Я царь познания и свободы, я бич рабов моих земных — и видишь, я у ног твоих! ⁷ Меня графиня обругала ⁸, я сам не то что просто граф, а целый славный порно-граф — и видишь, как, однако, я тебя люблю, хотя в тебе ничего нет графского.

Жаль будет, если ты действительно приедешь в Москву только к 17-му, стало быть, до Крыма и, может, до осени я тебя не увижу.

Твой Л е о н и д

Р. С. Шура была у Марьи Федоровны ⁹, а она оказывается больна, не принимает. Попробую проникнуть к ней, узнать, что это она так. Я еще вчера стороной слышал, что она нездорова.

Датируется по чтению Чириковым пьесы «Евреи» на «Среде». В начале марта 1904 г. среда приходилась на 3-е число.

¹ Горький в августе 1903 г. писал Чирикову: «Думаю, что из намеченного тобою материала ты должен слепить крепкую, отчетливую вещь. Я, кажется, представляю себе содержание ее и не имею сомнения в том, что это будет и важно и интересно» (XXVIII, 284). Рукопись «Евреев» Чириков привез Горькому в Нижний-Новгород. 8 сентября Горький, извещая Пятницкого о предстоящем приезде с Чириковым в Петербург для переговоров об издании «Евреев», добавлял, что пьеса ему «все больше нравится» («Архив Горького», т. IV, стр. 134). Пьеса упоминается также в письмах Горького к Пешковой и к Пятницкому (там же, стр. 131, 133, 147; т. V, стр. 88, 93).

² Пьеса Г. Гауптмана.

³ В конце апреля Н. Г. Гарин-Михайловский выехал в Манчжурию, где состоял в качестве инженер-полковника в штабе командующего 1-й армией и был военным корреспондентом газеты «Новости дня». Первая его корреспонденция — «Дневник во время войны» напечатана в газете 3 мая 1904 г. (№ 7510).

Чириков собирался ехать на фронт как специальный корреспондент «Русского слова» (см. его письмо в редакцию «Русского слова» от 28 апреля 1904 г. — ЛБ, Р. С. 24.21). Он предполагал увидеться там со своим братом М. Н. Чириковым, штабс-капитаном 2-го Восточно-Сибирского полка. Смерть матери и гибель брата в боях летом 1904 г. заставили Чирикова отменить свою поездку.

⁴ Анастасия Романовна *Крандиевская* (1865—1939) — писательница, переводчица. Сотрудничала в «Курьере», «Русских ведомостях», «Жизни». Автор сборника рассказов «То было раннею весной» (М., 1900).

⁵ Дмитрий Федорович *Трепов* (1855—1906) — в 1896—1906 гг. московский обер-полицеймейстер, по определению Ленина, «один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью и участием в зубатовских попытках развращения рабочих» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 238). 23 ноября 1902 г. в Киеве в зале купеческого собрания намечался вечер в пользу нуждающихся студентов университета св. Владимира, на котором Андреев должен был прочесть свой новый рассказ «Иностранец». Чтение не состоялось, так как на запрос киевского генерал-губернатора Ф. Ф. Третьякова о благонадежности Андреева последовала 17 ноября 1902 г. телеграмма Третьякова: «Андреев неблагонадежен» (ЦГАОР, ф. 63, 1902 г., д. 90, л. 12; см. ее воспроизведение на стр. 205 настоящего тома). Внезапно «заболевшего» автора заменил на вечере актер Булатов.

⁶ Андреев вспоминает «речь» Горького, обращенную к публике Московского Художественного театра. См. прим. 1 к письму 10.

⁷ Неточная цитата из «Демона» Лермонтова (ч. I).

⁸ См. прим. 3 к письму 79.

⁹ Мария Федоровна *Андреева* (Желябужская) (1872—1953) — актриса и общественная деятельница, член РСДРП; вторая жена Горького. См. о ней: «Мария Федоровна Андреева. Переписка, воспоминания, статьи, документы, воспоминания о М. Ф. Андреевой». Сост., статья и комментарии А. П. Григорьевой и С. В. Щириной. Изд. 2-е, доп. М., «Искусство», 1963.

95. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 10 ... 12 марта 1904 г.⟩

Милый Алексеюшка! Что ты не отзовешься, чёрт? Тошно на душе становится, когда ты молчишь.

Вот что мне нужно. Я еду на днях в Крым и очень хотел бы повидаться до отъезда с тобою. Отъезд назначен нами на 15-е, но если ты действительно приедешь в Москву 16-го ¹, я останусь до 17 или до 18-го. Пожалуйста, *телеграфируй*. К этому времени я кончу рассказ о Навуходоносоре и послушаю, что ты о нем скажешь². Не хотелось бы пускать его в свет без твоего напутствия.

Пожалуйста, *телеграфируй*. Очень хочется видеть тебя и убедиться, что ты на меня ни за что не сердись. Со свойственной мне гениальной проницательностью я решил, что ты меня за что-то ненавидишь. Ломаю голову, за что, но не придумаю.

Любящий тебя порнограф
Леонид А н д р е е в

Р. S. Решил летом написать гениальную пьесу и гениальный рассказ. Вообще, что-нибудь гениальное.

Р. Р. S. У меня страшное горе: потерял ручку, которой написал «Бездну». Теперь не знаю, чем писать порнографический рассказ.

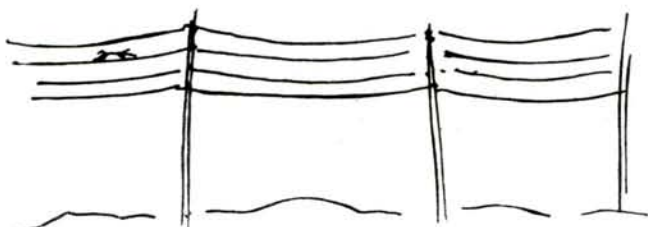
Р. Р. Р. S. Советую прибегнуть к естественному методу.

Р. Р. Р. Р. S. Она такая с виду обыкновенная — удивительно, кто мог на нее польститься.

Р. Р. Р. Р. Р. S. Не графиня ли? ³

Р. Р. Р. Р. Р. S. Не замешалась ли она среди других ручек? Как быть? Горе, горе, горе!

Т е л е г р а ф и р у й.

Это телеграф, а не ноты. А бежит по ним не собака, а твоя телеграмма.

¹ Поездка Горького в Москву не состоялась (см. его телеграмму Андрееву, № 96).

² Рассказ «Из глубины веков» — см. о нем прим. 1 к письму 97.

³ Имеется в виду С. А. Толстая (см. прим. 3 к письму 79).

96. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Сестрорецк. 11 ... 14 марта 1904 г.⟩

Т е л е г р а м м а

Обожаю тебя. Не еду в Москву. Имениник ⟨в⟩ среду. Цензурный срок сборнику ¹. Лето буду ⟨на⟩ балтийском побережье, половину апреля — мая ⟨на⟩ Волге ². Пиши на Константина ³. Жму руку, обнимаю.

А л е к с е й

Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о первом сборнике «Знание». Сборник был передан Пятницким в цензуру 10 марта (см. письмо Пятницкого Горькому от 11 марта 1904 г. — АГ). О разрешении сборника Пятницкий извещал Андреева телеграммой 17 марта («Книга записи корреспонденции» Пятницкого. — АГ).

вырежут, мы имеем, чем пополнить урон» («Архив Горького», т. V, стр. 110). Возражения Горького по поводу содержания рассказа побудили Андреева, «в значительной мере» согласного с Горьким, рассказа не печатать (см. письмо Андреева к Е. Л. Бернштейну от 16 июня 1904 г. — сб. «Утро», I. М.—Л., 1927, стр. 248). Позже первая глава из рассказа под заглавием «Царь» появилась в журнале Шебуева «Весна», <1908>, № 1, стр. 4 (см. об этом подробнее в книге: Василий Каменский. Путь энтузиаста. М., «Федерация», 1931, стр. 96—99). В полном виде «Из глубины веков» не печаталось. Рассказ не включался автором в собрания сочинений и на немецкий язык не переводился. По сообщению Вадима Леонидовича Андреева, хранящийся у него автограф «Царя» (28 страниц) написан на той же бумаге, что и «Бунт на корабле», и имеет авторскую дату 15 февраля 1904 г. (письмо комментатору из Женевы от 14 февраля 1961 г.).

² Подразумевается цензурное разрешение опубликовать «Жизнь Василия Фивейского» в сборнике «Знание». См. прим. 1 к письму 96.

³ Речь идет о пьесе Чирикова «Евреи» (см. прим. 1 к письму 94). Пьеса должна была появиться во втором сборнике «Знание», но, несмотря на хлопоты Пятницкого, цензура ее запретила. Отдельным изданием «Евреи» выпущены Ладыжниковым в Берлине (б. г.). Пьеса включена в четвертый том Собрания сочинений Чирикова (СПб., «Знание», 1904). Под заглавием «Евреи» во втором сборнике «Знание» напечатаны с цензурными изъятиями отрывки из повести Юшкевича.

⁴ В телеграмме к Пятницкому от 16 марта 1904 г. (АГ) Андреев сообщал, что выезжает в Крым в «четверг», т. е. 18 марта. Однако, как видно из письма к Пятницкому (после 20 марта), отъезд из-за нездоровья и денежных затруднений писателя пришлось отложить на несколько дней. В Ялту Андреев приехал 22—23 марта.

98. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Петербург. 30 марта ... 4 апреля 1904 г.>

Прочитав твои письма, наполненные перечислением всех существующих и разрушающих тебя болезней, стал с озлоблением ждать телеграммы твоей с извещением о смерти и подписью — «Новопреставленный Леонид».

Но оказалось, что ныне ты раздумал ехать в ад и едешь в Крым, — очевидно, ты думаешь, что лучше там, где — скучнее. Ну, что же? У всякого писателя своя безумная фантазия, те же писатели, кои фантазии не имеют, — не имеют успеха.

Друг мой болезненный! Напиши ты, чёртов морж, рассказишко для «Нижегородского сборника»!¹

Одолея меня Иорданский², житья мне нет от его просьб! В письме к Пятницкому ты извещаешь, что собираешься писать что-то — это хорошо!³ Но не забудь о третьем сборнике «Знания», кой издается в пользу московских учащихся женщин. Два наши первые поехали в цензуру. через неделю решится их участь.

Как она решится — один цензурный комитет знает!

Ну, а живу я все так же. Пьесу кончил⁴.

Вышло очень скучно и плоско. Вот уже три плохие пьесы написал я, а ты все еще ни одной. Товарищ, тоже! «Весы» мне не купил, анафема? Ну, чёрт с тобой. Напишешь рассказ — покажи, чай. И — прощай!

Хорошая, брат, страна Япония! Вторую книгу читаю о ней, — прекрасная страна!

Крепко жму руку, а жене кланяюсь.

А.

Датируется по содержанию (время окончания «Дачников». — «Летопись», I, стр. 474). Очевидно, одно из упомянутых писем Андреева к Горькому не дошло до нас.

¹ См. письмо 86.

² Николай Николаевич Иорданский (1863—1941) — педагог, член Общества взаимопомощи учителей и учительниц Нижегородской губ. В те же дни Горький писал Е. П. Пешковой: «Иорданскому скажи, что я лично не в состоянии понукать гг. литераторов к выполнению их обещаний, уж пускай он сам повторит им письма с напоминаниями. Мои рассказы я могу дать хоть сейчас же, — их пять, маленькие — но издавать сборник весной смысла нет, скажи ему. Книги теперь совсем не идут <...> Усовестить его, пускай отложит до осени» («Архив Горького», т. V, стр. 99).

ОТДЕЛЕНИЕ
И ПОЛНОМОЩНЫЙ КОМПЕТЕНТ
в Москве.

СПРАВКА.

О Помощник Присяжного Повременного Леонид Николаевич
АНДРЕЕВ в делах Московского Охранного Отделения ибот-
оя саблуджия небылооприятни въ политическомъ отношеніи
орядки.

Состоит студентомъ Московскаго Училища, онъ вхо-
дилъ въ составъ Орловскаго земледельца и на одномъ изъ
собраний этой организации предлагалъ обмѣны силами изда-
тебрыкъ въ пользу студенчества; ^{въ Училище Николаевъ} ~~собранияхъ~~ дво-
риниковъ Павловъ Михайловичъ ВЕЛИГОРСКИЙ, которому за
политическую неблагонадѣльность, Господиномъ Министромъ Вну-
треннихъ Дѣлъ было воспрещено житье въ столицѣхъ и
столичныхъ губерніяхъ на два года, срокомъ по 10-е Марта
1899 года и находится въ ясыря однихъ отношеніяхъ съ
писателемъ Алексѣемъ Максимовичъ ПЛЕКОВИЧЪ [Максимъ Горь-
кий] въ письмѣ изъ которому по поводу ареста Горькаго онъ,
между прочимъ пишетъ: "заследи эти морзави моего настояще-
го брата, нѣтъ не было бы такъ болвно и жалко и обидно,
какъ за васъ". Въ ночь на 31-е Января текущего года Лео-
нида Андреевъ былъ подвергнутъ обыску по дѣлу лицъ за-
интересныхъ подготовитъ и устроить въ февралѣ сегоподи-
таческую демонстрацію при участіи рабочихъ."

Помощникъ Андреева Анастасіа Николаевича Андреева въ

40-002-122

1895 году привлекался при С. Петербургскомъ Губернскомъ
Жандармскомъ Управленіи къ дознанію по обвиненію въ госу-
дарственномъ преступленіи, при чемъ дознание это о со-
глашеніи между Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Естичи
въ отношеніи Андреевой дѣлѣнникъ производствомъ было при
крашено.

17
"Ноября 1902 г."

СПРАВКА МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБ АНДРЕЕВѢ, 17 НОЯБРЯ 1902 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

³ О каком письме Андреева к Пятницкому идет речь — не установлено.

⁴ «Дачники». Замысел пьесы относится к осени 1901 г. (см. письмо к Пятницкому между 13 и 17 октября 1901 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 42—43). 24 июня 1902 г. Горький сообщал Пятницкому: «Начал писать еще пьесу „Дачники“. Думаю изображать современную „буржуазно-материалистическую интеллигенцию“, — как выражается Бердяев». Готовя пьесу для сборника «Знание», Горький писал ему же 29—30 июля: «Сильно работаю, тороплюсь перестроить „Дачников“» (там же, стр. 158). 18 апреля 1904 г. Горький читал «Дачников» труппе Московского Художественного театра, а в конце августа познакомил с пьесой актеров театра В. Ф. Комиссаржевской.

99. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

Т е л е г р а м м а

⟨Ялта. 11 апреля 1904 г.⟩

Если получил мой рассказ ¹, пришли сюда Елпатыевскому. Если нет, телеграфируй, боюсь потерян. Обнимаю.

Л е о н и д

⟨Адрес:⟩ Пбрг. Николаевск. 4. Пятницкому. Пешкову.

Дата на телеграфном бланке.

¹ Рукопись рассказа Андреева «Из глубины веков» («Царь»). См. прим. 1 к письму 97.

100. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Т е л е г р а м м а

⟨Петербург. 12 апреля 1904 г.⟩

Хорошо. Сообщи срок. Заглавие лишнее. Кланяюсь жене. Обнимаю тебя.

А л е к с е й

Телеграмма была послана Пятницким и датируется по его книге записей корреспонденции (АГ). Ответ на предыдущую телеграмму Андреева.

101. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ялта. 12 ... 13 и 22 апреля 1904 г.⟩

Милый Алексей! Сейчас получил твою телеграмму ¹; рад, что рассказ цел, огорчен, ибо вижу, что рассказ тебе не особенно понравился. И так как я человек самолюбивый, то сейчас же решил написать хороший рассказ. А тороплюсь я с этим Навуходоносором потому, что Кожевников ², которому я его продал, торопит меня и пишет письма. И кроме того — нужно же работать, чёрт возьми!

Прочел я «Человека» ³, и вот что в нем поразило меня. Все мы пишем о «труде и о честности», ругаем сытое мещанство, гнушаемся подлыми мелочами жизни, и все это называется «литературой». Написавши вещь, мы снимаем актерский костюм, в котором декламировали, и становимся всем тем, что так горячо ругали. И в твоём «Человеке» не художественная его сторона поразила меня — у тебя есть вещи сильнее — а то, что он при всей своей возвышенности передает только *обычное* состояние твоей души. *Обычное* — это страшно сказать. То, что в других устах было бы громким словом, пожеланием, надеждою, — у тебя лишь точное и прямое выражение обычно существующего. И это делает тебя таким особенным, таким единственным и загадочным, а в частности для меня таким дорогим и незаменным. Если б ты разлюбил меня, ушел бы от меня с своей душою, это было бы непоправимым изъяном для моей личной жизни — но только личной. Не любит, так и не любит — что же поделаешь. Но если бы ты изменился, перешел к нам, невольно или вольно изменил бы себе —

это разворотило бы всю мою голову и сердце и извлекло бы оттуда таких гадов отчаяния, после которых жить не сто́ит.

22 апреля

Продолжаю письмо после длительного промежутка.

О тебе продолжать не стану. Ты и не любишь, когда говоришь о тебе, да собственно я уже и сказал, что нужно. Я тебя люблю, как немногих, и уважаю, как никого. И мне просто приятно и дорого знать, что где-то там ты существуешь.

Относительно «Навуходоносора». Скиталец сказал мне, что вы с Константином Петровичем задумываете третий сборник или второй — в замену погибшему. И вот я подумал, не хочешь ли ты в этот новый сборник определить «Навуходоносора», если он тебе нравится. К сожалению, этого нельзя будет сделать. Я уже получил за рассказ деньги с Кожевникова — главное — просто будет неловко и нехорошо обмануть. Если действительно нужен будет мой новый рассказ, то лучше я его напишу. Пишу я быстро, тем много, и я скоро это сделаю. Только уведоь меня, и я немедленно примусь за работу. А этот рассказик, пожалуйста, пришли с *твоими замечаниями* — хочется поскорее сбить его с плеч: либо переделать, либо совсем уничтожить.

Виделся и говорил с Миролюбовым. Пока результатов никаких, и боюсь, что придется с ним окончательно разойтись. Сейчас это уже есть фактически ⁴. Видаю изредка Чехова ⁵ и Скитальца. Последний поселился возле нас. Хороший малый!

Нутро у меня бушует. С тех пор как я бросил пить, голова у меня стала чище, яснее и тверже, и это приятно. Море и крымская весна наполнили меня каким-то гулом: точно внутри меня ходят волны и время от времени выбрасывают неожиданные мысли. А минутами, когда я ложился спать и закрывал глаза, никаких мыслей не являлось, а зажигалось солнце и какой-то блеск, и какая-то игра, смех, шум, песни. Сейчас это прервано нездоровьем, которому я продолжаю платить аккуратнейшую дань — но надеюсь, вернется снова.

Говорил с Алексиным о «Василии Фивейском». Рассказ очень ему не нравится и кажется совершенно неудачным, так что скучно даже читать. Думаю, что мнение Алексина будет мнением очень многих, если не большинства, но не особенно огорчаюсь этим. А вернее, даже несколько не огорчаюсь, и даже чуть ли не радуюсь. Отчего это: живу я относительно счастливо, а злость к миру не только не утихает — крепнет, становится ядовитее, беспокойнее. И порою тянет меня в какое-то беспредельное одиночество: чтобы никто меня не любил, не ласкал, не сочувствовал мне, а был бы я один с какими-то моими особенными чувствами, сокровенными, молчаливыми и глубокими, как вода, чувствами, которых я не умею, а часто не хочу назвать.

Крепко целую тебя. Твой Л е о н и д

¹ См. предыдущую телеграмму Горького.

² Валентин Алексеевич Кожевников (1867—1931) — инженер путей сообщения, издатель, член Русского общества драматических писателей. В 1904—1906 гг. — редактор-издатель журнала «Правда» (см. статью «Марксистская периодическая печать 1896—1906». — «Красный архив», 1926, № 5, стр. 186—187). В 1906 г. издавал в Москве газету «Книговедение» и при ней еженедельник «Зори», посвященный вопросам литературы и искусства. За помещение в декабрьском номере «Правды» 1905 г. статей «Ноябрьская политическая стачка в С.-Петербурге» и «Московское восстание» приговором Московского окружного суда 30 июня 1906 г. Кожевников был осужден к заключению в крепость (ЦГАОР, ф. 63, оп. 10, ед. хр. 308/1903; «Русские ведомости», 1906, № 168, 1 июля; «Русское слово», 1906, № 168, 1 июля); освобожден под залог и со второй половины 1906 по 1913 г. жил в Париже. По возвращении в Россию от издательской деятельности отошел.

³ Поэма Горького «Человек» появилась в сборнике «Знание» за 1903 г., кн. 1 (СПб., 1904). Этот сборник был выслан Андрееву Пятницким 6 апреля 1904 г.

⁴ См. письмо 110.

⁵ Андреев с женой посетили Чехова в Ялте 24 марта 1904 г. (письмо Чехова к О. Л. Книппер от 25 марта 1904 г. — А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. XX. М., 1951, стр. 256). О взаимоотношениях Чехова и Андреева — см. в статье В. И. Беззубова «А. Чехов и Леонид Андреев». — «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 139. Труды по русской и славянской филологии, VI, 1963, стр. 184—201.

102. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 20 ... 24 апреля 1904 г.〉

Дорогой мой Леонид,

твой рассказ мне не понравился. Написан он чересчур «нарочито», в нем куча лишних слов, они покрывают его налетом скуки, делают тяжелым и портят его внутреннюю красоту — красоту его смысла. Смысл же его — глубок и важен, гораздо более, чем ты, видимо, думаешь.

И его нужно сильно вычистить, сократить, отшлифовать, как бриллиант.

И — вот что: твой вавилонский сверхчеловек — не очень дерзок: в том, что он осмелился тепленького говнеца поестъ — еще немного истинно-человеческого, тут только — «слишком человеческое» — как говорят иначе, свинское, зоологическое. Пробудить в себе зверя, скота, это всякий может, но вознести себя на крыльях гордости и отчаяния до богов, до небес и в лицо богам бросить несколько вопросов — вот это — хорошая выходка!

Ты как бы хочешь оправдать скота — ну, сто́ит ли? Ведь этим все занимаются, друг мой. Но проще: по моему мнению, темой рассказа ты должен был поставить *испытание царем глубины рабства людей* — это тебе не совсем удалось, Леонид. Ты слишком много обратил внимания на царя, но упустил из виду рабов. А ведь пока что мы, писатели русские, должны внушить нашему читателю не стремление быть царем — куда уж ему! а хотя бы отвращение к рабству.

И нужно, друг мой, рабами заняться больше, им больше места уделить. Царь скучает не оттого, что ищет равенства с богами и — теряет веру в их бытие, — это, если хочешь, хорошо, — но оттого, что на земле всюду рабы, и он среди них одинок на земле.

Ты поймешь меня? И, разумеется, не обидишься? Не обижайся.

После «Отца Василия» рассказ — в том виде, как он есть у меня, — слаб. И — говорю, в нем много «нарочного». Такую тему надо писать языком флюберовских легенд. Милый мой друг, — не торопись с этой вещью, умоляю! Раньше осени «Правде» не давай, а за лето — перестрой его.

Ну, а я написал пьесу¹. Вышло — жидко, плоско, разговорно и злободневно — очень скверно! Но — духом не падаю! Начинаю вторую. А если ты уступишь мне тему «Астронома»² — напишу третью. Уступи? Очень хорошо складывается: астроном, учитель, ветеринарный врач. Жена астронома, сестра учителя, мать врача. Кузнец, который должен убить астронома, юродивый, веселый маляр-скептик, купец, желающий порядка и гармонии, и — *толпа*. Уступи?

Буду благодарен и прочее.

В конце месяца еду в Нижний, потом вниз по Волге и через Кавказ в Ялту. Застану ли тебя? Хотелось бы!

Кланяйся всем. А «Царя» — переделай, прошу тебя!

Обнимаю, ломаю ребра, целую и проч.

Да здравствует Япония!

Пиши на «Знание».

«Смерть мухам!»

Так назвал я свою комедию.

А. Пешков

Рассказ твой — куда девать?

Датируется по содержанию.

«ГОРЬКИЙ И ЕГО ТЕНЬ»

Шарж Ре-ми (Н. В. Ремизова)

Тенью Горького изображен Андреев

«Стрелоза», 1905, № 41, от 9 октября

¹ Речь идет о «Дачниках». См. прим. 4 к письму 98.

² В 1900 г. издательство «Знание» выпустило книгу Клейна «Астрономические вечера» (см. о ней письмо 57). «С Андреевым <...> буду писать пьесу „Астроном“. Леонид вдохновился Клейном и хочет изобразить человека, живущего жизнью всей вселенной, среди нищенски серой обыденщины. За это его треснут в 4-м акте телескопом по башке», — писал Горький Пятницкому 26 октября 1903 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 143). Об отношении Андреева к предложению Горького — см. в письме 104. Подробнее об этом — см. Л. Андреев. Пьесы. М., «Искусство», 1959, стр. 558—560.

103 ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 25 ... 28 апреля 1904 г.〉

Дружище — ты очень хвалишь меня, смотри — испортишь!

Насчет твоего рассказа я тебе писал, но кажется — плохо и едва ли — вразумительно.

Сейчас — у меня малярия, но скоро она исчезнет, тотчас же я поеду в Нижний, а числа 10-го буду в Ялте ¹, о чем, кроме тебя и Алексина, никто не должен знать.

Мне бы хотелось поговорить с тобой о рассказе раньше, чем ты его отдашь «Правде», ведь — все равно! — летом они его не напечатают.

Задержи до меня, а? Видишь ли — я считаю эту тему очень важной и — что еще важнее — очень «твоей».

Ну?

Кланяюсь Скитальцу и Сашке Алексину и твоей жене и т. д.

А. Пешков

Датируется предположительно. Ср. письмо Горького к Е. П. Пешковой из Петербурга, посланное между 23 и 26 апреля 1904 г. («Архив Горького», т. V, стр. 113).

¹ В Нижний-Новгород Горький приехал в начале мая 1904 г., в Ялту же попал только 7 сентября («Летопись», I, стр. 475, 484).

104. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Ялта. 1 ... 10 мая 1904 г.>

Милый мой Алексей! Ты большой чудак. Разве могу я обидеться, когда ты бранишь мой рассказ? Не только не обижаюсь — самолюбивая обидчивость не в моем обычае — но даже не испытываю неприятного чувства. Плох рассказ, ну и плох — экая важность. Точно не могу я написать хорошего. Очень даже могу и нимало в этом не сомневаюсь. А плохой рассказ написать время от времени даже полезно: это как болезнь, вышедшая наружу, — видно, в чем она и как ее лечить. И спасибо тебе, что угадал, что пышного бутон-д-амура не принял за прекрасный цветок истинно-художественного творчества.

В Навуходоносоре помимо смысла, символа, есть много недурных частностей — есть настроение веков — и если писать рассказ *в этом тоне*, то, пожалуй, он сошел бы, с некоторыми поправками. Конечно. Не согласен я с тобой кое в чем по существу: превращение царя в скота и обратно это не вульгарное *оправдывание* скотства, а, точнее, его *оправдание*, т. е. признание за скотством некоторой весьма даже своеобразной красоты и смысла. Разные бывают скоты, разные и герои, и в конечном предумышленном скотстве, пожалуй, больше * гордости и свободы, чем в геройстве: герой может рассчитывать на сочувствие, если не современников, то потомства, а в случаях одинокого безвестного геройства его одобряют предки, которые сидят у него в душе и радуются. На что может рассчитывать «скот»?

Потом: ты говоришь, что я должен выдвинуть вперед рабов и меньше заниматься царем. На кой чёрт мне рабы? Мне царь нужен, мне нужен хоть и призрачный образ одинокого, свободного и смелого человека, который заглянул во все дыры мироздания, который отверг славу, могущество, мудрость во имя чего-то лучшего, имени чему я не знаю. Это не свобода, так как и свободу он, в сущности, отверг — по крайней мере, внешнюю. Быть может, это безграничный произвол наглости, высшее утверждение своего «я» на своих собственных развалинах.

Огромный недостаток рассказа — в его тоне. Не знаю, откуда это у меня явилось — но в последнее время сильно тянет меня к лирике и некоторому весьма приподнятому пафосу. Приподнятость тона сильно вредит «Василию Фивейскому», так как, по существу, ни к громогласной лирике, ни к пафосу я не способен. Хорошо я пишу лишь тогда, когда совершенно спокойно рассказываю о беспокойных вещах, и не лезу сам на стену, а заставляю стену лезть на читателя. «Большой шлем», «Жили-были» — вот мое настоящее. Нужно писать так, чтобы были только слова необходимые, а слова полезные, красивые и т. д. к чёрту. О смерти нужно писать «он умер», о любви нужно писать «он любит». В крайнем случае можно добавить: «скоропостижно» или «страстно». И я хочу вернуться к этому краткописанию, и мною уже задуман рассказ летописного свойства², каковой я и напишу, когда прекратится у меня крымское разжижение мозгов.

А Навуходоносора в таком виде — насмарку. Может, я его и напишу вновь, может, и совсем заброшу — пусть его поваляется. Кожевникову же (красивое звуковое сочетание) напишу что-нибудь в высшей степени позитивное. Кстати: когда меня спрашивают теперь, позитивист я или идеалист, у меня делаются колики в желудке и заворот кишок. И когда я слышу: позитивист, идеалист, мне хочется выть, ныть, царапаться в дверь, просить в долг, драться, стонать.

* Здесь рукой Андреева между строк приписано: Памфалон¹. — Ред.

Об астрономе я сам много думал и уступить ни даже за полтинник не уступлю. Вместе давай писать ³. Понимаешь: эти болваны убивают астронома в момент затмения солнца, думают, что он солнце погасил — и вдруг солнце-то и вылезает! И спрашивает: вы, что же это, сукины дети, сделали? Занавес и крики: автора, автора! Автор выходит, ловко отмахивается от десятка тухлых яиц, утирает лицо, орошенное соком гнилых апельсинов, и кланяется, чтобы пропустить летящий сапог.

Я очень рад, что ты приедешь в Крым и мы поговорим ⁴. Живу я около Ялты, возле Никитского сада, на даче «Монтедоро», и если ты ко мне приедешь, мы знатно погуляем. Главное, чтобы потолковать с тобою, что, в сущности, бывает редко и для меня лично бывает очень приятно. Дико у меня на даче, просто прелесть. На версту ни одного дачника и ближайший дачник — Скиталец с нелюдимкой женою ⁵. Вероятно, проживу здесь лето.

Приехал брат и рассказал о твоей ссоре с Крандиевской, вернее о ссоре Крандиевской с тобою. Чем ты с нею не поладил? ⁶

До свидания. Никогда не думай, что я могу обидеться — милый ты мой чудак, чреватый неожиданностями.

Крепко целую тебя. Хоть бы ты почаще писал, а то совсем забываешь меня.

Твой

порно-Г р а ф М о н т е д о р о

Япония-то?

Рассказ пришли. Жалко сборник.

Почта ко мне не ходит, так что адресуй на Елпатьевского.

Датируется по содержанию.

¹ Андреев подразумевает рассказ Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон» (1887), герой которого скоморох оказался «праведником».

² Вероятно, рассказ «Бен-Товит» (см. письмо 135).

³ См. письмо 102. Сюжет «Астронома» Андреев использовал в пьесе «К звездам» (1905).

⁴ См. письмо 103.

⁵ О женитьбе Скитальца — см. прим. 3 к письму 52.

⁶ Издательство «Знание» намеревалось выпустить книгу рассказов А. Р. Крандиевской. Но Крандиевская, недовольная редакционной правкой рассказов, послала в «Знание» резкое по тону письмо.

105. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

«Петербург. 20 мая 1904 г.»

Друг мой,

это так: скоты бывают разные: и бык — скот, и лев, и свинья — скотина, но в свинье я ни в телескоп, ни в микроскоп никак не мог бы усмотреть «своеобразной красоты и смысла». Ты же именно свинскому скотству апологию сочинил в письме твоём. Сие — не важно. И в поведении свиньи никогда не может быть «больше гордости и свободы, чем в геройстве» — это уж факт!

Гордость — красива, свобода — тоже, свобода может быть ужасно красива, но — свинья и свобода — не соединимы, равно как не соединимы гордость и свинья. А ты своего царя именно в свинью превратил. Это — некрасиво, хотя, может быть, правдиво, и это к теме твоего рассказа не относится — пойми!

«Утверждение своего „я“ на своих собственных развалинах» — ловко сказано, но опять же надо помнить вот о чем: это делалось и очень часто,

очень многими; это делалось тогда, когда человек побеждал в себе скота и на трупе его разгорался огонь духа свободы. Не забывай, что в человеке скота — больше, чем человека, и что сей факт очевиден, в апологии не нуждается. Не забывай также, что между скотом и зверем есть большая разница¹.

Тебе нужен образ одинокого, свободного и смелого человека, который отверг бы мудрость, могущество и славу во имя чего-то лучшего — надо это лучшее искать где-то в другом месте, а не в превращении в свинью. Просто — обидно слушать тебя!

Видишь ли: человек стоит между двух бездонных ям — рождение, смерть — он сообразил, как устроилась вселенная и знает, что земля в один прекрасный день сможет упасть на солнце и превратиться в пар, вместе с ним, библиотеками, музеями, младенцами, драгоценностями — со всей материализованной, многовековой работой его духа, со всем, что ему дорого, что он любит. Вот ты и посмотри с этой трагической стороны, как однажды пытался посмотреть Екклесиаст, а потом еще посмотри: тогда увидишь, что несмотря на знание будущей гибели — бесследной гибели всей работы мускулов и духа его — он все работает, все творит и не для того творит, чтобы отвратить эту гибель бесследную, а просто из какого-то гордого упрямства.

«Да, я погибну, я погибну бесследно, но прежде я построю храмы и создам великие творения. Да, я знаю и они погибнут бесследно, но я создам их все-таки и да — я так и хочу!»

Вот человеческий голос. И — поверь мне — настоящий человек, истинно свободный, человеческое свое достоинство всегда ценит и он всегда мужественно сознает конечность и свою и всего окружающего.

Все это скомкано, прости! Уж очень некогда! Рассказ посылаю при сем. Только сегодня приехал сюда из Нижнего, Екатерина Павловна будет здесь послезавтра проездом за границу.

Ну, хорошо, пиши астронома. Я тоже буду писать. Печатать, ставить — не буду, а писать буду. Потом прочитаю тебе.

Кланяюсь. В Ялту не попаду.

До свидания.

А. П.

Пиши на «Знание».

Голубчик — дай же рассказ для Нижегородского сборника! Умоляю! Одолели меня! Напиши что-нибудь крымско-морское или горное.

А Скитальцева жена пребывает невидима? Сие странно. Сам-то он видим ли?

Пиши.

Твой А.

Датируется днем приезда Горького в Петербург из Москвы — 20 мая 1904 г. В тот же день он уехал в Куоккалу, где 23 мая встретился с Е. П. Пешковой («Летопись», I, стр. 476).

¹ Этой теме Андреев позже посвятил рассказ «Проклятие зверя» (см. прим. 1 к письму 155).

Вот, дорогой мой Леня, похоронили мы Антона Чехова¹. Знаешь — я рад за тебя, что ты не был на этой гнусной церемонии торжества пошлости. Она торжествовала над гробом и могилой своего тихого, но стойкого врага, всячески торжествовала, соболезнуя и беззаботно улыбаясь, торжествовала, проливая гнилые слезы и ораторствуя. Его труп привезли

...только: Никит Бунин. Свободный,
разумный, и умный, без сомнения одна
сильнейшая на нашей земле личность
и к тому же - на предвечном в своем
Даром Дни - единичный, но, тем не менее,
это нужно нам, нужно!

Бог с нами. Мы и на послед,
там я вам добрую.

Никитин нам: Свободный
Ерзовская улица

Свободный. Никитин. Это же и
только, что и мы об этом не знаем
то, что же это все и что же

Всего же и мы и что же
об этом же и мы и что же

Единичный, но, тем не менее,
и мы и что же и мы и что же
и мы и что же и мы и что же
и мы и что же и мы и что же

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К АНДРЕЕВУ ОТ 11—12 ИЮЛЯ 1904 г.

Последний лист

Колумбийский университет США

в вагоне, на котором было крупно написано: «для отправки свежих устриц», и закопали в землю рядом с прахом «вдовы казака первого петербургского отдела Ольги Кукореткиной». Если вспомнить, что пошлость — это была именно та серая туча, которую он освещал бесподобно ясным, хоть и ласковым светом. Презирая — он сожалел. Друг мой дорогой, удивительно одинокая, трагически одинокая фигура — русский писатель, крепко жму твою руку и всем сердцем, горячо поздравляю с честью, мучительной честью быть одним из лучших писателей наших дней. Прости за лирику, но меня отравили эти похороны.

Я весь обрызган серой грязью речей, надписей на венках, газетных статей, разных разговоров. И, невольно думая о своей смерти, — я представляю себе идеальные похороны в таком виде: ломовой извозчик везет мой гроб, а за ним идет один равнодушный городской. Лучше этого, благороднее, приличнее нельзя похоронить писателя в России.

Но — подробно при свидании, ты же читаешь газеты и чувствуешь, как всё это было сделано. Вот что, Леонид: мы с Пятницким и Куприным затаили книгу в память Антона Павловича². Думаем, что участвовать в ней будут только Куприн, Бунин, я и ты. Каждый из нас напишет что-нибудь лично об Антоне Павловиче — встречи с ним, какой-нибудь разговор, впечатление от его рассказов и — даст еще рассказ. Куприн дает повесть «Поединок», большая вещь листов 8³. Ты поступил бы прекрасно, если б написал что-нибудь подобное твоей заметке по поводу смерти Золя⁴, и дал еще «Бунт на корабле» или «Царя», если ты его не совсем забрал и думаешь перестроить. Я дам какой-то рассказ и статью «Чудовище» — о пошлости⁵. Пишу Бунину⁶. Сборник, разумеется, платный. Из дохода сделаем отчисление на памятник Чехову или куда-нибудь — на предприятие в его честь. Дорогой друг — сделай это! Пойми, что это нужно нам, нужно!

Больше не пишу. Точно мне, Леонид, зол я, как дьявол.

Пиши мне так: Старая Русса Ерзовская улица, д. Новикова.

Сегодня еду. Пиши скорее. Мне теперь кажется, что уж ты обиделся на меня за что-то, раньше это все тебе казалось.

Кланяюсь милой Александре Михайловне, крепко обнимаю тебя.

А.

Если решишь писать что-нибудь лично об Антоне Павловиче — пиши красиво, достойно его⁷. Нужно, чтоб в сентябре сборник был в продаже.

Датируется по связи с письмом к Е. П. Пешковой от 11—12 июля 1904 г. («Архив Горького», т. V, стр. 119—120).

¹ На похороны Чехова Горький приехал из Старой Руссы в Москву 7 июля 1904 г. («Летопись», I, стр. 477—478).

² См. прим. 1 к письму 114.

³ См. письмо Горького к Куприну от середины июля 1904 г. — «Горьковская коммуна», 1946, № 151, 27 июля.

⁴ Джемс Л и н ч. Мелочи жизни. — «Курьер», 1902, № 269, 29 сентября. В собрание сочинений Андреева фельетон вошел под заглавием «О писателе» (ПССА, т. VI, стр. 280—285).

⁵ Статья «Чудовище» — неосуществленный замысел Горького.

⁶ См. «Горьковские чтения. 1958—1959». М., 1961, стр. 28—35.

⁷ В 1910 г. в одном из газетных интервью Андреев сказал о Чехове: «Я мало знал его. У меня с ним было всего каких-нибудь четыре-пять встреч <...> Меня давно просили написать о нем, но я всегда отказывался: то, что я мог бы рассказать, носило бы страшно поверхностный характер. И хотя я видел его мало, для меня необыкновенно приятны минуты, проведенные в его обществе» (С. С и р о. У Леонида Андреева. — «Русское слово», 1910, № 14, 19 января). См. также письмо Андреева к В. В. Каллашу от июля 1904 г. (стр. 509 настоящ. тома).

107. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Ялта.) 6 августа (1904 г.)

Нужно бы о делах поговорить, а мне все хочется объясняться с тобою в любви. Даже то обстоятельство, что ты можешь зазнаться и послать меня к чёрту, не может удержать меня от этого рискованного объяснения. Итак — вот много вокруг меня хороших людей, и со всеми я приятель, и разговоры бывают хорошие — а нет друга, кроме друга, нет Максимыча, кроме Максимыча. И всё тут.

Сижу еще в Крыму. То Димка захворает, то еще что — выберусь в Москву только к 15-му. Планы у меня такие. Больших вещей («Астронома», «Еврея»¹, «Бунт на корабле», «Чудо»², «Брата и сестру»³) начинать не стану — лето прошло у меня дрянно, ничего обмозговать как следует не удалось. А напишу я ряд маленьких рассказов, четыре штучки, приблизительно по листу каждая. Обдумал я их полностью, нужно только написать. И поеду я на сентябрь месяц в Бутово, где жил прошлое лето, возьму пустую дачу, буду шататься и работать. Будут шуметь деревья, будет дождь стучать в стекло, будут кругом пустые и темные комнаты, много пустых и темных комнат, а у меня будет светло и буду я писать о войне, о сумасшедших, о смерти, о любви.

...Дрожит немного рука: сейчас загорелась в соседней комнате занавеска у окна, и я тупил. А нынче вечером возле нашей дачи взрывом ранило двух турок, одного, кажется, смертельно, вырвало глаз и пр. Эти турки все лето работают у нас, очень милые ребята, смелые, деликатные, держатся с достоинством. И эти двое забивали бурку, когда от искры произошел взрыв. И я видел, как несли одного из них, весь он, как тряпка, лицо — сплошная кровь, и он улыбался странной улыбкой, так как был он без памяти. Должно быть мускулы как-нибудь сократились и получилась эта скверная, красная улыбка⁴.

С тобой мне необходимо переговорить о весьма важных делах (между прочим — о чеховском сборнике). Кстати: почему ты напираешь на Куприна? Души нет у Куприна, талант большой — но пустой. Всё только формы: формы людей, предметов, жизни, страстей — а в середине пусто. Не нравится он мне, совсем чужой.

Встретил как-то в Ялте Нemiровича. Рубашка у него зеленая, галстух из морской травы и голос у него такой, будто находится он в летаргическом сне или неделю назад утонул.

Читал ты «Мир как воля и представление»? Весь я сейчас под властью этой великолепнейшей книги — такой умной, такой красивой и стройной⁵.

В ней нет ничего мистического, неясного, подмаргивающего, крепкая, сильная, смелая, человеческая мысль работает открыто и честно, как в лаборатории. И вовсе не пессимист Шопенгауэр: только трусливое мечтанство, желающее быть обманутым, могло признать его таковым. Он отрицает возможность счастья, удовлетворения, покоя; основой жизни, по его исследованию, является вечно голодная, вечно стремящаяся *воля*. Все стремится, все желает расшириться, овладеть миром, властвовать — какая красота в этом стремительном потоке, где камень, растение, человек, все рвется вперед, разрушая, созидая и снова разрушая. Вперед!

Возможно, что я Шопенгауэра понял не совсем верно, скорее применительно к собственным желаниям — но он заставил много и хорошо поработать головой и многое сделал более ясным. Так попутно уяснилось мне кое-что в искусстве, и стало совсем понятно, почему твое «На дне» хорошо, а «Мещане» — плохо. И понял я — что недаром Толстой увлекался Шопенгауэром: его «Анна Каренина», достоинства которой столь очевидны и вместе с тем так трудно поддаются критическому анализу, есть художественное воплощение мира как воля и представление. Консистерская

моралишка «мне отмщение и — аз воздам»⁶ с этой точки зрения приобретает новый, огромный смысл, отнюдь не теологический.

А как Шопенгауэр ненавидел дураков и как откровенно высказывал это! И так приятно видеть, что наконец-таки нашелся умный человек, который не извиняется перед дураками за свой ум. Отчего это, Алексеюшка: если я приду к людям и скажу: какой я, знаете, дурак! — меня накормят, напоят и спать положат; а если скажу: какой я умный! — меня побьют?

Пишу отрывочно — очень о многом хочется поговорить. Правда, что Россия не переживала еще такого любопытного, решительного момента? Логика вещей с величайшей деликатностью привела самодержавие в тупик, и как по логике ни рассуждай — нет выхода. Что просвещение народа с самодержавием несовместимо — с этим самодержавие давно и великодушно примирилось. Но что невежество и сила несовместимы — это полностью постигло оно только теперь, так что даже «Русский инвалид» успех японцев объясняет «развитием народных масс»⁷. Как же быть-то? На месте Глазова⁸ поместил бы «Логику» в числе запрещенных книг.

Еще хочется говорить, но бумага кончилась.

Целую тебя.

Твой Леонид

На письме помета Пятницкого: «1904».

¹ Возможно, замысел неосуществленной пьесы Андреева «Агасфер», план которой сохранился в его бумагах (ЦГАЛИ). В 1907 г. он говорил, что «Агасфер», которым он занят, должен продолжить собой рассказ «Елеазар» («Биржевые ведомости», 1907, № 228, 5 октября).

² Рассказ о юноше, взорвавшем «чудотворную» икону. См. прим. 7 к письму 41.

³ См. прим. 5 к письму 79.

⁴ Этот случай повлиял на создание Андреевым рассказа «Красный смех» (С. Я. Елпатьевский. Леонид Николаевич Андреев. — «Былое», 1924, № 27-28, стр. 280).

⁵ Речь идет об известной книге А. Шопенгауэра. Влияние пессимистической философии Шопенгауэра Андреев испытал еще в юности. В письме к В. Л. Львову-Рогачевскому 1908 г., вспоминая завершение своих юношеских исканий, Андреев сообщал: «Влияние книг кончилось, и из всего остался один Шопенгауэр, по-видимому, и сейчас, о чем только догадываюсь — живу под знаком „Welt als Will und Vorstellung“» (В. Л. Львов-Рогачевский. Две правды. Книга о Леониде Андрееве. СПб., 1914, стр. 24).

⁶ Истолкование самим Толстым эпиграфа к «Анне Карениной» — см. в письме М. С. Сухотина к Вересаеву от 23 мая 1907 г. (Вересаев, стр. 433, а также: Толстой в последнее десятилетие своей жизни. По записям в дневнике М. С. Сухотина. — «Лит. наследство», т. 69, кн. 2, 1961, стр. 195—196).

⁷ «Русский инвалид» (СПб., 1813—1917) — ежедневная газета; с 1868 г. — офицоз военного министерства. В газете публиковалась обширная информация о ходе русско-японской войны. Материалы «Русского инвалида» использованы Андреевым в работе над «Красным смехом». См., например, информацию о гибели русских солдат от солнечных ударов (1904, № 160, 22 июля), корреспонденцию П. Н. Краснова «На войне. XIII. Как умирают на войне» (№ 165, 29 июля) и др. Цитата взята Андреевым из корреспонденции Краснова «На войне. XV. Снабжение армии» (№ 168, 1 августа).

⁸ Владимир Гаврилович Глазов (1848—1916) — генерал от инфантерии. С 10 апреля 1904 по 17 октября 1905 г. — министр народного просвещения.

108. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 12 ... 15 сентября 1904 г.)

Сердись, не сердись — а факт налицо: жестокая инфлуэнца. Приедешь ты из Крыма, и у тебя, бог даст, будет инфлуэнца, и тогда ты поймешь всю силу моего насморка.

Чихаю, но пишу рассказ¹. Кашляю, но пишу. Ерунда выходит сверхъестественная, отвык, видимо, писать. Настоящих слов нет, а всё какие-то чужие, литературные, плоские. Начал рассказ так:

«Солнце заходило. Последние лучи заходящего светила печально золотили...»

Нужно долго выписываться, пока доберешься до настоящего.

Смущает меня Скиталец, и очень его жаль. Малый, видимо, заблудился — в трех соснах. Что-то мешает ему писать, и он приходит в отчаяние — в настоящее форменное отчаяние. Мрачен, подозрителен, убежден, что талант у него пропал, не хочет поддерживать отношений ни с тобою, ни с Шалипиным, ни со мною: «на что я им нужен, я не литератор, нам вместе нечего делать».

Разговариваю его, но тщетно. Боюсь, что есть какая-то ошибочка в его семейном укладе. Точно заснул, и сон у него тяжелый, а проснуться никак не может. Нужно, чтобы прищемило его. Я даже советовал ему по пьянствовать — не может пить, голова болит, не доставляет удовольствия. Жалко ².

Новостей нет, кроме одной: будто Куропаткин ³ выслал Немировича за корреспонденции неодобрительного характера ⁴. Возможно, что врут.

Твой приезд оставил во мне впечатление великолепнейшего праздника ⁵. Такой ты — будто у тебя лет десять с плеч свалило. Так хорошо всё — и в тебе и вокруг тебя. Эх, брат Алексеюшка!

— Мокей, а Мокей! А что ежели я дам ему однажды? ⁶

Хорошо! Только — уж не очень ли мы умны стали? Много глупости — вредно, а немножечко глупости — необходимо. И понимать всё — так же скверно, как не понимать ничего.

Мне кажется иногда, что ты сделан из радия.

Читаю сейчас историю Французской революции. Вот люди, вот красота! И сколько творческой, молодой глупости!

«Декретом Конвента объявляется, что все люди равны»... И сами верят — все верят — и, действительно, равны!

Какой адрес Марии Федоровны? ⁷

Крепко целую тебя.

Твой Леонид А н д р е е в

Датируется по содержанию (см. прим. 2). На письме помета Пятницкого: «1904».

¹ «Красный смех».

² Пересылая настоящее письмо Андреева Пятницкому 18—19 сентября 1904 г., Горький особое внимание обращал на строки о Скитальце («Архив Горького», т. IV, стр. 164).

В Крыму Скиталец работал над повестью «Огарки», дававшей ему с большим трудом. В одном из писем к Пятницкому он с горечью утверждал, что сознает незначительность своего литературного таланта и подумывает о прекращении писательской деятельности (АГ).

³ Алексей Николаевич Куропаткин (1848—1925) — генерал; с 1892 г. — военный министр. В русско-японскую войну (с 12 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г.) — главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке.

⁴ Василий Иванович Немирович-Данченко (1844—1936) — писатель и журналист. В конце февраля 1904 г. поехал на Дальний Восток в качестве военного корреспондента («Русское слово»). В его корреспонденциях (из цикла «Слепая война») содержалась довольно умеренная критика неспособных руководить армией генералов и армейских порядков. Ответственность за военные неудачи России Немирович-Данченко возлагал на «бюрократический режим» («Русское слово», 1904, №№ 117 и 122, 1 и 7 мая). После статей Немировича-Данченко о поражении русских войск под Вафангоу Куропаткину предложили удалить его из армии. 25 декабря 1905 г. Немирович-Данченко «временно покидает театр войны с правом возвращения» («Русское слово», 1905, № 137, 23 мая).

⁵ С 7 сентября по 4 октября 1904 г. Горький жил в Ялте («Летопись», I, стр. 484—486).

⁶ Андреев по памяти цитирует фельетон Термита (П. А. Россиева) «Московские отголоски. Уличные сценки». Темой фельетона были отклики обывателей на разрыв Японией дипломатических отношений с Россией накануне войны. Цитируемые слова принадлежат персонажу фельетона, фабричному, принявшему бухарца за японца («Русский листок», 1904, № 26, 27 января). Горький в то время был в Москве и, очевидно, между ним и Андреевым по поводу этого фельетона произошел запомнившийся Андрееву разговор.

⁷ М. Ф. Андреева.

109. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Ялта. 16 ... 18 сентября 1904 г.>

И ум, и глупость — в избытке все отвратительно, дружище, ты прав, как Адонай, считающий евреев лучшими из людей¹. Избыток денег, славы, ума и глупости, всякий избыток, мой дряхлый чёрт, создает рабство, цепи, но у каждого барона своя фантазия — и пусть люди хвастаются избытком пошлости в них, нам с тобой, по расчету напему, это только полезно.

Из вышеписанного ты увидишь, что Ялта уже действует на меня, мозги мои сокрушены и спутаны ветром, во внутренностях — рев волн морских — это не потому, что у меня желудок не в порядке, а от погоды — жестокая погода!

Приехал я сюда — неведомо зачем и сижу². Пробовал писать о Чехове и — кажется — это не моя специальность — не умею я писать об усопших. А о литераторе Чехове надо писать долго, подробно, кропотливо, — времени на это нет³.

Скитальца — жалко, а, может быть, и не жалко — просто — неприятно. Не люблю я нетвердого, — хотя зубы у меня и плохи стали — не люблю я ничего нестойкого. Ты бы, мой горный ангел, сходил бы к С. Морозову и посоветовал бы ему купить «Курьер»⁴. Я уже говорил с ним об этом, но — налету, — не основательно. Поговори ты. План стоящий. Редакция — Ашешов, Чириков, ты, я и еще какие-нибудь эдакие архангелы. Веселенькая могла бы получиться газетина, хотя и — недолговечная.

С Саввой — говорить можно просто, ясно, очень удобно.

Адрес Марии Федоровны: Рига, Русский театр. Ежели ты пошлешь ей фотофизию свою, она будет довольна, ибо тебя она зело уважает, и это такой же факт, как и то, что по лестнице идет ко мне Орленев⁵.

Здравствуйте!.. А вы, м'сье, до свидания!

Пишите! Пишите хорошо. Пишите очень хорошо. И напишите — великоленно, так чтобы этот самый читатель сам себя за нос укусил от искреннего удивления пред вами, мой дорогой синьор!

Кланяюсь.

Целую тебя в твою роскошную бороду... она рыжая? или голубая? — забыл! Это естественно, ибо я видел ее простым глазом, а не в микроскоп, как следовало бы.

Ну, ладно.

«Привидения» сидят рядом со мной, и от них пахнет перегорелой водкой.

Датируется по содержанию (см. прим. 5).

¹ Адонай («господин мой») — одно из наименований бога (др.-еврейск.).

² Горький оставался в Ялте до 4 октября («Летопись», I, стр. 486).

³ Воспоминания Горького о Чехове впервые напечатаны в «Нижегородском сборнике» (см. прим. 2 к письму 84). Дополнения к воспоминаниям опубликованы в журнале «Беседа» (Берлин), 1923, № 2, в цикле «Из дневника», вместе с воспоминаниями о Блоке и другими очерками.

⁴ Савва Тимофеевич Морозов (1862—1905) — крупный фабрикант и меценат. О близком знакомстве с ним Горький рассказал в очерке «Савва Морозов», задуманном как вторая часть воспоминаний «Два купца» (Н. А. Бугров и С. Т. Морозов). Впервые очерк опубликован с некоторыми сокращениями в «Октябре», 1941, № 6; полностью: «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.», стр. 12—35. Покупка «Курьера» Морозовым не осуществилась (см. прим. 4 к письму 112).

⁵ Павел Николаевич Орленев (1869—1932) — народный артист РСФСР. С 1900 г., порвав связь с постоянными театрами, много гастролировал по России и за границей (см. «Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим». М.—Л., 1961). 15 сентября 1904 г. Орленев играл в пьесе Ибсена «Привидения». Спектакль состоялся в Ялте в зале общественного собрания. 27 сентября в этом же зале был вечер в пользу нуждающихся больных, в котором приняли участие Горький, Гусев-Оренбургский, Орленев. Горький прочитал «Человека», а Гусев-Оренбургский — стихотворение «Сказка». «Авторов публика приветствовала грандиозными овациями», — говорилось в газетном отчете («Крымский курьер», 1904, № 221, 29 сентября).

110. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 16 ... 18 сентября 1904 г.)

Милый Алексей! Посылаю тебе письмо мое к Миролюбову¹ — прочти, пожалуйста, и выскажись, и пришли его обратно мне. Хочется мне уладить это дело.

Пишу. К твоему приезду будут готовы кое-какие пустячки.

Крепко целую тебя.

Твой Л е о н и д

Датируется по письму Горького к Пятницкому из Ялты от 21—22 сентября 1904 г. «Архив Горького», т. IV, стр. 165—166).

¹ Письмо Андреева к Миролюбову (см. о нем прим. 1 к письму 2) было вызвано привлечением к участию в журнале критика идеалистического направления А. С. Глинка-Волжского (см. о нем прим. 4 к письму 93). Еще в декабре 1901 г. Горький предостерегал Миролюбова от сближения с Мережковским (см. о нем прим. 6 к письму 34) — одним из организаторов Религиозно-философских собраний в Петербурге, членом которых стал и Миролюбов (XCVIII, 211—212). В феврале 1903 г. Горький порвал отношения с Миролюбовым. Поводом для разрыва послужило помещение в «Журнале для всех», 1903, № 2 (без ведома Горького) фотографии, на которой Горький снят с сыном Максимом на коленях (XXVIII, 280).

Не разделяя религиозно-философских исканий Миролюбова, Андреев в то же время считал ошибкой Горького уход из журнала, имевшего 78 тысяч подписчиков. Отказ от предоставляемой «Журналом для всех» широкой трибуны казался Андрееву слишком большой платой за заблуждения его редактора. Ему удалось склонить Горького подписать письмо в редакцию с обещанием в будущем году участвовать в «Журнале для всех» и изкупить свою вину перед читателями». Письмо появилось в декабрьском номере журнала за 1903 г. В этом же номере была опубликована первая статья Волжского «Литературные отголоски. По поводу книги г. Булгакова („От марксизма к идеализму“. СПб., 1904)», содержащая нападки на марксизм и проповедь религиозного идеализма. В письме к Горькому от 25 декабря 1903 г. А. А. Малиновский (Богданов), обращая внимание на несовместимость «письма в редакцию» Горького и Андреева и статьи Волжского, предложил Горькому публично заявить о своем несогласии с новым направлением «Журнала для всех» (АГ). В письме к Миролюбову от 27—31 декабря Горький взял обратно свое согласие печататься в журнале (МИ, т. III, стр. 50). Между тем, в январском номере 1904 г. началось печатание статьи Волжского «О некоторых мотивах творчества М. Горького», в которой не без основания увидели изложение новой программы журнала. Так, например, Ник. Ярков (Н. Е. Поярков) в «Журнальном обозрении», напечатанном в «Русской правде» (1904, № 61, 3 июня), приветствовал расширение тематики «Журнала для всех». Яркову особенно нравилось, что «в талантливо и сильно написанной статье г. Волжский доказывал относительную ценность таланта М. Горького, недавнего бога русской молодежи и большей части интеллигенции. Для журнала, печатающего произведения М. Горького, это было очень смело и, кроме того, хорошо, как признак беспристрастия».

Статья Волжского встретила резкий отпор со стороны части сотрудников «Журнала для всех». В январе 1904 г. Миролюбову был направлен написанный Вересаевым протест, в котором говорилось, что статья «г. Волжского с проповедью бога и злорадной отходною над направлением, имеющим глубокие жизненные корни в современной русской жизни, глубоко возмутила всех нас». Протест, кроме Вересаева, подписали Андреев, В. И. Дмитриева, Белоусов и Серафимович («История русской литературы», т. X. М.—Л., 1954, стр. 507). См. также письмо к Миролюбову Серафимовича от 25 января 1904 г. (А. С. Серафимович. Собр. соч., т. VII. М., 1960, стр. 387—389). Миролюбова серьезно обеспокоила угроза ухода из журнала ведущих сотрудников. В этом конфликте Андреев занимал нейтральную позицию, склоняя обе стороны к компромиссу (ЛА, вып. 5, стр. 106—110). В феврале 1904 г. в Москву для переговоров приехал Волжский. В письме к Миролюбову от 20 февраля 1904 г. Волжский сообщал: «Был, Виктор Сергеевич, я в Москве и надумал-таки зайти к Андрееву. Впечатление у меня получилось самое хорошее. Как я и предполагал, к марксизму он относится совсем-таки равнодушно и подписался под письмом из тех соображений, что ему враждебна проповедь христианства» (ИРЛИ). Встреча Волжского с Вересаевым показала, что разногласия носят более глубокий характер и что Вересаева прежде всего возмутило выступление против марксизма. Перемена направления «Журнала для всех» была с одобрением встречена в кругах символистов (Гиппиус, Мережковский) и в то же время отрицательно старыми подписчиками (см. ЛА, вып. 5, стр. 68—70).

В середине сентября 1904 г. Андреев обратился с большим письмом к Миролюбову (было послано на просмотр Горькому), в котором, осуждая новое направление журнала, выражал уверенность, «что наше общее дело не пропало и что мы столкнемся» (ЛА, вып. 5, стр. 110; опубликовано с неточной датой: «июль 1904»).

Дружный протест ведущих сотрудников заставил Миролюбова отказать Волжскому в дальнейшем участии в журнале.

111. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Ялта. 21 ... 22 сентября 1904 г.〉

Мой друг —

смысл твоего письма, как я его понял, таков: «В. С.! держитесь старого пути, что и для вас выгоднее и для читателя полезнее».

Неубедительно. Я думаю, что Миролюбов вполне искренно мечется из стороны в сторону, мне кажется, что он верит в свою свободу от внешних влияний и полагает, что его желание подняться к небу, хотя бы только на высоту православной колокольни — вполне свободное желание. А при этом условии вопрос о выгоде и пользе не на месте.

Рассмотрим случай: некий скоропалительный человек, стремясь оправдать бессмысленный факт своего личного бытия и рассматривая хаос в своей дряблой, засоренной всякой дрянью душе, между прочим находит в ней небольшое желание — «послужить народу» — с этой целью он открывает кафедру — журнал и при помощи разных лиц проповедует в своем журнале освобождение человека от предрассудков, предубеждений, авторитетов, привычек. Он понимает — более или менее, что расшатать сии четыре столба, на коих разные умники строили якобы дворцы культуры и цивилизации, а выстроили чуланы и клетки для лучшего пленения свободного человека — он, более или менее, — понимает, что это почтенная и веселая задача.

Но, по прошествии малого времени, он чувствует, что эта задача не покрывает его *личных* недоумений, его *личного* страха пред жизнью и смертью, он не настолько силен и внутренне честен, чтобы уметь отделить свое *личное* от общего, всем людям в той или иной степени свойственного стремления освободиться от кабалы государства, общества, религии, инстинктов и прочих кабал, — он пугается своей ограниченности, своего недоумения, одиночества и, распространяя свое *личное* жизнеощущение на всех, с испуга бросается в тот угол темного чулана, в котором мерцает лампада пред иконой божьей матери. Он визжит и орет: «Гармоническая жизнь не устроится без признания внешней разумной силы, без идеи бога, бог же недоступен сознанию вне тех представлений о нем, кои установила церковь».

Это называется — эволюция, я называю это — сделать философию: дети—существа, плохо умеющие лгать, говорят в этом случае: хочу а-а! и — покряхтывают.

Мой друг, известно, что муза философии — смерть, и люди философов стесняются испуга: предоставим им это право — нам ли стесняться людей? — но — предложим им, однако, делать философию прилично, не снимая при людях штанов и не обнажая источника философии, — мы должны требовать, чтобы человек делал все — красиво, по возможности, те же отправления его организма, которые никак не могут быть сделаны красиво, — пусть он творит наедине, невидимо для нас...

Русский писатель, ввиду общей дикости окружающих его людей, должен быть отчасти и санитаром, порою он принужден напоминать публике и о назначении ватерклозетов — что поделаешь? Моя аналогия — груба, да, я знаю; но — хуже русской действительности ничего не сочинишь — и моя аналогия — верна.

Вокруг нас, подобно комарам над болотом, кружится разная «обжорливая младость»¹, она жадно поглощает свежие и вкусные книжки, изготовляемые Западом, и, «нажравшись» оных книг, портит себе желудок, и страдает, и блюет, и «делает философию» — я не могу этого одобрить, я люблю красивое, люблю смелое, люблю свободного человека, но — из уважения к нему и себе — я требую, чтобы он обязательно подчинялся требованию гигиены и санитарии и чтобы известная надпись «здесь оставливатца строго воспрещается» — имела для него значение внутреннего закона.

Вот моя точка зрения.

Твое отношение к Миролюбову — очень мило и гуманно, что же? — «блажен, иже и скоты милует», но для меня Миролюбов — человек, который ради личного желания завести порядок в своей душе, публично «эволюционирует», то есть развращает людей. Это делает не один он, и, разумеется, он был бы незаметен, будучи один, но в общей куче эволюционистов и он — фигура. Подлое время!

Кстати: предупреждаю — возможно, что вскоре к тебе придут идеалисты московские и киевские и будут приглашать тебя в «Новый путь». Как видишь — я был прав, когда предрекал, что все ручьи сольются в один поток².

Возможен и позитивный журнал, но пока ты об этом не говори ничего и никому.

До свидания. Кланяюсь.

Здесь вторую неделю дует ветер, чёрт его дери!

А. П.

Датируется по связи с письмом Горького к Пятицкому от 21—22 сентября 1904 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 165—166).

¹ Цитата из «Путешествия Онегина» Пушкина.

² Подразумевается соглашение, заключенное осенью 1904 г. редакцией «Нового пути» с участниками сборника статей по философии «Проблемы идеализма» (М., <1902>) — С. Н. Булгаковым и Н. А. Бердяевым. На расширении программы журнала настаивал издатель его Д. В. Filosofov. После ухода из «Нового пути» П. П. Перцова и секретаря редакции Е. А. Егорова (он же секретарь Религиозно-философских собраний) Filosofov предложил должность секретаря вернувшемуся из ссылки Г. И. Чулкову, который, по поручению Filosofova, начал переговоры с Бердяевым и Булгаковым. С осени 1904 г. политическая часть журнала находилась в их руках (З. Гиппиус - Мережковская). Дмитрий Мережковский. Париж, 1951, стр. 143). В печати появилось письмо Filosofova, Булгакова и Бердяева об организации нового ежемесячного журнала «Вопросы жизни» с расширенной программой, предусматривающей помещение в журнале статей на религиозно-философские, экономические, политические и финансовые темы. Значительно расширился литературный отдел. Определяя задачи журнала, Булгаков писал: «Можно мириться с умеренным натурализмом, к которому в сущности в большинстве принадлежит поколение молодых беллетристов, группирующихся около „Знания“. Но нет также никаких оснований огульно отрицать все то новейшее движение в искусстве, которое не особенно удачно окрестило себя декадентством» (С. Булгаков. Без плана. — «Вопросы жизни», 1905, № 2, стр. 354).

В 1905 г. вышло двенадцать номеров «Вопросов жизни» под редакцией Н. О. Лосского (историю журнала см.: В. Е. Евгеньев-Максимов и Д. Е. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930, стр. 162). Андреев в «Вопросах жизни» не участвовал.

112. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 27—28 сентября 1904 г.)

Милый мой Алексеюшка! Твое письмо так хорошо, что даже жалко прятать его в ящик от глаз человеческих. «Делать философию» — мало того что метко: оно в старом явлении отмечает и пропечатывает какую-то

«БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ
ВОПРОСА ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
АВТОНОМИИ»

Карикатура М. М. Чемоданова («Червь»),
1904 г.

Сатирический отклик на назначение министром народного просвещения генерала В. Г. Глазова

Под рисунком: «Министр народного протемнения генерал-лейтенант Глазов. — Если к осени забастовщики не умиротворятся, все студенты будут исключены и профессора выгнаны! Я человек военный: у меня главное — дисциплина, а науки — плевое дело! Во фронт, каналы! Вот вам «свободная наука в свободном университете»!..»

Фотографическая открытка
Архив Горького, Москва

Бюрократическое решение
Вопроса об университетской автономии.

Министр народного протемнения
генерал-лейтенант Глазов.

— Если к осени забастовщики не умиротворятся, все студенты будут исключены и профессора выгнаны! Я человек военный: у меня главное — дисциплина, а науки — плевое дело! Во фронт, каналы! Вот вам «свободная наука в свободном университете»!..

новизну. С испугу философствовали всегда, но «делать философию» начали только теперь; разница с древним а-а заключается в том, что древнее а-а было естественно и неудержимо, как всякий истинный понос, а для теперешнего а-а надобен клистир, а, стало быть, возможна, в случае чего, и пробка.

Но дело не в Миролюбове. Этот делатель философии важен постольку, поскольку он неизбежен при «Журнале для всех»¹. Скажу по совести: я не верю, чтобы сам Миролюбов мог подняться: он одряхлел как-то очень быстро и решительно, он до того перепуган, что забыл самую таблицу умножения, ни в чем не может разобраться, городит несосветимую чепуху. Но журнал! журнал! Пусть пропадает Миролюбов, но неужели же дать погибнуть и журналу, такому важному, единственному в своем роде журналу?

Вот с этим я не могу помириться. Сознаюсь, что попытка моя урезонить Миролюбова едва ли к чему приведет — но отчего не попробовать? Откажется — ну и чёрт с ним; согласится — поставим такие условия, что свою философию он будет делать в ватере и только в ватере.

Об идеалистах, которые желают пригласить меня, я давно слышал. Слышал и о том, что «Новый путь» они хотят слить с предполагавшимися «Вопросами жизни»² — и будет это скоро. От прежних оставят Мережковского и еще кое-кого, Розанова упразднят. И ну их всех к дяволу. Наивный Зайчик дал в «Новый путь» «Скопцов»³, и наивная редакция напечатала — а эти самые «Скопцы» есть точнейшее изображение, не преднамеренное, но тем более ценное, всей этой почтенной компании. Религиозные онанисты дуют в кулак и уверяют, что от этого что-нибудь обязательно родится.

Был у Морозова. Он почти без разговоров вручил мне 2000 р. на покупку «Курьера», но даст ли денег на дальнейшее — обещал поговорить

на днях. Торги завтра, и продолжение беседы отложить до завтра — легко могут перебить: есть у нас конкуренты ⁴.

Чтобы не забыть: осел Гиляровский ⁵ как-то угораздился сочинить великолепнейший экспромт, не уступающий любому пушкинскому:

У синего моря урядник стоит,
И синее море, волнуясь, шумит —
И злоба урядника гложет,
Что шума унять он не может!

Правда — хорошо?

«Курьер» перехватили. Левенсон ⁶ (Падебург и К^о) дал 2100 — и газета осталась за ними. Но это еще не конец. Эти господа вовсе не думают издавать «Курьера» и охотно перепродадут его с небольшой надбавкой, а может и без нее, но только с условием — печататься в типографии Левенсона. Последнее и без того необходимо — только у Левенсона есть подходящая машина.

30-го у меня будет Морозов, и к этому времени я приготовлю приблизительную смету, которой он требует. Думаю, что мы сговоримся — действительно, он очень приятный человек. Если он согласится — я выпишу немедленно Ашешова, а вскорости приезжай и ты, нужно основательно обсудить организационную часть.

А тебя я очень люблю. И если хоть немного правда, что мы друзья...

Твой Леонид

⟨Приписано позднее сверху текста:⟩ Миролюбов приехал в Москву объясняться.

Датируется по дню торгов «Курьера» — см. прим. 4.

¹ См. прим. 1 к письму 110.

² См. прим. 2 к письму 111.

³ Борис Константинович Зайцев (р. 1881) — прозаик и драматург. Выступил в 1901 г. в «Курьере» с рассказом «В дороге». Здесь же (1902, № 61, 3 марта) появился его рассказ «Волки», принесший Зайцеву известность и, благодаря покровительству Андреева, открывший молодому автору путь в «Среду». Как художник Зайцев тяготел к символистам, и его участие в «Новом пути» не было «наивностью», как полагает Андреев.

Зайцев печатался в «Вопросах жизни», «Переvale», «Золотом руне», «Русской мысли», альманахах «Шиповник» и «Земля». После Октябрьской революции — эмигрант. Рассказ Зайцева «Скопцы» опубликован в «Новом пути», 1901, июль; в ноябре 77, в частности, серьезно подорвало финансовое положение газеты. 28 сентября 1904 г. «Курьер» был куплен с публичных торгов за 2100 рублей Д. М. Роммом (подставное лицо Левенсона) и 23 февраля 1905 г. за 3000 рублей перепродан им В. М. Саблину.

⁴ Покупка «Курьера» С. Т. Морозовым не состоялась. Преследуемая цензурой газета теряла подписчиков. Запрещение с 17 января по 20 марта 1904 г. розничной продажи ее за опубликование рассказа Андреева «Нет прощения» (см. прим. 6 к письму 77), в частности, серьезно подорвало финансовое положение газеты. 28 сентября 1904 г. «Курьер» был куплен с публичных торгов за 2100 рублей Д. М. Роммом (подставное лицо Левенсона) и 23 февраля 1905 г. за 3000 рублей перепродан им В. М. Саблину.

С 27 ноября 1905 г. под редакцией Саблина вместо «Курьера» стала выходить новая газета «Жизнь», ставшая органом левых кадетов.

⁵ Владимир Алексеевич Гиляровский (1853—1935) — писатель и журналист, сотрудник московских периодических изданий, знаток быта городской бедноты. Был близок со многими писателями и театральными деятелями. В период подготовки спектакля «На дне» знакомил артистов Московского Художественного театра с жизнью ночлежки.

Избранные произведения Гиляровского в трех томах выпущены в 1960 г. издательством «Московский рабочий».

⁶ Александр Александрович Левенсон (ум. 1922) — московский капиталист, директор-распорядитель «Товарищества скоропечатни А. А. Левенсон».

113. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Ялта. 1 ... 2 октября 1904 г.>

Как много нищих на Руси, Леонид!

Читая газеты, я слышу их скорбный рабий вой:

«Ваше высокопревосходительство! Пожертвуйте российской много-страдальной прессе хоть маленький кусочек свободы слова¹, и она сохранит двойное имя² ваше в памяти потомства во веки веков!»

До свидания, друг! Это очень хорошо, что мы с тобой друзья — верно?

А.

Датируется предположительно по связи с письмом 112 («А тебя я очень люблю. И если хоть немного правда, что мы друзья...»).

¹ Подразумеваются отклики буржуазно-либеральной прессы на провозглашенную министром внутренних дел П. Д. Святополком-Мирским «эпоху доверия правительства обществу». Во многих статьях высказывалось пожелание об отмене правительством 140-й статьи Цензурного устава, дававшей министру внутренних дел право временно запрещать газетам обсуждать те или иные вопросы государственной важности и приостанавливать периодические издания на три месяца (см., например, статью Мережковского «О свободе слова». — «Новый путь», 1904, № 10). В середине октября 1904 г. в письме к Е. П. Пешковой Горький назвал превосходной статью А. П. Мертваго «Обзор печати», высмеивающую «рабий образ мыслей», холопство буржуазной печати перед властью («Архив Горького», т. V, стр. 128). Эта статья напечатана без подписи в редактировавшемся Мертваго еженедельном сельскохозяйственном и экономическом журнале «Хозяин», 1904, № 41, 14 октября.

² Петр Дмитриевич кн. *Святополк-Мирский* (1857—1914) — в 1900—1902 гг. — товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов; в 1902—1904 гг. — виленский, гродненский и ковенский генерал-губернатор. С августа 1904 по январь 1905 г. — министр внутренних дел. Незначительными уступками буржуазно-либеральной оппозиции, земству пытался задержать нарастание революционного кризиса.

114. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Одесса. 4 октября 1904 г.>

Мой друг —

Ныне стало очевидно, что сборников будет два. В книжку памяти Чехова войдет очень милая статья Куприна, «Дачники», новая пьеса Найденова, стихи Степана, попросим стихов у Бунина, вероятно, он даст рассказец, и Константин Петрович говорит, что он, т. е. Бунин, написал воспоминания об Антоне Павловиче. Нужен твой рассказ.

Второй сборник — повесть Куприна, пьеса Чирикова, очень интересный рассказ Гусева и два — небольшие — дам я. Нужен твой рассказ¹.

Надеюсь на тебя, мой круторогий ангел. Пиши. Подробно изъясню тебе всё при свидании, ибо в Москву я все-таки попаду числа 20-го².

Затем — дай же ты какой-нибудь рассказ или два из напечатанных в «Курьере» — «Жандарма»³, «Марсельезу», «Негритянок»⁴ — для Нижегородского учительского сборника! Прошу, прошу, даже надоело!

Завтра я убираюсь в Ригу — великолепнейший город! Удивительно красивый, чистый, интересный. Пробуду там дня два-три, потом поеду, потом приеду, заеду и уеду. Это факт.

Мой рижский бальзам — Первая выгонная дамба, д. 2, квар. 5. Удивительно вкусно. Жму руку.

А л е к с е й

Датируется днем отъезда Горького в Ригу (см. прим. 2).

¹ Памяти Чехова был посвящен сборник товарищества «Знание» за 1904 г., кн. 3 (СПб., 1905; вышел в свет 22 января). В сборнике были напечатаны: стихотворение Скитальца «Памяти Чехова» («Неумолимый рок унес его в могилу...»), «Дачники» Горького, «Красный смех. (Отрывки из найденной рукописи)» Андреева. Куприн и Бунин дали воспоминания о Чехове. Другие из названных Горьким произведений появились в сборниках в следующем порядке: пьеса Найденова «Авдотьяна жизнь» и повесть Гусева-

Оренбургского «Страна отцов» — в сборнике за 1904 г., кн. 4 (вышел 7 марта 1905 г.); пьеса Чирикова «Иван Мироныч» — в сборнике за 1904 г., кн. 5 (вышел 10 марта 1905 г.); рассказ Горького «Тюрьма» — в кн. 4, «Рассказ Филиппа Васильевича» — в кн. 5. Упоминаемая в письме повесть Куприна «Поединок» опубликована в кн. 6 (вышла 3 мая 1905 г.). Для кн. 5-й Андреев дал рассказ «Вор» (см. прим. 1 к письму 130).

² Горький выехал в Ригу из Одессы 5 октября 1904 г. 11 или 12 октября приезжал из Риги в Петербург, 15 октября вернулся в Ригу, а 19 октября выехал в Москву («Летопись», I, стр. 486—488).

³ Подразумевается рассказ Андреева «На станции» впервые напечатанный в сб. «Итоги» (изд. «Курьера»). М., 1903. В «Нижегородском сборнике» (см. прим. 2 к письму 84) напечатаны рассказы Андреева «Мельком», «Бен-Товит» и «Марсельеза». В «Курьере» «Марсельеза» не публиковалась и, по-видимому, напечатана в «Нижегородском сборнике» впервые, как и другие рассказы.

⁴ «Оригинальный человек».

115. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 8 ... 12 октября 1904 г.⟩

Милый Алексеюшка!

Я совершенно не понимаю оснований, почему чеховских сборников должно быть два. Если бы еще так: в первом статьи, а во втором рассказы, а то и в первом беллетристика и во втором то же. Если причина разделения та, что много материала, то чего ради я должен давать *два* рассказа?

И если, наконец, ты принял к участию в сборниках Чирикова, Найденова, Гусева, то почему ты отверг мое предложение привлечь «Среду», то есть Серафимовича, Телешова, Елпатьевского и т. д.? В том виде, в каком проектируются сборники сейчас, у них нет *лица*, и много совершенно случайного. И мне жаль того правильного сборника, о котором писал ты вначале: ты, я, Бунин, Скиталец.

Для сборника я напишу «Войну». Рассказ так труден, что я все не решаюсь взяться за него и тренируюсь на мелочах. К концу октября все-таки напишу.

Сообщи адрес «Нижегородского сборника», я пошлю туда пустячок.

Но что же «Курьер»? Морозов ждет тебя, а тебя нет. А время уходит настолько быстро, что можно все прозевать. В начале ноября уже следовало бы начать выпуск. Приезжай, пожалуйста, нужно как-нибудь вырешить. Время для газеты такое, лучше не придумаешь. Ну об этом и о многом другом потолкуем.

Марии Федоровне передай сердечный поклон. И скажи, что я не теряю надежды увидеться с нею в Риге или Питере и укрепить то, что для меня почувствовалось при последнем свидании. И скажи: я все время собирался написать ей, но — ужасно ленив писать письма, а потом с головой ушел в беллетристику. Написал между прочим превеселенький рассказик из быта сумасшедших¹. Животики надорвешь!

Если приедешь в Москву, останавливайся у меня. Насколько это будет великолепно. Какого чërта? Ей-богу! В твоём распоряжении будет целых три комнаты, чернила, бумага — сама дружба, наконец. Буду для тебя петь, если захочешь! Какого чërта! И перья — какие перья!

Крепко жму руку.

Твой Л е о н и д

Скиталец написал рассказ!!!

Датируется по содержанию. В середине октября 1904 г. Горький писал из Риги Пятницкому: «Посылаю письмо Леонида, из коего явствует, что он меня не понял, хотя я писал ему толково, как мог. Но — все-таки — дело в шляпе, рассказ о сумасшедших <„Призраки“> я отберу у него для одного сборника, а „Войну“ <„Красный смех“> для другого» («Архив Горького», т. IV, стр. 167—168).

¹ Рассказ «Призраки». См. о нем прим. 6 к письму 117.

116. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Москва. 23 октября 1904 г.>

Милый Леонидушка!

На «Среду» у Гольцева необходимо привести Богданова¹ и Ивана Павловича Ладыжникова, которого ты у меня видел².

На четверговое собрание либералов по вопросу о «Ней»³ нужен Тесленко⁴. Сами либералы едва ли его пригласят — так ты возьми его лично, сам. Съезди к нему и скажи, что я убедительно прошу его пойти, ибо поведение либералов необходимо радикализировать.

Хорошо бы провести Тесленку и на гольцевскую «Среду». Ты, пожалуйста, займись этим!

А я уезжаю.

Отдай, пожалуйста, Ивану Алексеевичу Бунину 5 рублей. Забыл!

Пиши!

Пощелуй за меня ручку твоей жены, которую я с каждой встречей все больше люблю, ценю и уважаю, что, к слову, со мной редко бывает.

А.

Датируется днем отъезда Горького из Москвы в Петербург («Летопись», I, стр. 489).

¹ Речь идет об Александре Александровиче *Малиновском* (псевдоним Богданов. 1873—1928) — философе, социологе, экономисте, медике. С 1890-х годов участвовал в революционном движении. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам, на III, IV и V съездах избирался в члены Центрального Комитета партии. Был одним из редакторов большевистской газеты «Новая жизнь» и входил в состав редакций газет «Вперед» и «Пролетарий». В годы реакции возглавлял антипартийную группу «Вперед» и в июне 1909 г. на расширенном совещании в редакции «Пролетария» выведен из большевистских рядов. После 1917 г. — один из организаторов и руководителей «Пролеткульта».

² Иван Павлович *Ладыжников* (1874—1945) — участник революционного движения. В 1901 г. вошел в состав Нижегородского комитета РСДРП, тогда же познакомился с Горьким и по его рекомендации до ареста в начале 1903 г. заведовал в Нижнем Новгороде книжным магазином («Книжный музей»), распространявшим издания «Знание». Состоя членом хозяйственной комиссии ЦК в 1905—1913 гг., выполнял за границей поручения партии большевиков по добыванию средств, транспорта и связи. В 1905 г. организовал в Женеве издательство для выпуска марксистской литературы, произведений Горького и других прогрессивных писателей. В 1914 г. вернулся в Россию. Работал в издательстве «Парус», принимал участие в организации издания журнала «Летопись». После Октябрьской революции был членом редколлегии «Всемирная литература», работал (с 1921 г.) в Берлине в книгоиздательском и торговом обществе «Книга». В 1936—1943 гг. — научный консультант Архива Горького. Редактировал «Описание рукописей А. М. Горького», I. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1948.

Как активный участник Нижегородской социал-демократической организации Ладыжников был арестован в конце 1902 г. и пробыл в заключении до октября 1904 г., когда был выпущен под залог с правом свободного выбора места жительства. О приезде Ладыжникова в Москву Горький писал Е. П. Пешковой в конце октября 1904 г. («Архив Горького», т. V, стр. 132—133).

³ О конституции (синоним тех лет).

⁴ О собраниях либералов — см. прим. 2 к письму 121. — Николай Васильевич *Тесленко* (1870—1942 или 1943) — юрист-криминалист, занимался адвокатурой; с 1902 г. принимал участие в организации союза и съезда адвокатов, один из учредителей кадетской партии; кандидат в Первую и депутат Второй Государственной думы; после Октябрьской революции эмигрировал в Париж.

117. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Петербург. 24 ... 25 октября 1904 г.>

Вот что друг мой —

Вместе с книгами для Константина Петровича необходимо послать переплетной портреты авторов¹. А посему — собери и пришли мне сюда скорее портреты: твой, Телешова, Серафимовича, Чирикова, Бунина, Скитальца, Елпатия², Гарина — его жена в Москве живет³, возьми у нее,

да и сам он, хотя теперь потерялся, но, вероятно, найдется же! Елпат тоже будет в Москве на днях. Белоусова ⁴ не надо? или — надо?

Сделай это скорее! Богдан должен был передать тебе мою записку ⁵. Пиши! Скорее! Лучше! Больше!

А.

План? А сам даешь рассказы Кожедранкину! ⁶

И — прочее такое.

Чувствую, что толку тут нет. Но — есть пафос!

Заклинаю тебя всеми дьяволами — торопи Скитальца, Бунина, Серафимовича, Телешова. И — устыдись, наконец! — упрекаешь: отчего изменился.

Отдай за меня 5 рублей Ивану Бунину и — когда позовут меня на страшный суд божий — обещаю тебе явиться в заседание во фраке и белом галстухе. Можно ли требовать от меня большего за 5 целковых?

По-видимому ответ на несохранившееся письмо Андреева. Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о книгах писателей-знаньевцев, предназначенных в подарок Пятницкому по случаю его 40-летия. Этим занималась ялтинская знакомая Горького — издательница «Ялтинского листка» и владелица переплетной мастерской Ф. К. Татаринова (1863—1923). В письме поверенного Татариновой К. А. Яковлева издательству «Знание» от 12 июня 1907 г. приведено письмо Горького к Татариновой из Москвы от 8 сентября 1904 г.:

«Уважаемая Фанни Карловна! Сейчас получил извещение конторы о том, что книги готовы, и счет на 201 рубль. Дорого, но — спасибо! Хотя книг еще не видел. Пожалуйста, добавьте к посланным мною вам книгам еще Куприна — велите купить в магазине. Затем — не позабудьте сказать, чтобы в *каждый первый том* был вклеен лист бristolского картона для наклейки на него фотографической карточки, — пожалуйста! Все эти книги — теперь их 21? — нужно послать по адресу: Москва. Грузины, Средне-Типинский переулок. Леониду Николаевичу Андрееву. А счет — мне. Всего доброго! Если только можно — поторошите исполнение, А. Пешков» (АГ).

² Елпатьевский.

³ Вера Александровна Садовская (рожд. Дубровина; 1871—1920) — вторая жена Н. Г. Гарина. В 1904—1905 гг. принимала участие в работе большевиков в Москве. В квартире Гарина (Спиридоновка, д. Бойцова — теперь ул. А. Н. Толстого, 14) была создана большевистская явка и хранилась нелегальная революционная литература. Садовская печатала на машинке «воцанки» для mimeографа и под видом «невесты» навещала в тюрьме Н. Э. Баумана, жена которого вынуждена была скрываться (сообщено Е. П. Пешковой).

⁴ Иван Алексеевич Белоусов (1863—1930) — писатель, издатель и переводчик. Постоянный участник телешовских «Сред». В «Знании» в переводе Белоусова вышел «Кобзарь» Шевченко. Письма Горького к Белоусову (1901—1927) — см. «Архив Горького», т. VII. Белоусов был в дружеских отношениях с Андреевым и переписывался с ним с 1902 по 1918 г. Письма Андреева к Белоусову — см. «Московский понедельник», 1922, № 15; «Всемирная иллюстрация», 1923, № 10; «Россия», 1923, № 7; «30 дней», 1928, № 8; «Реквием», стр. 67—78.

⁵ Богданов (Малиновский) (см. прим. 1 к письму 116).

⁶ Имеется в виду рассказ Андреева «Призраки», напечатанный в журнале «Правда», 1904 г. (см. прим. 1 к письму 119). К сотрудничеству в «Правде» Андреева привлек Вересаев. В письме к Неведомскому от октября 1904 г. Андреев признавался: «Не люблю я эту „Правду“ до чрезвычайности, бранил ее на всех перекрестках, божился на образ, что участвовать не буду — а в ноябре пойдет мой рассказ. Думаю, что этим отношения наши и окончатся» («Искусство», 1925, № 2, стр. 265). Тем не менее в следующем году в журнале появилась повесть Андреева «Губернатор». Кожедранкиным Горький называл редактора «Правды» Кожевникова — см. прим. 2 к письму 101. Жалуюсь на цензурные преследования, Кожевников задерживал выплату гонорара авторам.

118. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петербург. 26...27 октября 1904 г.〉

Дорогой друг —

Я вошел в «Нашу жизнь» ¹. Между либералами произошла распря: правые — отцы отделились от левых — детей. У правых «Сын отечества» ² и «куца» конституция, у левых «Наша жизнь» и конституция демократи-

«НИЖЕГОРОДСКИЙ СБОРНИК»
(«ЗНАНИЕ», СПБ., 1905). КНИГА ВЫ-
ШЛА ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГОРЬКОГО
И С УЧАСТИЕМ АНДРЕЕВА

Титульный лист

Весь доход от продажи сборника по-
ступил в распоряжение Общества взаи-
мопомощи учителей Нижегородской гу-
бернии

Издание товарищества „ЗНАНИЕ“ (СПб., Невский, 92).

НИЖЕГОРОДСКИЙ СБОРНИКЪ.

Цена 1 рубль.

С-ПЕТЕРБУРГЪ
1905.

ческая. Правые, кажется, уже вошли в какое-то соглашение с правительством и, вероятно, что-нибудь продали. Что-нибудь или кого-нибудь, например — «внутреннего врага»³.

Дружище — прошу тебя, входи в эту «Нашу жизнь». Джемсом Линчем или Андреевым — как хочешь⁴. Денег я достал, первый № должен выйти 4-го⁵. Передай мою убедительную просьбу о том же Евгению⁶. Я знаю — ему писали об этом — как и тебе — но сейчас дело выяснилось: газета должна быть смелой и честной, мы должны сделать ее яркой и талантливой. Если к 4-му ты, Евгений или Гаврилыч⁷ могут что-нибудь дать — это было бы превосходно! Я — постараюсь. Писать подробно — некогда, сейчас еду <в> Ригу. Кланяюсь. 2-го числа буду <в> Питере⁸.

Жму руку

Твой А л.

Датируется днем отъезда Горького в Ригу («Летопись», I, стр. 490).

¹ «Наша жизнь» (Пб., 1904—1906) — ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета без предварительной цензуры. Газета возникла в провозглашенную П. Д. Святополком-Мирским «эпоху доверия» правительства к обществу и отражала взгляды выдвигавшей конституционные требования либерально-буржуазной интеллигенции. Официальным редактором «Нашей жизни» был экономист, профессор финансового права Петербургского университета Л. В. Ходский. Среди сотрудников ее значились: Ашешов, Бердяев, Богданович, Богучарский, Булгаков, Гольцев, Н. И. Кареев, С. Л. Франк. В объявлении о подписке на 1905 г. редакция извещала, что в литературном отделе согласились участвовать Андреев, Горький, Гусев-Оренбургский, Тан (Богораз), Юшкевич и др. Видевший слабость оживившегося во второй половине 1904 г. конституционного движения среди либеральной буржуа-

зии, земцев, интеллигенции, Горький полагал, что, приняв предложение о сотрудничестве, сможет «радикализировать» направление будущей газеты. Вокруг нее объединилось левое крыло либерально-буржуазной оппозиции, а руководство литературно-критическим отделом взял на себя социал-демократ (меньшевик) Неведомский. Горький бывал на редакционных совещаниях, но на страницах газеты выступил только раз. Это было письмо в редакцию по поводу несостоявшейся постановки Художественным театром «Дачников» («Наша жизнь», 1904, № 9, 14 ноября). Постепенно Горький занимал все более отрицательную позицию по отношению к «Нашей жизни», которая, нападая на «бюрократию», одновременно отвергала «исключительную и потому ошибочную теорию классовой борьбы» (там же, № 28, 3 декабря). Неудовлетворенный составом редакции и сотрудников газеты, ставшей органом «Союза освобождения», Горький писал 17 декабря 1904 г. Е. П. Пешковой: «Как всюду, и здесь необходимо изменение образа правления — проще — нужно Ходскому дать в шею» («Архив Горького», т. V, стр. 144). В середине декабря 1904 г. Горький принял за осуществление плана создания легальной социал-демократической большевистской газеты (см. его письмо к Е. П. Пешковой после 17 декабря — там же, стр. 145). На петербургской квартире Горького в это время состоялось партийное собрание, на котором присутствовали А. И. Ульянова-Елизарова, А. А. Богданов, С. И. Гусев, В. А. Десницкий, А. Ф. Войткевич. По воспоминаниям Войткевича, «обсуждался вопрос ряда изданий как легального, так и нелегального характера» («Летопись», I, стр. 496). План удалось осуществить позднее, в 1905 г., когда стала выходить газета «Новая жизнь».

² «Сын отечества» (Пб., 1904—1905) — либерально-буржуазная газета. Редактор-издатель С. П. Юрицын (род. 1873). В передовой статье первого номера говорилось: «Социальные противоречия общественной мысли должны быть на время забыты. Различные требования могут быть предъявляемы к будущей России <...> Важнейшая потребность настоящего момента может быть выражена двумя словами — Virilus unites! (В единении сила! — лат.).»

³ Возможно, Горький имеет в виду обращение к обществу съезда земцев-конституционалистов по поводу русско-японской войны 23 февраля 1904 г. В этом обращении подчеркивалось, что долг граждан отстаивать Россию. «Избавиться от внутреннего врага в виде беспарий и произвола, царящих в стране, к этой задаче — можно перейти лишь после окончания войны» (И. П. Белоконский. Земское движение. Изд. 2-е. М., 1914, стр. 210).

⁴ Андреев в «Нашей жизни» не печатался (см. письмо 123).

⁵ Желая приурочить выпуск первого номера ко времени земского съезда (см. прим. 2 к письму 121), «Союз освобождения» через одного из своих членов сделал, при содействии Горького, заем у Саввы Морозова (см. письмо Ходского к неустановленному лицу от 17 октября 1904 г. — ЦГАЛИ, ф. 1348, оп. 4, ед. хр. 19; а также И. П. Белоконский. Земское движение, стр. 211). Первый номер «Нашей жизни» вышел 6 ноября 1904 г.

⁶ Чириков.

⁷ Скиталец.

⁸ В Петербург из Риги Горький вернулся 3 ноября 1904 г. («Летопись», I, стр. 490).

119. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Т е л е г р а м м а

<Рига. 30 октября ... 2 ноября 1904 г.>

Человек, который стучит в закрытые двери, — превосходно. Вполне самостоятельная тема. Ты ограбил себя, вводя эту тему. Призрака, усердно прошу, убери. Рассказ не проиграет. Очень прост, хорош — дружное мнение ¹. Пишу ². Благодарю.

М а р и я ³. А л е к с е й

Датируется по связи с последующими письмами.

¹ Речь идет о рукописи рассказа Андреева «Призраки», посланной автором для просмотра Горькому. Работа Андреева над рассказом была закончена 11 октября 1904 г. (авторская дата). Первые «Призраки» напечатаны в журнале «Правда», 1904, № 11. Совет Горького Андреев выполнил. О «стучащихся» в дверь Андреев писал еще в 1902 г. — см. отзыв о «Мещанах», стр. 479 настоящ. тома.

² Это письмо Горького не известно.

³ М. Ф. Андреева.

120. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 5 ... 6 ноября 1904 г.)

Очень ты милый, Алексеюшка! Твоя и Марии Федоровны телеграмма обрадовала меня и содержанием своим и главное — фактом присыла¹. Не ответил тебе тотчас, так как находился в неизвестности: не находишься ли ты уже в дороге между Ригой и СПб., а потом — работаю! Работаю, друг, и чтобы чёрт побрал войну!

Постараюсь кончить к среде 10-го², и если ты приедешь к тому времени³, ты zelo меня утетишь. Самое подлое — волнений от этого рассказа много, а толку мало, выходит слабо, тускло, бледно. Замысел на тысячу верст остался позади. Ну, да скоро сам увидишь.

Целую крепко. Твой Леонид

Датируется по содержанию. «Среда 10-го» в 1904 г. приходилась на 10 марта и 10 ноября.

¹ См. телеграмму 119.² Подразумевается завершение Андреевым работы над рассказом «Красный смех». Авторская дата «Красного смеха» — 8 ноября 1904 г.³ Этот приезд Горького в Москву не состоялся.

121. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Петербург. 6 ноября 1904 г.)

Дорогой мой юморист —

третий день живу здесь и занимаюсь наблюдениями над либералом, пытаюсь уяснить себе — где, собственно, кончается либерал и откуда начинается в нем старший дворник? И почему, когда он часто произносит слово «конституция» — оно начинает у него звучать подобно «кутузке»?

И отчего, когда он говорит о предметах, опасных для здоровья и удобств, — он говорит «мы», а когда речь идет о предметах, не столь опасных, он говорит «я»? Все это и многое другое сильно занимает меня, спокойного и миролюбивого наблюдателя нравов человеческих.

А между прочим — проект наш о поднесении Константину Петровичу книг и портретов — нищенский проект и лишний. Книжки у него есть в изобилии и портреты почти все есть. Надо придумать что-нибудь поэлегантнее и не столь оригинальное, как портреты. Портреты — даже солдатики отъезжающим на войну отцам-командирам подносят, и на днях я своими глазами видел группу батарейной прислуги, поднесенную одному командиру, а на этой группе один солдатик явно кукиш показывает, все же другие никак не могут спрятать радости своей по случаю разлуки, и она у них даже на пуговицах сияет.

Подумай, дорогой собрат по перу, как бы это сделать? А я думать — не могу. Ругаться могу очень много, а думать — нет! Ибо мне не охота быть похожим на либерала, который только и думает... как бы половчее предать родину свою лицам купить ее желающим? Если тебе обидно слово — предать, я могу заменить его * другим — продать. Я сговорчив и скромнен.

Дальше. Будь добр, бескорыстный мой жрец антихриста, поторопи Штатальца¹, дабы он скорее стихи свои прислал и рассказ. То же самое прошу совершить с Телешовым, Серафимовичем и Леонидом Андреевым. Сего последнего особенно убеждай, ибо он — канительщик завзятый! И скажи ты Бунину — что же он? Эх, господа, молодые люди! Торопитесь жить, а то состареетесь...

* В автографе описка: ее. — Ред.

Сейчас пробило 2 часа — стало быть, теперь уже 6-е число. Через несколько часов благожелательные русские люди начнут делать историю или скандал. Я думаю, что история — и, вероятно, грязная — будет сделана под кровом, а скандал — на улице и, пожалуй, знаешь именно скандал-то и будет историей, а история — скандалом².

Александра Михайловна писала насчет Алексеевского. Говорил. Слушали — и без удовольствия. Ибо — у них на каждом отделе по два крокодила сидит и всё эдакие, знаешь, свирепые³. Говорят на неведомом языке, в котором хоть изредка и попадают русские слова, но это не делает его доступным пониманию моему. Все они — серьезные, точно кирпичи. Обещали... Скажи Александре Михайловне — это безнадежный проект и скорее Алексеевский попадет столоничальником в рай, чем в «Нашу жизнь», которая, вероятно, скоро будет не нашей. Теперь всё делается скоро. Русская жизнь наших дней подобно лошади извозчика № 9027, коя, заступив оглоблю, поскакала, поскакала и сама собой, без понуждения, прискакала в участок. Я ее видел. И мне показалось — по глазам ее — что даже если б она совсем сломала оглобли и сбросила хомут, то и тогда прискакала бы в участок. Такое уж у нее воспитание деликатное и такая нежная наследственность. Ты думаешь, я пессимист? Совсем я не пессимист, а просто мне — спать не хочется.

Кстати об участках: любит русский мещанин — хороший мещанин, конечно, — участок! Вчера Найденов прислал мне гневное письмо и письмо Немировича к нему⁴. Ругается Найденов, Художественный театр ругает.

Письмо Немировича к Найденову начинается так: «Дорогой С. А.! Я придумал 4-й акт „Авдотьиной жизни“»⁵. Мило! И ведь действительно придумал что-то кисло-сладкое, дряблкое, импотентное. Найденов говорит: «Ведь это безобразие». Письмо Немировича — глупо и нагло. Этот господин воображает себя литературным околоточным надзирателем, не иначе. Каково? *Mania grandiosa* в полной парадной форме⁶.

Милый Леонидка! У меня создался огромный план и — осуществимый⁷.

Пиши пьесу. Пиши две пьесы. Пять пиши. При свидании объясню в чем дело, а пока молчи, как порядочный покойник.

О, друг мой! Как бы я желал видеть либералов покойниками! Это была бы самая приличная и спокойная партия, — прости за каламбур, есть вещи и тяжелее его. Например, — буфет, который купил Константин Петрович.

Ты получил мое вдохновенное письмо из Риги о человеке, который стучит во все закрытые двери?⁸ Какой огромный человек, Леонид, какой дерзкий! Что же ты решил? И почему не телеграфировал?

Жму твои руки. Кланяюсь семейству.

А.

Датируется по содержанию (см. прим. 2).

¹ Скиталец.

² Подразумевается Всероссийский съезд земских и городских деятелей, проходивший в Петербурге с 6 по 9 ноября 1904 г. Резолюция съезда говорила о необходимости установления в России представительного образа правления (И. П. Белоконский и Я. Земское движение, стр. 221—222). «Совершенно ясно, — писал Ленин о резолюции съезда, — что перед вами представители имущих классов, добивающиеся только уступок от самодержавия и не помышляющие ни о каком изменении основ экономического строя» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 133). К концу 1904 г. правительство отказалось от недолгого заигрывания с либералами. В опубликованном 14 декабря указе Николая II Сенату, названном Лениным прямой пощечиной либералам (там же, стр. 129), недвусмысленно заявлялось, что выработкой изменений в существующем законодательстве должен заниматься комитет министров. Грубый окрик Николая II по адресу черниговского губернского земского собрания, просившего паря разрешить избранным представителям земства «самостоятельно начертать проект реформ», и пра-

ательственное сообщение о недопустимости пожеланий земства, вносящих смуту в общественную и государственную жизнь, привели к тому, что земское движение быстро пошло на убыль и к осени 1905 г. замерло.

³ Об Алексеевском — см. ниже, стр. 557—562. Устроить Алексеевского сотрудником в газету «Наша жизнь» пытался и сам Андреев (письмо к Неведомскому в октябре 1904 г. — «Искусство», 1925, № 2, стр. 270).

⁴ Оба упомянутых письма хранятся в АГ.

⁵ 28 сентября 1904 г. Найденов познакомил со своей новой пьесой «Авдотьиная жизнь» Станиславского, Немировича-Данченко и Бунина. Разногласия между Станиславским, с одной стороны, Немировичем-Данченко и Буниным — с другой, вызвал четвертый акт (письмо Найденова к жене от 28 сентября 1904 г. — ЦГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 23, лл. 49—50). Оставив «вопрос открытым», Найденов 30 сентября выехал из Москвы в Петербург, чтобы познакомиться с пьесой В. Ф. Комиссаржевскую. 14 октября он читал «Авдотью жизнь» Горькому: «Пьеса привела его в восторг, он плакал и целовал меня... Такого восторженного поклонника у „Авдотьи“ еще не было <...> Пьеса будет напечатана в 3-м выпуске сборника „Знания“. Это очень хорошо и в смысле материальном и в смысле повышения на литературной выставке» (письмо к жене от 14 октября 1904 г. — там же). Найденов отказался сделать предлагаемые Немировичем-Данченко изменения в «Авдотьиной жизни».

20 октября Горький читал «Авдотью жизнь» в Москве на «Среде» (см. его письмо к Е. П. Пешковой — «Архив Горького», т. V, стр. 129). 15 декабря премьера «Авдотьиной жизни» с большим успехом прошла в Риге. Горький и Найденов были на представлении (см. письмо Найденова к жене от 16 декабря 1904 г. — ЦГАЛИ).

⁶ Резкий отзыв Горького о Немировиче-Данченко, вызванный обострившимися личными отношениями, отражал вместе с тем острую неудовлетворенность писателя репертуаром Художественного театра, тем, что в 1904 г. театр начинал отступать от завоеванных позиций. Так, на сцене театра начинают ставиться символические пьесы Метерлинка («Слепые», «Непрощенная», «Там — внутри»). Неудачей Художественного театра оказался и спектакль «У монастыря» П. М. Ярцева (см. прим. 4 к письму 134).

⁷ Горький задумал организовать новый театр (см. письмо к Е. П. Пешковой от 4 ноября 1904 г.). Этому замыслу Найденов (приехавший к Горькому в Ригу) посвятил следующие строки в письме к жене от 13 декабря 1904 г.: «О новом театре пока могу сказать следующее: театр — пайщиков. Главные пайщики — Морозов, 400 тысяч, на эту сумму будет выстроен новый театр в Петербурге к 1 октября 1905 г., Комиссаржевская — 30 тысяч, <М. Ф.> Андреева — 30 тысяч, Незлобин — 50 и Горький 3 тысячи, приблизительно в этой сумме будем пайщиками и я, Андреев и Чириков и другие литераторы. Театр Комиссаржевской присоединится к новому театру <...> Труппа составится из трупп Комиссаржевской, Незлобина и Московского Художественного театра. Между прочим — будет ставить некоторые спектакли Станиславский» (ЦГАЛИ). Организовать новый театр Горькому не удалось.

⁸ Это письмо Горького неизвестно. По этому же поводу см. письмо 119.

122. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 12 ... 14 ноября 1904 г.)

Милый Алексеюшка!

Если газеты не врут и тебе нашикали, это очень хорошо, и я беру свои слова обратно: тебе действительно удалось раздражить кого следует ¹. Вообще «Дачники» оказываются, по-видимому, вещью необходимою: тут Бобо ² интеллигенцию превознес превыше облака ходячего, да и сама интеллигенция уже начинает кое-что забывать и уверена, что это она убила Плеве ³ и создала всю сумятицу настоящих дней. Чувствую даже на расстоянии, что ты очень зол и ищешь кого бы заушиить. Очень хочу видеть тебя, тянет, нужно о многом потолковать, о тех же доблестных либералах. Извозчицью лошадь № 6453, которая, разбив экипаж, сама прибежала в участок, — нужно в «Нашу жизнь». Хотя — «наша жизнь коротка»... ⁴ Во всяком разе большая честь и большое удовольствие — при политике трогательного доверия лишиться разноицы.

Читал резолюцию съезда: ⁵ ничего себе, ожидал гораздо худшего.

Писать не могу, устал. В десять вечеров я накалал «Красный смех» и сейчас нахожусь в состоянии протрации и чернилоненавистничества.

Очень большая к тебе просьба, Алексеюшка. Знаю, что сам отчасти виноват в задержке сборника, а вместе с тем — нужно рассказ пустить

как можно скорее. Я читал его у себя на «Среде», и радикальные люди, как Тесленко, например, находят, что он важен именно для данной минуты. Тесленко говорит, что если напечатать теперь, так это будет все равно, что бомба. При чтении случайно присутствовал один военный корреспондент, только что вернувшийся оттуда, — нашел, что с подлинным верно. Жалко, что до окончательной отделки рассказа мне не удалось поговорить с тобой. Кстати: я стащил у тебя мужиков-рабов; если они тебе нужны, отрывок можно выкинуть ⁶, а нет — отдай их мне за пять рублей, которые я отдал Ивану ⁷. Хотя пять — это дороговато, но уж чёрт с тобой, наживайся сиротскими деньгами.

Так вот: нужно поскорее. Как это устроить, не знаю, но взываю. Если сборник запоздает — только почему ему запаздывать: мой рассказ длинен, как Юшкевич ⁸, и в связи с остальным материалом более чем достаточно. Бунин свое послал; задержка за Скитальцем, но нужно сказать правду, он слишком прохладается: над полутора листами он сидит полтора месяца. Я пойду к нему и попугаю его, скажу, что неделя — крайний срок. На Серафимовича рассчитывать, кажется, не приходится, должно быть свой рассказ он уже отдал Миролюбову (деньги за него получил он давно и, вероятно, постеснялся).

Так вот. А если цензура не пропустит, то я решил печататься самостоятельно ⁹, без цензуры, совсем как бы в конституционном государстве — надоело, <...>!

А помимо всего прочего — жалко мне, что ты не был первый, кому я прочел рассказ; пока ты не высказался, у меня остается недоверие к вещи. По совести, между нами: она бледна для тома. Некто посоветовал мне выбросить отрывок 15-й, говорит, рассудочно очень — посмотри, друже, может, и правда.

Не знаю, приедешь ли ты и когда приедешь. Может, нужно, чтобы я приехал в СПб., — я готов.

Касательно папки и книг Константину Петровичу — ты не прав, мой непостоянный друг. В этой системе дерева, красок и бумаги портреты нечто третьестепенное, без чего можно даже обойтись совсем. А я уже заказал проект папки, и он уже готов — кажется, недурно. Так как же? Ведь в каждой книжке нашей ты напишешь Константину Петровичу что-нибудь поэтическое, это тоже нужно принять в расчет.

Миролюбов просит меня попросить «Знание» издать Арцыбашева ¹⁰. Прошу, исполняя просьбу, — но сам сомневаюсь. Теперь особенно начеку должно быть «Знание».

Вот еще вопрос: каков должен быть характер ближайшего сборника «Знания»? Чисто художественный, или же треба подпустить злости? Мне кажется — художественный, а злоба сама приложится. Батюшки, какая у меня есть тема для повести — года через два она станет совершенно современной — и ядовитой! Только не скоро напишу — устал и тянет в эмпирию.

И уже больше, чёрт меня подери, — ни одного сумасшедшего! Нехай останутся они в самодержавном прошлом. Знаешь, что больше всего я сейчас люблю? Разум. Ему честь и хвала, ему все будущее и вся моя работа. Но как его еще мало в жизни, и как он слаб, и как сильна глупость! И как оскорбляет меня существование дураков. Когда я вижу глупую рожу, мне хочется вымазать ее горчицей. Мне хочется сесть на нее. На свете всегда были только две партии: умных и дураков. И чёрт вовсе не зол. Он просто глуп. Он «одушевлен желанием добра», но страшно глуп. Он либерален, склонен к реформам, но в строгой постепенности. Уже 10 000 лет в его канцелярии хранится проект об укорочении хвостов: признано основательным, но не своевременным. Главное возражение: если хвосты не нужны, они сами отпадут путем эволюции. Когда Галилей

сделал свое открытие, дьявол рыдал от горя и страха за землю, бегал по начальству и добился-таки отмены открытия. И он трус. Он убежден, что каждому хочется его ограбить и побить, и он учредил в аду правильную воинскую повинность и завел полицию и шпионов — из ангелов, так как на чертей не полагается. Но ангелов набрал самых глупых, и они постоянно ему врут. И он скуп от глупости: жалеет дрова на грешников, печи

АНДРЕЕВ И В. В. ВЕРЕСАЕВ

Фотография Шерера и Набгольца, Москва, 1903 г.

Музей Горького, Москва

заменял патентованными керосинками, и грешники устраивают демонстрации: ходят по аду гурьбой и дерутся с полицией. Он запретил в аду книгопечатание, но так как состоит сам негласным пайщиком в типографиях, то потихоньку печатает брошюры с противуправительственным содержанием: «Долой чёрта!» Он любит добродетель и собственноручно оскопил чёрта, пойманного на месте преступления, но сам со второго класса лица страдает хроническим триппером и тайно содержит дом терпимости, куда сын его ходит бесплатно, по визитной карточке. Глубоко религиозен. Сотрудничает потихоньку в «Миссионерском обозрении» и «Новом пути»¹¹ — пишет о святой плоти, намекая на свой триппер. Любит искусство и хочет

перестраивать ад под руководством Шехтеля¹², но сам же метит в подрядчики, и ад наверное завалится от дрянного цемента. Жалостлив. Состоит членом общества покровительства животным и открыл приют для беременных лягушек, но смотрителем, по протекции, поставил аиста. Склонен к классицизму и в подлиннике ест греческие орехи, за что избран в председатели Академии наук. Бойтся «чертовщины» и каждую ночь зажигает лампадку, но масло покупает дрянное, гадкое, и постоянно страдает от угара. Давно придумывает такую конституцию, при посредстве которой можно было <бы> обобрать всех догола, но по глупости не может и в отчаянии занимается карманным воровством.

Он просто глуп, и все, что он делает, не опишешь.

Крепко целую тебя и думаю, так или иначе, скоро увидеться. Напиши, голубчик, как покажется тебе рассказ.

Твой Л е о н и д

Получил сейчас от Серафимовича письмо. Он анафемски хочет в «Сборник», клянет аванс и садится за новый рассказ¹³. Я ответил ему: торопись. Какой он хороший человек, если бы ты знал, Алексеюшка!

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

¹ Речь идет о премьере «Дачников» 10 ноября 1904 г. в Петербурге в театре В. Ф. Комиссаржевской. Сотрудники декадентского журнала «Мир искусства» пытались устроить во время представления пьесы скандал. К «шикающим» Мережковскому и С. П. Дягилеву присоединились Д. В. Философов, А. Ф. Даманская, З. А. Венгерова, А. Р. Крандиевская, театральный критик «Нового времени» Ю. Д. Беляев и др. Находившиеся в театре переодетые шики для обострения инцидента поддерживали представителей «Мира искусства». Поведение небольшой группы эстетов было встречено с негодованием подавляющей частью публики. Когда Горький вышел на сцену, его приветствовали бурной овацией. Мережковский, Дягилев и их единомышленники были вынуждены покинуть зрительный зал (см. письмо Горького к Е. П. Пешковой от 12 или 13 ноября 1904 г. — «Архив Горького», т. V, стр. 138—139). Из московских газет отчет о премьере «Дачников» дал «Русское слово» (№ 316, 13 ноября — корреспонденция из Петербурга Арсения Мерич <А. Ф. Даманской>), его, вероятно, и имеет в виду Андреев. Первое сообщение появилось там же, в № 314, 11 ноября. См. также следующее письмо Горького. Оценку Андреевым «Дачников» см. в настоящем томе, стр. 516.

² Ироническое прозвище Петра Дмитриевича *Боборыкина* (1836—1921), данное ему В. П. Бурениным. 5 ноября 1904 г. Боборыкин выступил в аудитории Политехнического музея с лекцией «Русская интеллигенция» («Новости дня», 1904, № 7697, 6 ноября; «Русское слово», 1904, № 309, 6 ноября — фельетон С. Яблоновского «Свет и тени. XXXVII. В путь-дорогу» и др.).

³ Убийство Плеве 15 июля 1904 г. эсером Е. С. Сазоновым было воспринято Андреевым как начало революции.

⁴ Намекая на ожидаемое запрещение властями «Нашей жизни», Андреев цитирует начало популярной студенческой песни «Наша жизнь коротка — все уносит с собой...»

⁵ См. прим. 2 к письму 121. Резолюция съезда земских и городских деятелей была опубликована позднее в «Листке освобождения» (Париж), 1904, № 18, 20 ноября.

⁶ В «Отрывке тринадцатом» повествуется о конвоировании солдатами по улицам города крестьян, походивших «на рабов древнего мира. Их вели на войну, и они шли, повинувшись штыкам, такие же невинные и тупые, как волы, ведомые на бойню» (ПССА, т. IV, стр. 128).

⁷ Бунину. См. письмо 116.

⁸ О Юшкевиче — см. прим. 5 к письму 136.

⁹ Об отдельном издании «Красного смеха» Андреев писал Пятницкому (около 13 ноября): «Рассказ нужно напечатать как можно скорее, тем паче, что к весне, если война не кончится и если рассказ будет иметь успех, его нужно было бы выпустить отдельным изданием». В письме к Пятницкому около 10 декабря Андреев снова возвращался к этой теме: «Для меня совершенно выяснился план отдельного издания „Красного смеха“. Я видел альбом Гоий „Ужасы войны“, это до того удивительно хорошо, до того подходит к рассказу и в совокупности с ним создает нечто единственное — что я чуть не спятил. Восторг!» (АГ). План этот не был осуществлен. Отдельное издание «Красного смеха» под названием «Отрывки из найденной рукописи» выпущено Ладыжниковым в Берлине (без указания года). Андреев выслал Пятницкому в подарок из Германии приобретенный в Мюнхене у антиквара, изданный в Мадриде альбом Гоий «Ужасы войны» с надписью: «Константину Петровичу Пятницкому — сердечно любящий Леонид Андреев. 15 марта 1906 г.» (копия надписи в АГ).

¹⁰ Михаил Петрович Арцыбашев (1878—1927) в начале 1900-х годов выступал с рассказами в либеральном духе. Произведения Арцыбашева «Знанием» не печатались. В конце 1906 г. Миролубов привлек Арцыбашева к изданию «Народной вести», заменившей запрещенный «Журнал для всех». В годы реакции Арцыбашев стал одним из самых характерных представителей антиреволюционной литературы с ее проповедью аморализма и отрицанием общественных идеалов, а также возглавлял сборники «Земля», противостоящие направлению «Знания». После Октябрьской революции — эмигрант. В своих интервью Андреев давал резкую оценку его роману «Санин».

¹¹ «Миссионерское обозрение» — ежемесячный реакционный «противосектантский» журнал, издавался с 1896 г. в Киеве, а с 1899 по 1916 г. — в Петербурге В. М. Скворцовым. Журнал поставил своей целью защиту устоев официальной церкви и с большим вниманием следил за «религиозно-философскими собраниями». Не меньшее внимание уделялось «Миссионерским обозрениям» и журналу «Новый путь», откуда перепечатывались отчеты о заседаниях этих «собраний». В феврале 1903 г. между «Новым путем» и «Миссионерским обозрением» завязалась полемика, которая в дальнейшем приобрела большую остроту (В. Е. Евгеньев-Максимов и Д. Е. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930, стр. 249—250).

¹² Франц Осипович Шехтель (1860—1926) — архитектор, преподаватель Московского Строгановского училища. По проектам Шехтеля в Москве в начале 1900-х годов было возведено несколько зданий и оформлено помещение Художественного театра.

¹³ 14 октября 1904 г. Серафимович, у которого началось кровохаркание, вынужден был уехать из Москвы в Крым (письмо Белоусова к Телешову от 14 октября 1904 г. — ИМЛИ). 15 ноября он писал из Ялты Пятницкому: «Работаю. Написал одну вещь. Алексей Максимович говорил Леониду, чтоб в сборник ее, да очень уж мизерный рассказишко вышел, неловко с ним в сборнике и выступать: сиюху теперь над другим» (АГ). Упоминаемое письмо Серафимовича к Андрееву — неизвестно.

123. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 13 ... 15 ноября 1904 г.⟩

Мой густо красный Маркобруннер!¹

Письмо — получил, а рассказ — не получил. Получу? Я рад за тебя, заранее рад, ибо — уверен, что это — хорошо. Уже по тону письма твоего вижу — хорошо! и по отношению твоему к чёрту чувствую — хорошо! Торопи всех аггелов «Знания», торопи их, чертоломов! От Бунина еще ничего не поступило, и где он — я не знаю. Но сие — нас не задерживает. Как только ты приплешь свой «Красный смех», — сейчас же мы его в типографию отдадим, не волнуйся! И выходит очень гармонично: ты изображаешь войну, Куприн — военных — банзай! Воспоминания Куприна — напечатаны, «Дачники» — тоже скоро будут готовы, ты поспел как раз вовремя, а за тобой пойдет Бунин, Шаталец — и сборник готов!² Материала у нас остается более чем на один сборник, и, возможно, что мы издадим еще два. Пиши! Пиши, дружище.

А я — совсем не зол, напротив — чувствую себя великолепно, всех ненавижу веселой, буйной ненавистью и — искренно говорю тебе! — день первого представления «Дачников» — лучший день моей невероятно длинной, интересной, моей хорошей жизни, которую я всю сам сделал. Милая моя душа, — как великолепно чувствовал я себя, когда после третьего акта подошел к самой рампе, встал и смотрел на публику, просто смотрел, не раскланиваясь с ней, и огромная, горячая радость горела во мне. Желал бы я, чтобы ты испытал это невыразимое, неопишемое наслаждение, эту гордость, человеческую эту силу — чёрт возьми! Хорошо! Банзай!

Банзай, Леонид! Они шикали, когда меня не было, и никто не смел шикнуть, когда я пришел — трусы и рабы они! Их зовут Мережковский, Философов, Дягилев и т. д., они считают себя свободными людьми — и у них нет силы встать нос к носу с тем, кого они ненавидят — это свобода? Разве свобода возможна без мужества? Без силы? К чёрту людей без силы и мужества.

Я очень рекомендую тебе статьи в «Петербургских ведомостях» и «Свете», интервью с Мережковским в «Петербургской газете»³, и стихи «Либерал» в «Руси» — последние не имеют отношения к «Дачникам», они интересны сами по себе⁴.

Присланный тобою фельетон в «Нашу жизнь» — опоздал года на два, и посоветовавшись с Неведомским — который тебя искренно любит, — мы решили не печатать его⁵. Здесь — хорошо. Погода отвратительная, у меня кровохарканье, Марья Федоровна лежит в больнице, ей делали операцию — но все это можно терпеть, даже не замечать, ибо не в этом дело, голубь мой. Мы все умрем, но мы с тобой не совсем умрем, вот в чем дело!

Во время «Дачников» публика, говорят, здорово ругалась. Потапенко будто обругал новопутейцев в глаза⁶, кто-то кричал им «пошляки», вообще — анкраморская битва мешчанам дана, и я — вздул их! Впервые вздул — пойми меня — впервые *почувствовал*, что вздул.

Нет, жизнь хороша, люблю жизнь! Люблю тебя, горячей любовью, глубоко, искренно, — люблю мою благородную Марусю, красивого друга-женщину, люблю Константина Пятницкого, построенного природой твердо и прочно, как рыцарский замок. В его сильном теле заключена красная душа, душа, горящая всегда спокойно и ровно, как одинокий костер в безлюдной степи, тихой летней ночью. Люблю и все остальное и даже тех, кто мне противен, тоже, кажется, немножко люблю, ибо — они дают мне почувствовать себя.

Как это важно, как это славно — почувствовать себя!

Разумеется, «Дачники» не поднялись в моих глазах после всей этой истории. «Дачники» — это не искусство, но — ясно, что это меткий выстрел, и я — рад, как чёрт, соблазнивший праведников, напиться до безобразия.

Ну, достаточно! 21-го я здесь буду читать с благотворительной целью⁷. Цель — хорошая. Приезжай? Приезжай завтра? Идет? Телеграфируй, если согласен. Остановишься у нас, Знаменская, 20. Обнимаю, целую, кланяюсь.

Пришел Миклашевский.

А.

Датируется по содержанию (см. прим. 3, 4 и 7).

¹ Горький шутливо отождествляет Андреева с воинственным, но терпящим поражение королем Маркобруном из лубочной повести «О Бове Королевиче».

² См. прим. 1 к письму 114.

³ Горький имеет в виду фельетон Зигфрида <Э. А. Старка> «Эскизы» («Петербургские ведомости», 1904, № 311, 12 ноября); рецензию на постановку «Дачников» в газете «Свет» (1904, № 311, 12 ноября) и статью «По поводу выхода Горького. Из беседы с Д. С. Мережковским» («Петербургская газета», 1904, № 313, 12 ноября).

⁴ Подразумеваются стихи некоего А. «Герой нашего времени» («Русь», 1904, № 332, 12 ноября), о которых Горький 12 или 13 ноября 1904 г. писал Е. П. Пешковой в Ялту: «Это голос обывателя, а не радикала» («Архив Горького», т. V, стр. 139).

⁵ В недатированном письме к Неведомскому Андреев сообщал: «Сейчас нашел старый фельетон, написан он был в одну из обманчивых российских минут, и цензор как более дальновидный политик его не пропустил. И странно, он почти целиком подходит к данной минуте. Если согласитесь — печатайте. А то когда еще соберусь написать. Заглавие ставьте какое хотите, но постоянное» («Искусство», 1925, № 2, стр. 268). В АГ хранится автограф раннего фельетона Андреева для «Курьера», но является ли он тем, который Горький и Неведомский решили не печатать в «Нашей жизни», установить не удалось.

⁶ Игнатий Николаевич *Потапенко* (1856—1929) — писатель. Его фельетон (за подписью «Фингал») — «Смещение языков» («Русь», 1904, № 334, 14 ноября) получил одобрятельную оценку Горького («Архив Горького», т. V, стр. 140).

⁷ 21 ноября 1904 г. Горький читал свои воспоминания о Чехове и рассказ «Еще о чёрте» на литературно-музыкальном вечере в зале Тенишевского училища в Петербурге. Публика устроила ему бурную овацию («Новости и Биржевая газета», 1-е изд., 1904, № 342, 23 октября).

124. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Петербург. 14 ... 16 ноября 1904 г.>

Дружище мой,— черновик у тебя остался? Немедленно дай напечатать его еще в двух экземплярах или же — привези сюда, здесь отдадим. Если ты этого не сделаешь,— придется нам отдать печатать с того, который ты выслал, и, значит, когда ты приедешь — рассказа не будет у нас. Нужно три экземпляра — один в типографию, другой — за границу, третий — иметь дома для проверки корректур. Непременно сделай это!

Затем — пожалуйста, торопи Бунина, во всю мочь торопи!

Что Серафимыч?— Слова другие — до личной встречи.

Алексей

Датируется по связи с соседними письмами.

Как видно по книге деловых записей Пятницкого (АГ), первая половина «Красного смеха» была послана в набор 1 декабря 1904 г., а вторая — 7 декабря. На следующий день Пятницкий послал Андрееву для просмотра 1-ю и 3-ю гранки набора. В ЦГАЛИ хранится машинописный экземпляр «Красного смеха» с подписью Андреева и с датой: 8 ноября 1904 г. См. также прим. к письму 126.

125. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Москва. 14 ... 16 ноября 1904 г.>

Милый Алексеюшка!

«Красный смех» плох, и я прискорбно чувствую это, и мне скучно. Но на это наплевать. А приеду я в СПб. с женой 20-го, и этому я очень рад¹. Банзай! Ты же человек великолепный, и я горячо и «единственно» люблю тебя,— по-видимому, это ты снился мне, давно, во времена юности. В тебе есть радиативные свойства, и если я анархист, то это очень хорошо, и этим я мало-мало позаимствовался у тебя. Банзай!

А «Красный смех» 5-го декабря я буду читать в Обществе любителей словесности, в Университете². Думаю, что по теперешним временам огласка не повредит цензурности вещи: она станет шилом, которое в мешке не утаишь.

В твоём веселье есть трагические нотки — и это хорошо, это человечески, это приобщает к вечности. Знаешь, как ты умрешь? Ты будешь лежать один, и наступит момент, когда жизнь твоя будет зависеть от глотка воды. Стакан же будет стоять так, что ты сам его не достанешь;— и ты посмотришь на стакан, посмотришь на дверь, за которою люди,— и умрешь. Но звать никого не станешь.

И, умирая, ты будешь знать, что это умирает Горький, и на одну чашку весов ты положишь Горького, со всем, что в нем есть, на другую — простой крик о помощи — и ты никого не попросишь о помощи.

Пожалуй, глупо это говорить,— но в том, что ты не пишешь художественных вещей и разбрасываешь себя всюду, много силы, много истинно человеческой расточительности. Обращаться с талантом, как с сапожной щеткой — с талантом, о котором люди мечтают, как о миллионе,— это здорово. Можно быть расточительным в деньгах и мещански жадным на свой талант — а ты и здесь не жаден, мой милый Алексеюшка. Глупо так говорить, мне хочется страшно, чтобы ты писал художественное,— но из песни слова не выкинешь*.

Итак, еду. Мы с Шурой прямо к Константину Петровичу — ладно? Места хватит?

* В автографе описка: из слова песни не выкинешь.— Ред.

Крепко целую тебя. Константина Петровича — тоже. Я очень люблю его, но — чёрт побери! — он, как статуя, холоден и молчалив, и я не знаю, платит ли он мне хоть маленькой взаимностью. И это смущает меня. Если бы я видел его чаще — а то в письмах ничего не узнаешь. И мне очень хочется подойти к нему поближе — но как? Молчит и улыбается и каждый месяц аккуратно шлет деньги, и знаю, готов сделать все, о чем попросишь, — и временами я готов кричать: караул!

Поклонись ему и посмотри на его лицо.

Твой Л е о н и д

Какую загвоздку ты загвоздил: «завтра получишь письмо». А в письме что? Чёртушка! Я уж и на пальцах гадал, и на свет телеграмму смотрел, и с женой советовался. Хорошо или плохо? Если хорошо, почему ни слова не сказал? Если плохо, — зачем телеграмма?³

Вот и жди завтрашнего дня. Тебе смешно, а я волнуясь. Верно. Алексеюшка, то, что ты скажешь, для меня самое важное.

А сам я думаю про рассказ вот что: большой замысел, кургузая одержанка. Настроение исключительное, для массы непонятное. В этом смысле рассказ аристократичен. Разум, который не хочет, не может помириться с войною и гибнет, как часовой на своем посту, — разум будущего, а не настоящего; я ведь так вначале и хотел писать фантазию на тему о будущей войне и будущем человеке. А сейчас утилитарно-христианские рассуждения Толстого о вреде войны для хозяйств, — для семьи, для здоровья и доброй нравственности — гораздо понятнее и сильнее и общее⁴. Война — невзгода, это настоящее; война — безумие, это завтрашнее. И странно: к этому убеждению демократия нынешняя придет раньше, чем интеллигенция; демократия как-то обойдет ее с флангов и окажется впереди.

Одного я очень боюсь: если ты скажешь, что рассказ нужно переделывать. Не могу. <Во> 1-х) потому, что не знаю, как можно сделать его лучше, хотя знаю, что такой способ и существует; <во> 2-х) очень противно ходить по жердочке над сумасшедшим домом.

Вообще к чёрту сумасшедших! Надоели они мне хуже горькой редьки. Да здравствует разум!

Твой Л е о н и д

Курьезная штука: жена моя в некотором роде предпочитает тебя мне; а я в некотором роде предпочитаю тебя моей жене — получается какая-то алгебра с геометрией. А в общем — хорошо. Банзай!

Датируется по связи с письмами 122—127.

¹ 19 ноября 1904 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Завтра придет на банкет Леонид». Речь шла о банкете юристов 20 ноября (по случаю 40-летия судебных установлений). В следующем письме к ней же, от 21 ноября, Горький сообщил: «Здесь Андреев, живет у нас» («Архив Горького», т. V, стр. 141, 142).

² Чтение «Красного смеха» не состоялось. В письме к Пятницкому Андреев писал: «Произошел некоторый курьез. Любители российской словесности назначили сегодня в публичном заседании чтение „Красного смеха“, а вчера на подготовительном заседании Федотов прочел этот самый „Красный смех“ и привел господ членов в ужас. Кой чуть в обморок не упали, кой совсем ошалели — и решили: прочесть только половину. Это известие привез мне сегодня Гольцев (он за прочтение всего рассказа). Мотивы такие: 1) в многолюдном собрании „Красный смех“ произведет слишком тяжелое впечатление; могут быть истерики и прочие замешательства; 2) студенты могут устроить демонстрацию и общество закроют». Письмо не датировано. Помета рукой Пятницкого: «получ. 13/XII 1904 г.» (АГ).

³ Упоминаемая телеграмма Горького не сохранилась.

⁴ Об отношении Андреева к Толстому — см. статью В. И. Беззубова «Лев Толстой и Леонид Андреев». — «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 104. 1961, стр. 130—172.

126. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 16 ... 18 ноября 1904 г.⟩

На мой взгляд — ты прав, дружище, 15-й отрывок надо выбросить вон, он не усиливает впечатления, он разбавляет кровь мутной водой и даже написан не в тоне — это с литературной стороны.

А с общественной — он укрепляет позицию тех, которые будут ругать рассказ. Ведь они будут стоять на точке зрения психической ненормальности героя рассказа, это уж — непременно! — и я даже провижу в будущем статью, озаглавленную так: «Война в изображении сумасшедшего». Не нужно давать в руки «патриотов» и шовинистов такого оружия, ты понимаешь меня?

Следует также выкинуть и 7-й отрывок, ибо им обязательно воспользуются против японцев, на него будут опираться как на доказательство их зверства.

Мне кажется, что газетная вырезка, приклеенная мною сверху письма, могла бы резче и ярче подчеркнуть твою мысль, чем 15-й отрывок. Подумай — дети!¹ Пожалуйста, Ленька, выбрось 7-й и 15-й! Право, от этого рассказ выиграет в силе.

В середине рассказа есть нечто психологически невозможное и недопустимое — который из братьев записал сцену купанья в ванне? Первый? Ты думаешь это возможно в такой форме? Необходимо, чтобы ясно был указан момент, до которого дневник писался со слов первого брата, этот момент наступает со времени возвращения первого брата домой, иначе я не понимаю, как мог второй брат *так* писать. Сделать это изменение — легко.

Конец мне не нравится. Не страшно. Когда началась общая бойня — хорошо, а после возвращения домой — нет, нехорошо! Земля, извергающая трупы из недр своих, — это не вышло. Иезекииль — изображает сие красивее и страшнее. Остановиться нужно где-то раньше.

В общем я считаю рассказ чрезвычайно важным, своевременным, сильным — все это так, — но для большего впечатления необходимо оздоровить его. Факты — страшнее и значительнее твоего отношения к ним в данном случае. Первая половина — очень хороша, очень, — но доктора, встающего вниз головой, надо выбросить, это смешит. Это глупая рожа на похоронах Чехова, это звук гармоники мастерового среди рекеи Бетховена. Это смешит и раздражает.

На 13-й стр. «ищущие», «вздрагивающие», «почесывающиеся», «старающиеся», «чужие» — столпились в одном периоде и заглушают его шипением.

«Много сумасшедших. Больше, чем раненых» — стр. 20-я — не резко ли в такой категорической форме? Мне кажется, надо заставить почувствовать, что их много, а не заявлять об этом словами.

На 53-й — «Ведь все же плачут от войны и они сами *плачут*, что же это *значит?*» Скверная рифма.

На 56-й — «Каждый из них молчал» — и тотчас же — «они кашляли и сморкались»...

На 82-й — «треугольные головы между шеей и подбородком» — не представляю, как это?²

Не сердись на меня, Леонид, мне так страстно хочется, чтобы рассказ твой произвел возможно более оглушительное впечатление, и так не хочется, чтобы к тебе привязывались из-за пустяков!

Крепко обнимаю, кланяюсь Александре Михайловне.

Твой А л е к с е й

В. Каррик.

Скиталец.

С. Г. СКИТАЛЕЦ
Шарж В. В. Каррика
«Лепший», 1906, № 1

Очень я устал здесь, но проторчу еще до 22-го³.

Рассказ читал дважды — прочитал как получил и — сейчас. Действует он очень сильно, — это верно!

Датируется по связи с письмами 122—127.

¹ К письму приложена вырезка из газеты с сообщением, как дети, играя в войну, повесили своего товарища.

² Андреев под влиянием критики Горького переделал 7-й и 15-й «отрывки» «Красного смеха». На хранящейся в ЦГАЛИ авторской машинописи рассказа на нескольких листах поверх старого текста наклеен новый. Насколько можно судить по уцелевшим фрагментам ранней редакции «отрывка пятнадцатого» (собрание «умственной черни города», решающей уничтожить книги), у Андреева еще в 1904 г. зрел замысел будущей пьесы «Царь-Голод». Ср. также образ полусумасшедшего старика «Высокого» из первого действия ранней редакции драмы «К звездам» (ИРЛИ).

Из отдельных замечаний Горького Андреев принял только последнее.

³ 22 ноября 1904 г. Горький выехал из Петербурга в Ригу («Летопись», I, стр. 493).

127. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 17 ... 18 ноября 1904 г.⟩

Милый Алексеюшка! И на этот раз я с тобою совершенно и даже насквозь не согласен.

1. Оздоровить — значит уничтожить рассказ, его основную идею. Здоровая война — достойное прошлого; война сумасшедших с сумасшедшими — достойные отчасти настоящего, отчасти близкого будущего. Моя тема: *безумие и ужас*. «Факты важнее и значительнее твоего отношения» — совершенно не согласен. Обращение земли вокруг солнца всегда было фактом, и только различное отношение людей к нему создало историю. Факты войны всегда приблизительно одинаковы, и только отношение к ним меняется. Наконец, *мое отношение* — также факт, и весьма немаловажный.

2. Отрывок седьмой. Для меня нет ни русских, ни японцев; есть две стороны, и обе они совершают достаточно гадостей (письмо офицера, признание в грабеже). И это достаточно в рассказе выражено. И если какие-то идиоты воспользуются этим против японцев, то ведь идиоты и вообще могут нагородить достаточно идиотств. От них ничем не спасешься, и отказываться ради их тупоумия от того, что сам считаешь справедливым и важным, — нельзя.

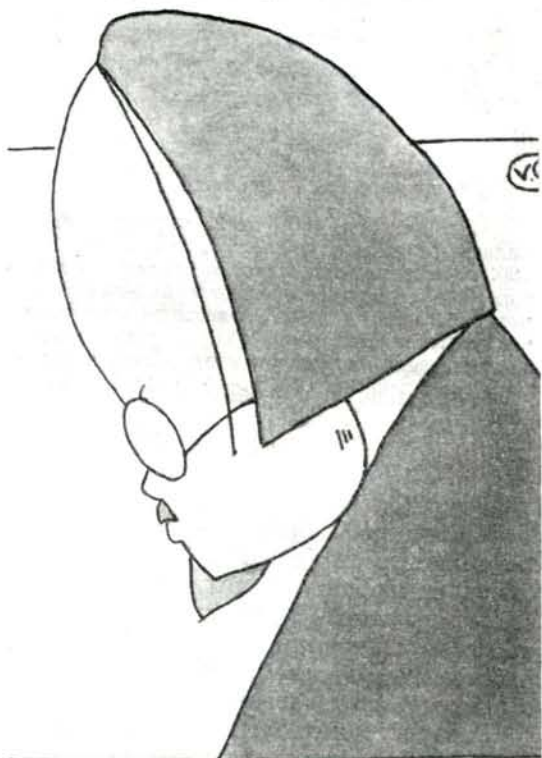
3. Сумасшедший доктор *мне* кажется лучшим местом рассказа — опять-таки в соответствии с моей идеей безумия войны.

3 <1>. Отрывок 15-й. Я боялся его рассудочности, а если он «безумен» — он, стало быть, важен для темы. О детях (вырезка) я знал раньше, и у меня есть и другие аналогичные факты, но опять-таки для темы они не имеют существенного значения. И у меня было кое-что написано по этому поводу — но я выбросил.

4. Конец слаб. Это весьма даже возможно, но с этим ни чертá уже не поделаешь. А для темы существенно и даже необходимо.

5. Психологическая несообразность — кто пишет? Пишет *весь* рассказ второй брат, и в этом, правда, много натянутого, психологически неверного (например, как он мог описать последнюю ночь?) — но это неизбежность как условность, как монолог, например, или описание последних ощущений умирающего, которых никто не знает. Но это меня не смущает, так как на «Красный смех» я не смотрю как на художественную вещь.

И в итоге — нехай рассказ останется как он есть. Главное — его действие, а действие он производит желательное. Его читали средние люди,

Е. Н. ЧИРИКОВ

Шарж В. В. Каррика. Акварель,
1905—1906 годы

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Е. Н. ЧИРИКОВЪ.

и впечатление большое и выводы такие: «стыдно в глаза смотреть, что делается на свете» и «если б я был царь, я бы после этого рассказа повесился». И вот еще что: несмотря на отсутствие в рассказе политического элемента, *все* убеждены в его нецензурности. Мне кажется, это свидетельствует только о силе впечатления.

Ты знаешь, друг, что человек я совсем не самоуверенный, но в данном случае я твердо верю, пожалуй, знаю, что нужно именно так. Мы с тобою хотим одного — чтобы рассказ был оглушительным, и поверь мне, Алексеюшка — переделки и урезки ослабят его. И мне не хочется «искусства» — пусть будет так, как вылилось непосредственно и в страдании. Ни один рассказ не писался так легко и не мучал меня так — так пусть же идет в свет, каким родился!

Мы еще поговорим. Я приеду в субботу, а если не достану билета, то в воскресенье. Может ты останешься в СПб. до 23-го? А то мало повидимся. Я тоже дьявольски устал. Цензура меня беспокоит. Вся надежда на Константина Петровича. В крайнем случае, сам пойду к Святополку¹.

Крепко жму лапу.

Твой Л е о н и д

Датируется по связи с соседними письмами.

¹ О Святополке-Мирском — см. прим. 2 к письму 113.

128. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

Т е л е г р а м м а

⟨Рига. 28 ... 29 ноября 1904 г.⟩

Гомель выезжаю среду Пятницким или один. Не знаю какая ⟨дорога⟩ прямо туда. Гранд отель. Захвати рассказ. Телеграфируй ответ. Жму руку.

А л е к с е й

Датируется по содержанию.

С 11 октября 1904 по 26 января 1905 г. особым присутствием Киевской судебной палаты в Гомеле слушалось дело о еврейском погроме в Гомеле 29 августа и 1 сентября 1903 г. Тенденциозный подбор свидетелей и грубый нажим председателя суда на истцов и их адвокатов вызвал негодование демократической общественности. Пятницким письмом от 29 ноября 1904 г. известил Горького, что о его «поездке в Ригу или Гомель сейчас не может быть речи» (АГ). Горький выехал в Гомель из Риги 1 декабря, в среду, но в тот же день, вследствие нездоровья, вернулся обратно. См. его телеграмму Пятницкому (от 1 декабря 1904 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 170).

129. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 4 декабря 1904 г.⟩

Милый мой Алексеюшка! Я очень встревожился, прочтя сегодня в газетах о твоей болезни. Переутомляешься ты анафемски и не жалеешь себя и не любишь, чтобы другие тебя жалели, — милый мой человек, как все это грустно. Нужно в пустыню. Вон и Морозов говорит, что он хочет на месяц в пустыню — устал. То же слышал вчера от одного серьезного работающего человека; эти галопирующие дни очень утомляют. Сидишь в комнате, а впечатление такое, будто едешь в скором поезде.

Распространяться о твоей болезни не стану, боюсь, рассердишься.

Меня съедают инфлуэнца и народ, и народ хуже инфлуэнцы. Как приехал из СПб., насели на меня всякие хорошие человеки и тормопат. Словно в зубчатое колесо попал: с одним устроишь, ан — двое в очереди стоят. Предстоит многократное чтение «Красного смеха» — в собрании

бриллиантов и жемчугов. И еще раз и еще раз жалко, что мы живем в разных местах. Видаю Морозова, и он мне очень нравится. Между прочим, он лично разодолжил меня: устроил моего свойственника к себе на службу.

Однако, того, совсем даже не пишется.

Дурак Острогорский¹: поместил ругательную против меня статью какого-то Львова². Последовательность такая: хвалебная статья Ашешова³, ссора с Острогорским — и эта ругань. Откровенно.

Какова наша Дума-то? Здорово. Интересно, что из московских газет только «Русская правда» напечатала резолюцию; «Русские ведомости» побоялись⁴. Вот мертвец — даже при всеобщем воскресении мертвых ухитрится остаться мертвым.

До голосования удрали трое гласных: поп⁵, Найденов⁶ и Герье⁷. Хорош гусь?

Я очень люблю тебя, Алексеюшка, и очень мне грустно, что ты захворал. Крепко целую тебя — и привет милой Марье Федоровне, хорошему человеку, о котором думать приятно. В моих глазах она точно поднимается по лестнице, и с тех пор, как я видел ее первый раз, она взлезла на 20-й этаж.

Твой Л е о н и д

Скиталец написал новый рассказ — еще лучше «Кандалов»⁸. Молодец! Читал на «Среде» «Зайца» Серафимовича, очень понравилось⁹.

Датируется по содержанию (см. также стр. 510 настоящего тома).

¹ Александр Яковлевич *Острогорский* (1868—1908) — педагог, литератор и либеральный общественный деятель; с 1896 г. редактор журнала «Образование».

² *Львов* — псевдоним Василия Львовича Рогачевского (1874—1930) — критика и историка литературы. Имеется в виду его статья «Мертвое царство. (Рассказы Леонида Андреева)». — «Образование», 1904, № 11, отд. II, стр. 73—130.

³ Статья Ник. Ашешова — «Из жизни и литературы. Жизнь Василия Фивейского» — новое произведение г-на Леонида Андреева. — «Образование», 1904, № 5, отд. II, стр. 81—99.

⁴ 30 ноября 1904 г. на заседании Московской городской думы было принято подписанное 65 гласными заявление, в котором предлагалось обратиться к «высшему правительству» с просьбой отменить действие исключительных законов, обеспечить свободу совести и вероисповедания, свободу собраний и союзов. Гласные высказались также в пользу созыва в России Учредительного собрания. Это заявление появилось только в газете «Русская правда», 1904, № 242, 1 декабря. «Русские ведомости» (№ 334, 1 декабря) дали неполный отчет о заседании Думы, сославшись на 83-ю статью Устава о цензуре и печати, в силу которой подобные постановления печатаются только с разрешения губернского начальства.

⁵ Лицо не установленное.

⁶ Александр Александрович *Найденов* (1839—1915) — крупный московский промышленник, выборный биржевого и купеческого общества; представлял интересы купечества в Московской казенной палате.

⁷ См. прим. 2 к письму 31.

⁸ Речь идет о рассказе Скитальца «Полевой суд». Рассказ «Кандалы» напечатан в пятом сборнике «Знание» (1905).

⁹ См. недатированное письмо Андреева к Серафимовичу о чтении «Зайца» на «Среде» («Московский альманах», I, 1927, стр. 286—287). «Среда» состоялась на квартире С. С. Голоушева.

130. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Рига. 5 ... 6 декабря 1904 г.⟩

Рассказ — недурной, а Миролубов — дурак и нахал¹. В рассказе, пожалуй, слишком много «злых ног» и обычных для тебя повторений, которые повергают читателя, как рака, поставленного на хвост — в состояние катаlepsии. Это, конечно, можно убрать, но, конечно, можно и оставить.

Но рассказ мне нравится, ибо в нем я вижу одного человека, на которого ополчились все и ведь и он сам... болван! Мне жаль, что он не был знаком со Стояном-Чайкиным², — вот человек с характером и без пред-
рассудков!

И поэтому — мы напечатаем рассказ³. Хорошо бы, милый, если бы в третий сборник ты поместил «Царя». Я помещу «Записки пролетария»⁴. Я ведь — тоже сочиняю. И даже — стихи. Например:

В небесах аллюром частым
Едет на ките корнет,
На лице его усастом
Отразился пистолет.

В рот себе засунув ногу,
Он бормочет и поет.
А о чем поет — ей-богу
Ни один не разберет <?>.

...Никого я этой басней
Не желаю попрекнуть —
Ерунду еще ужасней
Часто пишет «Новый путь».

Это, конечно, очень глупо, но можно написать и еще глупее. В наше время всему научишься. Могу сообщить и еще стихи, очень серьезного содержания.

Жил когда-то человек —
Только правде был он другом,
И за эту дружбу с правдой
Не любил его никто.

Говорили все о нем
С ненавистью и со страхом,
И нигде себе приюта
Человек не находил.

Одиноким, всем чужой,
Тихо умер он в темнице...
И никто не проводил
Его гроба до могилы.

Неизвестно, где зарыт
Верный друг гонимой правды...
Только сердце мое знает
Эту тайну... и — молчит!⁵

Стихи тюремного надзирателя из рассказа М. Горького, написанные сим последним в момент инфлюэнды, — недурные стихи, между прочим. Возможны и лирические стихи:

Поутру, штору поднимая
Я вижу — под моим окном
Стремглав летит вагон трамвая —
Солидно мчатся немцы в нем.

О, если бы я был вагоном
Или хотя бы — немцем в оном!
Я бы умчался на тот свет
От либералов и газет!⁶

Вообще — стихи можно писать на разные темы и без всякого сострадания к читателю, — это мое глубокое убеждение!

Между прочим, молодой писатель Тарахтенберг изобразил тебя, Леониде, в сочинении своем, именуемом «Сегодня», хотя еще и за «Вчера»⁷ пороть его была пора. Учись у меня остроумию, друг мой, и когда выучишься — пойдем вместе сотрудничать в один из русских юмористических журналов, которые, несомненно, издаются на кладбищах и не совсем прокисшими покойниками, как это видно.

Ты, может быть, желал бы, чтоб я писал серьезно.

Нет! Не могу. Теперь все серьезное — стало дешево и засижено либералами. Нет ни одного понятия, ни одной идеи, на которых бы не сидели либералы за последнее время, и вся мебель души смята и — стало скверно пахнуть.

До свидания, мой глубокоуважаемый друг, чёрт тебя возьми! И т. д.

Кланяюсь Александре Михайловне. Она весьма живой человек и понимает, вероятно, как весело жить на свете человеку, у которого сразу три зуба ноют, побуждая его писать стихи, и которого либералы хватают во сне — за пятки, а наяву за шиворот и все прочие места организма.

А ты — холодный злодей, свирепое существо с огнедышащими страстями и с необоримой склонностью к разврату, как обрисовал тебя сам Тарахтенберг, о чем зри его полемику в «Руси» с Которотовым, который «Шмель», но тоже глупо себя ведет⁸.

Крепко жму.

А.

Датируется по содержанию (см. прим. 8).

¹ Речь идет о рассказе Андреева «Вор», посланном в «Журнал для всех», но отклоненном Миротлюбивым (ЛЛ, вып. 5, стр. 113). В письме (без даты) к Серафимовичу Андреев писал: «Миротлюбив-то! Забраковал моего „Вора“. Очень, говорит, это мне грустно, но рассказ плох, и по совести я не могу и т. д. Ведь молодец — или, как говорит Ермишка (В. Е. Ермилов), хоть глупо, но не безнравственно» («Московский альманах», I, 1927, стр. 286).

² Варфоломей Андреевич Стоян (р. 1876) — мелкий торговец вином. Присвоил себе фамилию Чайкин. Похитил почитаемую «чудотворной» икону Казанской божьей матери, снял с нее драгоценности, а икону разрубил на куски и сжег. Казанский окружной суд в ноябре 1904 г. приговорил его к двенадцати годам каторги («Казанский телеграф», 1904, № 3577—3590, 26 ноября — 10 декабря; «Таганрогский вестник», 1905, № 114, 4 мая).

³ 5—6 декабря 1904 г. Горький в письме к Пятницкому предлагал включить «Вора» во второй сборник «Знание» («Архив Горького», т. IV, стр. 171). См. прим. 1 к письму 114.

⁴ Неосуществленный замысел Горького.

⁵ С незначительными исправлениями стихотворение вошло в рассказ Горького «Тюрьма». См. прим. 1 к письму 114.

⁶ Эти стихи Горький приводит и в письме к А. А. Дивильковскому из Риги от 11 декабря 1904 г. (XXVIII, 342).

⁷ Владимир Осипович Трахтенберг (1861—1914) — драматург и театральный деятель. Дебютировал пьесой «Потемки души. (История болезни Пытоева)» (1900). Из задуманной драматической трилогии «Вчера — Завтра — Сегодня» Трахтенбергом были написаны две пьесы: «Вчера. Сцены в 4-х действиях» (изд. журнала «Театр и искусство», СПб., 1903) и «Сегодня. Сцены в 4-х действиях (5 картинах)» (изд. журнала «Театр и искусство», СПб., 1904). Премьера «Сегодня» состоялась на сцене суворинского Малого театра в Петербурге 1 декабря 1904 г. (см. «Наша жизнь», 1904, № 39, 9 декабря).

⁸ Шмель — псевдоним драматурга, театрального критика и журналиста Александра Ивановича Косоротова (1868—1912). Принесшая Косоротову известность пьеса «Весенний поток» была знакома Горькому в рукописи. В 1904 г. автор читал Горькому в Риге первый вариант этой пьесы (см. письмо Горького к Пятницкому от середины октября 1904 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 168, а также стр. 130). В неопубликованном письме к Е. П. Пешковой от 13 (26) апреля 1912 г., делая своими впечатлениями по поводу самоубийства Косоротова, Горький писал: «Я мог бы назвать себя его литературным крестным отцом; мне казалось, что он способен на многое, а вышло как-то глупо. Он сразу же захлебнулся „славой“, потом перестал работать и начал форсить. Жалко его очень» (Личный архив Е. П. Пешковой). В рецензии на постановку «Сегодня» Косоротов, указывая на сходство героя пьесы писателя Праотцева с Андреевым (это

сходство подчеркивалось гримом актера Шмитгофа), писал: «Только в патологическом припадке может решиться опытный, пожилой человек на такую литературную нетактичность, как выведение на сцене сотоварища по профессии в заведомо пасквильном виде» («Русь», 1904, № 353, 3 декабря). Трахтенберг письмом в редакцию («Русь», 1904, № 355, 5 декабря) отрицал намеренное сходство Праотцева с Андреевым. В «Ответе г. Трахтенбергу» (напечатано в том же номере газеты) Косоротов еще раз, но в более резкой форме повторил свои обвинения. Полемика Косоротова с Трахтенбергом по существу превратилась в рекламу пьесы, удовлетворяющей вкусам обывательской части театральной публики. Доказывая свою правоту, Косоротов сам допустил бестактность, коснувшись личной жизни Горького и Андреева.

131. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Рига. 10 ... 14 декабря 1904 г.⟩

Мне хочется тебя обнять, мой славный друг, — так и чешется язык, даже побелевший от злого желания сказать тебе прямо в твой толстый живот:

— Интеллигент! — но я — тебя люблю, — я уважаю тебя, мне тебя жалко и в конце концов — я знаю — ты не заслужил, все-таки, этого позорного прозвища.

Я прочитал твое письмо к Марии Федоровне¹ — потому что она, прочитав его, — заплакала и велела собирать чемоданы, решившись ехать в Москву, дабы убить Сережу² и Трепова³. Я сказал ей, что, конечно, будет глупо и дико, если их не убьют, но — зачем же чемоданы трепать? — да, так вот я прочитал твое письмо и возмутился.

Что ты, милый, ноешь, о чем ты, ангел, стоишь?

Публику избили? ⁴ Публику вообще надо бить, до поры, пока она это позволяет, бить публику необходимо, ибо нужно выучить ее драться. Это так очевидно, это так просто, и поверь — это искреннее мое убеждение. Ты подумай спокойно и просто: каждый человек из публики — мужчина, женщина — все равно! — является самодержавцем по отношению к своей жене или мужу и еще более по отношению к собственности своей — то есть домам, юбкам, часам, постелям, брюкам, стульям, галстукам и прочим предметам первой необходимости. Если у этого человека отнимают его собственный живой инвентарь — то есть мужа или жену, — или его орудия производства — то есть стул, кровать, — он, несмотря на свой куриный темперамент, — протестует, кричит, даже подает к мировому, кратко говоря — защищается. Он всегда комично и жалко защищается, но в данном случае важно стремление защищаться, а не форма защиты.

Теперь: возьмем самодержавного человека как царя, имеющего солидное собственное хозяйство и кучу прислуги от лакеев просто до лакеев, облеченных безмерной властью. Публика выходит на улицу и кричит ему: «Отдай нам половину твоей власти, отдай нам хозяйство, отдай! убирайся к чёрту! долой все твои порядки! к свиньям на хутор тебя со всей родней!»

Леонид, — будем справедливы! Эти народные поговорки — обидны! Они — раздражают! Представь же себе, что ты Леонид Первый, и предки твои 292 года безмятежно сидели на спине России, и вдруг на улице является публика и орет тебе — пошел вон!

Мой друг, привычка к самодержавию, очень глубокая привычка и — уверяю тебя! — ты тоже немедленно выслал бы против публики, с приказанием бить ее, — всех своих дворников, кухарок, дядьев и всю прочую челядь, а сам стоял бы за косяком окна и с радостью взирал, как твои приспешники разбивают всевозможные морды обывателей, был бы чрезвычайно доволен. Отсюда — вывод: не обвиняй царя, за то, что он дерется, в его положении это так естественно — понятно! Но — отбрось в

5-го Декабря 1904 г. въ Москвѣ, въ то время, когда часть населенія пыталась заявить свое несочувствіе существующему бюрократическому строю, полиція, заранѣе собранная въ огромномъ количествѣ и скрытая во дворахъ и иныхъ помѣщеніяхъ, нападала какъ на демонстрантовъ, такъ и на случайную публику. Полицейскіе рубили народъ отточенными шашками, причиняя тяжкія раны и даже убитыя. Стрѣляли въ упоръ и въ убѣгающихъ изъ револьверовъ, загоняли толпами во дворы, гдѣ безпрепятственно били и избивали беззащитныхъ людей до потери сознанія. Не разбирали ни пола, ни возраста. Избитыхъ отводили въ участки, и тамъ избіеніе продолжалось. Магазины и подъезды по распоряженію полиціи были закрыты, и спасавшіеся отъ неистовыхъ преслѣдователей не имѣли возможности укрыться. Такому же насилію подвергались жители Москвы и 6-го Декабря, когда никакой демонстраціи не было, и объектомъ полицейскихъ избіеній дѣлалась ничего не ожидавшая публика.

Группа Московскихъ писателей, выражая какъ свои чувства, такъ и чувства сознательной части общества, глубоко возмущенная этими зѣвствами Московской администраціи, высказывавъ насильникамъ свое отвращеніе и въ всеуслышаніе заявляетъ, что эта, дѣйствующая по производу, жестокая и грубая администрація, лишній разъ подтвердила, что существующій режимъ болѣе терпимъ быть не можетъ.

Викентій Туринскій

В. Балимонтъ

Леонид Андреевъ

Степанъ Петровичъ (Скрябинъ)

В. М. Мещеряковъ

Сергій Кривошеинъ [„Григорій“ / „С. Соколовъ“]

Г. Горькій

Горьскій Михаилъ

С. Махандъ-Разумовскій

ПРОТЕСТЪ ГРУППЫ МОСКОВСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ПРОТИВЪ ИЗБИЕНІЯ ПОЛИЦІЕЙ 5 И 6 ДЕКАБРЯ 1904 Г. СТУДЕНЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦІИ

Горькій отнесся къ протесту резко отрицательно и отказался поставить под ним свое имя, считая подобнаго рода выступленія недейственной формою борьбы съ самодержавіемъ

Местонахождение документа неизвестно. Воспроизводится съ фотокопии

Архив Горькаго, Москва

сторону сентиментализм и всякие человеческие чувства, совершенно при самодержавии излишние, даже вредные — отбрось все это в сторону и взгляни на публику простыми, ясными глазами — какая она идиотка!

Мой друг! Что бы ты сказал о человеке, который собирается ковать раскаленное железо просто кулаком? Или — о Куропаткине⁵, если б он заставил солдат драться против японцев при помощи одних зубов и отнюдь не употребляя никакой артиллерии? Не хорошо бы ты отозвался об этих оригиналах.

Некто — любит свободу... вернее — некто воображает, что ему необходима свобода для лучшего устройства своих делишек — что рационально, или для красоты жизни — что идеологично. Чем может пожертвовать от себя лично некто для торжества свободы? Ежели всю жизнь, — он обрящет свободу, это факт, а ежели только фонарем под глазом или двумя выбитыми зубами, — он не обрящет свободы — и его выбитые зубы, ни синяки его, не поднимут в душе моей уважения к нему, это — тоже факт.

И не впадай, мой друг, в ипохондрию, не стой! Двести синяков не перекрасят русскую историю в цвет более яркий, для этого требуется кровь и очень много крови, ибо кровь — единственный красящий материал, действительно прочный и окрашивающий события в веселый красный цвет.

Итак, не плачь, дитя, не плачь напрасно!⁶ все идет как следует и вполне прилично. Жизнь устроена на жестокости, ужасе, насилиях, — она требует для переустройства холодной, разумной жестокости — вот и всё! Убивают? Надо убивать. Иначе — что же поделаешь? Идти к графу Льву Толстому и ждать с ним вместе, когда одряхлеют звери, а рабы — их законный корм — будут съедены?⁷

Это очень длинная и скучная история и заниматься ею — как-то стыдно для человека.

До свидания!

Я философствовал, как фабричная труба, черно и дымно, но право же, — мое глубокое убеждение! — иная философия несвоевременна, а пожалуй, и не умна, мягко говоря.

Мария Федоровна кланяется тебе и Александре Михайловне. Скажи Гаврилычу, чтобы он послал свой рассказище в Питер⁸. 17-го я буду там.

А Трепова и Сережу надо убить. Просто — придти и застрелить их. Да? Ну, обнимаю тебя, дружище.

А.

Датируется по содержанию.

¹ Письмо Андреева к М. Ф. Андреевой неизвестно.

² Об убийстве в.к. Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. — см. прим. 3 к письму 33. Это убийство, о котором эсеры широко оповещали заранее, послужило толчком к созданию Андреевым повести «Губернатор».

³ О Трепове — см. прим. 5 к письму 94.

⁴ Речь идет о студенческих демонстрациях в Москве 5—6 декабря 1904 г. «В Москве, — сообщал Горький Е. П. Пешковой из Петербурга в Ялту в середине декабря, — убито 8, умирают от ран 4, избито — много, около 200. Сям публика обязана буквам с и р, ибо эти буквы довольно неостроумно заранее бумажками предупредили: „Будем демонстрировать, а ежели вы нас за это бить будете, так мы тогда Трепова и Сергея — казним смертию“. Какое розоватое болванство. А вообще Москва — ведет себя похвальнo и очень в ней купец зашевелился» («Архив Горького», т. V, стр. 144).

⁵ О Куропаткине — см. прим. 3 к письму 108.

⁶ Цитата из поэмы Лермонтова «Демон».

⁷ См. прим. 2 к письму 136.

⁸ Очевидно, речь идет о рассказе Скитальца «Полевой суд». Рукопись была послана Пятницкому 11 декабря 1904 г. (см. письмо Скитальца к Пятницкому от того же числа. — АГ).

132. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Рига. 14 ... 15 декабря 1904 г.⟩

Получил письмо¹. Bravo, друг. Крепко жму руку. Семнадцатого буду в Петербурге.

А л е к с е й

Датируется по содержанию.

¹ Письмо Андреева не известно.

133. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 23 декабря 1904 г.⟩

Милостивый государь
дорогой мой друг!

Возвращая при сем исторический документ¹, с грустью должен сообщить, что даже в момент рождения своего он, очевидно, имел все признаки худосочия, сиречь — собачьей старости, — в данное же время совершенно устарел и даже издает трупный запах. Подписать его я могу, конечно, это не вексель, но показывать людям не решился, ибо — совестно. И даже боязно: ныне публика настроена столь свирепо, что за прочтение такого документа может нанести «тяжкие раны и даже увечья». В заключение скажу: прими мой кроткий совет — растопив камин, положи оный документище в огонь, и это будет вполне благородный конец благородного порыва, в противном же случае опасюсь, — бумага сия будет злыми людьми использована для наружного употребления в некоторых, хотя и естественных, но интимных случаях.

В утешение тебе и всем купно с тобою подписавшим сию возмутительную прокламацию, скажу, что и гг. литераторы г. Питера столь же плохо написали, хотя более своевременно.

Порт-Артур свалился — «Наша жизнь» говорит по этому поводу, что она «не бросит камнем в Стесселя», а мне кажется, что такое благородное обещание не вполне остроумно².

Под всевозможными декларациями подписывается до 50% евреев, что тоже не весьма тактично со стороны гг. российских либералов, ибо сей факт даст людям со сметкой право говорить, якобы в России только евреи требуют конституций и прочих штук, позволяет процветать антисемитизму и увеличивать рост его.

Скажи об этом тем болванам, которые сами не могут, видимо, догадаться во что они играют, допуская такой факт.

Скажи еще, что пора уже превратить движение из стихийного в сознательное, что необходимо вовлекать в процесс обновления жизни все общественные группы, что, например, приказчики, мелкие служащие в разных учреждениях частных и прочих, всё еще стоят вне влияния передовой части общества и что если оная часть не сумеет организовать их — их организует полиция.

Подумай также: пропагандируя мир, не устраняют ли гг. либералы вождя своего маршала Ойяму³ из обихода и — таким образом — не рубят ли они сучок, на коем сидят?

Прими во внимание: возможно, что «Красный смех» вырежут, а потому, дабы чеховский сборник не вышел без тебя, давай немедленно «Царя».

Сборник сегодня пошел в цензуру, — нарочно держали до последнего дня, ибо на праздниках цензора — надеемся — будут пьяны, а в пьяном виде человек свободолобивее. Это называется — тонкий расчет.

До свидания! Занят я, как Сатана, и устал, как Стессель.

А не попротестовать ли нам против Ивана Грозного? Ведь много он народу перекалечил!..

Я несколько сердит. Много очень людей вижу, поэтому.

Александр Михайловне поклон. Скажи ей, чтобы она не давала тебе чернил, когда тебе придет охота подписывать московские протесты, ибо их приличнее подписывать слюной Гольцева.

Не сердись на меня, друг мой милый, я не стою сердитьбы твоей! Читай рассказ Арцыбашева в «Журнале для всех» и — зри, каким должен быть истинный человек, положительный тип⁴.

Даже голодный медведь такого человека не ест, до того он приторно-противен, свекловица, а не человек!

Жаль, не я был на месте героини, я бы изнасиловал его! А потом, сняв с него штанишки, долго бы драл его голиком по ягодицам и приговаривал: не будь положительным типом, не будь, не будь, сукин сын!

А потом, взяв его под мышку, с честью утопил бы в помойной яме.

А потом сказал бы Арцыбашеву и Миролубову, что оба они тоже... положительные типы.

Нет, ты скажи: представляешь ты себе страну, в которой литератор мог бы предложить публике Ивана Ланде, в качестве положительного типа?

Для этого нужно много: нужно, чтобы на протяжении столетий за людьми этой страны не признавали человеческих прав и чтобы в них совершенно издохло чувство собственного достоинства.

Много я пишу тебе, точно монахиня любовнику своему накануне великого поста.

Прощай.

У меня что-то болит — нога или зуб, некогда понять, что именно. Буду когда-то в Москве.

А.

Текст «Марсельезы» зри у Ламартина «История жирондистов»⁵, книга, которую трудно найти. Проще — Дюма «Графиня Шарни», издание Суворина⁶.

Датируется днем подачи в цензуру сборника, посвященного Чехову — 23 декабря 1904 г. (запись в книге Пятницкого. — АГ).

¹ Речь идет о подписанном Андреевым, Чириковым, Скитальцем, Телешовым, Белоусовым и другими членами «Среды» протесте по поводу жестокого избития полицейей 5 и 6 декабря 1904 г. демонстрации студенчества. Текст протеста — см.: Т е л е ш о в, стр. 56—57 (воспроизведено в настоящ. томе, стр. 251). Примечательно, что и позже, передавая для опубликования в «Русском слове» (1905, № 274, 19 октября) телеграмму на имя С. Ю. Витте с требованием амнистии «всем пострадавшим за политические и нравственные убеждения», Горький не присоединил свою подпись к подписям Шалипина, Коровина и др.

² Подразумевается передовая статья «Нашей жизни», в которой говорилось: «Не мы, конечно, бросим камнем в доблестных защитников Порт-Артура с генералом Стесселем во главе за то, что они, исчерпав все средства защиты, не сочли нужным исполнить буквально обещание ген. Стесселя, что Порт-Артур будет его могилой, и, по постановлению военного совета, решили сдать крепость на почетных условиях» (1904, № 47, 22 декабря). Анатолий Михайлович *Стессель* (1848—1915) — генерал-лейтенант; был назначен начальником Квантунского укрепленного района. 20 декабря 1904 г., несмотря на героическое сопротивление гарнизона, способного продолжать борьбу, сдал крепость Порт-Артур японцам. Царское правительство под напором общественного мнения было вынуждено предать Стесселя Верховному военно-уголовному суду, приговорившему Стесселя 7 февраля 1908 г. к смертной казни, замененной заключением в Петропавловскую крепость на десять лет. В 1909 г. Стессель, по распоряжению Николая II, был освобожден.

³ Ивао Ояма (1842—1916) — фельдмаршал, в русско-японскую войну главнокомандующий японскими армиями.

⁴ Речь идет о рассказе Арцыбашева «Смерть Ланде» («Журнал для всех», 1904, № 12), героем которого был непротивленец, покончивший с собой.

⁵ Русский перевод «Истории жирондистов» (первые два тома) Альфонса Ламартина вышел в Петербурге в 1871 г. Две первые строки «Марсельезы» на французском языке Андрей процитировал в повести «Губернатор» (ПССА, т. II, стр. 34).

⁶ Имеется в виду издание: Александр Д ю м а (отец). Графиня Шарни. Роман. Из времен Французской революции. Пер. Н. Чуйко, тт. I — VI. СПб., 1901—1902.

1905

134. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Петербург. 4 ... 8 января 1905 г.)

Если хочешь получить «Жирондистов»¹ — надо спрашивать о них букинистов.

Рассказ же прислать тебе не могу, ибо его печатают по черновику. Писал ты Константину Петровичу о желании твоём получить с немцев марки за «Смех», — но, друг ты мой, — это уже поздно! Для сего надо было раньше сообразиться, а раньше ты как раз говорил, что-де чёрт с ними, с немцами! Ежели же теперь начинать эту канитель — придется задержать сборник, по крайней мере, на месяц, а мы его уже и так достаточно задержали².

Сообщи, — когда концерт, о котором писала Александра Михайловна и — знай: 15-го читаю в Риге, 22 и 23-го в Петербурге³.

А ты пишешь — не сердись!

Что Немирович провалился у монастыря — я рад⁴. Нужно, чтобы он убирался ко всем чертям из театра, — тогда у нас будет два⁵.

Ты понимаешь как это хорошо? 2!

И — огромная труппа! И — исключительно — литературный репертуар!

Крокодилы и скорпионы!

Мжу куру. Ойяма⁶. Носовато⁷.

А л е к с е й

При сем — рисунок, присланный мне для одобрения одним волостным старшиной. Одобряю⁸.

Датируется по содержанию (см. прим. 2).

¹ См. прим. 5 к письму 133.

² В письме к Пятницкому от 27 декабря 1904 г. (АГ) Андреев просил закрепить его авторские права за границей на рассказ «Красный смех» (см. прим. 9 к письму 122). 19 января 1905 г. Пятницкий отправил сто оттисков рассказа из набранного сборника «Знание» переводчику А. Шольцу в Берлин, и они были там зарегистрированы как самостоятельное издание. В июле 1905 г. Шольц получил исключительное право на перевод рассказа и заключение договоров с переводчиками «Красного смеха» на другие языки (вне пределов России).

³ Намеченные выступления Горького не состоялись: 11 января 1905 г. он был арестован в Риге, привезен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость по обвинению в принадлежности «к комитету, руководившему противозаконными организациями в делах свержения самодержавия» («Летопись», I, стр. 507—508).

⁴ Подразумевается провал в Московском Художественном театре 21 декабря 1904 г. драмы театрального критика Петра Михайловича Ярыца (1871—1930) «У монастыря».

⁵ О замысле Горького создать театр — см. прим. 7 к письму 121.

⁶ См. прим. 3 к письму 133.

⁷ В начале войны французское телеграфное агентство Гавас распространило известие о подходе русских кораблей к острову Хоккайдо и об уничтожении прицельным огнем из тяжелых орудий города Хакодате. Перепечатавшие информацию русские газеты предсказывали близкое и победоносное для России завершение русско-японской войны. Однако вскоре выяснилось, что информация агентства не соответствует действи-

тельности, и, таким образом, буржуазная пресса, охваченная «патриотизмом», осталась «с носом». Шутка Горького основана на прочтении по-русски латинского написания слова «Хакодате». «Мжу куру» вместо «жму руку».

⁸ Рисунок неизвестен.

135. АНДРЕЕВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

〈Москва. 12—13 января 1905 г.〉

Дорогая и милая Мария Федоровна! Сегодня я узнал, что с другими членами депутации, ходившей к Витте, арестован и Алексей, уже в Риге¹. Идиоты! Им следовало бы арестовать весь народ. Но жалко, что произошло это в момент вашей болезни, жалко Алексея, который пошел в тюрьму с заботами и тяжелым сердцем. Вас не утешаю — вы знаете хорошо, что арест не может быть продолжителен и тяжел, ибо времена Чернышевского прошли.

Здесь, кажется, спокойно. Много заводов и фабрик бастует, но столкновений, кажется, не было. Говорю: «кажется», ибо слухи очень противоречивы. Эти идиоты расклеили сегодня на улицах совершенно невероятную, дико глупую и наглую «телеграмму» такого приблизительно содержания:

«Лондон. Беспорядки, происшедшие в СПб., Севастополе и Либаве, а также стачки в Вестфалии, вызваны англо-японскими провокаторами, и все, кто примкнет к ним, суть изменники и предатели».

Вы подумайте: даже в Вестфалии! Договориться до такой чепухи можно только в состоянии полного умоисступления. Какой смех поднимается за границей!

Милая Мария Федоровна! Очень мне жалко, что вы больны. Эх!

А за себя мне совестно. У меня... у меня — болят зубы. Вы можете себе представить: зубы. Идиотская, бесстыднейшая, безвредная боль, а человек ни к чему неспособен. У меня есть рассказ про некоего еврейчика, который проморгал распятие Христа, так как в этот день у него нестерпимо болели зубы² — думал ли я быть таким евреем! И вырвать нельзя — ни одного зуба во рту не останется.

13. января

Получил ночью от Екатерины Федоровны телеграмму, что вам лучше³ — и так обрадовался! Спасибо Екатерине Федоровне, что потрудились ответить.

Где Алексей содержится? Имеете ли вы возможность сноситься с ним? Когда будете совсем здоровы, напишите. И что-то будет? Вот время! Здесь, в Москве, забастовки, кажется, растут, хотя настроение в общем не определилось. Сегодня вышли только две газеты: «Московский»⁴ и «Русский листки»⁵. Вчера, 12-го, банкетов не было, не было и обычного общества. Что-то говорят об очень решительном и радикальном постановлении земского собрания, но неизвестно, врут, либо говорят правду. Вообще слухов не оберешься.

События держат мысль в таком напряжении, что ничего нельзя делать: ни работать, ни отдыхать, ни сидеть дома, ни думать о чем-нибудь другом, помимо происходящего. Так и мечешься весь день как угорелый.

Земство оказывается не московское, а саратовское и Дума — сейчас слышал — послала царю телеграмму с требованием немедленного прекращения кровопролития и немедленного созыва Учредительного собрания.

Крепко жму руку, а Шура целует. Она сама не пишет, ибо с утра до поздней ночи мечется, между прочим, с устройством концерта, где должен

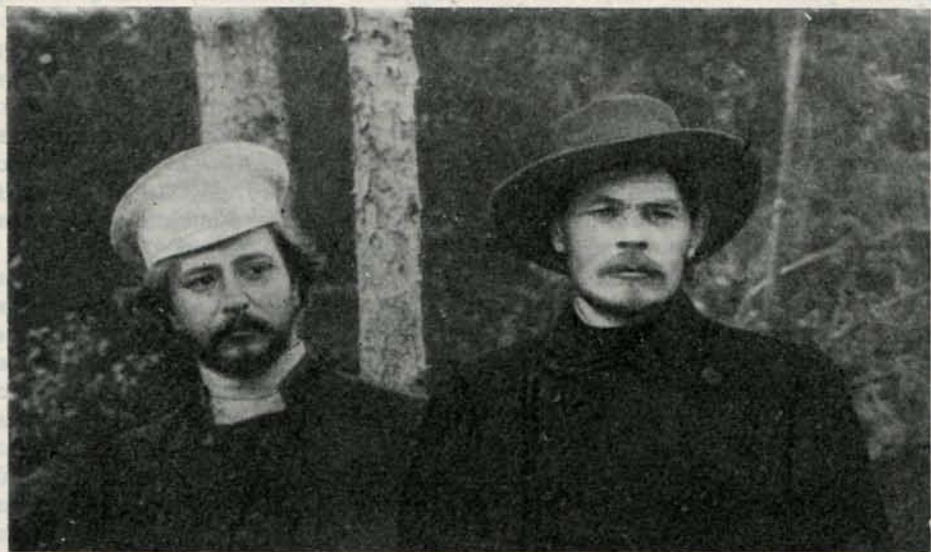
был участвовать Алексей. Все равно, впрочем, участвовать ему бы не пришлось, так как попечитель уже второй раз его вычеркивает.

Выздоровливайте, голубушка!

Искренно любящий вас

Л е о н и д

Говорят, что с «англо-японскими провокаторами» они вляпались: английское посольство возмутилось, и будет чуть ли не новая комиссия. Вот несчастные юмористы! Полиция, будто, ходит и сама срывает эти объявления.

АНДРЕЕВ И ГОРЬКИЙ

Фотография К. К. Буллы. Сняты у И. Е. Репина в «Пенатах», 27 мая 1905 г. (деталь группового снимка)

Музей Горького, Москва

Датируется по дню ареста Горького.

¹ Накануне «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. на собрании в Петербурге литераторов и ученых была избрана делегация к министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому. В состав делегации вошли Н. Ф. Анненский, В. И. Семевский, Н. И. Кареев, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Е. И. Кедрин, И. В. Гессен, представитель от рабочих (впоследствии разоблаченный как агент охранки) Кузин и Горький. Делегация должна была просить правительство принять необходимые меры против готовившегося расстрела мирной рабочей демонстрации, направлявшейся с «петицией» к Зимнему дворцу. Святополк-Мирский делегацию не принял. Ей удалось добиться лишь аудиенции у Витте и товарища министра внутренних дел К. Н. Рыдзевского, который в ответ на речь Анненского «холодно ответил, что правительство знает, что нужно ему делать, и не допустит вмешательства частных лиц в его распоряжения» (М. Горький. Савва Морозов. — Сб. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.», стр. 28, а также письмо Горького к Е. П. Пешковой от 9 января 1905 г. — «Архив Горького», т. V, стр. 158).

² Рассказ «Бен-Говит».

³ Екатерина Федоровна Крит — сестра М. Ф. Андреевой. Телеграмма ее Андрееву неизвестна.

⁴ «Московский листок» (1881—1918) — политическая и литературная газета. В 1905 г. редактор Ф. К. Иванов; издатели В. Н. и Н. И. Пастуховы.

⁵ «Русский листок» (М., 1890—1906) — редактор-издатель Н. Л. Казецкий.

136. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

(Москва. 10 ... 11 марта 1905 г.)

Воспоминание о тюрьме будет для меня одним из самых милых и светлых — в ней я чувствовал себя человеком. На дне души моей, где-то очень глубоко, таится здоровенная гордость; и когда обстоятельства давят на эту пружину, я выпрямляюсь, как наполеоновский гренадер, и марширую четко. Как не пожалеть тюрьмы — в ней я был молод, здоров, мечтателен, готов на всякие глупости, как студент, как влюбленный. И какое наслаждение — долго быть одному; почувствовать себя; без зеркала увидеть себя так, точно ты окружен зеркалами; быть выковырнутым, как изюминка, из мягкого теста жизни. Почувствовал ты это?

Теперь я дома — несколько дней болят зубы, два дня жестокий мигрень, как-то этак тянется, как-то этак неможется, как-то этак киснется. Э-э-э-х! Как только, брат, жена от меня не сбежит? Удивляюсь я ей.

Твой письма, и первое, и второе, получил. Скиталец сидел в качестве свидетеля; выпущен за несколько дней раньше меня — я думал, ты об этом знаешь. Недоволен тюрьмой, жалуется: шумно. Милый он малый! Против меня обвинение повернули на 127 статью; обещают судить по всей строгости беззакония, да тоже, думаю, не решатся¹.

Ты написал открытку Толстому². В первую минуту мне это не понравилось, а потом подумал — и понравилось очень. Primo: в России и Европе ты единственный, могущий в вопросах общечеловечности противопоставить свой авторитет авторитету Толстого. Secundo: старик нагородил много неподходящего. Он не ханжа и не фарисей, но он упрям, как осел, как старый осел, и мысль его потеряла молодую гибкость. Знаешь, как в молодой траве попадаете иной раз сухой, прошлогодний, твердый и колючий обрезок — вздумаешь этак развалиться на травке, а он тебе в бок. И осадить его нужно было, и то, что ты это сделал, свидетельствует, что у тебя на голове отнюдь не кочан капусты, а в груди не репа, а сердце.

Милый мой друг! С каким наслаждением прочел я вчера «Тюрьму»³. Как это хорошо, как это приятно, как это особенно — *по-горьковски*. Я долго ломал голову, стараясь понять, определить это «по-горьковски» — и не мог, не могу. У каждого писания есть свой *вкус*, и определить его так же невозможно, как вообще определить вкус; и только идиоты-критики, описав точно внешний вид котлеты, ее размер и цену, думают, что все сделано. И у твоих писаний совсем особенный, очаровательный вкус, благородный, сильный, единственный. И прежде всего: *вкус свободы*, чего-то вольного, широкого, смелого. Что бы ты ни написал, всякий, прочтя, почувствует: «Это писал свободный человек»; иногда он не сумеет этого своего чувства определить, но не испытать его не может. И оттого все рабы и слуги — и слуги и рабы самой свободы — твои неизбежные враги. Случается иногда, что ты, как и все, городишь ерунду, но и ерунда у тебя особенная, вкусная, — свободная ерунда.

Случалось ли тебе, мальчишкой, искать в саду или в поле свергибус этакую съедобную травку, с горьковатым, острым вкусом, запахом поля — земли, травы, лета? Вообрази, что где-нибудь в Эрмитаже, за ужином со всякой чертовщиной, электричеством, лакеями и литераторами, вдруг попал тебе на зубы свергибус — это ты, твои писания.

А вот остальные:

Найденов — плохо прожаренный, сыроватый ростбиф; Скиталец — лошадиный щавель; Гусев-Оренбургский⁴ — кухмистерский суп с вермишелью; Юшкевич⁵ — салат из селедочных головок на дрянном прованском масле; Ванечка⁶ — воздушный пирог. А я — старый, очень старый, ужасно старый сыр, соответствующе вонючий (не то трупом пахнет, не то портян-

ками), вечно плачущий, но только одним глазом, как и подобает сыру; и те, кто этот сыр могут есть, не понимают тех, кто его есть не может, и наоборот.

Завтра пойду получать твои гонорары и буду думать, что это мои. Безумие и ужас! Мне всегда не хватает денег — как и тебе. Очень буду ждать тебя в Москве — хочется повидать тебя и близко, хорошо поговорить; если не приедешь — пожалуйста, обязательно, непременно пришли «Детей солнца»? прочесть. Если не пришлешь, это будет очень нехорошо, это будет свинство, это будет чёрт знает что!

Российские дела мне, мой друг, надоели: я не выношу игры, результат которой известен, фатально предопределен, неизбежен, а игра в то же время длительная, тяжелая, трудная. Самодержавие — это пьяный, которому давно пора спать, который хочет спать, который ни на что другое не способен, как спать, и который желает «пива... танцевать... поговорить» и т. д. Упрямый, противный, бестолковый, надоедливый; и ведь несомненно, что через час, два он будет храпеть на весь дом — а пока изволь нянчиться с ним. И оставить-то его нельзя — либо лампу повалит, пожару наделает, либо сам к тебе придет и забормочет: «пива»... И во мне он вызывает такое чувство злости, что...

И сколько народу погублено, сколько денег, то есть опять-таки жизней! Я думать об этом не могу. Я сидел еще в Таганке, когда наша пресса, наша сволочная пресса (я говорю и о «Русских ведомостях») подняла радостный вой по поводу рескрипта⁸. «Настал день свободы», — приносило ко мне сквозь решетку, и было смешно, и было так обидно, так горько, так мерзко. Быть проданным — вообще неприятно, но быть проданным за фальшивый пятиалтынный, это уже совсем свинство. А я ведь еще сидел в тюрьме, как барин — там же были люди (и есть), которые сидят по-настоящему, по году, по два и больше, для которых Таганка не увеселительная поездка, как для меня, а самый настоящий «рак мозга». И они также читали это позорное, глупое, холуйское: «настал день свободы». И как раз вслед за этим «настал день свободы», через два дня после рескрипта — 100 000 жизней на Дальнем Востоке погублено безвозвратно, бессмысленно, идиотски⁹.

11 марта

Милая и хорошая Мария Федоровна! Вот мы увидимся скоро — и как чудно будет вспомнить о том многом печальном, что произошло со времени последнего нашего свидания на Сергиевской¹⁰. Болезни, тюрьма и столько страданий — и все прошло, и снова мы вместе... мне кажется, что я уже вижу вас, и слышу шутки Алексея, и зрю его пирамидальный нос, отважно возвысившийся в небо. Скорее бы!

Нужно на лето устроиться вместе. Как думаете? Сейчас мне анафемски хочется в Крым — для ради солнца, моря и тепла — но не надолго, а лето приятно бы прожить на Рижском побережье. Сейчас там, конечно, отчаянная скука — ибо нет ничего скучнее, нелепее, безотраднее, как замерзшее море, — но летом хорошо, бодро, крепко, не то чтобы сурово, но без послаблений. Прекрасное место для работы, так как песку для присыпки чернил в изобилии. Боюсь только, что за это время оно вам надоест — а то хорошо бы провести там лето. Обучу Алексея — бесплатно — ездить на велосипеде, фехтованию, боксу, игре в трынку, терпению, смиренномудрию и пр. и пр. И постараюсь путем продолжительных бесед изменить ваш взгляд на литературу вообще, а на мою в частности. Но если вам нравится «Страна отцов» Гусева-Оренбургского, то... о жизни покончен вопрос, больше не нужно ни песен ни слез¹¹: сегодня после обеда я кончаю жизнь самоубийством.

Крепко жму руку.

Ваш Леонид Андреев

Откуда в рассказах твоих эта дивная грусть, эта дивная задумчивость — морщинистого человека с седой бородой — и молодым горячим нестареющим сердцем. Как я люблю тебя, Максим Горький!

¹ Андреев был арестован 9 февраля 1905 г. за предоставление квартиры для нелегального заседания ЦК РСДРП и посажен в Таганскую тюрьму. Выпущен 25 февраля под залог в 10 000 рублей, внесенный С. Т. Морозовым.

В Архиве Горького хранится написанное печатными буквами из конспиративных соображений анонимное письмо с пометой Пятницкого: «На штемпеле Москва, 10 февраля 1905». Текст письма следующий: «Леонид Николаевич Андреев дал свою квартиру для какого-то собрания неизвестных ему людей, оказавшихся разыскиваемыми. Произведен обыск. Андреев и Скиталец, случайно зашедший к нему, арестованы». Более подробные сведения об аресте писателей содержатся в черновике записки А. М. Андреевой, также не имеющей ни подписи, ни обращения. Возможно, записка предназначалась для печати. Приводим из нее несколько выдержек: «9 февраля в 1 час дня в квартиру Леониды Андреева явилась полиция, где застала несколько посторонних лиц. Сам хозяин был нездоров, лежал в спальне и читал. Полиция заявила, что должна обыскать всех присутствующих. После обыска отдельных лиц полиция заявила желание произвести обыск квартиры, на что Андреев потребовал показать ему предписание об обыске. Жандармский офицер должен был ехать за этим предписанием. В начале четвертого он вернулся с разрешением, и обыск начался. Между тем, всех лиц, приходивших к Андрееву, обыскивали и задерживали, чему подвергся, между прочим, и Скиталец. В квартире Андреева оказались вещи, принадлежащие Вересаеву, который, уезжая на Дальний Восток, поручил их своему товарищу. Вещи эти были заперты, и ключей от них у хозяев не оказалось; тогда был призван слесарь, при помощи которого все вещи были осмотрены. У Андреева ничего не было найдено. Только в мягкой мебели и камине были найдены некоторые нелегальные издания и шифрованные письма. Тогда господа, находящиеся в квартире Андреева, сделали письменное заявление, что все бумаги компрометирующего свойства Андреева не касаются и принадлежат им. Всех этих лиц, за исключением Скитальца и родственников, арестовали часов в 8 вечера и увезли, но ареста с квартир не сняли, а всех приходивших продолжали задерживать. Так прошла вся ночь и следующий день; в квартире оставались три околоточных и три городовых, а вокруг квартиры целая засада из сыщиков <...> В половине восьмого явился пристав и заявил, что Андреев должен собираться и следовать за ним. Затем та же участь постигла Скитальца, зятя Андреева и двух знакомых. После допроса в части Андреева и Скитальца повезли в московскую тюрьму <...> Обоих подвергли одиночному заключению» (АГ, ф. «Знания»; см. также: Ю. С. Пухов. Андреев и Скиталец в революции 1905 года. (По документам Департамента полиции). — В сб. «Революция 1905 года и русская литература». М. — Л., 1956, стр. 418—421; С к и т а л е ц. Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960, стр. 389—391; «Горький об Андрееве» в настоящем томе, письмо 39).

² Письмо Горького к Льву Толстому было написано 5 марта 1905 г. в ответ на появившуюся в лондонской газете «Таймс» статью Толстого «Об общественном движении в России» (изложение статьи помещено в «Русских ведомостях», 1905, № 58, 2 марта). Обличая самодержавие, Толстой в то же время заявлял, что политическая борьба способна лишь задержать истинный прогресс и что только «внутреннее религиозно-нравственное совершенствование отдельных лиц» было и остается единственным средством уничтожения зла на земле (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., «Юбилейное», т. 36. М. — Л., 1936, стр. 157). Ответ Толстому Горький отправил Пятницкому (который, очевидно, показал его Андрееву) для опубликования в газете «Сын отечества» и пересылки копии в Ясную Поляну (письма Горького к Толстому и Пятницкому — XXVIII, 357—361). Однако вскоре Горький переменил свое решение. «Написал было ругательное письмо Льву Николаевичу и едва не напечатал, но, когда его начала лягать всякая сволочь, — отложил это в сторону», — писал он 12 или 13 марта Е. П. Пешковой («Архив Горького», т. V, стр. 153).

³ См. прим. 1 к письму 114.

⁴ Псевдоним писателя Сергея Ивановича Гусева (1867—1963). С 1893 по 1898 г. служил священником в глухом мордовском селе. Первый рассказ напечатал в 1890 г. в «Оренбургском листке» под псевдонимом: М. Ипсарский. В 1898 г. порвал с официальной церковью, сложил с себя священнический сан и целиком отдался литературному труду. Сотрудничал в «Жизни», «Журнале для всех», «Курьере», «Нашей жизни», «Жупеле» и др. В 1904—1912 гг. повести и рассказы Гусева, рисующие жизнь сельского духовенства и охватенную революционным брожением деревню, печатались в сборниках «Знание»: «В приходе» (сб. 1), «Суд» (сб. 21), «Сказки земли» (сб. 23), «Рыцарь Ланчелот» (сб. 33), «В глухом уезде» (сб. 38). В 1905 г., в сб. 4, опубликовано лучшее произведение Гусева — посвященная Горькому повесть «Страна отцов». В 1903—1913 гг. в «Знании» вышли четыре тома «Рассказов» Гусева. В 1907 г. он приезжал к Горькому на Капри. В период реакции Гусев испытал влияние модернистских течений, что особенно сказалось в псевдоромантической символике «Сказок земли» и повести «Грани»

(«Современный мир», 1909, № 8). Соглашаясь с помещением «Сказок земли» в сборнике «Знание», Горький около 23 марта 1908 г. писал Пятницкому: «Ничего не понимаю в этом „изменении личности“ <...> Это, видимо, поветрие. Или — детская болезнь», а в письме, посланном около 14 мая, добавлял: «Очень надеюсь на Гусева, но он впадает в модернизм» («Архив Горького», т. IV, стр. 241 и 249). В дальнейшем Гусев вернулся на дорогу реалистического искусства. С 1913 по 1918 г. в издательстве «Жизнь и знание» вышло пятнадцать томов Полного собрания сочинений Гусева-Оренбургского. После Октябрьской революции эмигрировал. В последние годы жизни жил в США.

⁵ Семен Соломонович Юшкевич (1868—1927) — писатель, участник телешовских «Сред». Дебютировал в 1897 г. рассказом «Портной» в «Русском богатстве». Большое значение для Юшкевича имело знакомство с Горьким, который привлек его к сотрудничеству в сборниках «Знание». Здесь появились наиболее значительные произведения Юшкевича: повесть «Евреи» (1904), драма «Король» (1906) и др. В 1903—1908 гг. «Знание» издало собрание сочинений Юшкевича в пяти томах. После поражения революции 1905 г. Юшкевич разошелся со «Знанием» и печатался в альманахах «Шиповник» и «Земля». Его творчество все более мельчало, приближаясь к натуралистическому бытописательству. После Октябрьской революции уехал во Францию.

⁶ Бунин.

⁷ Над пьесой «Дети солнца» Горький работал в Петропавловской крепости. Она была напечатана в сборнике «Знание» за 1905 г., кн. 7 (СПб., 1905), вышла в том же году в Штутгарте (изд. И. Дитца).

В марте того же 1905 г. эта пьеса была принята к постановке театром В. Ф. Комиссаржевской. Но петербургский генерал-губернатор Трепов потребовал от градоначальника под угрозой закрытия театра запретить эту постановку (И. С. Зильберштейн. Максим Горький в 1905 году. Эпизод по новым материалам.—«Огонек», 1926, № 6).

⁸ Рескрипт, подписанный 18 февраля 1905 г. Николаем II на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина о назначении его председателем особого совещания для выработки проекта закона о созыве совещательной Государственной думы.

⁹ Подразумевается поражение русских войск под Мукденом 6—25 февраля 1905 г.

¹⁰ На Сергиевской жила сестра М. Ф. Андреевой — Екатерина Федоровна Крит.

¹¹ Цитата из стихотворения И. С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...»

137. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Москва. Конец октября 1905 г.?)

Милый Леонид!

Это — Валерий Васильевич Каррик, автор тех смешных портретов писателей, которые ты у меня видел¹.

Нужно и с тебя и других москвичей тоже снять портреты².

Ты познакомься с ним; это интересный англичанин и славный парень.

До свидания пока.

А. Пешков

Датируется предположительно по содержанию (см. прим. 2).

¹ Валерий Васильевич (Вильямович) Каррик (р. 1869) — художник-карикатурист и график, был выходцем из Англии. Отец его — организатор фотоателье в России. В революцию 1905 г. — художник, сотрудничал в сатирических журналах «Жупел» и «Леший». Создатель галереи шаржированных портретов современных литераторов и общественных деятелей. Горький познакомился с Карриком в Петербурге в 1899 г. (см. письмо Горького к Е. П. Пешковой от 18 октября 1899 г. — «Архив Горького», т. V, стр. 72). В Нижний Новгород Горький привез из Петербурга альбом политических карикатур Каррика на «легальных марксистов»: Туган-Барановского, П. Б. Струве, Калмыкову и М. Водовозову (сб. «М. Горький на родине». Горький, 1937, стр. 89). На одном из листов альбома, в котором гости Репина в «Пенатах» оставляли свои записи, Каррик 23 июля 1905 г. набросал шарж на Николая II, а на следующий день Горький написал под ним: «Кто сей урод?» (воспроизведение этого листа см.: И. С. Зильберштейн. Репин и Горький. М. — Л., 1944, стр. 45; ср. также стр. 59). После Октябрьской революции Каррик эмигрировал.

² Шарж Каррика на Андреева напечатан в журнале «Леший», 1906, № 1; в этом же номере журнала был помещен и шарж Каррика на Горького. В лицевом счете Андреева, хранящемся в ф. «Знания» (АГ), есть запись: «31 октября <1905> для Каррика — 25 р.». Аналогичная запись имеется и в лицевом счете Скитальца. По-видимому, концом октября 1905 г. нужно датировать и публикуемую записку Горького о Каррике.

138. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

< Берлин. 28 декабря 1905/10 января 1906 г. >

Милый Алексеюшка!

Прочел в газетах эту гнусную вещь о Савве, его деньгах, смерти — и о тебе с Марией Федоровной¹. Помнишь, говорил я — при самодержавии тебя сажают, а при конституции — заедят тебя блохи. В этих клеветах — о твоём антисемитизме, о этих деньгах — есть уже нечто конституционно-демократическое. Ты теперь вроде марктовеновского кандидата в губернаторы², и кончится тем, что на улице тебя окружит сотня еврейских ребят, нанятых «Новым временем», и закричит: папа! папа! Тут будет и символ и явное доказательство твоих семитических симпатий!

А в общем — отвратительно. Мне особенно больно за Марию Федоровну; распространяться не буду. Поцелуй ей от меня руку и скажи, что письмо ее — в СПб. — мы получили, и было оно — надолго — последним приветом от друзей³. Ибо наступила потом забастовка и мы около месяца не получали никаких вестей из Москвы.

Москва! Не знаю, может быть, я слишком оптимистичен, но я не верю в поражение. Оттуда, из Москвы, доносятся сейчас очень унылые голоса, но я не придаю им значения. Скажи, как ты думаешь?

Если хочешь особенно полюбить Россию, приезжай на время сюда, в Германию. Конечно, есть и здесь люди свободной мысли и чувства, но их не видно — а то, что видно, что тысячами голосов кричит в своих газетах, торчит в кофейнях, хохочет в театрах и сбегается смотреть на проходящих солдат, все это чистенькое, самодовольное, обожающее порядок и шупцмана, до тошноты влюбленное в своего kaiser'a — все это омерзительно. На всю Германию, с ее сотнями газет, есть четыре-пять органов, сочувствующих русской революции. Но их и читают только люди партий. А все остальное, либеральное, консервативное — ненавидит революцию. Что они пишут! «Новое время» — единственный источник их мудрости. Сволочи!

22-го января (на наше 9-е) здесь ожидают демонстрации, устраивают социал-демократы и готовят, говорят, даже пушки⁴. И я решил остаться — посмотреть. Но не скажу, чтобы был тронут. Конечно, память, чествование и все-таки — но почему в течение девяти московских дней здесь не поднялось ни одного голоса против зверства русского правительства? Не было ни одного митинга, — да ничего. Только злорадное, торжествующее шипение газет, поднятие бумаг на бирже (цена крови), да горькие слезы об участии остзейских баронов. Сегодня в утреннем «Vossische Zeitung» на двенадцать страниц — три строки о России и из них полторы (крупным шрифтом) о том, что никто из немцев не пострадал⁵.

Вчера я должен был читать; явился — распорядители докладывают, что полиция собрания не разрешила. Совсем как в России, даже хуже. У нас хоть скандальчик бы устроили, а тут — разошлись тихо, благородно, как в царствии небесном.

Смотрел зде́шние театры. Лучший — Lessings. Дивные актеры; художественное, тонкое, осмысленное исполнение. «Ткачи»⁶ — хорошо до того, что можно на сцену полезть. Kleines theater, судя по тому, как играют «На дне», — плохо. Говорят, что при Рейнга́рте⁷ играли «Дно» лучше, но сейчас — отвратительно. Много выпущено в последнем акте; музыка для «Солнце всходит» своя, немецкая, омерзительная и поется разноголосо, дико-пьяными голосами; весь художественно-философский смысл пьесы — утрачен. Спекулируют на рвань, на опорки, на какой-то зоологический интерес. Хороши барон и Лука; недурен — актер; остальные — идиоты.

ГОРЬКИЙ ЧИТАЕТ СВОЮ ПЬЕСУ «ДЕТИ СОЛНЦА», НАПИСАННУЮ ВО ВРЕМЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Рисунок И. Е. Репина, Куомсала, 5 июня 1905 г.

Изображены (слева направо): В. В. Стасов, А. И. Куприн, Горький, Н. Г. Гарин-Михайловский, Ф. Д. Батюшков

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Ну — крепко жму руку. Письмо нескладно — ибо до него должно было быть другое письмо: о странном характере наших с тобою отношений за последнее время — в Финляндии. Но я не знаю — хочешь ли ты сейчас об этом говорить?

Твой Леонид

<Сверху текста: Berlin, Lützow-Strasse. 46. III, Leonid Andrejew>.

Датируется днем выхода газеты «Vossische Zeitung» (см. прим. 5).

¹ 6 января 1906 г. Горький писал Е. П. Пешковой в Ялту: «Черносотенная пресса травит меня всюю <...> „Слово“ сообщило читателям, что я съел с ума и убил С<авву> Морозова, украв у него предварительно 3 миллиона. Вторгаются в личную жизнь и вообще щупают со всех концов — где больше» («Архив Горького», т. V, стр. 170). Предлогом для кампании буржуазной прессы против Горького послужил завещанный С. Т. Морозовым М. Ф. Андреевой страховой полис в 100 000 рублей. Полис был опротестован родными покойного Морозова. Адвокат П. Н. Малянтович вел и выиграл дело в пользу Андреевой. Полученные по полису 60 000 рублей Андреева через Л. Б. Красина передала в кассу РСДРП («Мария Федоровна Андреева. Переписка, воспоминания, статьи, документы...». Изд. 2-е. М., 1963, стр. 110, 115—116).

² Имеется в виду рассказ Марка Твена «Как меня выбирали в губернаторы» (1870) (см. Марк Т в е н. Собр. соч., т. 10. М., Гослитиздат, 1961, стр. 200—205).

³ Письмо М. Ф. Андреевой к Андрееву — неизвестно.

⁴ 24 декабря 1905 г. было опубликовано обращение Международного социалистического бюро о проведении массовых демонстраций 21 или 22 января в первую годовщину русской революции. От немецкой социал-демократии обращение подписали Август Бебель и Пауль Зингер. 17 января 1906 г. произошла всеобщая политическая стачка в Гамбурге. 21 января 1906 г. в Берлине и его окрестностях в день «Красного воскресенья» состоялось 95 митингов, на которых с речами выступили Бебель, Дитц и Ледебур (см. Л. Ш т е р н и Р. З а у э р ц а п ф. Влияние русской революции 1905—1907 гг. на развитие революционной борьбы в Германии. — Сб. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. II. М., 1956, стр. 20, 27, 28).

⁵ «Vossische Zeitung» от 10 января 1906 г. Речь идет об утреннем выпуске берлинской газеты, на первой странице которой была напечатана под рубрикой «Волнения в России» заметка, что 9 января в Ростове н/Дону во время беспорядков никто из немецких подданных не пострадал.

⁶ «Ткачи» — пьеса Г. Гауптмана.

⁷ Макс Рейнга́рт (1873—1943) — режиссер и директор берлинского Kleines Theater.

Премьера «На дне» состоялась в Kleines Theater 10(23) января 1903 г. Поставленный М. Рейнга́ртом спектакль имел большой успех. Пьеса шла под названием «Nachtasil» («Ночлежка»). См. М. С у к е н н и к о в. «На дне» Горького в Берлине. — «Новости дня», 1903, № 7042, 15 января. Горький 1 августа 1903 г. в письме к Рейнга́рту выразил искреннюю благодарность за близкое к русской действительности изображение типов и сцен в пьесе. Горький выслал Рейнга́рту и актерам свои портреты и альбом снимков артистов Художественного театра — исполнителей в постановке «На дне» в Художественном театре (XXVIII, 283—284).

1906

139. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Берлин. 2...5/15... 18 марта 1906 г.〉

Что Савва похож на меня — сие не суть важно¹, но что наши отношения «по причинам совершенно непонятым для тебя изменились» — это важно. И — печально.

Расходиться нам — не следует, ибо оба мы друг для друга можем быть весьма полезны — не говоря о приятном. Почему изменились твои отношения ко мне — не ведаю, а за себя могу, по правде, сказать вот что: сумма моих отношений к тебе есть нечто очень твердое и определенное, эта сумма не изменяется ни количественно, ни качественно, она лишь перемещается внутри моего «я» — понятно?

Живя жизнью более разнообразной, чем ты, я постоянно и без устали занят поглощением «впечатлений бытия»² самых резко разнообразных, порою обилие этих впечатлений массой своей отодвигает прежде сложившиеся в глубь души — но не изменяет созданного по существу. Это очень просто. Вот и всё, что я могу сказать тебе об «отношениях».

Скоро я отсюда уеду и уеду я тоже в Швейцарию — встречу ли я тебя где-либо? Очень хотелось бы прочитать пьесу!³ По получении сего сообщу на Ладыжникова, где будешь⁴.

Я, по обыкновению, занят, как лошадь. Выступаю здесь в публичных чтениях и на частных банкетах, но — не стоит овчинка выделки, а посему недели через две я еду уже прямо в Америку⁵. Хочешь вместе? Все равно, в Россию возвращаться тебе теперь невозможно, как ни верти. Жить там — негде.

Весной начнется отчаянная катавасия — это вне сомнения.

В Америке, конечно, еще хуже, чем в Пруссии. А — может и лучше? Посмотрим.

Судишь ты обо мне не очень глубокомысленно. Я социал-демократ, потому что я — революционер, а социал-демократическое учение — суть наиболее революционное. Ты скажешь — «казарма»! Мой друг — во всякой философии — важна часть критическая, часть же положительная — даже не всегда интересна, не только что важна.

Анархизм — нечто очень уж примитивное.

Отрицание ради утверждения абсолютной автономии моего «я» — это великолепно, но ради отрицания — не остроумно. В конце концов — анархизм мертвая точка, а человеческое «я» суть начало активное — даже в самом отрицании такого и иным быть не может, что доказано индусами.

А пьесу прочитать интересно.

Сиюю я около Берлина, сочиняю политические письма к Европе и учусь говорить по-немецки. Язык — нравится. Точный язык. Сегодня я узнал, что такие собственные имена как принц, князь, дурак, бык — одного и того же склонения.

Читал я тут в театре — был принц и аплодировал мне⁶. И Бюлов аплодировал⁷. Сие приемлю с удовольствием и отплачу — презжестокое. За граница дает вообще очень много, и я доволен, что уехал из России, где

меня ожидала тюрьма и процесс, который мог кончиться не особенно приятно. Когда ворочусь из Америки — сделаю турне по всей Европе — то-то приятно будет!

А ты — живи здесь. Ибо в России даже мне стало тошно, на что выносивая лошадка. Главное, неприятное и даже отвратительное — это люди либеральных убеждений. Человек либеральных убеждений — это средина туловища, включительно с той его частью, которую, живя в културной стране, я не решусь назвать вслух.

Засим — до свидания. Брось думать об «отношениях». Если в лесу стоят два дерева выше других — как бы далеко они ни стояли друг от друга — все равно они будут кивать одно другому головами в бурю, они будут видеть друг друга и в тихую погоду. И днем, и ночью.

Пожди руку Александры Михайловны — очень милого и хорошего человека, коему кланяюсь. Маруська, мой язык и секретарь, напишет особо.

Addio!

A.

Датируется по содержанию. Ответ на недошедшее до нас письмо Андрея.

¹ Речь идет о пьесе Андрея «Савва». В ИРЛИ хранится машинописный экземпляр пьесы с пометой: «Мюнхен. 10/23 февраля 1906 г.». В письме к секретарю редакции «Золотого руна» А. А. Курсинскому из Берлина от 16 сентября 1906 г. Андрей подчеркивает: «Мне лично Савва-человек очень нравится. Он не „герой“ мой — таковым я могу назвать только Тюху — но он силен, полон ненависти к существующему, не примирим, и за это я люблю его. За это же люблю я и Царя Ирода, и не знаю — кого больше люблю» («Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 119, 1962, стр. 392). Анализ идейного содержания «Саввы» дан в письме Андрея к Немировичу-Данченко от 4 апреля 1906 г. (там же, стр. 385—386. См. публикацию письма в разделе «Андрей о Горьком», прим. 1 к письму 77). В июне того же года, продолжая переговоры о постановке «Саввы» Художественным театром, Андрей писал Станиславскому: «...из публики, читателей многие серьезно подумают, что это — призыв к анархии. А это — еще раз и еще раз трагическое жизни, тоска о светлом, загадка смерти. Я знаю, что многие из читавших не заметили Тюху — Тюху, истинного героя этой драмы» (там же, стр. 382). 10... 15/23... 28 марта 1906 г. Андрей читал «Савву» Горькому в Глионе. Об отношении Горького к этому произведению и образу Саввы свидетельствует письмо к Ладыжникову (от середины марта 1906 г.), в котором Горький называет «Савву» «самым крупным и интересным по задаче» из последних произведений Андрея («Архив Горького», т. VII, стр. 136—137). Позднее Горький отрицательно оценивал пьесу (см. его воспоминания об Андрее, настоящий том, стр. 388). Считая, что Андрей в Савве искал черты талантливого юноши Уфимцева, Горький вместе с тем выделял «изумительно написанные роли» Царя Ирода, послушника Васи, называл Савву и Царя Ирода очень большими и трагическими фигурами. Рукопись «Саввы» Горький увез с собой в Америку. В России постановка «Саввы» на сцене была запрещена 12 октября 1906 г. на основании доклада цензора Верещагина (ЦИАЛ, ф. 776, оп. 26, ед. хр. 25, л. 206—206 об.). 27 февраля 1908 г. на заседании Петербургского цензурного комитета цензор Горянов предложил вырезать из штутгартского издания «Саввы», распространявшегося в России, страницы, содержавшие резкие отзывы главного героя пьесы о религии (там же, ф. 779, оп. 4, ед. хр. 307, л. 485—485 об.). Постановка «Саввы» была осуществлена 12 апреля 1907 г. в Териоках труппой В. Р. Гардина (режиссер В. Э. Мейерхольд). Андрей, вернувшийся весной 1907 г. из Италии в Россию и поселившийся в Финляндии, был на одной из репетиций и остался недоволен трактовкой пьесы: «В „Савве“ надо искать реалистического решения темы, а у вас — мистическая символика» (сообщено В. Р. Гардиным. См. также: И. Л. Ц и т р о н. В гостях у Леонида Андрея. — «Одесские новости», 1907, № 7290, 27 июля). Успеха премьеры в Териоках не имела (см. беседу Андрея с корреспондентом петербургской газеты «Сегодня», 1907, № 328, 20 сентября). Столь же холодно была принята пьеса в Харбине 22 июня 1907 г. (постановка Художественно-артистического театра). «Савва» переведен на ряд иностранных языков и ставился за рубежом (см., например, «Новости сезона», 1908, № 1818, 25—26 сентября).

О «Савве» см. также прим. 2 к письму 141 и наш комментарий в сб. «Драматургия „Знания“». М., «Искусство», 1964, стр. 567—572.

² Цитата из стихотворения Пушкина «Демон».

³ Горький и М. Ф. Андреева, направляясь в США, 8/21 марта 1906 г. приехали из Берлина в Глион (Швейцария) и остановились в том же отеле «Монт-Флери», где жил Андрей. 21 марта/3 апреля Горький и М. Ф. Андреева уехали в Париж, а 23 марта/5 апреля на пароходе «Фридрих Вильгельм Великий» отплыли из Шербурга в Нью-Йорк («Летопись», I, стр. 590—591 и 593).

ГОРЬКИЙ

Шарж В. В. Каррик

«Леший», 1906, № 1

В. Каррик

Максим Горький.

⁴ Переписка Андреева с Ладыжниковым утрачена.

⁵ 25 февраля/10 марта 1906 г. Горький выступал на литературном вечере в Шарлоттенбурге (окраина Берлина) с чтением своих произведений. Чтение состоялось в «Deutsches Theater». Горький читал «Легенду о Данко» из рассказа «Старуха Изергиль» и отрывки из третьего акта «На дне». В вечере принимали участие М. Ф. Андреева, В. И. Качалов, И. М. Москвин и немецкий актер Шильдкраут. Среди присутствовавших находился К. Либкнехт. Вырученные деньги предназначались для партии большевиков («Летопись», I, стр. 588).

⁶ Вильгельм Фридрих Виктор (1882—1951) — кронпринц, старший сын императора Вильгельма II.

⁷ Кн. Бертигард Бюлов (1849—1929) — реакционный государственный деятель кайзеровской Германии, дипломат. В 1900—1909 гг. занимал пост рейхсканцлера.

140. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Нью-Йорк. 29 марта/11 апреля 1906 г.)

Вот, Леонид, где нужно тебе побывать, — уверяю тебя. Это такая удивительная фантазия из камня, стекла, железа, фантазия, которую создали безумные великаны, уроды, тоскующие о красоте, мятежные души, полные дикой энергии¹. Все эти Берлины, Парижи и прочие «большие» города — пустыки по сравнению с Нью-Йорком. Социализм должен впервые реализоваться здесь — вот что прежде всего думаешь, видя эти изумительные дома, машины и пр.

И — представь — вчера же в первый день приезда я уже познакомился с социалистом-миллионером. Здесь, оказывается, такие монстры не редкость².

А в рабочих тут стреляют, как во всяком благоустроенном государстве — ладно!

Сейчас стачка 500 тысяч углекопов. Капиталисты говорят: затратим биллион, но не уступим.

Океан — лучше, чем о нем пишет Бальмонт³, много лучше. Океан это нечто — после чего ожидаешь необычного, невероятного — и даже Америка не удовлетворяет после океана. Хотя Нью-Йорк — чудо. Мы живем в 9-м этаже 14-этажного дома. Вид из окон — поражающий: улица Бродвей тянется верст на пять, Центральный парк, море домов, Гавань и Гудзонова река — все это у твоих ног.

И из груд темных кварталов поднимаются к небу дома в 28, в 33 этажа. Чудовищно все это.

Жму руку. Кланяюсь Александре Михайловне. Пиши.

А.

Письмо написано на бумаге со штампом нью-йоркского отеля «Бельклер». Датируется днем приезда Горького в Нью-Йорк 28 марта/10 апреля 1906 г. («Летопись», I, стр. 596).

¹ Об отношении Горького к Америке — см. далее письмо 142.

² Г. Вильшайр (Генри Гэйлорд; 1861—1927) — финансист, пайщик золотопромышленного предприятия; с 1900 г. издатель в Нью-Йорке журнала «Wilshire Magazine». «Здесь такой социализм процветает, — писала М. Ф. Андреева Пятницкому из Адирондакса 28 августа 1906 г., имея в виду Г. Вильшайра, — который у нас в России показался бы просто жульничеством» (Мария Федоровна Андреева, стр. 114).

³ Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942) — поэт-символист и переводчик. Горький имеет в виду стихотворение «Воззвание к океану» (К. Б а л ь м о н т. Будем как солнце. Книга символов. М., 1903). Первую оценку поэзии Бальмонта Горький дал в «Беглых заметках» («Нижегородский листок», 1896, № 250, 10 сентября). Горький писал, что нервно-болезненные стихи Бальмонта, Мережковского, Гиппиус лишены «всякого социологического значения» и неизмеримо далеки «от истинного искусства», имеющего «своей целью воспитание духа и чувств человека» (XXIII, 182, 183). Однако, продолжая внимательно следить за творчеством Бальмонта, Горький в новой рецензии («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 июля) возражал против односторонне-отрицательного отношения к сочинениям этого «талантливому и странному поэту», хотя и отмечал, что «размеры и общественное значение его таланта трудно понять ввиду крайней туманности мышления г. Бальмонта и странного, быть может, искусственного стремления к символизации» (М. Г о р ь к и й. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, стр. 43). В 1899—1908 гг. Бальмонт активно сотрудничал в общедоступных журналах. См. его переписку с Миролубовым (ЛА, вып. 5, стр. 146—171). За чтение (в апреле 1901 г.) на литературном вечере стихотворения «Маленький султан», написанного под впечатлением избиения студенческой демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г., Бальмонт был подвергнут административной высылке на два года «из столиц и их губерний» без права проживать в университетских городах. Об оценке этого стихотворения В. И. Лениным см. в статье А. Дун «О двух стихотворениях, предназначавшихся для ленинской „Искры“» («Русская литература», 1963, № 3, стр. 161—163). В ноябре 1901 г., в Крыму, произошло личное знакомство Бальмонта с Горьким. «Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник! Настраиваю его на демократический лад, ибо — жить здесь скучно», — писал Горький Поссе из Оленза («Архив Горького», т. VII, стр. 30). Встречи с Горьким произвели большое впечатление на Бальмонта (см. его письмо к Горькому от 21 декабря 1901 г. — МИ, т. I, стр. 192). Надеясь сблизить Бальмонта с демократической литературой, Горький пригласил его в «Знание» в качестве переводчика грехотомного Полного собрания сочинений Шелли, вышедшего в течение 1903—1907 гг. Кроме того, Бальмонт выполнял для «Знания» работу по литературному редактированию переводов «Истории живописи в XIX веке» Р. Мутера (тт. II и III были переведены его женой, Е. А. Бальмонт). В октябре — ноябре 1905 г. четыре стихотворения Бальмонта были опубликованы в газете «Новая жизнь» («Русскому рабочему», «Поэт рабочему», «Начистоту» и «Мещане»). При непосредственном содействии Горького в марте 1906 г. тиражом в 21 000 экз. в дешевой библиотеке «Знание» вышли «Стихотворения» Бальмонта. Тоненькая книжечка включала двенадцать стихотворений. Издание было конфисковано (см. письмо Пятницкого к С. И. Мицкевичу от 20 апреля 1931 г. — АГ). Эмигрировав из России в 1906 г., Бальмонт в Париже сотрудничал в «Красном знамени» А. В. Амфитеатрова, а в 1907 г. выпустил в свет сборник стихов «Песни мстителя». Стихи Бальмонта, посвященные революционному пролетариату, были встречены язвительными насмешками в кругах символистов (см., например, рецензии на «Стихотворения» — В. Брюсова в «Весах», 1906, № 9; Л. Столицы в «Золотом руне», 1906, № 10). Отвечая критикам, иронизирующим над появлением имени Бальмонта на страницах большевистской газеты «Новая жизнь», Горький в статье «По поводу» восклицал: «Они не могут вложить в свои души эту радость живого человека, который, наконец, почувствовал, что на земле есть люди, кроме мещан, отравивших всю жизнь своей пошлостью, почувствовал силу пролетария и поклонился ему искренним поклоном поэта» («Новая жизнь», 1906, № 14, 16 ноября).

Как показало последующее творчество Бальмонта, его близость к революции была временной и непродолжительной. После Октябрьской революции он эмигрировал. Уничтожающую оценку позднего творчества Бальмонта — см. в письмах Горького к Р. Роллану от 22 и 23 марта 1928 г. (XXX, 83—87).

141. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⟨Эсбо. Конец июня 1906 г.⟩

Милая моя тетя Маруся! Милый мой дядя Алексей! Милые вы мои американцы! Не пишу вам по той простой причине, что лень писать. И при этом я не верю, что письма в Америку получаются. Как это ни странно, но это — факт! И жара, такая жара, что в Финляндии, как в Африке, завелись крокодилы. Сам видел, иначе бы никому не поверил. А кроме того комары — у нас целый день точно из пушки стреляют, это мои близкие и родные бьют себя по лбу и по другим звонким частям тела. Я, конечно, этого не делаю. С тех пор как Россия вошла в семью правовых государств — я уничтожаю комаров запросами. Только что сядет мне на щеку, я сейчас начинаю:

Известно ли комару, что он сел мне на щеку?
Если известно, то какие принял он против этого меры?
Если же неизвестно, то почему неизвестно?

Потом кричу:

— Вон, кровопийца! В отставку, в отставку!

Но рукам воли не даю, потому что живу в правовом государстве. И пусть рожка у меня в шишках, я горжусь ими — ибо это шишки мудрости. Почешусь — и перехожу к очередным делам:

Известно ли комару, что он сел мне на нос?
Если известно, то...

И до чего, брат, комары меня боятся! Руки и ноги у них трясутся, как меня увидят!

Вот тоже насчет клопов. Как тебе известно, мы отменили смертную казнь. Попробовал убеждением.

Прочел собранию поэму В. Иванова «Прометей»¹ — пришли в экстаз и откусили мне ногу. Тогда начал я им читать думский отчет — вообрази, меньше кусаются. Говорят, нет аппетита. Такие скучные, бледные. Куснет и выплюнет. Прямо через силу ест, жалко смотреть.

И от этого я еще не писал. Понимаешь — противно и скучно писать.

Первый план занимают кадеты, лезут в глаза, и это такая сволочь! Выдохлись с невероятной быстротой. И все остальное ушло куда-то вниз, а на поверхности вот уж месяц нечто совершенно неизменное. Ниагара на фотографии: и движется и стоит. Можно сидя у себя в комнате составить номер газеты.

Вообще же, конечно, хорошо. Чего не успело сделать правительство, то доделывают кадеты, Дума. Ежели настроишь свой ум философски, то даже весело посмотреть: с какой фатальной неизбежностью старый мир негодяев и дураков, умников и благородных, взявшись за ручки, ковыляет к яме. Любопытное положение, при котором и направо, и налево, и впереди — всюду революция. Нельзя сделать шага, который не был бы полезен революции.

Не посылал тебе вырезок — нечего вырезать. И все годится и ничего не годится. Нужно посылать целую газету. Но ты их, вероятно, получаешь в достаточном количестве? Врут про тебя: то ты заболел, то ты завтра

будешь в СПб. Я первое время верил, что ты едешь в Россию — и поэтому еще не писал.

Милые вы мои! Если и не писал, то душа моя ежедневно бывала у вас. Может заметили: такая толстенная, рябенная, на один глаз кривая? Все думаю: ну как это вы там? Бостон, Чикаго — как это так! Бостон и Чикаго? Чудно!

Был у меня Пятницкий² и прочел я твоего миллиардера. Понравилось. И насчет Франции — Константин Петрович рассказывал — очень понравилось³. И вся эта затея «интервью» великолепна. Ты целишь высоко, и момент как раз подходящий для такой цели, и тон ты взял настоящий «европейско-американский». *Urbi et orbi**. Я очень рад, что «Савва» будет в одном сборнике с некоторыми из этих твоих вещей; а с другой стороны жаль, что выйдут они не разом — в серии они особенно убедительны и важны. Нечто такое, что, на мой взгляд, расчленять не следовало бы. Может и ошибаюсь.

Увы, мой друг! Литераторы не одобряют «Саввы». Но я — при особом мнении и нахожу, что хорошо написано. Хорошо! Честное слово хорошо! А вот поправлю — Пятницкий заставил меня летом работать! — еще будет лучше. Знакомство ли с Юшкевичем, то ли, что в Берлине я видел жирафа, — но стал я самомнителен и надменен. И горд. И заносчив.

Живем мы около Гельсингфорса, в шхерах, и дача у нас плохая. Верите, не нравятся мне шхеры. Точно на лугу корова многократно неприлично сделала — зелено, кругло, плоско и однообразно. И нет бурь — а я не могу без бурь. Ты вот писал: океан — боже мой, я во сне его вижу, этот проклятый океан! Когда нет под рукой Юшкевича или жирафа, то необходим хоть океан, чтобы не заглохло в душе чувство величественного. Без величественного, брат, как без огурца, не проживешь и кадетом сыт не будешь — это еще Соломон сказал.

В литературе — аграрные беспорядки и карательные отряды. Скитальцева «Огарки» вещь очень слабая, наивная⁴. Буду еще писать. Пересылаю то, что прислано мне⁵. Целую крепко. Да: хотел было я после вашего американского инцидента написать вам: «с чувством глубокого негодования»... да уж очень смешно! Милые мои друзья, среди каких идиотов мы живем!⁶

Твой, ваш Л е о н и д

Helsingfors, statia Esbo villa Holw. L. Andryëw.

Датируется по содержанию (см. прим. 2).

¹ Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) — поэт-символист; один из теоретиков русского символизма. Иванову принадлежат статьи о произведениях Андреева: «Новая повесть о богоборстве. Новая повесть Леонида Андреева» («Жизни Василия Фивейского»). — «Весы», 1904, № 5, стр. 45—47; «О „Красном смехе“ и „правом безумии“» — там же, 1905, № 3, стр. 43—47. Рафинированная, книжная культура символистов, основанный Ивановым в 1905 и просуществовавший до 1907 г. кружок «Ивановские среды», на котором читались доклады по теории мифотворчества, трагедии и возрождался «культ» Диониса, — все это было органически чуждо Андрееву. В письме к Чулкову из Мюнхена около 28 января 1906 г. Андреев язвительно высмеивал поэзию символистов, а о стихах Вячеслава Иванова писал: «...это не стихи — это икота, подергивания, корчи, глотания еловых шишек с острого конца. Мне его страшно читать. Мне хочется пойти и бить его по горбу как человека, который подавился костью. В нем огромная искренность, но какой толк от такой искренности?» («Письма Леонида Андреева», стр. 21). С 1924 г. Иванов жил в Италии.

² Пятницкий посетил Андреева во Фрисансе 16 июня 1906 г. и вел с ним переговоры о передаче рукописи «Саввы» «Знанию». В дневнике Пятницкого под этим числом записано: «„Савва“ отдан в „Факелы“ по 500 р. за лист. Предлагаю с XI сборника по 1000 с листа. Леонид отдает в XI сборник. Горькому больше всего нравится „Царь Ирод“. В лице Саввы изображен Горький» (АГ). «Савва» был напечатан в сб. «Знание» на 1906 г., кн. 11.

* Городу и миру (лат.).

³ В Америке Горький написал памфлеты «Один из королей республики» и «Прекрасная Франция», включенные им в цикл «Мои интервью». В России с цензурными изъятиями впервые напечатаны в сб. «Знание» на 1906 г., кн. 13.

⁴ «Огарки. (Типы русской ботемы)» — повесть Скитальца, была опубликована в сб. «Знание», кн. 10, 1906.

⁵ О чем идет речь — не установлено.

⁶ Имеется в виду травля Горького в США, поднятая реакционной печатью. В организации этой травли принимало участие и русское посольство в США (Р. Г а н е л и н. М. Горький и американское общество в 1906 году. — «Русская литература», 1958, № 1, стр. 200—222).

142. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Адирондакс. Июль — август 1906 г.〉

Вот ты говоришь в шхерах бурь нет — чего еще надо?

Счастливы вы, русские, делаете революцию у себя дома, на своем родном языке, а вот я — через переводчиков. Неудобно, а все-таки действует.

Мой друг, Америка изумительно-нелепая страна, и в этом отношении она интересна до сумасшествия. Я рад, что попал сюда, ибо и в мусорной яме встречаются перлы. Например, серебряные ложки, выплеснутые кухаркой вместе с помоями.

Америка — мусорная яма Европы. Сюда теперь едут люди, оставившие душу, ад-то дома. Уже нет того эмигранта, который ловил тигров за хвосты и на скаку откусывал хобот у слонов.

В. Каррика.

АНДРЕЕВ

Шарж В. В. Каррика

«Леший», 1906, № 1

Леонид Андреев

И нет слонов — их никогда не было. Тигры же — Скитальевой работы¹. Голубчик мой — я могу написать об Америке десять томов по 500 страниц и — ни одного слова доброго! Подумай, как это несправедливо и как хорошо!

Русская революция — если посмотреть на нее даже издали — великолепная революция!

Она заварилась надолго. Мы с тобой однажды умрем, и умрут все попы и все певчие, кои будут служить литии о нас, а она все еще будет жить. Факт. Ты увидишь.

Теперь мы, русские, потащим мир вперед, а старая сводня Франция будет говорить:

— Ах, когда я была молодая, то я тоже однажды отколола у короля голову...

И, подумав, прибавит, стерва:

— Но не помню — зачем я это сделала...

И немец, за которого она выйдет замуж, скажет ей философски:

— Ты была молода — и потому делала глупости. Я никогда не был молод и потому люблю своего кайзера, хотя у него одна рука сухая и из уха что-то течет.

Я здесь все видел — М. Твена², Гарвардский университет, миллионеров, Гиддингса³ и Марка Хаша⁴, социалистов и полевых мышей. А Ниагару — не видал. И не увижу. Не хочу Ниагары.

Лучше всего здесь собаки, две собаки Нестор и Дёори. Затем — бабочки. Удивительные бабочки! Пауки хороши. И — индейцы⁵. Не увидав индейца, — нельзя понять цивилизацию и нельзя почувствовать к ней надлежащего по силе презрения. Негр тоже слабо переносит цивилизацию, но негр любит сладкое. Он может служить швейцаром. Индеец ничего не может. Он просто приходит в город, молча, некоторое время смотрит на цивилизацию, курит, плюет и молча исчезает. Так он живет и когда наступит час его смерти, — он тоже плюется, индеец!

Жизнь — прекрасна, мой друг, вот что внушает индеец. Ты видел Галиена⁶? Это надо посмотреть. В нем есть индеец.

Еще хороши в Америке профессора и особенно психологи. Из всех дураков, которые потому именно глупы, что считают себя умными, эти самые совершенные. Можно ездить в Америку для того только, чтоб побеседовать с профессором психологии. В грустный час ты сядешь на пароход и, проболтавшись шесть дней в океане, вылезашь в Америке. Подходит профессор и, не предлагая понести твой чемодан, — что он, вероятно, мог бы сделать артистически, — спрашивает, заглядывая своим левым глазом в свою же правую ноздрю:

— Полагаете ли вы, сэр, что душа бессмертна?

И если ты не умрешь со смеха, спрашивает еще:

— Разумна ли она, сэр?

Иногда кожа на спине лопается со смеха⁷.

Интересна здесь проституция и религия. Религия — предмет комфорта. К попу приходит один из верующих и говорит:

— Я слушал вас три года, сэр, и вы меня вполне удовлетворяли. Я люблю, чтобы мне говорили в церкви о небе, ангелах, будущей жизни на небесах, о мирном и кротком. Но, сэр, последнее время в ваших речах звучит недовольство жизнью. Это не годится для меня. В церкви я хочу найти отдых... Я — бизнесмен — человек дела, мне необходим отдых. И потому вы сделаете очень хорошо, сэр, если перестанете говорить о... трудном в жизни... или уйдете из церкви...

Поп делает так или эдак, и все идет своим порядком.

Но я больше не могу писать, хотя пишу с удовольствием. Иногда надо уснуть, однако.

До свидания, если тебя не испортят из пушки!
Кланяюсь милой Александре Михайловне. Ты не написал о ней ни слова.

Все здоровы.

Addio! А.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ См. об этом прим. 4 к воспоминаниям Горького об Андрееве.

² Встреча Горького с Марком Твеном произошла на банкете в честь приезда Горького, состоявшемся 29 марта (11 апреля) 1906 г., на котором находились представители интеллигенции США. Марк Твен и Горький обменялись приветствиями («Летопись», I, стр. 597).

³ Франклин Гиддингс (1855—1939) — американский социолог.

⁴ Эдвин Маркхэм (которого Горький по ошибке назвал Марк Хаш; 1852—1940) — американский поэт, автор поэмы «Человек с мотыгой» (1899). Маркхэм в числе других гостей был на завтраке у Горького в отеле «Бельклер» 31 марта (13 апреля) 1906 г. («Летопись», I, стр. 598). Два письма Э. Маркхэма к Горькому от апреля 1906 г. — см.: «Архив Горького», т. VIII, стр. 302—303.

⁵ Летом 1906 г. Горький и М. Ф. Андреева жили на даче супругов Мартин в горах Адирондакс (штат Нью-Йорк).

⁶ Аксель Галлен-Каллела (1865—1931) — выдающийся финский художник (см. о нем раздел «Андреев о Горьком», № 83, стр. 519).

В статье «О Финляндии» («Herold», Берлин, 1907, 27 декабря) Горький отождествлял о Галлене как о художнике, соединяющем «стихийную силу первобытного человека с титаническим стремлением к совершенству и пламенной любовью к красоте» (см. «Биржевые ведомости», веч. вып., 1907, № 10273, 28 декабря).

⁷ Ср. впечатления Горького от посещения философской школы недалеко от имени Престонии и Джона Мартин в письме к Пятницкому не позднее 24 августа 1906 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 202—203).

143. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

〈Берлин. 23 сентября 1906 г.〉

Милый мой Алексеюшка! И милая тетя Маруся! Пишу вам кратко, с единственной целью выразить любовь мою. Живу в гостях у Василия Федорыча ¹ в Грюневальде, ибо из прекрасной Финляндии пришлось быстро удрать ². Много потерялось времени при злоключениях, и теперь стараюсь наверстать, пишу двумя руками. Шуркино здоровье плоховато, а на днях нужно ожидать приращения.

Таковы дела. О настроениях, мыслях и пр., до следующего раза — скоро. Много думаю о вас и очень люблю.

Ваш Л е о н и д

Написал «Елеазара» ³, пишу «Жизнь человека» ⁴. Чудно!

23 сентября

Berlin. Grünewald. Herbertstrasse 26

¹ Ироническое наименование Вильгельма II в памфлете Горького «Русский царь» (VII, 74—75).

² См. письмо 144 и прим. 10 к нему. В Берлин Андреев приехал 14 августа 1906 г.

³ Рассказ «Елеазар» с авторской датой «7 сентября 1906 г.» напечатан в «Золотом руне», 1906, № 11-12, стр. 59—67 и в сб. «Ссылным и заключенным». СПб., 1907 (на обложке: 1908), стр. 7—30. Отзыв Горького о рассказе в письме 146.

⁴ Драма «Жизнь человека», законченная в Берлине в сентябре 1906 г., была первой из задуманного Андреевым цикла философско-символических «представлений». За «Жизнь человека» должны были последовать «Царь-Голод», «Война», «Революция» и заключающая цикл пьеса — «Бог, дьявол и человек». Однако план этот не был полностью реализован. После «Жизни человека» Андреев написал лишь «Царь-Голод» (1907). «Жизнь человека» впервые опубликована в литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник», кн. 1. СПб., 1907; тогда же (без обозначения года) издана Ладьяжниковым в Берлине (подробнее о «Жизни человека» — см. комментарий в кн.: Леонид А н д р е е в. Пьесы. М., «Искусство», 1959, стр. 563—569). Отзыв Горького о «Жизни человека» в письме 145.

144. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Берлин. 13 ... 14/26 ... 27 октября 1906 г.>

Милый мой Алексеюшка! Чрезвычайно, и даже больше того, рад твоему возвращению в Европу¹. Ибо в Европе мы можем увидаться. Если будешь жить в Италии, около Рождества приеду к тебе в гости; позвал бы тебя сюда, но боюсь, что Василий Федорыч² тебя выгонит. Очень я рад, что увидимся и, если бы не инфлуэнца, изобразил бы свою радость в стихах или что-нибудь бы спел. Но сейчас петь не могу и произношение у меня по Куприну: билый бой³.

Живем мы так. Вообрази: Грюневальд, барская квартира, в которой одних фарфоровых собачек и свиней около миллиона, да 500 тысяч портретов Вильгельма и Бисмарка; принадлежит дача бургомистру, а жил в ней целый год курляндский барон — это в связи с собачками и свиньями настраивает мысль на возвышенный лад. И живут в квартире: мы, акушерка, мать Шуры и мать моя, и все ждем, когда Шура разродится. И невидимо витает тень барона.

Но зато — близко лес, и когда у меня не бывает инфлуэнцы, чумы, антонова огня и вырождения, я езжу на велосипеде и пропагандирую беспорядки среди грюневальдовских белок; одну я уже подговорил не прятать скорлупу от каштанов в бумажку, а бросать ее наземь. Кроме Verlag'a⁴ знакомств никаких; бывают случайные проезжающие — например Янсон⁵ — но редко. Чувствую жестокую потребность в литературе и литературных разговорах, но вместо того говорю о политике, полевых судах, гешефте, и от этого видимо начинаю вырождаться. Уже пишу фельетоны. Деньги за них редакция платит, но печатать не решается — откладывает до высочайшего повеления о введении республики⁶.

С удивительной быстротою написал «Елеазара», рассказ мрачный, как клистирная трубка, и ту самую «Жизнь человека» — произведение, достойное самого внимательного и хладнокровного изучения. На первый взгляд, это — ерунда; на второй взгляд — это возмутительная нелепость; и только на тридцатый взгляд становится очевидным, что написано это не идиотом, а просто человеком, ищущим для пьесы удобных и свободных форм. Когда с Шурой уладится, буду писать «Иуду Искарота», еще несколько рассказов и «Царь-Голод», пьесу, в той же загадочной форме⁷.

«Савва» вызывает непонятное раздражение. Один унтер-офицер заявил, что вообще это проповедь разрушения; другие, видимо, статские, ругают его зазнавшимся мальчишкою, щенком, фанфароном, идиотом; серьезные и искренние кадеты, вроде Овсяннико-Куликовского, просто признают его сумасшедшим, с явно выраженной манией величия, зачатками религиозного умопомешательства, дегенератом. Чтобы не погрешить против психиатрии, Овсяннико-Куликовский даже почтенного Егора Ивановича, папашу, признал сумасшедшим, назвав его болезнь «психической осовелостью». Остальные — тоже сумасшедшие⁸. Общих похвал заслуживает зато Липа как светлое явление. Берлинские театры «Савву» не берут, за отсутствием Handlung'a*; пойдет в Вене.

Совершенно неожиданный и своеобразно окрашенный успех имели в Вене «К звездам». Там только что образовался «Свободный народный театр», как говорят некоторые газеты, социал-демократический; и для первого дебюта они поставили «К звездам».

И удивление: все газеты без исключения хвалят, а рабочие листки говорят даже, что «впервые искусство встретилось с народом». И публика, почти сплошь рабочие, доходила «даже до энтузиазма». Вообще успех

* торговля (нем.).

необыкновенный. Одно подозрительно: хвалят все, даже буржуазные органы, хотя и с некоторыми оговорками. Так что и не знаю: радоваться мне или впасть в меланхолию. Животом радуюсь, а в голове — многоточия и знак вопросительный⁹.

Сейчас ты начнешь на меня сердиться, ибо говорить хочу — о Финляндии¹⁰. Милый друг, это очень грустно — но не заслуживает любви твоя Финляндия, это я правду тебе говорю. До Европы и до Америки и ты и я были большими... многоточие, а повидавши, поняли, что это за штука. Не на кого надеяться русской революции; мало друзей у свободы, и нет у нее горячих любовников. Вот и Финляндия. До Свеаборга многое

КАПИРИ ВИД ИЗ ОКНА ВИЛЛЫ «СЕТТАНА», ГДЕ ГОРЬКИЙ ЖИЛ
в 1906—1909 годах

Фотография Ю. А. Желябужского, 1907 г.

Музей Горького, Москва

от нее ждалось, а что вышло? Я был, к несчастью, там и видел близко всю эту гнусную историю. Одинокая, покинутая Красная гвардия — и огромное, стозевное, предательское большинство. Ведь окажись Финляндия мужественной и благородной, поддержки хотя бы только забастовкой свеаборгское восстание — Петергофа не было бы! Романовых не было бы! А она не только не забастовала, но в лице своих интеллигентных черносотенцев расстреливала красногвардейцев, а в лице крайних партий — отказалась от союза с ними. И погибли бедные красногвардейцы вместе с обманутыми матросами. Я видел этих лояльных финнов, которые толпами шли на охрану железной дороги; я видел этих милых финнов, отказывавших в куске хлеба красногвардейцам, бродившим по лесам. Я слышал, как глупость и злоба и дрянненькое, трусливое, подкупленное манифестом негодяйство шипело о необходимости сидеть тихо, не вмешиваться и беречь свою «финскую свободу» и клялось в ненависти к красногвардейцам. Жить противно становится, глядя на всю эту мерзость. А потом — преследование красногвардейцев и какое торжество раздачи наград покорителям Свеаборга (на той же площади, где Красная гвардия справляла

свои праздники и демонстрации — при полном отсутствии публики; а на торжестве публика, вероятно, присутствовала), а потом безобразия Сената и полиции, избивающей демонстрантов, и, наконец, — радостная и торжественная встреча этих Выборгских сопляков, кадетов.

Одним словом, культурный народ. И вся его прежняя борьба с русским правительством, на мой взгляд, лишь доказательство его консерватизма: не за новые права, а лишь за сохранение старых полуправ боролись они. Когда же коснулось дело завоевания новой и широкой свободы, они великолепно сдрейфили и оказались не лучше, а может быть и хуже других, тех же русских. И как везде, с одной стороны слабый, обворованный, малоразвитый умственно пролетариат, и с другой — тупая, жирная и крепкая буржуазия и такая же тупая и буржуазная интеллигенция. Не годится она и в подметки русской интеллигенции, как и финское студенчество — вот прохвосты, не хуже немецких. Народ подарил им дом, и они же народ подстреливают. На майской демонстрации в Гельсингфорсе, устроенной различными рабочими организациями, я видел всего лишь одного финского студента, а русских — несколько. А на красногвардейском митинге не было ни одного.

Конечно, Галлен останется Галленом, а Сааринен¹¹ — Саариненом — по таланту. Но ведь и в прекрасной Франции, которой ты плюнул в лицо¹² и сделал этим, на мой взгляд, прекрасное и великое дело, есть и Мирбо¹³ и даже Жорес¹⁴. И поверь мне: появишься ты сейчас в Финляндии — большинство встретит тебя как врага их спокойствия, их кадетского благополучия, их «финской» свободы. И если тебя там подстрелят как Герценштейна¹⁵, траур, мой друг, наденут немногие, а общественные здания и Сенат разукрасятся флагами. Нет, Алексеюшка, Финляндия — иллюзия, как иллюзия — Америка и многое другое... например, немецкая социал-демократия.

О многом занятом нужно поговорить. Ибо, как ни расходимся мы с тобою, а нет на свете более близкой мне души, чем твоя арзамасско-американская *λαχί**. Когда Шура освободится¹⁶, раскланяюсь с тенью барона и на несколько дней приеду к тебе. О литературе нужно еще посоветоваться с тобою. Иван Павлович¹⁷ (милейший человек!) привезет тебе вместе с этим письмом «Жизнь человека»; прочти и либо письменно, либо устно через него выскажи суждение.

Горячий привет тете Марусе. Хотел бы я вас повидать, чёрт возьми, — каковы-то вы после Америки.

Целую крепко.

Твой Леонид

Датируется по содержанию (см. прим. 1). На письме помета Пятницкого: «Конец 1906 года».

¹ Горький вместе с М. Ф. Андреевой и Н. Е. Бурениным отплыл из Нью-Йорка на пароходе «Принцесса Ирен» 30 сентября (13 октября) 1906 г. и 13 (26) октября прибыл в Неаполь («Летопись», I, стр. 628).

² См. прим. 1 к письму 143.

³ Цитата из гл. IX «Поединка» Куприна.

⁴ Андреев имеет в виду издательство Ладужникова.

⁵ О Яне Эрнестовиче Янсоне — см. стр. 425 настоящ. тома.

⁶ Фельетон под заглавием «Палачи» Андреев послал в московскую газету лево-кадетского направления «Новый путь», выходившую с августа по ноябрь 1906 г. под редакцией Н. Н. Евреинова и Н. А. Демчинского (письмо Андреева к брату Павлу. — ИРЛИ), но он там не появился. Другой фельетон Андреев намеревался отдать «в какую-нибудь петербургскую» газету, «достаточно свободную и смелую» (письмо к нему же. — «Русский современник», 1924, № 4, стр. 129). Фельетон «Палачи» нам неизвестен. Вероятно, это первоначальное заглавие очерка Андреева «Памяти Владимира

* душа (греческ.).

Мазурина. Из частного письма». СПб., тип. «Труд и польза», 1906 (опубликован также в запрещенном и уничтоженном цензурой «Историко-революционном альманахе» изд-ва «Шиповник», под редакцией В. Л. Бурцева. СПб., 1907, стр. 266—270). 6 сентября 1906 г. А. М. Андреева писала Г. И. Чулкову из Берлина о рукописи «Памяти Владимира Мазурина»: «Леонид очень просит вас поместить эту заметку в „Товарище“. Если же в „Товарище“ почему-либо не удастся — поместите где найдете более удобным. Леонид представляет на ваше усмотрение. В крайнем случае можно в нелегальном органе» (ИМЛИ. См. также письмо Андреева к Чулкову от октября 1906 г. — «Письма Леонида Андреева», стр. 12). Владимир Владимирович *Мазурин* (1887—1906) — эсер; в 1906 г. перешел в так называемую «оппозиционную фракцию» этой партии и в качестве руководителя «летучей боевой дружины» предпринял несколько дерзких экспроприаций, из которых наиболее значительной было ограбление 7 марта 1906 г. банка Московского общества взаимного кредита. 29 августа полиции удалось выследить Мазурина, и в ночь на 1 сентября 1906 г., по приговору военно-полевого суда, он был казнен. См. в кн.: Е. Ю. Григорович. Зарницы. Наброски из революционного движения 1905—1907 гг. М., изд. М. и С. Сабашиных, 1925, стр. 27—29. О суде над Мазуриным Андреев мог узнать из получаемой им в Германии газеты «Новый путь», 1906, № 15, 1 сентября.

⁷ См. прим. 3 и 4 к письму 143.

⁸ В рецензии на 11-й сборник «Знание» Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал, что, создавая образ анархиста Саввы, Андреев упростил свою задачу, так как «презрел [...] изучением психологии анархизма, и все свое внимание сосредоточил на [...] его психопатологии». Называя Савву маньяком «с резкими признаками *мании величия* и *психопатологической наследственности*», Овсяннико-Куликовский указывал на родство художественной интуиции Андреева с интуицией Достоевского («Литературные беседы». — «Страна», 1906, № 176, 3 октября). Несколько позже Овсяннико-Куликовский посвятил особую статью анализу стиля Андреева (Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Собр. соч., т. V, изд. 2-е. СПб., 1912, стр. 192—210).

⁹ Пьеса «К звездам» была поставлена для рабочих театральной организации «Freie Volksbühne», основанной в сентябре 1906 г. при социал-демократической газете «Die Arbeiter Zeitung». О необычайном успехе спектакля, вылившегося в демонстрацию интернациональной солидарности австрийских рабочих с русским революционным пролетариатом, сообщали и русские газеты. Так, П. Звездич (П. И. Ротенштерн) в информации из Вены 12 октября рассказывал об огромном впечатлении, произведенном на зрителей монологом Трейча: «В аплодисментах, которыми ответила на него публика, я в ее бешеных криках „браво!“ чувствовалась не обычные клики одобрения, а как бы чувствовалась клятва, даваемая всей этой аудиторией, исполнить призыв Трейча и подпереть своими руками самое небо, если оно готово будет обрушиться на нас и помешать нам идти вперед» («Русские ведомости», 1906, № 257, 20 октября). См. также: Як. Соснов <Я. Г. Соскин>. Русское в Вене. — «Одесские новости», 1906, № 7061, 22 октября; Н. Караваев <Л. Н. Соколовский>. «К звездам» Л. Андреева на венской сцене. — «Южный край», Харьков, 1906, № 8928, 1 ноября. «К звездам» прошли в Вене со все возрастающим успехом около тридцати раз (Н. Шебурев. Негативы. — «Русь», 1907, № 119, 30 апреля).

¹⁰ В конце апреля 1906 г. Андреев переехал из Швейцарии в Финляндию. Он был на майской демонстрации в Гельсингфорсе и 8—9 июля на съезде представителей финской революционной «Красной гвардии». Выступая на многолюдном митинге, Андреев протестовал против роспуска Государственной думы и призывал к вооруженному восстанию (Ю. С. Пухов. Андреев и Скиталец в революции 1905 года. — В кн.: «Революция 1905 года и русская литература», стр. 421—424). Подавление стихийно вспыхнувшего Свеаборгского восстания 17—20 июля произвело резкий перелом в сознании Андреева, он две недели скрывался в норвежских фьордах и затем через Стокгольм уехал с семьей в Берлин (письмо Андреева к В. А. Серову из Берлина от 5 сентября 1906 г. — В. А. Серов. Переписка. 1884—1911. Л.—М., 1937, стр. 370, а также письмо к Пятницкому от того же числа в настоящ. томе, стр. 517—518).

¹¹ Элиэль Сааринен (1873—1950) — финский архитектор.

¹² Имеется в виду памфлет «Прекрасная Франция».

¹³ Октав Мирбо (1850—1917) — французский романист и драматург, печатался в сборниках «Знание». Был близок в своем творчестве к Андрееву как разоблачитель буржуазии. В сборнике «Знание» (кн. 25, 1908) опубликована его комедия «Очаг».

¹⁴ Жан Жорес (1859—1914) — историк и выдающийся оратор, крупный деятель международного социалистического движения, руководитель реформистского крыла французской социалистической партии.

¹⁵ Михаил Яковлевич Герценштейн (1859—1906) — член партии кадетов, теоретик по аграрному вопросу; депутат Государственной думы, подписал «Выборское воззвание». Убит черносотенцами 18 (31) июля 1906 г. в Териоках.

¹⁶ Речь идет о предстоявших родах А. М. Андреевой.

¹⁷ Ладыжников.

145. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 21 ... 22 октября /3 ... 4 ноября 1906 г.⟩

Будь я критиком, я написал бы статью о тебе, начав ее так:

«Для меня несомненно, что Л. Андреев в данное время является самым интересным писателем Европы и Америки, и я думаю, что он в то же время самый талантливый писатель двух частей света».

Я без особенных усилий доказал бы это положение путем сравнения и посредством указания на широту захвата твоей мыслью количества явлений и идей.

Затем я сказал бы:

«Каждое его новое произведение есть более или менее крупный шаг вперед в области формы и содержания, вперед, по пути к новому и свободному, но — он торопится, и шаги его неровны. Он слишком торопится, чёрт его возьми!»

И далее я стал бы доказывать тебе, как это вредно для тебя — торопиться. И доказал бы, что для тебя это вреднее, чем для кого-либо другого.

Но я еще не критик.

«Жизнь человека» — это превосходно как попытка создать новую форму драмы. Я думаю, что из всех попыток в этом роде — твоя, по совести, наиболее удачна. Ты, мне кажется, взял форму древней мистерии, но выбросил из мистерии героев, и это вышло дьявольски интересно, оригинально. Местами, как например в описании друзей и врагов человека, ты вводишь простоту и злую наивность лубка — это тоже твое и это — тоже хорошо. Язык этой вещи — лучшее, что когда-либо тебе удавалось.

Но — ты поторопился. В жизни твоего человека — почти нет человеческой жизни, а то, что есть — слишком условно, не реально. Человек поэтому вышел очень незначителен — ниже и слабее, чем он есть в действительности, менее интересен. Человек, который так великолепно говорил с Ним, не может жить такой пустой жизнью, как он живет у тебя — его существование трагичнее, количество драм в его жизни — больше. В жизни твоего человека я вижу одну драму — смерть сына. Это — ничтожно. В момент богатства своего — он совершенно непонятен — удовлетворен он богатством? Насколько? Не удовлетворен? Насколько? А богатство — тоже драма для сильного душой. Его — твоего героя — отношение к жене — буколичное, не семейственное. С женами не живут всю жизнь как с друзьями, это ты прикрасил — зачем? Вот я познакомился с одним чудачком, — это известный художник Диффенбах ¹. На одной из своих картин он изобразил самого себя так — он тащит в гору тяжелый крест, на конце креста сидит его жена, а церковь погоняет его бичом, поддерживая жену. Это, конечно, слишком грубо как символ, но это — реальность.

Ты скажешь — не хочу реальности! Пойми — говорю не о форме, а о содержании, оно не может не быть не реальным, надеюсь это не требует доказательств.

Вообще ты слишком оголил твоего человека, отдалив его от действительности, и тем лишил его трагизма, плоти, крови. Все написанное слишком значительно по форме, и нельзя уходить ⟨?⟩ от естественного желания подчеркнуть незначительность, неполноту, бедность жизни твоего человека. Замечу еще, что присутствия старух в первом акте напоминают «Втирушу» Метерлинка ². Старухи — мало понятны — что это? Ты говорил Ивану Павловичу ³, что это «подсудьбинки», но подсудьбинки, как это ясно у Афанасьева ⁴, символизируют не только силы природы, враждебные человеку, — но главным образом те явления в его жизни, которые люди считают случайными, но которые создаются сцеплением ряда причин, лежащих в отношениях людей друг к другу, и становятся логически необходимыми. Последний акт красив как картина, но старухи

мешают понять его и заслоняют трагизм конца жизни. Я также не могу понять — почему ты избрал для твоего человека местом его окончательной гибели — Кабак. Почему не церковь? Не площадь, на которой он пред глазами людей вступает в борьбу с ними? Моя уверенность в силе твоего таланта говорит мне — ты мог бы написать эту очень крупную вещь лучше, чем написал. Вот. Но ты торопишься. Куда? Тебе — некуда спешить, поверь мне. Никто тебя не ценит так, как я, и я-то знаю, что ты писатель *не современный*, что и подчеркиваю. Тебя будут не только читать, но и изучать. По сей причине я убеждаю тебя — без результата — относись к себе с большим уважением, чёрт немецкий!

Я рад, что здесь Средиземное море похоже на Ниагару, потому что оно тоже несравнимо выше и грандиознее всего, что о нем говорят и пишут. Народ — жулик, но милый, грязен, но красив, любит деньги, но как ребенок. Употребляет их преимущественно на игру в карты. Капри — кусок крошечный, но вкусный. Только комары ночью кусают. Вообще здесь сразу, в один день, столько видишь красивого, что пьянеешь, балдеешь и ничего не можешь делать. Все смотришь и улыбаешься. Дешево жить.

Вот бы где Дама Шура могла отдохнуть и поправиться! Об этом — подумай.

Ну, пока до свидания! Крепко обнимаю тебя, поздравляю, Шуре целую обе лапки, а маму тоже обнимаю⁵. Кланяюсь тоже всем твоим. Всего доброго, дружище! Пиши!

Когда соберешься — телеграфи: Капри, мне.

Все, около меня живущие, кланяются купно со мной.

А.

Датируется временем приезда Горького на Капри — 20 октября/2 ноября 1906 г. («Летопись», I, стр. 633) и по связи с предыдущим письмом.

¹ Карл Вильгельм Диффенбах (1851—1913) — немецкий художник, с 1900 г. живший на Капри. Горький интересовался живописью Диффенбаха, но религиозно-нравственное направление его творчества решительно осуждал: он посетил мастерскую художника вместе с В. А. Десницким весной 1907 г. (В. А. Десницкий. А. М. Горький. Очерки жизни и творчества, стр. 161—162). 20 марта (2 апреля) 1910 г. Горький побывал на выставке картин Диффенбаха («Летопись», II, стр. 122).

² Морис Метерлинка (1862—1949) — бельгийский поэт-символист и драматург. «Втируша» (второе название «Непрощенная») — пьеса Метерлинка (1890), одновременно с двумя другими — «Слепые» и «Там — внутри» — была поставлена Художественным театром. Премьера этих пьес состоялась 2 октября 1904 г. Точка зрения Горького на пьесу Андреева близка оценке «Жизни человека» Г. В. Плехановым. Сохранился план неосуществленной статьи Плеханова о «Жизни человека», в котором неоднократно отмечается влияние на Андреева Метерлинка и в частности намечена параллель между четвертой картиной «Жизни человека» и пьесой Метерлинка «Там — внутри» («Intérieur») — «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI. М., 1938, стр. 276, 278. Сам Андреев считал «Жизнь человека» опытом создания новой, так называемой «неореалистической драмы». См. Э с П э <С. Л. П о л я к о в>. У Леонида Андреева. — «Русское слово», 1907, № 228, 5 октября.

³ Ладьяжникову.

⁴ Речь идет о монументальном труде А. Н. Афанасьева (1826—1871) «Поэтические воззрения славян на природу», тт. I—III, 1866—1869.

⁵ Анастасия Николаевна Андреева (рожд. Пацковская; 1851—1920) — мать писателя, его «неизменный полувековой друг» (см. письмо к ней Андреева от 25 февраля/10 марта 1918 г. — в кн. Вадим Андреев. Детство. Повесть. М., 1963, стр. 209—216). Андреев посвятил матери пьесу «К звездам». Некоторые черты ее характера приданы им жене Терпиковского Инне Александровне. Под именем Александры Петровны Мадиевой выведена в автобиографической пьесе Андреева «Младость» (сб. «Слово», 6. М., 1916). В ИРЛИ хранится экземпляр первого тома Полн. собр. соч. Андреева (изд. Маркса) с надписью: «Матери моей с глубочайшим уважением и любовью, с величайшей благодарностью. Если я хорошо в этих книгах пишу о всех матерях, то это посвящается Тебе, мамочка, и если я — автор, то Ты, меня много раз родившая, снова и снова своей любовью дававшая мне жизнь, есть автор автора. И вся честь Тебе. Твой с неизменной любовью. Леонид Коточка. 27 января 1914 г.» Из находящихся в ИРЛИ (в копиях) писем Андреева к матери — семь (1904—1918 гг.) опубликованы К. И. Чуковским в «Русском современнике», 1924, № 4; письма А. Н. Андреевой к сыну (автографы) — в ЦГАЛИ.

146. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

(Капри. 22 ... 23 октября/4 ... 5 ноября 1906 г.)

«Елеазар».

И снова скажу: это, на мой взгляд, лучшее из всего, что было написано о смерти во всемирной литературе. Мне кажется даже, что ты как бы приблизился и приближаешь людей к неразрешимой загадке, не разрешая ее, но страшно, близко знакомя с нею. Ее чувствуешь — спокойную, темную, великую своим спокойствием — это удивительно и хорошо. — Превосходно выдержан стиль. Вообще — как литература, как произведение искусства — эта вещь дает мне огромное наслаждение и вызывает славную радость за тебя — молодчина ты! ¹ Как философия — это для меня неприемлемо. Я заражен жизнью и силами ее лет на шестьсот и — чем дольше — тем более оптимистично смотрю на жизнь — хотя у меня нестерпимо болит желудок и зуб. Но — философия твоего рассказа тонет в красоте его формы, как спрут в чудной глубине Неаполитанского залива. Этот залив — и особенно Капри — красивее и глубже любви и женщины. В любви узнаешь все сразу — здесь едва ли возможно узнать всё. Голубой грот. Это воистину сказка, но ее часто рассказывали глупцы и пошляки, а потому она не очень увлекает. Но здесь есть зеленый грот, и это — изваянная музыка Грига, как сказал Иван Павлов ², чуткая душа, которая тебя очень любит, за то я ее люблю еще больше. Дружище! Здесь есть рыбак Спадаро ³, красавец-старик, которого рисуют все художники, — я ездил с ним ловить рыбу, и это было гораздо, неизмеримо чудеснее и красивее загробных видений Лазаря. Ты не обижайся. Приедешь — увидишь. Нравится мне здесь всё и даже люди — это такие славные ребята! Говорят, они — жулики. Жульничество, которое я наблюдал, наивно и смешит, но — не раздражает. Думаю, что буду здесь зимовать — такая масса работы у меня, что пожить здесь полезно. Неаполь — сокровищница великих красот. Одна коллекция Фарнезе — сбивает преклонения ⁴. Вообще — хорошо!

Езжай сюда? Что — немцы? Скучно это — немцы. А на лето — в Норвегию?

Я ничего не имею против смерти — но питаю отвращение к трупам, особенно к тем из них, которых не похоронили почему-то, и они ходят по улицам, женятся, пишут книги, картины, вообще — состоят при жизни, поддерживаемые какою-то инертной силой на двух ногах.

Смерть, если это целостно, закончено и крупно, может быть даже красиво — но умирание — отвратительно всегда — так? Конечно, это трюизм.

И мне страшно хочется, чтобы ты возненавидел умирающих и со всей спокойной, огромной силой твоего таланта добивал их.

Я далек от тебя, как негр от английского лорда, — ты прав! — но я тебя люблю, как индеец ночь своих степей, заманчивую тьму простора их — пишу глупо, но в Италии это простительно, здесь хочется быть ребенком, кувыркаться, ходить колесом и целыми часами, лежа голым на камнях, смотреть на море — вот море, которое даже в бурю улыбается!

Ты подумай — болит живот, зуб, французы ругают ⁵, анархисты надоедают, а у меня в голове веселый чёрт танцует тарантеллу, и я пьян — без вина. Вино здесь — красиво, прежде всего. Потом — оно вкусно и очень легко. Его можно выпить много, но лучше пить мало — жалко, оно так хорошо горит в стакане!

Пишу длинную повесть, она тебе не понравится, а меня увлекает ⁶. Скоро кончу ее и тогда буду писать одну веселую повесть ⁷. Вчера прочитал пьесу Горького «Враги». Прочитав, заметил ему, что он напрасно трудился над этой вещью, — легкомысленно и торопливо. Последнее свойство — собственность Андреева Леонида, — сказал я, — и вы напрас-

АНДРЕЕВ С ЖЕНОЙ А. М. АНДРЕЕВОЙ

Фотография К. К. Буллы. Сняты у И. Е. Репина в «Пенатах», 27 мая 1905 г.

Архив Горького, Москва

но грабите его. Поговорив дружески и просто, советовал ему написать еще пьесу⁸. Он напишет, если не умрет от животной боли.

Ну, достаточно ерунды, я думаю.

Как Дама Шура и новый?⁹ Напиши.

Кланяюсь. Хотел послать письмо с Иваном Павловичем, но он здесь очарован. — Жду Пятницкого¹⁰.

А.

Мне жаль, что «Царя» ты хочешь перестроить в пьесу¹¹ — твой стиль для этих тем — рассказ, и никто не напишет лучше тебя такую вещь, даже, думаю, сам Флобер, мой культ¹². Оставь, а?

Датируется по содержанию.

¹ «Елеазар» написан Андреевым под впечатлением от драмы Флобера «Искушение святого Антония» (перевод Б. Зайцева помещен в 1907 г. в сб. «Знание», кн. 16; в том же году вышло отдельное издание). Андреев познакомился с переводом Зайцева в рукописи. Философская драма Флобера была близка Андрееву своим пессимистическим мироощущением, доминирующими в ней идеями фатализма и безысходности.

² И. П. Ладыжников.

³ Имеется в виду каприйский рыбак Джиованни *Спадаро*, знакомый Горького и русской колонии на Капри. Подробнее о нем см. в статье А. Рубинштейна «Горький и каприйские рыбаки». — Журн. «Рыбоводство и рыболовство», 1962, № 4, стр. 51—53.

⁴ В Неаполе — по возвращении из США в Европу — Горький пробыл с 13 по 20 октября («Летопись», I, стр. 628—633). В местном музее он видел знаменитую коллекцию произведений античного искусства, принадлежавшую знатному итальянскому княжескому роду Фарнезе; впоследствии передана музеем неаполитанским королем.

⁵ Подразумеваются резкие выступления против Горького в связи с его памфлетом «Прекрасная Франция» французских буржуазных общественных деятелей и публицистов Альфонса Олара, Жана Ришара и Жюль Кларти. Горький ответил им «открытыми письмами», опубликованными в журнале «Красное знамя» (Париж), № 6; в переводе на французский язык под общим заглавием «Моим клеветникам» — в «L'Humanité», 1906, № 968, 11 декабря (XXIII, 406—409).

⁶ Повесть «Мать». Отзывы о ней Андреева — см. в настоящ. томе, стр. 520, 525.

⁷ Повесть «Шпион» (первоначальное название «Жизни ненужного человека»).

⁸ В письме к Ладыжникову около 14 ноября 1906 г. Горький сообщил о замысле написать комедию о Павле I: «Я его хорошо вижу и мог бы, думаю, устроить семейству Романовых крупную неприятность» («Архив Горького», т. VII, стр. 147). В начале 1907 г. одновременно с пьесой о Павле I Горький обдумывал еще одну пьесу — «Безумцы»: «Герои — все рабочие, время — московское восстание. Драк — не будет, но — будет пафос» (из письма к Ладыжникову не ранее 11 февраля 1907 г. — «Архив Горького», т. VII, стр. 156).

⁹ См. прим. 1 и 2 к письму 148.

¹⁰ Пятницкий приехал на Капри только 15—16 декабря («Летопись», I, стр. 641).

¹¹ См. прим. 1 к письму 97.

¹² В 1928 г. в статье «О том, как я учился писать» Горький вспоминал об огромном впечатлении, произведенном на него в юности рассказом Флобера «Простое сердце». Относя Флобера наряду с Бальзаком и Стендалем к гениальным художникам и величайшим мастерам формы, он признавал, что эти писатели оказали на него «настоящее и глубокое воспитательное влияние» (XXIV, 486). «Стендаль, Бальзак и Флобер, — писал Горький 24 апреля 1928 г. А. К. Виноградову, — очень много дали мне, и я давно собираюсь рассказать о них современной молодежи, да все не могу выбрать времени» («Литературная газета», 1959, № 38, 28 марта).

147. ГОРЬКИЙ и М. Ф. АНДРЕЕВА — АНДРЕЕВУ

Телеграмма

⟨Капри. 8/21 ноября 1906 г.⟩

Очень волнуюсь. Телеграфируй здоровье Шуры. Целую.

А л е к с е й. М а р и я

⟨Адрес:⟩ Ладыжникову для Андреева Уландштрассе 145 Берлин.

Дата на телеграфном бланке.

148. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Берлин.) 23 ноября/6 декабря 1906 г.)

Милый Алексей! Положение очень плохое. После операции на 4-й день явилась было у врачей надежда, но не успели обрадоваться — как снова жестокий озноб и температура 41,2. Три дня держалась только ежедневными впрыскиваниями кофеина, сердце отказывалось работать, а вчера доктора сказали, что надежды в сущности нет и нужно быть готовым. Вообще последние двое суток с часу на час ждали конца. А сегодня утром — неожиданно хороший пульс и так весь день, и снова надежда, а перед тем чувствовалось так, как будто она уже умерла. И уже священник у нее был, по ее желанию, приобщил. Но к вечеру сегодня температура поднялась, и начались сильные боли в боку, от которых она кричит, и гнилостный запах изо рта. Очевидно заражение проникло в легкие и там образовался гнойник. Если и выздоровеет, то весьма вероятно туберкулез. Но это-то не так страшно, только бы выздоровела ¹.

Сейчас, ночью, несмотря на морфий, спит очень плохо, стонет, задыхается, разговаривает во сне или в бреду. Иногда говорит смешные вещи.

И мальчишка был очень крепкий, а теперь заброшенный, с голоду превратился в какое-то подобие скелета с очень серьезным взглядом ².

И временами ошалеваешь ото всего этого. Третьего дня я все смутно искал какого-то угла или мешка, куда бы засунуть голову — все в ушах стоят крики и стоны. Но вообще я-то держусь и постараюсь держаться. Ведь ты знаешь, она действительно очень помогала мне в работе.

До свиданья. Поцелуй от меня Марию Федоровну.

Твой Л е о н и д

Не удивляйся ее желанию приобщиться, она и всегда была в сущности религиозной. Только поп-то настоящий уехал в Россию, а явился вместо него какой-то немецкий поп, не знающий ни слова по-русски. Служит по-славянски, то есть читает, но, видимо, ничего не понимает. И Шуре, напрягаясь, пришлось приискивать немецкие слова. 23 дня непрерывных мучений!

¹ Александра Михайловна *Велигорская-Андреева* скончалась 28 ноября (11 декабря) 1906 г. от послеродовой горячки. В декабре Андреев приехал к Горькому на Капри.

Велигорская была верной спутницей Андреева, первым критиком его произведений. Андреев посвятил ей рассказ «Ангелочек» (1899), второй том сочинений (изд. «Знание», 1906), драму «Жизнь человека» (1906) и посмертно — рассказ «Проклятие зверя» (1908). В бумагах Андреева вместе с черновыми вариантами «Жизни человека» находилась следующая записка, датированная 2 октября 1907 г.: «Эту рукопись я завещаю после моей смерти Вадиму. Это последняя, над работой в которой принимала участие его мать. В Берлине, по ночам, на Auerbachstrasse, кажется 17 (против станции), по ночам, когда ты спал, я будил, окончив работу, мать, читал ей, и вместе обсуждали. По ее настоянию и при ее непосредственной помощи я столько раз переделывал „Бал“. Когда ночью ей, сонной, я читал молитвы матери и отца, она так плакала, что мне стало больно <...> И я помню, навсегда, ее лицо, ее глаза, как она на меня смотрела. И почему-то была бледная. И последнюю картину, „Смерть“, я писал на Herbertstrasse, № 26 в доме, где она родила Даниила, мучилась десять дней началом своей смертельной болезни. И по ночам, когда я был в ужасе, светила та же лампа» (Собрание Вадима Леонидовича Андреева. Вошло в кн.: Вадим А н д р е е в. Детство. М., 1963, стр. 13—14. См. о Велигорской там же, стр. 5—16 и 155—159).

² Сохранилась записка Горького, адресованная в духовную консисторию (была передана в церковь Спаса Преображения на Песках в Москве, где крестили Даниила) 11 марта 1907 г.: «Сим заявляю о желании своем быть крестным отцом сына Леонида Николаевича Андреева — Даниила. Алексей Максимович Пешков».

В метрической записи в графе «восприемников» указано: «Города Нижнего-Новгорода цеховой малярного цеха Алексей Максимович Пешков» (оба документа сообщены В. П. М и т р о ф а н о в ы м. Ныне переданы в АГ).

О Данииле Андрееве — см. стр. 570 настоящ. тома.

〈Куоккала.〉 22 июля 〈4 августа 1907 г.〉

Живу я широко и весело. Куоккала, песок, терраса, через забор смотрят дачники, спрятаться некуда, Гуковский¹, Пильский², Лазаревский³, Тан⁴, Миролюбов, Чуковский⁵, Рославлев⁶, Каменский⁷, Василевский⁸, Чеботаревская⁹, Пильский. И прочие. Дамы. Девицы. Убийцы. И подающие надежды. Сколько обиженных! А у меня сердцебиение. Спрятаться некуда. Спасаясь на день, на два на Черную речку, но и там — пронюхали. Купил там кусочек горки и строю крепость, буду прятаться зиму и лето. Будет потайная комната, куда лазать на четвереньках. В голове кавардак, как буду осенью работать — не знаю. В Териоках на летней сцене изнасиловали «Савву» и «К звездам»¹⁰. Газеты брешут изумительно. Есть «рисунок с натуры», как на меня покушались¹¹, и я почему-то похож на Арцыбашева, гундосый. Писали, что я играю в «Жизни человека». Некто в сером¹², и гимназисты приходят ко мне за билетиком. Есть серьезная критическая статья, например, «Как прохвосты делаются знаменитыми»¹³. Все доказано. В доме у меня: три брата и одна сестра¹⁴, с женами, мужьями и детьми. Дидишка¹⁵ счастлив. Недавно его покусала собака, думали, что бешеная, исследовали — нет. А доктор, который лечил его, стал ходить в гости — ужасно! Послезавтра еду в Москву на две недели, а потом — работать.

Конечно, я давно написал бы тебе, но — понимаешь? Рука не подымается. А жизнь тут интересная. Нечто любопытное происходит в литературе — об этом напишу тебе подробно.

А сейчас — дело. Нужно собирать материал для сборника, вообще начать редакторствовать¹⁶. Нужно приглашать новых (на одних старых никуда не уедешь, жизнь уходит от них), а я и не знаю, насколько в этом случае я могу быть самостоятелен. По-моему, например, необходимо пригласить теперь же: Блока, Сологуба, Ауслендера¹⁷, еще кой-кого. — Как бы не вышло у нас недоразумений? Вообще, веришь ли ты, что я не подведу? Выбор материала будет у меня параллелен моей собственной работе: «буду помещать только то, что ведет к освобождению человека». Точнее формулировать трудно, ибо все в конце концов дело такта и понимания. Так вот: как ты думаешь?

Очень мешает отсутствие Константина Петровича. Некоторые просят аванса, и дать необходимо, а как я могу? И вообще получается какая-то неопределенность. «Шиповник» же действует энергично. Когда придет Константин Петрович? И как жаль, что ты не едешь на зиму в Финляндию.

Милый друг, не сердись за краткость. Правда — нездоровится. Доктор щупал меня и нашел расширение сердца — на 3½ пальца. Это мешает дышать. И кроме того: всё те же призраки стоят надо мною¹⁸.

Поцелуй Марусю.

Твой Леонид

Куоккала, дача Фиельд.

На письме помета Пятницкого: «1907».

¹ Александр Исаевич *Гуковский* (1865—1925) — публицист, сотрудник «Русского богатства», эсер. После Октябрьской революции эмигрировал.

² Петр Моисеевич *Пильский* (1876—1942) — писатель, фельетонист и критик. Печататься начал в 1901 г. в «Курьере». Посвятил Андрееву рассказ «Власть смерти» («Курьер», 1903, № 172, 174, 176, 19, 21 и 23 августа). Прапорщиком артиллерии участвовал в русско-японской войне. В конце 1906 г., предлагая «Знанию» опубликовать в дополненном виде свою работу «Армия и общество» («Мир божий», 1906, № 6—7), писал Пятницкому: «...издаться у вас, в „Знании“, — для меня было бы

ГОРЬКИЙ

Фотография Андреева, Капри, январь 1907 г.

Собрание В. Л. Андреева, Женева

большим счастьем. Это, конечно, сразу перевернуло бы многое в моем литературном и даже чисто материальном положении» (АГ). Предложение это Горьким и Пятницким было отклонено. Пильский стал относиться к «Знанию» враждебно и распространять провокационные слухи о том, что издательство находится накануне финансового краха (см. письмо Андреева к Чирикову от 8 февраля 1907 г. — ГИБ). Автор «сенсационной» брошюры «Охранный шпионат» (СПб., 1906). В годы реакции печатал фельетоны в «понедельничной» газете «Свободные мысли» (1908), отвечавшей вкусам литературной богемы. Против его нападков на марксистский публицистический сборник «Литературный распад» выступил В. В. Воровский в статье «О буржуазности модернистов» («Одесские новости», 1908, № 7550, 7551, 10 и 11 мая; то же: В. В. Воровский. Сочинения, т. II. М., 1931, стр. 348—365). Фельетоны

Пильского той поры собраны в его книгах: «Критические статьи» (т. I. СПб., 1908) и «Проблема пола, половые авторы и половой герой» (СПб., 1909). В 1913 г. редактировал газету «Одесский понедельник»; в 1917 г. — редактор-издатель журнала «Эшафот» (Петроград). После Октябрьской революции — эмигрант.

³ Горький и Андреев отзывались о творчестве Бориса Александровича Лазаревского (1871—1936) с большой сдержанностью. В конце 1901 г. Горький отклонил его предложение печататься в «Знании» (XXVIII, 213). Позже Горький охарактеризовал Лазаревского как бесталанного литератора (письмо к Миролюбову после 7 января 1912 г. — XXIX, 215). Андреев, как и Горький, относил Лазаревского к эпигонам Чехова (письмо Андреева к Лазаревскому от 4 июня 1910 г. — «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 119, 1962, стр. 386). Переписка Андреева с Лазаревским относится к тому времени, когда тот пытался завязать деловые отношения с «Шиповником» (см. письмо Лазаревского к Андрееву от 3 февраля 1909 г. — ЦГАЛИ, и недатированное письмо Андреева к нему, помеченное адресатом 26 января 1909 г. — ИРЛИ).

⁴ *Тан* — литературный псевдоним Владимира Германовича Богораза (1865—1936) — писателя, публициста, этнографа. В 1889 г. за принадлежность к партии «Народная воля» был сослан на Колыму. По возвращении в Россию печатался в журналах «Начало», «Жизнь», «Правда» и др. В 1906 г. — один из основателей мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии. В мировую войну — обозреватель, сотрудник «Русской воли». После Октябрьской революции был профессором Ленинградского государственного университета, заведующим отделом Музея антропологии и этнографии и директором Музея истории религии АН СССР. Собрание сочинений Тана (тг. 1—10) вышло в 1910—1911 гг. (СПб., «Просвещение»). См. также его статью: «„Жизнь Человека“ во всероссийской постановке. (К трехлетию смерти Л. Андреева)». — «Россия», 1922, № 3, октябрь, стр. 13—19.

⁵ Корней Иванович Чуковский (р. 1882) — писатель и литературовед, автор книг «Леонид Андреев большой и маленький». СПб., 1908; «О Леониде Андрееве». СПб., 1911. Воспоминания о встречах с Андреевым — см. в кн.: К. И. Чуковский. Люди и книги. 2-е изд., доп. М., Гослитиздат, 1960, стр. 492—513 (здесь опубликованы и письма Андреева).

⁶ Александр Степанович Рославлев (1883—1920) — писатель, примыкавший к символистам. Широкую популярность приобрела его «Новогодняя песня» («Над полями да над чистыми...»), ставшая народной (напечатана в журн. «Пробуждение», 1908, № 1, стр. 19—20). Стихотворение Рославлева «Иуде» Горький назвал в числе произведений, посвященных прославлению Иуды (см. письмо 166). Горький вспоминал, что это стихотворение Рославлев читал в 1903 г. на квартире С. А. Скирмунта (см. письмо Горького к неустановленному лицу, без даты; предположительно 1913 г. — АГ). Впоследствии в воспоминаниях об Андрееве Горький писал, что это стихотворение навело Андреева на мысль написать рассказ «Иуда Искариот». Тематически стихотворение Рославлева действительно близко к этому рассказу, но напечатано оно было позже (в августовском номере журн. «Образование» 1907 г.; затем вошло в сборник Рославлева «В башне». СПб., 1907).

⁷ Анатолий Павлович Каменский (1877—1941) — писатель. В годы реакции приобрел сомнительную известность произведениями, трактовавшими «проблему пола». После Октябрьской революции — эмигрант. Горький резко осудил рассказ Каменского «Четере» («Пробуждение», 1907, № 3 и 5). «Нарисованное вами животное, — писал он автору в декабре 1906 г., познакомившись с рассказом еще в рукописи, — кажется мне утрированно грубым. Психологически трудно допустить в наши дни существование такого скота <...> Не вижу читателя, которого он <рассказ> может заинтересовать в наше время, трагическое, полное великих событий, потрясающих весь мир» (Н. Пенчковский. Горький о писателе. — «Лит.-худ. сб. „Красной панорамы“», Пг., 1923, декабрь, стр. 56; письмо Пенчковским датировано ошибочно — «Архив Горького», т. IV, стр. 192). Андреев разделял мнение Горького о Каменском и «порнографическом направлении» в буржуазной беллетристике (см. его интервью в настоящем томе, стр. 524—526).

⁸ Речь идет, вероятно, о журналисте Илье Марковиче Василевском (псевдоним: «Не Буква»; 1882—1938), сотрудничавшем многих либеральных периодических изданий. В 1908 г. — издатель журнала «Образование». В годы реакции — один из организаторов и ближайший сотрудник газеты «Свободные мысли». В 1916—1917 гг. — редактор еженедельника «Журнал журналов». После Октябрьской революции работал в советской печати.

⁹ Анастасия Николаевна Чеботаревская (1875—1922) — писательница, переводчица, жена Ф. К. Сологуба. Издала книгу «О Сологубе. Критика. Статьи и заметки» (СПб., 1911), составленную из хвалебных отзывов о творчестве мужа. В период особенного сближения Андреева с Сологубом Чеботаревская с восхищением высказывалась о вызывавшей много нареканий военной публицистике Андреева, а о его сборнике статей «В сей грозный час» (Пг., 1915) писала: «...отражена большая душа и благородная мысль чисто русского <...> характера без малейшего уклона к шовинизму, но с твердым и ярко выраженным чувством национального осознания» («День», 1915, № 151, 1 июня).

¹⁰ О постановке «Саввы» — см. прим. 1 к письму 139. «К звездам» были поставлены 27 мая 1907 г.

¹¹ Газеты писали, что 28 июня 1907 г. в Териоках на Андреева было совершено нападение неизвестными людьми, которые дважды выстрелили в него и скрылись. «Загадочная история» породила разноречивые толки (см., например, «Петербургскую газету», № 176, 30 июня и др.). Рисунок на эту тему был помещен в воскресном номере газеты «Петербургский листок», 1907, № 177, 1 июля.

¹² О намеченном на 22 июля в Териоках спектакле «Жизнь человека» с Андреевым в роли Некто в сером писала газета «Русь», 1907, № 183, 15 июля.

¹³ Так называлась статья за подписью «Свой» («Вече», 1907, № 63, 3 июля). Статье предшествовала анонимная заметка по поводу покушения на Андреева: «Писатель-безбожник захотел прославиться» (№ 62, 1 июля).

«Свой» — псевдоним Владимира Владимировича Оловеникова (1872—1908) — журналиста-черносотенца. Исклученный в 1896 г. за «жизнь нетрезвую, разгульную» из Московского университета, некоторое время перебивался изданием календарей, мелких справочников; печатал театральные рецензии; безуспешно хлопотал о разрешении выпускать «Московский театральный листок» (см. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1165). С 1905 г. редактировал и в 1907—1908 гг. издавал в Москве погромную черносотенную газету «Вече». В 1906—1907 гг. участвовал в издании реакционного еженедельника «Кнут». За «компрометацию» правительственной политики «Вече» в 1910 г. было закрыто, но возобновилось в 1911 г. под заглавием «Старое вече».

¹⁴ Подразумеваются братья Л. Андреева — Всеволод (ок. 1877—1916) — служил при Московском окружном суде, Павел (см. прим. 2 к письму 13), Андрей (см. прим. 4 к письму 71) и старшая сестра Римма (1881—1941, по второму мужу — Оль) — большая поклонница таланта Л. Андреева, автор неопубликованных воспоминаний о нем (хранятся у ее сына Л. А. Андреева) и очерка «Мать Леонида Андреева» («Россия», 1925, № 4). После Октябрьской революции передала в ИРЛИ часть архива писателя и его личные вещи.

¹⁵ Сын Андреева — Вадим.

¹⁶ Переговоры о передаче Андрееву редактирования литературно-художественных сборников «Знание» велись на Капри в начале 1907 г. 22 января Андреев писал Серафимовичу: «С осени я переежаю в СПб. и становлюсь редактором знаиеских „Сборников“. И Горький и Пятницкий, после продолжительных со мною разговоров, почувствовали, наконец, что дело неладно. И хочу я к работе привлечь всю компанию: тебя, Чирикова, Зайчика <Б. К. Зайцева> — сообща соорудить такие сборники, чтобы небу жарко стало! Будут у нас и собрания — и журналы, — в грязь лицом не ударим! <...> В сборнике будут только шедевры» («Московский альманах», 1. М.—Л., 1926, стр. 299).

¹⁷ Сергей Абрамович Ауслендер (1888—1943) — писатель и драматург. В «Знании» не печатался.

¹⁸ Андреев продолжал находиться в состоянии тяжелой душевной депрессии после смерти жены.

150. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Капри. 26 ... 30 июля/8 ... 12 августа 1907 г.>

О пределах твоей власти тебе напишет или скажет лично Константин Петрович, который скоро едет в Финляндию, а я скажу о литературе.

Мое отношение к Блоку — отрицательно, как ты знаешь¹. Сей юноша, переделывающий на русский лад дурную половину Поля Верлена², за последнее время прямо-таки возмущает меня своей холодной манерностью, его маленький талант положительно иссякает под бременем философских потуг, обессиливающих этого самонадеянного и слишком жадного к славе мальчика с душою без штанов и без сердца. Нет, ты его оставь в покое года на три, может быть он подрастет за это время и научится говорить искренно о простых вещах — о том, что сейчас кажется ему изумительно премудрым и что уже сказано во Франции сильнее и красивее, чем это может сделать он.

Старый кокет Сологуб, влюбленный в смерть, как лакеи влюбляются в барынь своих, и заигрывающий с нею всегда с тревожным ожиданием получить от нее щелчок по черепу; склонный к садизму Сологуб — фигура лишняя в сборниках «Знания». Будь добр, не беспокой его ветхие дни и

будь уверен, что он еще раз не напишет «Мелкого беса», — единственную вещь, написанную им как литератором — с любовью, и, по-своему, красиво.

Нельзя понять, что скажет Ауслендер далее, но я ничего не имею против (н)его, как ничего не имею против Сомова ³, например.

Я просил бы тебя подумать над тем, что «освобождение человека», — слова сказанные тобою, в письме ко мне, имеют содержание чрезвычайно глубокое, и что этому «освобождению» названные тобою люди — служить не в силах. Все это — старые рабы, люди, которые *не могут* не смешивать свободу с педерастией, например, для них «освобождение человека» странным образом смешивается с перемещением его из одной помойной ямы в другую, а порою даже низводится к свободе члена и — только.

Сборники «Знания» — сборники литературы демократической и для демократии — только с ней и ее силою человек будет освобожден. Истинный, достойный человека индивидуализм, единственно способный освободить личность от зависимости и плена общества, государства, будет достигнут лишь через социализм, то есть через демократию. Ей-то и должны мы служить, вооружая ее нашей дерзостью думать обо всем без страха, говорить без боязни.

Указанные тобою Сологуб и Блок — боятся своего воображения, стоят на коленях пред своим страхом — куда уж им человека освобождать!

Зайцев, Башкин ⁴, Муйжель ⁵, Ценский ⁶, Лансьер ⁷, Л. Семенов ⁸ и еще некоторые из недавних — вот, на мой взгляд, люди, с которыми ты мог бы сделать хорошие сборники.

Некоторые из них любят литературу искренно и горячо, а не одеваются в нее для того, чтобы обратить внимание читателя на ничтожество и нищенство своего «я», — которое они, мысленно, произносят всегда с большой буквы, этим желая увеличить его значение, — ибо чем бы другим они увеличили его?

Очень противный народ, нищие духом!

Здесь — удивительно.купаюсь, ловлю рыбу, пишу.

Жаль, что ты затеял эту постройку — через год она будет тебе невыносимо противна. Через два — ты ее подожжешь. Не забудь застраховать, как это делают опытные люди.

Читаю много «новой» литературы — Кузмина ⁹, «Северные альма-нахи» ¹⁰, «Белые ночи» ¹¹, «Весы» и все прочее. Уверен, что двадцать пять лет тому назад мне это доставляло бы удовольствие.

Жму руку. Пиши.

А.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ Отношение Горького к Блоку было очень сложным. Несправедливо суровый отзыв Горького о поэзии Блока в комментируемом письме во многом объясняется тем, что Горький не был знаком со всем творчеством Блока. На Капри Горький не почувствовал духовной драмы поэта, искренно стремившегося порвать с ненавистным символистским окружением, его мучительные поиски путей к большой «священной русской литературе». Вместе с тем творчество поэта привлекало внимание Горького. 18 августа 1908 г., в письме к Брюсову он сообщил, что берет с собой в путешествие по Италии книгу Блока «Нечаянная радость». М., 1907 (XXIX, 75). В 1915 г. Горький привлек Блока к участию в «Летописи» и в издательстве «Парус», предложил ему заняться переводами армянских, финских и латышских поэтов. В 1918 г. Блок был приглашен в организуемое под непосредственным руководством Горького издательство «Всемирная литература». В письме к Д. Н. Семеновскому (лето 1919 г.) Горький назвал Блока поэтом и человеком «бесстрашной искренности» (Дм. Семеновский и Г. А. М. Горький. Письма и встречи. Изд. 2-е. Иваново, 1961, стр. 109), а в 1926 г. в письме к А. Я. Цинговатову писал: «В общем же Блок изумительно красив, как поэт и как личность. Завидно красив» (АГ). См. также воспоминания Горького о Блоке (1923) — XV, 327—334). 9 ноября 1930 г., в письме к К. А. Федину, отказы-

ваясь писать предисловие для собрания сочинений Блока, предпринятого «Издательством писателей в Ленинграде», Горький вновь подчеркнул свои расхождения с Блоком: «Мизантропия и пессимизм Блока — не сродни мне, а ведь этих его качеств — не обойдешь, равно как и его мистику <...> Вообще — у меня с Блоком „контакта“ нет. Возможно, что это — мой недостаток» (ХХХ, 191, 192). О взаимоотношениях писателей — см. Н. Венгров. А. Блок и М. Горький. — «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 200—261; его же: Путь Александра Блока. М., 1963; И. В. Сергиевский. Горький и Блок. — В его кн.: Избранные работы. Статьи о русской литературе. М., 1961, стр. 108—127; Вс. Рождественский. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М. — Л., 1962, стр. 178—181.

² Поль Верлен (1844—1896) — французский поэт, один из основоположников символизма. Об отношении Горького к Верлену — см. в его статье «Поль Верлен и декаденты» (ХХIII, 124—137).

³ Константин Андреевич Сомов (1869—1939) — художник, входил в группу «Мир искусства».

⁴ Василий Васильевич Башкин (1880—1909) — беллетрист, сотрудничал в «Журнале для всех», «Русском богатстве» и др. Рассказы Башкина выпущены изд-вом «Общественная польза», тт. I, III (1909—1910) и «Звено», т. II (1910).

⁵ Виктор Васильевич Муйжель (1880—1924) — беллетрист либерально-народнического направления. См. о нем раздел «Андреев о Горьком», № 94.

⁶ О Сергееве-Цеском — см. прим. 3 к письму 151.

⁷ Очевидно — Евгений Евгеньевич Лансере (1875—1945) — художник, иллюстрировал, в частности книгу Андреева «Царь-Голод» (изд-во «Шиповник». СПб., 1908). Башкин и Лансере в революцию 1905 г. сотрудничали в сатирических журналах.

⁸ Леонид Дмитриевич Семенов (1880—1917) — поэт-символист, товарищ Блока по историко-филологическому факультету Петербургского университета. Сотрудничал в журнале «Новый путь» (статьи о театре и драма «Около тайны» — 1903, № 5). В 1905 г. в издательстве «Содружество» выпустил «Собрание стихотворений». В 1906 г. оставил литературную деятельность и «ушел в народ». За антиправительственную агитацию среди крестьян был подвергнут тюремному заключению на год. Сблизился с одним из ранних русских поэтов-декадентов, впоследствии сектантом А. М. Добролюбовым. В 1907 и 1908 гг. был в Ясной Поляне у Толстого, которому читал отрывки из своего рассказа о смертной казни (по рекомендации Толстого рассказ напечатан в «Вестнике Европы», 1908, № 8). В 1908 г. работал на шахтах. Автор сборника «У порога неизбежности. Листки» (альманах изд-ва «Шиповник», 1909, кн. 8). В 1911 г. был арестован вторично и сдан в солдаты. Убит бандитами в деревне Гремячке на Украине.

⁹ Михаил Алексеевич Кузмин (1875—1936) — поэт, драматург и переводчик. Сотрудник журналов «Весы», «Золотое руно», «Аполлон» и др. В полемических выступлениях «Весов» противопоставлялся реалистической литературе. Говоря о возрождении поэзии в русской литературе, Горький называл обычно и имя Кузмина (см., например, ХХIX, 19).

¹⁰ «Северные цветы» — альманах, издававшийся с 1900 по 1911 г. изд-вом «Скорпион» (1899—1916), объединявшим символистов.

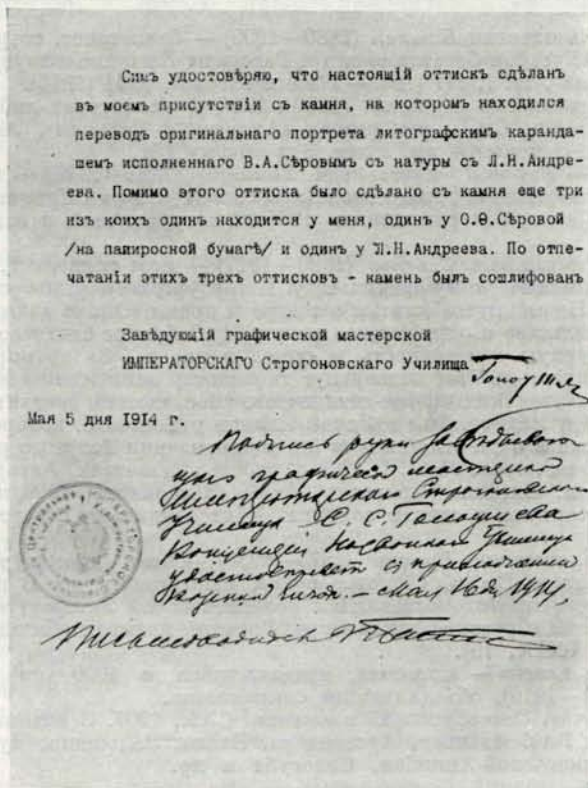
¹¹ «Белые ночи». Петербургский альманах. СПб., 1907. В альманахе опубликованы произведения Вяч. Иванова, Ауслендера, Блока, Волошина, Чулкова, Кузмина, Городецкого, Зиновьевой-Аннибал, Сологуба и др.

151. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург.⟩ 13 августа ⟨1907 г.⟩

Милый мой Алексеюшка! Самое плохое во всей этой истории то, что ты — боюсь — рассердишься на меня. И это было бы очень тяжело. Отношусь я к тебе с великой любовью, с великой дружбой; понимаю тебя как очень немногие; и быть может, среди всей русской пишущей братии, и не пишущей братии, один только я, твой друг и верный союзник, верно оцениваю твоё положение, твой теперешний status. И то, что здесь считается твоим падением («социал-демократ, увлекается политикой и оттого талант падает»¹), один только я верно оцениваю как новый подъём на новую огромную, небывалую высоту. И это понятно: когда люди стоят вверх ногами, небо кажется им ямой и полёт — падением. Ещё больше скажу тебе: едва ли есть в России, а быть может и в мире, человек, чей дух

стоял бы так высоко, как твой. И если теперешние писания твои не удаются тебе и еще долго не будут удаваться, то причина — в новизне и гениальности твоего нового, теперешнего, мироощущения, мирочувствования. Бывают минуты, когда литература становится маленькой — [ибо что такое литература? Слова — приемы — абзацы и главы — чернила и перо. Все это узенькое, тесное, скрывающее и беспушно лживое. Все слова, как дешевая колбаса, начинены всякой дрянью, — как трудно, как невозможно построить из них то безгранично новое, совсем новое, что является сейчас душою твоею, перед чем самое тело твое и рука твоя и мысль твоя являются старыми.

ДОКУМЕНТ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ, ЧТО АВТОРОМ ЛИТОГРАФИРОВАННОГО ПОРТРЕТА АНДРЕЕВА ЯВЛЯЕТСЯ В. А. СЕРОВ

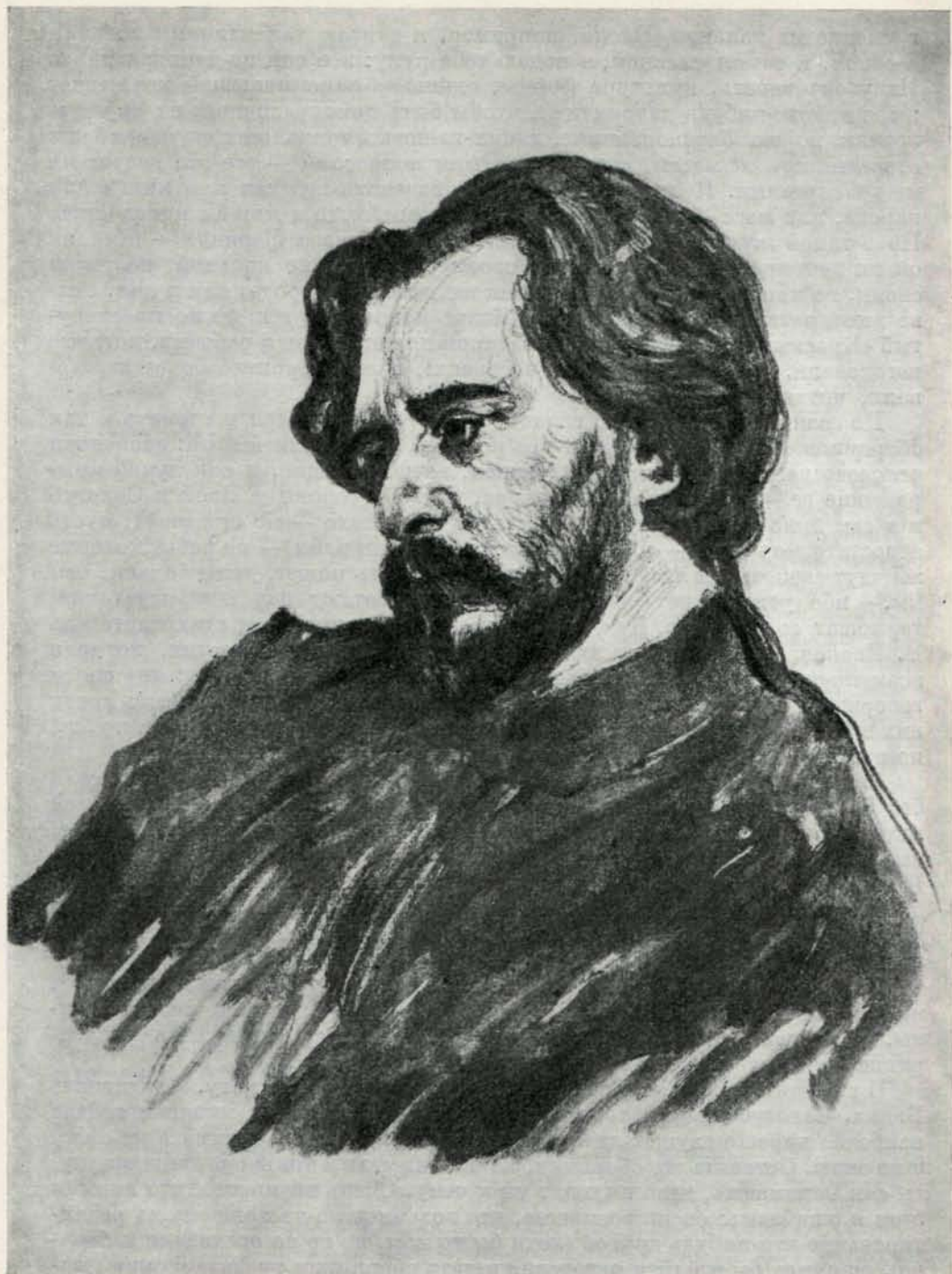
Подписан С. С. Голоушевым (С. Глаголем) 5 мая 1914 г.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Понимаешь теперь, как было бы мне горько, если бы ты, прочтя ниже следующее — неверно меня понял, осудил бы меня, и я стал бы для тебя, как и те, о ком ты пишешь в последнем письме.

Дело же в том, что я отказываюсь вести сборники «Знания», и причина в различном отношении нашем к писателям и более того — в различном отношении к самой задаче сборников. Боюсь, что как плохой теоретик я не в состоянии буду ни достаточно точно, ни достаточно убедительно изложить мои взгляды на это дело, но — ты постарайся по-дружески понять меня.

В оценке Блока, Сологуба и прочих «декадентов» я в значительной степени, как ты знаешь, согласен с тобой. Расходясь с тобою (частью)

АНДРЕЕВ

Литография В. А. Серова

Один из четырех существовавших оттисков портрета, 1907 г.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

в оценке их таланта (Блока, например, я считаю талантливым весьма), в одном, и самом главном, я подаю тебе руку: все они не демократичны. Их утонченность, культура формы, слишком напоминающей кружевное жабо какого-нибудь дворянчика, чтобы быть демократичной; их смутные поиски, порою барсколенивые, каких-то новых тончайших ощущений, их оторванность от массы, с ее проклятыми вопросами — все это делает их не демократами. И если бы я вздумал издавать журнал или книги для народа, для масс — они были бы последними, кого я мог бы пригласить. Но в такой журнал я не пригласил бы и Андреева Леонида — ибо как он ни демократичен по существу своему, — по форме писаний, по темам своим, по направлению мысли он так же далек от народа, как и они. Разве демократичен «Елеазар» или «Жизнь человека», или даже пресловутый «Красный смех»? Отнюдь. И недаром пишет Львов о рабочих, которые негодовали, читая мою «Жизнь человека», и еще вероятно более негодовали, читая «Елеазара»².

Но если принять другую задачу, ту, которую я хотел поставить и для сборников «Знания», то станет все по-другому. Задача же эта: свободная человеческая мысль, вечно пытающаяся, вечно ищущая, и как лучшее выражение ее — искусство, литература. С этой стороны и Блок и Сологуб и я сам приобретают иную ценность. Пусть плохо — но они ищут; пусть недостаточно мудро — но они мыслят; пусть они рабы — но рабы, которые жаждут свободы. И литературу они любят, быть может, даже больше, чем мы, — ибо утверждают ее самоцельность, работают над нею неустанно, тормозят ее ежечасно. Даже этот холодный выдумщик и стихослагатель В. Иванов, которого я не люблю, даже эта ихняя педерастия, которая возмущает меня и вызывает тошноту, — все это, даже в уродстве своем говорит о любви к литературе, о беспокойной мысли. Конечно, есть среди них и бездарности, и просто жулики, прохвосты, просто педерасты, и т. д., но это уже не литература, и говорить об этом не стоит.

Конечно, в сборниках «Знания» можно было бы свободно обойтись и без Блока, и без Сологуба — если бы с другой стороны были в текущей литературе писатели духа демократического и в то же время талантливые, ищущие богатое содержанием и формой. Был бы, другими словами, выбор. Но его нет. Ведь даже те, на кого ты указал, как на подходящих: Зайцев и Ценский, отнюдь не демократичны, и одною половиною своею весьма плотно прилегают к тем, потусторонним. Возьми Ценского «Мертвецкую»³ или зайцевских «Скопцов»⁴ — что это такое? Демократичное же — или бесталанно, или грубо-лениво, как почтеннейший Степан Гаврилыч⁵, не желающих ни думать, ни учиться, либо, в лучшем случае, посредственны. Талантливых же и работающих, как, например, Серафимович и Чириков, раз-два и обчелся.

И выходит отсюда, что редактировать сборники я не могу. Пригласить Блока, Сологуба и др., то есть тех, которые, по моему мнению, сейчас наиболее хорошо служат литературе мысли, я не могу; других я не вижу и не знаю. Оставить же сборники, какие они есть и только ставить марку, ты сам понимаешь, дело выходит ни к чему. Очень возможно, что во всем этом я ошибаюсь; очень возможно, что возьмись по-настоящему за редактирование кто-нибудь другой (хотя бы ты сам, но не на отдалении и горячо), он сумел бы и найти писателей и дать сборникам ту физиономию, какую ты хочешь. Но я — не могу.

Наконец, вот еще какое соображение. Размышляя о своем редакторстве и редакторстве вообще, я пришел к выводу, что оно должно быть единоличным, а не коллективным, как думал раньше. Ибо редактировать, как и сочинять рассказы, нужно так, чтобы наиболее полно выражалась и в рассказах (своих или чужих) воплощалась твоя личность. И будь бы мы с тобою совершенно согласны, выходило бы так, что редактирую я

[illegible]

U n. qom eb2, emonhu, kt u- shidie shouloqqla,
• fuaw, mu shoufo-q-ru6-u-cm6 moe sur uoqu-maf u 50%
ofatun!

Сейчас-то в Бюро Трудом. М. В. К. . сразу же
Трудовая и сп. 652 . common hybrid.

Вопрос 1.2. М.О. уполномочен а действа и мисията
 на теорията е, че в този момент време и пространство.
 А в, че теорията е, че мисията на теорията е, че
 и теорията е, че мисията е, че теорията е, че

Сенгэг мунд тогт. Хөдөлгөөн! Нэмэгдсэн
мөхт - үргэлжлэх хөдөлгөөн. А. Төгсөг мунд
амьдрал.

Then found

A bk cheepu = a Mocken!

Поиск или Тунгус в СМБ: Канешноостровский
ул. г. 13. Кв. 20. До ф. Саме манг сафонт и Сувят.

АВТОГРАФ ПИСЬМА АНДРЕЕВА К ГОРЬКОМУ ОТ 13 АВГУСТА 1907 г.

Лист последний

Архив Горького. Москва

один, или ты один, безразлично. А раз мы расходимся — нас будет двое, и будет ерунда.

Не сердись на меня, Алексеюшка! Мне очень жаль, что так выходит, но ничего ведь не поделаешь. И разногласие наше, достаточное для того, чтобы я не мог редактировать сборниками, по существу не заходит глубоко и — для меня, по крайней мере, — нисколько не задевает и не колеблет нашей глубочайшей и крепчайшей внутренней связи. И если ты даже рассердишься на меня и скажешь пренебрежительно: «а ну его к чёрту с его педерастами!», я увижу в этом только коротенькое недоразумение, и больше ничего.

Упущений от того, что я теперь отказываюсь, никаких не будет, ибо до приезда Пятницкого я возьму его функции на себя и буду добывать материал от старых сотрудников. Дадут рассказы Зайцев и Муйжель.

Дела личные. Был две недели в Москве. Завтра сажусь работать. Отработанный рассказ, очень скользкий по теме, пришлю тебе для суждения; вызывает во мне некоторые сомнения ⁶. Потом пишу «Царя-Голода» для сборника ⁷. Потом «Навуходоносора» ⁸ (пиесой, и совершенно в новом виде!).

Насчет дома глубоко ошибаешься. Ты знаешь мое давнишнее мечтание — уйти из города совсем ⁹. И вот я уйду из него — в глушь, в одиночество, в снега. Ведь люди не помогают моей работе, а только мешают ей — и как я буду там работать! Накопилось во мне много, и я уже чувствую, как оттуда, из тишины той, я буду бросать в мир какие-то слова — большие — сильные! А эта канитель, что зовется жизнью в городе, на людях, выматывает у меня душу совершенно зря. Как много будет книг, какая тишина! А захочу шуму — СПб. в двух часах, а там «Вена» ¹⁰, Женечка и Ванечка ¹¹, педерасты!.. И я уже чувствую, как однажды ты будешь жить у меня месяц и два и работать с скрежетом зубным, с ожесточением. А кругом снег — снег — снег!

И на дом свой я смотрю как на орудие производства, и знаю, что производительность мою он поднимет на 50 %. Факт!

Серафимович заболел тифом. Только и знаю из его телеграммы с просьбой о сотне рублей.

Целую тебя, Марии Федоровне привет со всякими пожеланиями. Все же удивляюсь я, как вы там ухитряетесь жить на Капри. А я, как увижу во сне Моргана ¹², так начинаю трястись и трясусь двое-трое суток.

Сегодня тут шторм. Настоящий! Поломало все мостки и утопило какую-то барышню. А третьего дня — студента.

Твой Л е о н и д

А как скверно в Москве!

Пиши мне теперь в СПб.: Каменноостровский пр., д. 13, кв. 20. Должно быть меня сажать не будут.

На письме помета Пятницкого: «1907 г.»

¹ Подразумевается открытая статьей Д. В. Философова «Конец Горького» («Русская мысль», 1907, № 4) кампания буржуазной печати против писателя в связи с выходом его произведений, посвященных революционной борьбе — повести «Мать» и пьесы «Враги».

² Речь идет о статье Львова-Рогачевского «Из жизни и литературы „Шаги смерти“». (По поводу «представления» Л. Андреева „Жизнь человека“ и рассказа Л. Андреева „Елеазар“). Автор приводит слова одного из рабочих, присутствовавших на чтении «Елеазара»: «Да что вы нас тащите к смерти, мы еще не жили (<...> Разве не был мертв наш народ? „Мертв в законе“ и в жизни, а теперь он, как Лазарь, воскрес. Чего смеетесь! Да, — мы Лазарь воскресший! Но мы не похожи на Елеазара Л. Андреева: тот, кто поглядел нам в глаза, тот прочел там жажду жизни и борьбы, и стыдно теперь „петь Лазаря“, как поют на ярмарках слепцы, вымаливая подавание. Мы хотим жить! Пусть возьмут себе и уничтожение и приговор слепого Рока те проклятые мертвецы, которые душат нас, живых... Мы же возьмем „живое“ для жизни» («Образование», 1907, № 3, стр. 62).

³ Сергей Николаевич *Сергеев-Ценский* (1876—1958) опубликовал под заглавием «Мертвецкая» в журнале «Образование», 1907, № 3, отрывок из романа «Бабаев».

⁴ Рассказ Зайцева «Скошцы» был напечатан в «Новом пути», 1904, июль.

⁵ Скиталец.

⁶ Речь идет о рассказе «Тьма», работу над которым Андреев закончил 20 сентября 1907 г. В бумагах Андреева сохранились два черновых наброска рассказа. Первый (12 л., без заглавия: «С каждым часом круг преследователей становился все теснее и крепче...») с датой 14 августа 1907 г. Второй, названный «Ночь» и датированный 18 августа 1907 г., не имеет конца (передано в 1961 г. в ЦГАЛИ сыном писателя Валентином Леонидовичем Андреевым). 26 сентября рассказ был прочитан на первой «Среде» у Андреева в присутствии В. Г. Тана-Богораза, Чирикова, Юшкевича, Сергеева-Ценского, А. Л. Волынского и др. По просьбе автора рассказ читал по рукописи Блок (Александр Блок. Собрание сочинений, т. 8. — Л., Гослитиздат, 1963, стр. 210). Отзыв Горького о «Тьме» — см. в письме 156.

⁷ Драма «Царь-Голод. Представление в пяти картинах с прологом» (издана с рис. Е. Лансере. СПб., «Шиповник»). Для закрепления авторских прав Андреева за границей, пьеса, как и другие его произведения, была выпущена издательством Ладыжникова в Германии. Отрывок из «Царя-Голода» под заглавием «Суд над голодными» был опубликован в легальной большевистской газете «Гудок» (Баку), 1908, № 24, 23 марта и в журн. «Былое-грядущее», 1908, кн. 4—6.

⁸ См. об этом прим. 1 к письму 97.

⁹ Андреев часто и охотно говорил журналистам о своем желании уйти в «деревенское уединение» от шума городской жизни, «чтобы свободнее писать о „вневременном“ и „внепространственном“» (В. Б а з и л е в и ч <В. В. Брусянин>. Леонид Андреев. Очерк. — «Всеобщий журнал», 1910, декабрь, № 1, стб. 73—74).

¹⁰ «Вена» — популярный в литературных кругах петербургский ресторан.

¹¹ Чириков и Бунин.

¹² Энрико *Моргано* — владелец кафе на Капри, знакомый Горького и Андреева, выполнял их мелкие хозяйственные поручения.

152. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Капри. 20 ... 30 августа/2 ... 12 сентября 1907 г.>

Милый мой Леонид!

Ты напрасно подумал, что обидишь меня отказом от редакции сборников — мне только нравится твое решение. Ведь, если ты вспомнишь, я не особенно горячо защищал необходимость для тебя занять позицию редактора и указывал, что тебя ожидает куча разных знакомств и отупляющее чтение рукописей — по пуду в неделю, не менее.

Говоря серьезно, — о редакторстве, в том виде и смысле, как ты представлял себе, — не может быть речи. При болезненном развитии самолюбия, которым ныне так жирно потекут российские литераторы, — можно ли с успехом, но без обиды на тебя — сказать кому-либо из них — «написано холодно, без любви к делу»? Теперь все пишут превосходно, каждый верует, что он по меньшей мере — мудрец, во всяком случае — создатель «нового стиля», — и все ведут себя на полях словесности, как телята в огороде, — резво. Не думаю, чтобы возня с такой оголтелой публикой могла дать хорошие результаты.

Предоставим сборники Константину Петровичу — у него есть для этого дела и любовь, и вкус, и охота. А сами — будем по мере сил делать литературу.

Я читаю все российские журналы, и мне то грустно почти до слез, то смешно — до бешенства. Как все убого и как неискренно! Обрати внимание на дружный хор литераторов, поющих панихиду российской революции, которой они уже вырыли могилу — в бесплодных пустынях своего воображения и ныне тщатся заживо похоронить эту юную особу. Посмотри в 7 № «Весов» что пишет З. Гиппиус о тебе и о культуре¹, а потом вчитайся в смысл редакционного примечания к бездарной и вычурной болтовне Зиночки — насколько смешно и как нахально все это!

Кузмин, человек видимо малограмотный, не умеющий связно писать, не знакомый с русским языком — творец новой культуры, оказывается! Это — не ирония.

Чёрт бы их побрал — они сильно злят, мещане во сто лошадиных сил. Кстати — заметь их особенность — они говорят, но — не доказывают, не могут доказать. Способ их рассуждений — истерический крик старой девы.

Ты знаешь, что я в этой публике ценю ее любовь к слову, уважаю ее живой интерес к литературе, признаю за ней серьезную культурную заслугу — она обогатила язык массой новых словосочетаний, она создала

ДРАМА АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА»
НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 1907 г.

«Рождение человека»
Эскиз (тушь) В. Е. Егорова
Музей Художественного театра, Москва

чудесный стих и — за все это я не могу не сказать — спасибо, от всей души — спасибо, что, со временем, скажет им история.

Но они уже вообразили себя околоточными надзирателями по литературной части и — как у всех русских полицейских — у них погубило уважение к личности, к ее свободе. Они противно-самолюбивы — вот что отталкивает меня, они холодны, они слишком зрители жизни и уж очень добиваются чести быть признанными «большой публикой», то есть идейными людьми.

Ты говоришь — Блок талантлив. У него есть недурная книга — «Стихи о Прекрасной даме» — это всё пока. «Балаганчик» и «Незнакомка» — шалости, за них даже пьяный не похвалит. Это наивно к тому же. А впрочем — об этом не сто́ит.

Я не знаю, как ты понимаешь демократизм, но, судя по тому, что пишешь, боюсь — ты сузил это понятие едва ли не до «народничества» — в мире да почитет!

Для меня демократизм — вера в потенциальную творческую силу народной массы, являющейся — как вселенная — источником всех возможностей, способной создавать Толстых и Леонардо да Винчи, Эсхил и Шекспиров. Жизнь, по сему, процесс творческий и полный изумительных неожиданностей вроде четвертой кометы, Грига, Андреева и т. д. Определение мое — грубо и поверхностно, но развить его мне некогда, ибо — комета! Какая она великолепная! Здесь я вижу простым глазом ее хвост на протяжении сажени — представляешь как это чудовищно-красиво? Я смотрю на нее каждую ночь, и она чудесно чистит мне голову и душу.

Погода здесь — прекрасная, море — выше всех слов! Каждый день болтаюсь часа четыре в лодке, с рыбаками, выловил несколько сот рыб и написал «Шпиона»². Вышло длинно и скучно, но я не огорчился — написать эту вещь нужно было, она мешала мне. Буду теперь писать рассказ «Артист»³ или что-то на эту тему. Сквозь революцию идет свободный человек и — мимоходом — помогает ей совершиться. Вот и всё.

Но лучше всего — комета, Леонид. Со временем мы, люди, будем заглядывать за пределы нашей атмосферы — почему не допустить и этого, если допускается, что Кузмин служит культуре? — и смотреть на кометы вблизи.

Будем мы также ходить по дну моря, среди водорослей, скал и погибших кораблей, — такие легкие прогулки по праздникам. Без гида и Кука⁴, разумеется. Скоро поеду во Флоренцию, — только денег нет у меня. Живу — как богатый — в долг.

А насчет сердитобы и разных обид — брось раз навсегда. Сердиться — законно, но — не по пустякам. Я же тебя и люблю, и умею любоваться тобой, и это дает мне плюс, приятный и возбуждающий, как хорошая ночь с беспокойными тысячами ярких звезд.

Комплиментов же — не говори мне — ты наделал их столько, что можно вызолотить небольшой иконостас в сельской церкви. К чему эта роскошь?

«Навуходоносора» — мне жаль. Я думаю, ты испортишь его в пьесе. А чего не сможешь сам испортить, довершат режиссеры с актерами. Царя будет играть губошлеп с кривыми коленками, верующий в бога и полный священного трепета перед господином полицеймейстером. И когда он скажет «Я — Царь!», ты, автор, услышишь в его словах совершенно другое, уверяю тебя!

Некто, с озлоблением, рассказывал мне, как в Териоках играли «Жизнь»⁵, — а я хохотал. Вот черти! Всё еще сморкаются в салфетки, хотя «Речь» утверждает, что мы — на рассвете культуры⁶. Ну, до свидания, однако. Жму руку, обнимаю всей душой, желаю — скорей работай и — работай!

А.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ Речь идет о статье Антона Крайнего (З. Гишпиус) «Братская могила» («Весы», 1907, № 7, стр. 57—63), в которой автор нападает на Андреева и Горького за общественные тенденции в их творчестве.

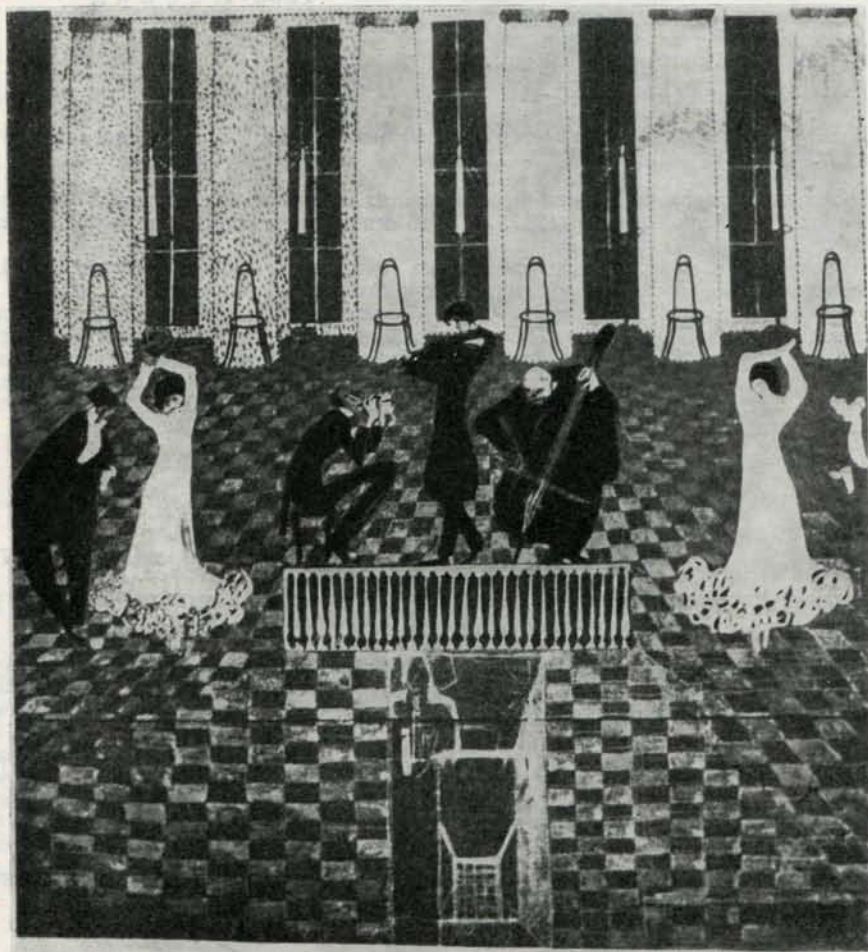
² Первоначальное название повести «Жизнь ненужного человека», первое упоминание о которой встречается в письме Горького к Ладыжникову, написанном не ранее 11 (24) февраля 1907 г. (XXIX, 14). Закончена повесть была летом того же года. «Тема моя», — сообщал Горький Львову-Рогачевскому после 15/28 августа, — психология шпиона, обычная психология запуганного, живущего страхом русского человека. Написана — по рассказу героя, служившего в одном охранном отделении, и автобиографической записке его товарища (XXIX, 25—26). Полностью повесть напечатана Ладыжниковым в Берлине в 1908 г.; в России из-за цензурных затруднений

до 1917 г. была опубликована лишь часть произведения в сборнике «Знание», кн. 24, 1908.

³ Неосуществленный замысел Горького.

⁴ Известное туристское бюро, основанное английским предпринимателем Томасом Куком (1808—1892).

⁵ Постановка «Жизни человека» состоялась в Териокском театре в 1907 г.

ДРАМА АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 1907 г.

«Бал у человека»

Эскиз (гуашь, золото) В. Е. Егорова

Музей Художественного театра, Москва

⁶ «Речь» (Пб., 1906—1917) — ежедневная газета, центральный орган кадетской партии. Фактически редактировалась П. Н. Милоковым и И. В. Гессеном. Горький, очевидно, имеет в виду серию статей Александра Мертваго «В тумане намечающейся культуры» (1907, № 190, 195, 201 и 208, 14, 19, 26 августа и 4 сентября).

153. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Петербург. 9 октября 1907 г.⟩
Каменноостровский, 13.

Родной мой Алексеюшка! Писать тебе не пишу, а думаю постоянно. Какая у меня жизнь! Пишу, разговариваю, тоскую, смеюсь, пью, работаю—

и все это в сто лошадиных сил. Написаны два рассказа, оба мне не нравятся ¹, и в шесть дней соорудил «Царя-Голода» — кажется, вещь большая и серьезная. Сегодня читал на «Среде» (я сюда перенес московские «среды») ². Как обработаю, пришлю тебе. Целую тебя крепко и нежно, со всей любовью.

Твой Леонид

<Адрес:> Италия. Неаполь.

Italia, isola Capri, presso del Napoli.

Al Signor Massimo Gorky.

Датируется по штемпелю: Петербург. 10 октября 1907 г. и по содержанию (см. прим. 2).

¹ Очевидно подразумеваются произведения: «Из рассказа, который никогда не будет окончен» («Утро России», 1907, № 1, 16 сентября) и «Тьма» (см. прим. 6 к письму 151).

² Вторая «Среда» у Андреева состоялась 9 октября 1907 г. (см. письмо Блока к матери от того же числа. — Александр Блок. Собрание сочинений, т. 8. М.—Л., Гослитиздат, 1963, стр. 214). 14 октября С. П. Боголюбов писал Пятницкому: «С Андреевым виделся. Он окончил „Царь-Голод“; на днях читал. Сам находит, что это произведение выше, чем „Жизнь человека“. Решил пустить в том, а не отдельное издание» (АГ). Прием, оказанный пьесе слушателями, по-видимому, был прохладным, так как в письме к З. И. Гржебину от 16 октября Андреев сообщал: «„Голод“ понравился не очень. Кудреватое и не страшно» (ЦГАЛИ).

154. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Петербург.> 16 октября <1907 г.>

Милый Алексеюшка! Посылаю тебе, по просьбе Тимковского, его рассказ; посмотри, друже, и дай ответ, годится ли для сборника ¹.

Еду нынче в Москву недели на три ². Забьюсь в какую-нибудь глухую гостиницу и буду работать, отдыхать, лечиться. Здоровье совсем табак. Первые — какая-то каша, по ночам бессонница, изнурительные поты и всякая чертовщина. Этак можно скоро уходиться.

Если напишешь скоро, то в Москву (Арбат, д. Чулкова, Ф. А. Доброву ³ для меня), а то опять в СПб. Крепко целую тебя.

Твой Леонид

Сколько противный народ многие здешние литераторы! Сплетни, зависть, ложь.

Датируется по содержанию.

¹ Андреев послал Горькому рукопись рассказа Тимковского «На озере». Пересялая это письмо Андреева Пятницкому, Горький писал 22 ... 23 октября/4 ... 5 ноября 1907 г.: «Он всегда отзывался о Тимковском как о человеке скучном и бездарном. Сопоставляя его отзывы с любезным предложением рукописи Тимковского для „Знания“, я вижу в этом выходку не очень остроумную» («Архив Горького», т. IV, стр. 207). В «Знании» Тимковский не печатался. На письмо Андреева Горький не ответил (там же, стр. 209). Отклоненная Горьким рукопись рассказа «На озере» долго пролежала у Пятницкого и только 20 августа 1908 г. была возвращена им Андрееву. О Тимковском см. прим. 2 к письму 17.

² 17 октября 1907 г. Андреев выехал из Петербурга в Москву, чтобы присутствовать на репетициях «Жизни человека» в Художественном театре (см. письмо Боголюбова к Пятницкому от 17 октября 1907 г. — АГ). Андреев взял с собой в Москву рукопись «Царя-Голода» для завершения работы над ней (см. его письмо к Серафимовичу от 28 октября 1907 г. — «Московский альманах», I, стр. 302).

³ Филипп Александрович Добров (1869—1941) — врач и общественный деятель в Москве; муж старшей сестры жены Андреева — Елизаветы Михайловны Велигорской (1871—1943). Помимо родственных отношений Андреева связывала с Добровым длительная дружба. Широкие знакомства Доброва с литературным миром, его эрудиция в области театра и музыки и несомненная собственная литературная одаренность делали его увлекательным собеседником для Андреева. На квартире Доброва состоя-

ГОРЬКИЙ

Скульптура (гипс) И. Кампаньоли,
Капри, 1908 г.

Музей Горького, Москва

лись некоторые из литературных «сред», на которых бывал Шалапин. С 1907 г. в семье Добровых воспитывался второй сын Андреева — Даниил. Большое количество писем Андреева к Доброву, содержащих ценные биографические данные и сведения о творческой истории произведений Андреева, к сожалению, утрачено.

Знал Андреев и брата Доброва — Михаила Александровича (1878—1943) — бывшего армейского офицера, участника русско-японской войны. За связь с революционным движением и создание подпольной химической лаборатории по производству бомб в 1906 г. был заключен в Иркутскую каменную тюрьму, а затем сослан на вечное поселение на Ангару. Сотрудничал в сибирских изданиях. После Октябрьской революции работал в Госплане РСФСР (сообщено В. П. Митрофановым).

⟨Петербург.⟩ 11 февраля ⟨1908 г.⟩

Милый мой Алексеюшка! Сейчас я сижу тихонько в СПб., отдыхаю во всевозможных направлениях и чувствую себя так, будто год просидел где-нибудь в Порт-Артуре или, по примеру Данте, год путешествовал по аду. И когда оглядываюсь назад, на истекший 1907 год, то думаю: воистину живуч человек! Конечно, у меня сейчас форменная астма, и голова, как еврейская квартира после погрома, и ноги, как испорченные шпингалеты, — но разве это настоящая плата за все содеянное мной и надоедливой? Был целый месяц, когда разум мой просто-напросто мутился. Потом тоска, удивительная тоска, когда однажды почувствовал я, что дошел *до предела скорби*, до того таинственного предела, который отделяет скорбь от чего-то нового, непостижимого, не то смерти, не то жизни. Потом пил я — по три-четыре дня, сперва рюмками, а потом коньяк, стаканами. Потом женщины — ряд мыльных пузырей, за которыми гонялся я, задрав кверху пьяно-плачущую рожу, и от которых теперь и на языке, и на сердце вкус дешевого мыла.

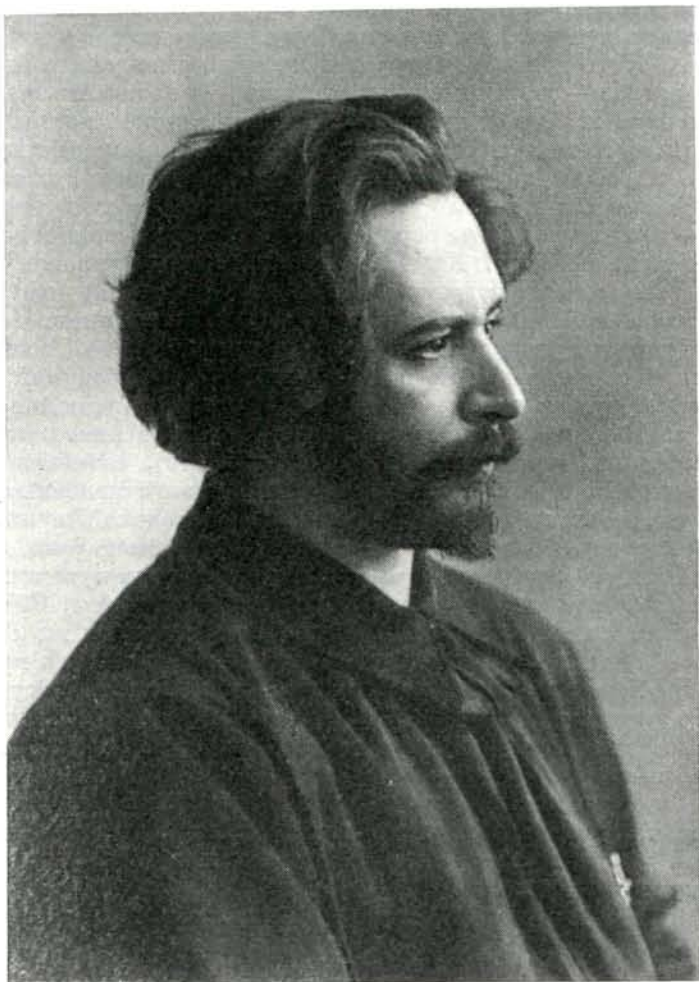
Работа? Но я не считаю, что этот год работал. «Тьма» — вещь жестоко неудачная, конфузная. «Проклятие зверя» — какая-то душевная замазка, чтобы не так дуло в щели¹. Наконец и сам «Царь-Голод» написан втрое слабее, чем надо, и как-то отдает спрятанным в погребке покойником. Да, есть в нем что-то мертвое, холодное. Местами — хорошо, а фон какой-то серый, плохой. Вот и всё, что сделано, — в сущности, ничего или почти ничего, ибо все-таки «Царь-Голод» не окончательно плохо.

Теперь я не пью и, по-видимому, собираюсь жить. Что-нибудь изменилось? Нет. Так же одинок, так же нет женщины, которую бы любил, так же пуста и по-больничному звонка квартира. И нет ни одного друга, кроме тебя, такого далекого и такого ненадежного. Просто совершился, очевидно, какой-то перелом, и жизнь начинает брать верх и обнаруживается то мое свойство, за которое Шура называла меня Ванькой-встанькой. Что же! Если за смерть Шуры я поплатился только тем, что было, то это страшно дешево.

Хотя — кажется мне — лишь теперь, с возвратом жизни, начинаются настоящие большие страдания мои. Тут нет противоречия. Трагедия — утверждение жизни, и только драма исключает жизнь. А то, что у меня было в этот год печального, за вычетом отдельных моментов, было все же не больше как драмой, именно довольно скверной и грязноватой мещанской драмой. Это только репортеры и плохие литераторы называют самоубийство трагедией, а по-моему, среди миллионов самоубийц не найдешь и одного, который был бы воистину трагичен. Люди трагедии — живучи, и только люди драмы кончают с собою.

Трагедией была моя жизнь на Капри, еще вначале, когда я один бродил по острову и ночью слушал бурю. И трагедией она станет с весною, когда раз навсегда я уйду из ненавистного города с его жалкой суетой, раз навсегда стану лицом к лицу с природой, с морем, небом, снегом —

перед чистым лицом человеческой мысли. Как я люблю мою будущую дачу! Тебя не возмущает эта любовь? Ты понимаешь, что это не любовь собственника, а другое. Жить нужно или так, как ты живешь, или так, как я хочу жить,— или стоять в самой кипени жизни, творить ее, или отойти от нее на расстояние и пытаться осмыслить ее. К последнему тяготю я всем складом души моей. Мне кажется, что я видел и чувствовал, и даже знал достаточно, ибо пьяный или трезвый, веселый или печальный

АНДРЕЕВ

Фотография Д. С. Здобнова, Москва, 1908 г.

Литературный музей, Москва

не перестал *смотреть*, и целые груды насмотренного лежат во мне, и беру я ужасно много, а не отдаю ничего. Чтобы отдать, нужно осмыслить, а как это сделать, когда тысячи ветряных мельниц машут перед носом руками, когда от близости к предметам ломается перспектива и дряненький <.....> Арцыбашева покрывает луну и звезды, когда голос околоточного отдается в ушах громче голоса самого бога, и т. д. и т. д. Понять я хочу, понять, а видел я достаточно.

Вот во мне уже с полгода резко намечается какой-то кризис, намечается столь ощутительно, что я не могу писать ничего серьезного: от ста-

рого я отошел, а к новому дорожки не знаю. И в чем оно заключается — тоже не знаю. Несомненно только одно, что от отрицания жизни я как-то резко поворачиваю сейчас к утверждению ее. И если прежде я думал, что существует только смерть, то теперь начинаю догадываться, что есть только жизнь. Но именно догадываться. Поразительным, например, кажется для меня то, что наряду со страданиями, о которых я писал уже достаточно, я почти непрестанно испытывал и испытываю какую-то огромную, чудовищную радость жизни. Если при успехах революции я смотрел мрачно и каркал: так было, так будет, то сейчас, живя в лесу виселиц, я чувствую и радость, и непоколебимую уверенность в победе жизни. Выходит как будто похоже на дурака, который смеялся на похоронах и плакал на свадьбе, — но это не то, не то. А что — не знаю, не знаю. И знать не буду, пока не отойду от житейской суеты и в дикой пестроте явлений не усмотрю какого-то великого и еще неведомого мне единства.

От этого так и люблю я будущий дом с его всяческой приспособленностью к одиночеству и работе²... Но вот тут наступает нечто изумительно глупое — все это может не осуществиться потому, что в основе своей я слишком здоров. Ей-богу! Как самому типичному здоровому пошляку мне нужно быть сытым, согретым, иметь хорошую жену и детей, чтобы *мысль* моя стала свободна, а не занималась подслуживанием. Помню, как, будучи голодным студентом, я мог думать только о еде. А теперь было так: лишенный женщины, я по целым месяцам — ты подумай, по целым месяцам! — мог думать только о женщине и притом специально, не хуже Арцыбашева. Конечно, я мог устроиться, как устраиваются другие: нанять горничную (это и доктора мне советовали), ездить по субботам в бардак, наконец, просто пользоваться теми многочисленными предложениями тела, которые поступают ко мне по городской почте. Но я не могу, это претит мне. Мне нужна жена, то есть не только тело, но и душа, та особенная женская душа, которой не заменят тысячи мужских душ, как тысяча, скажем, мундштуков не заменит одной папиросы. Сравнение не совсем удачное, но ты понимаешь, в чем дело. На этих же основаниях неприменим и онанизм. Конечно, есть другой способ: стать выше, победить плоть и обкарвать дух. Но мало того, что я этого не могу, я этого и не хочу, ибо этим умерщвлением и обкарпанием я выдерну стул, на котором сидит мирозерцание, покушусь на что-то, не менее ценное, чем сама работа мысли.

На этом неожиданно оборву письмо, ибо, если не кончу сегодня, — а сейчас три часа ночи, и устал, — то при обилии суеты не скоро кончу. Лучше потом допишу. Скажу только, что люблю тебя крепко и верно. А писать нужно еще много.

Жму руку твою.

Твой Лео н и д

¹ Рассказ «Проклятие зверя» с посвящением «А. М. А.» (то есть памяти покойной жены А. М. Андреевой-Велигорской) впервые опубликован в сб. «Земля», I. (М.), 1908. В ЦГАЛИ хранится письмо Андреева к Измайлову, раскрывающее замысел рассказа.

² В воспоминаниях современников сохранилось много рассказов о доме Андреева в финской деревушке Ваммельсуу (около Териок). Дом был построен к лету 1908 г. по проекту Андрея Андреевича Оль (1883—1958), мужа сестры Андреева Риммы Николаевны, впоследствии выдающегося советского архитектора. В. Е. Беклемишева вспоминает: «Высокий, темный, бревенчатый дом с башней, с ярко-красной на солнце черепитчатой крышей, открытый всем ветрам и выюгам Финляндии, казался тяжелым и угрюмым <...> Самой примечательной комнатой в доме был кабинет. Огромный, такой же, как столовая внизу, он был из темно-коричневого дуба. Серый шероховатый потолок пересекали темные бревна, покатые по бокам; они делали комнату выше и скрадывали пространство пола. Большой письменный стол стоял так, что к нему можно было подойти со всех сторон. В простенках между дубовыми поперечинами вделаны в стену большие картины — копии с картин Франциско Гойи, сделанные углем и карандашом самим Леонидом Николаевичем. На одной из них был

изображен чёрт, которому стригут ногти, на другой — старец с крыльями летучей мыши за плечами строчит что-то гусиным пером в большой книге, лежащей у него на коленях. Тут же на темном дереве висит белое католическое распятие и четки. Дубовые кресла с высокими готическими спинками, огромный диван, темно-синее сукно на полу придадут этой комнате впечатление мрачной торжественности. И только квадратные окна с прекрасными зеркальными стеклами, оранжевые шелковые занавески и сверкающий снег или мягкая синь неба за окнами вносят примирение и теплоту. Библиотека непосредственно примыкает к кабинету. Их разделяет только длинный с потолка до полу темный занавес. В плоских сплошных шкафах ряды книг. Здесь и классики, и монографии по искусству, и вновь выходящая литература. В кабинете тихо: сукно на полу, тяжелые занавеси заглушают шаги и слова. Из кабинета дверь ведет на просторный, похожий на палубу корабля, открытый балкон. Здесь, работавшись до рассвета, Леонид Николаевич встречал восход солнца» («Реквием», стр. 198—200). В наброске статьи «Пересмотр наследства» А. С. Серафимович рассказывает о своей встрече с Андреевым в Ваммельсуу: «Мы сидим в огромном кабинете. Глядишь из одного конца, другой смутно теряется вдаль, и лишь блестят на камине старинные еврейские семисвечники. И пол, и потолок, и стены обтянуты серым сукном. В громадной раме зловеще слетелось черное воронье кисти Рериха. Бронзовая статуя Медичи — глаз не оторвешь, — Микель-Анджело. Ничего крикливого, на всем рука строгого художника. — „Я хочу красиво пожить“ (ЦГАЛИ, ф. 457, ед. хр. 116). См. также кн.: Вадим А н д р е е в. Детство. М., 1963, стр. 33—44.

156. ГОРЬКИЙ—АНДРЕЕВУ

〈Капри. 17 ... 29 февраля/1 ... 13 марта 1908 г.〉

Ехал бы ты, Леонид, сюда и жил здесь, до поры, пока не выстроят тебе дом, — нечего тебе делать на этом рынке нищих, кои торгуют краденым тряпьем и грязными обносками гнилых своих душ.

Ты посмотри — что делают с тобой все эти хулиганы — ныне товарищи твои по сотрудничеству: основоположник их, Мережковский, ходит грязными ногами по твоему лицу¹, Гиппиус поносит тебя в «*Mercur de France*»², а в журнале Брюсова ты назван невеждой и дураком³ — это уже не критика, а организованная травля, гнусная травля, нечто невиданное в нашей литературе.

Тащат на твое место Куприна, только потому, что он менее талантлив, чем ты, и не так страшен для пигмеев, не задавит их. А он, бедняга, уже растерялся и после Изумруда оседлал Соломона, да и прогарцевал на нем⁴, как гимназист, на позор свой. Да и все вы — растерялись пред натиском орды варваров, пред их голодным честолюбием и хитростью де-генератов.

Бросай, пока время, всю эту сологубовщину, пойми, что непристойно тебе, с твоим талантом невольно поддаваться их заразному влиянию и писать такие вещи, как «Тьма»⁵. Я чуть не заревел, прочитав эту мазницу дегтя, а потом шестнадцать лет сердился на тебя. Эх ты, дитя мое.

Имей в виду и впредь — будут тебя гнуснейше травить, доколе не получишь должного отпора, который, вероятно, придется дать нам, то есть с нашей стороны. Мы организуем ряд литературно-критических сборников⁶, и хотя Горнфельд⁷ сказал, что «со стороны социал-демократов ничего хорошего нельзя ждать» — но Горнфельд — не из мудрых пророков. Все это пестроодетое мещанство, именующее себя «носителем истинной культуры», бьется за первый ряд в театре жизни, но — туда оно не пролезет. И бессильно, и опоздало, и хоть бы ты ему столь же усердно помогал как до сей поры — песня его спета и обнажилось оно вполне достаточно для того, чтобы все видели неизменимо изъязвленную душу его.

Приезжай сюда, в самом деле. Здесь хорошо. А в Питере — замучают тебя, замордуют.

Чудак ты! Да разве можно, например, оставаться в таком месте, где Сологуб наблевал свои «Чары»? Неужели ты не видишь, как это глупо и

грязно? Неужели? Жалко мне Куприна. Что он делает? Эта его «Суламифь» — неописуемо плоха. Но — ты увидишь — его будут хвалить и за это. Так надо.

Литературы почти уже нет — есть только вождения.

Приезжай-ка!

И не думай, что я тебя для «Знания» завоевать хочу — хочется мне, чтобы ты отдохнул от этой склоки дрянной.

А л е к с е й

Датируется по содержанию.

¹ Имеется в виду лекция Мережковского о творчестве Андреева, прочитанная в Париже 11 января 1908 г. в «Sale des sociétés savantes» (под заглавием «В обезьяньих лапах» напечатана в «Русской мысли», 1908, № 1, стр. 75—98). Мережковский критиковал Андреева с реакционных религиозно-мистических позиций и замечал, что одной из причин нынешнего упадка таланта писателя были непомерные восторги «толпы» перед его произведениями. Привыкнув к славе, Андреев, по мнению Мережковского, постепенно утрачивал требовательность к литературному труду и все более переоценивал свои художественные возможности. Горький упоминает о выступлении Мережковского в статье «Разрушение личности» как примере недопустимой критики (впервые опубликована в кн. «Очерки философии коллективизма», сб. 1. СПб., «Знание», 1909).

² Речь идет о статье З. Н. Гиппиус «Notes sur la littérature russe de notre temps» («Заметки о современной русской литературе») в «Mercure de France», 1908, 1 января, стр. 74—75. Полемизируя с нею, Луначарский писал в «Заграничной газете» (Женева), 1908, № 3: «Да, это правда, Леониду Андрееву не хватает культурности, это не мешает ему быть колоссом, который очень скоро сумеет навязать себя и вниманию европейцев. Г-жа Гиппиус полагает, что он утонет в луже мистического анархизма. Напрасные ожидания: он, правда, немного выпачкался в ней, но великаны в лужах не тонут...»

³ Подразумевается статья Антоны Крайнего («З. Н. Гиппиус» «Все то же», посвященная разбору рассказа Андреева «Тьма» («Весы», 1908, № 2).

⁴ Рассказ Куприна «Изумруд» был опубликован в альманахе «Шиповник», 1907, кн. 3, а «Суламифь» (с посвящением Бунину) — в сб. «Земля», I. («М.»), 1908.

Посетившая Капри писательница Нина Петровская рассказывала о беседе с Горьким о современной литературе. О Сологубе Горький заметил: «Написал хорошую книгу — „Мелкий бес“. Право, хорошая, ценная книга. И стихи его прекрасны, хотя и холодны несколько. Но „Навыи чары“ и всякие „Томления к иным бытиям“, и еще рассказ в „Весах“ „Милый паж“ — это откровенный садизм, почти психопатологические мотивы» («...» Куприна отрицает совершенно. — Помилуйте, да разве там Соломон? Да это просто извозчик какой-то. Хороший бытописец Куприн, но не трогал бы он лучше „Песни песней“» (Нина Петровская. Максим Горький на Капри. (Литературный силуэт). — «Астраханец», 1908, № 7, 5 мая).

⁵ Рассказ «Тьма» был напечатан в альманахе «Шиповник», кн. 3, 1907.

Прототипом героя «Тьмы» послужил видный член партии эсеров, инженер Петр Моисеевич Рутенберг (1878—1942). После убийства в 1906 г. Гапона Рутенберг (бывший организатором убийства) эмигрировал из России. В мае 1907 г. (под конспиративной кличкой «Василий Федоров») приехал на Капри, где, по-видимому, и познакомился с Андреевым. 23 или 24 октября того же года Горький, называя «Тьму» отвратительной, грязной вещью, писал Пятницкому о Рутенберге: «Я предупреждал, я просил этого скота не говорить Леониду о революции и своем участии в ней, я прямо указывал ему, что Леонид немедленно постарается испачкать все, чего не поймет» («Архив Горького», т. IV, стр. 208). В «Тьме» пессимистические настроения Андреева получили наиболее полное выражение. Полемика вокруг «Тьмы» сразу же приобрела политическую окраску. При внешнем разнообразии отзывов от уничтожающих до восторженных буржуазно-либеральная критика приняла это произведение с удовлетворением (см., например, статью Гр. Полонского «„Тьма“ Л. Андреева светит» в газ. «Наш день», 1907, № 3, 24 декабря). Вместе с тем чернотенная печать усилила нападки на творчество Андреева в целом. Об этом — см. в кн. К. И. Чуковского «Леонид Андреев большой и маленький». СПб., 1908. Марксистская критика дала произведению Андреева резкую оценку.

⁶ В письме к Пятницкому (около 14 января 1908 г.) Горький предлагал изменить характер сборников «Знания» и печатать в них, кроме беллетристики, статьи по литературе и философии, а также сообщал о предполагаемом новом составе редакции: Ленин, Луначарский и Богданов («Архив Горького», т. IV, стр. 226). План этот не осуществился, но уже в январе 1908 г. вышел в издательстве «Зерно» первый литературно-критический сборник «Литературный распад», направленный против буржуазно-декадентских течений в литературе. В этом сборнике Горький поместил статью «О цинизме», написанную для французского журнала «L'Avenir», где она появилась лишь

в марте 1908 г. (XXIV, 5—19). Борьбе с идейным и литературным распадом был посвящен и марксистский сборник «О веяниях времени». СПб., изд. «Творчество», 1908, со статьями Ленина «Нейтральность профессиональных союзов» и Воровского «В ночь после битвы». Последний рассматривал андреевскую «Тьму» и роман Сологуба «Навы чары» как характернейшие проявления идейного мародерства отшатнувшейся от революции буржуазной интеллигенции.

Стремясь расширить круг издаваемой «Знанием» литературы, Горький одновременно с выпуском публицистических сборников обдумывал план издания специальной общеобразовательной серии книг для рабочих. Писатель и журналист М. Первухин сообщил некоторые подробности этого неосуществленного замысла. «Хочется с осени, — сказал ему Горький, — начать большое дело — ряд новых сборников „Знания“ выпустить, но особых, специально для народившегося читателя — для рабочего. И чтобы эти книги были доступны самым широким массам...» (М. П е р в у х и н. У М. Горького на Капри. Капри 3 (16) августа. — «Одесские новости», 1907, № 7302, 11 августа).

⁷ Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867—1941) — критик, публицист, член редакции «Русского богатства»; в годы реакции сотрудничал в кадетско-меньшевистской газете «Товарищ», где регулярно помещал литературно-критические обзоры.

157. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Петербург. 21 ... 23 марта 1908 г.〉

Дорогой мой Алексеюшка! Ведь я не изменился, не меняйся и ты ко мне, голубчик. И в «Тьме» (откидываю ее слабую форму) ¹, и в «Царе-Голоде» я все тот же, что был и в «Савве», и в «Иуде» ². И в «Шиповнике» я тот же, каким был в «Знании». Мои товарищи — нет, не товарищи они мои. И редактирование «Альманаха» — его я начинаю с того, что отказываюсь печатать продолжение «Навых чар» ³. И не люблю из них я никого, за исключением разве Блока ⁴. Вероятно, выкину из будущих альманахов и Брюсова ⁵ — пусть идет своей дорогой. И если бы у нас были, действительно были, талантливые писатели прежнего знаниевского типа — не использованные и не заезженные и не состарившиеся (как тот же милый Серафимович ⁶), я сбил бы компанию только из них.

Попробую. Не выйдет, брошу, но никакого разврата не допущу.

На Капри сейчас не поеду — далеко, и влечет к себе близкая петербургская весна, которую люблю. Но осенью, если доживу, приеду. Сейчас усиленно работаю. Пишу большой, листа три-четыре «Рассказ о семи повешенных» — на тему о смертных казнях. Чувствую, что сейчас голосу настоящего нет, а хочется крикнуть: не вешай, сволочь! Отдельные фигуры в рассказе недурны, а что в целом выйдет, не знаю. Тягостно писать ⁷.

Да, травля против меня была бы неслыханною, если бы не ты, с которого они начали ⁸.

Снизу доверху, во всех этажах российского литературного дома, иногда весьма смахивающего на веселый дом, меня ругают. Есть в этом и некоторая организованность — компания «Весов» и Мережковских ведет линию сознательно. И Куприна выдвигают сознательно. Но больше — от времени, искренне и тупо.

23 марта

Да, травля. Кадеты, мистики, декаденты, октябристы, черная сотня — со всех сторон. Но никак не ожидал я, что увенчают травлю с.-деки и что к именам Мережковского, Гиппиус и Брюсова ⁹ присоединит свое имя Луначарский в «Литературном распаде» — книге, скрепленной твоим именем, — авторитетом ¹⁰.

«Трусливый раб», «мещанин», «клеветническое изображение рабочего класса», «„Царь-Голод“ — революция, отраженная в голове мещанина, пусть художника, но безнадежного мещанина».

Мне грустно не за себя. Мне грустно за дело, которому служат так, как Луначарский — по-лакейски. Говорят о себе, как о людях новой,

совершенной жизни, новой психологии, а пишут и думают, как в «Новом времени».

Там, где Луначарский только дурак, он трогает меня мало, и ведь и в своей жизни дураки останутся дураками. И когда «Бунт» он смешивает с революцией (специально для этих господ у меня есть в «Царе-Голоде» фраза: «не оскорбляйте революцию, — это бунт», — не помогает) и на этом, единственно на этом недомыслии своем строит обвинение меня в мещанстве, — я смотрю спокойно. Недалеко время, когда я напишу «Революцию» (она является третьей в цикле пьес, и об этом уже было напечатано), — тогда даже Луначарский поймет, что в бессмертии я смыслю больше, чем он, и смерти боюсь меньше, чем он. Да и пролетариат ценю, пожалуй, больше, чем он.

Но есть место в его статье, где он пишет: «Революционный народ у Андреева сжигает национальную галерею. Этого никогда не было и не будет. Революционер-пролетарий всегда охраняет музеи. Эти мелочи дополняют картину беспомощности Андреева перед лицом революции».

У Андреева сказано:

«И н ж е н е р. Эти господа зажгли что-то там еще, кажется, Национальную галерею. Такие идиоты! Впрочем, *очень возможно, что галерея зажжена нашими же снарядами*».

Луначарский:

«Хулиганы у Андреева делают дело вместе с рабочими, сопровождая революцию (опять революцию — вот дурак!) разбоем. Это *бессознательная ложь*. Хулиганы или *расстреливали* рабочих в качестве гард-мобилей, или громили под знаменем монархии или религии, как наши черносотенцы. Там, где революция торжествовала (вот же дурак, господи!), хулиганы трепетали».

У Андреева:

«И н ж е н е р. В среде этих же голодных мы нашли за невысокую плату несколько достаточно умных и расторопных господ и снабдили их поручениями интимного свойства. И в настоящую минуту эти идиоты уже начали великолепнейшим образом *истреблять* друг друга».

Не знаю, как на твой взгляд, но, по-моему, этакая картина ничуть не уступает Буренину и Мережковскому.

Ты еще очень недавно писал:

«Имей в виду и впредь — будут тебя гнуснейше травить, доколе не получат должного отпора, который, вероятно, придется дать нам, то есть с нашей стороны. Мы организуем вид литературно-критических сборников» и т. д.

Так-то, Алексеюшка. Грустно все это.

Твой Леонид

Продолжаю о «Литературном распаде».

Самое важное в теперешнем литературном фарсе — разобрать, где враги и где друзья: мысли лгут, слова лгут, все замаскированы. И Луначарский употребляет слово «мещанин», и Каменский употребляет то же слово: не ходишь голый, членом наружу, то стало быть мещанин. «Мещанин», если не пользуешься задним проходом для «священных целей Эроса», «хам» (то есть тот же мещанин), если отвергаешь бога, чёрта и Мережковского с супругой.

И очень прискорбно, что сотрудники «Распада» не уяснили себе как следует, где враги и где друзья: с идиотской старательностью, как Луначарский, бьют по своим, еще раз кстати опошляя и обесмысливая вообще понятие мещанства: и дружественно, почти с лаской, упрекают Брюсова в буржуазности¹¹. А ведь если разобрать как следует, что есть ли более характерная фигура для «их литературы»¹², как этот самый Брюсов? Сотрудник «Русского листка» времен Казецкого¹³¹⁴, патриот и чуть-

ПЬЕСА АНДРЕЕВА
«ЦАРЬ-ГОЛОД».
ИЗДАНИЕ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
Е. Е. ЛАНСЕРА (СПБ., 1908)
Шмуктитул

чуть не шовинист, он весь, со всем своим демонизмом сложенных на груди рук, со своим завитучечным стихом и воплями о культурности, со своей Козой¹⁵, Эллисом¹⁶—Кузминым¹⁷ и Феофилактовым¹⁸— он истинный герой мещанства. Да ты и сам это хорошо знаешь. Он очень талантлив — но лишь там, где он аппарат для писания стихов, искусный механизм, который на ночь разбирают и кладут в керосин, а утром смазывают из масленки. Там же, где он должен быть человеком, он просто скотина.

А эти мародеры — Мережковский, Гиппиус и прочие мистики и культуртрегеры? Пока революция двигалась вперед, — тащили ее назад, за хвост, а теперь явились на поле сражения и обирают убитых. Не ими разрыхленную, не ими политую кровью землю стараются засеять спермой своей мистики, своего религиозного блуда. Почему им не дали отпора?

«Страх смерти», — говорит Луначарский. Хорошо, а может ли он указать хоть один случай, хоть одну строчку в моих писаниях, где я, страха этого ради, поклонился бы хоть одному из буржуазных истуканов? И где я вообще ради чего бы то ни было хоть на мгновение стал на сторону буржуазного уклада? Ах, господи! Вот и кадеты устами Галича¹⁹ признают меня «мещанином» (за то, что вину взваливаю на один класс), а вот и мирнообновленцы ругаются (для образца посылаю вырезку)²⁰.

А в общем все-таки ваш сборник хороший и своевременный.

Некогда, братику, писать. Женился и еду в Крым²¹. Подробности письмом.

Мне начинает нравиться, что меня ругают²².

Твой Леонид Андреев

¹ Принимая упреки в художественных погрешностях, допущенных им в «Тьме», Андреев отвергал критику идейного содержания рассказа: «Жаль, очень жаль, что испортил тему, которую считаю чрезвычайно важной и интересной... Большая, огромная тема... Мне „адски“ досадно, что не справился с нею» (А. П о т е м к и н. У Леонида Андреева. — «Петербургская газета», 1908, № 235, 27 августа). Позже, в письме к А. И. Сумбатову-Южину от 25 ноября 1912 г., Андреев продолжал держаться прежнего мнения относительно рассказа: «Понять „Тьму“ не возмущившись, принять к адресу ее человечность — это значит и самому зрителю подняться на большую высоту и автору дать неожиданный подарок» (ЦГАЛИ).

² Рассказ «Иуда Искарйот» 1907 г. Опубликовано в 16-м сборнике «Знание» (1907).

³ Газета «Вечер» сообщала: «Ввиду некоторого несогласия редактора альманахов „Шиповник“ Леонида Андреева с произведением Федора Сологуба „Навыи чары“, продолжение их не будет напечатано в „Шиповнике“, а выйдет отдельным изданием» (1908, № 62, 3 августа, в отделе «Литература и искусство»). Однако этот роман был полностью напечатан в альманахах «Шиповник» 1907—1909 гг. От редактирования альманахов «Шиповник» Андреев устранился в конце 1908 г. (см. его письмо к Б. Лазаревскому. — ИМЛИ).

⁴ В альманахах «Шиповник» были опубликованы следующие произведения Блока: «В этот серый летний вечер...» — кн. 3 (1907), «Клеопатра», «Ты и я» — кн. 4 (1908), «Песня судьбы. Драматический пролог» — кн. 9 (1909), «На Куликовом поле» — кн. 10 (1909).

⁵ Участие Брюсова в альманахах ограничилось стихотворением «Город» — кн. 1 (1907) и поэмой «Исполненное обещание» — кн. 4 (1908).

⁶ Серафимович дал для альманахов рассказы «У обрыва» — кн. 1 (1907) и «Пески» — кн. 3 (1907). Когда направление «Шиповника» окончательно выяснилось для Серафимовича, он прекратил сотрудничество в альманахах.

⁷ «Рассказ о семи повешенных» (с посвящением Л. Н. Толстому) был опубликован в альманахе «Шиповник» — кн. 5 (1909). Желая, чтобы протест против контрреволюционного террора и против смертной казни вообще получил возможно более широкое распространение, Андреев 1 января 1909 г. отказался от права собственности на это произведение и разрешил его свободную перепечатку («Биржевые ведомости», веч. вып., 1908, № 10678, 28 августа). «Рассказ о семи повешенных» многократно переиздавался и переводился на языки народов России и зарубежных стран. Впервые был прочитан на петербургской квартире Андреева 5 апреля 1908 г. (А. А. И з м а й л о в. Литературный Олимп. М., 1911). По дороге в Крым, Андреев заехал в Орел; вторичное чтение романа состоялось там на вечере в честь 10-летия его литературной деятельности, устроенном И. Н. Севастьяновым («Орловский вестник», 1908, № 102, 18 апреля). Несколько дней спустя в Ялте в номере гостиницы «Россия» у известного по политическим процессам присяжного поверенного М. Л. Мандельштама состоялось третье чтение. «Читал Леонид Николаевич, — вспоминал присутствовавший на чтении Н. С. Клевост (псевдоним: Ангарский, 1873—1943) — очень хорошо. Впечатление было сильное <...> Сам автор с трудом выдерживал тон спокойного рассказчика о страшных вещах <...> Закипела ненависть, хотелось бороться и отомстить палачам за всё: за ужас русской жизни, за гибнущих в тюрьмах, на каторге, на виселицах <...> Такова была потрясающая сила искусства» (Н. С. А н г а р с к и й (Клевост). Литературные воспоминания. (К истории Петербургского и Московского объединения писателей для издательской деятельности). Машинопись. — ЛБ, ф. 9, ед. хр. 2/1—2, л. 6а). Помимо «Рассказа о семи повешенных», Андреев выступил с протестом против смертных казней в статье «О казнях. (Из частного письма)». — «Эпоха», 1908, № 1, 15 сентября.

⁸ Об этом см. прим. 1 к письму 151.

⁹ Андреев имеет в виду статью Брюсова о постановке «Жизни человека» в Художественном театре («Весы», 1908, № 1).

¹⁰ См. прим. 6 к письму 156.

Марксистская оценка экспрессионистической драмы «Царь-Голод» и других произведений Андреева, данная Луначарским в статье «Тьма», опубликованной в сборнике «Литературный распад», убедительно показывала, что «„страшная правда“ Андреева с точки зрения теоретической этики не стоит выведенного яйца, а с практической точки зрения есть одетая в ломпенпролетарское трилье консервативно-мещанская реакция на революцию» (стр. 174). В интервью с А. А. Измайловым Андреев заявил: «Партийные критики обвиняют меня за „Царь-Голод“ в безверии в победу социализма. Луначарский в книге „Литературный распад“, посвященной борьбе с уродствами современной литературы, с точки зрения пролетарского мировоззрения обвиняет меня в почти клеветническом изображении рабочего класса. Идею „Царя-Голода“ понимали как объявление банкротства революции. Может быть, я сам до известной степени виновен в том, что я так понял. Я не дал ясно понять, что здесь идет речь только о простом бунте, а не об истинной революции. Правда, у меня один персонаж говорит: „Не оскорбляйте меня ложью — это бунт“, но в самом деле этого, конечно, мало. Если бы знали весь план моей работы, знали, что за „Миром и войной“, о которой я думаю сейчас, идет специальная часть „Революция“, — этого упрека мне бы не сделали. По-

жалуй, меня упрекнул даже в чрезмерном оптимизме. Может быть, мне следовало бы прямо оговорить это в предисловии или в примечании, но я этого не сделал. Вот всегдашняя невыгода выдавать труд частями» (А. И з м а й л о в. О Леониде Андрееве. — «Русское слово», 1908, № 82, 8 апреля). В беседе с корреспондентом «Биржевых ведомостей» Андреев говорил: «Конечно, вполне меня не удовлетворяет ни одно мое произведение, но более других, из последнего, написанного мною, удовлетворяет меня „Царь-Голод“. Большинство критиков отнеслось к этой вещи совершенно отрицательно. Но, по-моему, как преувеличены были восторги по поводу „Семи повешенных“, так несправедливы были отзывы о „Царе-Голоде“. Во всяком случае, я думаю, что эта вещь получит свою настоящую оценку только в критике будущего» (К о д а к. У Леонида Андреева. (В скиту на Черной речке). — «Биржевые ведомости», утр. вып., 1908, № 10806, 12 ноября).

¹¹ Подразумевается статья Ю. Каменева (Л. Б. Розенфельда) «О ласковом старике и о Валерии Брюсове» в первом сборнике «Литературного распада».

¹² Так называлась глава в статье Луначарского.

¹³ Сотрудничество в «Русском листке» (издаваемом Н. Л. Казецким в Москве) молодого Брюсова объяснялось тем обстоятельством, что «Русский листок» относился к немногим из изданий, плативших гонорар (см. Автобиографию Брюсова — в кн.: Русская литература XX века. 1890—1910. Под ред. С. А. Венгерова. М., <1915>, т. I, стр. 413).

¹⁴ В первой публикации опущены два слова.

¹⁵ Речь идет о стихотворении Брюсова «In hac lacrimarum valle» («Здесь в долине слез». — лат.), в котором имеются следующие строки:

Повлекут меня с собой
К играм рыжие силены,
Мы натешимся с козой,
Где лужайку сжали стены.

(«Северные цветы». Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903). Вошло в книгу Брюсова «Urbi et orbi» («Городу и миру»). Стихи 1900—1903 гг. М., изд. «Скорпион», 1903.

¹⁶ Элис — псевдоним поэта и теоретика символизма Льва Львовича Кобылинского (р. 1879). Поместил статью «Наши эпигоны. О стиле, Л. Андрееве, Борисе Зайцеве и многим другом» в «Весах», 1908, № 2.

¹⁷ М. А. Кузмин. См. о нем прим. 9 к письму 150.

¹⁸ Николай Петрович *Феофилактос* (1878—1941) — художник-график, оформлял книги символистского изд-ва «Скорпион».

¹⁹ Галич — псевдоним публициста и литературного критика Леонида Евгеньевича Габриловича (1878—1953), сотрудника кадетских газет «Речь», «Реформа»; печатался в журналах «Театр и искусство», «Русская мысль». После 1917 г. — эмигрант. Рецензию Галича на «Царь-Голод» найти не удалось. Об отношении Галича к драматургии Андреева можно судить по его рецензии на пьесу «Черные маски» («Театр и искусство», 1908, № 51, 21 декабря, стр. 912—914).

²⁰ Вырезка не сохранилась. Вероятно, Андреев имеет в виду одну из следующих статей, печатавшихся в органе праволиберальной «Партии мирного обновления» — журнале «Московский еженедельник» 1908 г.: В. М. Х в о с т о в. Жизнь человека. (По поводу драмы Леонида Андреева). — № 5, 29 января; В. Б ы с т р е н и н. На перевале. VI «частично о «Савве» — № 10, 4 марта; Д. Ф и л о с о ф о в. Без стиля. — № 12, 18 марта.

²¹ 6 апреля 1908 г. Андреев и Анна Ильинична Денисевич (по первому браку Карницкая; 1885—1948) уехали в Крым, где 20 апреля обвенчались в Ялте («Крымский вестник», 1908, № 97, 30 апреля).

²² К первой публикации этого письма Андреева к Горькому («Литературное наследство», т. 2, 1932), по просьбе редакции, А. В. Луначарский написал статью-комментарий, озаглавленную им «Борьба с мародерами» (перепеч.: А. В. Луначарский. Собр. соч. в восьми томах, т. I. М., Гослитиздат, 1963, стр. 425—429).

1910

158. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

Т е л е г р а м м а

⟨Териоки. 11/24 ноября 1910 г.⟩

Поручаю переговоры выкупе книг «Просвещению».

А н д р е е в

⟨Адрес:⟩ Capri. Massimo Gorky.

Дата на телеграфном бланке.

Порывая со «Знанием», Андреев заключил 30 декабря 1909 г. договор с владельцем петербургского книгоиздательства «Просвещение» Н. С. Цейтлиным о продаже своих сочинений за сто тысяч рублей и праве перепечатки последующих произведений за тысячу рублей с листа («Жизнь и сцена», Вильно, 1910, № 6, 8 января). 2 января 1910 г. Андреев обратился с письмом к заведующему конторой «Знания» Боголюбову, в котором извещал, что авторский доход с его книг с 1 января 1910 г. поступает в пользу нового собственника — Цейтлина (АГ). Пятницкий и Горький в ответном письме Андрееву, полученном 10 января 1910 г. (текст письма составлен Пятницким), указали, что на складах «Знания» находится около 50 000 нераспроданных книг Андреева, что за ним числится долг издательству, и отказались признать за Цейтлиным право получать доход с этих книг. 4 февраля 1910 г. Андреев отправил Пятницкому резкое по тону письмо, в котором объяснял свой договор с Цейтлиным стремлением «обеспечить для себя свободу и возможность работать только по желанию». Андреев признавал убедительность возражений Пятницкого и Горького с юридической точки зрения, но добавлял: «наши отношения были основаны не на праве, а на справедливости». Андреев соглашался выкупить нераспроданные книги и уплатить свой долг «Знанию», образовавшийся к 1 января 1910 г. Определить условия выкупа своих книг, находящихся на складах «Знания», Андреев предоставлял Цейтлину (АГ). Пятницкий вести переговоры с Цейтлиным отказался. Книги были выкуплены Андреевым. См. также стр. 534—535 настоящ. тома.

⟨Ваммельсуу. 12/25 августа 1911 г.⟩

Дорогой Алексей! Конечно, я волнуюсь, обращаясь к тебе с этим письмом и этим именем, и едва ли напишу что-нибудь путное — по крайней мере на первый раз. Между нами несколько лет тяжелого молчания, и много нужно говорить, пока вернешься к прежнему пониманию, прежнему знанию друг друга. И с этого я начну: скажу тебе искренне, каков я сейчас и вообще, и в отношении тебя.

Мне кажется, что и вообще и главное в отношении тебя я остался все тот же. Что я прежде думал, то и теперь думаю, что прежде любил, то и теперь люблю; и разве только с годами все стало тяжелее, устойчивее, грубей, определеннее. Сознание расплодилось по всей душе и поело темные места — мало осталось наивности и, как при выходе со станции, множество путей превратилось в один прямой, железный и неизбежный путь. Конечно, прибавилось с годами и горечи, стал я печальнее, темней, точно траур надел, — но это относится больше к личной жизни, к характеру, но не ко взглядам. Думаю, однако, что и в личной жизни при некоторых более благоприятных условиях я мог бы вернуться к прежней веселости, к ненасытимой и веселой жажде жить. Последние года меня мучают и делают порою нестерпимо мрачным очень частые головные боли; и не то, конечно, скверно, что болит, а что уже мешает работать, отрывает от стола, заставляет бездействовать, во всякий большой замысел и во всякую почти работу вносит чувство тревоги и ненадежности.

Друзей у меня, как и прежде, никого нет, кроме тебя. Ты же для меня все время друг, и здесь я неизменен настолько, что не вижу даже возможности как-нибудь иначе чувствовать тебя. Я тебя люблю и реально, как можно только любить хорошего брата (больше) и отвлеченно как человека, то есть уважаю. Люблю я тебя очень сильно. И во все эти годы молчания ты занимал в моей жизни не меньше живого места, чем рядом живущий, самый близкий и живой человек. Странно сказать, а кажется нет дня, когда так или иначе я не думал бы о тебе; и многие разговоры, которые я веду с заведомо иногда скучными и досадными людьми, всю горячность своей обращены к тебе, имеют в виду только тебя, нуждаются в одобрении и согласии только твоём. Что из того, что тебя здесь нет! — мое чувство тебя, воля к тебе, есть не меньшая реальность, чем твое присутствие или отсутствие. Но это лишь утешение, и хоть справедливо, но не всегда помогает: сказав, хочешь и услышать.

И поверь мне, Алексей: я не могу представить точки зрения, с которой ты имел бы основание отнестись ко мне враждебно или просто отрицательно. Внешних, жизненных ошибок у меня порядочно, и большинство их я знаю, но мои ошибки не есть я, а наоборот; по существу же чувств и мыслей моих и всей моей жизни я уверенно считаю себя твоим неизменным и верным союзником. Повторяю, я не изменился. Каким ты любил меня когда-то, таким я и остаюсь — ни одной новой черты, тебе враждебной, не проложила жизнь ни на душе, ни на лице моем.

Дико подумать, что мы с тобою такие друзья, такие братья — вдруг разошлись, вдруг осиротели, в жестокой пустыне жизни почти потеряли следы друг друга. Не будь болтливых газет, сплетен, да, пожалуй, таких друзей, как А. Н. Тихонов¹ (он много и хорошо рассказывает мне о твоей жизни), то мы и совсем потерялись бы из виду. Но газеты и сплетни только разъединяют; и сами произведения наши уже не являются прежней живой связью: словно туман какой скрыл ясные очертания мыслей и слов, на всё положил печать неуверенности и вопроса.

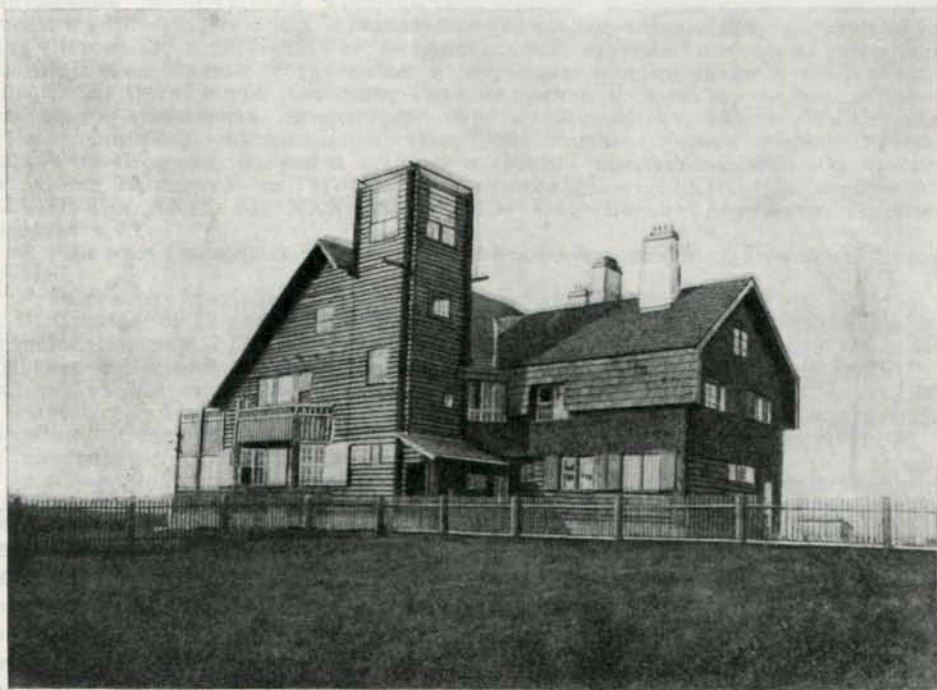
Что же разлучило нас? Когда я пытаюсь самому себе ответить на этот вопрос, я вдруг начинаю испытывать ту особую мозговую тревогу, которая является всегда при приближении мелочей: причины нет, а поводов много; и каждый повод сам по себе ничто, а в целом — смута, туман, томительное раздражение какого-то нелепого сна. Может быть, я и ошибаюсь, может быть, ты знаешь причину — но я не могу ее найти. Не причина же в самом деле та кошмарная история со «Знанием», которую с начала до конца создал Пятницкий, человек несомненно больной?² Не причина же то мое последнее письмо, в котором я, отнюдь не упрекая тебя, просил сказать мне: согласен ли ты с товарищем по сборнику, Луначарским, в его резком отношении ко мне, или же все это случайность? Правда, ты не ответил на мое письмо, и наступили года молчания... но причины для меня всё нет как нет.

Много раз я собирался писать тебе; в прошлом декабре, быв в Италии, я очень хотел увидеться, но побоялся³. Побоялся даже не чего-нибудь серьезного, ибо не вижу его, а той тяжелой неловкости, которая может явиться после этих годов молчания и помешает хорошему разговору; наконец, далеко не был уверен, что ты хочешь видеть меня. Да и это письмо я пишу чуть ли не месяц — мог бы писать и год, и все не было бы уверенности в том, что пишу как надо и то, что надо. Но ведь нельзя же так оставаться! — разуму тяжело.

Пока пошлю тебе то, что написал: если захочу все сказать, то опять пройдут месяцы. Дай мне ответ, скажи *причину*, а если хочешь и совсем ничего не говори о прошлом. Так или иначе, оно прошло, и ответа хочет только настоящее. Скажи только, что по-прежнему доверяешь мне, и больше ничего не надо. Но если даже ты и не ответишь, то ни одного слова из этого письма я не беру обратно, и буду любить тебя, как и до сих пор любил, — в молчании.

Скажу еще, что мне и самому не особенно хочется заниматься нашими личными делами, поскольку они в прошлом. И очень возможно, что еще очень долго я не решился бы написать тебе, если бы не побуждало к тому не только чувство к тебе, а и некоторые другие соображения, факты, явления, перед лицом которых оба мы являемся только Горьким и Андреевым. Мне всегда казалось, что наша вражда или дружба не есть только наше личное дело; и особенно ясно это теперь, когда литература русская в разброде, когда силы так ужасно разъединены, когда молодое и талантливое бродит без путей — и когда все требует и хочет только одного: единения. Было бы, мне кажется, непростительной ошибкой перед лицом сегодняшнего и завтрашнего дня, если бы мы и дальше продолжали обособляться, не соединили наших сил для общей цели. Подлинная реакция та, что живет в усталом сердце, уже кончилась; пред нами далеко уже маячит гребень той волны, на которую снова и снова предстоит нам взбираться. Вид России печален, дела ее ничтожны и скверны, а где-то уже родится веселый зов к новой, тяжелой, революционной работе. И по-настоящему сейчас в России грустят только ослы, а умные люди уже веселы. Время дружбы, время связей — время счастливых браков, сказала бы гадалка. Далеко не все это сознают, но даже и те, кто не сознают, тянутся друг к другу, ищут сближения, требуют новых объединительных лозунгов, ибо

над старыми уже лежит печать раздора и вражды. Кто соберет?— вот в чем только дело. Живи ты сейчас в России, ты для русской разбредшейся литературы повторил бы ту же роль, что и тогда со сборниками «Знания»,— ты опять собрал бы народ. Вероятно, ты мало следишь за этим, но я вижу по массе мелочей, даже обывательских, нелепых разговоров, как твое имя снова растет, возвращается в берега, как река после запруды. И те, кому это полагается, вероятно, начинают ненавидеть тебя еще больше — это показывает, насколько ты нужен сейчас для дела. Другого человека,

ДАЧА АНДРЕЕВА В ВАММЕЛЬСУУ В ФИНЛЯНДИИ

Фотография, 1910-е годы

Литературный музей, Москва

писателя, который мог бы привести молодую литературу к революционному единству — кроме тебя, я не вижу. И то, что ты сейчас за границей, горе прямо-таки непоправимое.

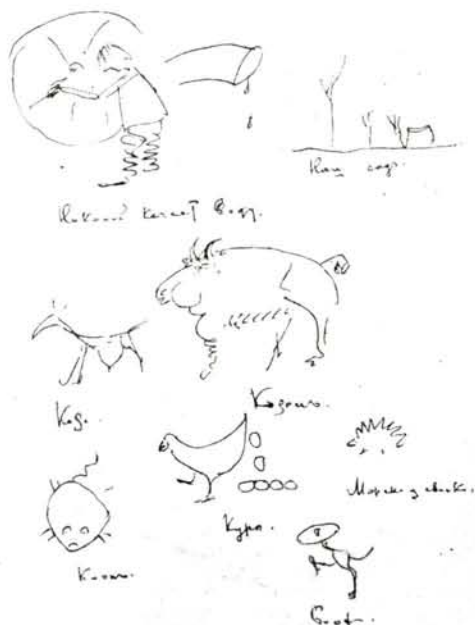
Я слышал от Тихонова (а на днях увидел и книжку «Современника», которая подтверждает это ⁴), что ты уже начал работу объединения. Конечно, и таким образом ты можешь сделать очень много, но все же одного «Современника» недостаточно: нужна еще живая, наиреальнейшая связь с молодой литературой, которой не может дать журнал, вдохновителей своих имеющих за границей. Как создать эту связь: путем ли частичных писательских съездов, или одного большого съезда, или постановкой в России какого-нибудь очень хорошего, очень деятельного и авторитетного человека (конечно только не меня, а то выходит будто я рекомендую себя в редакторы первого сорта) — пока еще совсем не знаю. Об этом нужно много думать и говорить. Но каждый проходящий день все настойчивей требует ответа.

Ах, Алексей! Я сейчас положительно не верю, что мы с тобой когда-нибудь ссорились, что мне исполнилось сорок лет с четырьмя одноднев-

ШУТОЧНЫЕ РИСУНКИ АНДРЕЕВА
В ПИСЬМЕ К МАТЕРИ, 1911 г.

Под рисунками его рукой:
«Николай качает воду»; «Наш сад»;
«Коза»; «Козел»; «Клоп»; «Кура»;
«Морская свинка»; «Блоха»

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

ными хвостиками — даже тому, что голова у меня трещит, не верю. На душе молодо, как в ту далекую пору, и кажется, что адрес письма не Капри, а Нижний, и вообще хочется быть в числе драки. Моя личная благоприобретенная мрачность сидит нахохлившись в сторонке, а я ликую, даже как бы вне времени и пространства. Не осуди меня за легкомыслие: ей-богу, оно признак величайшего глубокомыслия и совершенно серьезно, несмотря на свой веселый наряд. Еще не осуди меня за то, что пишу на машине: в почерке я совсем запутался и от стремительности характера вывожу только бесконечные шшшшш с закорючками. Для четкости взялся за машину, а теперь привык, как к жене.

Если захочешь ответить, то адрес мой обычный: Финляндия, Териоки, Л. Н. Андрееву. Лучше заказным и через Стокгольм.

Еще очень много хочется писать тебе.

Целую тебя.

Твой Леонид

12 августа 1911 г.

Текст написан на машинке; со слов: «Целую тебя» — от руки.

Отрывки из этого письма («Подлинная реакция ∞ революционной работе» и далее: «Далеко не все это сознают ∞ вот в чем только дело») Горький цитировал в статье «В ширь пошло...», опубликованной в выходившем в Париже под редакцией В. Л. Бурцева еженедельном журнале «L'Avenir» («Будущее»), 1911, № 1, 22 октября. Не называя Андреева по имени, Горький характеризовал его как «одного из крупных русских литераторов, человека достаточно чуткого в определениях общественных настроений и, в то же время, считаемого — не без основания — глубоким пессимистом». Отвечая в этой статье Андрееву, Горький писал: «Дело, конечно, отнюдь не только в том, „кто соберет“, но — это тоже вопрос великой важности — кто организует русскую демократию к новому бою?» (XXIV, 144). Горький подчеркивал, что «современная демократия» предъявляет новые требования к «идейным» и «политическим» руководителям, и высказывал при этом опасение, что критицизм новой, порожденной этой демократией, интеллигенции может привести к серьезным недоразумениям и «еще более

углубить трещину в отношениях рабочего и крестьянина к „партийным“ (там же, стр. 145).

Письмо Андреева было перлюстрировано жандармами, сделавшими из него выписки (ЦГАОР, ф. 102, перлюстр., 1911 г., оп. 265, д. 490, л. 12).

¹ Александр Николаевич Тихонов (1880—1956; псевдоним: Н. Серебров) — литератор, по образованию — горный инженер-золотоискатель. С Горьким познакомился в 1903 г. Высоко ценя организаторские способности Тихонова, Горький привлек его к работе в ежемесячном большевистском общественно-политическом и литературном журнале «Просвещение» (1911). В 1914 г. Тихонов редактировал вместе с Горьким «Первый сборник пролетарских писателей» (СПб., изд. «Прибой»), а в 1917 г. — выпущенный петербургским издательством «Парус» «Сборник пролетарских писателей»; в 1915—1917 гг. был официальным издателем основанного Горьким журнала «Летопись»; в 1917—1918 гг. — официальный издатель и один из редакторов газеты «Новая жизнь»; сотрудничал в журналах «Современник» и «Современный мир». После Октябрьской революции Тихонов принимал активное участие в работе издательств «Всемирная литература», «Круг», «Федерация», был главным редактором издательства «Academia», а также помощником Горького в таких начинаниях, как «История фабрик и заводов» и «Жизнь замечательных людей». Письма Горького к Тихонову — см.: «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 5—98 и XXVIII, 410; XXIX, 83; XXX, 231—233, 294—295. Письма Андреева к Тихонову хранятся в АГ.

² Речь идет о денежных расчетах Андреева со «Знанием» (см. об этом прим. к письму 158).

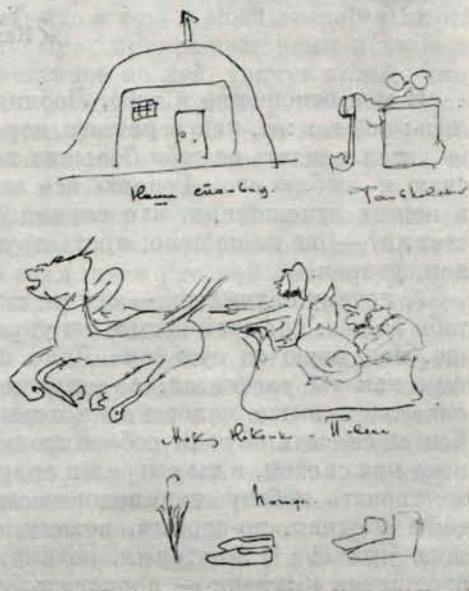
³ За границу Андреев выехал во второй половине ноября 1910 г. (письмо к Н. В. Дризену от 12 ноября 1910 г. — ГПБ, ф. Дризена); он посетил Германию, юг Франции, Корсику. 7 (20) декабря 1910 г. Андреев приехал во Флоренцию, далее отправился в Венецию, откуда выехал в Россию 21 декабря 1910 г./3 января 1911 г. (см. письма Андреева к матери А. Н. Андреевой от 10/23 декабря 1910 г. — ИРЛИ; к Белоусову от 21 декабря 1910 г./3 января 1911 г. — ЦГАЛИ). В Ваммельсуу Андреев возвратился 24 декабря 1910 г./6 января 1911 г. («Утро России», 1911, № 7, 11 января).

⁴ «Современник» — ежемесячный журнал литературы, политики, науки, истории, искусства. Издавался в Петербурге П. И. Певным с 1911 по 1915 г. В первый год существования журнала ведущую роль в нем играл А. В. Амфитеатров. «Журнал будет ровный, твердый, социалистический, ясный, внепартийный. Словом, буду вести, поскольку смогу политически — „Красное знамя“ — без антицаризма открытого,

ШУТОЧНЫЕ РИСУНКИ АНДРЕЕВА В ПИСЬМЕ К МАТЕРИ, 1911 г.

Под рисунками его рукой:
«Наша спальня»; «Фальковский»;
«Мика, Николка и Павел»; «Погода»

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

литературно — утверждение хороших русских традиций реализма в художественном и словесном творчестве», — писал Амфитеатров Горькому в сентябре (октябре) 1910 г. (цит. по вступ. статье А. И. Перепеч к переписке Горького и Амфитеатрова. — МИ, т. 1, стр. 199). Горький, увлеченный мыслью создать в России большой литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник, который помог бы объединению молодых литературных сил и дал возможность проводить в массах социалистическую идеологию, выслал Амфитеатрову для «Современника» первый рассказ из цикла «Жалобы» (начало ноября 1910 г. — «Летопись», II, стр. 158). Заручившись согласием Горького, Амфитеатров начал рекламировать новый журнал. 6 ноября 1910 г. в № 305 газеты «Речь» появилось объявление о предстоящем выходе «Современника», в котором говорилось, что журнал издается «при ближайшем и исключительном участии Александра Амфитеатрова и при постоянном сотрудничестве Максима Горького». 22 ноября 1910 г. Ленин, высмеивая «журнал без направления», писал Горькому: «Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его „Красное знамя“, что во время умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей „левизны“ для политики мало, что после 1905-го года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. 34, стр. 81). В письме к Горькому от 3 января 1911 г. Ленин, ссылаясь на приведенное «Речью» содержание первого номера за 1911 г., замечал: «содержание обещается эсеровско-кадетское. Нехорошо» (там же, стр. 381 и 383). Горький очень серьезно отнесся к предостережению Ленина. В письмах к Амфитеатрову (не ранее 25 ноября и после 18 декабря 1910 г.) он решительно протестовал против своего «постоянного сотрудничества» в «Современнике» («В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 59 и XXIX, 147). Около 15/28 ноября 1910 г. Горький писал С. П. Боголюбову: «Служу о том, что „Современник“ издаю я — не весьма приятен мне, и, по возможности, надобно его опровергать» («Летопись», II, стр. 165). В противоположность единоличному руководству журналом со стороны Амфитеатрова Горький предлагал создать редакционную коллегию, куда вошли бы, кроме Амфитеатрова, Миролюбов и В. М. Чернов. Под общей редакцией вышел № 7 «Современника» 1911 г. Однако направление журнала далеко не соответствовало желаниям Горького. Поэтому в 1911 г. он вышел из состава сотрудников. Вторичная попытка Горького реорганизовать «Современник» относится к сентябрю 1912 — апрелю 1913 г., когда привлеченный к журналу Е. А. Ляцкий предложил Горькому соредакторство. В связи с нежеланием редакции ввести в свой состав ряд рекомендованных им лиц Горький вторично вышел из редакции. В «Современнике» возобладали меньшевики-ликвидаторы, народные социалисты, эсеры, либералы. Ленин определял направление журнала как помесь «народничества с марксизмом» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 153).

160. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Капри. 16 августа ... 8 октября /29 августа...
21 октября 1911 г.>

И мое отношение к тебе, Леонид, в существе и глубине — не изменилось: всё так же, как и раньше, дорог ты мне, так же интересен и отнюдь не устал я ждать от тебя больших вещей, в талант твой — верю, цену ему знаю и люблю его. Говорю все это не из желания замазать трещину в наших отношениях, что случилось — случилось, а сотрется ли, зарастет ли? — не наше дело; врать друг другу и искусничать оба мы не станем, уверен.

А почему случилось — сейчас скажу: первое — «Тьма». Обиделся я на тебя за нее, ибо этой вещью ты украл у нищей русской публики милостыню, поданную ей судьбою. Дело происходило в действительности-то не так, как ты рассказал, а — лучше, человечнее и значительнее. Девушка оказалась выше человека, который перестал быть революционером и боится сказать об этом себе и людям. Был праздник, была победа человека над скотом, а ты сыграл в анархизм и заставил скотское, темное торжествовать победу над человеческим. Затем — «Мои записки»¹ — вещь тоже обидная, во-первых, потому, что совпадает с «философией» бездарного Чулкова², во-вторых, потому, что является проповедью пассивного отношения к жизни — проповедью неожиданной для меня и тебе несвойственной.

Несчастье нашей страны несомненно в том, что мы отравлены густой, тяжелой кровью Востока, это она возбуждает у нас позывы к пассивному созерцанию собственной гнусности и бессилия, к болтовне о вечности, пространстве и всяких высших материях, к «самоусовершенствованию» и прочим длинным пустякам ³. Кроме этого, мы как нация приучены нашей нелепой историей, неспособны к продолжительному и устойчивому напряжению, от того, что устали в разочарованиях, потеряли надежды, не умеем верить и мечемся от фанатизма к нигилизму. Это — в каждом из нас и во всех, с этим бы и надо прежде всего бороться как с таким увечьем, кое искажает душу, препятствует свободному росту и цвету личности, понижает дееспособность. Русь надо любить — надо будить в ней энергию, сознание ее красоты, силы, чувство собственного достоинства, надо прививать ей ощущения радости бытия — согласен? Ну, а «Мои записки» с этим не согласны. И «Тьма» тоже.

Далее: несомненно, что тебе надо было понюхать сколь скверно пахнет слава, ну, хорошо, нюхай! А понюхав — отринь, пихни ее ногой в зад, выгони из дома и — найми хорошую горничную, которая просто понимала бы то, что ты — человек, думающий о делах всех людей, всего мира, и нужен тебе покой, уют, и будет тебе горничная полезнее, приятнее славы. А ты — увлекся. Мережковский, эта дрессированная блоха, ныне возводимая в «мыслители», был прав, когда писал о тебе, что ты втискался в «обезьяньи лапы». Конечно, это подсказал ему какой-нибудь умный человек, злорадно подсказал, но — каково мне было читать его статью о тебе, статью, написанную тоном старой салопницы, которой позволили говорить откровенно и слушают со вниманием? ⁴

Я — могу и ругаться с тобой, потому что люблю литературу, а любя — не обидишь, но эти Мережковские твои судьи, <...> твои лакеи и вся полоротая шваль, кричавшая о тебе на разные голоса, это — обижало меня, и, слушая их разноголосый вой, я знал — с великой болью знал — предадут, затолкают, замордуют.

Это почти случилось, а ты — этому помог сам, своей волей.

Русский писатель должен быть личностью священной, в России нечему удивиться, некому поклониться, кроме как писателю — русский писатель каждый раз, когда его хотят обнять корыстные или грязные руки, должен крикнуть — «прочь! я сам знаю кто я есть в моей земле!» «В моей земле», Леонид, так и говори, ибо наш брат прикрывает раны и язвы ее сердцем своим, и наше сердце, распластанное по ней, топчут копыта скотов — ты это знаешь уже. Ты сократил расстояние между тобой и «обозной сволочью» ⁵ и тем понизил значение литературы — я знаю, не один ты, конечно, а и Куприн, и многие-многие. Но многие, может быть, по твоему примеру: если сам Андреев, то и мы можем.

А потом ты послал телеграмму Ясинскому — ох! Я не сомневаюсь, что ты не читал ни строки его писаний, таких, как «Иринарх Плутархов», «1-ое марта» и т. д., и ты, конечно, не знал кто в русской литературе этот грязный, злой старикашка и чего он заслуживает ⁶. Но Леонид Андреев, ласкающий Иеронима Ясинского, — это, брат, картина мрачная! Хоть реви.

Таким образом, как ты видишь, я с Луначарским согласен, обругал он тебя правильно, что хочешь говори: факт остается фактом — в общей пляске над могилами и ты принял некое участие, в общей «путанице» и ты запутался до признания Ясинского человеком, достойным твоего внимания. Все это, право же, не похвально, все — цепь ошибок — заторопился ты и — понизил себе цену, понизил внимание к тебе.

А по поводу «Знания» мне нечего сказать; с отзывом твоим о К. П. Пятницком согласен: да, он болен, этот кряж загнил изнутри. Ни на минуту не огорчило меня, что ты ушел из «Знания», но жалко, что попал в руки Цейтлина. Был у меня этот человек: сила его в деньгах, а ума ему бог не дал ⁷.

Вот каково мое отношение к тебе, вот каков рисунок тех царапин, которыми я награжден от твоей руки.

Не перестать ли говорить об этом? Будешь объясняться? Не советовал бы, слова меня не убеждают и не убеждали никогда, но — попробуем опять вместе варить новую кашу. Новую.

Я живу больше в России, чем ты, и в «подъеме настроения» не очень верю, подъем этот надо создавать, а надеяться на него — не следует. Пока что подъем выражается в более напряженном, чем два-три года тому назад, ожидании — а не побьет ли нас кто-нибудь? Это желание получить толчок извне, со стороны, явно свидетельствует о том, что в самом себе, внутри, мы еще не имеем свободной энергии для драки. И вот наша очередная задача и работа: собрать рассеянную энергию, освободить ее из сети и цепей различных недоразумений, испугов, неверий и т. д., китайской чепухи.

Эта работа — только примись за нее! — снова возвратила бы литературе русской ее значение, снова поставила бы ее в позицию, с коей разные «услужающие» сдвигали и сдвинули ее.

Уже и бывшие сторонники «чистого искусства» — вроде Брюсова — начинают жаловаться на разрыв поэзии с жизнью⁸ — поворотничко естественный, его надо было ожидать, конечно. Само собою разумеется что я, в данном случае, говорю не о «тенденциях» и «программах», а о духе, о настроении: люди, кажется, почувствовали — а некоторые даже и прочувствовали — свое одиночество в стране родной, в жизни, и трагизм этого одиночества кое-кем поняли, значит — надо ждать, что от «вечности», «беспредельного пространства», «рокового противоречия полов» и из всех прочих темных чуланов публика начнет вылезать на свет, на свободу для спора за себя, за свое право жить хорошо, как достойно человека.

Человек — все еще пункт моего помешательства, даже и ругаясь с ним, я все-таки люблюсь — славная бестия! Если бы он не был так ленив и более понятна была бы ему красота движения.

Но — о всех этих премудростях надо говорить нос к носу.

Съезд? Что же, можно и съезд. Но предварительно хорошо бы нам соткнуться вдвоем, или хотя подробно списаться. Напиши мне, как ты представляешь себе съезд, кто, когда, где и все прочее.

Удача кажется мне возможной. Впрочем, мне всегда и все казалось возможным, отчего за последние пять лет жизнь моя сложилась в цепь отвратительных и смешных неудач. Конечно, это меня не укрощает и, как всегда, я обременен чертежами воздушных замков, которые, ей-богу, интересны и своевременны. Впрочем — воздушные замки всегда своевременны.

К «Современнику» имею весьма отдаленное касательство, в составлении «манифестов» его — участия не принимал, заметь себе это!⁹

Как видишь, и я печатаю. От писательства у меня скоро отсохнет рука.

Будь здоров, будь бодр! Желаю всяких благ. Обнимаю и жду письма.

А. Пешков

Текст написан на машинке; только фраза — «Впрочем — воздушные замки всегда своевременны» и приписка со слов: «Как видишь, и я печатаю...» — от руки.

¹ Повесть Андреева «Мои записки» впервые опубликована в альманахе «Шиповник», кн. 6 (СПб., 1908) и одновременно издана Ладыхниковым в Берлине. Авторская оценка повести приведена в статье А. Измайлова «Леонид Андреев о своей повести» («Биржевые ведомости», веч. вып., 1908, № 10797, 6 ноября).

² Георгий Иванович Чулков (1879—1939) — писатель и литературный критик. В печати выступил в 1899 г. в «Курьере» (рассказ «На тот берег»). Как член студенческого исполнительного комитета Московского университета участвовал в нелегальном заседании 27 января 1902 г. у студента А. И. Колмогорова, на котором было принято решение о сходке и антиправительственной демонстрации в день 9 февраля (см. прим. 1 к письму 46). После ареста был сослан в Якутскую область. По возвращении в Россию сблизился с символистами; в 1904 г. принял предложение Мережков-

КАБИНЕТ АНДРЕЕВА НА ЕГО ДАЧЕ В ВАММЕЛЬСУУ В ФИНЛЯНДИИ

Фотография К. К. Буллы, 1912 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ского сотрудничать в «Новом пути». Печатал стихи в органах символистов — «Пере-вал» (с 1906 г.), «Лебедь» (1908) и др. Выступал с проповедью «мистического анархизма» (сб. «Факелы», которые он редактировал). Воспоминания его о встречах с Андреевым — см. в «Книге о Л. Андрееве», стр. 61—74; письма Андреева к Чулкову (не все) опубликованы в книге: «Письма Леонида Андреева». Л., «Колос», 1924.

³ Впоследствии эти мысли были подробно развиты Горьким в статье «Две души» (см. стр. 49 настоящ. тома).

⁴ См. прим. 1 к письму 156.

⁵ Выражение «обозная сволочь», впервые употребленное Андреем Белым (Андрей Б е л ы й. Арабески. СПб., 1911, стр. 294), использовано Горьким в статье «О современности» («Русское слово», 1912, № 51, 52, 2 и 3 марта). См. также статью Ст. Ивановича «Пресса модерн» — в сб. «Литературный распад». СПб., изд. «Зерно», 1908, стр. 127, 141—145, 147—148.

⁶ Иероним Иеронимович Ясинский (псевдонимы: Максим Белинский, Чуносков, Независимый; 1850—1930) — беллетрист и публицист, сотрудник многих изданий от «Биржевых ведомостей» до пошлых иллюстрированных журнальчиков «для семейного чтения»; издавал собственные журналы: «Ежемесячные сочинения», «Беседа», «Живописец» и др. Реакционные пасквильянтские романы Ясинского «Иринарх Плутархов» и «1-е марта 1881 года» напечатаны: первый в журнале «Наблюдатель», 1886, № 3—7; второй — в «Ежемесячных сочинениях» 1900 г. После Октябрьской революции Ясинский работал в Пролеткульте. Отношение Горького к литературно-общественной деятельности Ясинского дореволюционного периода неизменно оставалось отрицательным. Так, в сентябре 1911 г. он заявил об отказе сотрудничать в журнале «Новая жизнь», когда ему стало известно, что редакция намеревается опубликовать повесть Ясинского (см. письмо к Ясинскому от первой половины октября 1911 г. — XXIX, 197). Приветственная телеграмма Андреева была послана Ясинскому 8 января 1911 г. по случаю сорокалетия литературной деятельности последнего. Текст телеграммы появился в печати: «Красоте ваших седых волос, красоте ума и сердца вашего низко кланяюсь. Светло и радостно проведите сегодняшний день. Не люди, а сама жестокая жизнь, побежденная талантом вашим, склонившись, приветствует вас громогласно. Леонид А н д р е е в» («Исторический вестник», 1911, № 2, стр. 704).

Ясинский одним из первых оценил талант Андреева («Ежемесячные сочинения», 1901, № 12) и в дальнейшем часто выступал с критическими статьями о его сочинениях (М. Ч у н о с о в. Критические статьи. <СПб.>, 1904; газ. «Слово», 1905, № 63, 97 и др.). Сближение Андреева и Ясинского относится к 1911 г. (см. очерк Ясинского о посещении Андреева в Ваммельсуу. — «Синий журнал», 1911, № 11, 5 марта, стр. 2—3). «Упрекают меня, — сказал Андреев в беседе с публицистом Л. Клейнборгом, — что я послал Ясинскому поздравление по случаю его юбилея. А знаете: заметка обо мне Ясинского, — первая, какую я читал в печати, — сказала мне столько, сколько впоследствии не сказала вся литература обо мне. Ясинский, конечно, не критик, и заметка его состояла из нескольких строк. Но могу ли я не быть признательным ему? Такие вещи запоминаются невольно» (Л. К л е й н б о р г. Встречи. Леонид Андреев. — «Былое», № 24, 1924, стр. 178). В 1916 г. Андреев намеревался вместе с Ясинским совершить путешествие по Кавказу (см. письмо Андреева к М. М. Гаккебушу. — ИРЛИ). Воспоминания Ясинского об Андрееве вошли в его книгу «Роман моей жизни» (М. — Л., 1926, стр. 308—312).

⁷ Натан Сергеевич Цейтлин (Цетлин; род. 1872) — юрист, владелец книгоиздательства «Просвещение» и книжного магазина «Культура» в Петербурге. В декабре 1910 г. приезжал на Капри для переговоров с Горьким и Пятницким. Цейтлин предлагал печатать и продавать издания «Знания» при условии отчисления в свою пользу десяти процентов от номинальной стоимости проданных книг. Соглашение не состоялось. См. также прим. к письму 158.

⁸ Речь идет о статье Брюсова «Литература и искусство», содержащей в себе обзор вышедших в 1910—1911 гг. сборников стихотворений С. Алякринского, Н. Брандта, М. Гофмана, С. Клычкова, В. Нарбута, М. Цветаевой, А. Н. Толстого, И. Эренбурга и др. «Я говорю, — писал Брюсов, — о поразительной, какой-то роковой оторванности всей современной молодой поэзии от жизни. Наши молодые поэты живут в фантастическом мире, ими для себя созданном...» («Русская мысль», 1911, № 2, отд. II, стр. 228).

⁹ Имеются в виду статьи «От редакции» в «Современнике», 1911, № 1 и 7, написанные Амфитеатровым. См. прим. 4 к письму 159.

161. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Ваммельсуу. 12/25 октября 1911 г.>

Алексей! Написал я большое письмо.... и решил не посылать ¹. Действительно, не стоит. При том глубоком отчуждении и непонимании, каким дышит каждое слово твоего письма — мои справедливые упреки не дойдут до сердца и только подольют масла в огонь. Расходиться же нам из-за личного не следует.

Единственное, что заслуживает внимания в твоём письме, это твоё отрицательное отношение к «Тьме» и «Моим запискам». Здесь ты действительно имеешь дело со мною (а не с воображаемым субъектом), и поскольку твоё отрицание серьезно и обосновано, постольку в самом существе нашей работы могут встретиться препятствия к совместному дружескому труду.

Сейчас я заканчиваю роман «Сашка Жегулев» ², и как только выйдет, пришлю тебе: эта вещь — я думаю — может способствовать окончательному выяснению наших писательских товарищеских отношений. Возможно, что ты примешь ее, и я буду очень рад; но возможно, что и отвергнешь — тогда и толковать не о чем.

Со своей стороны я остаюсь, как я писал, твоим другом и люблю тебя. Пусть эта любовь стала только болью, от этого она не меньше.

Твой Л е о н и д

12 октября 1911 г.
Терноки, Ваммельсуу

¹ Это письмо не дошло до нас.

² Роман «Сашка Жегулев» был закончен 19 октября 1911 г. и впервые опубликован в альманахе «Шиповник», кн. 16, 1911 (альманах вышел в свет в январе 1912 г.). См. публикацию предисловия Горького к «Сашке Жегулеву» и прим. к нему (стр. 400—406 настоящ. тома).

162. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Капри. 21 октября/3 ноября 1911 г.〉

«Каждое слово твоего письма дышит глубоким отчуждением и непониманием», — пишешь ты, Леонид. Дорогой мой друг, — «отчуждение» это — то, чего я не чувствую и во что ты — не веришь, извини меня.

Будь иначе, — то есть верь ты или чувствуй я это отчуждение, — всякие мечты о «совместной дружеской работе» явятся ложью. Это ясно.

«Непонимание», пожалуй, ближе к правде, и ты напрасно не послал мне письма с «упреками», может они и дошли бы до сердца, ведь я тебя сердцем люблю, а не головой.

Очень, с большим нетерпением жду твою повесть ¹.

Ах, господи, как противна эта возня мертвых душ с «Живым трупом» и как бесстыдно сказалось в ней полное отсутствие уважения к Л. Н. Толстому и в обществе и, — особенно! — в прессе ².

Очень я устал от приступов бешенства, все чаще одолевающих меня.

Будь здоров, жму руку.

А. Пешков

Дата поставлена Горьким на черновом автографе письма (АГ) — 3/XI 911.

¹ «Сашка Жегулев». См. письмо 161.

² Подразумевается полемика в прессе вокруг постановки Московским Художественным театром драмы Толстого «Живой труп» (премьера состоялась 23 сентября 1911 г.). Предпринимая попытки ослабить силу обличения Толстым основ существующего строя, буржуазная критика много писала о мнимой художественной неполноценности драмы, ее незавершенности и несценичности (см., например, статью Ю. И. Айхенвальда «Идея „Живого трупа“» в журнале «Студия», 1911, № 1). Скандальный характер полемике придадо письмо некоего А. С. Соколова в Выставочный комитет Толстовского музея, в котором тот обвинял Толстого в плагиате и, угрожая судом, требовал как «действительный автор» предоставить ему право распоряжаться по своему усмотрению гонораром, выплаченным Художественным театром наследникам Толстого («Театр и искусство», 1911, № 45, стр. 854). «Биржевые ведомости» поспешили опубликовать по поводу письма Соколова отклики Н. А. Котляревского, Мережковского и В. А. Маклакова (веч. вып., № 12608, 29 октября; см. также статью П. Россияева «Около „Живого трупа“». — Там же, № 12616, 8 ноября). Свое отношение к «Живому трупу» Андреев выразил в беседе с журналистом: «Я не был и не пойду смотреть эту пьесу. Это не пьеса, но черновик, остов предполагавшейся пьесы, правда, чудесный черновик, но все же его ставить на сцене не следовало бы. Толстой переделывал свои вещи по восьми раз, это первый черновик. Если бы Толстой окончил эту пьесу, то получилась бы вещь необычайной художественной силы» (С. Н и к и т и н. У Леонида Андреева. — «Петербургская газета», 1911, № 312, 13 ноября).

1912

163. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ваммельсуу. Конец февраля 1912 г.⟩

Знаешь, дорогой мой Алексеюшка, в чем горе наших отношений — ты никогда не позволял и не позволяешь быть с тобою откровенным. Ты странный; я знаю, как ты не любишь аскетизм, а в то же время ты аскет: я не встречал человека, который так упорно и жестоко умерщвлял бы личную жизнь, личный разговор, личные страдания. Почти полгода прожил я на Капри бок о бок с тобою, переживал невыносимые и опасные штурмы и дранги, искал участия и совета именно в личной, переломавшейся жизни — и говорил с тобою только о литературе и общественности. Это факт: живя с тобою рядом, я ждал приезда Вересаева, чтобы с ним посоветоваться — кончать мне с собой или нет!

Как можно отсекать душу от тела? Я не одними идеями питаюсь, моя личная жизнь такой же факт, как и литература моя — как отделить одно от другого и сказать личной жизни: не существуй, притворись, что тебя нет, спрячься. Так или иначе всё, что я пишу и думаю и чувствую, есть результат личного опыта... да, боже мой, ты сам читаешь биографии и знаешь, зачем это нужно, а от моей соседской и товарищеской биографии отгородился стеною. И себя отгородил, будто ты и не человек. Да, рядом — но как две книги в библиотечном шкафу; и как легко оказалось нас разделить — только протянуть руку и расставить!

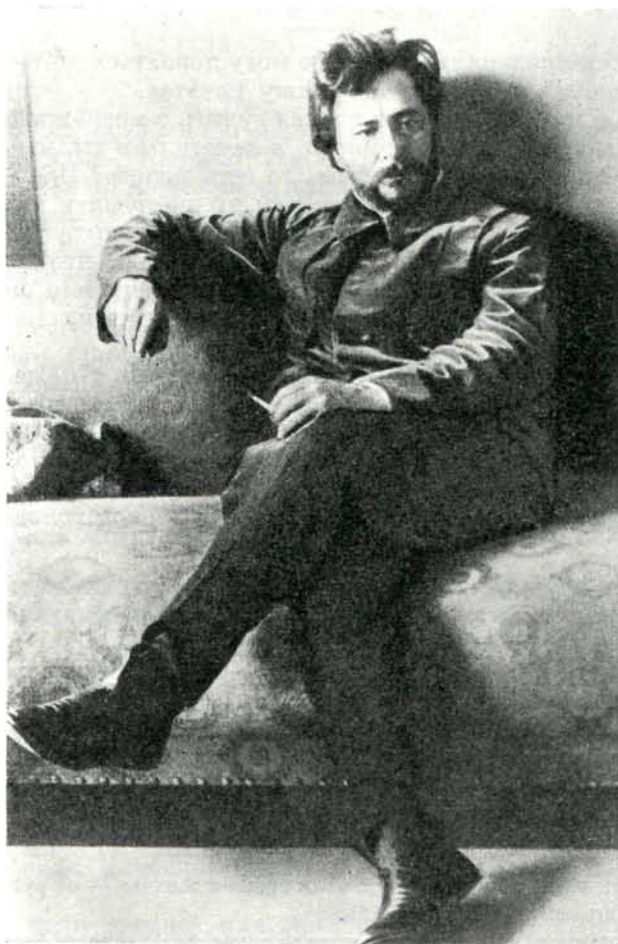
И сколько отсюда недоразумений, тяжелого непонимания, жестокой несправедливости! И какое беспечное и ненужное одиночество, добровольное затворничество в свою келью под елью!

Если бы я тебя не любил! Но я тебя люблю по-настоящему, по-человеческому, не литературному — и не было ничего обиднее и бессмысленнее, как молчать с тобою о тебе и о себе. О себе я еще лопотал под сурдинку, между строк, что можно, а о тебе только молчал. И о твоих вещах молчал — мне пришлось бы тогда коснуться личной твоей жизни, самого тебя, а этого нельзя.

Вот я сажаю деревья, вот я построил дом, родятся дети, у меня жена, знакомые, разные отношения — и обо всем об этом молчи. И если в рассказе я употребил не то слово, какое надо, то могу посоветоваться с тобой и ты с радостью поможешь; но если в жизни встанет предо мною затруднение, от которого зависит и самое писательство мое — об этом ни говорить, ни советоваться не надо, нельзя, нехорошо. Да почему же нехорошо? Только в содружестве с людьми, в совете с ними и доверии и можно строить хорошую жизнь, исправлять ошибки, не затягивая их до тех пор, пока не станут они преступлением.

Среди людей много скотов, и это мешает правильным отправлениям. Но если не обращать внимания на скотов и не считаться с их мычанием и гнуснейшими, профанаторскими под человека подделками (а это можно). то доверие и откровенность нужно доводить до публичности, всенародности. Я индивидуалист, ладно — но, вот как раз теперь я обдумываю для сочинения (а задумал много лет назад) некоторые внецерковные обряды для

неверующих: при рождении, при вступлении в брак, при смерти и похоронах. И в этих моих обрядах главную роль выполняет народ: он есть крестный отец, и перед лицом его нарекается родившийся и его попечению отдается и пред ним обязуется; он есть также и посаженный отец, отдающий в брак, и ему обязаны отчетом. И развод у меня публичен: пусть расходятся, но пусть же и дадут отчет народу, при нежелании и невозможности открыть совсем тайное только заявят: расходимся¹.

АНДРЕЕВ

Фотография А. И. Андреевой. Финляндия, Ваммельсуу, 1910-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

И такое место народу я отвожу потому, что чувствую мое с ним коренное братство и отчество, и совесть моя есть не что иное, как вечный ответ народу. Сейчас я, пожалуй, и не пошел бы на исповедь к народу, запуган множеством скота — но ту же исповедь я даю перед лицом отдельных людей; и это не есть ни болтливость, ни выставление язв на показ, ни отсутствие самоуважения, а то чувство братства, которое меня, индивидуалиста, связывает со всем миром.

О, боже мой! — сколько щелчков я получил с этой откровенностью, сколько раз плевали мне в душу, извращали и слова и смысл — ведь

время-то такое, что пойдя я на площадь каяться, и назовут саморекламой, да не только назовут, а реклама и выйдет. И сколько раз давал я себе зарок: молчать перед каждым человеком, как перед жандармом на допросе — и каждый раз просыпался.

Пойми же, как трудно, потому что совсем неестественно, было мое молчание перед тобою, наше молчание. И неужели так же будет и впредь, и вновь будут возможны такие же недоразумения, как твое недавнее письмо, и, сидя в гордых особняках за железными дверями, мы будем перекликаться через улицу в назидание прохожим?

Работаю, как вундеркинд, и все не могу дорваться до письма. Та беда, что много написать хочу. Но продолжу начатое.

Чудачок мой милый, зачем ты взялся судить о моей жизни изнутри — ведь ты ее не знаешь! Ты все заметил, а заметил ли ты, что за два года я написал всего-навсего девять листов, то есть ничего? Ибо — коротко говоря — кроме того несчастья, о котором ты позабыл и которое само по себе могло уходить человека — смерти Шуры, я испытал несчастье большее (его ты не знаешь), характера столь серьезного, что двухлетнюю болезнь мою я считаю платой дешевой: другой на моем месте, менее крепкий, попросту спятил бы. Ведь только в нынешнем году я начал поправляться и приходиться в себя!

После второго письма твоего я почувствовал, что ты еще любишь меня немного, и потерял всякую охоту считаться, шебаршить, объяснять и доказывать, — но тем большее желание правдивейше и дружески, не укрывая личного, поговорить с тобою. Мне кажется, что это и мне и тебе доставит только удовольствие; и многое переоценится. Мне удовольствие во всяком случае: уже давно я испытываю «людской голод».

Так треплет жизнь, что боюсь никогда не кончить письма. Посылаю так: прости за машину и за карандаш, вдруг в доме не оказалось у писателя ни одного пера.

Получил ли «Жегулева»? Я послал его еще в гранках; завтра, на случай, пошлю еще.

В дрянное время вышел «Жегулев»: сразу заключил его в лягушечьи объятия Измайлов², и не видать Сашке добра: стражники не убили, критики добьют. Но я несколько не мрачен, а даже весьма весел.

Целую тебя. На днях еще напишу.

Твой Л е о н и д

Текст написан на машинке; со слов: «Так треплет жизнь» — от руки, карандашом. Датируется по связи с письмом 165.

¹ Впервые в печати по вопросу о гражданском и церковном браке Андреев выступил в газете «Русь», 1907, № 248, 18 сентября. Дискуссия, в которой, кроме Андреева, приняли участие Чириков, Найденов, В. А. Тихонов, О. О. Грузенберг, В. В. Розанов и др., открылась письмом в редакцию М. Г. Огуз и А. А. Нестора, публично заявивших о своем отказе совершить бракосочетание по церковному обряду. Не отвергая церковный брак вообще, Андреев в своем ответе защищал свободу совести. «В вопросе семейного союза, — писал он, — всякий, по моему твердому убеждению, должен поступать так, как ему диктует его разум, совесть». Андреев собирался писать очерк «Похороны» и выразить в нем свое отрицательное отношение к изжившим себя обрядам (А. К а у ф м а н. Андреев в жизни и в своих произведениях. — «Вестник литературы», 1920, № 9, стр. 3).

² А. И з м а й л о в. Сашка Жегулев. Новый роман Леонида Андреева. — «Биржевые ведомости», веч. вып., 1911, № 12671, 6 декабря. Анализируя образы Жегулева и Колесникова, критик упрекал автора в психологической «однотонности» романа, построенного «на простых и легоньких контрастах ангельской чистоты Погодина и ужаса его призрачной идеи».

Андреев придавал большое значение «Сашке Жегулеву» для восстановления отношений с Горьким. Изменив обыкновению знакомить критиков со своими произ-

ведениями еще до их опубликования, Андреев хотел узнать мнение Горького о «Сашке Жегулеве» до того как вокруг романа развернется журнально-газетная полемика. 25 ноября 1911 г. в письме в редакцию «Биржевых ведомостей» (веч. вып., № 12653) Андреев в самых энергичных выражениях протестовал против «нелитературного приема» Ал. Ожигова («Н. П. Апешова»), который, «забегая вперед и становясь между произведением и читателем», познакомился с рукописью «Сашки Жегулева» в редакции «Шиповника» и напечатал о романе статью «Литературные мотивы. „Сашка Жегулев“ Л. Андреева» («Современное слово», 1911, № 1396, 23 ноября). Особенно обеспокоило Андреева то, что рецензия Ал. Ожигова была отрицательной (см. также: Ал. О ж и г о в. Письмо в редакцию. — «Биржевые ведомости», 1911, № 12655, 26 ноября).

164. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 10 ... 16/23...29 марта 1912 г.⟩

«Ты никогда не позволял и не позволяешь быть с тобою откровенным», — пишешь ты, — я думаю, что это неверно: лет с шестнадцати и по сей день я живу приемником чужих тайн и мыслей, словно бы некий перст незримый начертал на лбу моем: «здесь свалка мусора». Ох, сколько я знаю и как это трудно забыть!

Касаться же моей личной жизни я никогда никому не позволял и не намерен позволять. Я — это я, никому нет дела до того, что у меня болит, если болит. Показывать миру свои царапины, чесать их публично и обливаться гноем, брызгать в глаза людям желчью своей, как это делают многие, — и отвратительнее всех делал злой гений наш Федор Достоевский, — это гнусное занятие и вредное, конечно¹.

Мы все — умрем, мир — останется жить; он показывал и навязывал мне много злого и грязного, но — я не хочу и не принимаю мерзостей его; я взял и беру от мира хорошее, мне не за что мстить ему, не зачем отравлять людей позорным видом моих ран и язв, оглушать их моим визгом.

«Братство» — отнюдь не в том, чтобы — как это понимают у нас — показывать брату внутреннюю скверну свою и грязь, но в том, чтобы хоть стыдливо молчать об этом, если уж не можешь уничтожить этого.

Пишущие люди современности нашей тем особенно противны стали за последнее время, что ходят при людях без штанов и задом наперед, скорбно показывая миру болящее свое место, а место это потому болит, что не знает, куда можно спокойно сесть.

«Зачем ты взялся судить о моей жизни», — пишешь ты. Я не судил о твоей жизни, я говорил о твоей литературе, говорил, а не судил. Я вообще не сужу, а говорю о том, что мне нравится, и о том, что не нравится.

Книга для меня вреднее или полезнее человека, — глядя потому — какая, — книга дольше человека живет в мире, и мне, человеку мирскому, книга интереснее головы, создавшей ее, — я говорю о голове потому, что от сердца ныне не умеют писать. Мир держится деньгами и — чем далее, тем более становится актуален, человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, — кто бы он ни был, — мне враждебен, ибо я всю жизнь утверждал необходимость отношения активного к жизни, к людям. Здесь я фанатик. Многие, прельстясь развратной болтовней азиата и нигилиста Ивана Карамазова, трактуют, пошлейше, о «неприятности» мира, ввиду его «жестокости» и «бессилия», — будь я генерал-губернатором, я бы не революционеров вешал, а вот этих самых «неприемщиков», зане сии языкоблудцы для страны нашей вреднее чумных крыс.

«Сашку» — читал². Это написано плохо — скучно и пестро. Удалась, на мой взгляд, только сестра Сашки, одну ее ты написал, не мудрствуя лукаво, и вышло славно. А сам Сашка — деревянная болванка, знакомая

издавна; это все тот же изжеванный русской литературой «агнец», — то есть баран, — приносящий себя в жертву за «грехи мира», возлагающий на себя бремя неудобносимое и охающий разногласно, но — всегда одинаково и в 80-х, и 10-х годах, — под игом своим, якобы добровольно взятым на рамена.

А — совсем не добровольно и всегда — не по силам; никогда не для себя, но — обязательно во имя чье-то.

В общем, ты стал слишком литературен — в том смысле, что вдохновения твои холодны и надуманы. Ты ведь обманываешь себя, говоря «все, что я пишу, думаю и чувствую, — есть результат моего личного опыта». Оставим думы и чувства, им не место в этой фразе, но ты же не станешь утверждать, что «Сашка» — результат «личного опыта», ибо хотя эта повесть и насыщена фактами русской действительности, — освещение и толкование фактов совершенно литературное, то есть искусственное, не живое. Вот если бы ты взял у адвокатов, выступавших по делам об экспроприациях, ну, хоть уральских, обвинительные акты, а еще лучше — следственные производства, да прочитал их, ну, тогда еще можно говорить о «личном опыте». Из этих документов ты увидел бы, как неестественна у тебя вся обстановка Сашкиной жизни и как излишни Гнедые. Сейчас со мною живет лицо, знавшее Савицкого³ гимназистом и следившее за его деятельностью, — конечно, единичные показания недорого стоят, ввиду их субъективности, но, все же, с действительностью надо бы обращаться более серьезно, чем это допускаешь ты.

Хоть бы тебя в Вятку сослали, дабы ты выплыл из «океана» холодных мудрствований твоих и, ударившись о камни действительности, взвыл бы, заорал по-человечески!

Разошлись же — и расходимся всё далее — мы с тобой не потому, что у нас не возникли личные отношения, а потому, что они не могли возникнуть. Нам казалось, что они возможны, но мы ошибались. Слишком различны мы. Я человек со стороны и живу в стороне, и я не интеллигент — избави мя боже! Да, это ужасно печально, что нет Дамы Шуры — какое чудесное существо, люблю я ее, по сей день ясно вижу глаза, улыбку и за ней — неправильные зубы — ужасно хорошо, что неправильные.

А у тебя вот — все строго-правильно, все разлиновано и оттого — скучно все.

Ты не подумай, что я считаю себя хирургом от морали и полагаю, что у человека можно отрезать то, с чем он родился, нет, конечно: уж если курнос — так и умрешь.

Каждый из нас остается с тем самым носом, коим наградила его природа, только не надо бы утверждать столь настойчиво: мой орган обоняния — самый чуткий и красивый на земле, ибо он всюду слышит запах гниения!

Будь здоров, расти большой, на меня — не сердись, — бесполезно. Да и не за что, — я к тебе отношусь очень хорошо, уж это я знаю.

До свидания.

А. Пешков

Текст написан на машинке, только конец письма со слов: «Будь здоров» — от руки.

Датируется по связи с письмом 165.

¹ Об отношении Горького к Достоевскому — см. статьи Б. А. Бялика «Борьба Горького-художника против реакционных идей Достоевского» («Горьковские чтения. 1949—1950». М., 1951); «Достоевский и достоевщина в оценках Горького» (в кн.: «Творчество Ф. М. Достоевского». М., 1959).

² Роман Андреева «Сашка Жегулев».

³ О Савицком — см. в прим. к предисловию Горького к «Сашке Жегулеву», ниже, стр. 406.

165. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Ваммельсуу. 28 марта/10 апреля 1912 г.>

Я долго не решался, отвечать ли на твое письмо или молчать и в молчании, без лишних разговоров, поставить крест на наших отношениях. Я знал, что мое письмо так или иначе будет тяжело для тебя, и мне не хотелось, да и сейчас не хочется добавлять лишнюю каплю горечи к той жизни, которую ты вынужден вести вдали от родины и близких, и которая сама по себе не сладка. Но, с другой стороны, я боялся и боюсь, что молчание мое будет истолковано неверно, и, как все другие твои неверные толкования, принесет тебе же новый вред. Наконец, оба мы не настолько слабы, как бы ни складывалась наша жизнь, чтобы не иметь достаточно силы как для высказывания, так и для выслушивания самых тяжелых вещей. Поэтому — пишу.

Начну с того, что все мои письма были мягки, корректны, и ни одним грубым словом не выходили за пределы того разговора или спора, который только и возможен для людей себя уважающих. Мне далеко не все нравится в твоей жизни (конечно, не личной), но судить о ней, не зная всех фактов, я считал себя не вправе; и ни одного слова обвинения или упрёка нет в моих письмах. И то, что в последнем письме я говорил о твоей и нашей неоткровенности, я ставил на почву общую, предлагал обсуждению как вопрос.

Твои же письма (за исключением коротенького второго) были непозволительно и беспричинно грубы, временами по характеру приближаясь к уличной брани, беспричинно злы и самодовольно несправедливы. Я бы назвал их даже циническими, настолько были они грубы и так мало свидетельствовали об уважении к своему слову и к человеку вообще. Пусть ты не имеешь оснований уважать меня, — это не извбавляет тебя от обязанности быть вежливым, сдержанным и не судить категорически и безапелляционно о том, чего ты не знаешь. Но о твоём неуважении к человеку поговорю потом.

Смысл твоего первого письма был тот, что в погоне за славой (это твоя любимая мысль, которую ты высказываешь и печатно) я стал писать дурные вещи; жизнь же моя такова, что я не только худ сам, а и другим подаю дурной пример, являясь чуть ли не источником и во всяком случае пособником и поощрителем всех тех мерзостей, что творятся сейчас в литературной среде. Циник Куприн, друг «Петербургской газеты» и «Синего журнала»¹, был поставлен тобою в один ряд со мной — вернее, даже несколько позади. И все это высказывалось тобою тоном не то что полной убежденности, а какой-то вещей и объективной правды: будто тебе ведомо не только все явное, но и тайное, вплоть до мотива, от всех скрытого, моей деятельности, — любви к славе. Сидя за тысячи верст от нашей жизни, даже забыв, по-видимому, мое лицо, ты на основании газетных и изустных сплетен, статей Мережковского² и «обозной сволочи»³ выносил мне обвинительный приговор, своей решительностью, краткостью и нарушением всех норм справедливости напоминающий собою приговоры русских военно-полевых судов. Как трагический курьез, до которого не доходили даже военно-полевые судьи, — ты сделал в конце письма заявление, что все мои попытки оправдаться будут бесполезны. Другими словами, ты не только не выслушал обвиняемого, прежде чем поставить приговор, но и заранее отказался выслушать его. Так не поступает даже бог всеведающий: и он в свое время выслушал Макара⁴.

Обвинил же ты меня не в пустяке, а в самом важном преступлении, какое существует для писателя: в продажности. Ибо что такое погоня за славой, ради которой писатель пишет дурные вещи? Не все ли равно,

за что продается человек: за деньги, женщин, за славу или за бутылку водки? Такое обвинение можно предъявлять писателю только с крайней осторожностью, имея на руках доподлинные факты, иначе это обвинение ничем не будет разниться от той повседневной и крикливой клеветы, которою занимается с самоуслаждением некультурная, завистливая и жалкая газетная шваль. Какие же факты ты имеешь? И факты настолько бесспорные и убедительные, что мое слово является ненужным? И с какого времени, с какой вещи началась эта погоня за славой и продажность?

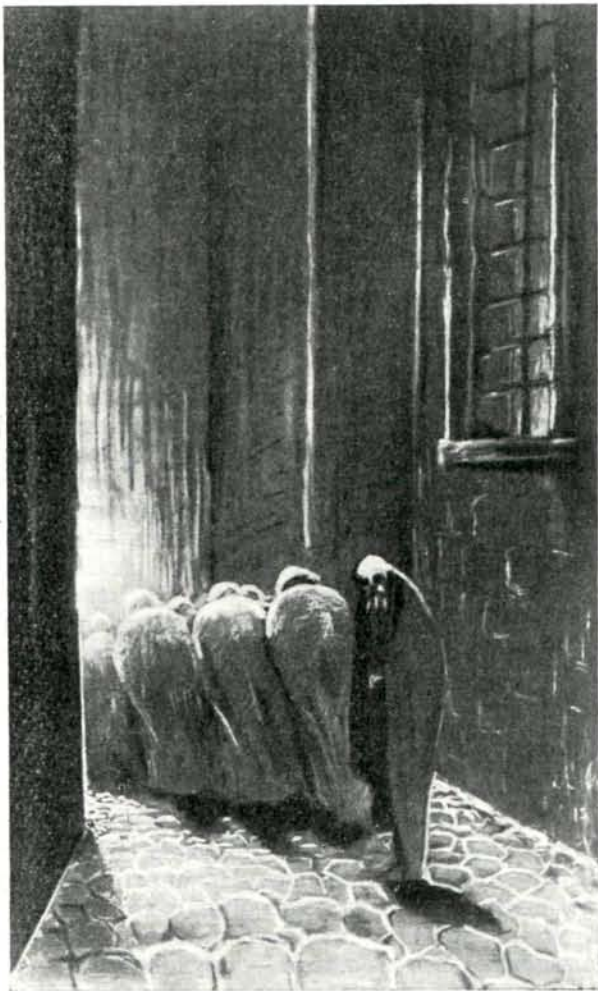
Есть один почти несомненный признак, по которому можно узнать продажного писателя: он пишет не для себя, а для хозяина, кто бы им ни был — правительство, публика, толпа. Таков характер всего «Нового времени» и нововременцев; в крайнем случае, они меняют только хозяев, но лакейский облик сохраняют всюду. Я помню, как ты разбирал первую книжку «Красного знамени» Амфитеатрова⁵ и находил в нем лакейские черты нововременства.

Какие же из моих вещей и в угоду какому хозяину написаны? И какую награду за свою услужливость я получил? «Царь-Голод», о котором я рассказывал тебе еще на Капри и за который на меня обрушилась вся печать как правая, так и левая⁶. «Семь повешенных» — правда, этот рассказ имел успех, но если здесь я был лакеем, то я прислуживал за одним столом с Толстым, который в ту же пору писал свое «Не могу молчать»⁷. «Черные маски»⁸ — «Мои записки» — «Тьма» — всё вещи, сплошь обруганные и справа и слева и никому не доставившие того удовольствия, за которое платят услужливому лакею. Вообще это бесплодное занятие: перечислять мои вещи — ни в одной из них, о чем бы она ни говорила, нельзя найти ни намека на услужливость, желания снять пенки с господствующих вкусов и настроений. Уж не «Океан» ли, над которым до сих пор кротко глумятся все Измайловы⁹, или «Сашка Жегулев», сплотивший в единодушной хуле Зинаиду Гиппиус¹⁰ и М. Горького, Измайлова¹¹ и Редьку?¹² Цензура меня режет, критика сплошь поносит, у меня нет пристанища ни в одном литературном кружке, у меня нет во всей печати ни одного друга — таковы плоды моей погони за славой!

В последнем письме ты еще более определенно выражаешься на этот счет: я, по твоим словам, принял участие в пляске над могилами. Это когда же и где же я плясал? — в «Семи повешенных» или в «Сашке Жегулеве»? И такие обвинения ты высказываешь, ничтоже сумняшеся, скрепляешь твоим почтенным подписом и считаешь столь незыблемыми, что всякий разговор с моей стороны на эту тему является «бесполезным». И только одно могу я ответить: ты, Максим Горький, не уважаешь ни человека вообще, ни писателя, как не уважают его военно-полевые судьи и все те, кто с легким сердцем бросает человеку обвинение в гнусности.

Есть один, почти несомненный признак, по которому можно узнать неуважающего людей: это та легкость, с какою клеймят, грязнят и казнят человека. Уважение в том и заключается, что всякий человек по презумпции считается хорошим, и нужно обратное доказывать. И наоборот: человек заранее считается способным на всякую мерзость, и что бы о нем ни сказали, в чем бы его ни обвинили, всему дается легкая и дешевая вера. В дальнейшем развитии своем это приводит к выискиванию у человека для всех его действий самого гнусного мотива: живет так-то для рекламы, пишет для денег или для славы, хворает, чтобы вызвать сочувствие, здоров, чтобы похвастаться и потому, что дурак. Специфически русская черта, которую когда-то и ты испытывал на себе, а теперь, издали и ничего не зная, даешь почувствовать и мне.

Но в твоём отношении к человеку есть и еще нечто, пожалуй, не менее разительное, чем неуважение: это барство. Другим словом я не могу назвать того тона — с одной стороны пренебрежения, с другой — превосходства, которым ты пользуешься при объяснениях и обвинениях. Совсем барским жестом ты раздаешь зуботычины, осуждаешь, милуешь,

КАРТИНА АНДРЕЕВА «ОДИН ОГЛЯНУЛСЯ»

Пастель, 1912 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

даже не нуждаясь в объяснениях со стороны раба; тебе даже и в голову не приходит, что в величавости позы твоей проглядывает та самая азиатчина, для справедливого клеймения которой ты не можешь подобрать слов. Таким ты не был, Максим Горький, и в твой демократизм ныне — я плохо верю.

Я вовсе не думаю оправдываться, когда говорю о своих вещах; я только указываю на ту злую голословность, с которой ты бросаешь тягчайшие обвинения. Но помимо моих вещей тем же тоном всезнания и безапелляционности ты осудил мою жизнь — откуда же ты знаешь мою

жизнь? Слепой ты и самомнительный человек — ничего ты не знаешь, и понимаешь очень мало, и рассуждаешь упрощенно, а веришь своим суждениям безгранично. Или знание твое есть то, что пишут обо мне газеты?

Здесь я должен оговориться, что существует один факт, в котором твои обвинения имеют под собою почву. Это — моя телеграмма Ясинскому¹³. Но, вынося приговор на основании этого факта, ты должен был прежде всего спросить меня, *почему я так поступил*, а потом узнать, не является ли этот факт настолько единственным, что обобщающие суждения на основании его не могут быть справедливы. И действительно, факт этот *единичен*, и все другие факты в достаточной степени подтверждают это. Тебе известно, чтобы я принимал участие в других «торжествах» подобного свойства и вообще в каких бы то ни было торжествах? Тебе известно, почему я отказался от участия в толстовском вечере?¹⁴ Тебе известно, что я, кажется, один из всех наших писателей послал мотивированный отказ от участия в гоголевском торжестве, а каковы были мои мотивы — я для образца посылаю копию моего письма Грузинскому¹⁵. Тебе известны факты моего участия в каком-нибудь грязном органе в сотрудничестве с грязными людьми? Тебе известно, что по моему требованию был выкинут из «Шиповника» «Конь блед», и за это Философов почтил меня статьей о «Мании величия»?¹⁶ Тебе известно, что в настоящее время я вооружил против себя всю уличную братию: Арабажиных, Измайловых и прочее?

Сам же посуди, насколько факт с Ясинским (причин какового факта ты не знаешь) является ничтожным в ряду с другими фактами, от дальнейшего перечисления которых я отказываюсь — нет ни времени, ни охоты.

Таково было первое твое письмо. Ну и, конечно, я не считал возможным даже отвечать на него: так оно было плохо. Но вот во втором коротеньком письмеце ты вскользь обронил слово о «непонимании» — допустил, что ты не совсем понимаешь меня. И этого было для меня достаточно, чтобы все прошлое письмо пустить насмарку: поговорим, думаю, и он поймет, а лезть на стену ради выражений и тона, когда предстоит так много серьезной работы — не стоит. И все с той же несчастью моей верой в человека я пишу тебе второе дружеское письмо, которое, к сожалению, даже окончить не успеваю — и получаю совсем неожиданный, до дикости грубый и иступленный ответ. Признаться, я и до сих пор не понимаю его нарочитой резкости, желания оскорбить во что бы то ни стало — вплоть до нелепого и смешного утверждения, что «все в тебе правильно, разливовано все и оттого — скучно все».

Все письмо с начала до конца — невероятно; остановлюсь только на том, как дико и криво понял ты мои слова об откровенности. Начинаешь ты с утверждения, что всю жизнь ты был «свалкой мусора», под каковым предполагались и мои откровенности. Не знаю, насколько другие валили в тебя мусор — относительно меня это неправда, и как раз я и указывал на это в своем письме. Дальше — все тот же барский жест: «касаться же моей личной жизни я никому не позволял и не намерен позволять». Но это не только барство, это уже истерика, выкрикание! Можно подумать, что я, как совершеннейший нахал, лезу в твою жизнь, а ты меня резко отстраняешь: скажи по совести — были с моей стороны хоть когда-нибудь такие попытки? Зачем же тогда это оскорбление? И дальше: как ты косо и односторонне принял самое понятие откровенности! «Показывать миру свои царапины, чесать их публично и обливать гноем, брызгать в глаза людям желчью своею, как это делал злой гений наш Федор Достоевский, — это гнусное занятие и вредное, конечно».

Так ты, стало быть, полагал, что я хочу наделить тебя моим гноем и желчью, и что вообще и содержания другого не может быть для откровенности, как только гной, желчь и мусор? Хорошего же ты мнения об уважаемом тобою человеке! А вдруг я просто с тобой посоветоваться хотел о моей жизни и ее направлении, той самой жизни, по поводу которой сам же ты только что писал: «хоть бы тебя в Вятку сослали!» И при чем тут «Федор Достоевский», который в защите, конечно, не нуждается и которого ты единым махом свалил в одну кучу с Толстым, написавшим «Исповедь», с Руссо, да и мало ли с кем: ведь нет ни одного, кажется, писателя, который прямо или косвенно не говорил бы о своей жизни и своих страданиях и радостях. Не тем же ли и ты занимаешься? И если у одного болит только задница, по твоему выражению, то у других болит и ихняя человеческая душа, и эта боль есть украшение и оправдание жизни — почему же ты в уважаемом человеке прозреваешь только задницу и подменяешь ею душу?

Наконец, последнее важное в твоём письме, его итог: «Разошлись же и расходимся все далее — мы с тобою не потому, что у нас не возникли личные отношения, а потому, что они не могли возникнуть. Нам казалось, что они возможны, но мы ошибались. Слишком различны мы».

Нет, Алексей, это неверно: мы не были с тобою так различны. Вспомни получше и подумай. Различны мы стали лишь с того времени, как ты изменил свой взгляд и вкусы, и я стал для тебя *«анархистом»* в поносном и позорном смысле. Было время, когда ты иначе относился к анархизму; и еще совсем недавно тот самый Иуда из Кариота, в оправдании которого ты меня упрекаешь в «Русском слове»¹⁷, разделяя взгляд Арабажина¹⁸ и черносотенных газет, — был тобою поставлен весьма высоко, и ты сам помогал мне в работе, и печатал «Иуду» в твоём «Знании». И еще совсем недавно ты совсем иначе понял бы и «Тьму» и «Мои записки» и не протянул бы, уже не в первый раз, руку Мережковскому в признании этих вещей реакционными. Ты сам резко изменился, Алексей, и вот в чем причина нашего расхождения, а быть может и источник всех твоих грубых и беспочвенных обвинений. (*Примечание*)*.

Изменилось и понимание твое и твой, по-видимому, характер. Ты вот писал все с тем же отсутствием самоотчета: «Я живу в России больше, чем ты» — и это горькая ошибка (про сравнение я не говорю и неизвестно, зачем ты сделал это сопоставление). Ты живешь на Капри и ни множество писем, ни те отдельные экземпляры русских людей, которых ты видишь, — не приближают тебя к России. Когда немец едет в зоологический сад и видит там бенгальского тигра — это еще не значит, что он и в Индии побывал; и сколько бы тигров ты ни видал, от России ты далек. Нужно самый воздух понюхать, нужно толпу на улице повидать, нужно войти в курс всех этих маленьких российских дел, и рож, и людишек, чтобы почувствовать настоящее... да что говорить! И я убежден, что не будь судьба так бессмысленно жестока к тебе и дай тебе возможность жить в теперешней России — ты иначе думал бы.

Печальным на мой взгляд показанием твоей удаленности от России служит твоя статья в «Русском слове» — она носит все черты интеллигентского покаянного плача, а интеллигент в чистом виде есть удаленнейший от России человек, как тебе известно. Сам того не чувствуя, в жестоком и несправедливо-огульном осуждении «великоросса» ты сближаешься с господами из «Вех»¹⁹, чуть ли не с Родионовым²⁰. Ты проклинаешь то

* Кстати, ты помнишь, почему по возвращении с Капри в Россию я отказался редактировать сборники «Знания»? Я хотел пригласить Блока и Сологуба, но ты востал против этого и дал невозможно резкие характеристики того и другого. Теперь Блок — в «Знании». Мог бы я указать и на другие непоследовательности, причина которых в перемене, — но не моей. — *Прим. Андреева.*

самое сектантство, которое в народе всегда было при самых уродливых формах только волею к творчеству и свободе, немеркнущим бунтарством; великоросса ты считаешь способным только к «уходам из жизни», наивно забывая о том — кто же тогда создал это нелепое, но огромное и страшно сильное государство Россию. Если великоросс только уходит из жизни — то кто же тогда душит финнов, поляков, малороссов, прет во все стороны, даже в минуты уныния, как теперь, привычно занимается действенным грабительством в Персии и где только можно? Говори о варварстве, о некультурности, об исторической отсталости народа, но не говори о слабости и пассивности того, кто так действенно, хоть и грубо создает огромное государство, кого можно упрекнуть разве только в жестокости, но не в мягкости вечного слюнтяйства.

Ты и литературу нашу для удобства положения признал случайностью — как будто здесь возможна *случайность*, как будто ты сам за несколько строк перед тем не говорил о непреложном «законе истории»: *Запад отравил твои глаза приемами своей борьбы, и ты перестал понимать, что наши приемы борьбы совсем другие* и что злой гений наш Достоевский есть именно бунтарь, учитель активности и тебя научивший бунту. Лощеное мещанство Запада, как и всякое мещанство, распадается в прах перед лицом Достоевского, а это и есть самая доподлинная и самая постоянная революция.

Взглянуть бы тебе вместо тигров хоть на московского ломового — и хмара спала бы с твоих глаз и, как прежде, на Волге, ты понял бы, что дела великоросса весьма недурны, и бояться за его судьбу не приходится. Может быть, теперь ты заподозришь меня в национализме? — это будет неверно.

Очень неприятно, что в статье «О современности» ты прямо не назвал мое имя, когда говорил о попытках оправдать Иуду. Литература русская не так обширна, чтобы не догадаться, о ком идет речь, и прямое обвинение было бы во всех смыслах приятнее. Между прочим, я хотел также статью возразить тебе, но, подумав, нашел это для дела вредным: от меня не убудет, а если я стану возражать, то наша улица только обрадуется скандалу и до смысла, пожалуй, и не доберется. Тем более что в общем твое осуждение теперешних литераторов верно и ослаблять значение его не в интересах дела.

Если ты, при всем том, что пишешь обо мне, счел возможным закончить последнее письмо словами: «я к тебе отношусь очень хорошо, уж это я знаю» — то еще с большим правом могу сказать это я. Слишком сильна была моя любовь к тебе, чтобы даже ты мог так легко и сразу ее разрушить. И что бы ты ни говорил, и как бы прискорбно, на мой взгляд, ни ошибался, — я знаю твое *бескорыстие*, а при наличии его нет страшных ошибок, хоть и бывают ошибки *роковые*.

Если письмом этим я причину тебе боль, то прости — вовсе не с этим намерением писал его. Вопреки рассудку и стихиям я продолжаю чувствовать, что нас соединяет связь неразрывная, которую даже и твоей воле не удастся расторгнуть. И уверен я, что удайся нам *поговорить* (а не писать) хоть несколько часов — много недоразумений исчезло бы. Ты забыл меня, голубчик!

От всей души желаю тебе хорошего, от всего сердца.

Л. А.

28 марта 1912

Текст написан на машинке; со слов: «Если письмом этим» — от руки.

¹ «Петербургская газета» выходила с 1867 по 1917 г. Основана И. А. Арсеньевым. — «Синий журнал» — иллюстрированный еженедельник бульварного пошиба, выходивший в Петербурге с декабря 1910 по 1917 г. под редакцией М. Г. Корнфельда. В жур-

наде печатались Куприн, Скиталец, Потапенко, П. П. Гнедич, В. А. Тихонов, А. С. Грин, К. С. Баранцевич, Л. В. Саянский и др. Согласно Куприна сотрудничать в «Синем журнале» Корифейд использовал в рекламных целях. Когда Куприну стал ясен откровенно-спекулятивный характер журнала, он письмом в редакцию (без даты) заявил о своем отказе «быть сотрудником в этом гнусном канкане» (см. В. А. Фанасьев. А. И. Куприн. Критико-биографический очерк. М., 1960, стр. 127).

² См. прим. 1 к письму 156.

КРЕСТЬЯНИН-ФИНН

Пастель работы Андреева, 1912 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

³ См. прим. 5 к письму 160.

⁴ Андреев подразумевает рассказ Короленко «Сон Макара» (1883).

⁵ Первый номер политического и литературного журнала А. В. Амфитеатрова «Красное знамя» вышел в Париже в апреле 1906 г. Политическим идеалом издания провозглашалась «Всероссийская федеративная республика». Однако журнал не имел четкой политической линии, его оппозиция самодержавию носила расплывчатый мелкобуржуазный характер и была далека от подлинной революционности. Поэтому «Красное знамя» не могло сыграть сколько-нибудь значительной роли в русском освободительном движении. В «Красном знамени» сотрудничали Куприн, Волошин, А. Федоров и др. В первом номере было опубликовано тринадцать стихотворений Бальмонта и известный фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы». Горький поместил в нем воззвание «Не давайте денег русскому правительству» и «Письмо Анатолию Франсу».

бывшему председателем «Общества друзей русского народа» и одному из первых выступившему с протестом против ареста Горького в январе 1905 г. (XXIII, 381—391). В этом же номере «Красного знамени» опубликовано подписанное Горьким, Андреевым и др. воззвание «К рабочим Европы» от имени Международного комитета для помощи русским безработным рабочим. Об отказе Андреева от сотрудничества в «Красном знамени» — см. письмо к Амфитеатрову (раздел «Андреев о Горьком», № 78).

⁶ Из важнейших отзывов печати о «Царе-Голоде» см.: Н. Валентинов. Мы еще придем! О современной литературе, «Жизни человека» и «Царе-Голоде» Л. Андреева. М., 1908; Евг. Чарский. О «Царе-Голоде» и Леониде Андрееве. (Писатель и его читатель). — В сб. «На очереди». СПб., 1908, стр. 31—43; Ю. А. <Ю. Анхенвальд>. Леонид Андреев. Царь-Голод. Представление в пяти картинах... — «Русская мысль», 1908, № 3, отд. III, стр. 46; А. Измайлов. «Царь-Голод». — «Биржевые ведомости», утр. вып., 1908, № 10380, 1 марта; Ю. Александрович. «Царь-Голод» и Л. Андреев. — «Раннее утро», 1908, № 87, 2 марта; лекция К. Чуковского о «Царе-Голоде». — «Свободные мысли», 1908, № 46, 24 марта; Н. Кадин. Литературные заметки. — «Образование», 1908, № 5, отд. III, стр. 52—56; В. Львов. Из жизни и литературы. Девушка в черном. — «Образование», 1908, № 5, отд. III, стр. 62—85; Ал. Кириллов. Без царя. — «Весы», 1908, № 6, стр. 57—61; Э. Старк. «Царь-Голод» Леонида Андреева как театральное произведение. — «Театр и искусство», 1908, № 25. Об отношении марксистской критики к «Царю-Голоду» — см. прим. 10 к письму 157.

⁷ Статья Толстого «Не могу молчать» была начата 13 мая 1908 г. после выхода из печати «Рассказа о семи повешенных», но до того, как Толстой прочел это произведение — 22 мая (Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928, стр. 164). 1 июня 1908 г. Толстой отправил свою статью Черткову в Англию для опубликования. В начале июля статья появилась в иностранной прессе. По цензурным соображениям в русской печати могли быть опубликованы лишь отрывки из нее (полный текст отпечатан в нелегальной типографии в Туле в августе 1908 г.). Переписку Андреева с Толстым по поводу «Рассказа о семи повешенных» — см. «Реквием», стр. 64—65 (письмо Андреева от 18 августа 1908 г.) и Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. (Юбилейное), т. 78. М., 1956, стр. 218—219 (письмо к Андрееву от 2 сентября 1908 г.). После отправки письма Толстой сделал к нему несколько дополнений, которые были сообщены Андрееву Н. Н. Гусевым в письме от 3 сентября 1908 г. Это письмо Толстого с сокращениями было опубликовано Андреевым в сборнике «Италии», изданном «Шиповником» в 1909 г. в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. В день восьмидесятилетия Толстого, 28 августа 1908 г., Андреев написал развернутый комментарий к идейному замыслу «Рассказа о семи повешенных». Под заглавием «Из письма» напечатан в газете «Эпоха», 1908, № 1, 15 сентября, и впоследствии не переиздавался.

Другое развернутое истолкование идейного замысла «Рассказа о семи повешенных» Андреев адресовал читателям Европы и Америки. 5 (18) октября 1908 г. он направил письмо американскому журналисту, сотруднику и европейскому корреспонденту газеты «The New York Times», Герману Бернштейну (1876—1935), переводчику и пропагандисту драматургии Андреева в США. Факсимиле этого письма было приложено к американскому изданию «Рассказа о семи повешенных» в переводе Бернштейна и с иллюстрациями Ирвинга Политцера 1909 г. «Моей задачей, — писал Андреев Бернштейну, — было: указать на ужас и недопустимость смертной казни — при всяких условиях».

⁸ «Черные маски. Представление в 2-х действиях и 5 картинах» впервые были опубликованы в альманахе «Шиповник», кн. 7 (1908).

⁹ Трагедия Андреева «Океан» была закончена в конце 1910 г. и выпущена отдельной книгой с рисунками Б. Анисфельда. СПб., изд. «Прометей», 6 г. Цензурные затруднения побудили автора обратиться 12 ноября 1910 г. со специальным письмом к цензору Н. В. Дризену (ЛБ, архив Н. В. Дризена, ед. хр. 61), в котором он пытался отвести обвинение в «кошуществе» над христианством. Отрывок из трагедии под заглавием «Молитва аббата», опубликованный в газете «Утро» (Харьков), 1911, № 1284, 6 февраля, привлек внимание харьковского инспектора по делам печати Я. В. Судакова, который 8 февраля запросил мнение об этом отрывке Московского духовного цензурного комитета. Отвечая Судакову, Комитет определил, что в отрывке «заключается сплошная насмешка над учением христианской церкви о молитве». В отношении от 23 февраля 1911 г. Судаков, излагая Главному комитету по делам печати существо дела, предложил возбудить преследование редактора газеты «Утро» А. А. Жмудского за публикацию отрывка из «Океана» (ЦИАЛ, ф. 776, оп. 16, ед. хр. 810/769, ч. I, лл. 113—113 об., 124). К представлению на сцене пьеса Андреева была запрещена. Отзыв Измайлова об «Океане» не найден.

¹⁰ Речь идет о статье З. Н. Гиппиус: «Литература и искусство. 1. Что пишут. Ищущие бога. — Мечты о жизни и мечта о смерти. — Мистика Л. Андреева („Сашка Жегулев“)». Ремизовская «свечечка». — «Русская мысль», 1912, № 1, отд. II, стр. 25—31.

¹¹ См. прим. 2 к письму 163.

¹² Александр Мефодиевич Редько (1866—1933) — либеральный литературный критик. Ему принадлежат статьи: «„Сашка Жегулев“ Л. Андреева и „Петушок“

А. Ремизова (Альманах изд. „Шиповник“, кн. 16). — «Русское богатство», 1912, № 1, отд. II, стр. 139—149 и «Об „Океане“ Леонида Андреева». — Там же, 1911, № 5, отд. II, стр. 152—163. Редко писал об отходе Андреева от реализма в романе «Сашка Жегулев», представляющем, по его словам, «сплав реалистического, мистики, романтизма и символизма». Доказывая психологическую необузданность центрального героя, превращение Саши Погодина в Сашку Жегулева, критик видел источник неудачи автора в ложном истолковании освободительного движения в деревне. Редко приходил к выводу, что Андреев ищет разгадки превращения Погодина в Жегулева в «„мистику народной души“, но загадка так и остается загадкой».

¹³ См. прим. 6 к письму 160.

¹⁴ См. письмо Андреева, направленное в Комитет по устройству вечера памяти Толстого («Письмо в редакцию») в ИРЛИ. Опубликовано: Л. А. Ф. О. Н. И. Леонид Андреев. Орел, 1959, стр. 200—201;] также «Лит. наследство», т. 69, кн. 2, 1961, стр. 355.

¹⁵ Посланная Андреевым Горькому копия письма на имя председателя Общества любителей российской словесности А. Е. Грузинского (1858—1930) находится в АГ. Печатаем по оригиналу (ЛБ):

В Общество любителей
русской словесности.

Многоуважаемый Алексей Евгеньевич!

Ежедневно совершаются казни, возвращая нас ко временам варварства и развращая народ, измученный тиранией; переполнены тюрьмы, и многие писатели изнемогают в тюрьмах от болезней, другие же едят горький хлеб изгнания и томятся тоской по родине; полицейский произвол безграничен, и еще совсем недавно с варварской грубостью и циничной прямоотой правительство запретило чествование Льва Толстого. При этих условиях открытие памятника Гоголю в Москве не может иметь значения торжества народного. И высоко чтя память великого Гоголя, я отказываюсь ехать на праздник, в котором не вижу праздника. И веря крепко в силу русского народа, я буду терпеливо ждать того светлого дня, когда сам народ, освободившийся от виселиц и тюрем, вне рамок гнусной цензуры, провозгласит вечную славу своему бессмертному и великому сыну.

Уважающий вас Леонид А н д р е е в

23 апреля 1909

¹⁶ «Конь бледный» — контрреволюционный роман Бориса Викторовича Савинкова (псевдоним: В. Ропшин; 1879—1925), видного деятеля партии эсеров, после Октябрьской революции активного врага Советской власти. Пасквиль Савинкова впервые был опубликован в «Русской мысли», 1907, № 1. Андреев отклонил печатание романа в альманахе «Шиповник», но изд-во «Шиповник» издало его отдельной книгой в 1909 г. Андреев назвал этот роман вещью, «от которой пахнет гнилью, как от <...> хорошего сыра. Вещь и нехудожественная и жестоко несправедливая, а в целом даже оскорбительная <...>. Если бы я руководил им <„Шиповником“>, то в нашем издании никогда не появился бы „Конь бледный“ г. Ропшина» (С. С л и р о. У Леонида Андреева. — «Русское слово», 1909, № 222, 29 сентября). Статья Философова «Манья величия» по поводу отзыва Андреева о «Коне бледном» была напечатана в «Речи», 1909, № 269, 1 октября.

¹⁷ Андреев имеет в виду следующее место из статьи Горького «О современности», напечатанной в «Русском слове» (см. о ней прим. 5 к письму 160): «Мне кажется, что основная тенденция современной литературы сводится более или менее к переоценке деятельности Иуды Искарота. Сей последний объявлен „непонятым братом“, и вот какие комплименты вызывает ныне его всем памятное торговое дельце:

Пусть гнусы о предательстве кричат,
Их мысли тупы, на сердцах их плесень!
Постичь ли им твой царственный закат?

Это называется „переоценка ценностей“ и, составляя основное занятие желтой прессы, постепенно просачивается в серьезную литературу.

Вы подумайте: почти две тысячи лет люди полагали, что Иуда — человек, вовсе не заслуживающий ни подражания, ни похвал. Так думали Данте, Мильтон, Камюэнс, Гете, Гюго, Толстой, дерзкий Вольтер, Кардуччи и сотни других великих людей, какими гордится мир, но родился в России храбрый нигилист, и оказалось, что величайшие мыслители мира ошиблись в оценке Иуды.

Вот как стал „послушен призыву к свободе“ русский писатель, и вот до чего легко, просто освободился он от цепей старой морали.

Странное явление: еще так недавно о русском человеке говорилось весьма громко, что он-то и есть „носитель всемирной совести“, а он вдруг Иуду начал славить и самоубийство предателя именует „царственным закатом“. — Горький цитирует стихотворение Рославлева «Иуде».

¹⁸ Константин Иванович Арабажин (1866—1929) — либеральный критик и историк литературы. Отождествление взглядов Горького и Арабажина на повесть Андреева «Иуда Искариот», разумеется, несправедливо. В своей книге «Леонид Андреев. Итоги творчества. Литературно-критический этюд» (СПб., 1910) Арабажин обходит молчанием политическое значение реабилитации Иуды декадентской литературой эпохи столыпинской реакции. Он упрекает Андреева за отступление от евангельской истории. «Андреев, — с неодобрением заключает Арабажин, — пытается набросить тень и на одну из светлейших легенд мира — историю смерти и страдания Христа за людей» (стр. 149). В то же время он считает, что «тема была поставлена Андреевым любопытная». Андреев неоднократно выступал против Арабажина публично и зло высмеял его в неопубликованной песке «Арабажин в Афинах. Полная невозможность в трех отдельных невозможностях» (Андрей А н д р е е в. Из воспоминаний о Л. Андрееве. — «Красная новь», 1923, № 9, стр. 209—210. Два неполных варианта пьесы переданы летом 1961 г. Валентином Леонидовичем Андреевым в ЦГАЛИ).

¹⁹ «Вехи» — сборник статей Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, М. О. Гершензона, Б. А. Кистяковского, С. Л. Франка, А. С. Изгоева, вышедший первым изданием в Москве весной 1909 г. Нападая на революционно-демократическую интеллигенцию и революционное движение 1905 г., авторы сборника благодарили самодержавие за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Подчеркнув, что «*Вехи*» «выразили несомненную суть современного кадетизма», Ленин охарактеризовал сборник словами: «энциклопедия либерального ренегатства» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 167 и 168).

²⁰ Речь идет об И. А. Родionoве, авторе клеветнической книги «Наше преступление. Не бред, а быль. Из современной народной жизни», выдержавшей в 1909—1911 гг. несколько изданий.

166. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 11/24 апреля 1912 г.

Это неправда, Леонид, что мои письма к тебе злы, циничны и т. д. — ничего подобного в них нет и не могло быть.

Все, что сказано во втором письме об «откровенности», — имеет общий характер и не против тебя направлено, а против скверной бытовой особенности нашей; — слова: «показывать миру свои царapiны» и т. д. — не для тебя написаны, еще Варвара в «Дачниках» их говорила ¹, и с той поры я повторял их раз десять, повторял и в заметке «О современности».

Пойми, пожалуйста, что «откровенность», которую я имею в виду, есть хвастовство своими личными муками, хвастовство, коим насыщена вся русская литература, оно имеет аскетический характер, омрачающий жизнь, исходит из нашего христианства и имеет у нас таких апологетов, как Толстой, Достоевский, Соловьев ² и — ныне — Розанов. Оно отравляет нас.

Говоря о культе Иуды, я не мог иметь в виду тебя — очень сожалею, что не сделал соответствующего пояснения и цитировал Рославлева ³, забыв о Павле Попове ⁴, Голованове ⁵ и других, касавшихся этой темы*. Там, где я говорю об этом, — речь идет о писателях улицы, как они опошляют большие идеи. Мне еще придется говорить на эту тему, и я не премину отставить твоего Иуду в сторону, хотя, на мой взгляд, он в этом, конечно, не нуждается.

Блок в «Знании» как пример моей непоследовательности — плохой пример: Блока печатают Пятницкий и Миролюбов, а я, как и раньше, не вижу в этом нужды, но и мешать этому не хочу, ибо мое отношение к «Знанию» изменилось. Ты бы мог привести примером непоследовательности моей мою переписку с Розановым — вот это нечто! ⁷ Или — мое отношение к Шалапину, за что меня ругают на многих языках ⁸.

* Иуд — оригинальных и переводных ныне в русской литературе более десятка. Скоро выйдет трилогия Весселя ⁶ на эту тему, — вот конфетка будет для улицы! — *Прим. Горького.*

Вообще же твое письмо странное, бешеное какое-то и вот уж, действительно, — грубое. Когда я пишу грубо, это просто — моя манера, а тебе это вообще несвойственно. Мне кажется, что ты рассердился не на письма мои, а на статью «О современности», прочитанную тобою очень плохо и с предубеждением.

Если даже допустить, что мои письма чем-то задели тебя, — твое последнее письмо с избытком покрывает все «обиды», якобы нанесенные мною тебе, — удивительно нелепое письмо.

Очень досадно, что ты написал в таком странном тоне — это мне связывает руку и путает мое отношение к тебе. Если переписка наша не прервется — я должен буду «подыскивать выражения» в письмах к тебе, чего терпеть не могу. Мне показалось, что твое отношение ко мне искреннее, проще и такие крупные недоразумения, как данное, невозможны.

Напомню тебе сказанное тебе в одном из писем: «я не судил о твоей жизни, я говорил о твоей литературе, говорил, а не судил». О Ясинском я говорил лишь потому, что близость с ним может быть истолкована враждебно для тебя, уже возбудившего к себе слишком острое и несправедливое отношение, что я вижу не менее резко, чем и ты.

Думаю, что нам следует временно прекратить переписку, дабы улеглось то обидное недоразумение, виновником которого я не могу счесть одного себя, с чем ты, думаю, согласишься.

Будь здоров, жму руку.

А. Пешков

IV/24 912

Текст написан на машинке, только конец письма со слов: «... что я вижу не менее резко» и примечание об Иуде — от руки.

¹ Подразумевается монолог Варвары Михайловны в д. IV «Дачников» (VI, 268).

² Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) — поэт, философ-идеалист, публицист.

³ См. прим. 6 к письму 149 и прим. 17 к письму 165.

⁴ Павел Попов. Иуда Искариот. Поэма. СПб., 1890.

⁵ Николай Николаевич Голованов (1867—1938) — драматург, переводчик и издатель. Речь идет о его драме в стихах «Искариот». М., 1905.

⁶ Юлиус Вексель (1838—1907) — финский поэт, писавший на шведском языке. Его тетралогия «Иуда и Христос» (см. воспоминания Горького об Андрееве в настоящ. томе, стр. 390) нам неизвестна.

⁷ См. прим. 2 к письму 167.

⁸ Речь идет об отношении Горького к Шаялину в связи с его участием в коленопреклонной просьбе хористов Марининского театра о прибавке жалованья при появлении Николая II на премьере «Бориса Годунова» 6 января 1911 г. Горький советовал Шаялину публично опровергнуть фальсифицированные материалы черносотенной прессы о его якобы верноподданнических чувствах. Однако Шаялин этого не сделал, что не могло не отдалить его от демократической общественности (см. В. И. Ленин. Автору «Песни о Соколе». — Полн. собр. соч., т. 26, стр. 96, а также переписку Горького и Шаялина: «Горьковские чтения. 1949—1952». М., 1954, письма 20—25). См. также стр. 483 настоящ. тома.

167. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ваммельсуу. 18 апреля/1 мая 1912 г.⟩

Как ты справедливо заметил, Алексей, мне несвойственно быть грубым; и того менее свойственно мне впадать в беспричинное бешенство. И действительно, нужны были очень важные и серьезные причины, чтобы я написал такое *резкое* письмо (ни грубым, ни бешеным я его все-таки не считаю). Ты предполагаешь, что настоящей причиной моей обиды была твоя статья, — нет, это совсем неверно и показывает только, что ты не с достаточной внимательностью отнесся к моему письму и не дал себе и до сих пор ясного отчета в своих предыдущих письмах.

Настоящей причиной моей обиды было именно то, о чем я уже писал тебе и чего повторять не стоит; и еще до появления твоей статьи я написал резкое письмо и только медлил с его отсылкой, борясь и с недоумением и с нежеланием причинять тебе неприятность. Статья же мне просто не понравилась, и неясный намек на моего Иуду (я очень рад, что это оказалось неверным; но и все другие ошиблись и думали, что ты имеешь в виду именно меня) как-то не задел меня. И я уже писал, что именно мне не понравилось, и добавлял вместе с тем, что со многими в твоей статье я согласен.

Ты думаешь, что нам следует на время прекратить переписку? Не знаю, может быть да, а может — и нет. Все зависит от степени желания и степени серьезности, с какой отнесемся мы к переписке. Я не сомневаюсь, что, в *разговоре* и видя друг друга, мы сговорились бы быстро, без катастроф и недоумений. Но то же самое возможно и в письмах: ведь не даром же мы писатели, и было бы странно и непонятно, если бы мы не нашли для писем ни надлежащего тона, ни языка, ни умения выражаться последовательно и точно. Твое последнее письмо, написанное с огромным самообладанием, как раз подтверждает мою мысль; и не будь оно так кратко и в силу этого голословно, оно могло бы значительно приблизить нас к обоюдному пониманию.

Конечно, трудно нашему брату заниматься такой перепиской, когда и так много дела и работы; и здесь опять вопрос о том, насколько серьезным и важным представляется нам наше расхождение. Если это имеет значение только *личное*, тогда, пожалуй, не только на переписку, а и на мысли даже не стоит тратить труда: ну и не поняли, ну и разошлись, ну и мало ли каких неприятностей в жизни!

Но если принять в расчет (как я писал тебе вначале), что каждый из нас представляет собой известную общественную силу, что наша дружба или вражда выходит за пределы личного нашего удовольствия или огорчения — тогда, пожалуй, труд переписки не покажется таким бесплодным и ненужным.

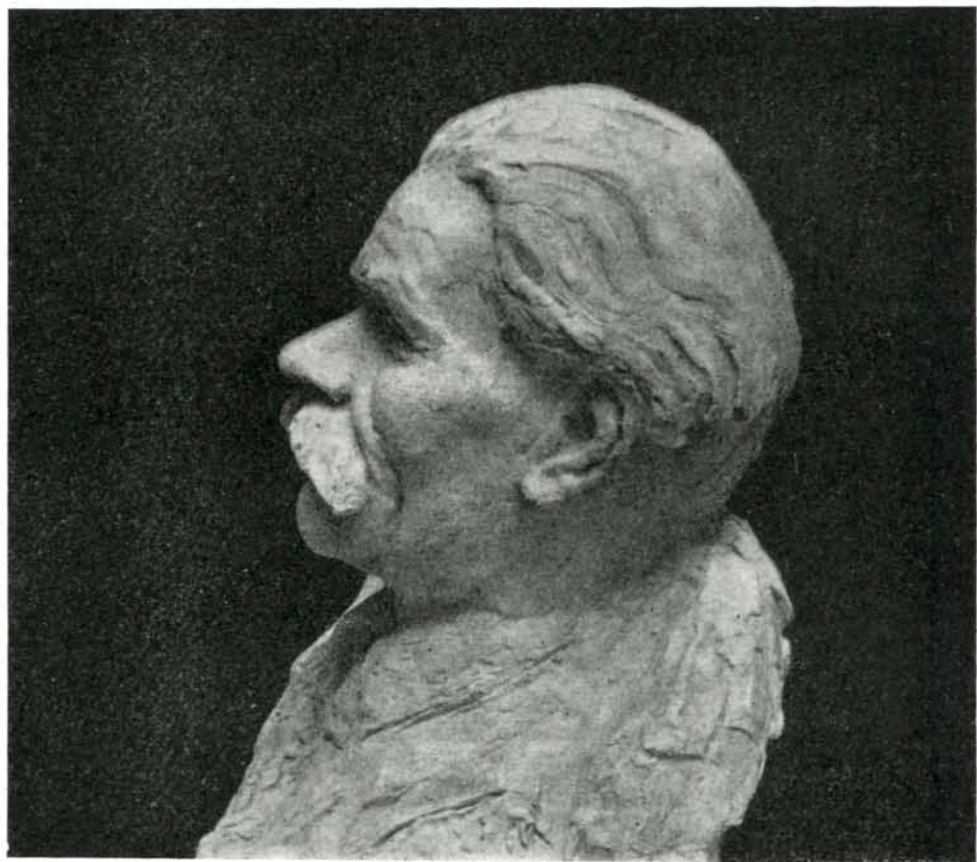
Предоставляю тебе решить этот вопрос окончательно. Я же с своей стороны думаю, что нам *должно* сговориться и если пока невозможно сделать это лично, то пока путем переписки. Но повторяю, это целиком зависит от тебя, и если тебе трудно, или неприятно писать мне, или кажется ненужным, то оставим это дело — до времени или навсегда.

А если переписываться — то вовсе нет надобности возвращаться к старому и разбирать наши отношения: тут как раз легко запутаться. Вполне достаточно, если бы мы со всей откровенностью и прямоотой указали друг другу на наши *писательские* грехи и ошибки, и выяснили, в чем сейчас наше писательское разногласие. И поскольку ты будешь говорить о моих вещах, не заподозривая чистоты моих мотивов, ты можешь говорить с какой угодно резкостью, величать меня идиотом и как тебе угодно, и это никогда не обидит меня. И больше того: если в *самой* вещи (в ее тенденции, внутреннем строении) ты найдешь нечестное, дурное, аморальное или противобщественное — то и тут ты ругайся как хочешь, и я буду осел, если хоть на йоту оскорблюсь. Пойми же, Алексей, что меня оскорбило: твое сомнение, вернее, уверенность в нечестности, нечистоте моих мотивов.

И я с удовольствием буду возражать тебе и объясняться и по поводу «Тьмы», и «Моих записок», и имею надежду, что поколеблю твой взгляд. И если ты позволишь мне с такой же прямоотой писать о твоих вещах, — будет хорошо.

Если ты решишь на время или совсем прекратить переписку, то просто оставь это мое письмо без ответа, я так и пойму.

К Шаляпину, я думаю, мы относимся одинаково¹; к тому же ты просто любишь его, и твоя доброта к нему не кажется мне непоследовательностью и дурным. Относительно Розанова — да, я удивился, когда прочел его хвастовство твоими письмами², хотя думаю, что хвастался этот мерзавец пощечинами. Но все-таки не понимаю, что за охота тебе тратить время и труд даже на пощечины для этого ничтожного, грязного

ГОРЬКИЙ

Скульптура (гипс) А. М. Гюрджана, Париж, 1912 г.

Картинная галерея Армении, Ереван

и отвратительного человека. Бывают такие шелудивые и безнадежно погибшие в скотстве собаки, в которых даже камнем бросить противно, жалко чистого камня.

Будущей зимою, в ноябре, я рассчитываю поехать в Италию: может быть, повидаемся, если даже не удастся переписка? Моя вера в логику и разум так велика, что не могу я смотреть безнадежно на наши отношения.

Обнимаю тебя и крепко жму руку.

Л. А.

18 апреля 1912

Текст написан на машинке, только со слов: «Будущей зимою...» — от руки. Синим карандашом, вероятно Горьким, подчеркнуты слова: «моя вера в логику и разум так велика».

¹ О Шаляпине — см. прим. 8 к письму 166.

² О Розанове см. прим. 5 к письму 34. Не приемля реакционные идеи Розанова, Горький в цинической прямолинейности его мысли, в яростной борьбе с христианским гуманизмом увидел незамеченное апологетами Розанова оружие, направленное против них самих. В письме к М. М. Пришвину от 15 мая 1927 г. Горький выразил свое отношение к Розанову: «Интереснейший и почти гениальный человек был он. Я с ним не встречался, но переписывался одно время и очень любил читать его противопожарную литературу <...> Он, у нас, был первым предвестником кризиса гуманизма...» и т. д. («Лит. наследство», т. 70, 1963, стр. 346). Андреев имеет в виду книгу Розанова «Уединенное. Почти на правах рукописи». СПб., 1912. В записи, относящейся к лету 1911 г., Розанов отметил: «Несколько прекрасных писем от Горького этот год. Он прекрасный человек <...> По натуре это — боец. С кем же ему бороться, если „все повалены“, не с Грингмутом же, не с Катковым? Не с кн. Мещерским, о самом *бытии* которого Горький едва ли что знал. И руки повисли. Боец умер вне боя. Я ему писал об этом, но он до странности не понял ничего в этой мысли» (указ. соч., стр. 225—226).

168. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 3 ... 4/16 ... 17 мая 1912 г.⟩

Нет, Леонид, я уверен, что переписка только еще более запутает наши отношения: мы слишком различно смотрим на всё в мире; каждое твое письмо вызывает у меня целый ряд возражений, уложить их в краткие фразы — они примут характер догматов.

Отложим споры до личной встречи, это лучше.

Посылаю письмо, полученное мною, с просьбой доставить тебе.

Жалко Стриндберга, чудесный был бунтарь ¹.

Будь здоров и не думай, что мой отказ продолжать переписку исходит из каких-либо недружелюбных чувств. Нет, просто я убедился, что письма не достигают цели.

Всего доброго. А. Пешков

Не пришлешь ли ты мне журнал «Моды и джентльмен», тот №, где Батюшков и дурак Аничков обучают россиян как надобно им носить штаны? ² Любопытно!

Но — до чего же дошло!

Текст написан на машинке, со слов «Будь здоров» — от руки.

Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ Август Стриндберг (1849—1912) — шведский писатель, творчество которого высоко ценил Горький.

Получив в мае 1899 г. от Чехова драму Стриндберга «Графиня Юлия» (1888) в переводе Е. М. Шавровой-Юст, Горький 12 или 13 мая отвечал: «Это большой человек, сердце у него смелое, голова ясная, он не прячет своей ненависти, не скрывает любви. И скотам наших дней от него, я думаю, ночей не спится. Большой души человек» (XXVIII, 78). См. также письма Горького к М. М. Коцюбинскому от 26 августа 1910 г. и к П. Х. Максиму от 20 июня 1912 г. (XXIX, 126 и 244—245). В 1909 г. в статье «Разрушение личности» Горький, говоря об эволюции некоторых западноевропейских и американских писателей от индивидуализма и квиетизма к социализму, к проповеди активности, подчеркивал: «Даже такой идолопоклонник „я“, как Август Стриндберг, не может не отметить целительной силы человечества» (XXIV, 49). На смерть Стриндберга 1(14) мая 1912 г. Горький откликнулся телеграммой в редакцию «Правды»: «Никто никогда не имел на меня такого сильного влияния, как Стриндберг» («Правда», 1912, № 10, 4 мая). В шведской газете «Dagens nyheter» (Стокгольм) был напечатан некролог Горького на смерть Стриндберга (в неточном переводе опубликован в «Русском слове», 1912, № 107, 11 мая. Оригинальный текст впервые воспроизведен: МИ, т. I, стр. 89—90, а затем в «Несобранных литературно-критических статьях» М. Горького. М., 1941, стр. 272—273). В статье «О том, как я учился писать» (1928) Горький, говоря о научном предвидении писателей, подтверждающем близость творческой работы писателей и ученых, называет имя Стриндберга (XXIV, 468).

² Имеется в виду рекламное издание торгового дома Г. Л. Краут и К^о в Петербурге «Gentleman и моды», 1912, вып. 1, в котором редакция напечатала ответы некоторых писателей, художников и артистов на вопрос о современных мужских модах (Андрея Белого, Вяч. Иванова, С. М. Городецкого, К. С. Баранцевича, Ф. Д. Батюшкова и др.). Е. В. Аничкову принадлежит статья — «Красота и уродство».

169. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

(Ваммельсуу. 15/28 мая 1912 г.)

Может быть ты и прав, Алексей, и нам лучше поговорить, чем переписываться. Что ж, если ты ничего не имеешь против (ты и, конечно, Мария Федоровна), я в ноябре приеду к тебе на Капри. Но только в том случае, если это не доставит тебе ни малейшего неудовольствия и не поставит нас всех в неловкое положение. Про себя скажу, что я искренне и по-прежнему люблю тебя; как это ни странно, но вся эта наша переписка не оставила во мне ни малейшего осадка досады или раздражения. Слишком очевидно, что тут сплошное недоразумение. Нисколько не навязываясь в твои единомышленники, скажу, что и мыслим мы в сущности одинаково — более одинаково, чем когда бы то ни было раньше. Ты сейчас не видишь этого, но время покажет.

Сегодня закажу тебе «Моды и джентльмен». Конечно, Батюшков был бы великолепный портной с Невского, и в литературе только даром зарывает талант. Да и не он один. Каким очаровательным и талантливым содержателем дома свиданий был бы Каменский! ¹ «Новое время» все целиком могло бы поступить к Дону, и ни в одном другом ресторане не было бы таких талантливых и расторопных лакеев. Вопрос об одежде все эти джентльмены поднимают на высоту принципиальности, это и смешно и жалко. Но куда же им девать свои таланты и гражданский беспокойный дух?

Хорошее впечатление оставляет первая книжка «Заветов» ², не то, что «Современник» ³, крикливый и пустой с первых шагов. Мне лично как орловцу очень польстил твой рассказ ⁴; ты вот не согласен, а я думаю, что именно я и есть тот «буйный орловец», который родился в степи при твоей помощи. Не понравился мне только Рошши ⁵: оттого ли, что Гиппиус его не правила, он бледнее бледного коня, а скачет все туда же, только с большими изворотами, как шахматный конь. И с Изгоевым напрасно он бранится ⁶. Противен мне этот кающийся бомбист с его кислыми отрывками. Самую плохонькую романтику я предпочту его великопостной правде, в которой ни на грош нет правды, как во всяком похмелье. Очень хорош И. Вольный — кто это? ⁷

Вот беда: сейчас почти все русские книги, романы и повести — скучны. Не то, чтобы бесталанны или явно задопаты, а как-то скучны. И правильно, и справедливо, и автор хороший человек, а не утешает. Должно быть и «Жегулев» у меня такой же. Мережковский невыносим, Брюсов скучен до умоиступления; возьмишь сборник молодых — и там скука: и медведи, и хромые баре, и свиньи, и всё ни к чему ⁸. Точно пишет каждый и спрашивает себя: а хорошо ли, что я закат описываю? — может быть заката уже не надо описывать? И еще может быть, что заката и не бывает; на всякий случай опишу-ка я маленький полузакат.

О Стриндберге я писать не стал: и поздно, да и мало я его знаю, никогда он меня не захватывал и не думал я о нем. С таким «мнением» не стоит и соваться.

А вот, Алексей, как ты отнесешься. Затеяли мы с Разумником (главным образом я, говорю это для характера), задумали сборник в пользу ленских рабочих, дешевый, не дороже полтинника ⁹. Обещал Короленко, никого предосудительных и просто равнодушных не будет, постараемся почище и поискреннее. Не захочешь ли и ты дать рассказик или статейку? Хоть и работает по материалу В. Е. Копельман ¹⁰, но фирмы «Шиповника» не будет.

Вероятно, ты получаешь все книги, но если что нужно будет, — пиши, я вышлю. Крепко и дружески жму твою руку.

Леонид А н д р е е в

15 мая 1912 г.

Текст написан на машинке, со слов «Крепко и дружески» — от руки.

¹ Речь идет об А. П. Каменском. См. прим. 7 к письму 149. О Батюшкове — см. раздел «Андреев о Горьком», № 27.

² «Заветы» — ежемесячный литературно-политический журнал эсеровского направления. Издавался в Петербурге С. А. Иванчиной-Писаревой с 1912 по 1914 г. Редактировался П. П. Инфантьевым. См. также прим. 4 к письму 172.

³ См. прим. 4 к письму 159.

⁴ «Рождение человека. (Из воспоминаний „проходящего“).

⁵ В первом, вышедшем в апреле 1912 г., номере «Заветов» началось печатание контрреволюционного романа В. Ропшина (Б. В. Савинкова) «То, чего не было (Три брата)». См. также прим. 16 к письму 165. Андреев имеет в виду сближение Ропшина с Мережковским.

⁶ Изгоев (псевдоним Александра Соломоновича Ланде; 1872—1935) — публицист, видный деятель кадетской партии. С 1909 г. входил в состав редакции центрального органа кадетской партии газеты «Речь», один из редакторов журнала «Русская мысль», принимал участие в контрреволюционном сборнике «Вехи» (1909). В 1922 г. выслан за границу. В «Письме в редакцию» («Заветы», 1912, № 1, отд. II, стр. 222) Ропшин отвечал на статью Изгоева «На перевале. На выстрелы слева», обвинявшую лидеров эсеровской партии в том, что они «еще не отчитались перед обществом в эзфовщине» и ссылаясь на роман Ропшина «Конь бледный» («Русская мысль», 1911, № 11, отд. II, стр. 121—129).

⁷ Иван Вольный (Вольнов Иван Егорович; 1885—1931) — крестьянский писатель. Рассказы Вольного появились в «Современнике» 1911 г. Первые шаги писателя встретили дружескую поддержку Горького. В № 1 «Заветов» напечатано начало «Повести о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях. Детство», писавшей Вольным в 1911 г. в Италии и известной Горькому еще в рукописи. Сообщая Д. Н. Овсяннико-Куликовскому об организации «Заветов», Горький 7(20) января 1912 г. писал: «Прошу вас: обратите внимание на повесть Ивана Вольного, она начнется печатанием с первой книги журнала, автор — орловский крестьянин. Мне эта вещь кажется очень интересной и даровой сделанной» (XXIX, 214). После выхода «Повести» отдельным изданием, Горький просил Короленко высказать автору свои замечания: «Вольнов — парень упрямый, работающий, к нему можно предъявлять требования высокие, это будет полезно ему» (там же, стр. 311). О встречах на Капри Горький рассказывал в своих воспоминаниях «Иван Вольнов» (1931 г. — XVII, 315—334). Переписку Горького с Вольным — см. в т. 70 «Лит. наследства».

⁸ Подразумеваются произведения Сергеева-Ценского «Медвежонок», А. Н. Толстого «Хромой барин» и И. С. Шмелева «Пугливая тишина», опубликованные в «Сборнике первом» Издательского т-ва писателей (СПб., 1912).

⁹ Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова; 1878—1946) — литературовед и критик, левый эсер, автор «Истории русской общественной мысли» (2 тома. Изд. 3-е, доп. СПб., 1911). Проповедуемый Разумником «имманентный субъективизм» резко критиковался Горьким (см. его письмо к Иванову-Разумнику от 12 или 13 января 1912 г., написанное в связи с предложением Разумника участвовать в организуемом им журнале. — XXIX, 217—218).

Издание задуманного Андреевым сборника не осуществилось. Не увенчалась успехом и более ранняя попытка Андреева «выпустить сборник публицистических статей, осуждающих так называемое реакционное направление политики правительства и имеющих целью поднять оппозиционное настроение в обществе» (сообщение директора Департамента полиции начальнику Главного управления по делам печати А. В. Бельгарду от 17 февраля 1911 г. — ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 16, ед. хр. 278/26, л. 45). В этом сборнике намечалось опубликовать статьи Андреева, Сергеева-Ценского, Саши Черного, Чуковского и др.

¹⁰ Вера Евгеньевна Копельман (Беклемишева) (1881—1944) — писательница и переводчица, жена С. Ю. Копельмана (см. прим. 11 к письму 170). Переводила с французского для издательства «Донская речь» и «Шиповник». Несколько лет была литературным секретарем и редактором изд-ва «Шиповник».

170. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Капри. 20 ... 23 мая/2 ... 5 июня 1912 г.〉

Уверен, что, когда мы встретимся, «неловкого положения» не будет, а будет добрая встреча двух товарищей, которые давно не видались.

Вольный — гордись! — орловский парень, удивительно милый, умный и, мне кажется, талантливый.

Ропшин — что! — ты Винниченка ¹ почитай, это еще более утешает.

Началась в литературе русской какая-то новая — странная — портретная полоса: только что вышла повесть Ш. Аша², где прегрубо нарисованы Волинский, Чириков, Дымов³, Бурдес⁴ и Ходотов⁵ и еще куча людей. Недавно читал рукопись, посвященную Арцыбашеву, имею препоганный рассказ о Куприне, старичок Тетерников размалевал меня⁶,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РАССКАЗУ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» АНДРЕЕВА

Рисунок И. Е. Репина, 1908 г.

Третьяковская галерея, Москва

Дымов, — как говорят, — Мережковского, у Ропшина тоже портретики. Что это значит?

Сборник в пользу ленцев, конечно, не пойдет, и затеяли вы его напрасно. Когда предполагаете издать? Сообщите, может быть я успею, — пришлю рукопись. Очень занят; налаживается некая «Интернациональная лига», — воззвание ее будет напечатано в «Запросах жизни»⁷, — я в этом деле тоже верчусь.

Как тебе нравится Сургучев?⁸ Вчера только что проводил его в Россию.

Превосходную вещь написал Алексей Золотарев⁹, — увидишь, что не преувеличиваю.

Он живет здесь, Вольный — тоже, и вообще здесь — славно.

О Батюшкове — верно ты сказал: портной-старьевщик.

Работы у меня — на сорок лет, а ничего не успею я сделать.

Книги? Я очень хотел бы иметь Мопассана в издании «Шиповника»¹⁰, да ведь не придет Копельман?¹¹ Ну — и дорого же стали книги издавать!

Что вы там — разбогатели что ли от голода? Пришли, коли можешь, Пирсона, Грамматика науки, — это тоже шиповничье издание¹².

Ну, будь здоров. Желаю всего доброго!

А.

Знаешь: в России есть интересный писатель Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура!¹³

Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ Владимир Кириллович Винниченко (1880—1951) — украинский писатель. С 1911 г. сотрудничал в редактировавшихся Арцыбашевым литературно-художественных сборниках «Земля». Опубликованная в 14-м сборнике «Земля» (М., 1914) повесть «Заветы отцов» была охарактеризована Лениным как «архисверное подражание архисверному Достоевскому» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. 35, стр. 107). В «Заветах» с 3-го (июньского) номера в 1912 г. началось печатание повести Винниченко «История Акимова здания» (окончание в № 4). Уничтожающий отзыв Горького о творчестве Винниченко и его романе «На весах жизни», предложенном автором для сборника «Знание», — см. XXIX, 177—180. После Октябрьской революции Винниченко оказался в числе активных врагов Советской власти.

² Шолом Аш (1880—1951) — еврейский прозаик и драматург. В 1907—1909 гг. в сборниках «Знание» (19, 21 и 28) печатались его пьесы «Бог мести», «С волной» и «Зимой». В конце декабря 1907 — первых числах января 1908 г. Аш был у Горького на Капри и предложил издать свой «Городок. Поэма из еврейской жизни в Польше» в «Дешевой библиотеке „Знания“». С одобрения Горького книга вышла в свет в том же году (1908). Считая Аша самым даровитым из современных писателей-евреев, Горький особое внимание обращал на качество переводов его произведений на русский язык (см. письмо к Пятницкому, посланное около 20 мая 1908 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 253). В 1909—1910 гг. «Знание» издало собрание сочинений Шолома Аша в трех томах (редактирование переводов было осуществлено С. Г. Фругом). 17 мая 1912 г. Аш выслал Горькому из Парижа корректуру своего романа «Мэри», который должен был выйти у Ладженкова в Берлине, и в сопроводительном письме выразил желание увидеть свой роман в России в одном из сборников «Знание» (АГ). Горький ответил отказом (АГ). Отрицательное отношение к этому роману Аша Горький высказывает также в письмах к Амфитеатрову от 20—28 мая 1912 г. и к Р. М. Бланку от мая того же года (АГ).

³ Дымов — псевдоним прозаика, драматурга и журналиста Осипа Исидоровича Перельмана (1878 — 1959). В первую русскую революцию сотрудничал в «Новой жизни» и сатирических журналах «Адская почта», «Сигналы», «Зарницы», «Леший» и др. Один из основных сотрудников «Сатирикона». Рассказы и повести Дымова собраны в книгах: «Солнцеворот» (три издания: 1905—1913), т. I (1910), «Веселая печаль» (1911). После Октябрьской революции — эмигрант.

⁴ Борис Павлович Бурдес (1861—1911) — журналист и переводчик, автор передовых статей по вопросам внешней политики в «Биржевых ведомостях». Для «Знания» переводил «Городок» Ш. Аша.

⁵ Николай Николаевич Ходотов (1878—1932) — актер Александринского театра, после Октябрьской революции — заслуженный артист РСФСР. Оставил воспоминания «Близкое-далекое» (Л.— М., «Искусство», 1962). На петербургской квартире Ходотова часто собирались писатели и актеры.

⁶ Речь идет о главе из романа Федора Сологуба «Мелкий бес», под заглавием «Сергей Тургенев и Шарик», опубликованной в «Речи», 1912, № 102, 109 и 116, 15, 22 и 29 апреля, и представляющей собою злобный пасквиль на Горького и Скитальца. В основной текст романа не включалась (см. письмо Горького в издательство «Academia» от 7 января 1933 г. — XXX, 275—276).

⁷ 22 мая 1912 г. Эптон Синклер направил Горькому с предложением поставить свою подпись «предварительное воззвание» «Интернациональной лиги», целью которой было бы объединение усилий для «агитации против зол современной социальной системы». Инициатива Синклера была поддержана немецким химиком и философом Вильгельмом Освальдом, немецким поэтом Рихардом Демелем и датским писателем

Фредериком ван Эден. Предполагалось основать так называемый Интернациональный мирный суд труда, который должен был координировать антивоенное движение среди рабочих разных стран. Принимая с благодарностью предложение Синклера, Горький сообщил ему 1 июня 1912 г., что программа «Интернациональной лиги», переведенная на русский язык, отправлена им для опубликования в Россию («Архив Горького», т. VIII, стр. 304). Вместе с письмом Горький направил Синклеру «Письмо учредителям „Интернациональной лиги“», частично опубликованное им в статье «Издаലെка» («Современник», 1912). «Теперь вот занят, — писал Горький Коцюбинскому 23 мая (5 июня) 1912 г., — „Интернациональную лигою“ — попыткой всемирной организации всех людей духа, устройством чего-то вроде планетарного парламента. Основная идея Лиги — дана Вильгельмом Освальдом в его статье „Всемирный ум“, он же, Освальд, и Демель с ним составили „воззвание“, — вероятно, оно будет напечатано в „Запросах жизни“» (XIX, 240). «Запросы жизни» (СПб., 1909—1912) — еженедельник культуры и политики. Редактор Р. М. Бланк. Характеристика политического направления журнала дана Лениным в письме к Горькому: «Странный, между прочим, журнал, — ликвидаторски-трудоулическо-вехистский. Впрочем, именно „бессословная и реформистская“ партия...» (В. И. Ленин, Собр. соч., т. 35, стр. 30). В том же письме Ленин называет неудачными помещенные в «Запросах жизни» статьи Горького. Программа «Интернациональной лиги», присланная Горьким, опубликована в «Запросах жизни» с некоторыми сокращениями (1912, № 24).

⁸ Илья Дмитриевич *Сургуев* (1881—1956) — прозаик и драматург. После Октябрьской революции — эмигрант. Речь идет о повести «Губернатор» (сб. «Знание», кн. 39, 1912). Отзыв Горького об этой повести — см. в письме к автору от 13 (26) января 1912 г. (XIX, 249—222).

⁹ Алексей Алексеевич *Золотарев* (1878—1950) — беллетрист. В сб. «Знание», кн. 23 (1908), была опубликована его повесть «В старой лавре», на которой сказалось влияние богостроительских идей. В письме речь идет, вероятно, о повести «На чужой стороне» (сб. «Знание», кн. 35, 1914).

¹⁰ Гюи де М о п а с с а н. Полн. собр. соч. Новые переводы с последнего (Юбилейного) издания А. Чеботаревской, З. Венгеровой, С. Городецкого (и др.), тт. I—XXX. СПб., изд. «Шиповник», <1909—1912>.

¹¹ Соломон Юльевич *Копельман* (1881—1944) — один из основателей и главный редактор издательства «Шиповник». Будучи слушателем юридического факультета Петербургского университета, распространял среди студентов и рабочих нелегальную литературу. Выслеженный охранкой, зимой 1902 г. был арестован и до весны 1903 г. находился в заключении. Освобожденный под денежный залог, тайно перешел границу и жил сначала в Германии, а затем во Франции. За границей ближе сошелся с эмигрантами-революционерами, познакомился с Луначарским. В Россию вернулся после манифеста 17 октября 1905 г. Копельман — отец советского писателя Юрия Крымова. Андреев познакомился с Копельманом по работе в «Шиповнике». Его переписка с ним почти полностью утрачена. В ИРЛИ хранятся два письма Андреева к Копельману (от 11 января 1909 г. и без даты).

¹² Карл П и р с о н. Грамматика науки. Перевод со 2-го просмотрен. и доп. английского издания В. Базарова и П. Юшкевича. СПб., изд. «Шиповник», <1911> (Библиотека современной философии, вып. 6).

¹³ Каллистрат Фалалеевич *Жаков* (1865—1926) — писатель и этнограф, профессор Петербургского психо-неврологического института; после Октябрьской революции эмигрировал (см. его некролог в «Вестнике знания», 1926, № 7, стр. 485—486). Наиболее значительное автобиографическое произведение Жакова «Сквозь строй жизни» (чч. I—IV) издано в Петербурге в 1912—1914 гг. В начале мая 1914 г. Жаков посетил Горького в Мустаяках и подарил ему II и III томы своего сочинения (см. письмо Горького к А. Н. Тихонову от 9 мая 1914 г. — «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, стр. 48).

171. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

<Ваммельсуу.> 15 ноября 1912

Дорогой Алексей! Вот на Капри я не попал, и удастся ли нынешнюю зиму — не знаю. Держит работа, театры¹, разные собственные обстоятельства. Очень жалею об этом, так как повидаться нужно бы, поговорить нужно бы: с упрямством идиота я продолжаю верить в полную возможность самых добрых между нами отношений.

Жить сейчас в России очень трудно. Если на низах идет процесс внутреннего обогащения и роста, то совершается он за счет верхов: мразь и запустение на верхах. И хуже всего у братьев писателей. С моим прошлым оптимизмом я сел, видимо, в лужу. Живут хорошо и при-

вольно одни модернисты, как это ни странно; вообще забрали большую силу, засели в газетах, пробираются в журналы. Держатся сплоченно и по-родственному, как одесситы. Если хочешь — напишу подробнее, как живут и наши и ихние. О большом и сквернейшем в жизни не говорю, сам знаешь. И вообще, если пожелаешь, могу время от времени делать тебе доклады, конечно, очень субъективные.

А как дела-то обернулись у нашего Ивана Павловича? Ужасно его жаль: то пожар, то крах — не повезло! ² Чуть не крахнул «Шиповник», кажется, вывернулся. Я с ним почти разошелся, они очень повернули в сторону хоть и чистого, но наживного издательства, и стало совсем нечего делать. Но ни с кем и не сошелся — пристанища не имею. Пока буду издаваться у Блюменберга ³. От Цетлина освободился: старое — ему, все новое — мое.

Получил ли Мопассана?

Крепко обнимаю тебя.

Твой Л. А.

Териоки

Текст написан на машинке; дата и со слов «Крепко обнимаю» — от руки.

¹ В 1912 г. Андреев вел переговоры с Немировичем-Данченко о постановке Художественным театром «Екатерины Ивановны» (см. их переписку в Музее МХАТа), А. И. Сумбатовым-Южиным о включении «Профессора Сторицына» в репертуар московского Малого театра (ЦГАЛИ) и режиссером А. Н. Лаврентьевым (Центральный Театральный музей) о постановке «Профессора Сторицына» на сцене Александринского театра. Переговоры эти для Андреева были трудными, так как Немирович-Данченко настаивал на переделке заключительного действия «Екатерины Ивановны» (было изменено Андреевым; первую редакцию см. в альманахе «Шиповник», кн. 19. СПб., 1913), а Сумбатов-Южин и дирекция Александринского театра после скандального провала «Профессора Сторицына» в Киеве не торопились с окончательным решением. См. письмо Андреева к Осипу Дымову от 4 октября 1912 г. (ЦГАЛИ).

² Иван Павлович — Ладыхников. Получив письмо Андреева, Горький 25 ноября 1912 г. с тревогой запрашивал Ладыхникова: «Что такое, какой крах?» («Архив Горького», т. VII, стр. 211). Имеются в виду денежные затруднения издательства Ладыхникова, повлекшие за собой заключение 21 декабря 1912 г. нотариального договора с Б. Н. Рубинштейном, передающего последнему права по издательству в Берлине. Еще до получения письма Ладыхникова от 12 декабря 1912 г. о материальном положении издательства, Горький стремился оказать ему посильную помощь. «Необходимо принять все меры для того, чтоб дело с „Verlag“ом не закончилось скандалом, если только скандал грозит отменить ваше доброе имя и отодвинуть вас от работы, в коей вы можете быть особенно полезны в наше время», — писал он Ладыхникову 3 декабря 1912 г. (там же, стр. 212). В частности Горький выражал готовность помочь Ладыхникову погасить долг «Посреднику», доверившему Ладыхникову сбор денег за изданные во Франции и Англии посмертные произведения Толстого.

³ Густав Алексеевич Блюменберг — купец, владелец «Московского книгоиздательства», представитель в России бумажных фабрик Пализен. По воспоминаниям Н. С. Клестова (ЛБ, ф. 9, № 2), издательская деятельность фактически находилась в руках его сына офицера-кавалериста в отставке Г. Г. Блюменберга и сотрудника их торгового дома — Д. М. Ребрика.

172. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Капри. 20 ... 23 ноября/3 ... 6 декабря 1912 г.⟩

«Сердце сердцу жить не дает», — я только что собирался писать тебе ругательное письмо по поводу твоей распри с киевлянами ¹. Что у тебя чешется? И так уже Украина отложиться от России намерена, а ты еще раздражаешь, ускоряя тем распад империи ².

Мопассана я, конечно, не получил, а хорошо бы иметь «18 томов в роскошных переплетах» — люблю роскошь! А человек я — бедный, прогоревший, книг мне покупать не на что. Мне надобно дарить книги, я — человек старый, заслуженный, имею 243 медали, в том числе много редких и одну — особенно: она выбита в России в 1905 году и на ней сказано: «Да вознесет нас господь в свое время» ³.

В этом есть нечто мистическое и глубоко благонадежное. О модернистах — напиши. Весьма интересуюсь. Кажется, Викторьен Миротёков пригласил их в свой «Мюр Мерилиз»? И ты с ним там, видел я? Это ты, дядя, пожалуй, напрасно, а впрочем — сие дело твое ⁴.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «РАССКАЗУ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» АНДРЕЕВА

Рисунок И. Е. Репина, 1908 г.

Ульяновский областной музей

Я, старик плешивый, в современных играх плохо разбираюсь, и слабый ум мой не уясняет, как возможна кадриль Шестова ⁵-Чернова ⁶-Разумника ⁷-Мстиславского ⁸? И почему не объявить: «идя навстречу перепутанным вкусам и потребностям неясным обалдевшей русской публики, мы решили издавать наш почтенный журнал сразу в четырех направлениях — пожалуйста!» Хотя, — возвращаясь к тебе лично, — я понимаю: писать негде.

Это жаль, что ты не был здесь летом: хорошая собралась публика, жилось весело ⁹. В морской воде жили — хорошо!

Пришли мне пьесу о «Профессоре»¹⁰, — это, должно быть, интересно. А «Катерина»¹¹ — не понравилась мне. Что-то слепое в ней есть.

Бабы тебе удаются только до половины, меряя снизу. Даже материнского — груди — ты в них не видишь или — не ценишь?

Видишь, я уж начинаю говорить шепелявым языком Рогачевского.

Итак, — жду Мопассана, писем.

Но, вот что, Леонид: хорошая компания затеяла доброе и нужное дело — организовать музей по истории борьбы России за освобождение в XIX веке, начиная с А<лександра> I-го и даже — раньше. В России такое дело — частью — выполняет Академия наук, но целиком, широко поставить его — невозможно, при наших политических общественно-партийных условиях. — Решили делать дело — пока — за границей. Кое-какие вещи есть, кое-что поступает. Средств — мало, а нужно платить за помещение и т. д. Я очень прошу тебя — помоги, дай денег! А если есть какие-либо документы, письма, книги, — давай и это. Деньги пошли по адресу Евгения Александровича Ляцкого, Каменноостровский, 65, 31, или на редакцию «Современника» ему же.

Будь здоров!

Нет ли богатых знакомых? Собирай у них деньги, сколько дадут! Дело — очень нужное¹².

Жму руку. А. Пешков

Датируется по связи с письмом Горького к Е. А. Ляцкому от 25 ноября /8 декабря 1912 г. (см. прим. 12).

¹ Речь идет об открытом письме Андреева к киевским театральным обозревателям В. А. Чаговцу, Н. И. Николаеву и Бикману («Биржевые ведомости», веч. вып., 1912, № 13240, 9 ноября). В резком тоне их рецензий на постановку в Киеве драмы «Профессор Сторицын» автор усмотрел личное оскорбление. Обостренные отношения Андреева с киевскими журналистами имели свою историю. В 1910 г. возник спор между двумя киевскими театрами о праве первой постановки пьесы «Caudeamus»; инцидент этот получил крайне неблагоприятное для Андреева освещение в местной печати («Киевский театральный курьер», 1910, № 656, 12 августа; «Киевская мысль», № 226, 23 августа и др.). Андреев вынужден был выступить публично с разъяснениями («Театр и искусство», 1910, № 37, 12 сентября).

² Отголосок борьбы Горького с пропагандировавшимися Струве, Изгоевым и другими буржуазными либералами идеями великодержавного шовинизма. См. письмо Горького к Ленину от февраля — марта 1912 г. («В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 74) и статью Горького «О русской интеллигенции и национальных вопросах» в журн. «Украинская жизнь», 1912, № 9, стр. 7—15 (переп.: МИ, т. I, стр. 64—71).

³ На медаль, выбитую в память русско-японской войны 1904—1905 гг., по ошибке попали слова из резолюции Николая II на проекте положения о медали («Доложить в свое время»), что сделало текст надписи бессмысленным.

⁴ Подразумевается Миролубов, заведовавший в 1912—1913 гг. литературным отделом журнала «Заветы». В 1912 г. в «Заветах» печатались: Блок, Городецкий, Клюев, Ремизов, Балтрушайтис, Бальмонт. Этот перечень дополнялся в рекламном объявлении о подписке на 1913 г. именами Андреева, Брюсова и Сологуба. Андреев поместил в январской книжке 1914 г. рассказы «Три ночи» и «Воскресение всех мертвых». Горький иронически отождествляет «Заветы» с известным магазином «Мюр и Мерилиз».

⁵ Редакция «Заветов» предполагала в 1913 г. напечатать в журнале статью Шестова «О предсмертных произведениях Л. Н. Толстого», впрочем, так и не появившуюся. См. также прим. 14 к письму 34.

⁶ Виктор Михайлович Чернов (1873—1952) — лидер партии эсеров, редактор центрального партийного органа «Революционная Россия». После Октябрьской революции эмигрировал за границу. В «Заветах» (под псевдонимом: Я. Вечев) руководил отделом «Дела и дни» (см. письмо к нему и Миролубову Горького от 12 или 13 января 1912 г. — ХХIX, 219).

⁷ Иванов-Разумник вел в «Заветах» постоянный отдел «Литература и общественность» и помещал отдельные статьи и заметки по литературным вопросам (см. о нем прим. 9 к письму 169).

⁸ С. Мстиславский — псевдоним Сергея Дмитриевича Масловского (1876—1943) — писатель и публицист. В «Заветах» руководил отделом русской жизни «Свое и чужое».

⁹ В июле — августе на Капри жила большая группа русских художников (Г. Н. Горелов, К. И. Горбатов, Г. М. Бобровский, Е. М. Чешцов и др. — «Летопись», II, стр. 288).

¹⁰ «Профессор Сторицын». Отрывок из пьесы (III действие) был опубликован в журнале «Маски», 1911/1912, № 1; полностью — в сб. «Земля», кн. XI (М., 1913); отдельно издано также журналом «Театр и искусство». СПб., 1912.

¹¹ Пьеса «Екатерина Ивановна».

¹² В 1912 г. на Капри по инициативе Горького была создана специальная комиссия по организации Музея русского освободительного движения. В конце 1912 г. Горький переслал Е. А. Ляцкому текст обращения об оказании помощи организуемому музею. В 1913 г. вопрос о музее был поставлен на съезде русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. Съезд утвердил «Проект устава Исторического музея русского освободительного движения», в основу которого лег проект Горького (опубликован в «Трудах первого съезда русских культурных и экономических общественных организаций в Италии. Рим, 27—30 марта 1913». Roma, 1913, прилож., стр. 6—7). «На днях, — сообщал Горький Е. А. Ляцкому 25 ноября/8 декабря 1912 г., — отвечая Андрееву на его письмо, я предложил ему поделиться сокровищами своими с нашим музеем и указал ваш адрес. Так что, если бы вы получили от него некий взнос, — не удивляйтесь» (XXIX, 284). Ленин в письме к Горькому из Кракова от второй половины октября 1912 г. назвал его план собрания материалов по истории революции великолепным: «Приветствую всей душой и желаю успеха» («В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». Изд. 2-е, доп. М., 1961, стр. 83).

173. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ваммельсуу. 23 ... 26 декабря 1912 г.⟩

Мопассан — едет!

А ворчишь ты зря, старик. Я ли не воспел материнское и доброженственное: и в «Звездах»¹, и в «Василии»² и в «Красном смехе»... да почти в каждой вещи. «Анфиса»³? — но тут у меня просто не вышло. Ты не любишь «Семи повешенных» (и напрасно делаешь), но ты возьми намерения мои: и разве там женщины взяты снизу? А в «Анатэме»⁴?

И театр так и толкует Катерину: как чистоту сущую⁵. И как у них трогательно выходит: я ревел на репетиции, как акведук, истек. Ни разу еще этого со мной не было. Бог даст и ты увидишь — и клянусь тебе, Алексей: тоже заревешь! Кстати, мне Немирович и московские рассказы вали, как у них весь прошлый сезон хорошо шло «На дне», с захватом.

И вообще ты ворчишь напрасно. Ты думаешь, что я миротекстную, а я как раз полгода с ними воюю и торгуюсь. Но правда и то, что — негде работать, и уже давно я только давала рассказов, но не *сотрудник*. И все мечтаю, и все толкую о некоем своем журнале — осточертело жить и работать и бороться в одиночку! — но не выходит⁶. Кто я? Для благородорожденных декадентов — презренный реалист; для наследственных реалистов — подозрительный символист. Даже окрыленный успехом Женечка Чириков учит меня: не задавайся на макароны, брось черные маски, пиши с начала «Жили-были»! И уж если в области искусства столь трудно найти себе место, то в общественности совсем беда. Смешались языцы!

26 декабря. Еду на Капри, завтра. Целую, рад очень, что увижу.

Твой Л.

Текст написан на машинке; дата и приписка от 26 декабря — от руки.

¹ «К звездам».

² «Жизнь Василия Фивейского».

³ «Анфиса» — драма Андреева; впервые опубликована в альманахе «Шиповник», кн. 11, 1908. Премьера пьесы состоялась в петербургском Новом драматическом театре 10 октября 1909 г.

⁴ «Анатэма» — драма Андреева (1908). Поставлена впервые Художественным театром 2 октября 1909 г.; в Петербурге — Новым драматическим театром — 10 октября того же года.

⁵ Речь идет о постановке «Екатерины Ивановны» Художественным театром.

⁶ В конце октября — начале ноября 1912 г. Андреев вел переговоры, которые закончились неудачей, с капиталистом-сахарозаводчиком М. И. Терещенко о субсидировании последним литературно-художественного журнала «Шиповник» (запись в дневнике Блока от 7 ноября 1912 г. — Александр Блок. Собр. соч., т. 7. М.—Л., Гослитиздат, 1963, стр. 174).

1914

174. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 1 ... 10 января 1914 г.〉

Милый Алексей! Мы на днях уезжаем до мая за границу, и дом мой остается пуст и необитаем. Не годится ли он тебе для жилища на это время, пока ты решительно не устроился? Дом велик и поместит всех, кто с тобою, удобен для жизни и работы, главное, для работы. Есть телефон в СПб., лошади, кругом красиво и безинтеллигентно, одни финны. Одно неудобство: надо много топить в морозы, но это пустяки. Можно будет устроить и так, что и на лето дом останется в твоём распоряжении; я сам лето буду в шхерах. Я был бы очень рад, если бы этот план оказался приемлемым и для тебя удобным¹.

Ответь или поручи кому-нибудь ответить. До 14-го я буду еще здесь, и если ты согласишься, я приготовлю дом к твоему приезду. Главное, что тебе будет удобно.

Вообще наши личные недоразумения здесь не при чем, и в этом ты можешь мне поверить. Крепко жму твою руку, желаю тебе всего доброго.

Твой Леонид А.

Писать: Териоки, Ваммельсуу, мне.

Текст написан на машинке; подпись — от руки. На подлиннике помета рукою Горького: «Относится должно быть к 14 г.».

Датируется по письму А. И. Андреевой к А. А. Кипену от 20 января 1914 г. (ИМЛИ).

¹ Горький, вернувшийся в Россию 31 декабря 1913 г., не воспользовался предложением Андреева.

175. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 13 декабря 1914 г.〉

Милый Алексей! Я очень огорчен, что завтра не могу быть у Сологуба. Рассчитываю все же поправиться и в другие разы не портить музыки¹.

Позавчера, вечером, собравшись с духом, прикатил в метелицу к тебе в Нейволу — и пусто! И Иорданских не оказалось, так я и вернулся. А хотелось с тобой поговорить. Если тебе с руки, то не заехал ли бы ты в Ваммельсуу на обратном пути из СПб.? А отсюда на лошади до Нейволы не так уж далеко.

Жму твою руку.

Твой Леонид А.

13 декабря 1914 г.

Текст написан на машинке; подпись — от руки.

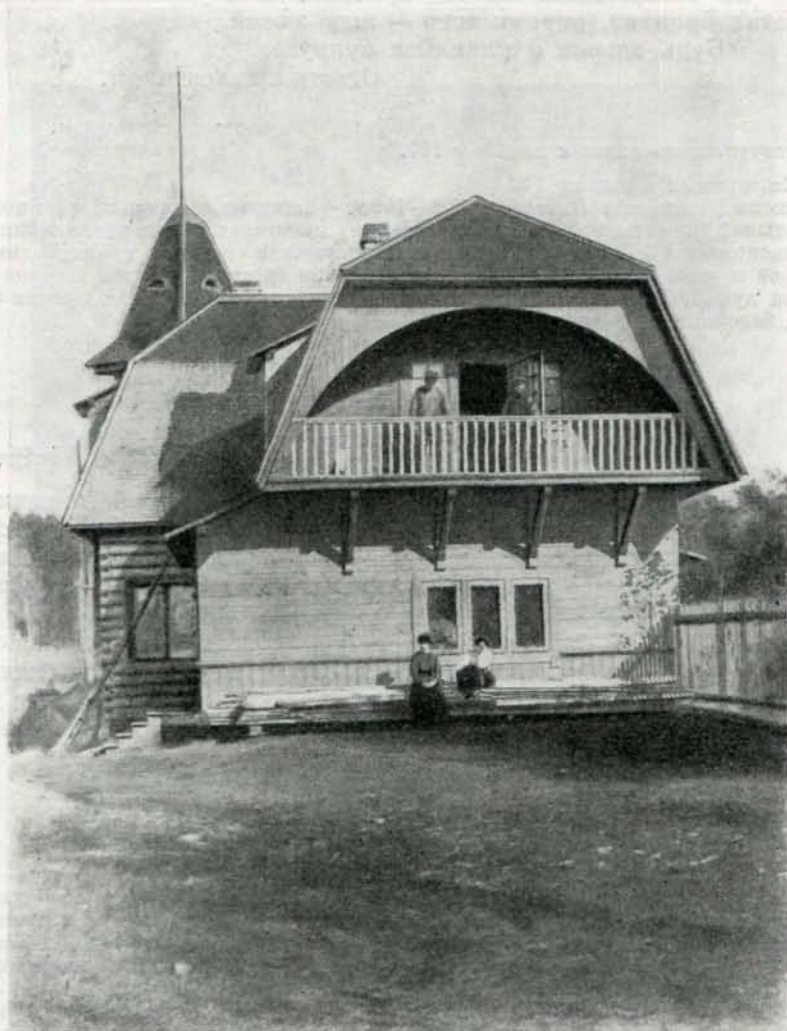
¹ Публикуемые письма 175—179 в основном касаются деятельности Горького и Андреева в «Русском обществе для изучения жизни евреев». См. об этом далее, стр. 547—548.

176. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Мустаяки. Около 15 декабря 1914 г.>

Дорогой Леонид,

Поехать к тебе я не решился, ошибочно предположив, что в Мустаяках меня ждут приезжие люди.

МУСТАЯКИ. ДАЧА В. А. и Е. Ф. КРИТ. ЗДЕСЬ ГОРЬКИЙ ЖИЛ
В НАЧАЛЕ 1914 ГОДА

Фотография

Музей Горького, Москва

Оказалось, что люди эти приедут лишь вечером.

Очень досадно, было бы удобнее и легче рассказать тебе о положении дела лично. Дело стоит так: анкетные вопросы составлены. Д. Н. Овсяннико-Куликовский и Винавер¹ редактируют их, через два дня они будут готовы к печати.

Но — к вопросам необходимо приложить обращение, адресованное анктерами. Написать это обращение должны мы — ты, я, Сологуб. Прилагаю мой проект. Напиши ты и затем пошли оба листка Ф. К. Сологубу. Так условлено. Почтой — не посылай, пропадет.

Я буду в Питере 20-го числа, вероятно, и ты в это время будешь там? 21-го назначили у Винавера собрание по вопросу об организации русской лиги филосемитов. Было бы хорошо, если бы я мог поговорить с тобой до 20-го, — не согласишься ли ты приехать в Мустамяки? Пожалуйста! Я схватил бронхит, окромя того — жду людей.

Будь здоров и кланяйся супруге.

Ответь с извозчиком.

А. Пешков

Датируется по связи с письмом 177.

¹ См. прим. 1 к письму 175.

Максим Моисеевич *Винавер* (1863—1925) — адвокат, защитник на многих имевших большой общественный резонанс судебных процессах, в том числе о кишиневском и гомельском еврейских погромах. Редактор журнала «Вестник права»; один из организаторов и член Центрального комитета партии кадетов, депутат Первой Государственной думы. После Октябрьской революции активно выступал против Советской власти, белоэмигрант.

177. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Ваммельсуу. 15 декабря 1914 г.〉

С удовольствием приехал бы и сегодня, милый Алексей, но меня крутит и крутит, голова трещит, словно дерево рассыхаться начало. Постараюсь все же приехать в один из ближайших вечеров; вот только боюсь, что у тебя народ и не удастся вдвоем — единственный настоящий разговор — толково побеседовать.

Обращение составлю и либо тебе привезу, либо отошлю с оказией. В театр на свою пьесу не поеду ¹, там будут всякие шумы, для головы неприятно: а 21-го у Винавера буду.

Привет. Жена кланяется и просит не говорить, что у нее тоже флюс. «П-п-почему?» — зовет она, как Юшкевич.

Твой Леонид А.

15 декабря 14 г.

Написано на машинке; автограф — только подпись.

¹ Подразумевается премьера пьесы Андреева «Король, закон и свобода» в Александринском театре, состоявшаяся 19 декабря 1914 г. Заглавием для пьесы Андреев избрал строки из бельгийского национального гимна. Отдельно пьеса издана журн. «Театр и искусство» и «Отечество» (Пг., 1914). Спектакль имел официальный успех (см. отзыв бельгийского консула. — «Биржевые ведомости», 1914, № 14462, 29 октября). Критика в своем большинстве отнеслась к пьесе отрицательно. Так С. Адрианов, осуждая эту пьесу за ходульность и пафос, писал, что в ней «протоколизм телеграмм с театра войны переплелся, не сливаясь органически, с фантастикой художественного вымысла» («Вестник Европы», 1915, № 4, стр. 333).

178. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

〈Петроград. 27 декабря 1914 г.〉

Дорогой Леонид,

было решено, что 27-го, т. е. сегодня, — ты и я соберемся у Ф. К. Сологуба и составим текст обращения ¹.

Но у меня разыгрался бронхит, дня четыре, пять я не в состоянии буду выйти на улицу.

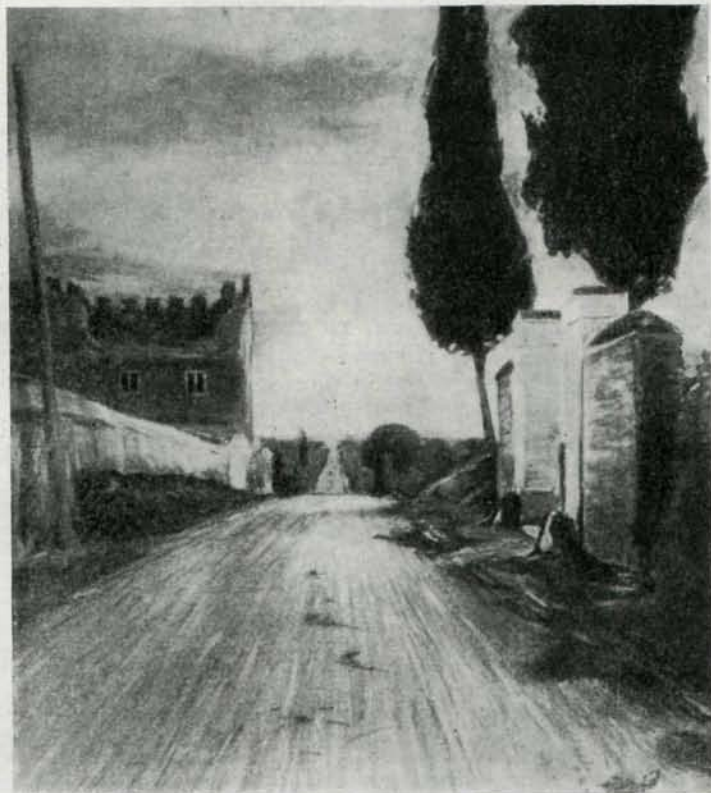
За эти дни я напишу проект обращения, прошу и тебя сделать то же, очень прошу! Сологубу я телеграфировал, что и я приеду, — может быть и ты телеграфируешь ему, дабы он не обиделся?

Письмо это передаст тебе Гюрджан, скульптор, который хотел бы вылепить твой бюст². Это — талантливый человек и славный малый. Учился в Париже, очень известен там.

Будь здоров, поклонись твоей семье.

Всего хорошего.

А. Пешков

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ. «VIA ARRIA»

Пастель работы Андреева, 1910-е годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

¹ У Сологуба 27 декабря 1914 г. состоялось первое заседание бюро «Русского общества для изучения жизни евреев», избранного 23 декабря на квартире Н. Я. Кетчера в составе трех писателей-инициаторов: Горького, Андреева и Сологуба. Горький, очевидно, не присутствовал.

² Акоп Маркарович Гюрджан (1881—1948) — скульптор. Известны три скульптурных изображения Горького его работы (1912—1919 гг.). Они хранятся в Государственной картинной галерее Армении (Ереван), см. воспроизведение бюста на стр. 341).

1915

179. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

⟨Мустамяки. Конец января 1915 г.⟩

Дорогой мой Леонид,

Мне кажется, что обращение Федора Кузьмича написано достаточно убедительно и оба мы — ты и я — можем подписать его, так что у тебя нет надобности составлять иное¹.

Достаточно ли наших трех подписей и не нужно ли присовокупить к нашим именам имена, например, К. К. Арсеньева², Овсяннико-Куликовского, Мякотина³ и т. д.?

Это для меня вопрос неясный.

Засим: у «обращения» нет конца, то есть нет приглашения высказаться, направленного анкетерам. Но это — в двух словах. Поговорить нам — необходимо, а я не могу быть у тебя раньше 2-го или 3-го — будешь ли ты дома?

Приехав 3-го, 4-го мы с тобой вместе отправились бы в Питер, — ладно?

Будь здоров!

Пишу воззвание, привезу тебе. Ты тоже, пожалуйста, попробуй написать воззвание, о котором толковали у Кетчера⁴.

Всего доброго!

А. Пешков⁵

Датируется по связи с письмами 177—178.

¹ Текст обращения напечатан в «Биржевых ведомостях», 1915, № 14648, 3 февраля. См. ниже, стр. 547—548.

² Константин Константинович Арсеньев (1837—1919) — публицист, литературный критик, общественный и земский деятель. С 1866 г. — сотрудник «Вестника Европы», в котором с марта 1880 г. вел внутреннее обозрение, а с 1882 по 1905 г. — и общественную хронику; с 1908 по 1916 г. — ответственный редактор журнала. В 1889—1891 гг. — председатель комитета Литературного фонда. В 1900 г. избран почетным академиком по разряду изящной словесности.

³ Венедикт Александрович Мякотин (1867—1937) — историк и публицист, активный сотрудник «Русского богатства»; с 1900 по 1904 г. вел в нем «Хронику внутренней жизни», а с 1911 по 1912 — печатал статьи «Наброски современности». После Октябрьской революции — эмигрант.

⁴ Николай Яковлевич Кетчер (1859—1924) — врач-терапевт, преподаватель частного петроградского университета при Психоневрологическом институте, приват-доцент Военно-медицинской академии и Женского медицинского института. 23 декабря 1914 г. на квартире Кетчера под председательством А. И. Шингарева обсуждался вопрос об организации «Общества изучения жизни евреев». «От имени организаторов собрания выступили Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб. Соображения о практических мероприятиях были развиты в речи М. Горького. Оживленные споры вызвало сделанное им и горячо поддержанное Л. Н. Андреевым предложение об обращении к обществу с воззванием по еврейскому вопросу» (ЦГАОР, ф. 579-И, оп. 1, д. 2018).

Приводим строки из объяснительной записки секретаря Общества С. В. Познера: «4 января 1915 г. состоялось второе общее собрание, созванное для выслушивания проектов воззваний и обсуждения вопроса об образовании Общества. Вниманию собравшихся было предложено три проекта — М. Горького, А. В. Карташева и Ф. Сологуба. Проект воззвания, представленный М. Горьким, был признан несоответствующим тогдашним цензурным условиям и потому не отвечающим заданию, ибо собрание сошлось на том, что воззвание должно быть составлено так, чтобы его можно было на-

АНДРЕЕВ

Фотография М. А. Шерлинга, 1914 г.

Музей Горького, Москва

печатать в газетах. Вместе с тем, по предложению Л. Н. Андреева, было выражено пожелание, чтобы этот текст воззвания получил распространение. Из двух проектов было отдано предпочтение проекту Ф. К. Сологуба с тем, что в его текст будут внесены изменения.

Обсуждению этого текста было посвящено следующее общее собрание 17 января. На этом собрании М. Горький в виду того, что, как выяснилось, надежды на скорый выход в свет анкетной книги не было никакой, выступил с предложением составить наскоро хотя бы небольшой сборник статей и беллетристических произведений агитационного характера по еврейскому вопросу. Срок на представление материала он предлагал дать двухнедельный и, чтобы закрепить согласие присутствующих литераторов, он предложил им расписаться на листе бумаги <...> Предложение было принято собранием и подписи собраны (там же).

⁵ Этим письмом завершается коллекция автографов писем Горького к Андрееву, приобретенная Архивом русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете у Валентина Леонидовича Андреева. В 1958 г. эти письма были переведены на английский язык и выпущены в Нью-Йорке и Лондоне («Letters of Gorky and Andreev 1899—1912, Edited with an Introduction by Peter Yershov. Letters, Introduction and Notes translated by Lydia Weston»). Издание это изобилует текстологическими ошибками и неточностями (листы писем разъединены и часто соединены не на своем месте, даты не установлены или поставлены неправильно).

180. ГОРЬКИЙ — АНДРЕЕВУ

<Ноябрь — декабрь 1915 г.>

На мой взгляд — критика может сделать тебе такие указания:

«Книга Судей» не называет Самсона пророком, он только — назарей, человек, который посвятил себя богу, дал обет не вкушать вина, не стричь волос, не касаться мертвого. Нарушив этот обет — так или иначе, — назарей обязан остричь себе волосы. «Сила в волосах» имеет значение переносное, ее можно — и следует — истолковать как силу воли в исполнении обета богу.

Далее, Библия и история — сколько помню — не говорят о пророках в эпоху Судей, относя их к эпохе Царей. Полагаю, что нельзя называть Самсона ни пророком, ни князем или царем Израиля.

Непонятна ненависть Самсона к Иудее: во времена Судей — Иудея не существовала как государство, было только колено Иудино, жившее на юге Палестины, между берегами Мертвого моря и страной филистимлян.

Колено Даново — племя Самсона — жило где-то в долине Верхнего Иордана, на линии города Сидона, далеко от колена Иудина. За что Самсону ненавидеть колено Иуды, которого он, вероятно, не знал, с которым не сносился? Он мог ненавидеть людей своего племени. К этому привяжутся, чего не следует допускать. Замени Иудею — Израилем везде где следует. Мне это кажется важным.

Менее значительно:

Борода Самсона, причесанная *по-ассирийски*, — это едва ли верно и возможно. Филистимляне — народ арийской ветви — переселились в Палестину с берегов Эгейского моря, как полагают. Едва ли они, в эпоху Судей, могли уже воспринять навики и обычаи Ассирии.

Кольчуг в ту пору не было, — возможны лишь латы.

Сомнительно существование стекла.

Мечи у евреев — тоже едва ли возможны; пастушеское племя, они вооружались пращами и копьями. Вспомни единоборство Давида, факт позднейший.

Странно, что Самсон не упоминает о своем племени, — колоне Дановом, а также о том, что у него была жена.

Первые два акта очень хорошо сделаны, на мой взгляд.

С третьего — чувствуются длинноты, особенно на стр. 5—8.

В IV — растянута сцена с матерью, а во 2-й картине — утомляют монологи Самсона. II — кстати — здесь Самсон напоминает, как мне показалось, Василия Фивейского.

За исключением I и III действия, Далиле отведено слишком мало места, о ней забываешь. И даже в III действии — она у тебя поставлена небрежно.

Ахимелек дважды спрашивает ее:

— Это правда, Далила?

— Тебе тоже, Далила?

Она не отвечает. И — никаких ремарок.

Она остается для меня неясной. Что в ней — только любовь? И это не ясно. Хочется, чтобы ей придано было еще что-то, — раскаяние? Конечно — нет. Но — страх пред Дагоном или человеком за преступление? Или честолюбивая мечта, — если пророк был моим любовником и я победила его — почему же бог пророка не может быть любовником моим?

И почему бы Далилу не поставить против слепой, против матери? Эта фигура кажется мне недостаточно драматичной.

Хорошо бы сделать более выпуклой любовь Фара к Далиле.

Галиан излишне болтлив, но не думаю, что зритель и читатель поймут его планы.

Текст написан на машинке с поправками. Датируется предположительно.

Речь идет о трагедии Андреева на библейский сюжет. Вплотную к работе над этим произведением Андреев приступил в Риме в 1914 г. («Завтра сажусь работать, пишу новую пьесу для провала — „Самсон в оковах“, — писал Андреев А. П. Алексеевскому 18 марта 1914 г. — ИРЛИ). Говоря о «провале», Андреев подразумевает премьеру «Мысли» в Московском Художественном театре). Пьеса была завершена в 1915 г. Впервые опубликована в сборнике «Эпоха» (кн. 2). М., <1923>.

1916

181. АНДРЕЕВ — ГОРЬКОМУ

«Петроград. Около 10 марта 1916 г.»

Алексею Максимовичу Пешкову

Озабочиваясь о подарке русскому солдату к Пасхе, «Союз городов» устраивает грандиозную лотерею, один из отделов которой, литературный, всецело рассчитан на содействие этому делу русских писателей. Во имя высокой цели укрепления общения между обществом и армией позвольте убедительно просить вас не отказать в вашем, ценном для дела участии, — пожертвованием книг вашего сочинения с автографами, портретов с вашим факсимиле и всего того, что вы сочли бы удобным для общественного розыгрыша. Вы глубоко обязали бы этим тех, кто взял на себя заботу об организации подарка братьям, отстаивающим родину своей грудью, и дали бы им радость сознания непрерывающейся общности с народом.

Ввиду того, что сроки для устройства лотереи крайне близки, не откажите дать ваш отклик в возможно скором времени.

Пожертвования благоволите направлять в «Союз городов», Невский, 21, с неизменным обозначением — «в литературный отдел благотворительной лотереи».

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

Может быть поспособствуешь, Алексей?

Дай книжек твоих, что можешь. Буду очень благодарен и я, и все другие, просившие меня написать тебе.

Привет!

Леонид А н д р е е в

Письмо официальное, на бланке «Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам». Отпечатано на машинке. Обращение: «Алексею Максимовичу Пешкову» написано сверху рукою Андреева, так же как и строки приписки. (Сообщено А. И. Н а у м о в о й.)

Письмо послано Андреевым из больницы д-ра И. Л. Герзони, где он в то время лечился. Датируется по связи с запиской Андреева к А. А. Измайлову от 10 марта 1916 г. посвященной предстоящей лотерее: «Я написал Бунины, Шмелеву, Телешову, Белоусову, Голоушеву, Горькому, Вересаеву и еще один бланк оставил на случай, кого вспомню» (ИРЛИ).

«Союз городов» был организован в августе 1915 г. группой либеральной буржуазии для оказания помощи в санитарном обслуживании и хозяйственном снабжении армии. Эта группа надеялась, что война «до победного конца» предотвратит революцию в России. В июле 1916 г. «Союз городов» объединился с аналогичным Земским союзом в единую организацию — «Земгорсоюз».

Лотерея «Союза городов» состоялась в Петрограде в оперном зале Народного дома 26 марта 1916 г. Отсутствовавшего председателя лотерейной комиссии Андреева заменял Измайлов. Для лотереи Андреев пожертвовал свою написанную пастелью картину (морской пейзаж с лодкой). Горький в лотерее не участвовал (см. «Письмо в редакцию» «Биржевых ведомостей» Андреева и Измайлова с благодарностью участникам лотереи — № 15466, 27 марта).